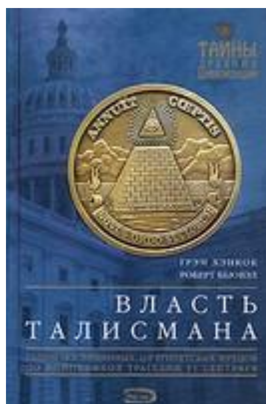
Хэнкок Грэм, Бьювэл Роберт

Власть Талисмана

Тайны посвященных: от египетских жрецов до виновников трагедии 11 сентября

ПРОЛОГ

СВЯЩЕННЫЕ ГОРОДА

ГЛАВА 1

ПОД ПОКРОВОМ ТАЙНЫ

«Праздник «Ладьи Исиды», отмечавшийся в Риме с великой помпой, был известен как Navigium Isidis; после того как ладью спускали на воду, ее возвращали в храм Исиды и возносили молитвы о благоденствии императора, империи и всего римского народа…»

Ф. Ноэль, Dictionaire de la fable, Париж, 1823

«Всем известно, что первоначально Париж располагался на острове (de la Cite). Будучи речным городом, он сделал своим символом ладью и избрал своей богиней-покровительницей Исиду, богиню судоходства; ладья же фактически принадлежала Исиде и была ее символом».

Курт де Гебелин, Monde Primitif analyse et compare avec la monde moderne, Париж, 1773

14 июля 1789 года разъяренная толпа пронеслась по улицам Парижа и взяла приступом огромную тюрьму, известную под названием Бастилия. Меньше чем через полчаса судьба Франции повисла на волоске, и европейская история, казалось, избрала новый, тревожно непредсказуемый курс.

На гравюрах того времени Бастилия изображена грозной прямоугольной крепостью с восемью высокими башнями. Она не выглядит легкой добычей для осаждающих. Построенная в конце XIV века как крепость для защиты восточного Парижа, в XVII веке Бастилия была превращена в мрачную темницу для инакомыслящих. К началу французской революции она прочно закрепилась в общественном сознании как инструмент тирании и мощный символ деспотизма французской короны.

На следующий день после штурма Бастилии предприимчивый местный подрядчик по имени Пьер-Франсуа Палло[1] организовал отряд примерно из 800 горожан, чтобы разобрать ненавистную тюрьму камень за камнем.[2] Работа была проделана так основательно, что через месяц большая часть сооружения превратилась в кучу строительного мусора; уцелела лишь небольшая часть внешней стены и фундамента.

Потом прозвучало странное предложение, которое сначала было воспринято вполне серьезно. Предложение заключалось в том, что камни Бастилии следует сохранить для сооружения копии древнеегипетской пирамиды на этом же месте.[3] Хотя впоследствии проект был заморожен из-за отсутствия средств, основополагающая идея символической связи с Древним Египтом продолжала негласно существовать. Если сооружение пирамиды окажется непосильным, можно будет обойтись чем-то поменьше. Поэтому 10 августа 1793 года группа революционеров провела церемонию открытия большой статуи древнеегипетской богини Исиды на том месте, где раньше возвышалась Бастилия. Статуя, изображавшая богиню, сидящую на троне, с двумя львами по бокам, была задумана Жаком-Луи Давидом, знаменитым художником и яростным революционером. Ей предстояло стать одним из элементов декораций в жутковатом республиканском действе, спешно организованном для того, чтобы отметить дату казни Людовика XVI, состоявшуюся полгода назад, и предстоящее гильотинирование королевы Марии-Антуанетты, которое должно было произойти через два месяца.

У скульпторов Сюзенна и Картелье не хватило времени, чтобы отлить статую в бронзе, поэтому они просто вылепили ее из гипса и выкрасили бронзовой краской.[4] Из обнаженных сосков «богини Исиды» вода струилась в открытый бассейн, расположенный под статуей. Главная идея этого «Фонтана обновления» заключалась в том, чтобы люди проходили перед «Исидой» торжественной процессией и пили «чистый нектар обновления из ее щедрых грудей».[5]

Дехристианизация

Все знают, что философские идеи, особенно таких мыслителей, как Руссо и Вольтер, были частью «закваски», питавшей французскую революцию. Тем не менее трудно объяснить, почему явно религиозный ритуал — такой, как церемония в честь Исиды, описанная выше, — получил официальную поддержку от революционного правительства уже в 1793 году. Более того, проведение ритуала в столь символичном месте, как площадь Бастилии, поднимает интересный вопрос: возможно ли, что духовные и даже «религиозные» убеждения сыграли более значительную роль в подготовке и закреплении тех перемен, которые произошли во Франции после 1789 года, чем это признавалось до сих пор?

К примеру, хотя этот вопрос остается мало исследованным, уже в начале революции стало ясно, что ее главные цели включают не только ликвидацию монархии и радикальный пересмотр общественного и экономического строя, но и другую, гораздо более далеко идущую задачу: искоренение, если не сказать истребление, христианства во Франции. Эта цель была принята в качестве официальной политики зимой 1793 года, через несколько месяцев после «ритуалов Исиды» на площади Бастилии, и привела к началу интенсивной и систематической национальной кампании «дехристианизации».[6] Как подчеркивает французский историк Мишель Вовель, этот, ныне почти забытый, аспект французской революции был не пассивной и непоследовательной попыткой насаждения новых идеалов, а методичным и продуманным мероприятием, осуществляемым с помощью устрашения и насильственных методов.[7]

Откуда взялось это непоколебимое стремление искоренить христианство?

Только ли потому, что революционеры видели в христианстве идеологического соперника, ненавидели и отвергали старинные узы между монархией и церковью? Или у них были другие, более глубинные причины?

Христианский король, обезглавленный культом Высшего Существа

Короли Франции возводили свое происхождение к Меровин — гам, франкской династии V–VIII веков н. э. Нам почти ничего не известно о Меровее, полулегендарном основателе династии, но его сын Хильдерик I является исторической фигурой; он правил салическими франками из своей столицы в Турне около 470 года н. э. В 481 или 482 году Хильдерику наследовал его сын, Хлодвиг I, который объединил почти всю Галлию и обратился в христианство около 496 года.

Хлодвиг умер около 511 года, но династия Меровингов продолжала править на большей части нынешней Франции до 750 года. На смену ей пришла династия Каролингов, завоевавшая громкую славу около 800 года, когда папа Лев III короновал Карла Великого как первого «священного римского императора». Впоследствии все короли Франции считались защитниками римской церкви и поэтому носили титул Rot Trus Chretien, или «христианнейший король». Средневековые короли Франции были настолько благочестивыми, что одного из них канонизировали как святого; это был Людовик IX, герой Крестовых походов, с которым мы встретимся в I части нашей книги.[8]

А пока вернемся в страшные 1793–1794 годы — годы «революционного террора» с вакханалией казней и насилия. Во Франции внезапно и широко распространился совершенно другой религиозный феномен: католические священники стали в массовом порядке «отрекаться» от своего сана,[9] а Конвент (революционное правительство) ввел новый, официально утвержденный культ в церквях и соборах по всей стране. Эта новая религия, иногда называемая «культом Рассудка», но чаще «культом Высшего Существа», была детищем революционного лидера Максимилиана Робеспьера, а в ее учреждении снова принял активное участие художник Жак-Луи Давид.

Трехцветная богиня во фригийском колпаке

Во время уличных представлений в революционной Франции роль «богини Рассудка» обычно исполняла актриса, облаченная в цвета французского триколора (красный, белый и синий) и носившая так называемый фригийский колпак. Этот небольшой красный колпак пользовался большой популярностью у простонародья на раннем этапе революции; его особенно любили носить санкюлоты, самые ревностные революционеры, отправившие на гильотину тысячи людей в Париже и по всей стране.

Фригийский колпак является типичным головным убором двух хорошо известных языческих божеств: богини Кибелы и бога Митры.

Кибела была одной из великих богинь-матерей древности, особенно в Риме, чью «республику» пытались воспроизвести французские революционеры. Как подразумевает ее имя и головной убор, истоки ее культа находятся в древней Фригии (современная Турция). В святилищах Кибелы она обычно изображалась с двумя львами, либо впряженными в ее колесницу, либо стоявшими по обе стороны церемониального трона, использовавшегося высшими жрецами ее культа. Ученые Средневековья и эпохи Возрождения часто отождествляли ее с древнеегипетской богиней Исидой. Таким образом, вряд ли случайно, что

богиня, похожая на Кибелу, так обильно представлена в иконографии французской революции. К примеру, в так называемой Genie de laRepublique, мраморной статуе работы скульптора Жозефа Шинера, созданной после падения Бастилии, «республика» изображена в образе молодой женщины в греко-римском одеянии и во фригийском колпаке.[10]

В странные и страшные 1793–1794 годы так называемый «культ Рассудка» распространился, словно степной пожар, по французским провинциям, сопровождая процесс дехристиани — зации. Стали обычными такие явления, как большие процессии или представления уличных театров, где «богиня Рассудка» во фригийском колпаке торжественно ехала на телеге к ближайшей церкви или собору. Со стороны такие события могут показаться не более чем поводом для совместного пьянства, однако во Франции они имели более серьезный оттенок. К примеру, 7 ноября 1793 года сам епископ Парижский был вынужден Конвентом отречься от своей веры. Три дня спустя, 10 ноября, в его соборе было организовано большое празднество в честь альтернативного «культа Рассудка».

В разгар торжеств некая мадемуазель Обри, красивая популярная актриса, в синей тунике с белой вуалью и во фригийском колпаке появилась из «храма», посвященного «философии», и была усажена на трон под общее ликование собравшихся. Затем процессия двинулась к Конвенту, где гражданин Шабо — пылкий революционер и один из создателей нового культа — постановил, что с этих пор парижский собор Нотр-Дам, старейший и наиболее почитаемый христианский собор во Франции, становится «храмом Рассудка». Впоследствии там состоялось несколько церемоний, где роль «богинь» играли разные парижские красавицы, в том числе мадемуазель Молар, мадемуазель Лакомб и мадемуазель Моморо.[11]

Обелиск и картина

В 1813 году, через 26 лет после штурма Бастилии, мощный культурный и общественный импульс французской революции внезапно был прерван поражением Наполеона. Воспользовавшись моментом, изгнанный граф Прованский Людовик-Станислас — Ксавьер, младший брат Людовика XVI, пообещал французскому народу, что он сохранит некоторые завоевания революции в новой форме монархии. Затем по совету блестящего государственного деятеля Талейрана он вступил в Париж в мае 1814 года, где был принят с распростертыми объятиями уставшими от войны французами и после бурных торжеств возведен на трон под именем Людовика XVIII.[12]

Людовик XVIII правил в течение десяти лет. Он был франк масоном. После его смерти в 1824 году на трон вступил его брат, граф д'Артуа (тоже франкмасон), который взял себе имя Карл X. Оба монарха выказывали явное предпочтение древнеегипетской символике в своей общественной деятельности; два проекта Карла X особенно интересны в этом отношении. Первый был связан с транспортировкой в Париж сохранившегося древнеегипетского монумента, а второй — с заказом огромной картины для Лувра.

Обелиск

В 1827 году Жан-Франсуа Шампольон (которого окрестили «отцом современной египтологии» за блестящую расшифровку древнеегипетских иероглифов) получил заказ от Карла X для организации транспортировки в Париж одного из двух египетских обелисков, стоявших в Александрии, возраст которых составлял 3500 лет.[13]

Обелиск предполагалось установить на площади Согласия — почитаемом месте, имевшем огромное личное значение для Карла X. Первоначально площадь была названа в

честь его отца, Людовика XV, конная статуя которого некогда красовалась в ее центре, но статую свергли и разрушили во время революции 1789 года, а Конвент переименовал это место в «площадь Согласия». Здесь была воздвигнута гильотина, обезглавившая Людовика XVI в январе 1793 года, а Марию-Антуанетту — в октябре того же кровавого года. Можем ли мы предположить, что установка обелиска предназначалась для того, чтобы увековечить идею возрожденной и восстановленной монархии с древним солнечным символом божественных царей Египта, словно Феникс, восставшим в центре французской столицы?

Картина

Вторым достойным упоминания проектом Карла X было обращение к художнику Франсуа-Эдуару Пико с предложением украсить потолок его личного музея в Лувре «египетскими» мотивами.

Пико, как и многие другие видные художники того времени, обучался под руководством Жака-Луи Давида. Поэтому не стоит удивляться, что ту самую «Исиду» можно найти на картине Пико, выполненной по заказу Карла X.

Это огромное полотно, по-прежнему украшающее потолок Лувра, было завершено в 1827 году. Его размеры составляют примерно 4 х 5 м. Она называется LEtude et le Genie devoilent a Athenes VAntique Egypte («Ученость и Гений открывают Древний Египет для Афин»). Над сценой главенствует фигура Исиды, сидящей на троне, со львами по обе стороны от нее (как и статуя Исиды работы Давида, стоявшая на площади Бастилии). Внимание зрителя, однако, сразу же обращается к небу над головой богини, где можно видеть двух летящих ангелов, «раскрывающих» тайны Исиды.

Мы можем увидеть смутно знакомый ландшафт, содержащий на далеком расстоянии группу пирамид и обелиск, на который бросает свой благосклонный взор Исида. Из облаков рядом с ангелами появляется греческая богиня Афина; сова у ее ног символизирует мудрость и посвящение в таинство. Слева от Афины парит крылатая богиня с лавровым венком, символизирующим «ученость» (LEtude). Справа от Афины изображен так называемый Genie de Paris — обнаженный крылатый юноша, поднимающий факел, чтобы осветить для Афины сцену с египетским ландшафтом.

После отречения Карла X в 1830 году новым правителем Франции стал Людовик-Филипп I. Известный как король-гражданин, он заказал памятник в честь Trois Glorieuses — Трех дней (26, 27 и 28 июля 1830 года), ознаменовавших Вторую французскую революцию. Этот монумент, завершенный в 1836 году, представляет собой высокую колонну, воздвигнутую на площади Бастилии на том самом месте, где Давид поставил свою статую Исиды в августе 1793 года. На вершине колонны находится почти точная копия крылатого юноши с факелом, изображенного на картине Пико в Лувре.

Копия или совпадение?

Давайте представим, что мы находимся в современном Париже, летим на вертолете над колонной Бастилии и взгляд наш обращен на запад — туда же, куда смотрит Gertie de Paris. Мы пролетаем над одним из старейших и красивейших районов города. Под нами находятся некоторые из наиболее впечатляющих зданий и монументов, которыми Париж поражает гостей. Слева проходит бульвар Генриха IV, спускающийся к реке Сене. Сама река течет приблизительно с востока на запад и, таким образом, совпадает с нашей линией зрения, а за бульваром Генриха IV виден старый мост Салли, изгибающийся над восточным краем острова Св. Людовика со знаменитым аббатством, которое носит такое же название. Западная

оконечность островка связана пешеходным мостом со значительно более крупным островом Ситэ, где высится знаменитый собор Нотр-Дам и стоит величественный Дворец Правосудия.

По другую сторону Сены расположена высокая колокольня аббатства Сен-Жермен; последняя, как мы вскоре убедимся, некогда была святилищем, посвященным богине Исиде. Однако все эти чудеса меркнут, когда мы обращаем взор на запад вместе с Genie de Paris, где перед нами разворачивается самый завораживающий городской ландшафт в Европе. Параллельно Сене на запад тянется Рю-де-Риволи, ведущая к церкви Сен-Жермен Л'Осэр, старейшей в Париже, где традиционно крестили королей Франции. Сразу же за церковью виднеется крабовидное здание Большого Лувра, возможно, самого удивительного музея в Европе и до 1663 года главной резиденции французских королей.

Однако на этом осмотр не заканчивается. В наши дни внушительная стеклянная пирамида, построенная по распоряжению президента Миттерана в честь 200-летнего юбилея Французской республики в 1989 году, возвышается, как огромный алмаз, в луврском Cour Napoleon. Эта на первый взгляд неуместная пирамида очерчивает открытое пространство в западном направлении и открывает вид на наполеоновскую Карусельную арку в безупречно ухоженные сады Тюильри. Следуя дальше в этом направлении, мы попадаем на широкий и абсолютно прямой проспект Елисейские Поля — становой хребет Парижа, некогда известный под названием Axe historique, или «историческая ось». Отсюда невозможно не увидеть высокий египетский обелиск, тянущийся к небу посреди площади Согласия у начала Елисейских Полей. Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что весь план, который мы можем наблюдать с вершины колонны Genie de Paris, имеет странное и поразительное сходство с планировкой и общей схемой, обозначенной на картине Пико. Если мы тщательнее изучим его картину и попытаемся представить себя рядом с другим крылатым Genie de Parisy парящим над таинственным египетским ландшафтом, изображенным на шедевре Пико, кое-что сразу же становится ясным. Обелиск и различные пирамиды не только обозначают центральную ось картины, но, если наложить их на план Парижа, соответствуют обелиску на площади Согласия и пирамиде Лувра, обозначающим центральную, или «историческую», ось города.

Решение Карла X послать Шампольона в Египет за обелиском было принято в 1826–1827 годах, когда Пико трудился над созданием своего шедевра в Лувре. Мы знаем также, что Пико принимал деятельное участие в обустройстве Египетского музея Карла X в Лувре и что он, почти несомненно, был посвящен в обсуждение, связанное с перевозкой и установкой обелиска. Таким образом, хотя обелиск занял свое место на площади Согласия лишь в 1836 году, легко понять, почему художник разместил обелиск на своей картине 1827 года как раз в нужном месте.

Гораздо труднее объяснить связь между пирамидами, изображенными Пико, и стеклянной пирамидой, которую мы можем видеть в центре Парижа. Дело в том, что эта пирамида является современным произведением и была воздвигнута архитектором И. М. Пэем в 1984 году — за 20 лет до того, как мы приступили к работе над этой книгой.

Спрашивается, каким образом Пико мог предвидеть сооружение стеклянной пирамиды? Или, если обратиться к конспиро — логии, не является ли картина 1827 года указанием на существование некоего оккультного плана для Парижа, осуществлявшегося более 150 лет? Или тот факт, что египетский ландшафт, открывающийся на картине, был воспроизведен в архитектуре Парижа, является лишь вопиющим совпадением?

Стояли ли масоны за французской революцией?

Итак, в 1789 году французские революционеры предложили воздвигнуть пирамиду на месте Бастилии, и Пико определенно должен был знать об этом. Судя по всему, он знал и о ряде других грандиозных «пирамидальных» проектов, планировавшихся до и после революции, но так и не осуществившихся из-за нехватки средств.

К примеру, существовал план строительства в Париже внушительной пирамидальной гробницы в честь Исаака Ньютона, который был героем Просвещения и, следовательно, воплощением революционных идеалов. План «пирамиды», задуманный французским архитектором Жозеф-Жан-Паскалем Гэем в 1800 году, включал громадную обводную стену с четырьмя воротами по образцу храмов в Карнаке (Верхний Египет) и аллею со сфинксами, ведущую к главному монументу.[14]

Различные планы пирамид были предложены и архитектором Этьеном-Луи Буле. На одном из его сохранившихся набросков изображена группа пирамид, очень напоминающая пирамиды на картине Пико, где они видны сквозь облачную дымку и с отсутствующими замковыми камнями.[15] Историк Жан Старубински в своем исследовании эмблем и символов революции 1789 года объясняет, что «язык революции был насыщен символами». Старубински также говорит о настроении, владевшем умами архитекторов перед началом революции, — о новой потребности использовать основные геометрические формы (кубы, сферы, пирамиды) в монументальном масштабе, чтобы превратить Париж в некое подобие «утопического города».

«Существовала потребность создавать образы идей и составить план идеального города. Этот город, как и все другие утопические города, должен был управляться простыми и строгими геометрическими законами… Все величественные архитектурные замыслы, соответствовавшие простым принципам геометрии и представленные в виде проектов, остались неосуществленными. Хотя гармоничный город новой эпохи… существовал в альбомах некоторых архитекторов задолго до штурма Бастилии… у революции не было ни времени, ни средств, ни, возможно, смелости для реализации этих великих градостроительных проектов…»[16]

Но почему утопическое видение Парижа было наделено чертами Древнего Египта? Откуда взялись пирамиды и псевдоегипетский ландшафт? Откуда появились эти странные идеи и кто их пропагандировал?

Одержимость египетской символикой архитектуры и особенно геометрии вновь предполагает влияние масонства. Мнения специалистов по этому вопросу разделились. Десятки историков утверждают, что масоны действительно играли важную роль в событиях французской революции, но, с другой стороны, многие придерживаются мнения, что она не имела почти ничего общего с масонством. Это состояние вещей хорошо подытожил французский историк Ж Годешо:

«Существует целый литературный жанр, не выказывающий признаков угасания, в котором ответственность за события французской революции, особенно за дни 1789 года, приписывается герцогу Орлеанскому [первый гранд-мастер ложи Великого Востока, верховного органа французского масонства]. Согласно этой литературе, именно герцог Орлеанский несет ответственность за мятежи французского восстания и события 14 июля, ночи 4 августа и нескольких дней октября. Герцог, безусловно, попытался извлечь выгоду из этих событий, но весьма сомнительно, чтобы он послужил их причиной. Так или иначе, если он играл в эту игру, его усилия оказали лишь слабое влияние по сравнению с гораздо более мощными силами, подталкивавшими народные массы во Франции и даже во всем западном мире к началу революции…»[17]

Истина заключается в том, что никакой историк, несмотря на глубину и масштаб своих исследований, не может по-настоящему понять, какие силы, явные или оккультные, подтолкнули французский народ к революционному мятежу против монархии и церкви в 1789

году. Такие силы по определению не поддаются точной и недвусмысленной интерпретации. Сходная проблема возникает при попытке перечислить все силы, стоящие за Крестовыми походами Средневековья или за массовым уничтожением людей в концлагерях нацистской Германии, — впрочем, как и те силы, которые ввергли Соединенные Штаты в войну с терроризмом в начале XXI века. Ни одну силу, тайную или явную, нельзя считать единственной причиной любого из этих событий; скорее можно говорить о «консолидации» сил в каждом конкретном случае.

Что касается французской революции, ясно, что одной из ее главных движущих сил было ужасающее угнетение народа и злоупотребление властью со стороны монархии, однако ни один историк не будет отрицать, что в конце XVIII века во Франции существовало мощнейшее философское и интеллектуальное течение, оказавшее влияние на поведение ключевых фигур французской революции, таких, как Робеспьер, Дантон и Марат, наряду с деятелями искусства, такими, как художник Жак-Луи Давид и скульптор Жан-Антуан Гудон. На этом этапе нашего исследования масонство остается лишь одним из источников этого течения.

Тем временем в Америке завершилась другая революция, которая произошла на 10 лет раньше французской. Там тоже можно без труда определить мощное философское и интеллектуальное течение, овладевшее умами лидеров, таких, как Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Томас Пэйн и Джордж Вашингтон.

Здесь уже в буквальном смысле происходило создание утопического города в соответствии с эзотерическим планом, значительно более явным, чем план Парижа.

Франклин, масонство и революция

То, что масонские принципы и идеология оказали значительное влияние на американскую революцию, или Войну за независимость, является общепринятым тезисом. Существует несколько хороших работ на эту тему,[18] оставляющих мало сомнений в том, что масонство было одной из движущих сил американской революции и имело тесные связи с республиканским движением. Менее известен факт существования очень тесной связи между французскими и американскими масонскими ложами того времени.

Неясно, существовало ли масонство в Северной Америке до учреждения Объединенной Великой ложи в 1717 году; самые ранние сохранившиеся сведения об официальных масонских ложах в Америке относятся к Бостону и Филадельфии в начале 1730-х годов.[19] Распространение масонства в Америке происходило через так называемые «военные ложи», и в канун Войны за независимость к 1775 году оно приобрело чрезвычайную популярность в офицерской среде и у местной аристократии.

Одним из первых американских масонов был Бенджамин Франклин, который прошел посвящение в феврале 1731 года и стал мастером ложи Св. Иоанна в Филадельфии, где он «составил старейший черновик правил поведения для членов до сих пор действующей американской ложи».[20] Франклин, основавший «Пенсильвания газетт» в 1729 году, также известен в масонских кругах как составитель первой в Америке статьи, посвященной вопросам масонства (декабрь 1730 г.).[21]

В те дни масонские общества в Америке находились под управлением английской Объединенной Великой ложи, назначавшей гранд-мастеров провинций в разных регионах СевероАмериканского континента.

В 1749 году Франклин был назначен гранд-мастером провинции Пенсильвания. Блестящий интеллектуал и политик, но, самое главное, хитроумный провокатор, Франклин

стал ключевой фигурой американского мятежа против Британии и, разумеется, одним из самых прославленных «отцов-основателей» Соединенных Штатов.

В юности и в зрелом возрасте Франклин трижды побывал в Англии и провел там в общей сложности 17 лет, с 1724 по 1726-й, с 1757 по 1762-й и с 1765 по 1775 год. Никто не отрицает, что в течение этих длительных периодов он предпочитал завязывать дружеские отношения с влиятельными франкмасонами и радикальными интеллектуалами. Каждый раз, возвращаясь в Америку, он подстрекал мятежные настроения против британского колониального владычества — до такой степени, что Тайный совет в Лондоне счел необходимым вызвать его и строго предупредить о недопустимости такого поведения.

Именно Франклин, будучи в Англии, ратовал за отмену так называемого «печатного налога», введенного Британией в американских колониях (по нему колонисты должны были выплачивать определенную сумму за удостоверение всех юридических документов и сделок). Франклину удалось перехватить ряд писем Томаса Хатчинсона, британского губернатора Массачусетса, в которых он с большой враждебностью говорил о нескольких видных американских политиках. Франклин отправил копии этих писем своим друзьям в Америку, которые опубликовали их, вызвав такую бурю негодования, что британцам пришлось отменить «печатный налог» для того, чтобы разрядить ситуацию.

Весной 1775 года Франклин, ощущавший усиливавшееся давление в Англии, решил, что пора вернуться в Америку. Он прибыл туда 5 мая. Пока он находился в море, между британцами и американскими революционными войсками в Лексингтоне и Конкорде 19 апреля 1775 года разразился вооруженный конфликт.

По прибытии в Пенсильванию Франклин сразу же был назначен делегатом Второго Континентального Конгресса — органа, которому вскоре предстояло стать Конгрессом Соединенных Штатов Америки. Другими недавно назначенными членами были Томас Джефферсон и Джордж Вашингтон. Одним из первых решений Конгресса, принятым 15 июня 1775 года, было назначение Вашинггона главнокомандующим революционными вооруженными силами.

В 1775 году Вашингтону исполнилось 43 года, а Франклину — 65 лет. Как и Франклин, Вашингтон был франкмасоном. Он был посвящен в братство в 1752 году в Фридриксбурге (штат Виргиния), а в следующем году получил степень мастера.[22] В то время президентом Конгресса был избран Джон Хэнкок, богатый джентльмен из Гарварда. Он тоже являлся видным франкмасоном и впоследствии имел честь стать первым человеком, подписавшим Декларацию независимости от 4 июля 1776 года. В 1776 году Конгресс решил направить во Францию комиссию с целью заручиться военной и финансовой поддержкой в войне с Британией. Франклин был членом этой комиссии, состоявшей из трех человек; он прибыл в Париж незадолго до Рождества 1776 года. Хотя в то время Франция не находилась в состоянии войны с Англией, она считалась ее естественным противником и, следовательно, сочувственно относилась к делу американской революции.

Франклин сразу же завязал дружеские отношения с видными представителями французской элиты, особенно с франкмасонами. Для французов он был олицетворением безыскусного благородства Нового Света и быстро стал любимцем французского общества и героем для интеллектуалов и военного дворянства. Появился даже некий «культ Франклина»: его портрет можно было видеть повсюду — от коробочек для нюхательного табака до цветочных ваз. Художники, интеллектуалы и дамы из высшего света искали его общества, его дом кишел шпионами и осведомителями.

Франклин вступил в тайные переговоры с графом де Верже — ном, министром иностранных дел при дворе Людовика XVI. Эти переговоры продолжались несколько лет, и в 1778 году были подписаны мирные договоры, согласно которым Франция обязалась оказывать военную и экономическую поддержку делу революции в Америке.

Тем временем в Париже Франклин преследовал свои общественные и интеллектуальные интересы, вступив в известную масонскую ложу «Девяти сестер».[23] Эта знаменитая ложа была основана в 1776 году Жозефом Лаландом и аббатом Кордье де Сен-Фермином, крестным отцом Вольтера. В том же году в Америке была подписана Декларация независимости, и Франклин занимал самый высокий пост среди тех, кто поставил под ней свою подпись. Лаланд был самым уважаемым астрономом во Франции и имел большое влияние в интеллектуальных кругах Парижа.

Ложа «Девяти сестер»

Ложа «Девяти сестер», названная в честь девяти муз из греческой мифологии, фактически была преемницей более старшей ложи — Les Sciences, основанной Лаландом в 1766 году вместе с философом и математиком Клодом Гельвецием. Гельвеций был ревностным поборником атеизма; его политические и философские идеи оказали значительное влияние на революцию 1789 года. После смерти Гельвеция в 1771 году его жена Анна — Катерина объединила свои усилия с Лаландом и с Сен-Фермином для создания ложи «Девяти сестер». Ее собственный элитный салон на Рю Сен-Анн в Париже славился по всей Европе и даже получил название «генерального штаба европейской философии».[24] Другой ее салон в Отейле в окрестностях Парижа поддерживал тесные связи с ложей «Девяти сестер».[25]

Неудивительно, что Франклин был регулярным посетителем салона мадам Гельвеций. Другим частым гостем был маркиз де Лафайет, молодой офицер французской армии. Лафайет принадлежал к масонской ложе Le Contrat Social, связанной с другими видными ложами во Франции. Среди них выделялась ложа La Societe Olimpique, в которой состояли многие молодые офицеры, такие, как граф де Шамбрен, граф де Грассе, граф д'Эстен и буканьер Джон Пол Джонс. Все они несколько лет спустя сражались на стороне Америки.[26]

В 1779 году Франклин стал достопочтенным мастером ложи «Девяти сестер». Ранее, в 1778 году, ему оказали высшую честь быть содействующим в инициации 84-летнего Вольтера. Утверждается, что престарелого Вольтера поддерживали под руки Франклин и Курт де Гебелин, француз швейцарского происхождения, которого считают изобретателем современного эзотерического Таро.[27]

В апреле 1777 года дипломат Силеас Дин, агент Франклина в Париже, сумел заручиться поддержкой юного маркиза де Ла — файета, которому тогда было лишь 19 лет, и отправить его в Америку служить под началом Вашингтона.[28]

Таким образом, имеются обильные свидетельства деятельно сти масонов во Франции, направленные на поддержку американской революции, сосредоточенные вокруг Франклина и ложи «Девяти сестер». Эти свидетельства красноречивы, но не позволяют нам прийти к выводу, что ложа «Девяти сестер» и/или франкмасоны в целом стояли за массовыми волнениями в Париже 14 июля 1789 года, которые закончились штурмом Бастилии и всеобщей революцией.

Однако подозрения остаются. Как объясняет французский историк Бернар Фэй:

«Революционный порыв, революционные лидеры, средства для революции — все это в первые два года поступало от привилегированных классов. Если бы герцог Орлеанский, Мирабо, Лафайет, члены семьи Ноэль, Ларошфуко, Бульон, Ланет и другие либеральные вельможи не поступились бы своим дворянством, чтобы присоединиться к революционным массам, революционеры были бы лишены того преимущества, которое позволило им восторжествовать с самого начала. Но все эти вельможи, поспешно вставшие под знамена новых идей — хотя в конце концов они потеряли свое состояние, свое положение в

обществе, свои звания и даже свою жизнь, — были франкмасонами, и мы не можем приписать это воле случая, если не будем игнорировать факты».[29]

Неудивительно, что Бернар Фэй тоже рассматривает ложу «Девяти сестер» как центр деятельности, характеризовавшей первые годы французской революции. Эта ложа, как нам известно, стала убежищем не только для нескольких ключевых фигур французской революции и «братской» революции в Америке, но также для писателей, политиков, художников и скульпторов, пользовавшихся своими талантами, чтобы воспевать республиканские добродетели в своих трудах и художественных произведениях. «Очевидно, — пишет масонский историк Жан-Андре Фонте, — что франкмасоны, которые внесли свой вклад в крушение монархии и успех революции, были очень многочисленны».[30]

Другим предполагаемым членом ложи «Девяти сестер» был блестящий оратор, юрист и политик — самоучка Жорж-Жак Дантон. Многие ученые считают, что он сыграл ключевую роль в ниспровержении французской монархии и в создании первой республики в сентябре 1792 года. Он также был основателем печально знаменитого Club Des Cordeliers — ультрарадикального революционного общества, официально известного под названием «Общество друзей прав человека и гражданина».

Робеспьер и культ Высшего Существа

Дантон был одним из членов так называемого Триумвирата, соперничавшим за власть над республикой с двумя другими революционными лидерами, Робеспьером и Маратом (последний был масоном). У нас нет убедительных доказательств, что Робеспьер тоже был масоном, однако его интеллектуальные идеалы и одержимость «добродетелями», а также пропаганда культа Высшего Существа свидетельствуют о масонском влиянии.

В масонстве Бога часто называют «Великим Архитектором Вселенной». Его символом является либо пятилучевая звезда, внутри которой изображена буква G, либо сияющая пирамида (треугольник) с начертанным на ней всевидящим оком. Этот символ до сих пор можно видеть на Декларации прав человека 1789 года.

Английские масоны пошли особенно далеко в этом отношении, утверждая, что вера в Высшее Существо является необходимым условием членства в масонской ложе.[31] Так, в официальном заявлении «Совета общих целей», ратифицированном Объединенной Великой ложей в Лондоне, утверждалось:

«Совет уделил самое пристальное внимание этому вопросу, будучи убежденным в том, что он представляет основополагающее значение для репутации и благополучия английского масонства и что здесь не должно существовать никаких недомолвок и разночтений. Мы однозначно утверждаем, что масонство не является ни религией, ни религиозным суррогатом… С другой стороны, его основное требование, согласно которому каждый член ордена должен верить в Высшее Существо и выполнять свой долг перед Ним, должно быть достаточным доказательством Для всех, кроме злонамеренных и предубежденных людей, что масонство поддерживает религию, так как оно требует от человека религиозной веры прежде, чем его могут признать масоном…»[32]

Это утверждение фактически извлечено из конституции франкмасонства, составленной в 1723 году, где в статье под заголовком «О Боге и религии» есть следующее утверждение: «Невзирая на вероисповедание человека или форму его религиозного служения, он не может быть исключен из Ордена при условии, что он верит в Великого Архитектора Вселенной…»[33]

Термин «Высшее Существо» широко используется в справочной литературе об Объединенной Великой ложе, в официальной брошюре которой, к примеру, говорится, что «члены должны верить в Высшее Существо, но нет отдельного масонского Бога».[34] В других масонских памфлетах обильно используется термин «Великий Архитектор Вселенной». Очевидно, что между терминами «Великий Архитектор Неба и Земли», «Великий Архитектор Вселенной» и «Высшее Существо» не проводится никаких различий. Все они считаются уместными и взаимозаменяемыми эпитетами для масонской идеи «Бога».

Принимая во внимание, что ключевые фигуры французской революции были масонами (включая членов Триумвирата Дантона и Марата), и учитывая терминологию, используемую Робеспьером для описания его республиканского культа, трудно не прийти к выводу, что его Высшее Существо было аналогично масонскому Великому Архитектору Вселенной. Историк Мишель Вовель, эксперт по культам французской революции, уверенно отождествляет Высшее Существо Робеспьера с Великим Архитектором франкмасонов.[35]

Руссо и contrat social

Хорошо известно, что Робеспьер находился под большим влиянием работ Жан-Жака Руссо (1712–1778), писателя и философа, чей Contrat Social (политический трактат, где восхвалялись добродетели общественного равенства и человеческого достоинства) заложил основы для Декларации прав человека, естественной преемницы американской Декларации независимости.

Хотя Руссо не был масоном, французские масоны восприняли многие его философские и политические идеи как откровение. Одна из наиболее важных и влиятельных дореволюционных масонских лож, La Loge du Contrat Social, была названа в его честь. Следует помнить, что Вольтер и Руссо считались (и по — прежнему считаются) интеллектуальной движущей силой французской революции. Было бы натяжкой утверждать, что они послужили ее причиной, но можно с уверенностью говорить, что они заложили ее нравственные устои.

Поэтому и неудивительно, что двумя самыми важными масонскими ложами во Франции перед революцией 1789 года были ложи «Девяти сестер» и Contrat Social Первая была связана с Вольтером и его крестным отцом, а вторая — с политическим шедевром Руссо, носившим такое же название. Именно в этих ложах собирались многие будущие герои французской и американской революций.

Ложа Contrat Social была основана в Париже в 1776 году одновременно с ложей «Девяти сестер». Первоначально носившая название La Loge Saint-Lazare, она взяла на себя функции более старой ложи под названием La Loge Saint-Jean d'Ecosse со штаб — квартирой в Авиньоне. Последняя была «материнской ложей» Философского Шотландского Обряда, предтечи одного из элитных орденов франкмасонства, так называемого Шотландского Обряда, известного еще как Верховный Совет Тридцать Третьей Степени.[36]

Пользовавшаяся почти такой же популярностью, как ложа «Девяти сестер», ложа Contrat Social набирала в свои ряды лучших представителей либерального дворянства, интеллектуалов и военных. С ее разрешения по всей Франции были учреждены другие ложи, самыми известными из которых были ложи La Loge Saint-Alexandre dEcosse и LOlympique de la Parfaite Estime.[37] Название Contrat Social фактически было выбрано одним из ближайших друзей Жан-Жака Руссо, бароном д'Астером,[38] который наряду с Робеспьером и многими другими революционными интеллектуалами практически обожествлял Руссо. В апреле 1794 года Робеспьер даже распорядился об эксгумации тела Руссо и его перезахоронении в парижском Пантеоне рядом с другими национальными героями.[39]

Культ Создателя

Культ Верховного Существа, введенный Робеспьером, был официально учрежден во Франции 7 мая 1794 года, примерно через год после обезглавливания Людовика XVI. К тому времени процесс дехристианизации уже набрал обороты: священнослужители в массовом порядке отрекались от своей веры, и многие христианские церкви и соборы превращались в «храмы» нового религиозного культа.

Несмотря на свои непримиримые антиклерикальные позиции, Робеспьер не был атеистом. Он должен был представить Конвенту доклад о «принципах политической морали, которые должны направлять Конвент в управлении внутренними делами республики». В этом докладе он утверждал, что «идея Высшего Существа и бессмертия души постоянно напоминает о Правосудии, таким образом, она является общественной и республиканской».[40]

Конвент вскоре согласился, объявив в своем декрете: «Французский народ признает существование Высшего Существа и бессмертия души».[41]

Робеспьер, которого называли «деистом по образцу Руссо»,[42] твердо верил, что подлинной основой нового демократического государства должна быть природная религия, внутренне присущая человеческому состоянию и способная укоренить добродетели народа в «вечной и священной основе».[43] Предполагалось, что культовые обряды будут состоять из празднеств и собраний в течение всего года — Робеспьер хотел учредить 36 праздников,[44] посвященных важным событиям революции (таким, как день 14 июля), а также различным сущностям и понятиям, таким, как Высшее Существо, Природа, Свобода и Равенство, и наконец «самым полезным человеческим добродетелям», таким, как Истина, Патриотизм и т. д.

Согласно культу Робеспьера, старый григорианский календарь был отвергнут и заменен «республиканским» календарем, в котором месяцы получили «природные» названия. Этот новый календарь был разделен на 36 декад по 10 дней каждая; в результате продолжительность года составляла 360 дней, к которым добавлялись пять «дополнительных» дней в честь «добродетели, гения, труда, мнения и вознаграждения».[45]

Довольно странно, что этот республиканский календарь был сформирован по образцу древнеегипетского солнечного календаря, который делился на 36 деканов по 10 дней, к которым прибавлялись пять дополнительных дней в честь добродетелей Осириса, Исиды и других божеств.

Лаланд и Сириус

Разработка республиканского календаря была поручена Шарлю-Жильберу Ромму, уважаемому математику и президенту Комитета общественного обучения. Согласно масонскому историку Шарлю Самнеру Лобинье, Ромм был видным масоном и членом ложи «Девяти сестер».[46] В технических вопросах ему помогали математик Гаспар Монж и астроном Жозеф-Луи Лагранж Монж тоже был ревностным масоном и видным членом ложи «Девяти сестер», в свою очередь основанной астрономом Жозефом Лаландом, служившим директором парижской обсерватории с 1768 года.

Лаланд и астроном-историк Шарль Дюпюи входили в состав комиссии, учрежденной Роммом для создания нового республиканского календаря. Дюпюи твердо верил, что все религиозные представления происходят из Древнего Египта и, в частности, что Париж каким-то образом связан с египетской богиней Исидой. Мы еще вернемся к этому впоследствии, а пока что обратимся к Дэвиду Овасону, который в своей увлекательной книге «Тайный Зодиак

Вашингтона» делает удивительное замечание о Лаланде во время церемонии прощания с Вольтером в ложе «Девяти сестер» в ноябре 1778 года:

«Французский астроном Жозеф Лаланд, привыкший стоять в темноте во время наблюдений за звездами, вероятно, думал только об одной звезде, когда он стоял в темной парижской комнате 28 ноября 1778 года. Будучи мастером ложи «Девяти муз» [сестер], Лаланд вместе со своими братьями [одним из которых был Бенджамин Франклин] оплакивал смерть писателя Вольтера… Среди символов, охраняемых двадцатью семью членами братства, была пирамида… Когда Лаланд смотрел на пирамиду, его мысли, почти несомненно, обратились к Сириусу. Как астроном, выказывавший большой интерес к звездным ориентировкам, он не мог не знать о важном значении, приписываемом этой звезде древними народами. Лаланд знал, что если сами египетские пирамиды не были ориентированы на Сириус, то его положение на небосводе учитывалось в конструкции многих египетских храмов и он управлял распорядком египетского календаря. В своем четырехтомном исследовании звездного фольклора Лаланд перечислил шесть разных названий Сириуса и с замечательной точностью вычислил его положение в 1750 году. Его интерес был почти личным: он должен был знать, что в его со0ственном гороскопе Солнце и Меркурий были расположены по обе стороны от этой могущественной звезды».[47]

Овасон также указывает, что Лаланд, глубоко восхищавшийся Вольтером, вполне мог быть знаком с его книгой «Микромегас», изданной в 1752 году. В этом любопытном фантастическом сочинении Вольтер помещает родину своего героя на Сириусе и пророчески упоминает о существовании спутника этой звезды — факт, подтвержденный лишь в 1844 году прусским астрономом Фридрихом Бисселом.[48] Древние египтяне отождествляли Сириус с богиней Исидой, и Лаланд опять-таки должен был знать об этом.[49] Действительно, Лаланд и Дюпюи так интересовались Исидой, что один из их коллег по Французской академии наук в сердцах заметил: «M. M. Dupuis et de Lalande voient Isis pas-tout! [Господа Дюпюи и Лаланд повсюду видят Исиду!]»[50]

Монж, Исида и Осирис

Стоит упомянуть о другой связи между Египтом и республиканским календарем. Математик Гаспар Монж, работавший над механизмом календаря, был ревностным египтологом-любителем. Благодаря своей близкой дружбе с Наполеоном Бонапартом, которого он сопровождал в путешествии в Египет в 1798 году, он основал Institut d’Egipte [Египетский институт] в Париже. Как и многие масоны того времени, Монж считал, что масонские ритуалы зародились в Древнем Египте, а современные франкмасоны унаследовали египетскую тайную систему инициаций и символического языка. Даже в наши дни, по замечанию одного масонского историка, «франкмасоны считают, что масонское братство многое почерпнуло из таинств Египта эпохи фараонов, именно поэтому они обращаются к Осирису и Исиде как к символам высшей сущности и вселенской природы…».[51]

Празднества и иконография

Первое официальное празднество в честь Высшего Существа по новому республиканскому календарю произошло 8 июня 1794 года.

В центре мероприятий, организованных близким другом Робеспьера, художником Жаком-Луи Давидом, находился огромный амфитеатр в садах Тюильри перед Луврским дворцом. Там прихожане собрались послушать проповедь, произнесенную Робеспьером в

честь Высшего Существа. В конце проповеди Давид устроил драматическое сожжение статуи из мешковины — ткани, символизировавшей «атеизм», из которой, словно Феникс из пламени, появлялась каменная статуя, символизировавшая «мудрость».

Потом хор парижской оперы пропел: «Отец вселенной, высший разум, благодетель, не известный смертным! Ты откроешь свою сущность тем, кто воздвигает алтари в твою честь».[52]

«Теми, кто воздвигал алтари», разумеется, были республиканцы, а в данном случае алтарь оказался массивной искусственной горой (историк Джин Керисель называет его «пирамидой») в центре Шамп-де-Марс, где ныне стоит Эйфелева башня.[53] Представители 48 парижских округов, а также члены Конвента во главе с Робеспьером приблизились к горе/пирамиде и поднялись по ее склонам. Затем Робеспьера подняли на вершину рядом с символическим «древом свободы» под патриотические гимны, распеваемые хором парижской оперы.

Позвольте отметить, что в иконографии французской революции всевидящее око, или «бдительный глаз», часто изображалось над «древом свободы», тогда как в других случаях оно изображалось внутри сияющего треугольника или пирамиды, очень похожей на символ, который можно видеть в наши дни на американской однодолларовой банкноте. Этот символ фактически первоначально предназначался для так называемой Великой Печати США в 1776 году комитетом с участием Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона.[54] Этот символ также появился в 1780 году на фронтисписе Декларации прав человека, составленной маркизом де Лафайетом, близким другом Франклина и Джефферсона. Он явно представляет Высшее Существо французских республиканцев и по аналогии масонского Великого Архитектора Вселенной, также изображенного в виде пирамиды с всевидящим оком, или «глазом провидения». На одном пропагандистском плакате, сохранившемся после революции 1789 года, всевидящее око изображено над словами Etre Supreme, т. е. Высшее Существо, что подтверждает связь между двумя понятиями.[55] На этом плакате глаз находится не внутри пирамиды, а в солнечном диске, окруженном золотыми лучами света со словами «народ» и «республика». В нижней части плаката изображены две фигуры: слева престарелый Вольтер, справа Жан-Жак Руссо, два интеллектуальных вдохновителя революции.[56]

Такая иконография и риторика наводят на мысль о попытке пропаганды некоей разновидности деистской/масонской «религии» в качестве альтернативы христианству. Как отмечает британский историк Найджел Астон в своей книге «Религия и революция во Франции», «вера в Высшее Существо была достаточно гибкой, чтобы удовлетворить разные вкусы».[57] Астон цитирует французского патриота Лазара Карно, франкмасона и члена Конвента, который в 1794 году выступил с речью, превозносившей многочисленные добродетели человечества, и поясняет: «Все это можно обнаружить в Высшем Существе; оно является печатью всех мыслей, составляющих счастье человека».[58]

Тем временем по другую сторону Атлантики…

Эта, возможно, непредумышленная ассоциация Высшего Существа «с идей печати» возвращает нас к Великой Печати Соединенных Штатов, которая не только изображает Высшее Существо с символом сияющей пирамиды и всевидящего ока, но также является зримым олицетворением конституционного права каждого человека на поиски счастья.

18 сентября 1793 года через несколько недель после празднеств, устроенных Давидом на площади Бастилии, по другую сторону Атлантики на месте будущего Капитолия в Вашингтоне происходила другая церемония, на этот раз откровенно масонская. Джордж Вашингтон, облаченный в масонский фартук, полученный от маркиза де Лафайета, заложил

угловой камень Капитолия на Дженкинс-Хилл в присутствии сотен других масонов. Фартук, который носил Вашингтон, был вышит руками мадам де Лафайет и украшен целым скопищем хорошо известных масонских символов, но центральное место, несомненно, занимало всевидящее око на фоне лучистого солнечного диска. Интересно отметить, что автор Дэвид Овасон — франкмасон, посвятивший этой церемонии свое обширное исследование, — пришел к выводу, что она наряду с другими вещами была предназначена главным образом для посвящения нового здания и федерального города зодиакальному созвездию Девы:

«Идея Девы играет важную роль в астрологической символике города. Я изучил еще две церемонии основания зданий, в которых элемент Девы имел существенное значение. Благодаря этому подходу у меня сложилось впечатление, что в первые годы строительства федерального города знак Девы представлял исключительный интерес для масонов… Важное значение Девы и ее связь с богиней Исидой признавались в масонских кругах с самого начала существования американского масонства. Французский астроном Жозеф Лаланд был видным масоном, и его сочинения имели широкую популярность среди американцев в концеXVIIIвека. Уже в1731году Лаланд осознал, что «знак Девы посвящен Исиде, точно так же как знак Льва посвящен ее мужу Осирису… Сфинкс, состоящий из Льва и Девы, использовался как символ, обозначавший разлив Нила…»[59]

В своей книге «Внутри братства» масонский автор и исследователь Мартин Шорт рассказывает нам об эпизоде, характеризующем связь Джорджа Вашингтона с франкмасонством:

«Его [Вашингтона] похороны в 1799 году совершались в соответствии с масонским обрядом. Гроб был покрыт масонским фартуком, подаренным ему собратом-революционером масоном маркизом де Лафайетом, и каждый из присутствующих масонов бросил в могилу ветвь акации, символизирующую возрождение Осириса и собственное грядущее возрождение Вашингтона в царстве, где правит Осирис».[60]

Стоит упомянуть о том, что национальный мемориал, впоследствии построенный в городе Вашингтоне в честь Джорджа Вашингтона, имеет форму огромного обелиска в египетском стиле и что на его восточном входе изображен древнеегипетский символ солнечного диска. Утверждалось, что во время церемонии посвящения видный масон прочитал речь, в которой после восхваления масонских добродетелей прозвучали следующие странные слова: «Их умы просвещены божественной любовью, их сердца лучатся открытием чистой любви, а их души — как души древнеегипетских почитателей Осириса — лелеют надежду на бессмертие».[61]

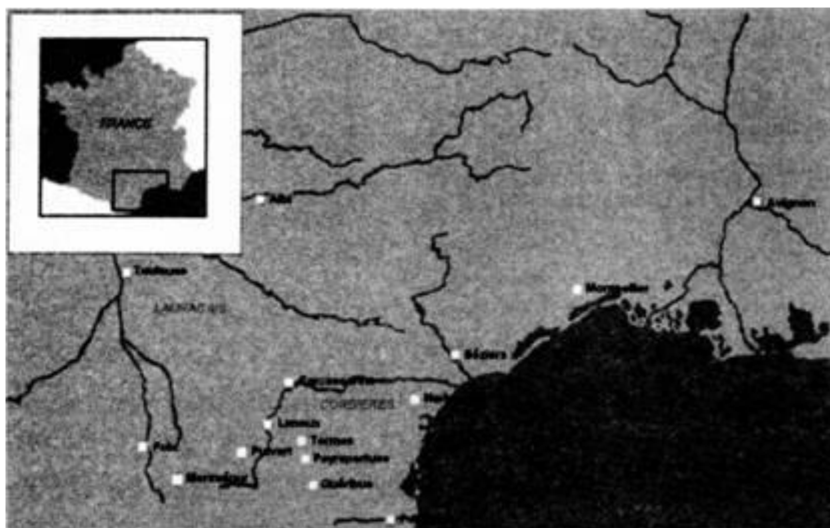
Впоследствии мы убедимся, что многие символы, связанные с церемониями основания Капитолия и мемориала Вашингтона, связаны с символикой «звезды Исиды», т. е. Сириуса, а пока очевидно, что по еще не вполне ясным причинам церемонии, празднества и городские монументы, связанные с «братскими» революциями во Франции и Северной Америке, насыщены масонскими идеями и символикой и — что еще более загадочно и увлекательно — древнеегипетскими образами и концепциями.

ЧАСТЬ I
ТАЙНАЯ ВЕРА
ГЛАВА 2
ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

В главе 1 мы попытались показать, что наряду с многими другими силами и течениями, стоявшими за французской революцией, в ней принимали участие мощные религиозные и духовные энергии. Эти энергии нашли внешнее проявление в агрессивной кампании дехристианизации, когда великие соборы, включая знаменитый Нотр-Дам в Париже,

превращались в храмы, посвященные Высшему Существу. По всей стране древнеегипетские и другие «языческие» образы заменяли христианские символы, особенно символ креста, и люди даже поклонялись древнеегипетским божествам, таким, как богиня Исида. Таким образом, французский Конвент в 1794 году вовсе не имел в виду христианского бога или христианское представление о загробной жизни, когда постановил, что «французский народ признает существование Высшего Существа и бессмертие души».

Какими бы странными и поразительными ни были эти события, происходившие в конце XVIII века, уже не впервые на земле, которую мы теперь называем Францией, укоренилась религия, глубоко чуждая христианству, обнаруживающая признаки влияния Древнего Египта и глубоко заинтересованная участью человеческой души. Более чем за 600 лет до революции, в XII веке, такая альтернативная религия сформировалась в Прочнее и Лангедоке. Она возникла как будто из ниоткуда и глубоко укоренилась в сердцах и умах большой части населения. Ее влияние также ощущалось в соседних районах Восточной Испании и Северной Италии, а также в небольших общинах, разбросанных по территории Европы вплоть до Бельгии, Северной Франции и Германии.

Окситания в XIII веке.

Эта религия, столь быстро и успешно вытеснившая римскую католическую церковь в регионах, близких к престолу ее собственной власти, называлась… христианством.

Так или иначе, ее последователи называли себя «добрыми христианами», но церковь называла их еретиками с того момента, как они впервые попали в сферу ее внимания. Их современники в XII, XIII и XIV веках часто называли их «манихеями» (в честь манихейства, древней дуалистической ереси, предположительно уничтоженной в Европе за сотни лет до этого). Их знали и под разными другими названиями, из которых наиболее часто встречались «альбигойцы» (в честь Альби, одного из главных городов Лангедока) и «катары» (от греческого слова katharos, означающего «чистый»).[62]

Эти катары (название, которым мы будем пользоваться в дальнейшем) почитали Иисуса Христа ничуть не меньше, чем католики. Именно поэтому они называли себя «добрыми христианами». Но место, которое он занимал в их религии, было совершенно иным. Для католиков Христос был «Словом, которое стало плотью и жило среди нас»,[63] катары же почитали Христа как создание чистого духа — эманацию «Бога Добра» в виде призрака или проекции. Они категорически отрицали Его материальное воплощение как Сына Божьего, рожденного в человеческом теле, чтобы «жить среди нас». Кроме того, они отвергали католическое учение о Христе, распятом во искупление наших грехов. «Как Он мог быть

распят, — спрашивали они, — если с самого начала не имел физического существования?» В результате катары отвергали святость и религиозное значение креста, центрального духовного символа христианства. Для них он был низменным орудием пытки, с помощью которого римская церковь совратила миллионы людей, заставив их почитать ложного идола.

Такая перелицовка самых священных символов, доктрин и догм христианства была особенностью катаров, приводившей в ярость католическую церковь и неоднократно бросавшей ей вызов в Средние века.

Источник проблем заключался в том, что в отличие от единого всемогущего и всеблагого христианского Бога катары верили в параллельное существование двух божеств: Бога Добра и Бога Зла. Каждый обладал могуществом лишь в своих собственных владениях и был почти бессилен в царстве другого. Владение Бога Добра было полностью духовным, неосязаемым, нематериальным и наполненным светом. Именно оттуда происходили человеческие души — создания Бога Добра. Владением Бога Зла была сама Земля, материальный мир и любая физическая жизнь — инфернальное место мук и наказаний, наполненное тьмой и несправедливостью. По представлению катаров, именно Бог Зла, создатель и правитель материального мира, изготовил тела (но не души) людей из «грязи и воды». И этому Злому Богу, по словам катарских проповедников, поклонялась римская католическая церковь.

Иными словами, папа римский был не слугой Бога Добра, а представителем дьявола на Земле. Цель католической церкви заключалась не в направлении наших душ в духовное светоносное царство после смерти, а в обманном вовлечении — через круговорот воплощений в человеческом облике — в преисподнюю материального мира. Лишь жизнь, наполненная самоотречением и достигающая кульминации в особом гнозисе или вдохновенном знании, достигаемом при инициации в высшую ступень катарской веры, могла спасти людей.

Это было революционное учение для Европы XII века… и крайне опасное.

Ожидание на перекрестке

Ни один ученый не будет всерьез оспаривать утверждение, что за период человеческой истории, о котором сохранились письменные свидетельства — около 5000 лет, — религии играли основополагающую роль в формировании и развитии цивилизаций. Точно так же лишь немногие станут оспаривать, что человечество в течение этого периода последовательно разделялось не только на разные языки и культуры, но также на соперничающие сферы влияния разных религий. Некоторые древние культы, некогда державшие в абсолютной покорности огромные регионы, исчезли бесследно. Другие, ранее незначительные, приобрели вес и влияние, а третьи, почти забытые на родине, достигли расцвета в отдаленных странах. На общем фоне светского общества в большинстве богатых стран и неистового религиозного рвения в большинстве бедных стран мы сегодня имеем четыре великие религии с отдельными социально-географическими сферами влияния, которые до сих пор причисляют к числу своих сторонников примерно девятерых из каждых десяти человек, живущих на Земле:

Индуизм силен только на Индийском субконтиненте, но там он насчитывает 800 миллионов сторонников.

Буддизм распространен от Шри-Ланки до Тибета и от Китая до Юго-Восточной Азии и Японии.

Ислам имеет сотни миллионов сторонников в Индонезии, Бангладеш, Пакистане, Иране, Турции, на Леванте и в Северной Африке, но его средоточием и исторической родиной является Аравийский полуостров.

Христианство занимает почти монопольное положение в Северной и Южной Америке, уничтожив или оттеснив на обочину все туземные культы и вероисповедания Нового Света за последние 500 лет. Оно также преобладает в Австралии, Новой Зеландии, Африке к югу от Сахары и других регионах, затронутых европейской колониальной экспансией. Его историческая родина находится в Восточном Средиземноморье, однако после победы ислама на Ближнем Востоке и в Северной Африке более тысячи лет назад центр христианской веры переместился в Европу.

В результате сейчас мы привыкли думать о Европе как о регионе, так прочно и долго находившемся в христианской сфере влияния, что ни одна другая религия не могла повлиять на его судьбу и историю. Разумеется, при более пристальном рассмотрении в культурном наследии Европы можно выявить слабые следы старинных языческих верований, но скорее как экзотические раритеты, не оказывающие никакого воздействия на общий ход событий. В Австрии, Бельгии, Британии, Франции, Германии, Греции, Голландии, Италии, Португалии, Испании и Швейцарии мы обнаруживаем очень долгую и непрерывную христианскую традицию. В некоторых случаях эти традиции возникли еще до IV века н. э., когда Римская империя при императоре Константине Великом приняла христианство в качестве государственной религии и сделала Рим (где уже 200 лет существовала гонимая христианская община)[64] штаб-квартирой самопровозглашенной католической церкви.

Почти сразу же после того, как ранее гонимые отцы церкви попали в милость к императору, они сами стали гонителями. Они стремились установить контроль над христианами во всей Римской империи, подавить инакомыслие и сформулировать единую общепринятую доктрину из огромного разнообразия Умений, ранее составлявших христианскую веру. Как мы увидим *в* следующих главах, с этой целью они учредили церковные догмы, а также определили и предали анафеме целый ряд ересей.

Эти ереси подвергались систематической травле и уничтожению в течение следующих 300 лет.

Видное место среди запрещенных вероисповеданий занимала великая дуалистическая ересь манихейства (к которой в течение 9 лет до обращения в христианство в 386 году н. э. принадлежал сам святой Августин, один из четырех наиболее почитаемых «учителей церкви»).[65] Все формы гностицизма, провозглашавшие прямое и личное знание божественной сущности, также подверглись почти полному истреблению. Гностицизм, насыщенный элементами древнеегипетской религии, азиатской и ближневосточной мистики, греческой философии и альтернативных интерпретаций иудейских и христианских учений, был таким же глубоко дуалистичным по своей природе, как манихейство, и в течение нескольких столетий являлся главным соперником гегемонии римской католической церкви.[66]

Однако к VII веку манихейство было изгнано на далекий Восток, а многочисленные секты гностиков, противостоявшие ранней христианской церкви, казалось, были уничтожены.[67] Больше не встречая организованного духовного сопротивления, католицизм смог провести остаток так называемых «темных веков» в Западной Европе в относительном спокойствии. В результате к началу XI века ни одному церковнику не приходилось на личном опыте иметь дело с ересью. Те, кто хотел напомнить себе об опасностях ереси, могли лишь обратиться к книгам, в том числе к исполненному горечи описанию «манихейских заблуждений» блаженного Августина, написанному 700 лет назад.[68]

Поэтому церковь испытала потрясение, когда ересь, с виду очень похожая на манихейскую, внезапно возникла в XII веке в виде учения катаров, распространившегося у

самого центра западной культуры. Более того, она оказалась не преходящим движением, связанным с жизнью нескольких харизматических лидеров, но самой смертоносной угрозой, с какой когда-либо сталкивалась католическая вера. Возникнув словно из ниоткуда, учение катаров оказалось хорошо организованным, имело четкую «антицерковную» направленность и притязало на еще более почтенный возраст, чем сам католицизм. Оно также имело дерзость набирать новых членов из числа ортодоксальных католиков.

Однако катары представляли угрозу для католической церкви не из-за обескураживающих успехов в обращении католиков и не из-за вызова, брошенного ими христианским доктринам. Дело было и не в шоке от столкновения с дуалистической ересью, словно призрак, всплывшей из глубин прошлого, не в динамичном развитии этой ереси и не в ее опасно быстром проникновении в сферу влияния Рима в течение XII века. Настоящая проблема заключалась в том, что, овладевая умами большого количества обычных людей, учение катаров смогло заручиться скрытой, а иногда даже явной поддержкой некоторых наиболее могущественных аристократических семейств Юго-Западной Европы. К числу наиболее известных принадлежали граф Тулузский, граф Фуа и виконт Тренкавель, правивший укрепленными городами Альби, Безье и Каркассоном, — со своими рыцарями, замками и силой оружия, сосредоточенными в Лангедоке и прилегающих районах, эти люди превратили учение катаров в нечто такое, с чем римская церковь еще никогда не сталкивалась. Это была ересь, способная нанести ответный удар, воспротивиться давлению со стороны светских властей и, если ей будет позволено распространяться и дальше, даже вытеснить католическую религию из Европы.

Более века европейская цивилизация медлила на перекрестке дорог, наблюдая за борьбой двух соперничающих духовных систем и делая выбор между двумя совершенно разными путями будущего развития. Давайте ближе познакомимся с главными персонажами этой драмы и событиями, происходившими на переломном этапе истории Европы.

Язык, на котором «ок» значит «да»

Лангедок в XXI веке является частью красочной мозаики Южной Франции. Он граничит с Провансом на востоке и отделен от Испании на западе Пиренейскими горами. В XII и XIII веках он славился романтической поэзией трубадуров, «дворами любви»,[69] стойким и независимым характером своего народа и своей уникальной культурой.

В основе этого различия лежал тот факт, что жители Прованса и Лангедока никогда не являлись французскими подданными и даже не говорили по-французски. В то время само слово «Франция» для большинства людей означало лишь Иль-де — Франс — регион, непосредственно примыкающий к Парижу. В более широком смысле «Франция» также включала территорию, расположенную между Луарой, средней частью Меузы и Шельдой, но земли к югу от Луары и Центрального массива, а также все Средиземноморское побережье существовали отдельно. До конца XIV века путешественники, направлявшиеся на север из Тулузы или Авиньона, считали, что идут во Францию, а не перемещаются в ее пределах.[70]

Вместе с регионами Лимузена, старой Аквитании и южной частью Французских Альп, Лангедок и Прованс в Средние века были известны под собирательным названием Окситания. Они не образовывали государство или страну в современном понимании этого слова. Помимо членов семьи, друзей и соседей, верность большинства жителей распространялась на их родной город или селение, а также на аристократов, чьи земли они обрабатывали. Тем не менее они имели между собой гораздо больше общего, чем с культурной и политической общностью северных государств, которые находились в процессе становления еди. — ной державы, впоследствии известной под названием «Франция». Но самое главное, эти «окситанцы» были объединены общим языком, называвшимся langue doc — то есть языком, в

котором слово «ок» означало «да» (в противоположность langue doil, языку XII века, которому предстояло развиться в современный французский, где слово oil означало «да» и впоследствии трансформировалось в более привычное out).

Историк Средневековья Джозеф Стрейер указывает на то, что Франция на севере и Окситания на юге были разделены одним из самых прочных языковых барьеров во всем семействе романских языков и практически не могли понять друг друга. Вместе с тем окситанский диалект очень близок к каталонскому и кастильскому наречиям. В результате в XII веке: «… купец из Нарбонна мог легко объясниться с покупателем в Барселоне, но в Париже ему понадобился бы переводчик… Барон из Иль-де-Франс мог бы объясниться с большим количеством людей в Лондоне или даже в Кельне, чем в Тулузе. Языковой барьер не является непреодолимым препятствием, но он реален и создает взаимное непонимание и подозрение».[71]

Бронированный кулак Окситании

Власть в Окситании находилась в руках феодальной аристократии, над которой главенствовали три великих семейства из Фуа, Тренкавеля и Тулузы.

Считавшиеся «ровней королям и высшими над герцогами и графами»,[72] принцы из Тулузского дома правили владениями, простиравшимися от Тулузы до Нима на востоке и от Кагора на севере до Нарбонна на Средиземноморском побережье.[73] Они также имели впечатляющие международные связи и иногда могли заручиться поддержкой могущественных союзников. Раймунд VI, граф Тулузский (1194–1222), был кузеном короля Франции и шурином королей Англии и Арагона.[74] Он терпимо относился к катаризму и иногда даже проповедовал их учение и путешествовал с ними.[75]

Графы Фуа, владельцы пиренейских высокогорий вдоль границы с Испанией, славились своей военной доблестью, непреклонной решимостью и прочными связями с катарами. В 1204 году Раймунд-Роже, граф Фуа (1188–1223), был свидетелем посвящения своей овдовевшей сестры Эсклармонды в perfecti (буквально в «совершенные»), что означало высочайший ранг в духовной иерархии катаров.[76] Два года спустя его собственная жена, родившая ему шестерых детей, также была посвящена в perfecti и удалилась от мира, возглавив катарский эквивалент женского монастыря.[77] Хотя Раймунд-Роже никогда официально не вступал в ряды катаров, он всю свою жизнь был стойким противником католицизма. Однажды его солдаты изрубили Церковного каноника на куски и «использовали распятие вместо пестика, чтобы толочь специи».[78] В пространном эссе о «варварстве и злокозненности графа Фуа» католический хронист того времени пишет: «Его злодеяния превзошли все границы… Он грабил монастыри, разрушал церкви и превосходил всех остальных в своей жестокости».[79]

Династия Тренкавель, владевшая землями от Тарна до Пиренеев, добавляла свое богатство, наследственное влияние, военную мощь и симпатии к катарам в расклад сил в Лангедоке. Раймунд-Роже Тренкавель, правивший с 1194 года до пленения и убийства католиками в 1209 году, обучался у известного катар — ского книжника Бертрана де Сайсака. Последний однажды выказал свое презрение к католическим законам, когда монарх, которого он недолюбливал, был избран аббатом монастыря Св. Марии Алецкой. В ответ Бертран откопал труп бывшего аббата и поместил его заплесневевшие останки в аббатское кресло, чтобы тот наблюдал за новыми выборами. Неудивительно, что аббат, выбранный на этот раз, удовлетворял требованиям Бертрана.[80]

Поддержка катаров и сотрудничество с ними в сочетании с неприятием католической церкви не ограничивались только верхним уровнем аристократии. В Лаураге, населенной местности между Тулузой и Каркассоном, младшее дворянство тоже состояло почти

исключительно из катаров, как и в Корбьере между Каркассоном и Нарбонном.[81] По некоторым оценкам, до 30 % от всех perfecti из числа катаров были благородного происхождения.[82] Более того, даже дворяне-католики из Окситании часто выказывали сочувственное отношение к катарам, а иногда открыто поддерживали их. Примером такой дилеммы служит ответ католического рыцаря Понса Адемара из Родейля, когда Фульк, епископ Тулузский, спросил, почему он и его единоверцы не изгнали еретиков со своей земли. Рыцарь сказал: «Мы не можем. Мы выросли среди них, у нас есть родственники среди них, и мы видим, что они ведут добрую и достойную жизнь, исполненную совершенства».[83]

Сплетая нити великой ереси

Защищенные местной аристократией по обе стороны религиозного барьера, катары находили мощную поддержку на всех других уровнях лангедокского общества. Многие из них были умелыми ремесленниками и мастеровыми. Список катаров, представленный в городе Безье в 1209 году, включает:

«Один дворянин (барон), четверо врачей, пятеро ткачей, двое кузнецов, двое кожевенников, двое сапожников, пастух, плотник, ткач, седельщик, торговец зерном, мясник, портной, содержатель таверны, хлебопек, красильщик шерсти, торговец и меняла».[84]

Малькольм Барбер, профессор истории из Ридингского университета в Британии, замечает, что в списке из Безье фигурирует не меньше десяти человек, занятых в текстильном производстве, и что во множестве других источников того времени ткачи (textores) непосредственно ассоциируются с ересью.[85]

Так было не только в самой Окситании, но и за ее пределами. Во Франции катаров знали под собирательным названием Texerant, или «ткачи».[86] В 1145 году знаменитый французский проповедник Бернар из Клерво предпринял обход по городам с проповедью против «ереси ткачей».[87] Предположительно эта ересь появилась уже готовой «из козней и измышлений прельстительных духов»[88] и была столь успешной, что «женщины бросали мужей, мужчины уходили от своих жен… Духовники и священнослужители часто бросали свою паству и свои церкви и оказывались в толпе среди ткачей женского и мужского пола».[89]

В 1157 году Самсон, архиепископ Реймский, почти несомненно, жаловался на миссионерскую деятельность катаров, когда говорил о «манихейской чуме», недавно поразившей значительную часть Фландрии[90] (ранее мы отмечали, что священнослужители XII века часто называли катаров манихеями в честь Дуалистической секты с таким же названием, предположительно Уничтоженной сотни лет назад). Новая вспышка этой ереси, по словам Самсона, распространялась бродячими ткачами и торговцами тканью.[91]

Этому есть простое объяснение. Под видом ткачей и других представителей средневекового ткачества с его обширными международными связями лидеры катаров осуществляли эффективное прикрытие своих проповедников. Они нуждались в маскировке, чтобы избежать преждевременного конфликта с церковными властями, чтобы не сорвать крупномасштабную и хорошо продуманную миссионерскую кампанию. Их мягкость и терпение в сочетании с систематическими методами, которыми они пользовались, чтобы завоевать доверие местного населения и в конце концов обратить его в свою ересь, хорошо описаны канадским историком Стивеном О'Ши:

«На сухопутных и речных путях Лангедока в 1150 году можно было встретить не только купцов и трубадуров, но также странствующих монахов, *которые путешествовали парами, легко узнаваемых по тонким кожаным кнутам, обернутым вокруг пояса их черных балахонов.*

Они входили в деревни и города, открывали ткацкие лавки и мастерские и славились своим упорным и честным трудом. Когда приходило время, они начинали проповедовать — сначала при свете луны за городскими стенами, а потом в открытую перед очагами бюргеров и вельмож, в домах торговцев, на рыночных площадях. Они не просили подаяния и не требовали преклонения, а стремились лишь к тому, чтобы их выслушали. За одно поколение эти катарские проповедники обратили в свою веру тысячи людей. Лангедок стал домом, из которого впоследствии произошла Великая Ересь».[92]

Верующие и совершенные

Все катарские миссионеры были perfects и, по справедливому замечанию О'Ши, у них было принято путешествовать и проповедовать парами, как у современных мормонов или свидетелей Иеговы.[93] Черные балахоны придавали им некоторое сходство с христианскими монахами или священниками, однако, кроме внешности, между образом жизни этих perfecti и типичных представителей католического духовенства не было никакого сходства. Даже самые жесткие их оппоненты признавали, что отличительной чертой «совершенных» была жизнь, исполненная примерного благочестия, смирения, великой бедности и простоты.[94] Между тем католическая церковь в XI и XII веках уже разложилась и во многом утратила свою репутацию. Ее презирали из-за половой распущенности многих ее служителей. В некоторых регионах церковь была объектом неприкрытой ненависти из-за ее огромных богатств, коррупции, алчности и лицемерия. Большинство епископов, будучи крупными феодальными землевладельцами, жили в показной роскоши и славились скандальными выходками. Неудивительно, что они не пользовались популярностью в собственных приходах, где их ругали за равнодушие к лишениям бедняков.[95]

Для того чтобы понять крайний аскетизм «совершенных», нужно лишь вспомнить учение, составлявшее сущность катарского дуализма. Материальный мир рассматривался как абсолютно порочное творение Бога Зла, таким образом, все контакты с материальным миром тоже были злом, препятствовавшим осуществлению главной цели катаров — постепенному очищению и освобождению бессмертных человеческих душ от цикла перерождений в смертных телах. «О Господь, осуди и заклейми несовершенство плоти, — говорилось в одной из их молитв, — не жалей плоть, рожденную от разврата, но будь милосерден к духу, заключенному в ней».[96]

«Совершенные» активно участвовали в том, что они рассматривали как космическую схватку между двумя абсолютно несовместимыми силами: духом и веществом, добром и злом.[97] Успех в этой борьбе требовал от них жить в строгом соответствии с их учениями и убеждениями. Поскольку плоть была «рождена от разврата», это означало, что любая еда, возникшая в результате соития и воспроизводства, была полностью запретной для них. На практике это означало, что они не могли употреблять в пищу мясо животных и птиц, а также все производные и сопутствующие продукты, такие, как яйца, молоко, сыр, масло или жир[98] Их рацион состоял из хлеба, овощей, злаков, фруктов и орехов. Рыба тоже являлась дозволенной пищей, что выглядит непоследовательно, с точки зрения современного человека. Это происходило из-за средневекового заблуждения, что рыба появляется не в результате полового размножения, но каким-то образом самозарождается в воде или в иле.[99]

По той же самой логике perfecti должны были соблюдать обет безбрачия — даже «нечистый» поцелуй мог нарушить их ритуальную чистоту. Все другие телесные потребности и желания грозили такой же опасностью и находились под запретом.[100] Для того чтобы укрепить свое стремление противостоять искушениям плоти, катары не только строго придерживались вышеописанной диеты, но и подолгу постились, проводя более 70 дней в

году только на хлебе и воде.[101] Цель всех этих лишений заключалась в том, чтобы ослабить узы, заключавшие душу в телесной оболочке.[102]

В погоне за той же целью и стремясь свести к минимуму всевозможные соблазны материального шири, perfecti отказывались от любой собственности и личных владений, кроме одежды, которую они носили.[103] На них налагались и другие ограничения. Однако, несмотря на это, у катаров не было недостатка в кандидатах на степень perfectus, достижение которой, в сущности, было чрезвычайно трудным делом. Кандидаты проходили длительный период подготовки, сопровождавшийся всеми лишениями той жизни, которую они должны были вести после инициации. Известные под названием abstinentia, они обычно должны были пройти трехлетний период благочестия и полного воздержания. Лишь в конце этого периода при отсутствии каких-либо нареканий они имели право пройти ритуал, известный как consolamentum (утешение), завершавший их возвышение до статуса «совершенных».[104]

Хотя perfecti часто называли «священниками» катарской религии, некоторые исследователи указывали на то, что на самом деле они были гораздо ближе к «аскетическим учителям Востока», бонзам и факирам Китая или Индии, к адептам орфических мистерий или учителям гностицизма».[105] Это впечатление подтверждается воспоминаниями современников, описывавших perfecti в состояниях, похожих на транс или медитацию. Один очевидец говорит о «необычном виде» катарского perfectus, сидевшего на стуле «неподвижно, как древесный ствол, нечувствительного к окружающей обстановке».[106]

Но лидеры катаров хорошо понимали, что жизнь, посвященная молитве, полному целомудрию, воздержанию и уходу от материального мира, находится за пределами возможностей обычных людей. Более того, их общество не могло состоять — и не состояло — только из «совершенных» и кандидатов, чей обет целомудрия лишал их возможности иметь наследников. Необходим был гораздо более широкий круг последователей, на которых они могли опираться. Такую опору обеспечивали представители второй степени, или ранга, гораздо более многочисленные, чем perfecti, известные как credentes (верующие). Десятки тысяч таких людей составляли подавляющее большинство катаров. Они были источником общественной и экономической энергии, не говоря уже о военной силе, делавшей эту религию такой угрозой для римской церкви.

«Верующие» верили в основополагающие принципы дуалистического мировоззрения о существовании двух богов, порочной природе вещества и заключения души в смертном теле. Они могли помышлять о том, что когда-нибудь сами станут странствующими проповедниками или достигнут ранга «совершенных», но в действительности большинство не ставили перед собой такую задачу. Мы знаем, что в любом регионе, где утверждалось влияние катаров, класс «верующих» жил обычной жизнью без большого самоотречения. Они вступали в брак, рожали детей, владели собственностью, ели досыта и в целом не чуждались благ сего мира. Они определенно принимали участие в простых службах и собраниях, возглавляемых perfecti, которые были частью календаря катаров. Наряду с другими «верующими» они с огромной серьезностью относились к своему долгу принимать у себя и обеспечивать всем необходимым странствующих perfecti, создавая для них прочную опору и систему поддержки. Они также были обязаны совершать ритуальное приветствие перед любым «совершенным», встречавшимся на их пути. Это приветствие, называемое melioramentum, включало троекратное коленопреклонение и завершалось следующими Фразами:

Верующий: Моли Бога за меня, грешного, чтобы он сделал меня добрым христианином и привел к лучшей участи.

Совершенный: Молю Бога, чтобы он сделал тебя добрым христианином.

Этот обмен, как объясняет историк Средневековья Малькольм Ламберт, был стандартным и имел особый смысл:

«Быть добрым христианином или христианином вообще для катара означало стать «совершенным». Встретить лучшую участь означало умереть, получив consolamentum *и не лишившись его по оплошности. В этом ритуальном коленопреклонении и обмене фразами «совершенный» и «верующий» напоминали друг другу о своем статусе: один ждал, еще не полностью освободившись от власти Сатаны, а другой находился за пределами его власти и занимал особое положение».*[107]

«Верующих» учили, что для них особенно важно найти «совершенного» и исполнить ритуал consolamentum, если они каким-либо образом оказались подверженными разлагающему влиянию католицизма. Отчасти это происходило потому, что преклонение, доходившее почти до культового почитания (в некоторых контекстах называемое «обожанием»), перед «совершенным» представляло собой прямое и публичное отрицание католической церкви.[108] Когда одна из знатных верующих, леди Фидас из Сен-Мишеля, совершила поездку в Рим с Элеонорой, графиней Тулузской, она дерзко взяла с собой «совершенного», чтобы «оказать ему почести в самой церкви папы римского».[109]

Впрочем, независимо от своего происхождения, большинство «верующих» откладывали до смертного одра тот момент, когда они чувствовали себя готовыми для того, чтобы вызвать «совершенного» и совершить над собой дуалистический обряд крещения, или consolamentum. Это был акт чрезвычайной важности, в результате которого человек преисполнялся Святым Духом, а в некоторых случаях мог открыть дверь в Царствие Небесное. Хотя с внешней стороны он сводился лишь к короткому ритуалу, сопровождаемому молитвами и возложением рук, consolamentum считался таким могущественным, что его самого по себе — даже без долгих лет строгого послушничества — было достаточно, чтобы посвятить умирающего человека в ранг «совершенного». После этого он вкушал лишь хлеб и воду, избегая дальнейшего соприкосновения с порочным материальным миром. Надежда для людей, получивших такое утешение и возвысившихся до состояния ритуальной чистоты, могла заключаться даже не в том, что смерть на этот раз принесет окончательное освобождение от цикла перерождений в человеческом облике, но что она хотя бы принесет «прогресс в цепочке перерождений, ведущих к освобождению».[110] Иногда, если пациент неожиданно выздоравливал после такого посвящения, он мог вернуться к обычной жизни «верующего» и к полному участию в мирских делах. В этом случае он должен был снова получать consolamentum и поститься при приближении смерти, иначе любой прогресс, достигнутый его душой в этом воплощении, оказывался утраченным.

Никто не мог быть уверен в том, что при следующем воплощении его душа окажется в теле, которое снова будет воспринимать учение катаров (или, если уж на то пошло, что она вообще окажется в человеческом теле), поэтому «верующим» настоятельно советовали получать consolamentum в этой жизни, где оно было вполне доступно, но они могли потерпеть с этим до смертного одра. В конце XII века, когда perfecti во множестве странствовали по дорогам и жили в каждой деревне и городе Окситании, с этим обычно не возникало никаких трудностей, но в XIII веке, как мы увидим в главах 6 и 7, катаризм стал гонимой религией во всей Европе и в первую очередь в Окситании. Там, посреди демонических сцен из нижних кругов ада, население целых городов было предано мечу солдатами римской Церкви, за ними по пятам шли папские инквизиторы, и по мере того, как они выполняли свою работу, число «совершенных» катастрофически уменьшалось с каждым новым массовым сожжением. К началу XIV века было известно лишь о трех «совершенных» во всем Лангедоке, который некогда был оплотом катарской веры. Выжившие «верующие» сталкивались с огромной неопределенностью и неуверенностью в том, что они вообще когда-либо смогут получить consolamentum. Отчаянным решением многих катаров, чья жизнь в эти трудные дни подходила к естественному концу, была endura, что буквально значит «пост» или «голодание» применительно к хлебу и воде, дозволенным после ритуала предсмертного

утешения.[111] Однако теперь те, кто проходил ритуал, предпочитали не нарушать пост, даже если выказывали признаки выздоровления. В результате слово endura «стало техническим обозначением поста, приводившего к голодной смерти после получения consolamentum».[112]

Отказ от предрассудков и страха перед адом

В XIII веке, когда начались массовые гонения катаров, основополагающее различие между «совершенными» и «верующими» иногда заключалось в том, что последние пытались убедить своих обвинителей, что они вовсе не являются еретиками. Так, например, в Тулузе в 1223 году Жан Тесьер — «верующий» во цвете лет, не выказывавший интереса к получению consolamentum, был арестован и обвинен в ереси. «У меня есть жена, и я сплю с ней, — возражал он, — у меня есть сыновья, я ем мясо, лгу и ругаюсь».[113] (Наряду с браком, сексом, деторождением и употреблением мяса ложь и ругательство были запрещены для perfecti.)[114] Тесьер был обвинен по показаниям свидетелей, и суд не принял во внимание его аргументы. Он был приговорен к смерти на костре и помещен в епископскую тюрьму, где ожидал казни. Теперь процедура позволяла ему покаяться в своих грехах и выйти на свободу, но он упорно продолжал заявлять о своей невиновности и оставался в камере смертников. Там он разговорился с несколькими perfecti и вскоре принял от них consolamentum. По-прежнему отказывавшийся отринуть веру, которую он, по собственному признанию, теперь разделял с остальными осужденными, он был сожжен на костре.[115]

До нас дошло много свидетельств отчаянного мужества и самопожертвования в эпоху гонений. Катары смогли наделить своих приверженцев глубокими и прочными убеждениями о человеческой природе и загробной участи души. Эти убеждения были столь сильными, что «совершенные» и «верующие» предпочитали мучительную смерть и возможность освобождения из оков порочного материального мира отречению.

Есть несколько достоверных рассказов о том, как осужденные на смерть толпами бежали к кострам, подготовленным для них, и радостно бросались в ревущее пламя. Независимо от того, считаем ли мы их доверчивыми простаками или возвышенными мучениками, судя по всему, катаризм освободил этих людей от парализующего страха перед преисподней, столетиями используемого католической церковью для устрашения и покорности европейцев в Средние века. Действительно, такое освобождение более или менее автоматически следовало из обращения к дуализму катаров, согласно которому ад находился на Земле — «низшем плане сознания, в котором мы тонем»[116] — обители мук и тяжких испытаний, в которой наши души уже подвергались суровому наказанию и оставались запертыми в течение бесчисленных предыдущих воплощений. Иными словами, ад находился не в каком-то неизвестном месте, куда мы отправляемся за грехи, определенные католической церковью, но там, где мы уже существовали и откуда нам однажды было суждено спастись.

Таким образом, одним мановением руки катары не только изгоняли из своих посвященных любой страх перед смертью, но и разрывали цепи предрассудков и демонологии, затормозившие прогресс цивилизации в Средние века. Стремясь очистить от пут условностей все аспекты религиозной традиции, они утверждали, что церковные песнопения «обманывают простой народ», и высмеивали католический обычай платить подаяние за души, которые находятся в чистилище, как бессмысленную трату денег.[117]

Распространяя и утверждая эти идеи — хотя и в течение короткого исторического периода, — катары поощряли новое свободомыслие иновый дух гибкости и открытости для перемен. Психолог Артур Гюирдхэм считает, что это было, «возможно, их самым важным вкладом в освобождение простолюдинов»:[118] «Понять это — значит согласиться с тем, что катаризм был не только просвещенным, но и оптимистическим вероисповеданием. Некоторые из современных защитников катаризма считают его мрачной, аскетичной и в целом

пессимистической религией кальвинистского толка. Сэр Стивен Рансимен, который во многом прав в своей оценке катаров, считает, что религия была обречена из-за присущего ей внутреннего пессимизма. Люди, разделяющие такие взгляды, не в состоянии объяснить, каким образом столь пессимистическое вероисповедание могло распространиться, подобно степному пожару, в самом утонченном и скептическом регионе Европы…»[119]

Первая эпоха Возрождения в Европе?

Внезапный расцвет катаризма произошел в то время, когда Европа, воодушевленная контактами с Востоком в результате Крестовых походов, просыпалась от спячки раннего Средневековья и заново открывала древнюю мудрость, содержавшуюся в античных текстах. Часто называемый историками «Ренессансом XII века», этот период «перемен, экспериментов и расширения кругозора»[120] завершился столетиями интеллектуальной стагнации. Это было время рождения многих новых философских и научных идей, строительства первых готических соборов и крупномасштабных общественных и экономических перемен.

Вместе с соседними регионами Восточной Испании и Северной Италии, где религия катаров тоже имела сильные позиции, цивилизация Окситании XII века — урбанистическая, изощренная и космополитическая, — несомненно, шла впереди всей остальной Европы.[121] Она находилась в эпицентре грядущей великой переоценки западных ценностей, характеризовавшейся духом любознательности и формирования более широкого космополитического и терпимого мировоззрения. Более того, если бы катаризм добился успеха во всех своих начинаниях, мы можем быть уверены, что в новой эпохе не нашлось бы места для католической церкви, которая, будучи церковью Сатаны, совратила много людских душ. На самом деле все оберну лось иначе. Катарская ересь была сокрушена радом жестоких крестовых походов, развязанных католической церковью в первой половине XIII века. Последние остатки сопротивления неспешно и методично выкорчевывались папской инквизицией, официально учрежденной в 1233 году специально для подавления и искоренения катарской веры.[122] Если бы не геноцид и разрушения, причиненные так называемыми альбигойскими крестовыми походами, по мнению некоторых исследователей, культура Лангедока могла бы предвосхитить итальянский Ренессанс более чем на два столетия.[123]

Такие предположения встречают неодобрительный прием в официальных исторических кругах.[124] В результате вопросы вроде: «Что могло бы произойти на Западе, если бы катары победили в своей борьбе с католической церковью?» — редко удостаиваются сколь-либо серьезного научного рассмотрения. Исключение составляла Симона Вейль, представительница французской социальной философии и активистка общественного движения. Она умерла в 1943 году в результате добровольной голодовки, проводившейся в знак поддержки своим соотечественникам, находившимся под немецкой оккупацией. В последние несколько лет своей жизни Симона Вейль обнаружила глубокий интерес к уникальной культуре Окситании XII века. Она считала, что вдохновляющей силой этой культуры было учение катаров. По ее словам, Римская империя, сокрушившая греков более 2000 лет назад, «обесплодила Средиземноморский бассейн». С тех пор в этом регионе лишь один раз поднимала голову другая цивилизация, способная достичь «такого же высокого Уровня духовной свободы и творчества, как в Древней Греции». Уничтоженная в XIII веке римской церковью, эта погибшая цивилизация катаров, по мнению Вейль, каким-то образом поддерживала живую связь с гораздо более древними интеллектуальными и духовными течениями:

«Как ни мало мы знаем о катарах, кажется очевидным, что они некоторым образом являлись наследниками платоновской мысли, эзотерических учений и таинств доримской цивилизации, охватывавшей Средиземноморье и Ближний Восток..»[125]

Вейль была одной из тех, для которых цивилизация Окситании в XII–XIII веках означала подлинный Ренессанс. Ее потенциал был даже большим, чем у итальянской эпохи Возрождения в XV веке. Поскольку Лангедок был средоточием этой нарождающейся цивилизации, жестокий натиск альбигойских крестовых походов сокрушил не просто катаров, но последнее живое звено, связывавшее Европу с древними традициями Индии, Персии, Египта и Греции. С другой стороны, столетия, последовавшие за разрушением Лангедока, были «примером тоталитарной духовности».[126]

Космополитические города

Общество Окситании под влиянием катаров было каким угодно, но не тоталитарным. Оно далеко опередило остальную Европу в процессе урбанизации. Быстро растущие города, такие, как Нар — бонн, Авиньон, Тулуза, Монпелье, Безье и Каркассон, с гордостью гарантировали свободу мысли, экономическую и политическую независимость своих граждан. К примеру, даже в собственном городе граф Тулузский не имел юридической власти над горожанами, и ему подчинялись лишь настолько, насколько он уважал местные общественные законы.[127] Нарбонн, Авиньон, Монпелье и Безье были ульями интеллектуальной деятельности и во всех отношениях университетскими городами даже до официального основания их университетов. Наиболее обширный курс по философии Аристотеля в Европе, учитывавший последние труды арабских ученых, преподавали в Тулузе.[128]

Арабские торговцы и врачи уже давно нашли дорогу в Окситанию через Пиренеи из тех районов Испании, которые еще находились под властью мусульман, или прибывали с востока морским путем. Катары, склонные видеть своего естественного врага в лице римской католической церкви, а не в лице «неверных», радушно принимали их. Кроме того, для катаров все человеческие тела — будь то тела мусульман, христиан или иудеев — были клетками для порабощенных душ. Поскольку все в равной степени терпели невзгоды и тяготы материального мира и только катаризм предлагал путь к спасению, угнетение одних людей другими на основании расовой неприязни или другого вероисповедания считалось абсурдным.

Эти идеи распространялись на общественную жизнь, поэтому иностранцы, постоянно проживавшие в городах Окситании, пользовались всеми гражданскими правами, независимо от своей национальности или вероисповедания.[129] Более того, хотя катаризм утверждал свое решительное неприятие римской церкви, он открыто и либерально относился к другим религиям и был готов к мирному сосуществованию с ними. То было время, когда в Северной Франции нехристиане не могли владеть землей под страхом уголовного преследования. То было время, когда толпы католиков по всей Европе часто доводили себя до состояния антисемитской истерии и устраивали еврейские погромы. Однако в Окситании большие влиятельные еврейские общины владели землей, открыто молились в синагогах и не испытывали никаких притеснений на всем протяжении XII века.[130] Как и катарские общины, они тоже переживали период интеллектуальных, творческих и духовных исканий. Именно в этот период в прибрежных городах Лангедока еврейские книжники разработали оккультную философию Каббалы и стали изучать способы ее практического применения.[131]

Мистическая система, укорененная в древних традициях иудаизма, Каббала претендовала на тайное знание и божественное откровение. Она также проявляла сильные

дуалистические тенденции, в которых «левая» и «правая» стороны космоса находились в вечном противостоянии и конфликте.[132]

Известно, что в XII веке в Нарбонне, Люнеле и Боке существовали прославленные школы Талмуда, где, согласно сообщению от 1160 года, проходили обучение еврейские студенты из «отдаленных стран».[133] Интересно, что тот же автор — раввин Вениамин из Туделы — описывает свою встречу с евреем из Лю — неля, который «отказался от всех земных дел, днем и ночью постигал премудрость, постился и никогда не ел мяса».[134] Возможно, идеи катаров о правильном образе жизни и нашем месте в окружающем мире начали оказывать влияние не только на значительное количество бывших католиков, освобожденных от страха перед преисподней, но и на последователей других религий.

Катары и трубадуры

В XII–XIII веках учение катаров ненадолго озарило человеческие умы в Окситании. В этот же период другой необычный интеллектуальный феномен тоже появился и исчез именно в этом регионе, ныне расположенном на территории Южной Франции, Северной Испании и Северной Италии. Этим параллельным феноменом была лирическая поэзия трубадуров — форма стихосложения, изобретенная в Окситании и представленная сочинениями на местном диалекте. Оцениваемая современными литературными специалистами как «одна из самых блестящих поэтических школ, когда-либо существовавших в Европе», она оказала влияние на всю позднейшую европейскую лирическую поэзию.[135] Однако гораздо более важное значение представляет то обстоятельство, что поэзия трубадуров также оказала беспрецедентное общественное воздействие. Она принесла с собой то, что было названо «революцией мыслей и чувств, последствия которой до сих пор ощущаются в западной культуре».[136] Эта революция была связана с отношением к роли женщины в обществе. Сами трубадуры были в почете во многих аристократических домах Окситании, где они имели высокий статус и обладали исключительной свободой слова (иногда даже вмешиваясь в политические дела). В своих сочинениях, имевших большой вес в обществе, они с чрезвычайным уважением относились к женщинам в целом (включая даже таких «низких» персонажей, как пастушки) и особенно к придворным дамам, наделяя женский пол возвышенным, почти священным статусом. В своих стихах они проповедовали идею рыцарской любви, когда мужчина существовал ради того, чтобы обожествлять свою даму и верно служить ей. Эта любовь была незаконной в том смысле, что дама почти всегда была замужем за другим человеком, но и чистой, в том смысле, что ей не суждено было найти физическое воплощение.[137] В основе трубадурской идеи о рыцарской любви лежало самоотречение, желание недостижимого и целомудренное благородство. Мужчина, который любил, но не мог прикоснуться и желал, но не мог удовлетворить свое желание, возвышался над остальными.[138] По мнению Зоэ Ольденбург, в стихах трубадуров прославлялось «не что иное, как торжество самообладания».[139]

Можно ли считать совпадением, что «совершенные» из числа катаров тоже стремились обуздать своей волей любые физические потребности и желания и считали необходимым, чтобы их тела испытывали физические страдания и многочисленные лишения и проходили через цикл смертей и перерождений, прежде чем достигнуть конечной цели? По этой причине Ольденбург полагает, что катаризм имел много общего с движением трубадуров. Она доходит до утверждения, что во многих случаях, когда «трубадуры… упоминали Бога и Иисуса Христа, весьма вероятно, что они выступали с позиции катаров и что их божеством был «Бог Добра» манихейской веры».[140]

Но мнение Ольденбург стоит особняком. Историки Средневековья и литературоведы сходятся в том, что идеи, распространявшиеся трубадурами в Окситании XII–XIII веков,

имели очень мало общего с катаризмом.[141] Мы можем лишь заметить (вместе с Артуром Гюирдхэмом), что это противоречит здравому смыслу:

«Как могли два таких поразительных культурных явления возникнуть одновременно и в ограниченном регионе, не будучи связанными друг с Другом? Это все равно что утверждать, будто учение Фрейда пользовалось огромной популярностью среди лондонских психиатров в 1920-е годы, но не оказало никакого влияния на медицину или литературу».[142]

Женщины, державшие половину неба

Наряду с поэзией трубадуров основа организации и система Убеждений катарской веры тоже оказали влияние — случайное или намеренное — на повышение статуса женщин в местном обществе. Католицизм ничего не предпринимал для уменьшения огромного неравенства между полами, существовавшего в средневековой Европе, и строго запрещал женщинам принимать церковный сан. С другой стороны, катаризм считал души мужчин и женщин абсолютно равными. Катары не видели причин, по которым материальные оболочки, служившие местом заключения человеческих душ, — а именно их тела, которые волей случая могли быть мужскими или женскими, — должны были получать разное обхождение.

По этой причине членство в рядах perfecti не ограничивалось представителями одного пола, и «совершенными» становились как мужчины, так и женщины. В эти опасные времена женщины «совершенные» меньше путешествовали и выступали с проповедями, чем мужчины,[143] по вполне понятным причинам физической безопасности. Мы не находим женщин и среди сравнительно немногочисленных «епископов» и «дьяконов», находившихся на вершине простой и малозатратной иерархической структуры, управлявших делами катаров в Окситании. Вместе с тем нет сомнений, что женщины совершенные» пользовались огромным уважением и влиянием в своих общинах,[144] где они часто учреждали групповые дома для «вдов и дочерей местного мелкого дворянства и ремесленников».[145]

Принято считать, что среди «совершенных» в Окситании на всем протяжении существования катарской веры было больше мужчин, чем женщин (возможно, в отношении 6:4), но это происходило в результате индивидуального выбора, а не целенаправленной политики и компенсировалось большим количеством женщин среди credentes.[146]

В целом по контрасту с католической церковью статус женщин в религии катаров был высоким, а их роль — важной и общепризнанной. Такое освобождение женщин тоже должно было сыграть свою роль в великом пробуждении идей и человеческого потенциала, происходившем в Окситании в XII веке.

Революция и новый мировой порядок

Хотя катаризм являлся организованной системой духовного знания и во всех отношениях представлял собой настоящую религию, он был еще и чем-то гораздо большим.

Из предыдущего раздела мы могли убедиться, что катары осуществляли общественную программу, на многие века опередившую современное понимание, что человеческий потенциал не может быть полностью осознан без «освобождения женщины». Мы также видели, что доктрина катаров о равной участи человеческих душ независимо от пола, расы или вероисповедания естественно сочеталась с либерализмом, открытым мышлением, космополитичностью и демократическими тенденциями в обществе Окситании.

Катаризм также представлял собой последовательную антиматериалистическую философию, предлагавшую всем ее сторонникам выбор между двумя четкими путями в этой жизни: «высшим» путем и «низшим» путем. Высший путь сопровождался уединением, молитвой и отречением от мира — волевым подавлением всех физических потребностей, привязанностей и желаний, этому пути следовали «совершенные». Низший путь подразумевал участие в мирских делах, ему следовали обычные «верующие» до тех пор, пока они не получали consolamentum на смертном одре. Они надеялись достигнуть заметного прогресса в своем нынешнем воплощении в рамках грандиозного проекта освобождения собственной души от уз вещественности, но понимали, что им придется снова и снова возвращаться на материальный план бытия, прежде чем эта цель наконец будет достигнута.

Мы не можем сказать, какими были бы долговременные политические и экономические последствия такого мировоззрения, если бы ему было позволено распространяться и одержать победу в борьбе с католической церковью по всей Европе. Прочая логика подсказывает, что такое развитие едва ли привело бы к формированию двух великих политических и экономических систем — капитализма и коммунизма, которые в итоге об рели власть над душами людей в XIX и XX веках. Обе системы были основаны на полностью материалистическом мировоззрении и расходились друг с другом лишь в вопросе о производстве и распределении мирских благ. Мы можем лишь предполагать, что совершенно иные побуждения катаров, страшившихся ловушек материального мира, привели бы к формированию совсем других учреждений, связанных с производством, собственностью на средства производства и эксплуатацией рабочей силы.

Есть свидетельства, что уже в XII веке катары начали преобразование феодального экономического слоя через программы образования для взрослых и ремесленного обучения для бедных и обездоленных. К примеру, в мастерских под руководством опытных perfecti подмастерья обучались кожевенному и бумажному делу, ткачеству и торговле тканями.[147] Одна из целей этих мастерских, несомненно, заключалась в подготовке миссионеров, которые могли бы самостоятельно ходить от одного города к другому и обращать людей в свою веру (как было отмечено раньше, в сохранившихся хрониках повествуется об особенно сильном влиянии катаров на ткачей и других работников текстильной отрасли). Долговременные последствия такой просветительской программы, которая привела к образованию целого класса профессиональных ремесленников, были бы в буквальном смысле революционными, если бы она могла продолжаться и дальше. Поэтому неудивительно, что французский философ Вольтер воспользовался воспоминаниями о гонениях на катаров для обличения злодеяний католической церкви и феодального угнетения народных масс.[148] Идеи Вольтера, посвященного в масоны в 1778 году, оказали влияние на ход событий, предшествовавших французской революции 1789 года.

Пацифизм был другой основополагающей ценностью в этической системе «совершенных»; решительный отказ от насилия был частью режима самоконтроля над низменными телесными потребностями и желаниями, необходимого для посвященных. Известны случаи, когда «совершенные» предпочитали быть сожженными на костре вместо того, чтобы продемонстрировать перед инквизиторами свою невиновность в ереси, убив даже курицу.[149] Однако удивительно, что для людей с таким явным презрением к собственной жизни и к смертным мукам было характерно «абсолютное уважение к самому факту жизни; они не допускали насильственного вмешательства человеческой воли (которое неизменно считалось злым и произвольным) в участь души, находящейся на пути к спасению».[150]

Та же самая логика объясняет, почему perfecti твердо противостояли введению смертной казни даже за тяжкие преступления. Они также утверждали, что обычных мелких преступников не следует наказывать; их нужно учить, чтобы они стали лучшими

гражданами.[151] Такие авангардные доктрины, разумеется, отвергались католической церковью как возмутительные.[152]

Столь же удивительно, что катары решительно утверждали — в противоположность духу времени и учению католицизма, — что проповедники крестовых походов являются «убийцами».[153] Если бы катары продолжали завоевывать души людей с такой же скоростью, как в Окситании, вместо того чтобы пасть под ударами крестоносцев, к каким последствиям это могло бы привести? Не представляется ли весьма вероятным, что они могли бы преобразить международный ландшафт Средних веков опять-таки с непредсказуемыми, но, возможно, очень позитивными последствиями для хода мировой истории.

Ответныйудар

Но мир таков, какой он есть, а не таков, каким он мог бы стать, и катары потерпели поражение. Как мы убедимся в главах 6 и 7, они потеряли все — свою землю, свою культуру, свободу и даже жизнь — в кровавых ужасах альбигойских крестовых походов. Тридцать пять лет практически непрерывной войны, опустошавшей Окситанию с 1209 по 1244 год,[154] были временем жестоких осад, пожаров и ужасающей резни. Несмотря на то что эти вегетарианцы и пацифисты принадлежали к «церкви любви», которая «не совершала насилия ни над одним человеком»,[155] сам факт того, что катары смогли так долго противостоять папским армиям, говорит о том, что они не стали капитулировать, когда подверглись нападению. Они защищались изо всех сил.

Это далеко не единственный парадокс катарской веры. Мы уже отмечали, что их догматический ужас перед совокуплением (поскольку деторождение приносит в мир новые материальные тела для пойманных душ) не привел к значительному сокращению населения Окситании во времена расцвета катаров. Напротив, в катарских семьях рождалось много детей, и в регионе наблюдался быстрый рост населения. Разгадка этого парадокса заключается в очень разных стандартах поведения, ожидаемых от credentes и perfecti. Первые придерживались катарских убеждений, но не были обязаны следовать всем обрядам адептов веры.

Мы видели, что эта система позволяла «верующим» жениться, заводить детей и употреблять мясную пищу по своему выбору. Точно так же, несмотря на пацифистский настрой, она позволяла им противостоять гонениям, защищать свою страну и свою веру силой оружия, даже если при этом от них требовалось совершать акты «насильственного вмешательства в судьбу других душ». Сами perfecti всегда оставались в стороне от схватки, предоставляя credentes право сражаться с врагом в материальном мире. Впрочем, есть свидетельства, что перед лицом безжалостной католической агрессии и невероятных зверств, учиняемых над катарами, даже perfecti находили основания для временного отказа от своей философии абсолютного пацифизма и ненасилия. Поскольку этот мир являлся творением Бога Зла и материальное царство полностью находилось в его власти, то он мог создавать существа, исполненные чистого зла, — демонов, похожих на людей, но не имевших душ, — для уничтожения добрых мужчин и женщин катарской веры. Вооруженная борьба с такими существами, которые были многочисленны в армиях крестоносцев и среди инквизиторов, едва ли могла считаться преступлением.[156]

Древний враг

Защищаясь от смертоносного натиска крестоносцев, катары еще сильнее утвердились в своей вере. Католическая церковь была орудием Бога Зла, создавшего материальный мир как

свое личное царство ужасов и страданий, боли и несчастья. День за днем в Окситании накапливались все более убедительные свидетельства подлинности этого мировоззрения: массовые казни гражданского населения, пытки и культура осведомителей, созданная инквизицией, нескончаемое истребление катарской веры.

Масштаб кровожадности, методичность альбигойских крестовых походов, без сомнения, служат указанием на степень угрозы, которую катаризм представлял для католической церкви. Мы уже знаем, что ощущение опасности возникло из-за военной поддержки, оказываемой катарам владетельными лордами Окситании, но при изучении литературы о ересях этого периода нельзя не обратить внимания, что в борьбе двух вероисповеданий принимал участие другой, возможно, не менее мощный фактор.

Хотя масштаб гонений был беспрецедентным в истории церкви, католические власти явно считали катаризм своим старинным и смертоносным врагом. Именно по этой причине они часто называли катаров «манихеями», представителями ереси, над которой Рим предположительно одержал победу сотни лет назад. Со своей стороны катары, хотя никогда не отождествляли себя с манихеями, утверждали, что их религия происходит из глубокой древности и передавалась от одного «доброго человека» к другому. По их словам, это была подлинная вера, узурпированная церковью на заре христианства.

Большинство специалистов по истории Средневековья в наши дни предпочитают утверждать, что катаризм был, в сущности, новым феноменом и во многом являлся продуктом своего времени, но в противоборстве между катарами и католиками обе стороны придерживались иного мнения. Они считали, что сошлись в последнем эпизоде древней борьбы, имевшей глубокое значение для будущего человечества.

В следующих главах с должным уважением к мнениям специалистов мы изучим возможность того, что они могли быть правы.

ГЛАВА 3
ВСТРЕЧА ДОБРА И ЗЛА

«Они… отложились от Рая с тех пор, как Люцифер соблазнил их ложными заверениями, что, хотя Бог позволил им только добро, дьявол (лживый до мозга костей) позволит им наслаждаться и добром, и злом, и он обещал дать им жен, которых они будут любить, и дать одним из них власть над другими. Он обещал, что некоторые из них будут королями, императорами или вельможами и что они узнают, как травить птиц с помощью птиц и животных с помощью животных».

Молитва катаров[157]

До сих пор мы рассматривали проблему катаров таким образом, как будто их ересь существовала отдельно от других. Разумеется, это было не так. Они представляли значительную угрозу для римской церкви из-за своих успехов в близлежащей Окситании и Северной Италии, но фактически они являлись частью гораздо более крупной ереси, угрожавшей всему христианству в Европе — не только римским католикам на Западе, но также православной церкви с центром в Константинополе (старинная Византия, современный Стамбул).

Раскол (схизма) между католической и православной церковью назревал в течение столетий и был официально утвержден в 1054 году. К этому времени бывшие епископы Константинопольские уже привыкли называть себя «экуменическими патриархами» — в буквальном смысле «патриархами всего населенного мира».[158]

Балканы в X–XIV веках.

Поскольку такое поведение бросало вызов владычеству папы римского, оно было источником большой взаимной враждебности, тем не менее обе церкви придерживались единого мнения по вопросу об искоренении ересей.[159] Точно так же, как римская церковь, столкнувшаяся с катарской верой на Западе в XII–XIII веках, Константинопольский патриархат столкнулся на Востоке с так называемой богомильской ересью, которая начала распространяться примерно на 200 лет раньше и сохранялась до конца XIV века.

Эта ересь называлась богомильской в честь ее предполагаемого основателя, чье имя по-гречески звучало как Теофил [Феофил], а по-славянски как Богомил, что значит «возлюбленный Господа».[160] Живший в Болгарии в первой половине X века, этот загадочный человек проповедовал разновидность дуализма, почти идентичную вероучению, которое впоследствии возникло в Западной Европе под названием катаризма. Его также помнят как организатора политического восстания, которое дало гонимым славянским народам собственный голос и побудило их отречься от своих болгарских властителей, находившихся под сильным греческим влиянием.[161]

Хотя богомильская ересь продержалась на Востоке на 300 лет дольше, чем учение катаров на Западе, у нас мало достоверных сведений о самом Богомиле. Не сохранилось ни одного письменного описания этого человека, и мы ничего не знаем о том, где он родился и умер, кем были его учителя и как широко распространялась его проповедь.[162] Первое сохранившееся сообщение, где он упоминается по имени (хотя не первое, где упоминается о созданной им ереси),[163] появляется в книге, написанной между 977 и 990 годами.[164] В этом трактате, составленном враждебно настроенным христианским монахом по имени Козьма, говорится лишь о том, что «в дни православного царя Петра [927–969] жил священник по имени Богомил (возлюбленный Господа), который на самом деле не был любим Господом («Богу-немил») и первым посеял семена ереси на болгарской земле».[165] Хотя в книге Козьмы больше нет сведений о самом человеке, она была написана специально для опровержения вероучения, основанного Богомилом. Целью Козьмы было привлечь внимание православной церкви к угрозе, с которой она столкнулась, и покаяться церковной власти за допущенные ей оплошности, позволившие такой ереси распространяться и процветать.[166]

Ближе к источникам власти

После смерти болгарского царя Петра в 969 году богомильство быстро распространилось на Запад за пределы Болгарии в балканские принципалитеты Сербии и Боснии (где оно обрело настолько прочную опору, что часто считалось официальной государственной религией).[167] Не менее влиятельное в Хорватии, Далмации и Македонии, оно проникло даже в великий Константинополь, средоточие православной веры.[168] Первое сообщение о богомильской ереси в стенах Константинополя датируется 1045 годом. Оно основано на «Беседах», написанных монахом Евфимием Зигабеном, который даже утверждал, что обнаружил еретическую «ячейку» в собственном монастыре.[169]

Козьма I (1075–1081)[170] был первым константинопольским императором, предпринявшим жесткие меры против богомилов.[171] Его приемник Алексей I Комнин (1081–1118) проявлял еще больше энергии в своих нападках на эту ересь. Где-то между 1097 и 1104 годами он приказал арестовать известного богомила по имени Дивлат, которого подвергли пыткам ради сведений о лидерах движения. След привел к Василию, монаху-раскольнику из Македонии, ныне жившему под прикрытием монастыря в Константинополе, который якобы проповедовал богомильскую ересь более 40 лет.[172]

Комнин устроил ловушку для Василия. Сделав вид, что знает его только как уважаемого православного монаха, император скромно попросил просветить его в вопросах христианской веры. Несмотря на осторожность, Василий не мог упустить столь замечательную возможность, чтобы попытаться обратить Комнина в богомильство. Последовал ряд встреч, в ходе которых император подробно расспросил несчастного Василия и окольным путем заставил его раскрыть не только главные доктрины ереси, но и компрометирующие подробности ее организации и членства в Константинополе.[173]

Потом Василий и его сообщники были арестованы. Согласно летописям того времени, Комнин лично увещевал богомилов, пытаясь вернуть их в лоно православной веры. Те, кто отрекся от ереси, были прощены и получили свободу, те, кто упорствовал, получили пожизненное заключение. Лишь Василию была назначена высшая мера наказания, столь любимая охотниками за ересью на Западе: его сожгли на костре. Костер был устроен на константинопольском ипподроме для вразумления огромной толпы зрителей.[174]

В сохранившихся хрониках из Константинополя больше ничего не говорится о богомилах до 1140-х годов, когда появляются сообщения о новых судах над еретиками.[175] Мы узнаем, что в 1145 году сам Козьма Аттик, патриарх православной церкви, попал под влияние некоего богомила Нифона. Когда — о ужас! — еретику было позволено жить во дворце патриарха, другие православные священнослужители развернули агитацию против него. В конце концов они направили свои жалобы непосредственно императору Мануилу I (о котором впоследствии ходили слухи, что он имел тайные «богомильские наклонности»), и в 1147 году Козьма был низложен, а Нифон арестован.[176] Тем не менее этот эпизод указывает, что в середине XII века, примерно в то же время, когда катаризм впервые был воспринят как угроза для западной церкви, богомильство превратилось из незначительного культа, основанного малоизвестным священником, в крупное религиозное течение, обосновавшееся рядом с источниками власти на Востоке.

Старейшина Никита

Предчувствие появления новой веры, обретающей форму, накапливающей силы, выстраивающей свою организацию на глазах у людей, обострилось 20 лет спустя, в 1167 году. В этом году Никита, старейшина богомильских общин из Константинополя, неожиданно объявился на Западе. Сначала он появился в Ломбардии (Северная Италия), где убедил местных епископов из числа катаров принять важные доктринальные изменения и получить «повторное утешение» из его рук[177] Затем он направился в Лангедок.

Вся верхушка катаров ожидала его прибытия в городке Сент-Феликс-де-Караман в окрестностях Тулузы. Под его руководством были решены рутинные вопросы, такие, как пограничные разногласия между катарскими епископатами, и были учреждены три новых епископата в Тулузе, Каркассоне и Ажене (Эжене).[178] Однако, как и в Ломбардии, главной целью визита Никиты, по-видимому, было стремление внести важные доктринальные изменения в катарское вероучение и подтвердить существование тесной связи между катарской и богомильской церквями на этом этапе.[179] Действительно, огромное уважение, оказываемое Никите, и тот факт, что он произвел обряд «повторного утешения» всех присутствующих perfecti, ясно свидетельствует, что между двумя церквями существовали отношения старшего и младшего, или материнской и дочерней. Иными словами, в 1167 году катары явно рассматривали богомильство как «материнскую церковь» и признавали ее главенство.

Этот вывод подтверждается современными историками, собравшими убедительные доказательства того, что катаризм на Западе был прямым отпрыском богомильства.[180] Хотя Северная Италия находится ближе к Константинополю, ересь, по-видимому, сначала была занесена в Северную Францию и даже в Германию (сохранилось сообщение о суде над катарским епископом в Кельне еще в 1143 году).[181] Не вполне ясно, когда и каким путем она попала в Лангедок, но не вызывает сомнений, что она существовала там достаточно долго, так как в 1167 году между катарскими епископатами уже возникли пограничные споры.

Судя по всему, в религиозной доктрине западных катаров существовали некоторые пробелы, для исправления которых Никитой были внесены изменения. Эти изменения вернули катаризм в лоно его собственной могущественной фракции богомильской церкви, верившей в абсолютную противоположность «двух сил», Добра и Зла.[182] Но другие богомилы, а до 1167 года и многие катары, отстаивали убеждения, нарушавшие эту абсолютную противоположность. Эти так называемые «умеренные дуалисты» рассматривали возможность связей и даже семейных отношений между Богом Добра и Богом Зла, что было совершенно неприемлемо для настоящих дуалистов.

Другой целью визита Никиты была организация дальнейшей миссионерской деятельности по всей Европе, пользуясь Окситанией в качестве плацдарма. Есть свидетельства того, что участники Собора 1167 года разъехались воодушевленные и готовые принять активное участие в этой деятельности.[183]

Социальная инженерия

В конце XII века появились признаки хорошо спланированного и скоординированного сговора между катарской и богомильской церковью.[184] Цель этого сговора была самая революционная: бросить вызов и в конечном счете низвергнуть римскую церковь на западе и православную церковь на востоке. Абсурдный культ Бога Зла, сотворившего этот мир, нужно было подточить — не сразу, но постепенно, город за городом, регион за регионом. Его место должна была занять истинная дуалистическая религия катаров и богомилов. Главной целью проекта было освобождение человеческих душ из темницы вещества и возвращение в небесное царство Бога Добра, который сотворил их. Поскольку это требовало особого отношения к материальным вещам, резко отличавшегося от преобладающих интересов того времени, назрела необходимость крупномасштабных и долговременных перемен в структуре общества.

В наших исследованиях этот вопрос прояснился, когда мы обнаружили, что катары в Окситании занимались довольно активной деятельностью, которую мы определили в предыдущей главе как «эксперименты с феодальным экономическим строем».

Едва ли можно считать совпадением, что богомилы делали то же самое. Начиная с самых ранних упоминаний об этой ереси в X веке их связывали с общественными, экономическими и политическими неурядицами. «Они учат своих последователей не подчиняться их хозяевам», — предупреждал монах Козьма, обличавший богопротивные деяния этой, казалось бы, новой ереси. «Они презирают богатых, ненавидят царей, насмехаются над вышестоящими, укоряют бояр. Они верят, что Бог в ужасе смотрит на тех, кто трудится на благо царя, и советуют крепостным не работать на своих хозяев».[185]

Неудивительно, что на основании таких материалов многие историки сочли богомильство «основой… общественного движения, направленного против феодального угнетения».[186] Другие не соглашаются и говорят, что нам следует «остерегаться приписывать слишком большое значение социальному анархизму богомилов и видеть в них славянских коммунистов эпохи Средневековья».[187] С нашей точки зрения, оба аргумента не вполне корректны. Богомилы не были средневековыми коммунистами, поскольку коммунизм является материалистическим мировоззрением и имеет дело только с физическим миром, но точно так же богомильство не являлось основой общественного движения. Свидетельства убеждают нас в том, что богомильское вероучение, как и катаризм, было первым и последним духовным движением, заинтересованным исключительно в освобождении душ. Стремление к этой духовной цели, а не какие-то обычные признаки «общественного движения» неизбежно вело богомилов к революционному поведению в материальном мире. Оно вдохновляло их на критику земных иерархий и целенаправленно создавало мятежные настроения.

Такой же феномен «социальной инженерии, сочетавшейся с дуалистической ересью», наблюдался и в других частях Европы. В предыдущей главе мы показали, что катары сами занимались созданием класса профессиональных ремесленников — особенно ткачей и других работников текстильной и бумажной индустрии. Таким образом, просвещение бедняков через развитие ремесленных навыков шло рука об руку с распространением веры. Поэтому нас не удивляет, что итальянские исследователи нашли доказательства существенных связей между катарами и ремеслом изготовления кошельков. Как и ткачество, это занятие служило удобным прикрытием для миссионерской деятельности и позволяло проповедникам катаров путешествовать инкогнито, «производя и продавая свои товары и в то же время заводя еретические связи».[188]

Несмотря на то что дуалисты признавались в ненависти к этому миру, такие стратегии показывают, что они без колебаний пользовались вполне мирскими и практичными методами, чтобы обращать в свою веру прихожан официальной христианской церкви. После странствий вместе с итальянскими катарами в начале XIII века некий Иво из Нарбонна сообщил, что они обычно «посылали в Париж способных студентов почти из всей Ломбардии и некоторых городов Тосканы. Там некоторые изучали логику, другие теологию, стремясь укрепиться в своих заблуждениях и ниспровергнуть католическую веру».[189] Такие свидетельства расчетливости и продуманной стратегии не вступают в явное противоречие с духовной целью катаров с учетом того, что они верили в свое участие в борьбе двух противоположных начал за человеческие души, борьбе, которая часто заканчивалась смертью. Если позволить католической церкви навсегда погасить свет катаризма, то души людей тоже навсегда окажутся утраченными. При таких высоких ставках и дьявольской природе врага любые средства, честные или нечестные, с их точки зрения, были оправданными.

Школа ереси

Другое свидетельство того, что катары и богомилы участвовали не только в общественной пропаганде, но и в скоординированном «заговоре» с целью ниспровержения официального христианства, дает исследование методов, которыми они пользовались для обращения в свою веру. Тесное сходство приемов и процедур, используемых в обеих сектах, указывает на одинаковую подготовку. Здесь опять возникает впечатление, что мы имеем дело с вполне приземленными и расчетливыми людьми, вовсе не чуждавшимися путей этого мира.

Они также обнаруживали хорошее знание основных принципов психологии: курс миссионерских наставлений начинался с легко усваиваемых общих мест, и лишь потом они мало-помалу переходили к более глубоким и еретическим — а значит, потенциально шокирующим — аспектам своего вероучения.[190] Евфимий, допрашивавший монаха Василия в Константинополе, пока тот ожидал своей казни на ипподроме, узнал, что богомилы начинали с наставления своих последователей в тех верованиях и обрядах, которые они разделяли с православной церковью, «приберегая свои богомерзкие доктрины до более позднего времени и доверяя их лишь более посвященным в их нечестивые таинства».[191] Иными словами, цель заключалась в том, что бы постепенно отделить потенциальных кандидатов от убеждений, в которых они воспитывались, прежде чем попытаться заменить эти убеждения альтернативной дуалистической системой.

Другим методом, использовавшимся проповедниками катаров и богомилов, было обращение к здравому смыслу и скептицизму обычных людей для развенчания церковных обрядов — а отсюда, по аналогии, всей религиозной конструкции, на которой они были основаны. Излюбленной мишенью катаров была литургия: они просили прихожан тщательно и объективно обдумать все подробности этого церковного ритуала. К примеру, когда они принимали хлеб и вино Святого Причастия, разве можно было представить — хотя католические священники учили их этому, — что они употребляют подлинное тело и кровь Христову? Разве это не противоречило здравому смыслу, если не сказать больше? Все когда-либо существовавшие католики служили литургию и принимали Святое Причастие в течение многих столетий. Если бы они действительно употребляли физическое тело и кровь Христа, то он должен был быть по меньшей мере размером с гору, с венами, подобными рекам, что на самом деле не соответствовало действительности. Более того, подходя к проблеме с другой стороны, катарские проповедники часто напоминали о таких малоприятных вещах, как процессы пищеварения и их конечные продукты. Неужели добрые люди, которые действительно любят Господа, хотят пропускать Его тело и кровь через свой кишечник?[192] Что за религия требует от них участия в столь нелепых и, откровенно говоря, каннибалистских обрядах? Таким образом, соображения логики, здравого смысла и хорошего вкуса заставляли усомниться в правоте церкви в этом основополагающем вопросе еще задолго до того, как наступало время переходить к более чувствительным катарским доктринам, таким, как догмат о нематериальной природе Христа.

На следующем этапе в процессе обращения миссионер часто приводил конкретные примеры того, как далеко отклонилась Церковь от своего истинного пути. Излюбленными примерами были печально известные грехи представителей духовенства и их роскошный образ жизни. Все это наглядно сравнивалось с простой, честной и безыскусной жизнью подлинных христиан, заповеданной Христом в Новом Завете. После размышлений над этими кричащими противоречиями большинство разумно мыслящих слушателей почти не нуждались в дальнейшем убеждении, что гниль проникла в самое сердце церкви.

На следующем этапе обращения знакомство с дуалистической доктриной о дурной природе материального мира происходило на многочисленных и легко понятных примерах. Проповедники могли говорить о землетрясениях, извержениях вулканов, ударах молний или укусах змей наряду с целым сонмом других зол, с которыми мы сталкиваемся в материальном мире.[193] Как и раньше, приводились целые главы из Нового Завета, на этот раз призванные

подтвердить, что истинное учение Христа и его апостолов поддерживало дуалистическую доктрину отрешения от материальных вещей.[194]

Малькольм Ламберт, современный ученый, решительно симпатизирующий католикам, утверждает, что еретики обычно достигали этой цели с помощью бесчестных манипуляций с фрагментами из Нового Завета, «вырванными из контекста», для подкрепления дуалистической позиции.[195] В результате большинство обычных слушателей, не искушенных в тонкостях церковной доктрины, убеждались в том, что они получили «увещевание от добрых людей, основанное на словах Иисуса Христа и его ближайших последователей».[196]

Таким образом, неудивительно, что катары и богомилы в течение долгого времени достигали огромных успехов в своих сферах влияния. К концу XII века они создали то, что Стивен Рансимен назвал «единой конфедеративной дуалистической церковью… простиравшейся от Черного моря до Бискайского залива».[197] Ядро этой церкви составляли шестнадцать епископатов, расположенных в густо населенных районах от Константинополя на востоке до Тулузы на западе.[198] Поскольку еретики с самого начала пользовались огромным влиянием в городах и сельской местности и обычно начинали работу по обращению в свою веру с нижних слоев общества, то к началу XIII века они занимали поразительно сильные позиции в Европе. Не прошло и 250 лет с тех пор, как сам Богомил впервые появился в Болгарии с проповедью доктрины о Боге Добра и Боге Зла. Однако за это короткое время средневековый дуализм создал целую международную инфраструктуру и в достаточной мере заручился народной поддержкой, чтобы думать о себе как о полноправной церкви и провозглашать свою «универсальность и наднациональное единство»[199] в противоположность официальной церкви.

Портрет Дориана Грея

Если вместе с большинством ученых согласиться с тем, что богомильство было «болгарским катаризмом»[200] или, точнее, что «катаризм по своему происхождению был западной разновидностью богомильства»,[201] какие наиболее важные верования составляли основу этой еретической общеевропейской религии?

Как мы могли убедиться, основополагающее значение имел принцип дуализма — т. е. вера в двух богов, доброго и злого, причем последний изображался создателем Земли, человечества и всех материальных вещей. Это, в свою очередь, привело дуалистов к заключению, что Иисус Христос, как эманация Бога Добра, не мог существовать «во плоти», которая по определению являлась злом. Сходным образом он не мог быть рожден и распят (для того и другого требовалось физическое тело), а потому не мог искупить наши грехи своей смертью на кресте.

Читатель уже знаком с концепцией, разделяемой катарами и богомилами, согласно которой Святой Дух был принесен на землю нематериальным Христом и с тех пор передавался «от одного доброго человека к другому» через ритуал consolamentum и возложение рук. В обеих формах дуалистического вероучения этот ритуал был одинаковым и служил орудием инициации, благодаря которому приобреталось священное знание (гнозис), возвышавшее кандидата из разряда неофитов в разряд адептов.[202]

Такие обряды и верования сами по себе четко обозначалиключевые различия между господствовавшей христианской религией, с одной стороны, и вероучением катаров и богомилов с другой стороны, но существовало и множество других отличий, как можно ожидать от подлинно гностической ереси, не имевшей авторитарного характера. Как и все формы и разновидности гностицизма, она ставила силу индивидуального откровения превыше любой официальной доктрины. В результате частью религиозной жизни катаров и богомилов были всевозможные рассуждения и предположения по поводу основных

концепций их вероучения, включая вопрос о происхождении зла, изначальной благости и бессмертии человеческих душ и причине их многократного воплощения в человеческих телах в порочном материальном мире. Именно свобода индивидуального творчества и самовыражения привела к главному расколу в еретической церкви между так называемыми «абсолютными» и «умеренными» дуалистами, которые, в свою очередь, делились на ряд более мелких сект. Эти секты соперничали за свою паству, «поскольку имели разные, а иногда противоположные мнения»,[203] но явно признавали друг друга и сосуществовали в духе взаимной терпимости.[204]

Несмотря на интеллектуальную анархию, преобладавшую среди еретиков, мы сочли возможным выделить некоторые основы их вероучения, общие для всех или, по крайней мере, для большинства из них. Когда мы сравниваем эти основы с основами традиционного христианства, трудно отделаться от зловещего ощущения, что каждая из них была причудливо искаженным отражением другой. Подобно Дориану Грею и его портрету на чердаке, они были сходными противоположностями — близкими и в то же время очень далекими.

Странствия души

Одним из вопросов, вызывавших живейший интерес и непримиримое расхождение, был вопрос о происхождении души, ее конечной участи и ее связи с человеческим телом.

Традиционное христианское учение не допускает двусмысленного толкования: «Каждая отдельная душа является новым творением Божьим, которую Он вдыхает в тело, предназначенное для этого».[205] После смерти душа отделяется от тела, хотя и не навсегда, так как им суждено воссоединиться после Второго Пришествия Христа и воскрешения мертвых. Тогда «отлетевшие души вернутся к телесной жизни, и спасшиеся войдут в этом обновленном облике в Царствие Небесное».[206] Этот взгляд, названный «основополагающим элементом» христианской доктрины, преобладал среди средневековых теологов, уверенных что «воскрешение будет подразумевать сбор и оживление частиц мертвого тела».[207]

Естественно, катары и богомилы не верили в телесное воскрешение. Они считали такую идею противоречащей здравому смыслу и просто отвратительной. Их интерес был сосредоточен исключительно на душе, которую они рассматривали как бессмертную нематериальную сущность,[208] входившую в человеческое тело при зачатии и носившую его как «одежду», пока тело не умирало. Они представляли душу как путешественницу во времени, участвующую в грандиозном странствии на пути к совершенству. Вместо однократного «воскрешения» миллиардов заплесневелых трупов в Судный День они придерживались мнения, что каждая душа многократно возрождается на земле во множестве разных тел — как человеческих, так и животных,[209] — прежде чем достигнуть своей цели. Во многом, как и в буддизме, целью было продвижение к возвышенному состоянию отрешенности, чистоты и самоконтроля, достижимому лишь в человеческой форме,[210] которое считалось необходимым для вечного освобождения души от заключения в материальном мире. Ценой была жизнь (а возможно, и много жизней) сурового аскетизма и медитации. Более того, хотя ограничения были абсолютно необходимыми, они сами по себе считались недостаточными для освобождения души. Для этого требовалась еще и сила Святого Духа, передаваемая через возложение рук в ритуале consolamentum.

Поэтому в дуалистической схеме вещей посмертная участь Души зависела от того, что она сделала в течение только что завершившегося периода своего физического воплощения.

Если благодаря усилиям, приложенным в этой и предыдущих жизнях, душа рождается в теле мужчины или женщины, который становится «совершенным» катаром или богомилом, и если этот человек умирает в полностью «утешенном» состоянии без каких-либо

прегрешений, то срок земного заключения для души заканчивается. Освобожденная от оков вещества, она возвращается в свой истинный дом на высочайшее небо — в царство чистого духа, где правит Бог Добра.

С другой стороны, если душа воплощается в теле, которое не имеет возможности приобщиться к учению катаров или богомилов и таким образом получить «утешение», то ей предстоит родиться в следующем теле и так далее до тех пор, пока она в конце концов не придет к «пониманию Господа».[211]

Во фрагментах дуалистических учений, которые дошли до нас, косвенным образом угадывается доктрина кармического воздаяния. Ясно, что доброта и личное самоограничение считались благотворными для продвижения души к окончательному освобождению, в то время как порочная жизнь, наполненная страстями, имела глубоко негативные последствия. Наказания «кармической» природы проявлялись в форме возрождения в особенно ужасающих обстоятельствах либо в теле идиота или даже безгласного животного — что, за неимением речи и рассудка, могло лишь затормозить прогресс души, заключенной в этом теле.[212]

Иегова, дьявол и Ветхий Завет

Для катаров и богомилов Земля и все материальные вещи в воспринимаемой вселенной были творениями Бога Зла. Хотя они почитали Бога Добра, но признавали, что он существует на совершенно ином плане бытия и не оказывает прямого влияния на «игровую площадку» дьявола.

В противоположность этому, христиане верили, что лишь один Бог, всемогущий и бесконечно добрый, сотворил материальный мир, человеческое тело и душу. Он также создал Царствие Небесное где-то «наверху» и за пределами материального плана бытия. Туда попадают избранные Им души, воскрешенные в своих телах, и ждут Судного Дня, в то время как все остальные — поголовно грешники — отправляются в заботливо подготовленный Богом ад, где их ждут вечные мучения.

В официальной христианской религии книги Ветхого Завета, как и книги Нового Завета, считаются боговдохновенными текстами, образующими неотъемлемую часть их канонических писаний.[213] При этом подчеркивается преемственность между старым «законом», разделяемым с иудейскими синагогами, и новым «законом», принесенным Иисусом. Когда римские католики или православные христиане говорят о Боге как об «Отце», а об Иисусе как о «Сыне», они недвусмысленно подразумевают, что «Отцом» является не кто иной, как Яхве (Иегова), Бог Ветхого Завета. Ничто не убеждает нас поверить, что он стал совершенно иным или хотя бы радикально преобразившимся божеством. Иисус, безусловно, приносит Новый Завет, но не нужно читать надписи, набранные мелким шрифтом, чтобы понять, что Бог, которому христиане молятся в церкви, все равно является Иеговой.

Еретики в целом принимали тот же сценарий, но их отношение к нему было совершенно иным. Вместо того чтобы служить объектом преклонения, Иегова для них был синонимом «Дьявола», «Сатаны» или «Люцифера» — одного из многих имен, под которыми был известен Бог Зла, сотворивший материальный мир. Они судили о нем по его хорошо известным деяниям, которые всегда были произвольными, насильственными, жестокими и исполненными чувства мести. Ветхий Завет, где описывались эти деяния, был просто одним огромным гимном в честь абсолютной жестокости Иеговы и рассматривался катарами и богомилами как безнадежно порочный текст, исполненный скверны от начала до конца и написанный с целью улестить это злобное божество. Принять его в качестве Священного Писания, как сделали представители традиционного христианства, означало полностью капитулировать перед дьяволом. Поэтому они изгнали Ветхий Завет из своей жизни и не

принимали никаких аргументов, основанных на его текстах.[214] Вместо этого они полагались на Новый Завет, а в некоторых крайних случаях лишь на несколько отдельных книг Нового Завета.

Итак, хотя они не являлись христианами, религия Нового Завета была их религией. Однако они также высоко почитали несколько других текстов, которые, как мы убедимся впоследствии, не были известны традиционной церкви или же отвергались ею.

Существо из грязи и дыра в небесах

Если раздельность и полная несовместимость царства духа и царства вещества были основной концепцией дуализма, то как получилось, что души, имевшие чисто духовную природу и сотворенные Богом Добра, могли оказаться заключенными в человеческих телах, сотворенных Богом Зла?

Катарские и богомильские миссионеры имели в своем распоряжении богатую коллекцию мифов, помогающих разрешать такие парадоксы и ответить на вопросы, вытекающие из них, в живописной и увлекательной форме.[215] Эти мифы не являлись «догмами» или даже «доктринами», и было бы глупо считать, что их воспринимали буквально. Их считали скорее нравоучительными историями, используемыми для наставления слушателей. Цель проповедников заключалась в том, чтобы дать разным людям в различных обстоятельствах личное и независимое понимание таинств их вероучения.

Суть дуалистических мифов сводится к тому, что парадоксальное соединение добра и зла в человеческой природе произошло после того, как Бог Зла (Иегова/Сатана) сотворил Землю, как описано в Ветхом Завете. В некоторых мифах утверждается, что он остался неудовлетворен этим достижением и попытался сотворить человека, вылепив тело из грязи или глины наподобие горшечника.[216] Но, как он ни старался, ему не удалось вдохнуть дух жизни в созданное им тело, ибо дух жизни есть дар, принадлежавший только Богу Добра. Поэтому в отчаянии:

«… он отправил посольство к Доброму Отцу и попросил его ниспослать его дыхание, пообещав, что разделит с Ним человека, если тот будет наделен жизнью… Поскольку Бог добр, Он согласился и вдохнул в сотворенное (Иеговой/Сатаной) дыхание жизни. Так человек стал душой живою, прекрасный телом и наделенный многими достоинствами «.[217]

Оригинальное дополнение содержится в простонародной разновидности этого мифа, рассказанной перед судом инквизиции в Тулузе в 1247 году. По показанием свидетеля, один из катаров поведал ему, как дьявол сделал тело первого человека, Адама, а Бог наделил его душой, но потом человек встал и сказал дьяволу: «Я не принадлежу тебе».[218]

Таким образом, человек с самого начала был свободомыслящим существом, осознававшим благое начало внутри себя и способным к подавлению дурных материальных наклонностей своего тела. Естественным побуждением этой «живой души» является возвращение в царство Бога Добра, однако она не может этого сделать, не достигнув очищения, поскольку теперь она отягощена плотью. Хуже того, вопреки обещанию разделить Адама с Богом Добра, Бог Зла вознамерился монополизировать свои права на человека и еще глубже вовлечь его в царство бренного мира и заставить забыть о своем духовном происхождении. Неожиданно (а иногда необъяснимо) на сцене появляется еще одна живая душа, Ева, и дьявол побуждает их с Адамом «к плотскому союзу, который окончательно закрепил их положение в материальном мире».[219] Тем не менее, первоначальный дар Духа, полученный от Бога родителями, передавался их потомкам через акт воспроизводства, и их

души, теперь прикованные к бренной оболочке, снова и снова возрождались на земле, принадлежащей дьяволу.

В другом мифе те же основные моменты подаются в несколько ином свете. Здесь Бог Зла первоначально существует не в качестве совершенно отдельного принципа, но как эманация Бога Добра, будучи небесным существом, сходным с ангелами из наших представлений. Подобно Сатане в христианской космологии, гордыня, надменность и зависть развратили его, и он был вынужден покинуть Высшее Небо. В момент своего падения он увлек с собой «великое множество душ, созданных Богом и обитавших рядом с ним в состоянии блаженства. Из этого неисчерпаемого источника падших или пленных ангелов происходят человеческие души».[220]

В других вариантах Бог Добра и Бог Зла изображаются как равные и противоположные силы, или же последний снова становится падшей эманацией первого. Создав материальный мир, Бог Зла заманивает с небес множество ангелов. Он добивается этого, пообещав им «материальные блага, золото, серебро и жен, пока они не посыпались на землю, подобно дождю, в течение девяти дней и ночей, где Сатана заключил их в смертные тела».[221] Во многих историях говорится о том, что треть всех ангелов небесных из-за своей «слабости» поддалась искушению спуститься на землю и одушевить безжизненные тела, приготовленные для них Богом Зла.[222] Между тем Бог Добра заметил резкое падение уровня ангельского населения и обнаружил, что уход многих из них проделал дыру в небесах. Он предотвратил дальнейшие потери, закрыв дыру своей ногой, и сообщил уже павшим, что они останутся на земле, заключенные в смертных телах, «пока не придут сроки».[223] Дьявол верит, что он навсегда заключил падших ангелов в человеческом облике благодаря циклу перевоплощений, где инстинкт размножения обеспечивает бесконечное производство новых тел взамен изношенных от времени. Но загадочные слова «пока не придут сроки» приводят нас к пониманию того, что у Бога Добра есть план, который расстроит планы дьявола и вернет заблудшие души на небо.[224]

Голографическая миссия Христа в царстве чуждого бога

Поскольку в дуалистическом контексте Бог Добра обладает властью лишь в своем духовном царстве, а Бог Зла могущественен лишь в материальном царстве, нелегко изобрести механизм для проникновения одного из них во владения другого. Вероятно, поэтому необходимо очень долгое время — тысячи лет, судя по всем космологиям катаров и богомилов,[225] — чтобы Бог Добра осуществил свой план и расстроил замыслы дьявола.

Этот план был задуман из сострадания к заключенным душам ангельского воинства, поскольку их земная жизнь в изоляции от Святого Духа, наполнявшего их перед падением, исполнена «невообразимых страданий».[226] Лишенные животворного сияния Духа и его благого прикосновения, они томятся в заключении вдалеке от своего истинного дома, на том плане бытия, к которому они не принадлежат. Их горе выражается в катарской молитве: «Мы не от этого мира, этот мир не от нас, и мы страшимся встретить смерть в этом царстве чужого Бога».[227]

Эта молитва обнажает корень проблемы. Как Бог Добра сможет направить свою духовную силу в материальное царство Бога Зла, чтобы спасти заключенные там души?

Все дуалисты одинаково отвечают на этот вопрос: через Иисуса Христа. Но их Иисус сильно отличается от Иисуса «сына Божьего», рожденного человеком, впоследствии распятого и воскресшего из мертвых, почитаемого римскими католиками и православными христианами. Читатели помнят, что катары и богомилы считали Христа лишенным

материального воплощения; он был эманацией Бога Добра, который никогда не рождался во плоти, но проявился на материальном плане бытия в качестве очень убедительного, однако «нематериального» призрака. Может быть, для наглядности даже будет полезно сказать, что для дуалистов фигура Христа была разновидностью аватары, не сотворенного материального существа, а эманацией или орудием Добра, «посланного для того, чтобы действовать в сотворенном мире».[228]

Миссия Христа была троякой.

Во-первых, Он должен был проповедовать религию и передавать знание (гнозис), которое снимет пелену с глаз человечества и даст высшим посвященным понимание смысла смерти, истинной цели бытия и участи души.

Во-вторых, Он должен был давать наставления о наилучшем образе жизни для людей в их огромном цикле перевоплощений в аду под названием Земля. В долгосрочном проекте очищения душ, оскверненных веществом, и их подготовке к возвращению на небеса определенные виды общественного устройства и личных отношений больше способствовали успеху этой миссии, нежели другие. К примеру, если человечество можно будет убедить организовать свою жизнь в соответствии с принципами любви, ненасилия, доброты, умеренности, терпимости и милосердия, то это, очевидно, будет лучше, чем ненависть, кровопролитие, жестокость, распущенность, мстительность и догматизм. Поскольку Бог Зла пользуется любой возможностью, чтобы подтолкнуть нас к удовлетворению самых низменных и порочных побуждений, наставления Иисуса должны были послужить противовесом.

Несмотря на отсутствие материального тела, безупречная «жизнь», которую Он провел на Земле, должна была служить примером для всех остальных.

Третьей и едва ли не самой важной целью «голографической миссии» Христа был светоносный фрагмент Святого Духа, принесенный Им от Бога Добра. Для тех душ, которые смогли добиться успеха в самоочищении и самосовершенствовании на Земле, этот фрагмент давал последний необходимый импульс священной энергии, позволявший освободиться от оков вещества и вернуться на небо.[229] Его можно представить как пылающий факел, зажженный от неугасимого огня Духа в небесах и теперь передающий свое живительное пламя душам, страдающим в материальном мире внизу.

Катары считали, что до своей притворной смерти на кресте Иисус вверил опеку над этим духовным пламенем своим апостолам через возложение рук — первоначальный ритуал consolamentum, — а значит, и основателям истинной церкви.

Короткая экскурсия в параллельные миры

В ходе наших многолетних исследований мы довольно долгое время интересовались религиозными системами, где придавалось особое значение дуалистическим парам, таким, как «небо и земля» и «наверху и внизу». В предыдущих книгах мы утверждали, что такие системы некогда занимали видное место в древнем мире — особенно в Египте.[230] Существуют, к примеру, заупокойные тексты, составленные 3500 лет назад (можно привести и более ранние примеры подобных текстов), где фараон получает наставление создать наземную копию небесного региона, называемого «скрытый круг Дуат»,[231] чтобы получить знание (гнозис) о нем. Он должен сделать это для того, чтобы после смерти стать «духом, который снабжен всем необходимым на небе и на земле, неизменно, регулярно и вечно».[232]

Эта цитата из 11-го раздела «Книги того, что есть в мире Дуат» (начертанной на стенах гробницы Тутмоса III, 1479–1425 гг. до н. э.). Далее, в 12-м разделе этого же текста фараон

второй раз получает наставление сделать наземную копию скрытого круга Дуат, чтобы она «была ему магической защитой как на небе, так и на земле».[233]

Мы утверждали, что такое дуалистическое мышление было ключевым элементом религии Древнего Египта в течение как минимум 3000 лет, от начала Старого царства до эпохи Христа, и мы попытались показать, что эта религия вдохновила фараонов взяться за осуществление великих строительных проектов — к примеру, пирамид на плато Гиза или храмовых комплексов Карнака и Луксора, — строители которых самыми разными способами стремились «копировать» или «воссоздать» совершенство небосвода на земле Египта.[234]

Поэтому нам было интересно обнаружить, что в сохранившихся текстах и преданиях и инквизиторских докладах из Окситании, Италии и Константинополя содержатся не только обильные примеры хорошо известного дуализма между духом и веществом и добром и злом, исповедуемого катарами и богомилами, но и более редкие примеры явно «древнеегипетского» дуализма между небом и землей.

К примеру, около 1100 года, когда Евфимий допрашивал богомильского проповедника Василия в Константинополе, ему рассказали одну из версий мифа о «падших ангелах», часто используемого для объяснения, каким образом души, сотворенные Богом Добра, оказались в телах, сотворенных Богом Зла.

В этом варианте и Сатана, и Иисус являются «сыновьями» (эманациями) Бога Добра. Старший «сын», Сатана, возжелал царство отца и восстал против него. Восстание закончилось неудачей, и Сатану изгнали из рая, однако, движимый гордыней и завистью, он по-прежнему жаждет обладать царством, где он может быть богом. Поэтому он создает землю и «второе небо», изготавливает человеческие тела из грязи и воды и убеждает Бога Добра вдохнуть в них души.[235] Остальная часть истории известна читателю.

Другой намек на эту линию мышления содержится в докладах о катарских учениях об «истине верхнего и нижнего мира»,[236] собранных инквизицией. Здесь мы читаем о Боге Добра, «проповедующем на небесах своему народу», и о том, как он послал Сатану в «этот мир» и как впоследствии Сатана возжелал «иметь долю от низших и высших владений, но Господь не пожелал этого, и потому разразилась война, продолжавшаяся долгое время».[237] В одном живописном отрывке из катарского учения также говорилось о том, что «волы… паслись, пахали землю и работали на небе так же, как и на земле».[238]

Такие учения, далекие от подлинных догматических определений, с нашей точки зрения, лучше всего считать упрощенными иллюстрациями или мысленными образами, помогавшими неофитам постигать трудные концепции. Через них красной нитью проходит основополагающая дуалистическая идея о существовании двух параллельных миров, чисто духовного и чисто материального, которая здесь представлена в виде наглядных метафор, основанных на противопоставлении земли и неба. В том же самом ключе катары часто говорили о «земной земле» и о «небесной земле».[239] Первой была наша планета — нижний, или адский, мир, в котором влачили свою участь души в человеческом воплощении; последнюю следует понимать как параллельное небесное царство.[240]

Существовал один текст, пользовавшийся высочайшим уважением у еретиков. Известный под названием «Видения Исайи», он попал к катарам в конце XII века от богомилов, переведенный с греческого или старославянского на латынь. Однако ученые считают, что он имеет «глубокие корни» и, вероятно, происходит от греческих гностиков, живших в конце I века н. э.[241] В нем мы читаем, что Бог Добра удостаивает высокой чести Исайю (пророка, которого дуалисты обычно исключали из своего крайне неприязненного отношения к Ветхому Завету по причинам, на которых мы пока что не будем останавливаться). Он посылает ангела, который берет пророка за руку и отправляется с ним в путешествие по земному и небесному царству, пересекая границу между ними, — нечто такое, чего ранее не дозволялось «ни одному желающему возродиться во плоти».

Поднимаясь на небеса, они видят грандиозные битвы, бушующие со всех сторон, между эманациями Бога Зла и Бога Добра: «Ибо как на земле, так и на тверди небесной, поскольку на земле существует подобие того, что есть на небосводе».[242]

Райнье Саккони, катарский вероотступник, который стал инквизитором в середине XII века, сообщил о важной религиозной дискуссии среди его бывших единоверцев. По его словам, они верили, что некоторые из их священных книг были «написаны на небесах и принесены на землю» самим Христом, который доверил их первой истинной Церкви по завершении своей миссии.[243]

Дуалисты заявляли о своей принадлежности именно к этой Апостольской Церкви, «которая одна могла дать истинное утешение душам, живущим в изгнании».[244] Благодаря неразрывной цепи обрядов утешения, говорили они, их perfecti сохранили пламя Святого Духа, не потускневшее со времен Христа. Единственная проблема заключалась в том, что они были вынуждены сохранять его в тайне, потому что Бог Зла, абсолютный властелин этого мира, много столетий назад заменил истинную церковь ложной и наделил ее огромной материальной властью. Узурпаторская церковь маскировалась под христианскую, но на самом деле служила дьяволу,[245] поэтому катары и богомилы утверждали, что в своем стремлении ниспровергнуть ее они желали лишь восстановить statics quo ante и вернуться к временам апостолов.

Древнее наследие или средневековое изобретение?

Это звучит как откровенная пропаганда. Разумеется, еретикам хотелось бы убедить нас, что только их церковь является подлинной наследницей Апостольской Церкви. Даже если бы их вероучение возникло только вчера, зачем соглашаться на меньшее? Как ни удивительно, некоторые ведущие специалисты в этой области убеждены в том, что такие притязания имеют твердую основу и что катарская и богомильская церковь каким-то образом смогли сохранить подлинные традиции самого раннего христианства.

Теолог Малькольм Ламберт, выступающий с позиций католической церкви, признает это, но советует не придавать этому большого значения:

«По странной случайности ритуал consolamentum*, появившийся в XIII веке, действительно, по-видимому, был основан на обряде крещения и ритуалах, связанных с* катехуменатами *(кандидатами на крещение — оглашенными), существовавшими гораздо раньше, чем современные католические обряды крещения или рукоположения в духовный сан».*[246]

Но Стивен Рансимен указывает, что это сходство является далеко не единственным. По его словам, независимо от того, считать это «странностью» или нет, между катарами и ранними христианами существует слишком много сходных черт, чтобы считать это случайностью:

«Ритуальное празднество катаров [включавшее простую церемонию преломления хлеба] совершенно аналогично христианскому таинству причастия, если сравнить «совершенного» со священником времен раннего христианства. И у ранних христиан, и у катаров служба завершалась «мирным целованием»… Обряд consolamentum *в двух своих аспектах близко напоминал обряд крещения взрослых людей, осуществлявшийся раннехристианской церковью над умирающими и при рукоположении в духовный сан. Даже тонкие подробности*

обеих церемоний очень похожи. В ранней христианской церкви катехумен (новообращенный), как и кандидат в «совершенные» у катаров, проходил долгий и суровый испытательный период перед церемонией посвящения… Сама церемония тоже была идентична и состояла из возложения рук и Евангелия на голову катехумена….[247] *Хотя церковные полемисты в Средние века обличали еретиков за содержание класса «избранных» или «совершенных», они, таким образом, отвергали раннехристианские обряды, так как еретическая церемония посвящения, к которой они относились с таким ужасом, почти полностью копировала церемонию, в ходе которой ранних христиан принимали в лоно церкви.*[248]

Такое сходство не может быть случайным. Очевидно, что катарская церковь сохранила службы, существовавшие в христианской церкви в течение первых четырех столетий ее жизни, лишь слегка изменив их в соответствии со своими доктринами».[249]

Рансимен отмечает, что повсюду, куда направлялись еретики — будь то угнетенные славянские крестьяне в Болгарии или свободомыслящие бюргеры Окситании, — они умели пользоваться уже существующими социальными и экономическими условиями для завоевания надежного плацдарма. Но, по его заключению, «за политическим импульсом стояло глубокое духовное учение, настоящая религия, которая развивалась и приходила в упадок, как большинство других религий, но воплощала неизменную традицию».[250]

По его мнению, эта традиция в определенном смысле так же стара, как человеческие предположения о природе зла, существующего в мире, которые начались задолго до христианства, в доисторическую эпоху, когда люди впервые задали вопрос: «Почему Бог, если он существует, мог допустить это?»[251] Отсюда Рансимен очень осторожно выводит первобытную традицию в исторический период, усматривая ее элементы «в идеях древнеегипетской религии, зороастризма и даже буддизма».[252] Он обращает внимание на то, что через три столетия после Христа:

«Стойкие неоплатоники по-своему осудили мир вещества, а иудейские мыслители в Александрии столкнулись с проблемой зла под влиянием Духовных учений египетского герметизма».[253]

Рансимен приходит к выводу, что гностики из Александрии и Сирии в период примерно с I по IV век н. э. наконец свели все эти течения мысли воедино и применили их к христианству.[254] Отсюда можно выявить схематическую картину возникновения ряда сект, существовавших одновременно или перекрывавшихся друг с другом в исторических хрониках. Эти секты, по мнению Рансимена, сохранили «постоянную традицию» от школ раннего гностицизма через манихейство в III–VI веках до богомилов в X веке. Отсюда вероучение, в свою очередь, попало в Западную Европу в виде катаризма в XII веке.

Ханс Содерберг является вторым крупным специалистом в этой области, который убежден, что религиозные верования и обряды средневековых дуалистов были связаны «неразрывной цепью традиций» с гностическими религиями, процветавшими 1000 лет раньше.[255] Однако он полагает, что катары просто «нарядили в христианские одежды» еще более древний и практически универсальный миф «о вечной борьбе между двумя силами».[256]

Но другие историки не торопятся прослеживать истоки средневекового дуализма в таком далеком прошлом.[257] Малькольм Ламберт говорит от лица многих ученых, когда пытается четко вписать феномен катарского и богомильского вероучения в контекст своего времени, рассматривая его главным образом как реакцию на конкретные экономические, политические и социальные обстоятельства. Впрочем, даже он готов признать, что Болгария (обратившаяся в православие всего лишь за сто лет до начала проповедей Богомила) могла послужить

особенно хорошей почвой для развития ереси из-за возможного влияния «ранее существовавших дуалистических верований в этой стране».[258]

Еретики и охотники на еретиков

Безотносительно к личной позиции отдельных ученых по вопросу о происхождении ереси при обзоре литературы мы столкнулись с любопытным феноменом. Лишь в редких случаях исследователи, пытавшиеся проследить историю идей, лежавших в основе средневекового дуализма, были готовы уделить серьезное внимание тому, что сами дуалисты и их оппоненты из христианской церкви говорили на эту тему. К примеру, когда охотники на еретиков в Западной Европе называли катаров «манихеями», автоматически предполагалось, что они ошибались, поскольку манихейская ересь была подавлена за сотни лет до этого.

На Востоке константинопольский патриарх Феофилакт (933–956) одним из первых предупредил о зарождении ереси, которая вскоре стала известна как богомильство (хотя он не знал Богомила по имени). В своем письме болгарскому царю Петру он, как и его единомышленники на Западе, не замедлил связать эту новую ересь с манихейством (а также с ранее существовавшей дуалистической религией, известной как павликианство, о которой мы подробнее поговорим в следующей главе). «Пусть вожди и учителя этой древней ереси, которая возникла заново, будут преданы анафеме», — твердо заявляет он в конце своего письма. Однако ученые не хотят признать возможность того, что ересь, преданная церковному проклятию,[259] действительно могла иметь столь «древнее» происхождение, как полагал Феофилакт.

Такой же научный скептицизм препятствует изучению собственных заявлений еретиков о происхождении своего вероучения, дошедших до нас через сочинения охотников за еретиками, наполненные враждебными замечаниями и интерпретациями. К примеру, еще в 1143 или 1144 году, когда катаризм впервые начали признавать в Западной Европе, монах Эвервин из Стейнфилда (в окрестностях Кельна в Германии) написал озабоченное письмо Бернару из Клерво, обращаясь к нему за содействием в борьбе с еретиками, «которые кишат повсюду и вылезают из преисподней почти во всех церквях, как будто их князь скоро освободится и настанет день гнева Господнего».[260] Эвервин честно отмечает, что ересь набирает силу из-за явного благочестия ее проповедников, которые «не владеют ни домами, ни землями, ни другой собственностью, как Христос, не имевший земного владения и не позволявший своим ученикам владеть собственностью».[261]

Не менее мощной и, судя по всему, крайне убедительной была вера еретиков в то, что их церковь является подлинной церковью христовой — Первохристианской Церковью, пробудившейся к жизни после гонений «в Греции и некоторых других землях… со времен мучеников».[262] Хотя силы Зла приложили все усилия, чтобы уничтожить церковь Бога Добра, «мы и наши отцы апостольской веры пребывали в благодати Христовой и пребудем в ней до скончания времен».[263]

По мнению Малькольма Ламберта, одна из причин популярности катарских perfecti заключалась в том, что они:

«… искренне считали, что являются единственными подлинными христианами, что церковники являются слугами церкви Сатаны и что катарское учение представляет отрасль чистого катакомбного христианства, часто гонимого, но всегда выживавшего и восходящего ко временам апостолов».[264]

Еретики были твердо убеждены в том, что их вера должна восторжествовать. Бог Добра решил вернуть заблудшие души обратно на небеса и послал на землю Христа для осуществления этого плана.

Все шло, как должно было идти, до вступления на престол императора Константина в IV веке. В тот самый момент, когда христианство восторжествовало над многочисленными соперниками и стало государственной религией Римской империи, дьявол провернул свой самый хитроумный трюк Клика внутри церкви, настаивавшая на буквальном истолковании Писания, а не на более аллегорическом подходе, предпочитаемом христианами гностического толка, захватила власть и сразу же заклеймила всех несогласных как еретиков. Богомильский проповедник Василий во время допроса открыто назвал одного из отцов церкви, святителя Иоанна Хризостома [Иоанн Златоуст] (346–407), известного своими «буквалистскими» взглядами,[265] как главного гонителя еретиков.[266]

Религиозные чистки, продолжавшиеся с IV по VI век, по ело — вам катаров и богомилов, вынудили истинную церковь уйти в подполье. Лишь теперь, спустя много лет, она снова вышла из тени. В X веке это были всего лишь декламации одинокого проповедника-вегетарианца из Болгарии. В XI веке она стала культом, распространившимся в Балканских странах и Константинополе. В середине XII века она твердо обосновалась в Италии и Окситании и завоевала множество последователей, «рассеянных по всему миру».[267]

Хотя ученые почти не уделяли этому внимания, утверждения еретиков о том, что их предтечи были истинными продолжателями апостольского учения, и о существовании древнего заговора, лишившего их законного права определять судьбы Запада, были динамитом, заложенным под церковную и государственную власть. Вероятно, еще большую опасность представляло то обстоятельство, что они рассматривали себя как часть давно назревавшего «контрзаговора», начавшегося в последние пятьдесят лет I тысячелетия и постепенно, но безостановочно разраставшегося в последующие 200 лет.

Изучая этот странный феномен средневековой ереси, мы не могли избавиться от ощущения, что некое древнее тайное учение, имевшее глубокую цель для человечества, ненадолго вышло на свет тысячу лет назад, попыталось изменить мир и потерпело неудачу.

ГЛАВА 4
ЦЕПЬ ВЕЛИКОЙЕРЕСИ

«Гностицизм в форме манихейства некогда был настоящей мировой религией. Гностическая церковь (ekklesia) насчитывала много тысяч, а впоследствии даже миллионы сторонников; она имела своего главу, епископов и священников, свои канонические писания и даже собственное очень привлекательное церковное искусство. Манихейство распространилось из Южной Месопотамии вплоть до Атлантики на Западе и Тихого океана на Дальнем Востоке. Оно имело своих приверженцев в Египте, в римской Северной Африке, в Испании, Галлии, Италии и на Балканах, а в конце концов даже в регионах на побережье Южного Китая. Его история охватывает период от начала III века до нашего времени. Даже в XX веке манихейство по-прежнему было официально запрещено во Вьетнаме».

Иоханнес Ван Оорт, лектор по истории христианства в Утрехтском университете[268]

Христианство в XXI веке законодательно утверждено во многих странах, и даже там, где оно отделено от государства, оно явно или скрытно проникает практически во все сферы повседневной жизни: в брачные обряды, воспитание детей, образование, общественные и политические отношения, этику, философию и так далее. Встроенное в систему западного мироустройства, оно также оказывает огромное влияние на наши взаимоотношения с материальным миром.

Рассмотрим историю о сотворении мира из ветхозаветной книги Бытие (текст, который церковь считает боговдохновенным, а поборники христианского фундаментализма преподают как факт).[269] Творцом является Иегова, которого богомилы и катары приравнивали к дьяволу. В первой главе мы читаем о том, как он создает небо и землю, день и ночь, океаны, сушу, травы и растения, деревья и плоды. Для того чтобы наполнить океаны, «сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода по роду их». Следующими были животные. Потом на шестой день «сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Наконец, Иегова приглашает супружескую пару «обладать» всей землей и говорит им: «Владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».[270]

Это закон покорения и владычества, пусть даже сопровождаемый практичным советом «наполнять землю».[271] На Западе он послужил нравственным оправданием промышленной революции XVIII и XIX веков. Даже в современном светском обществе в силу старинной привычки он продолжает негласно оправдывать безответственность по отношению к окружающей среде со стороны больших экономик и крупных международных корпораций, которые они породили.

Последствия ветхозаветной заповеди господства над природой можно видеть повсюду. «Птицы небесные» стали бройлерными цыплятами; многие виды «великих рыб», сотворенных Иеговой, истреблены до полного вымирания, а рыбные запасы в океанах никогда не были более низкими, чем сейчас; в озоновом слое планеты зияет дыра размером с целый континент, а дождевые леса Амазонки — зеленые легкие нашего мира — вырубаются или выжигаются с устрашающей скоростью, чтобы освободить место для скотоводческих ферм. Разумеется, мы не утверждаем, что христианская церковь несет исключительную ответственность за все это, но нельзя и недооценивать ее роли в происходящем. Хотя в наши дни все меньше жителей Запада прилежно изучают Писание или говорят о своей глубокой религиозности, все структуры современного богатства и международной власти, унаследованные со времен Века открытий и промышленной революции, были построены глубоко религиозными людьми, твердо верившими в Писание.

Существуют другие дела, за которые церковь и ее руководители несут гораздо большую ответственность. В главах 6 и 7 мы расскажем историю альбигойских крестовых походов и истребления катаров в XIII веке. Никто, знакомый с этими ужасными событиями, не может усомниться в абсолютном неуважении христианского руководства Европы к духовным правам других людей или в их готовности применять смертоносную силу. Такое же высокомерие и кровожадность в полной мере проявились в жестоких крестовых походах в период с XI по XIII век, когда армии христианской Европы отправились на завоевание Святой Земли.

Европейцы продолжали насаждать свою веру насильственными методами везде, куда бы они ни отправлялись в эпоху Великих открытий, о чем свидетельствует деятельность иезуитов и других миссионеров в Африке, Азии и обеих Америках начиная с XV века. Местные религии и их культурные сокровища систематически уничтожались и заменялись христианством — неисчислимой ценой для разнообразия человеческих идей. Там, где этого не удавалось сделать, особенно в разрушительном тысячелетнем конфликте с исламом, культурам, не принимавшим обращения в новую веру, наносился тяжкий урон с далеко идущими последствиями. Страдания, хаос и насилие, продолжающиеся на современном Ближнем Востоке, непосредственно связаны с этой старинной распрей, а после 11 сентября 2001 года война постучалась в парадные двери Запада. С точки зрения исламских фундаменталистов, современная западная геополитика на Ближнем Востоке является продолжением Крестовых походов современными средствами и должна встречать беспощадное сопротивление. Взрыв разрушительной энергии, накопленной за тысячелетия ненависти, может поджечь весь мир.

В общем и целом будет разумно заключить, что христианство в его институциональной форме принадлежит к числу великих определяющих сил истории и что зловещая международная обстановка, с которой мы сталкиваемся в XXI веке, во многом связана с его долгосрочным влиянием. Можно даже определить момент, когда это влияние впервые начало сказываться, — в начале IV века н. а, после обращения в христианство римского императора Константина. Это был момент, когда христианство впервые подключилось к двигателю светской власти и почти мгновенно (как мы вскоре убедимся) превратилось в бюрократическую систему, наделенную карательными функциями. Однако в первые 300 лет своего существования оно не обладало единой церковью и согласованным корпусом фундаментальных догм, который оно могло бы навязывать другим. Далекое от превращения в карающий бич, христианство само представляло собой скопление гонимых и презираемых сект с очень широким спектром идей, сосредоточенных вокруг фигуры и миссии Христа.

Что было сокрушено?

Еретические церкви катаров и богомилов, процветавшие в течение нескольких коротких столетий Средневековья, тоже сосредоточивали свои идеи вокруг фигуры и миссии Христа. Какой след оставило их мировоззрение по сравнению с самодовлеющим присутствием и властью официальной христианской церкви? Этот вопрос задан в контексте их влияния на мировую арену и их общего значения для истории человечества.

Некоторые ученые дают, с их точки зрения, наиболее очевидный ответ. Они утверждают, что движение катаров и богомилов лучше всего рассматривать как местную реакцию на временные социальные и экономические условия в разных частях Европы, существовавшие с X по XIV век[272] Если их точка зрения верна, то для знакомства со всей историей ереси нам нужно лишь изучить непосредственные условия, связанные с ее появлением и упадком. Без прошлого и, разумеется, без будущего ее место в истории будет незначительным, а влияние на развитие западной цивилизации пренебрежимо малым или вовсе несуществующим.

Мы видели, что другие ученые, такие, как Ханс Содерберг и Стивен Рансимен, придерживаются других позиций и утверждают, что «непрерывная цепь традиции» связывает катаров и богомилов с религией, известной под названием христианского гностицизма, процветавшей в Египте и на Ближнем Востоке на 1000 лет раньше. Если они правы, то ересь, сокрушенную церковью во время альбигойских крестовых походов XIII века, вряд ли можно назвать кратковременным общественным движением. Если звенья цепи можно проследить на тысячу лет назад, то феномен катаров больше напоминает претензию на власть после тысячелетнего молчания. Этот вызов был брошен гонимой «параллельной религией» — тайной, скрытной и такой же старой, как само официальное христианство.

«Злокозненная секта бесстыдных людей, называемых павликианами…»

Уходя от катаров, о которых не сохранилось достоверных сведений до середины XII века, мы приходим к богомилам. Они впервые дали о себе знать в X веке и сохранились в некоторых изолированных общинах Восточной Европы до XV века. Они не только появились раньше катаров и пережили их; ученые сходятся во мнениях, что катаризм на Западе был прямым следствием миссионерской деятельности богомилов.

Следующее звено в предполагаемой «цепи великой ереси» сходным образом перекрывается по времени с богомилами и снова имеет существенно более раннее происхождение. Это звено образовано странной и необычно воинственной дуалистической сектой, известной под названием павликиан. Считается, что они сосуществовали с богомилами и играли значительную роль в формировании идей самого Богомила в X веке.[273]

Как и для большинства еретических движений, большая часть того, что нам известно о них, происходит от их оппонентов из христианской церкви. Одним из них был монах Петр Сицилийский, чья «История манихеев, которых также называют павликианами» содержит ценную информацию о секте того времени. Петр узнал их лично в 869–870 годах, когда константинопольский император Василий I отправил его в качестве посла к павликианскому лидеру Хризоксеру, недавно основавшему независимый принципалитет на арабо-византийской границе.[274]

Как можно видеть из названия его трактата, Петр предполагал, что павликианское вероучение является лишь новой разновидностью манихейства. Это можно понять. Павликиане и последователи Мани были дуалистами, точно такими же, как более поздние катары и богомилы, но павликиане, чьи слова были заботливо сохранены для нас Петром Сицилийским, не возводили свое происхождение к Мани. Источником верований этой секты был некий Константин из Мананалиса, живший на территории нынешней Армении в период царствования византийского императора Константа I[275] (641–648).[276] В свою очередь Константин из Мананалиса якобы оказался под влиянием таинственного «дьякона», который остановился в его доме «после возвращения из тюрьмы в Сирии» и дал ему ряд книг, включая «Евангелие и Книгу посланий св. Павла, на которой он… основывал свое учение».[277]

Итак, павликиане были явно христианской сектой, если учение их основателя было вдохновлено каноническими христианскими текстами. Действительно, выяснилось, что Христос был центральной фигурой в их религии, но, как впоследствии катары и богомилы, они совершенно отказывались признать, что Он был рожден «во плоти» и что Мария была Его матерью.[278] Поскольку Он не обладал физическим телом, как Он мог иметь мать? Подобно катарам и богомилам, они считали Его нефизической эманацией Бога Добра, эмиссаром духовного царства.[279] Подобно катарам и богомилам, они отвергали крест и все материальные таинства официального христианства, а также культ святых и иконы.[280] Подобно катарам и богомилам, они полностью отвергали Ветхий Завет и принимали лишь некоторые части Нового Завета.[281] И наконец, они называли свое учение единственной истинной церковью, происходящей непосредственно от первых христианских общин, и называли римскую католическую и православную церковь узурпаторами.[282]

Верховный лидер павликиан, обладавший абсолютной духовной и светской властью, носил титул дидасколос (didascolos). По словам Петра Сицилийского, его последователи относились к нему как к «апостолу Христа».[283] Константин из Мананалиса в VII веке почитался как первый дидасколос, но все его преемники носили такой же титул, и каждый считался «авторитетным учителем христианского откровения в своем собственном поколении».[284]

Хотя мы не знаем точной даты начала служения Константина из Мананалиса, историки обычно относят ее примерно к 655 году.[285] По словам историков Джанет и Бернарда Гамильтон, он с самого начала действовал так, как если бы:

«… восстанавливал истинную церковь, основанную св. Павлом… Следующие didascaloi *следовали примеру Константина и брали имена учеников св. Павла; они также называли свои церкви в честь тех мест, которые посещал Св. Павел. В результате они как бы восстанавливали истинную апостольскую церковь».*[286]

Разумеется, эти еретики называли себя просто «христианами» (эта черта была у них общей с богомилами и катарами, которые тоже называли себя «добрыми христианами»).[287] Название «павликиане», очевидно, не имело ничего общего с их преданностью учению св. Павла, но вошло в употребление спустя долгое время после

образования секты и использовалось другими людьми. Скорее всего оно происходит от дидасколоса Павла, который привел полукочевую секту обратно в Армению в VIII веке.[288]

Хотя павликиане считали себя истинными христианами, православная церковь и Византийская империя придерживались иного мнения. Константина из Мананалиса в конце концов казнили за ересь по приказу императора Константина IV (668–685). По мнению историков, его скорее всего сожгли на костре, хотя сами павликиане распространяли историю о том, что он был забит камнями до смерти. Возможно, это было сделано с целью «провести аналогию между их первомучеником и первым христианским диаконом Стефаном».[289]

Второй павликианский дидасколос, который взял себе имя Тит, тоже был казнен за ересь; на этот раз смерть на костре не вызывает сомнений.[290]

В VIII веке н. э. павликиане довольно долго пользовались официальной терпимостью со стороны церкви, хотя Иоанн («Философ») Отцунский, который стал католикосом Армении в 717 году, говорил о них как о «злокозненной секте «отбросов», которые называют себя павликианами».[291] Больше всего его возмущал тот факт, что они презирали служителей официальной церкви как «идолопоклонников из-за их преклонения перед крестом»,[292] но, по-видимому, он не прибегал к поддержке светских властей для того, чтобы изменить такое положение вещей.

Лишь при византийском императоре Михаиле I (811–813) для сторонников павликианского вероучения была восстановлена смертная казнь.[293] За этим последовал период массовых гонений, за время которого, согласно официальным летописцам, погибло около 100 000 еретиков.[294] Такой масштаб резни был сопоставим с побоищем, учиненным над катарами из Лангедока 400 лет спустя. В 840-х годах в ответ на непрестанные гонения часть павликиан, включавшая боевой отряд численностью 5000 человек, отступила на арабские территории. В 850-х годах они основали свое независимое мини-государство со штаб — квартирой в укрепленном городе Тефрик на византийской границе. Именно туда, ко двору павликианского лидера Хрисохира в Тефрике, отправилось посольство Петра Сицилийского в 869–870 годах. Два года спустя Хрисохир был убит в бою с византийской армией, а Тефрик окончательно капитулировал в 877 году.[295]

Однако это поражение павликиан еще не стало концом для них. Около 975 года они все еще доставляли достаточно неприятностей православной церкви в Византийской империи, чтобы она приняла решение о депортации большого количества павликиан из восточных провинций. Их послали на Балканы, где уже существовала старинная община павликиан,[296] а Богомил начал распространять собственную ересь всего лишь несколько лет назад. Павликиане, почти несомненно, завещали богомилам свою веру в противоположность материального и духовного царства Бога Зла и Бога Добра. Более того, павликиане считали этот аспект своей системы верований главным фактором, отличавшим их от римско-католической и православной церкви. Они говорили Петру Сицилийскому:

«Мы говорим, что небесный отец — это истинный Бог, который не имеет власти в этом мире, но имеет власть в мире грядущем, и что есть другой Бог, который создал этот мир и наделен властью над ним. Римляне же верят в то, что небесный отец и творец этого мира — один и тот же Бог».[297]

Доктрина о существовании двух противоположных богов четко отражает позицию богомилов и катаров. Они также разделяли с павликианами представления о космосе как о поле боя между добром и злом, где решается судьба человечества.[298]

Однако в других отношениях сходство было гораздо менее явным. Хотя павликиане приписывали создание мира и всех материальных вещей Богу Зла, они не практиковали аскетизм в какой-либо форме, не являлись вегетарианцами и не придавали особенной

ценности целомудрию и воздержанию. Они были, людьми насильственной природы, которые часто сражались и пользовались репутацией грозных воинов.[299] В этом отношении мы можем считать их сообществом неофитов, называемых среди катаров credentes, или «верующие», которые могли сражаться, вступать в брак, заниматься любовью, есть и пить по своему желанию и в целом жить по законам этого мира. Кроме того, павликиане, судя по всему, не пользовались церемониями инициации и, таким образом, не имели категории адептов (или «совершенных»), как катары и богомилы.[300]

Молящиеся люди и демон в душе

Хотя почти нет сомнения, что павликиане оказали важное влияние на формирование богомильского вероучения, различия между этими двумя ересями указывают на существование других факторов.

В качестве одного из таких факторов и следующего связующего звена в цепи еретического вероучения Стивен Рансимен предлагает секту, известную под названием мессалиан (буквально — «молящиеся люди»).[301] Это были христианские гностики,[302] чье происхождение можно проследить до города Эдесса в середине IV века н. э. Их учение сохранилось в связном виде до VII века н. э. и таким образом перекрывалось с учением Константина из Мананалиса и первых павликиан.[303] Их называли хранителями тайной традиции и священных книг, которые Рансимен называет «гностическими легендами».[304] Он утверждает, что богатства этой эзотерической литературной традиции достигли богомилов непосредственно через общины мессалиан, существовавшие на Балканах в VII веке н. э., частично сохранившиеся вплоть до XI века.

Рансимен рассматривает богомильство как сочетание павликианской и мессалианской доктрины — «новое христианство… основанное на раннехристианских преданиях и восточном дуализме».[305] Вероятно, первым было влияние павликианства.

«Но со временем развивалось новое вероучение; еретики вступали в контакты с мессалианами, которые открыли им доступ к богатствам гностической традиции, развивавшейся под влиянием Востока…[306] Мифология богомилов в значительной степени опирается на эти книги, которые средневековая Византия унаследовала от христиан первых столетий нашей эры, когда христианская доктрина еще не была полностью сформулирована и преобладали гностические тенденции».[307]

Естественно, что на этом поле соперничающих мнений другие ученые полностью отрицают возможность контактов между мессалианами и богомилами на том основании, что первая секта прекратила существование еще до основания последней. Согласно Бернарду Гамильтону, специалисту по истории Крестовых походов и почетному профессору Ноттингемского университета, все сводится к неправильным определениям:

«Нет никаких свидетельств того, что мессалианство в виде организованной ереси сохранилось после VII века, хотя это название продолжало использоваться византийскими ересиологами для описания отклонений от православных монастырских обрядов. Таким образом, не существовало никаких возможностей для контакта между богомилами и живой мессалианской традицией».[308]

Нам остается лишь признать существование этих противоположных точек зрения. Тем не менее многие православные священнослужители этого периода, искусные в обличении ересей, как и Рансимен, были убеждены в том, что мессалийство сохраняло жизнеспособность на Балканах вплоть до XI века и таким образом перекрывалось с

богомильством. Самих богомилов часто называли «мессалианами», но не из-за невежества со стороны некоторых ересиологов, а потому что мессалианское и богомильское вероучения имели много сходных особенностей, что позволяет предположить некую разновидность влияния первого на последнее.

Мессалиане придавали огромное значение ритуальной инициации в класс избранных, или адептов, называемых «пневматиками» и во многом аналогичных «совершенным» у катаров.[309] Этот термин широко использовался и другими сектами христианских гностиков еще в I–II веках для обозначения их собственной духовной элиты.[310] Поэтому в определенном смысле богомилы находились в конце I тысячелетия, раннехристианские гностики находились в его начале, а мессалиане располагались примерно посередине и выполняли функцию связующего звена.

Другие общие характеристики усиливают это впечатление. К примеру, как и богомилы (а впоследствии катары), мессалиане отвергали Ветхий Завет и не принимали крест.[311] Точно так же поступали раннехристианские гностики.[312] Богомилы и мессалиане, как и гностики, считали мир творением зла. Во всех трех группах существовали очень похожие истории о сотворении мира, определявшие их мировоззрение. В сущности, мессалийский вариант является классическим «умеренно дуалистическим» мифом, предпочитаемым богомилами и катарами в ранний период их существования до распространения более радикальных взглядов. Этот миф не предполагал противоположной божественности добра и зла, где первое является творцом духовного, а второе — материального царства. Мессалиане верили в изначальное существование единого божества, «Бога первого Принципа», чьи владения находились исключительно в духовном царстве добра, наполненном светом. Он произвел двух «сыновей» в виде своих эманаций, старший из которых был Сатаной, а младший Христом. Гордыня и зависть побудили Сатану восстать против Отца и привели к его изгнанию из духовного Небесного царства:[313] «Материальный мир был его творением после Падения и потому является порочным местом».[314]

Мессалиане, как богомилы после них и раннехристианские гностики до них, имели свою теорию, объясняющую, каким образом наши души оказались пойманными в материальном мире. Дуалистические теории, сходные по духу и общим принципам, иногда существенно отличались друг от друга сюжетом и подробностями действия. Как мы могли убедиться в главе 3, богомилы верили в то, что души падших ангелов были заключены в наших телах, или же в то, что мы носим в себе искру божественного огня, вложенного Богом в неуклюжего «Адама» и его потомство, созданное дьяволом. С другой стороны, мессалиане верили, что каждая душа одержима демоном, насильно привязывающим ее к порочному материальному миру. Единственный способ изгнать демона и освободить заключенную душу — крайний аскетизм, поддерживаемый в течение многих лет.[315] Этот режим был очень похож на суровое послушничество и умерщвление плоти, через которое проходили неофиты из числа катаров и богомилов, прежде чем они могли получить consolamentum и возвыситься до статуса «совершенных».

Мессалиане также пользовались эмоциональной молитвой (отсюда их название «молящиеся люди»), помогающей изгонять демонов.[316] Однако в их репертуаре имелась лишь одна молитва — Pater Noster; или «Отче наш».[317] Использование молитв для изгнания демонов не было обычаем среди катаров и богомилов. Однако, как и мессалиане, они тоже не пользовались другими молитвами, кроме «Отче наш», поскольку это единственная молитва, которая в Евангелии приписывается самому Христу.

Мессалиане, названные «кучкой бродячих проповедников»,[318] впервые появились на территории Восточной Римской империи около 350 года н. э. Это произошло менее чем через 40 лет после того, как Константин Великий взял христианскую церковь под официальную защиту, и через 20 лет после того, как он оставил Рим, чтобы основать свою новую столицу Константинополь на месте древнегреческой Византии (современный Стамбул).

Недавно получившая официальный статус католическая церковь с главными епархиями в Риме, Александрии, Антиохии и Константинополе в то время поигрывала мускулами и в определенном смысле очерчивала собственные рамки через гонение еретических вероучений. Заручившись поддержкой государства в 312 году, церковь почти немедленно приобрела ярко выраженный авторитарный и буквалистский характер (буквалистский в смысле самого буквального толкования Писаний). Это неизбежно сделало вольнодумство и творческую анархию христианских гностиков, которым ранее дозволялось сосуществовать с буквалистами, мишенью для охотников за ересями. В 390 году мессалиане были внесены в расширяющийся список запрещенных сект, который, как мы убедимся, уже включал несколько других, гораздо более давних групп христианских гностиков.[319]

Мани — посланец Света

Учение и философия другой секты тоже играют важную роль в этой головоломке. Известная как секта манихеев в честь ее основателя Мани, она была моложе некоторых гностических движений в христианстве, но не менее чем на 100 лет старше мессалиан. Она тоже подвергалась суровым гонениям со стороны церкви в качестве «ереси», а не языческой религии. Однако среди ученых ведутся дебаты о том, являлось ли манихейство христианским вероучением в подлинном смысле этого слова.[320] Безусловно, оно было значительно менее «христианским», чем религия богомилов и катаров, которую, как мы могли убедиться, тоже нельзя с полным правом назвать «христианством». По сути дела, это было совершенно иное вероучение, хотя и основанное на тех же текстах и персонажах Нового Завета.

Возможно, путаница возникает потому, что Мани иногда называли «апостолом Христа»[321] (впоследствии один из титулов павликианских didaskoloi), и поскольку из сохранившихся писем между общинами манихеев в Северной Африке явствует, что они сами считали себя христианами.[322] Общепризнанным является и тот факт, что в манихействе можно обнаружить несколько центральных принципов христианства, включая концепцию «искупительного смысла вещей».[323]

С другой стороны, многое в манихействе выглядит явно не христианским. Для начала, это была абсолютно дуалистическая религия того же толка, что и вероучения катаров и богомилов. Она рассматривала человечество, бесконечно возобновляемое в силках воспроизводства, как творение Бога Зла — идея, безусловно отвергаемая христианством. Кроме того, манихейцы не пользовались или почти не пользовались текстами Нового Завета. Они поклонялись Солнцу и Луне как «сосудам Света» и в этом были совершенно не схожи с катарами и богомилами. Известно, что Мани, иногда называвший себя «апостолом Христа», также часто пользовался более широким определением «апостол Божий».[324] Это означало, что он был эмиссаром или посланником и рассматривал себя как преемника Христа в ряду самых ранних, нехристианских апостолов.

Очевидно, что церковь усматривала в этом опасную ересь. Манихейство признавало Христа, но явно принижало уникальность его миссии, ставя его наравне с основателями хорошо известных языческих религий. Одно из сохранившихся суждений Мани по этому вопросу в его «Книге для царя Шапура» (около 250 года н. э.) не оставляет сомнений по этому поводу:

«От одной эпохи к другой апостолы Божьи неустанно несли людям мудрость и труды духа. Так, в одну эпоху мудрость пришла в землю Индии через апостола, которым был Будда; в другую эпоху она пришла в землю Персии через Зороастра; в третью эпоху она пришла в земли Запада через Иисуса. В эту последнюю эпоху откровение и жребий пророчества снизошли на меня, Мани, апостола истинного Бога в земле Вавилонской».[325]

В этом фрагменте Будда, Зороастр, Иисус и Мани даны как примеры, а не окончательный перечень апостолов Божьих. В другом сохранившемся фрагменте текста Мани называет еще двух «посланцев»: греческого философа Платона (427–347 гг. до н. э.) и греческого бога Гермеса.[326] Во времена Мани Гермес, с которым мы еще встретимся в части II, обычно приравнивался к Тоту, древнеегипетскому богу мудрости.

Встреча с двойником

Несмотря на обширные гонения на манихеев, предпринятые при разных режимах и в разные исторические периоды за сотни лет, некоторые подробности биографии Мани и его притязаний на священную миссию дошли до нас из вполне доступных источников.

Он родился примерно в 216 году н. э. в деревне Мардину к югу от города Ктесифон в окрестностях Вавилона[327] — примерно в 32 км к юго-востоку от Багдада в современном Ираке. Во времена Мани Ктесифон, где находилась «зимняя столица» царя, был важным центром Персидской империи, обладавшим огромным богатством и политической властью. Он выполнял эту функцию при парфянской династии, которая правила в империи с 247 года до н. э. по 224 год н. э. (когда Мани было около восьми лет), и приобрел еще большее значение во времена империи Сасанидов (224–642 гг. н. э.), которая пришла на смену парфянской династии.

Династия Сасанидов имела четко выраженный национальный характер. Первый ее царь, Ардашир I (224–241 гг. н. э.), сразу же учредил древнеперсидское учение зороастризма в качестве официальной религии Персидской империи и наделил ее жрецов (магов) огромными полномочиями. Поскольку Мани в то время жил в окрестностях Ктесифона, мы можем быть уверены, что он был хорошо знаком с зороастризмом, хотя предание о том, что он сам некоторое время являлся «магом», вряд ли соответствует действительности.[328] Зороастризм находился на культурном перекрестке Древнего мира, и такой молодой человек, как Мани, глубоко интересовавшийся духовными вопросами, должен был испытать влияние целого ряда других систем вероучений, включая вавилонскую астрологию, иудаизм, индийский буддизм и греческую философию.[329]

Утверждается, что Мани воспитывался в малоизвестной секте христиан-иудеев, которые называли себя елхасаитянами.[330] Некоторые ученые считают их гностиками[331] и связывают с ессеями из Кумрата.[332] Они были мистиками и визионерами со строгим кодексом благочестия и многочисленными ритуалами, против которых восставал Мани. Но благодаря им он познакомился с учениями христианских гностиков, оказавшими жизненно важное влияние на его мировоззрение.[333] Хотя впоследствии эти учения подвергались преследованию как ересь, в первой половине III века они все еще имели свободное хождение и оказали существенное воздействие на формирование собственного вероучения Мани, имевшего явно гностический характер.[334]

Секретные тексты, существовавшие в секте елхасаитян или в его собственной семье, тоже могли сыграть свою роль. В этом отношении интересно, что в некоторых повествованиях Мани называют приемным сыном пожилой вдовы. После своей смерти она оставила ему драгоценное наследство в виде четырех священных книг, из которых, по предположению критиков, он почерпнул многие учения, которые впоследствии приписал себе.

[335] Эти книги якобы были составлены в Египте «во времена апостолов» неким Скифианом, который познакомился с «мудростью египтян».[336] Скифиан надиктовал эти книги своему ученику Теребинту. Впоследствии Теребинт привез книги в Вавилонию, и после его смерти они перешли к его собственной ученице — той самой вдове, которая усыновила Мани в пожилом возрасте.[337]

Хотя легенды гласят, что Мани был болезненным ребенком, хромым на одну ногу,[338] судя по всему, он рос в сравнительном достатке.[339] Впоследствии он утверждал, что еще в детстве получал откровения от Ахурамазды, «Отца Света», Бога Добра в зороастрийском вероучении.[340] Он также испытывал странные и тревожные видения, которые в наши дни обычно лечат с помощью мощных антидепрессантов. В одном из сохранившихся текстов (так называемый «Кельнский кодекс Мани») он говорит о том, что

«… меня охраняла мощь ангелов Света и могущественных сил, получивших приказ от Иисуса Великолепного о моей защите…[341] Они подавали мне знаки и видения, посещавшие меня на короткое время в меру моих способностей. Иногда, словно вспышка молнии, приходил Он…»[342]

Существо, иногда приходившее к Мани «как вспышка молнии», было ангелом, которого он считал проявлением своей высшей сущности и в разных местах называл своим «Светоносным Я» и Аль-Таум, или «Двойник».[343] Когда Мани было двенадцать лет, Двойник явился ему в видении и сообщил, что на него возложена обязанность передать человечеству великое учение. Для того чтобы сделать это, он в будущем должен оставить секту елхасаитян. Впоследствии молодой Мани жил тихо и неприметно, накапливая тайные знания, полученные от откровений свыше и встреч со своим ангелом:

«С величайшей тщательностью и искусством я соблюдал этот Закон [кодекс елхасаитян], сохраняя надежду в своем сердце. Никто не знал, кто был со мной, и сам я никому ничего не рассказывал в течение долгого времени, но я, подобно им, не следовал обычаю плоти… я не говорил о том, что случилось, и о том, что случится, ни с кем не делился полученными знаниями…»[344]

Возможно, именно в этот период обучения Мани усовершенствовал свои художественные навыки, которыми, по преданию, он впоследствии воспользовался для иллюстрации своих учений, а также приобрел познания в области астрономии и математики, впоследствии прославившие его.[345]

Когда Мани исполнилось 24 года, ему явился Двойник и объявил: «Теперь тебе пришло время заявить о себе и публично провозгласить твое учение».[346] После этого, по словам Мани, «Двойник освободил, отделил и вывел меня из среды того Закона, в котором я воспитывался. Так он избрал меня, вырвал из их среды и привлек меня на божественную сторону».[347] Он также посвятил Мани в тайное знание (гнозис):

«Обо мне, о том, кто я такой и кто мой неразделимый Двойник… о том, кто мой вышний Отец и каким образом, отделенный от Него, я был послан сюда согласно его цели. О том, какое поручение и совет Он дал мне, прежде чем я облекся в это орудие [тело] и прежде чем я заблудился в этой отвратительной плоти… Более того, о моей душе, существующей как душа во всех мирах, — о том, что она собой представляет и как она начала быть. Кроме того, Он открыл мне безграничные высоты и бездонные глубины,[348] он раскрыл таинства, скрытые для мира, которые никому не дозволено видеть или слышать…[349] Он показал мне все».[350]

Мани и маги

С этого момента около 240 года н. э. Мани — спящий, который наконец проснулся, — приступил к осуществлению своей проповеднической миссии.[351] То, что он проповедовал,

определенно не являлось зороастризмом, а между тем Ардашир I, защитник зороастрийской веры в качестве официальной религии, все еще находился на троне. По-видимому, Мани очень скоро вышел из милости у персидских магов и был отправлен в ссылку[352] Он совершил путешествие в Индию, где проповедовал свое учение с огромным успехом,[353] и вернулся через Персидский залив в 241 году, когда умер царь Ардашир. Мани каким-то образом сумел обратить в свою веру Фируза, младшего сына Ардашира, и благодаря ему добился личной аудиенции у Шапура — старшего сына покойного царя, который вскоре вступил на престол как царь Шапур I.[354] На его коронации Мани удостоился беспрецедентной чести провозгласить свое духовное послание.[355] Впоследствии, 21 марта 242 года или 9 апреля 243 года (историки спорят по поводу этой даты), Шапур издал указ, позволявший Мани свободно проповедовать его учение и защищавший его на всей территории Персидской империи.[356]

После этого манихейство, освобожденное от всех ограничений, стало с феноменальной скоростью расширять ряды своих приверженцев, что вызвало крайнее негодование и ревность среди зороастрийских жрецов. Они составили заговор и на более позднем этапе царствования Шапура, судя по всему, уговорили царя второй раз отправить Мани в изгнание,[357] но в 272 году после смерти Шапура Мани вернулся в Персию и был тепло принят его преемником, царем Ормуздом, который вернул ему царское благоволение.[358]

Однако царствование Ормузда продлилось не более одного года, а Бахрам I, вступивший на трон в 273 году, был стойким приверженцем старинной зороастрийской религии. Он отменил политику терпимости по отношению к манихейству и стал преследовать его лидеров и сторонников. В 276 году его чиновники арестовали Мани в Гундешапуре в юго-западной Персии. Самозванный «апостол Божий» был подвергнут четырехдневному допросу в инквизиторском стиле и объявлен зандиком, то есть еретиком. Он провел месяц заключения в тяжелых кандалах, после чего его освежевали заживо, а потом обезглавили. Его голова была выставлена на решетке городских ворот рядом с кожей, набитой соломой, а то, что осталось от его тела, было выброшено на поживу собакам.[359]

По жестокой расправе над Мани мы можем судить о том, какую угрозу он представлял для персидских жрецов-магов. Как и в случае с уничтожением катаризма римской католической церковью тысячу лет спустя, зороастрийцы предприняли решительную попытку полностью искоренить манихейство.[360]

Им это не удалось. Еще до своего заключения и казни Мани отправил двенадцать своих учеников вместе с толпами последователей во все концы известного мира.[361] Кроме того, гонения на манихейство, начавшиеся после 276 года, привели к широкомасштабной миграции манихейских общин. Некоторые из них достигли внутренних районов Китая, где религия Мани сохранилась в уединенных анклавах до конца XVI века. Другие проникли в восточные районы Римской империи, в римские колонии в Северной Африке и в конце концов распространились на огромных территориях, находившихся под властью Рима, вплоть до Британии на западе.

Несмотря на жестокие гонения со стороны Рима (еще до обращения римлян в христианство), манихейство приобрело огромную популярность в Римской империи и было особенно хорошо представлено в ее североафриканских колониях. Именно в Северной Африке оно приобрело своего самого знаменитого поклонника в лице Августина — впоследствии св. Августина из Гиппона. Родившийся в 354 году сын отца-язычника и матери — христианки, он стал манихейским «аудитором», или «слушателем», в 377 году, что было равнозначно вступлению в класс «верующих» у катаров. Он придерживался манихейского вероучения в течение девяти лет, потом отрекся от него в 386 году и был крещен в христианство в 387 году. Потом св. Августин вернулся в Северную Африку, где основал религиозную общину и был назначен епископом Гиппона в 396 году. Он дожил до падения

Римской империи перед вандалами в 410 году. После его смерти в 430 году армии вандалов пересекли Средиземное море и осадили сам город Гиппон.[362]

Как и многие новообращенные христиане, Августин ревностно осуждал свое предыдущее вероисповедание. Его антиманихейские трактаты пережили века и сыграли важную роль в формировании отношения средневековых римских католиков к катарской ереси. Как мы могли убедиться в главе 2, катаризм в XII–XIII веках часто отождествлялся с тем самым манихейством, которое Августин осудил в IV веке, — вывод, с которым не согласны современные ученые. Тем не менее катарская и манихейская религии, по нашему мнению, были достаточно похожи в своей основе, что делает их отождествление в Средние века вполне понятным и достойным дальнейшего рассмотрения.

Манихейская картина мироздания

Согласно одной из основополагающих концепций манихейства, с начала времен существовали «два Бога, несотворенные, вечные и всегда противостоявшие друг другу».[363] Один из них — Бог зла и тьмы, а другой — Бог добра и света.[364] Царство Света находилось наверху и «не имело границ по высоте и со всех сторон». Царство Тьмы находилось внизу и точно так же не имело границ в глубину и со всех сторон.[365] Испокон века ни один из них не знал о существовании другого, но в недрах Тьмы находился Сатана со своим «буйным, мятежным и непокорным воинством» демонических сил.[366] Это был клубок бурлящего хаоса, подобный черной грозовой туче, и в какой-то момент Князь Тьмы восстал из бездны, узрел Свет верхнего мира и возненавидел его. Вернувшись в глубины, он подготовил свое воинство, а потом, «устремившись наверх, вторгся в царство Света с намерением посеять бедствия и разрушения».[367]

Подобно катарам и богомилам после него, Мани рассматривал человеческое тело как творение зла, в котором заключена искра Света. Подобно катарам и богомилам, он учил, что половое размножение и перевоплощение являются теми механизмами, которые поддерживают и увековечивают цикл заключения. И наконец, подобно катарам и богомилам, он верил, что благодаря воздержанию и молитве этот заключенный Свет постепенно можно освободить, но мы должны пройти через множество воплощений и испытать много страданий, прежде чем это случится.[368]

Такие черты сходства в религии средневековых дуалистов становятся еще более явными, когда мы осознаем (как подтверждает Юрий Стоянов), что Свет и Тьма в манихейской космологии являются метафорами духа и вещества.[369] Сплав этих двух противоположных принципов в начале нынешнего цикла времени изначально привел к заключению и страданиям души.[370] Подробности того, каким образом это произошло — как фрагменты Света оказались заключены в оболочку Тьмы, добро смешалось со злом, а души оказались в материальном мире, — были больше связаны с вдохновением отдельных рассказчиков, чем с другими факторами. Мы знаем о существовании традиции, широко использовавшей живописные символы, мифы и параболы в проповеднических целях, но в конечном счете все сводится к тому, что дуалисты средневековой Европы, как и персидские манихейцы за сотни лет до них, представляли человека как «смешанное» существо, которое должно постоянно вести борьбу с самим собой и подавлять низменные элементы своей сущности для самосовершенствования и освобождения своей души.

Именно с этой целью катары и богомилы рассказывали истории об ангелах, павших из чистого духовного царства небес в нечистое материальное царство земли. В параллельном манихейском мифе Князь Тьмы со своими демонами устремился вверх из бездны, чтобы напасть на Свет и уничтожить его. Эта атака была столь мощной, что Сатана, владеющий зловещими силами Дыма, Огня, Ветра, Воды и Тьмы, прорвал защиту и поставил под угрозу

само существование Света. Тогда Отец Света защитил свое царство, призвав доверенное лицо — «первозданного человека» — и вооружив его светоносными силами Воздуха, Ветра, Света, Воды и Огня. Состоялась великая битва. Сатана одержал победу, и первозданный человек лежал в смертном оцепенении, а элементы его светоносных сил были поглощены, или «пожраны», силами Тьмы.[371]

Тогда Отец Света создал новые эманации, среди которых был «Живой Дух», отождествляемый с персидским богом Митрой, которому поклонялись до распространения зороастризма, а также фигуру под названием «Великий Архитектор».[372] Вместе они вернули к жизни и спасли первозданного человека, и принялись возвращать светоносные силы, поглощенные Тьмой.

Эта задача была описана как спасение «живой души» из «пылающего дома» вещества.[373]

Дьявольская контратака против трудов Живого Духа и Великого Архитектора включала создание Адама и Евы с целью «увековечить заключение элементов Света через похоть и воспроизводство человеческого вида», по словам Стоянова, но царство Света прислало Адаму спасителя, который помог ему осознать существующий в нем Свет — т. е. его бессмертную душу — и побудил его к восстанию против Сатаны, сотворившего его тело. С тех пор человечество «оставалось главным полем битвы между силами Света и Тьмы».[374]

Спасителя Адама в манихейских текстах называют «Иисусом Великолепным».[375] С течением времени были посланы другие спасители, каждый из которых возобновлял гнозис, необходимый для того, чтобы человек осознавал свое истинное состояние. Ранее мы перечисляли некоторые имена этих спасителей: Зороастр, Гермес, Платон, Будда, Иисус Христос и, наконец, сам Мани. Другие списки отражают распространение манихейства в еврейской культуре, поэтому в них фигурируют Сиф, Енох (как и Гермес, часто отождествляемый с древнеегипетским богом мудрости Тотом), Ной, Авраам и снова Мани.[376] Сходным образом экспансия манихейства в восточном направлении отражена в других списках, где Мани называют Буддой Света или реинкарнацией Лао-цзы, основателя даосизма.[377]

Во всех списках Мани носит титул «Печать Пророков».[378] Именно он приносит последнюю весть, окончательное откровение и гнозис, благодаря которому человечество наконец может завершить великую работу по освобождению последних элементов Света из темницы Тьмы. Судя по описанию, эта работа имеет почти алхимический характер замысловатого и постепенного процесса поэтапной дистилляции, воплощение за воплощением, когда Свет постепенно освобождается от Тьмы, очищая душу от загрязняющего вещества. Результатом является осознание, что физический мир, в котором мы живем, был создан как грандиозный театр или лаборатория, в которой происходит бесконечный и кропотливый процесс самосовершенствования. Этот мир не служит никакой иной цели.[379] Наконец, с помощью освобожденного Света Великий Архитектор и Живой Дух с помощью душ манихейских Избранных должны построить «новый рай» и «духовную землю», которая придет на смену безжизненной скорлупе старого материального мира, прекратившего свое существование по завершении этого грандиозного проекта.[380]

«Если это выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то, возможно, это утка»

Хотя манихейцы, богомилы и катары рассказывали разные истории о человеческом предназначении, при ближайшем рассмотрении выясняется, что они объединены одной глубинной темой. В сердце каждого «верующего» и «совершенного», каждого «слушателя» и «избранного» присутствовало желание свести к минимуму духовное загрязнение и улучшить, очистить, укрепить, а в конечном счете после трудной борьбы освободить свою душу. Во всех случаях это подразумевало признание системы верований и работу в структурах, обладавших

замечательным сходством с ранних дней манихейства в III веке н. э. до окончательного поражения средневекового дуализма в Европе тысячу лет спустя.

Как и церкви катаров и богомилов, манихейская церковь подразделялась на две главные категории. Существовали обычные, рядовые верующие, которые могли жениться, иметь детей, владеть собственностью, употреблять мясо и пить вино. Рядом с ними существовала небольшая элита, состоявшая из строгих вегетарианцев, дававших обет безбрачия, которые жили в личной аскезе и отвергали все материальные блага.[381] Рядовые верующие были известны как «слушатели», а представители элиты как «избранные»; эти концепции во всех отношениях были идентичны «верующим» и «совершенным» у средневековых дуалистов. Действительно, среди манихеев термин «совершенный» часто использовался как синоним «избранного».[382]

Как perfecti у катаров и богомилов, манихейские «избранные» могли быть мужчинами или женщинами и всегда путешествовали парами адепт — ученик. Как и perfecti, «избранные» проходили через строгий процесс инициации, завершавшийся церемонией, сходной с consolamentum. После этой инициации они считались «исполненными Света» и с тех пор не должны были делать ничего, что могло бы загрязнить их внутренний свет тьмой земных вещей.[383] Для манихейского «избранного» это означало, что он не мог заниматься сельскохозяйственной работой и даже сделать такую простую вещь, как преломить хлеб. Он был обречен на жизнь нищего скитальца, владевшего лишь «пищей на день и одеждой на год» и полностью зависевшего от милосердия «слушателей», которые, присоединившись к манихейской церкви, брали на себя обязательство заботиться об «избранных».[384] Хотя perfecti у катаров и богомилов могли преломлять хлеб для себя, они тоже вели жизнь нищих странников и зависели от милосердия «верующих», которые равным образом имели обязанность заботиться о них. Даже Бернард Гамильтон, который не является сторонником «непрерывной традиции», был вынужден признать это: «Манихеи требовали от своих посвященных вести аскетический образ жизни. Их основания для этого были идентичны верованиям богомилов и проистекали от убеждения, что материальный мир является злом».[385]

Мани учил, что такие посланники, как Зороастр, Будда и Иисус — к чьей линии принадлежал и он сам, — были посланы на землю из сострадания к человечеству, чтобы развеять облака невежества и научить людей истине. Они должны были спасать Свет (т. е. наши «сияющие души») от тьмы и зла.[386] Эти темы тоже хорошо знакомы нам по дуализму катаров и богомилов.

Читатель помнит, что катары и богомилы, считая Иисуса духовной эманацией Бога Добра, не признавали, что он был когда — либо рожден во плоти, и, следовательно, приходили к выводу, что он был призраком, появившимся непосредственно из небесного царства. Такую же идею высказывал Мани, который за сот ни лет до этого учил, что Иисус не был рожден женщиной, но снизошел от Отца Света и спустился с небес в облике человека в возрасте около тридцати лет. Тело, в котором он появился, было иллюзией, и столь же иллюзорным было его распятие.[387] В одном манихейском тексте Иисус даже является своему ученику Иоанну, скорбящему о предполагаемой смерти своего наставника, и сообщает ему, что распятие было спектаклем, своеобразной фантасмагорией, разыгранной для того, чтобы произвести впечатление на публику.[388]

Несмотря на убежденность в том, что материальная жизнь является злом, катары, богомилы и манихеи выказывали огромное уважение к жизни и старались не причинять боли и страданий любым существам, будь то люди или животные.[389] Все они верили в реинкарнацию,[390] запрещали использование образов и отправляли богослужение лишь с помощью гимнов и молитв.[391] Мы знаем, что катары и богомилы с ужасом смотрели на Ветхий Завет и приравнивали Иегову к дьяволу. То же самое делали и манихеи,[392] поскольку сам Мани объявил:

«Князь Тьмы говорил с Моисеем, евреями и их жрецом. Так, христиане, евреи и язычники впадают в одно и то же заблуждение, когда они поклоняются этому богу. Он вводит их в искушение и сбивает с пути истинного, поскольку не является истинным богом».[393]

Связь катаров с I веком, нашей эры

До начала XX века ученым приходилось почти исключительно полагаться на работы гонителей манихейства в попытке воссоздать «утраченную» манихейскую религию, уничтоженную этими самыми гонителями. Но древние манихейские тексты, обнаруженные на Дальнем Востоке в 1920-х годах и в Египте в 1970-х годах, значительно расширили наши знания. Вследствие этого теперь принято считать, что христианский гностицизм, которому до этого отводилась сравнительно незначительная роль в интеллектуальных истоках манихейства, на самом деле мог быть главным определяющим влиянием, сформировавшим мировоззрение Мани. Г. Дж. У. Драйверз даже предполагает, что сам термин «христианский гностицизм» является неправильным:

«Обычно предполагалось, что элементы христианства в манихействе достигли самого Мани через фильтр гностицизма… Но предположение о том, что Мани опирался на всю христианскую традицию и литературу того времени, не ограничиваясь сочинениями гностиков, больше согласуется с исторической ситуацией и развитием событий в III веке н. э.».[394]

Иными словами, если манихейство в его нынешнем понимании обнаруживает мощное влияние гностического христианства, то это, по всей видимости, происходит потому, что христианство во времена Мани значительно, если не в подавляющей степени, было представлено гностическими течениями, — противоречивый вывод, который тем не менее находит поддержку со стороны многих современных ученых. В 1945 году большое собрание ранее неизвестных гностических текстов времен раннего христианства было обнаружено в Наг Хаммади в Верхнем Египте. После перевода и публикации этих текстов в 1977 году стало ясно, что связь христианства с гностицизмом восходит к самым истокам христианского культа в I веке н. э. Теперь считается общепризнанным, что «христианский гностицизм» не был каким-то эксцентричным течением внутри «основного тела» христианства. Напротив, он составлял его основу и, возможно, даже играл ведущую роль, как мы убедимся в следующей главе.

Потом что-то произошло. В начале IV века н. э. христианская церковь, получившая государственный статус, круто сменила направление своего развития. Вольнодумствующий, иногда анархический подход гностиков подвергся осуждению. Аллегорические интерпретации Священного Писания были оставлены в пользу буквалистских, и почти немедленно начались гонения на еретиков. Может ли быть правдой утверждение катаров, что именно в это время подлинная христианская церковь была вынуждена уйти в подполье, а ее место было узурпировано римской церковью? Может ли быть правдой, что подлинная церковь — гонимая, угнетаемая, поставленная вне закона — тем не менее каким-то образом смогла сохраниться начиная с IV века, а потом ее доктрины появились 600 лет спустя в учении богомилов?

Такое предположение выглядит натянутым. Тем не менее мы указали на возможность существования цепочки передачи основных идей от манихейства в III веке н. э. до катаров и

богомилов. Если христианский гностицизм оказал определяющее влияние на учение Мани, с чем теперь согласны ученые, то именно у гностиков нам нужно искать последние звенья цепи великой ереси.

ГЛАВА 5
ЗНАНИЕ ИСТИННОЙ ПРИРОДЫ ВЕЩЕЙ

«Я буду пользоваться термином «гностицизм» для обозначения идей или связных систем, которые характеризуются абсолютно негативным взглядом на видимый мир и его творца. Они основаны на предпосылке о существовании в человеке «искры божественности», или внутреннего «я», которое оказалось заключенным в материальном теле в результате трагического события в первозданном мире. Оно может вернуться к своему божественному происхождению лишь посредством обретения гнозиса. Такие идеи можно обнаружить в большинстве оригинальных гностических рукописей, сохранившихся большей частью в библиотеке Наг Хаммади…»

Рольф Ван дер Брок, почетный профессор истории христианства в Утрехтском университете

Это не самое простое описание того, чем был или является гностицизм. У нас уже не раз был повод отметить, что в гностической традиции особый акцент делался на индивидуальном откровении и самовыражении. Вследствие этого, хотя гностические секты разделяли ряд глубинных тем и убеждений, между ними существовали многочисленные отличия, иногда сбивающие с толку исследователей. Секты обычно развивались вокруг учений боговдохновенных людей, самыми знаменитыми из которых в I и II веках н. э были Симон Волхв, Маркион, Василид и Валентин. В зависимости от природы откровения своего основателя каждая секта добавляла собственные рассуждения, метафоры и мифы-поучения, а иногда даже полные космологические системы к огромному и эклектичному корпусу идей и убеждений, которые уже тогда относились к общей категории «гностицизма».

Фоновое состояние интеллектуальной анархии в сочетании с изобилием многочисленных «систем» внутри гностицизма делает эту тему трудной для изучения, но предмет еще более усложняется из-за суровых гонений на гностиков, предпринятых христианской церковью с IV по VI век н. э.[395] Наряду с казнями бесчисленных людей, готовых принять ужасную смерть вместо того, чтобы отказаться от своей веры, эти гонения привели к сбору и сожжению огромного количества гностических текстов. Таким образом, один из драгоценных «жестких дисков», где хранилась важная часть интеллектуального и духовного наследия человечества, сгорел в самом буквальном смысле, не оставив практически ничего для будущих поколений. Мысли о человеческой участи, принадлежавшие вдохновенным мистикам и великим философам, их путешествия в тайну смерти и обретения освобождающего гнозиса, раскрывавшего истинную природу и предназначение нашего бытия, — все это казалось навеки утраченным. В течение пятнадцати столетий немногочисленные ученые, все еще проявлявшие интерес к сокрушенной и почти забытой религии, были вынуждены почти исключительно полагаться на сочинения гонителей гностицизма. Борцы с ересями часто цитировали фрагменты запрещенных гностических работ или в некоторых подробностях сообщали содержание этих работ с целью последующего опровержения в своих проповедях. Но при такой односторонней подаче материала и пристрастном выборе текстов для цитирования у исследователей почти неизбежно складывалось весьма однобокое мнение о гностицизме. Примерно такое же представление может составить воображаемый исследователь, пытающийся воссоздать точную картину иудаизма на основании книг, написанных нацистскими пропагандистами.

В последнем случае мы можем игнорировать нацистские памфлеты, так как иудаизм в отличие от гностицизма является живой религией и может говорить сам за себя, но и гностицизму в определенных отношениях повезло. Подавляющее большинство гностических

рукописей было уничтожено в ходе погромов, развязанных христианами, но в конце IV века н. э. неизвестная группа еретиков из Верхнего Египта предприняла меры предосторожности и оставила «капсулу времени», содержащую значительную коллекцию запрещенных гностических текстов. Обладание такими текстами было крайне опасным, поэтому «капсулу» — на самом деле большой глиняный кувшин — зарыли в земле возле огромного валуна у подножия утесов над течением Нила.

Вероятно, владельцы надеялись, что положение улучшится и они в конечном счете смогут вернуться и забрать свою библиотеку, но этого не произошло. Скорее всего их ересь была раскрыта, и они были казнены. В течение последних двух десятилетий IV века догматическая фракция христианства, недавно обратившая в свою веру императора Константина, поигрывала мышцами, пользуясь защитой Римского государства. При негласной поддержке, а иногда и при прямом военном содействии местных властей,[396] истерические толпы религиозных фанатиков слонялись по Египту, распространяя страх повсюду на своем пути.[397] Они громили храмы, которые стояли тысячелетиями, и уродовали древние надписи, они убивали жрецов и философов. Под их натиском утонченная религия Древнего Египта испустила свой последний вздох.

Видимо, члены одной из таких сект захоронили «капсулу времени» рядом с валуном у подножия утесов. Там она пролежала непотревоженной почти 1600 лет, пока вокруг нее протекала медленно изменяющаяся жизнь Египта.

Библиотека Наг Хаммади: «капсула времени» или бомба с часовым механизмом?

В декабре 1945 года в окрестностях современного городка Наг Хаммади в Верхнем Египте местный крестьянин по имени Мохаммед Али расчищал землю на краю своего семейного поля. По чистой случайности он вскрыл большой и неповрежденный глиняный кувшин, судя по всему, целенаправленно зарытый в вертикальном положении рядом с огромным валуном. Когда он разбил кувшин, наружу вывалились 13 переплетенных в кожу папирусных книг и большое количество отдельных листов папируса. Мохаммед принес эту сокровищницу знаний о давно забытой религии к себе домой, где его мать использовала большую часть отдельных листов папируса в качестве растопки, но книги — правильнее говоря, кодексы — сохранились и в конце концов оказались на египетском черном рынке.[398] Благодаря хорошей детективной работе правительственной службе древностей удалось выкупить один из них и конфисковать десять с половиной из тринадцати кодексов. Большая часть остальных материалов была контрабандой вывезена их Египта и выставлена на продажу в США. Профессор Жиль Киспель, специалист по гностицизму из Утрехтского университета в Голландии, своевременно подтвердил его важное значение, и кодекс был спасен.[399]

1. Камень «бенбен» из пирамиды Аменемхета III, выставленный в египетском Музее древностей в Каире. Обратите внимание на «глаз» в центре пирамидальной структуры, которая первоначально была покрыта золотой фольгой.

2. Роспись Франсуа-Эдуарда Пико 1827 года на потолке зала № 30 в Лувре: «L'Etude et le Genie devoilent a Athenes l'antique Egypte». «Разоблаченная» Исида на троне со львами по обе стороны созерцает ландшафт с пирамидами и обелиском.

3. Статуя Джордано Бруно на Кампо ди Фиори в Риме.

4. Вид «восьмиугольного эллипса» на площади Сан-Пьетро с крыши Базилики.

5. Крыло Сюлли, зал № 26. Эта комната символизировала «священный» союз между Анной Австрийской и Людовиком XIII. Деревянная обшивка комнаты привезена из ее апартаментов в Шато-Винсенн, а на восточной стене висит портрет, изображающий королеву в образе Минервы. Напротив висит портрет Людовика XIII. Между ними недавно была помещена статуя египетского бога Амона из Фив/Луксора, который, по преданию, был отцом Александра Великого. Странно, что статуя Амона находится почти на одной линии с конной статуей Людовика XIV, изображенного в облике Александра Великого (см. вкладку 17), которая, в свою очередь, находится на исторической оси Парижа, установленной Ленотром в 1663–1667 годах для Короля-Солнце. В Луксорском храме в Фивах специальная комната, известная под названием мамисси, служила для встреч между правившей царицей и «Амоном», чтобы она могла зачать «Солнечного царя».

6. Изображение тамплиера с крестом (croix-patte) его ордена и восьмиугольной рамкой, в которую мог быть вписан крест.

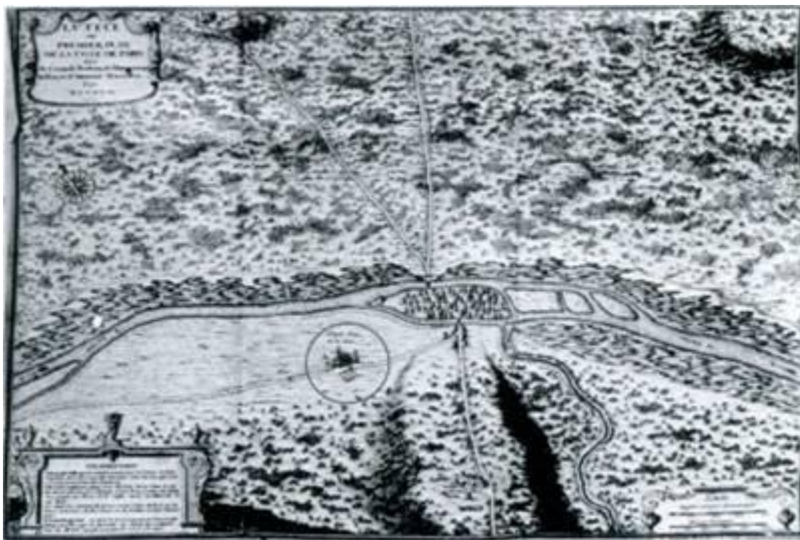
7. Надпись на гравюре XV века гласит: «Древняя богиня и царица египтян». Обратите внимание на форму ладьи и на изображение собаки на штандарте, символизирующее «Песью звезду», или Сириус.

8. Герб Парижа, XV век.

9. Герб Парижа, заказанный Наполеоном в 1811 году, с изображением Исиды, сидящей на носу ладьи, и ее звезды Сириуса, указывающей путь. Обратите внимание на трех пчел «Карла Великого», символизирующих божественное право королевской власти. Также обратите внимание на кадуцей, пронзающий корону и поддерживающий имперского орла.

10. Реконструкция Парижского региона до того, как был построен город, с расположением храма Исиды, где ныне находится аббатство Сен-Жермен-де-Пре. По мнению некоторых историков XVI века, этот регион был известен как «окрестности храма Исиды» (Isis), откуда происходит слог isi в топониме Parisi.

11. Панорама Лувра в восточном направлении. Обратите внимание на «историческую ось», проходящую через конную статую Людовика XIV, затем через южное крыло Лувра и простирающуюся к горизонту, где происходит восход Сириуса. Взгляните на «ладьевидную» форму острова Ситэ справа. Под ныне существующим собором был обнаружен «храм Исиды», подразумевающий, что остров был «ладьей Исиды» на Сене (см. вкладки 7 и 9).

12. Панорама «исторической оси» Парижа к западу от Лувра, в сторону района Ля Дефанс на горизонте. Обратите внимание на отклонение оси.

13. Закат 6 августа на «исторической оси» Парижа (Елисейские Поля). Дата праздника Преображения здесь насыщена солнечной символикой, связанной с Людовиком XIV, Королем-Солнце, при котором была заложена «историческая ось».

14. Восход солнца в день летнего солнцестояния в Карнакском храмовом комплексе (Фивы). Сравните с закатом на Елисейских Полях в Париже 6 августа (см. выше). В обоих местах ось ориентирована под углом 26° 5 к северо-западу.

15. Закат 6 августа на «исторической оси» Парижа (Avenue de la Grande Armee). Однако здание Grande Arche повернуто под углом 32° к западу, так что солнце оказывается в центре арки 24 июня, в день св. Иоанна, отмечаемый масонами как праздник Нового года.

16. Вид на здание Grande Arche в западном направлении. Бросается в глаза отклонение оси Grande Arche от «исторической оси» на 6°. Ориентировка под углом 32° в северо-западном направлении соответствует заходу солнца в день 24 июня (см. вкладку 15).

Когда Киспель приступил к предварительному переводу текста, то, к своему изумлению, обнаружил, что имеет дело с до сих пор неизвестным христианским Евангелием, не включенным в состав Нового Завета. Оно называлось «Евангелие от Фомы» и якобы содержало тайные слова, сказанные Иисусом его «Близнецу» — некоему Фоме.

Несмотря на старания матери Мохаммеда Али, в двенадцати с половиной спасенных кодексах сохранилось 52 отдельных текста. Радиоуглеродный анализ папируса и кожаных переплетов, а также лингвистический анализ коптского шрифта, на котором был написан

текст, указывают, что кодексы были изготовлены в период от 350 до 400 года н. э.[400] Возраст содержимого — другое дело, поскольку сами тексты являются переводами на коптский — язык египетского простонародья в раннехристианскую эпоху — с более ранних источников, первоначально написанных на греческом языке. Ученые в целом согласны с тем, что большая часть текстов была составлена или собрана в период с 120 до 150 года н. э.[401] Но есть убедительный аргумент в пользу того, что «Евангелие от Фомы» является исключением из этого правила. Профессор Хельмут Кёстлер из Гарвардского университета предположил, что это апокрифическое Евангелие содержит фрагменты, которые, возможно, могут относиться «ко второй половине I века н. э. (50–100 гг.), то есть к эпохе Матфея, Марка, Луки и Иоанна или даже раньше».[402]

Обычно считается, что четыре канонических Евангелия Нового Завета были созданы в 60–110 годах н. э.,[403] но в случае с «Евангелием от Фомы» мы имеем дело с апокрифом, претендующим на роль подлинного христианского Евангелия, которое может быть старше — т. е. ближе ко времени жизни Христа, — чем любое из канонических Евангелий. Это приводит к тревожным вопросам о самих канонических Евангелиях. Насколько «каноническими» они являются на самом деле? Можем ли мы быть уверены, что они содержат правду, всю правду и ничего, кроме правды, о Христе и феномене зарождения христианства? Существование «старшего» Евангелия в собрании текстов Наг Хаммади подразумевает, что Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна могли быть частью гораздо более обширного корпуса литературы, впоследствии «отредактированного» составителями Нового Завета. Это впечатление усиливается из-за присутствия в 52 текстах Наг Хаммади нескольких других апокрифических Евангелий: Евангелие от Филиппа, Евангелие Истины и Египетское Евангелие. Существовали ли другие тексты, сожженные матерью Мохаммеда Али? Или те, которые не попали в драгоценную «капсулу времени» Наг Хаммади и были вычеркнуты из истории охотниками за ересями?

«Организация» (1): следы тайного гностического общества

В текстах из библиотеки Наг Хаммади содержится гораздо больше тревожной информации. Следует помнить, что они были составлены главным образом в период с I по III век н. э., первоначально написаны по-гречески, впоследствии переведены на коптский и скрыты в тайнике в конце IV века. Мы отмечали, что это было время, когда Римское государство, недавно признавшее христианство в качестве официальной религии, направило все свои силы на подавление христианских ересей. Самые жестокие гонения обрушились на гностиков. Поэтому очень любопытно, что в некоторых документах из библиотеки Наг Хаммади содержатся ссылки на существование некоего тайного общества, которое обычно называется «Организацией».[404] Ее миссия, к которой мы вернемся в следующих главах, частично заключалась в строительстве монументов, «обозначающих духовные места» (например, звезды).[405] Оно также пользовалось всевозможными средствами для защиты священных знаний гностицизма и противостояния вселенским силам тьмы и невежества:

«… ввергнувшим в пучину бедствий людей, которые последовали за ними, соблазненные многими обманами. Люди старели, не зная радости, они умирали, не обретая истины и без знания истинного Бога. Так все Творение было навеки порабощено от основания мира до нынешнего времени».[406]

Гностическая религия, раскрываемая в текстах Наг Хаммади, является четко дуалистической. Она рисует вселенское противоборство двух мощных духовных сил бытия:

Бога света, любви и добра и Бога тьмы, ненависти и зла. Как и богомилы с катарами 1000 лет спустя, гностики верили, что Бог Зла создал материальный мир и человеческие тела. Наши души, однако, происходят из духовного царства Бога Добра и жаждут вернуться туда. Главная цель Бога Зла — препятствовать этому желанию и удерживать заблудшие души в вечном заключении на земле, чтобы «они испили воды забытья и не знали, откуда они произошли».[407] Силы зла погружали разум в сомнамбулическое состояние и распространяли заразу «умственной слепоты»,[408] поскольку «невежество — это мать всех зол… невежество — это рабство, а знание — это свобода».[409]

Из текстов Наг Хаммади явствует, что «Организация» служила духовным силам света. Ее священная цель заключалась в освобождении людей от порабощения через посвящение их в культ знаний. Не могло быть более важной и насущной задачи; согласно мировоззрению гностиков, человечество находилось в центре космической схватки. Люди выбирали зло из невежества, и последствия этого выбора выходили далеко за рамки материального бытия и смертного мира.[410] Поэтому гностики говорили: «Мы боремся не против плоти и крови, а против тех, кто правит тьмой, и духов зла».[411]

Общественный ремесленник

Во времена своего расцвета в Александрии гностики жили в тесном контакте с последователями древнеегипетской религии, иудеями и христианами. Они почитали Христа и точно так же, как впоследствии катары и богомилы (а также манихеи и павликиане), не верили, что он родился во плоти, но считали его призраком, или «фантазмом».

Находки из Александрии показывают, что гностические общины в первые три века после Христа также почитали Осириса, древнеегипетского бога возрождения,[412] «который стоит перед тьмой, как страж света».[413] Это отличало их от любых других христианских дуалистических культов.

С другой стороны — опять-таки подобно манихеям, мессалийцам, павликианам, катарам и богомилам, — гностики рассматривали бога Ветхого Завета, Иегову христиан и иудеев, как темную силу, «одного из мировых правителей тьмы». Для них он был злым «демиургом»; этот греческий термин, имеющий уничижительный смысл, в буквальном переводе означает «общественный ремесленник».[414] Иными словами, он был божеством низшей категории, создавшим Землю как свою личную вотчину. Потом он создал людей, которые должны были преклоняться перед ним и почитать его, и обманом заставил несчастных существ поверить, что он является единственным богом. Таким образом, его единственная цель заключалась в том, чтобы целую вечность держать нас в духовном невежестве и насаждать злодеяния, укрепляющие его власть. Именно поэтому в текстах Наг Хаммади, описывающих искушение Адама и Евы в Эдемском саду, змей предстает не злодеем (как в ветхозаветной книге Бытия), но скорее героем и подлинным благодетелем человечества:

«Что Бог сказал тебе, — спросил змей у Евы. — Он сказал тебе, не ешь от древа познания?» — «Он сказал: не только не ешь от него, но и не прикасайся к нему, иначе умрешь», — ответила она. «Не бойся, — сказал змей, — со смертью ты не умрешь, ибо Он сказал это тебе из ревности. Твои глаза откроются, и ты станешь подобной богам, различая добро и зло».[415]

После того как Адам и Ева вкусили от древа познания, они испытали просветление, осознали свою светоносную природу и смогли отличать добро от зла, как и обещал змей. Увидев их интеллектуальное и духовное преображение, Демиург преисполнился ревности и призвал своих демонических соратников:

«Посмотрите на Адама! Он стал как один из нас, потому что знает разницу между светом и злом. Теперь, возможно, он вкусит еще и от древа жизни и станет бессмертным. Изгоним же его из рая вниз на землю, от которой он был взят, чтобы с тех пор он не знал ничего лучшего». И они изгнали Адама из рая вместе с его женой».[416]

В этой гностической истории бытия стоит обратить внимание, что Адам и Ева были изгнаны из «рая» вниз на «землю», где с тех пор им предстояло жить, не зная о своих истинных возможностях. Основная идея низвержения из духовного рая в плотский материальный мир — очень близка катарским и богомильским представлениям об ангелах, падших с небес и вселившихся в человеческие тела. В обоих случаях участь души одинакова: она оказывается заключенной в темнице вещества, забывает свою истинную природу и божественный потенциал, обманывается кознями злого божества и исполняет все прихоти этого сверхъестественного монстра.

В гностических текстах имеется свой вариант книги Бытия, повествующий о человеческой истории на земле после Падения. Мы читаем о том, что со временем потомки Адама и Евы достигли высокой степени развития; они изменяли физический мир с помощью хитроумных механизмов и начали заниматься глубокими духовными исследованиями. Преисполнившись зависти к их достижениям, Демиург снова решает вмешаться и призывает на помощь свои демонические силы: «Нашлем же на них потоп мощью наших рук, и пусть уничтожится на земле любая плоть, от человека до зверя».[417]

Согласно гностикам, Потоп был ниспослан не в качестве кары за грехи, как ложно сообщается в Ветхом Завете, но для того, чтобы наказать человечество, вознесшееся слишком высоко, и «забрать свет, возросший среди людей».[418] Эта цель была почти достигнута с помощью Всемирного потопа. Выжившие впали «в глубокое отчаяние и вели жизнь, полную тяжких трудов, поэтому человечество погрузилось в мирские дела и больше не имело возможности посвятить себя Святому Духу».[419] К счастью, немногие из наших предков еще обладали старинным знанием и были исполнены решимости передавать его для блага будущих поколений так долго, как это будет необходимо, пока не настанет время всеобщего пробуждения.[420]

«Организация» (2): пробуждение в X веке?

Мы не можем не задаваться вопросом, каким образом члены таинственной «Организации», о которой говорится в текстах Наг Хаммади, реагировали на гонения, обрушившиеся на гностицизм в конце IV века до н. э., когда были спрятаны тексты. Возможно, они рассматривали себя в том же мифическом контексте — как людей, выживших после Потопа в гностических мифах о сотворении мира? Разумеется, на этот раз они не имели дела с потопом в буквальном смысле этого слова, ниспосланным дьявольским богом Ветхого Завета, чтобы украсть свет у человечества. Но с гностической точки зрения они столкнулись с чем — то не менее опасным: с допросами охотников за ересями, с бесчинствами христианских толп, сожжением книг и людей.

Тексты Наг Хаммади приглашают нас рассмотреть возможность существования тайного общества, специально созданного для сохранения гностических учений в трудные периоды и действовавшего по меньшей мере с I по III век н. э. (когда были составлены тексты). Если такая «Организация» продолжала действовать до того времени, когда тексты были захоронены, то есть все основания полагать, что она пережила погромы и гонения, продолжавшиеся с IV по VI век н. э. Даже без таких явных сторонников, как мессалиане и манихеи, небольшой и тесно сплоченной секте еретиков было не слишком трудно вести тайное существование и набирать новых членов в «темные века» с VI по X век н. э. При

соблюдении мер предосторожности можно было не привлекать особого внимания, не раскрывать свою истинную сущность. В то время существовало множество изолированных религиозных общин отшельников или монахов, которые могли служить хорошей маскировкой, пока не настанет время выйти из тени.

Если рассуждать логически, для гностицизма не было более благоприятного времени, чтобы выйти из тени и заявить о своих претензиях на основание новой мировой религии, чем последний век I тысячелетия. Именно в это время (где-то между 920 и 970 годами, как мы видели в главе 3) ересиарх, называвший себя Богомилом, или «возлюбленным Господа», начал распространять свое учение в Болгарии. Мы уже знаем, что основанная им церковь стремилась к достижению «всеобщего пробуждения», мы уже видели, что ее влияние распространялось с огромной скоростью и успехом сначала на территориях, находившихся под духовной гегемонией восточной православной церкви, а впоследствии в Северной Италии и Окситании, которые находились под властью римско-католической церкви.

На обоих фронтах абсолютная власть официальной христианской церкви столкнулась с доктриной, во многих отношениях идентичной учению раннехристианских гностиков.

И на обоих фронтах претенденты называли себя поборниками первоначальной «Церкви Христовой», чье место, принадлежавшее ей по праву, было отнято у нее силой.

Шостики, богомилы и катары: черты сходства (1)

Многие ученые считают гностицизм поздней дохристианской «философской» религией, которая, подобно вирусу, проникла в раннее христианство и попыталась превратить его в средство пропаганды собственных идей — отсюда и «христианский гностицизм». Однако на том же основании они допускают возможность, что христианский культ имел гностическое происхождение, но впоследствии был узурпирован группой решительных консерваторов и буквалистов, которые стали использовать его в собственных целях. Так или иначе, большинство исследователей видят истоки гностицизма в Палестине I века до н. э.; отсюда, по их словам, он быстро дошел до Александрии, которая стала главным центром его последующей экспансии.[421]

Хотя Палестина и Александрия имели очень разную историю, в течение этого периода они находились под влиянием общей эллинистической культуры, доминировавшей во всем Средиземноморье, Месопотамии и Иране после завоеваний Александра Македонского в IV веке до н. э. Это был период необыкновенного оживления, интеллектуальной предприимчивости, творчества, рационализма и глубоких духовных исканий. Он свел в гигантском плавильном тигле эллинистической культуры жрецов Древнего Египта, магов-дуалистов из Ирана, посвященных в мистерии Митры, философов платоновской школы из Греции, иудейских мистиков, буддийских миссионеров и представителей множества друг их культур. Именно из этого «запутанного, но чрезвычайно увлекательного клубка языков и культур», по предположению историка Джослин Годвин, «родился гностицизм — религия гнозиса, или знания истинной природы вещей».[422]

В гностицизме есть основополагающие элементы. Самым главным из них является предпосылка о существовании духовного светоносного царства, где правит любящий и благосклонный Бог, но при этом материальное царство, в котором мы живем, является творением Бога Зла. Как мы могли убедиться, деяния ветхозаветного Иеговы служили для гностиков очень хорошей иллюстрацией этой идеи в I и II веках н. э. После того как он создал этот мир, его поступки почти неизменно были злокозненными, низкими, необузданными, жестокими или продиктованными ревностью — именно то, что можно

ожидать от Бога Зла. Едва ли можно считать случайностью, что мы видим аналогичное использование образа Иеговы в таком же контексте и для тех же целей катарами и богомилами в период с X по XIV век н. э.

Другим свидетельством тесной связи между этими группами, расположенными на противоположных концах I тысячелетия, является их вера в то, что наши души были созданы Богом Добра и принадлежат его царству, в то время как наши тела принадлежат материальному царству и находятся во владениях Бога Зла. Гностики, катары и богомилы считали душу пленницей в демоническом материальном мире, где она подвергалась постоянной опасности опуститься еще глубже и еще прочнее завязнуть в тенетах материального мира. Все они предлагали душе путь к спасению через посвящение в свою систему верований и приобретение гнозиса.

Во всех трех случаях гнозис участвовал в процессе мгновенного озарения и абсолютно ясного осознания бедственного положения души, истинной природы материального мира и пути к спасению, который предлагал гностицизм. Во всех трех случаях Христос рассматривался не как искупитель (умерший на кресте во искупление наших грехов), но как эманация божественности, которая снизошла на землю, чтобы открыть людям глаза на их истинное положение. И наконец, хотя все три группы считали приход Христа космическим событием, имевшим огромное значение, они также верили, что он никогда не воплощался во плоти, а его телесный облик, как и распятие, был иллюзией.

Гностики, богомилы и катары: черты сходства (2)

Религия гностиков в I–IV веках и вероучение катаров и богомилов в X–XIV веках имеют много других сходных подробностей. В главе 3 мы могли убедиться, что ритуал consolamentum, возвышавший кандидата от статуса «верующего» до статуса «посвященного», был практически идентичен ритуалу крещения взрослых в раннехристианских церквях, благодаря которому кандидат приобретал статус посвященного христианина. По словам Стивена Рансимена, ирония заключалась в том, что,

«… осуждая еретиков за существование класса «избранных» или «совершенных», средневековые церковные полемисты фактически осуждали раннехристианские обряды, а еретическая церемония инициации [consolamentum*], к которой они относились с ужасом, почти дословно повторяла церемонию, в процессе которой ранних христиан принимали в лоно церкви…*[423] *Такое сходство не может быть случайным. Очевидно, катарская церковь сохранила с незначительными изменениями в угоду своим доктринам церковные службы, существовавшие в раннем христианстве в первые четыре века его развития».*[424]

Теперь ясно, что службы и обряды ранней церкви по своему происхождению являлись почти исключительно службами и обрядами раннехристианского гностицизма.[425] Они были вытеснены и запрещены по мере того, как буквалистская фракция христианства консолидировала свою власть в Риме в IV–V веках н. э., но запрещенные ритуалы естественным образом продолжали соблюдаться и сохранялись в уцелевших гностических сектах. Некоторые из них были названы в предполагаемой «передаточной цепи», обозначенной в главе 4, но вполне вероятно, что гораздо большее количество сохранялось в тайне либо в изолированных общинах, либо маскируясь под видом организации своих религиозных соперников.

Хотя это может показаться конспирологическими построениями, историки признают, что многие гностические и дуалистические секты соблюдали режим строгой секретности. Вполне

можно понять, что они стали мастерами по части маскировки, так как расплатой за разоблачение была смертная казнь. В предыдущих главах мы упоминали о «гнездах еретиков» (богомилов и катаров), раскрытых в православных и католических монастырях в период с X по XIV век, поэтому нельзя не обратить внимания на точно такую же «стандартную процедуру маскировки», используемую еретиками IV и V веков, когда гностицизм подвергался гонениям. В высшей степени вероятно, что неизвестная группа гностиков, составившая и зарывшая в тайном месте библиотеку Наг Хаммади, состояла из христианских монахов. В то время два монастыря, предположительно принадлежавшие к православному пахомианскому ордену, находились в шести милях от того места, где были зарыты священные тексты.[426]

Ритуал consolamentum выполнял по меньшей мере две главные функции в религии катаров и богомилов.

Во-первых, через цепочку контакта, которая, по их утверждению, неразрывно протягивалась в прошлое вплоть до апостолов, возложение рук наделяло посвящаемого силой Святого Духа. Они верили, что, когда разряд священной энергии проходил через тело человека, он в одно мгновение осознавал бедственное положение своей души, отделенной от своего истинного небесного дома и заключенной в царстве Бога Зла. Эта вспышка просветления наделяла его полным знанием и духовной силой, необходимой для того, чтобы разорвать узы вещества и вернуть свою душу на небеса.

Профессор Рольф Ван дер Брок из Утрехтского университета выдвинул аргумент, что consolamentum не был подлинно гностическим ритуалом инициации, поскольку «в процессе этого ритуала не передавалось никакого специфического гнозиса».[427] Профессор является признанным авторитетом в своей области, и мы высоко ценим его работу, но это утверждение основано на слишком ограниченном определении того «знания», которым является гнозис, и не дает понимания о его возможном приобретении. Как уже упоминалось, гностические ритуалы инициации I–IV веков, как и ритуалы инициации у богомилов и катаров тысячу лет спустя, были простыми церемониями с возложением рук. Совершенно очевидно, что во всех трех случаях кандидат получал не конкретные знания, которыми он овладевал на интеллектуальном уровне и усваивал через устные предания или из книг, это было откровение или вдохновенное знание, которое передавалось в одно мгновение, как электрический разряд, и которое он испытывал на самом непосредственном и личном уровне. Это знание не осложнялось какими-либо логическими объяснениями, затруднявшими его понимание. По утверждению Бернарда Гамильтона, раннехристианские гностики называли его просто «знанием истины о человеческом состоянии».[428] Этой истиной можно было обладать или не обладать.

Кроме того, несмотря на свои сомнения относительно гностического статуса ритуала consolamentum, Ван дер Брок утверждает:

«Из-за их дуализма, умеренного или абсолютного, катаров можно называть гностиками. Если представление о том, что материальный мир создан злым творцом и что душа заперта в темнице тела, нельзя называть гностическим, то гностических идей вообще не существует. В этом смысле катаризм представляет собой средневековую разновидность гностицизма».[429]

Второй функцией ритуала consolamentum для катаров и богомилов было возвышение кандидата из ранга «верующего» в ранг «совершенного». В этом они тоже следовали правилу, установленному христианскими гностиками в первые четыре века нашей эры. Мы уже видели, что манихеи, точно так же, как катары и богомилы, подразделялись на два больших класса — «избранных» и «слушающих». Такое же подразделение существовало в гностической церкви, основанной Валентином во II веке н. э. Он разделил своих «добрых христиан» на два класса: «пневматики» («спиритуалы», или «исполненные

божественности»[430]) и «психики» (обладавшие потенциальной возможностью стать «спиритуалами» в результате долгих усилий).[431] Маркион, другой харизматический еретик II века н. э., пользовался такой же системой при создании влиятельной гностической церкви, носившей его имя.[432] Как и для perfecti у катаров и богомилов, строгие ограничения, посты, вегетарианство и целомудрие были уделом лишь «пневматиков», и точно так же, как «верующие» у катаров и богомилов, «психики» освобождались от подобных обязательств, но были обязаны заботиться о «пневматиках», чтить и защищать их.[433]

Шостики, богомилы и катары: общие черты (3)

Другой особенностью, не претерпевшей никаких изменений с IV по XIII век н. э., были необыкновенно жестокие и последовательные гонения церкви на людей, придерживавшихся гностических и дуалистических убеждений. Если представить себе перспективу сожжения на костре с точки зрения жертвы, то ясно, что ни один здравомыслящий человек не выберет такую смерть с легким сердцем. Поэтому сам факт, что многие посвященные гностики сознательно выбрали такую ужасную смерть вместо отказа от своих убеждений (а многие катарские perfecti сделали то же самое тысячу лет спустя), по меньшей мере свидетельствует об их глубокой убежденности в своей правоте. Заблуждались они или нет — другой вопрос, на который невозможно ответить с уверенностью в этой жизни, но мы не можем сомневаться в том, что они были абсолютно уверены в том, что произойдет с их душами после того, как они встретят огненную смерть.

Наряду с общими чертами, сближавшими дуалистические вероучения, гностицизм и более поздние религии богомилов и катаров имеют одну общую характеристику, парадоксальным образом связывающую их с официальным христианством. Все они являются «религиями спасения» (т. е. все они обещают, что если следовать выбранному пути, то это приведет к «спасению» душ верующих), но даже здесь при более внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что катары, богомилы и гностики находятся по одну сторону баррикад, а поборники официального христианства — по другую. Дело в том, что доктрина католицизма и Восточной православной церкви сводилась «к спасению через веру» — то есть для спасения души не требовалось ничего, кроме веры в Бога. С другой стороны, еретики предлагали путь к спасению через знание — вернее, через откровение или боговдохновенное знание, — обретаемое посвященными в результате непосредственного опыта.

Именно благодаря этому личному знанию того, что ожидает их после смерти, гностики и катары со спокойной уверенностью принимали смерть на костре.

Pontifex Maximus

Римская католическая церковь не изобрела сожжение на костре в качестве наказания за ересь, но воспользовалась давней традицией, существовавшей в Древнем Риме.[434] Со времен правления императора Августа (23 г. до н. э. — 14 г. н. э.) все императоры помимо других обязанностей занимали пост Pontifex Maximus — титул высшего жреца государственной религии Рима. Эта религия менялась от одного императора к другому, но каждый император всегда сохранял пост Pontifex Maximus. Исполнение властных полномочий требовало от него защищать государственную религию и карать любые попытки мятежа против нее. Это не касалось большинства вероучений, мирно сосуществовавших друг с другом, к которым проявлялось терпимое отношение, однако это напрямую относилось к евангелистическим религиозным движениям, таким, как христианство и манихейство,

которые представляли значительную угрозу владычеству государственного культа, а значит, и самому государству. Очень часто нарушителей обвиняли в ереси и сжигали на костре.

В 186 году до н. э. культ мистерий, посвященных богу Дионису, был запрещен в Риме, а тысячи его посвященных подверглись мучительной казни.[435] В нескольких других случаях философов сжигали за угрозу, которую они якобы представляли для проведения религиозных церемоний. По свидетельству очевидцев, они шли на костер, «смеясь над внезапным крушением человеческих судеб», и умирали «без трепета, объятые пламенем».[436] Тысячу лет спустя, когда начались гонения на катаров в Лангедоке, «совершенные» неоднократно делали то же самое.

Римский историк Тацит описал ужасную резню христиан во время правления императора Нерона (54–68). Однако это было связано не столько с защитой государственного культа, сколько с народной ненавистью, существовавшей по отношению к христианам того времени. Уже презираемые за их «мерзости», они были несправедливо обвинены как зачинщики большого пожара, опустошившего Рим в 64 году н. э.

«Всех сознавшихся арестовали; выслушав их показания, подавляющее большинство убедилось не столько в их причастности к поджогу, сколько в их ненависти ко всему роду человеческому. Их казнь сопровождалась всевозможными издевательствами. Их одевали в шкуры зверей и травили собаками, прибивали к крестам или бросали в огонь. Костры освещали ночное небо после наступления темноты».[437]

Это было почти за 200 лет до начала систематических гонений на христиан, предпринятых римскими императорами. Первым из них был Деций, покаравший христиан, отказавшихся принести животных в жертву языческим богам в 250 году н. э. Новые казни последовали при Валериане в 257–259 годах,[438] а в 303–305 годах Диоклетиан устроил отдельные погромы для христиан и манихеев.[439] В своем «указе о манихеях» Диоклетиан распорядился сжигать на кострах лидеров этой секты вместе с их наиболее настойчивыми приверженцами. Он обвинил их в совершении многочисленных преступлений, подстрекательстве к волнениям в народе и даже «в причинении величайшего ущерба целым городам». Объясняя, почему манихейство является еретическим вероучением, он писал:

«В высшей степени преступно подвергать сомнению доктрины, раз и навсегда определенные нашими праотцами и занимающие признанное место в государственном устройстве, поэтому мы решительно настроены наказать этих никчемных людей за их распущенность и упрямство».[440]

Иными словами, Диоклетиан сжигал манихейских теологов, поскольку они были не согласны с официальными религиозными догмами и доктринами. Тон его указа имеет зловещее сходство с папскими декретами XIII века, призывавшими к альбигойским крестовым походам против катаров из Лангедока.

Что касается римских гонений на христиан, Тимоти Фреке и Питер Гэнди справедливо отметили, что «на всем протяжении своей истории… христианство официально подвергалось гонениям в течение пяти лет».[441] Детей, воспитываемых в западной культуре, учат, что раннее христианство столетиями подвергалось непрерывным гонениям. На самом деле в период с 50 по 250 год н. э. произошло лишь несколько отдельных инцидентов, за которыми последовали несколько лет действительно ужасных гонений и пыток, включая сожжение на костре, бичевание, погружение в кипящее масло и заключение в клетки с дикими зверями.[442]

Все эти мучения для христиан закончились, когда их защитник, Константин Великий, нанес поражение Максенцию в битве при Милвианском мосту в 312 году и стал главным

правителем жестокой Римской империи.[443] Он немедленно распространил положение о государственной терпимости на христианство, однако это не означало, что власть Pontifex Maximus, которую он сохранял как император, была утрачена безвозвратно. Это означало лишь, что в будущем — за видным исключением императора Юлиана Отступника (332–363) — эта власть больше не использовалась против христиан. Лишь в 380 году при императоре Феодосии[444] римско-католическое христианство было принято в качестве государственной религии (в то время как другие формы христианства были отвернуты как «порочные и безумные»).[445] С формальной точки зрения именно с этого момента католицизм получил право на защиту со стороны императора, носившего титул Pontifex Maximus, но еще задолго до этого Константин дал христианству карт-бланш для преследования его внутренних врагов — еретиков.

Первый шаг по дороге на костер

Даже по римским меркам Константин Великий был не самым приятным человеком. Он распорядился о казни своего старшего сына Криспа (когда последний ехал к нему для того, чтобы присутствовать на празднествах) и запер свою жену Фаусту в перегретой парной, где она умерла от удушья.[446] Фактически он стал крещеным христианином лишь за несколько часов до своей смерти, что позволило ему с размахом творить жестокости, предаваться излишествам и порокам. Считается, что одной из главных причин его обращения в христианство (помимо «чудесного» успеха в битве при Милвианском мосту, но это уже другая история) было то обстоятельство, что лишь христианство из всех религий Рима обещало ему отпустить его многочисленные грехи. Очевидно, жрецы языческих храмов, которые пришли в ужас от такой просьбы, отказали ему.[447]

Таким образом, Константин, имевший все основания беспокоиться о загробной участи своей души, оказался в большом долгу у христианских епископов. Часть этого долга он оплатил, провозгласив терпимость Римского государства по отношению к христианам в 312–313 годах, но он был искушенным политиком, поддерживавшим механизм сдержек и противовесов, поэтому, несмотря на настойчивые просьбы, он отказался от вмешательства в свободу вероисповедания и от гонений на многие другие популярные и могущественные культы, существовавшие в Римской империи. Отстаивая ту же самую политику терпимости, которая принесла выгоду христианству, он напомнил епископам: «Стремиться к спасению души добровольно — одно дело, а под принуждением и страхом наказания — совсем другое».[448]

В этом вопросе Константин оставался непреклонным до конца своих дней — за единственным исключением. Этим исключением был императорский эдикт (примерно 324–326 годы), в котором Константин обрушивался на «вредоносные заблуждения» христианских еретиков, распоряжался о конфискации их имущества и других гонениях. Текст этого эдикта сохранился до наших дней благодаря биографу Константина, знаменитому отцу церкви Евсевию Кесарийскому. Он достоин того, чтобы привести большую выдержку из него:

«Настоящим декретом да будет известно всем новатианам,[449] валентинианам, маркионитам [хорошо известные гностические секты], павликианам и тем, кого называют катафригийцами, — иначе говоря, всем, кто вещает ересь на своих сборищах, — сколь многочисленны заблуждения, в которые вы вовлечены своей праздной глупостью, и сколь пагубен яд вашего учения, так что здоровые люди через вас обрекаются на болезнь, а живые на вечную погибель. Вы, супостаты правды, враги жизни и сеятели безумия! Все в вас противно истине и созвучно мерзостным злодеяниям; своими хитроумными словесами вы изрыгаете ложь, смущаете безвинных людей, лишаете света верующих… Преступления,

совершенные вами, столь велики и необъятны, столь отвратительны и непотребны, что целого дня не хватит, чтобы облечь их в слова. В любом случае надлежит заткнуть уши и отвести глаза, чтобы не повредить чистоте и незапятнанности нашей собственной веры перечислением подробностей. Почему мы должны и дальше терпеть такое зло? Из-за долгого невнимания здоровые люди заражаются, как от чумы. Итак, поскольку более невозможно терпеть пагубное влияние вашей ереси, этим декретом мы публично провозглашаем, что никому из вас впредь более не дозволено собираться вместе. Все дома, в которых вы проводите эти собрания… не только общественные, но и личные дома и любые другие личные владения… подлежат конфискации и безотлагательной и неоспоримой передаче католической церкви…Сэтих пор у вас не будет никакой возможности устраивать свои незаконные собрания в любом месте, частном или общественном».[450]

Это был первый шаг на скользком пути религиозных гонений. Менее чем через сто лет в союзе с такими императорами, как Феодосий, католическая церковь начала сжигать еретиков на кострах.

Сила принуждения

ГА Дрейк, профессор истории в Калифорнийском университете, считает, что необычная инициатива Константина против еретиков в 324–326 годах скорее всего была принята под давлением епископов[451] — т. е. император внес очередную лепту своего духовного долга перед ними. Кроме того, судя по обстоятельствам его положения, это выглядело очевидным шагом:

«В отношении ереси интересы императора и епископов совпадали. Наказание за ложную веру являлось одним из актов, к которым Константин был подготовлен предыдущими столетиями имперской процедуры; к тому же, с его точки зрения, новая и влиятельная часть римского общества имела полное право требовать этого. Дополнительное преимущество заключалось в демонстрации своей жесткости перед воинствующими христианами ценой очень небольших издержек».[452]

Дрейк исследовал укрепление власти христианства в Римской империи и его меняющиеся взаимоотношения с государством в период между обращением Константина в христианскую веру в 312 году, его возведением в ранг официальной религии в 380 году и запретом всех остальных вероисповеданий в 392 году.[453] Этот период имел огромное значение для будущего христианства, так как он определил ход его дальнейшего развития. Именно в этот период, по замечанию Дрейка, «воинствующие христиане впервые приобрели доминирующее значение и стали определяющей силой христианского движения».[454] Отметив, что за десятилетие после Константина церковь стала «более могущественной, воинственной и склонной к принуждению», он задает вопрос: «Что произошло с христианским движением; почему воинствующее крыло одержало верх?»[455]

Мы уже знаем, что в первые 300 лет нашей эры «христианское движение» состояло из разнообразных сект, последователи которых называли себя христианами, несмотря на глубокие доктринальные различия и противоречащие убеждения.

На одном конце шкалы находились гностики, отвергавшие Ветхий Завет, аллегорически толковавшие Новый Завет в дуалистическом контексте, не верившие в плотское воплощение и распятие Христа и не желавшие навязывать свои догмы другим. Хотя они утверждали, что являются истинными христианами и стражами подлинной апостольской традиции, их интересовало не принуждение, а процесс личного опыта и постижения, который приводил посвященных к сохранению знания об истине. Они не верили, что существует лишь

единственный путь к этому гнозису, поэтому слепое повиновение любым догмам и нетерпимость к верованиям других людей были неприемлемыми с точки зрения всех гностических систем.

На другом конце находились «воинствующие христиане» Дрейка — католики и их епископы, основавшие свою штаб — квартиру в Риме в начале IV века н. э. после того, как они завоевали благосклонность императора Константина. Они тоже утверждали, что являются истинными христианами и стражами подлинной апостольской традиции, и на основе их доктрин и убеждений в следующее десятилетие сформировалась известная нам «христианская церковь». Они принимали Ветхий Завет, толковали Новый Завет с непреклонным буквализмом, верили в воплощение, распятие и телесное воскрешение Христа (а также всех людей в день Страшного суда), отвергали дуализм, не оставляли места для индивидуального откровения и считали своим долгом навязывать свои убеждения другим людям. Их цель заключалась в полной и беспрекословной вёре паствы в непогрешимость доктрин, которым они учили, поэтому церковные догмы, насаждение беспрекословного послушания и резкое неприятие других верований с самого начала были их отличительными особенностями.

Почему воинствующее крыло одержало верх? Дрейк отвечает на собственный вопрос разновидностью тавтологии. Воинствующее крыло некогда многообразной христианской церкви одержало верх потому, что оно было воинствующим, и потому, что оно первым получило доступ к государственному механизму принуждения. В качестве простой и универсальной функции человеческой организации Дрейк полагает, что «в каждом массовом движении есть люди, которые готовы сосуществовать с представителями других убеждений и не рассматривают их как угрозу, которую нужно нейтрализовать».[456] Если механизм принуждения оказался в руках людей, не приемлющих инакомыслие, как это было в Риме в IV веке, то вскоре он неизбежно используется для насаждения единомыслия и единообразия че рез маргинализацию или уничтожение других религий. Но из-за расчетливой политики Константина, отказавшегося от гонений на язычников, догматические тенденции, существовавшие в католической церкви в первые несколько десятилетий ее власти, были направлены исключительно на борьбу с внутренней ересью. Это была борьба, которую церковь с целенаправленной жестокостью продолжила в XIII–XIV веках, когда она уничтожила катаров, и вела вплоть до XVII века, когда еретиков по всей Европе по-прежнему сжигали на кострах. Вполне возможно, что лишь благодаря этому раннему процессу дискриминации, обличения, терроризирования, наказаний и физического уничтожения внутренних соперников члены воинствующей фракции христианства смогли с самого начала четко определить собственные верования и убеждения. «Существование ереси нельзя рассматривать отдельно от существования самой церкви, — утверждает Зоэ Ольденбург, — они неразделимы. Догма всегда сопровождается ересью; с самого начала история христианской церкви представляла собой длинный список битв против различных ересей».[457]

«Низкозатратная» стратегия Константина, направленная на умиротворение воинствующих христиан, перед которыми он находился в долгу, и на большее единообразие среди разношерстных христианских сект (нечто соответствующее диктаторским замашкам любого энергичного римского императора), привела к непредвиденным и далеко идущим последствиям. До Константина существовало эклектичное поле христианства, в котором ни одна секта не обладала властью над любой другой, так как все они подвергались гонениям, после Константина это поле стремительно преобразилось и стало поляризованным. На одной стороне были епископы католической церкви, сторонники буквального толкования Священного Писания и воинствующие христиане, которых хотел умиротворить император. На другой стороне находились все остальные, имевшие другие мнения и религиозные убеждения. В результате после 326 года для того, чтобы стать «еретиком» и потерять

свободу собраний, дом, собственность и саму жизнь, нужно было лишь высказать открытое несогласие с непогрешимыми высказываниями епископов, особенно верховного епископа римской церкви. Не случайно, что в 380-х годах императоры отказались от своего старинного титула Pontifex Maximus — высшего жреца римской государственной религии — и передали его папе.[458]

По сей день он остается официальным папским титулом.[459]

Жажда власти задолго до Константина

Мы не предполагаем, что воинствующий буквализм в христианской церкви был создан из-за желания Константина покарать еретиков, напротив, мощная буквалистская тенденция присутствовала в христианстве задолго до IV века — возможно, так же долго, как и любая из гностических сект, — и просто воспользовалась благоприятным моментом. Резкая смена курса, произошедшая во время правления Константина, впервые дала буквалистам власть, чтобы навязывать свои взгляды другим.

Из нашей современной перспективы видно, что они жаждали этого в течение столетий. Ясно также, что все эти годы они последовательно прибегали к эмоциональным аргументам и клеветническим обвинениям просто для того, чтобы посеять семена ненависти к своим оппонентам. Современные специалисты по дезинформации называют эту изощренную методику «черной пропагандой». Все в их поведении и риторике указывало на веру этих людей в то, что однажды они придут к власти и получат возможность навязывать свою волю другим — как это в. конце концов произошло при Константине — и что они немедленно воспользуются этой возможностью.

Рассмотрим, к примеру, слова блаженного Иринея, одного из великих обличителей христианских гностиков во II веке:

«Пусть те, кто позорят имя Творца… как это делают валентиниане и так называемые гностики, будут называемы прислужниками Сатаны всеми, кто чтит истинного Бога. Через них Сатана уже сейчас… возводит речи против Бога, который уготовил вечный огонь за всевозможное отступничество».[460]

С I по IV век можно найти немало примеров подобной риторики, часто доходившей до исступления и включавшей обвинения в людоедстве, половой распущенности, детских жертвоприношениях и т. д. Другая красноречивая подробность заключается в том, что еще до запрета гностицизма использовались способы для выявления посвященных-гностиков для возможных гонений в будущем. Поскольку адепты гностицизма обычно были вегетарианцами, испытанным методом определения их присутствия среди православных священников и монахов в Египте был обязательный для всех «мясной день», устраиваемый один раз в неделю.[461]

Историю пишут победители, а не побежденные, поэтому мы не знаем, приводили ли подобные уловки и обличительные кампании к вспышкам физического насилия против гностиков уже во II веке н. э., но мнение самих гностиков сохранилось в одном из текстов Наг Хаммади под названием «Второй трактат великого Сета», где, в частности, говорится:

«Когда мы покинули наш дом, спустились в этот мир и обрели мирское бытие в наших телах, мы были гонимы и ненавидимы не только невежественными людьми [язычниками], но и теми, кто выступал от имени Христа, поскольку они были пусты и не знали, кто они такие, словно тупые животные».[462]

Убийство невинных

Эдикт Константина от 324–326 годов, фрагмент которого приведен выше, дал воинствующим христианам то, чего они уже давно добивались, — власть государственного принуждения для гонений на своих старых противников, гностиков. Интересно отметить, что эдикт составлен в чрезвычайно агрессивной риторической форме, излюбленной среди воинствующих христиан. Как указывает Дрейк, император очень тщательно выбирал слова, когда называл верования гностиков «ядовитыми» — термин, уподоблявший самих гностиков ядовитым змеям. Сходным образом «… он сравнивает ересь с заразным заболеванием, способным поражать здоровые души. Такие образы имеют важное значение как ярлыки, которые служат для определения и осуждения отдельной группы, упрощая выявление ее членов, и для лишения их всех человеческих прав… Этот шаг, хотя и ограниченный по своему масштабу и продолжительности, открыл дверь для более обширных гонений, которые начались в конце столетия».[463]

Как и ожидалось, в последние десятилетия правления Константина воинствующие христиане стали пользоваться новой властью, полученной от него,[464] но сначала они делали это весьма осторожно, словно прощупывая возможное сопротивление.[465] При сыновьях Константина они значительно осмелели. За 15 лет, пока император Феодосий находился на троне (379–395), он превзошел всех своих предшественников, издав более 100 новых законов, направленных против гностиков, — законов, лишавших их собственности, свободы, а зачастую и жизни. Согласно этим законам, их дома и места для собраний подлежали конфискации, а книги — уничтожению.[466] Едва ли можно считать совпадением, что именно в этот период кодексы из библиотеки Наг Хаммади были спрятаны в Верхнем Египте в попытке спасти от гибели хотя бы часть знаний, и, хотя исторические хроники являются неполными, мы знаем, что в течение того же периода в Нижнем Египте антиеретический терроризм был развязан с благословения государства.

Матерн Сенегий, наместник императора Феодосия в Александрии с 387 по 388 год, прославился своими неустанными притеснениями и гонениями на еретиков и язычников.[467] В этом великом космополитическом городе, одной из первых цитаделей гностицизма, местный синкретический культ, посвященный богу Серапису (соединявшему черты двух древнеегипетских богов, Осириса и Аписа), издавна пользовался покровительством людей, занимавших разное положение в обществе и с различными религиозными убеждениями. Ученые считают, что христианские гностики могли принимать участие в мистериях Осириса в его воплощении Сераписа, «интерпретируя то, что они наблюдали, с христианских позиций».[468] Стоит упомянуть и о том, что некоторые секты александрийских гностиков пользовались статуями Сераписа — обычно изображаемого в виде бородатого мужчины в греческой хламиде, а не в египетском стиле — как символом Бога Доброты.[469] Такая гибкость и непредвзятость в поиске духовных истин была характерна для Александрии со времени ее основания почти 700 лет назад. Именно поэтому многие горожане, стоявшие на позициях веротерпимости и синкретизма, были потрясены, а потом и возмущены, когда Сенегий начал отдавать войска, которыми он командовал в качестве наместника — предположительно для защиты всех слоев общества, — в распоряжение христианской церкви, которая вела кампанию по отмене других религий.[470]

В 391 году, через три года после смерти Сенегия, гонения под эгидой государства стали еще более суровыми. Феофил, архиепископ Александрии, подстрекал христианские толпы к погромам гностиков и язычников. Повсюду вспыхивали беспорядки, и многие члены гонимых сект нашли убежище в Серапеуме. Этот огромный храм, посвященный Серапису, был построен Птолемеем I Сотером (323–284 г. до н. э.), бывшим полководцем Александра Македонского, основавшим династию, которая правила Египтом до Клеопатры (51–30 г. до

н. э.). Беженцы были уверены, что они находятся в безопасности, так как территория храма издавна считалась священной, но они ошибались. По наущению Феофила огромная толпа христиан, включая большое количество монахов, осадила Серапеум и взяла его штурмом.[471] Уникальная библиотека старинных книг и пергаментов, размещавшаяся в приделах вокруг центрального здания, была разграблена и сожжена.[472] Потом при открытой поддержке имперских войск защитники были истреблены, а сам храм разрушен до основания.[473]

Рассмотрев это дело спустя некоторое время, император постановил, что жертвы были виновны в собственной гибели, и не наказал нападавших.[474] Христиане не стали оплакивать и утрату храмовой библиотеки. Широко известная точка зрения Феодосия заключалась в том, что все книги, противоречащие христианскому Писанию, должны быть сожжены, «дабы не вызвать гнев Божий и не смущать благочестивых».[475]

Первая инквизиция и древний враг

Хотя количество гностиков в Египте резко уменьшилось в начале V века после гонений Феофила, христианская церковь вместе с государством продолжала оказывать давление на выживших. К примеру, нам известно, что Кирилл, сменивший Феофила на посту епископа Александрийского, распорядился о преследовании группы еретиков, веривших, что материальный мир был создан Демиургом,[476] и отказывавшихся принять Кирилла в качестве своего «просветителя» (классическое понятие гностицизма).[477] Один из его сподвижников, аббат Шенут [Shenoute], отобрал у них книги «полные мерзости и всевозможного волшебства» и предупредил: «Я заставлю вас признать архиепископа Кирилла, или же вы будете преданы мечу, а те из вас, кому сохранят жизнь, отправятся в изгнание».[478]

Кирилл был человеком, отличавшимся страстностью и богословским вдохновением. Он был достаточно подготовлен, чтобы вести непримиримую борьбу с еретиками. В 415 году монахи и чернь, провозгласив своим вождем Кирилла, свершили кровавую расправу над необыкновенной женщиной по имени Ипатия, которая была египетским философом «школы Платона и Плотина».[479] Она была знаменита и любима в городе за ее «достижения в литературе и науке, превосходившие всех философов ее времени».[480] Так или иначе, прикрываясь именем Кирилла, толпа христиан выволокла ее из собственного дома, затащила в церковь и до смерти забила кусками черепицы (ostrakois, в буквальном переводе «устричные раковины», но слово также использовалось для обозначения кирпичной черепицы на крышах домов).[481] И наконец, по сообщению одного прохристиански настроенного комментатора того времени, «ее отнесли к месту, называемому Цинарон, и сожгли ее тело на костре. Люди окружили епископа Кирилла и назвали его «новым Феофилом», потому что он искоренил последние остатки идолопоклонничества в городе».[482]

Неудивительно, что в атмосфере христианского фанатизма, преобладавшей в римском мире, многочисленные гностические секты II и III веков н. э. вскоре почти исчезли. В 447 году папа Лев Великий все еще считал необходимым осуждать гностические сочинения как «парник для взращивания всевозможных мерзостей», которые «следует не только запретить, но совершенно искоренить и сжечь в огне».[483] К концу V века сложилось впечатление, что организованные формы гностицизма отошли в прошлое.

Некоторые из людей, готовых рискнуть своей жизнью ради гностических верований, присоединились к разношерстной группе проповедников, известных как мессалиане. Обосновавшиеся в Эдессе в середине IV века, они еще пользовались определенным влиянием в VI веке. В предыдущей главе мы рассмотрели возможность их участия в «передаточной цепочке», донесшей гностические тексты и учения до богомилов, а впоследствии до катаров в средневековой Европе. Однако именно манихейство — тоже гностическая религия с

сильными элементами христианства — была наиболее очевидным убежищем для выживших членов разрозненных сект.[484] Вероятно, из-за этого, а также потому, что манихейство было евангелистическим вероучением, все еще представлявшим реальную угрозу для церкви, оно стало главной мишенью гонений в V веке. Эти гонения были такими жестокими и последовательными, что к концу VI века манихейство перестало существовать как организованная сила в римском мире, хотя ему предстояло сохраниться в течение еще тысячи лет на Дальнем Востоке.[485]

Последние меры были предприняты Юстинианом (527–565), который правил Восточной Римской империей в Константинополе. Массовые казни манихеев начались после того, как он приравнял ересь к предательству и объявил, что оба преступления автоматически влекут за собой смертный приговор.[486] Манихеи стали действовать как тайное общество, маскируясь под «добрых христиан».[487] В ответ Юстиниан распорядился сжигать на костре не только манихеев, но и всех их пособников и знакомых, которые отказывались отречься от них.[488] С нашей точки зрения, важно отметить, что он также создал официальную службу расследований под названием Quaestiones, специально предназначенную для искоренения манихейской ереси.[489]

Вполне возможно, что 700 лет спустя папа Иннокентий III вспомнил об инициативе Юстиниана, когда создал очень похожий инструмент террора и угнетения под названием «Священная инквизиция». Эта организация вселяла страх в сердца людей и приобрела едва ли не всемирное значение, когда католицизм начал свое наступление в Азии и странах Нового Света. Легко забыть, что Священная инквизиция, учрежденная Иннокентием III в 1233 году, имела конкретную цель уничтожить вероучение катаров, которое, по его мнению, было новой разновидностью более древней манихейской ереси.

Создается впечатление, что Иннокентий постарался продолжить дело, оставленное его предшественником в VI веке. Это вполне соответствовало его характеру, поскольку наряду с многими другими европейскими священнослужителями этого времени он имел совершенно определенное представление о богомилах и катарах и о том, как с ними нужно обращаться. Еретики тоже относились к церкви как к старинному и хорошо известному врагу.

Тем не менее странно, что лишь немногие представители противоборствующих сторон высказывали удивление тем обстоятельством, что после столь долгого затишья мощная гностическая «антицерковь» теперь возвышалась посреди Европы, словно колосс, угрожая Риму и Константинополю и претендуя на право вершить судьбы мира.

ГЛАВА 6
СОПЕРНИКИ

«Это чудовищная порода… Вы должны избавиться от этой мерзости».

Папа Иннокентий 111 (1198–1216) о катарах[490]

В одном из текстов Наг Хаммади под названием «Второй трактат Великого Сета» повествуется о гонениях на гностиков со стороны людей, считавших себя христианами. Описываемые события могли происходить в любое время в первые четыре века нашей эры до того, как тексты были спрятаны в египетской пустыне. В трактате есть еще одно важное утверждение, повторенное катарами и богомилами более 1000 лет спустя. Его автор называет представителей официальной церкви узурпаторами и считает ее «имитацией» истинной церкви, чье место она заняла.[491]

Теперь мы лучше понимаем цитату из этого трактата, приведенную в предыдущей главе, где говорилось о «пустых людях», которые преследовали других от имени Христа. Автор говорит либо о самой христианской церкви, либо о воинствующей буквалистской фракции, всегда ратовавшей за гонения на своих оппонентов, которая заняла лидирующую роль при

Константине и в дальнейшем стала диктовать свою волю. Противостоявшие им адепты гностицизма — «сыны Света» и основатели истинной церкви — представляли собой «невыразимый союз обладателей незамутненной истины».[492] Узурпаторы создали имитацию их «совершенного собрания» и провозгласили «доктрину мертвого человека»[493] (распятого Христа в понимании церкви). Новая церковь обрекла своих последователей «на страх и рабство, на повседневные заботы о хлебе насущном… Они отказались от служения Богу, ибо не имели знания Величия, которое приходит свыше из фонтана истины, а не от рабства и ревности, страха и любви бренного мира».[494]

Читателю должно быть ясно, что это простое определение гностического дуализма, пролежавшее в Наг Хаммади более 1600 лет после захоронения в конце IV века, с таким же успехом могло быть написано «совершенным» из числа катаров или богомилов в XII–XIII веках. В этих словах присутствует такой же ужас перед материальным миром, захватывающим и порабощающим душу. Мы видим такую же убежденность в том, что невежество продлевает заключение души, но знание может освободить ее. Идея знания тесно связана с существованием духовного царства, которое является владением Бога Добра, где находятся источник истины и давно утраченный дом человеческой души.

Читатель помнит, что, согласно доктрине катаров и богомилов, Христос не имел физического воплощения, но был чрезвычайно убедительным призраком.[495] Именно это имеется в виду во «Втором трактате Великого Сета», где в уста Христа после распятия вложены следующие слова: «Я не поддался им, как они замышляли… Я не пострадал от их наказания и умер не на самом деле, а лишь внешне…»[496]

Многие другие религиозные идеи, которые мы привычно ассоциируем с катарами и богомилами, также появились на 1000 лег раньше во «Втором трактате Великого Сета». К примеру, это мысль о том, что бог материального мира олицетворяет зло и невежество и может быть отождествлен с богом Ветхого Завета и что его прислужники, католические епископы, являются «просто ряжеными, выставляющими себя на посмешище».[497] Фрагменты, которые мы приводим здесь, являются лишь короткими отрывками из трактата, который сам по себе составляет лишь небольшую часть собрания из 52 гностических текстов, сохранившихся в библиотеке Наг Хаммади. Практически любой из них без каких-либо изменений может служить манифестом убеждений катаров и богомилов, поэтому, несмотря на утверждения многих ученых, нам кажется невероятным, что между религией раннехристианских гностиков и более поздним вероучением катаров и богомилов нет никакой связи.

С нашей точки зрения, это больше, чем связь. Несмотря на поверхностные различия и значительную разделенность во времени, эти две религии имеют так много общего на уровне главных концепций, космологии, доктрины и убеждений, что они почти неразличимы. С учетом того, что важнейшие элементы ритуала, символики, инициации, структуры и организации тоже были одинаковыми, причем и гностики, и средневековые дуалисты подвергались жесточайшим гонениям со стороны одного и того же противника по одним и тем же причинам, трудно не прийти к выводу, что они, по сути дела, представляют собой одно и то же.

Присвоенная традиция

Поскольку католическая церковь одержала верх в борьбе с гностицизмом, она могла диктовать свой взгляд на историю по праву победителя. Неудивительно, что все другие верования и доктрины рассматриваются как отступления от истинной веры, а католические доктрины и убеждения называются «подлинными» и «апостольскими» в большинстве исторических источников.[498] Однако беспристрастный анализ широкого и эклектичного поля

христианских верований в I–III веках н. э. не поддерживает притязания католиков на главенствующую роль их вероучения. Нет сомнения, что ядро фракции, которое стало католической церковью, образовалось вокруг воинствующих догматиков, таких, как Ириней и Тертулиан, но после находки текстов Наг Хаммади и постепенного перевода их содержания стало уже невозможным игнорировать наличие в том же историческом периоде гностических церквей, пользовавшихся не меньшим влиянием. Поскольку и католики, и гностики утверждали, что их вероучение является первым и «самым подлинным», почему католический вариант был принят как «слово Божие» в буквальном смысле и остался без изменений, а гностический вариант был запрещен и практически уничтожен? Разве не существует возможность, как указывают тексты из Наг Хаммади, что гностическая традиция с самого начала была «аутентичной»?

К примеру, историкам уже много лет известно, что гностики школы Валентина во II веке н. э. принимали не только четыре Евангелия известного нам Нового Завета (от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна), но и «ряд дополнительных текстов, якобы содержавших предания о тайных учениях Иисуса».[499] Генри Чэдвик, известный историк христианства, в 1967 году с готовностью признал, что такие «тайные учения» действительно существовали, и предположил, что они могли иметь сходство с «Евангелием от Фомы» [один из текстов Наг Хаммади], недавно обнаруженным в песках Египта.[500] Но его не интересовали вопросы, связанные с аутентичностью этих гностических преданий. Он просто принял как должное, что любые «тайные учения», которыми обладали гностики, однозначно являлись ложными. Чэдвик даже поддерживал богословские идеи Иринея, который, по его одобрительному замечанию, «оригинально подтвердил четверичную природу Евангелий на основании принципов нумерологии. Число 4, по его словам, было священным числом, соответствовавшим четырем ветрам или четырем лицам херувима в книге Иезекииля».[501]

Чэдвик признает, что еще в последние двадцать лет II века н. э. существовала значительная устная традиция, якобы распространявшая подлинные слова Христа. Он отмечает, что эта традиция «рассматривалась как устная проповедь Слова Божия, еще не вполне слившаяся с письменными Евангелиями».[502] Иными словами, в конце II века канонический Новый Завет был еще неполным[503] и христианская доктрина еще не окончательно оформилась.

Чэдвик полагает, что примерно в 185–190 годах Ириней вместе с другими представителями христианской группы увидел преимущество рукописных документов перед устной традицией.[504] Хотя лидер одной из гностических сект, Маркион, уже подготовил собственный канон (к большому негодованию ортодоксальных христиан), многие другие гностические секты этого периода не приняли его, а возможность достаточного согласия и взаимопонимания между ними для составления представительного гностического канона выглядела довольно туманной.

Будущие католики решили действовать без промедления. Зная, что те, кто владеет рукописным документом, будут обладать «аутентичной традицией»,[505] они приступили к составлению канонического Нового Завета. Поскольку в составе этой группы преобладали такие люди, как Ириней, считавшие собственные взгляды непогрешимыми и нетерпимо относившиеся к взглядам своих оппонентов, они проявляли естественную склонность считать любые тексты или устные предания, поддерживавшие их точку зрения, принадлежащими к аутентичной апостольской традиции и отвергали все, что противоречило им.

Чэдвик указывает, что «проповеди епископов того времени, скажем, из Рима или Антиохии» считались католиками «во всех отношениях идентичными проповедям апостолов».[506] Как выразился сам Ириней во II веке по отношению к так называемому «Символу веры» (краткое изложение основных пунктов, христианского вероучения, которых придерживался он сам и другие охотники за ересями): «То, что епископы проповедуют сейчас, исходит от апостолов».[507] Таким образом, безотносительно к фактическому

происхождению и аутентичности любая проповедь католических епископов автоматически считалась аутентичной и исходящей от апостолов, и наоборот, любое учение, которое они не одобряли, автоматически считалось ложным и не принадлежащим к истинной апостольской линии — иными словами, еретическим.

В эпоху преобладания устной традиции наделение текстов, находившихся в руках воинствующей фракции, каноническим статусом могло иметь лишь один итог. Почти не вызывает сомнения, что христиане сознательно манипулировали постепенным формированием Нового Завета, чтобы он мог послужить им в ранних баталиях против гностиков и подтвердить их притязания на исключительное право выступать в роли проповедников и толкователей Слова Божия.

В отсутствие свидетелей

Можем ли мы быть уверены в чем-либо из того, что повествуется в Новом Завете?

Независимо от того, насколько плотная дымовая завеса окружает сложный вопрос об аутентичности самих текстов, лишь немногие оспаривают тот факт, что за столетний период с 50 года до н. э. по 50 год н. э. в Палестине происходили таинственные и судьбоносные события, которые привели к созданию феномена христианства. Гораздо меньше ясности в том, что послужило причиной этого феномена. Был ли Христос в действительности Сыном Божьим, родившимся во плоти и распятым на кресте во искупление наших грехов? Это позиция католицизма. Был ли Он эманацией божественности, имевшей лишь «внешний облик» и не состоявшей из реальной плоти и крови? Это позиция гностиков и катаров. Или Он был просто городской легендой, выросшей до невероятных пропорций, или даже мифом, специально сочиненным для того, чтобы служить целям того или иного религиозного культа?

Первые две позиции, католиков и гностиков/катаров, основаны на недоказуемых символах веры и, следовательно, в равной степени могут быть верными или ошибочными. Несмотря на все утверждения католических теологов, в их позиции нет никакой высшей логики. В конце концов, не более логично настаивать, что Христос был Сыном Божьим, родившимся во плоти от девственницы, чем утверждать, что Он был божественной эманацией, облекшейся в очень убедительную призрачную форму.

Третья возможность — о том, что вся история является выдумкой, — имеет под собой ряд оснований. Главная проблема заключается в отсутствии веских и убедительных исторических доказательств, подтверждающих, что личность, известная всему миру как Иисус Христос, когда-либо существовала в действительности. Разумеется, этого нельзя исключить, но не менее вероятно, что такого существа вообще никогда не было — будь то человек или призрак. Очевидное сходство Христа с несколькими гораздо более ранними «умирающими и воскресающими богами», особенно Осирисом в Египте и Дионисием в Древней Греции, не осталось незамеченным учеными. Поскольку ни одно из канонических Евангелий не датируется ранее чем 60 годом н. э., а отдельные части могут датироваться 110 годом н. э., логично предположить, что все известные сведения о личности Христа, о его словах и деяниях были просто выдуманы в I веке н. э., а затем переданы в устной традиции как «свидетельства очевидцев» событий, предположительно происходивших два поколения назад. Неоднократное редактирование в конце II века н. э. привело к стандартизации устных преданий и формированию основы канонического Нового Завета. Разумеется, к тому времени не осталось ни одного человека, который мог бы утверждать, что он был свидетелем или хотя бы знал кого-то, кто был свидетелем событий, связанных с жизнью и смертью Иисуса Христа.

Формирование тайной религии

Мы видели, что на заре христианской эры наряду с множеством мелких фракций существовали две соперничающие формы христианства и что нет ясных свидетельств, какая из них появилась первой. Обе претендовали на ведущую роль и стремились укрепить свое положение с помощью собственных подборок из богатого собрания устных и письменных преданий того периода. Буквалистское течение, которому предстояло стать католицизмом, одержало верх и добилось благосклонности императора Константина. Гностицизм с его идеей индивидуального откровения и дуалистическим мировоззрением потерпел поражение и был объявлен ересью.

Мы не собираемся судить о том, какая разновидность была старейшей или наиболее «аутентичной». Строго говоря, этот вопрос не относится к гипотезе, которую мы разрабатываем. Необходимо лишь указать, что до того, как католицизм приступил к последовательному искоренению гностицизма, христианство было достаточно многообразным и вмещало оба вероучения. Гонения на гностиков были столь успешными, что к концу VI века сложилось впечатление, что сохранилась лишь буквалистская разновидность христианства. Однако факт возникновения сильной гностической религии в X веке в виде богомильства не позволяет нам признать, что уничтожение христианского гностицизма в VI веке было таким полным и окончательным, как представлялось его гонителям. Каким-то образом тайная религия продолжала существовать — через манихеев, мессалиан и павликиан либо в другой менее явной форме.

Поэтому загадочное упоминание об «Организации» в рукописях Наг Хаммади продолжает интересовать нас. В главе 5 мы могли убедиться, что в ссылках на эти рукописи содержатся намеки на существование тайного общества, на которое была возложена миссия по защите, восстановлению и распространению гностицизма после периода гонений.

Все это могло бы выглядеть попыткой выдать желаемое за действительное, если бы не события, происходившие в конце I тысячелетия н. э. Богомильство, внезапно появившееся в Болгарии в последнее десятилетие X века, не было какой-то отдельной ересью. Оно ознаменовало первый этап возрождения и распространения полностью сложившейся христианско-гностической религии через 400 лет после ее первого ухода со сцены. Следующий этап наступил с быстрым распространением катаризма на Западе в XII веке. К началу XIII века она превратилась в настоящую общеевропейскую религию и единственного серьезного противника, с которым официальная церковь столкнулась за 1000 лет своего существования.

Мы знаем, что церковь видела в этом вероучении не нового противника, а старого и опасного врага, словно воскресшего из мертвых. Возможно, страх возобновления старинного конфликта, наносившего удар в самое сердце шатких претензий официальной церкви на «легитимность» и «аутентичность», объясняет ужасные события, которые последовали за этим.

Христос и Антихрист

Все войны ужасны, независимо от того, в какую эпоху и каким оружием они ведутся. Средневековые войны отличались особой жестокостью, но войны католической церкви против катарской ереси в XIII веке, или так называемые альбигойские крестовые походы, занимают одно из первых мест в списке наиболее ужасающих и безжалостных конфликтов, в которых когда-либо доводилось принимать участие людям.

По любым меркам разумного правосудия, катары были невиновны в случившемся. Они всего лишь отвергли власть папы и обратились к другой религии, стремившейся исправить ложные с ее точки зрения доктрины католицизма. Рационально мыслящий современный человек не может винить их за такое проявление независимости, не говоря уже о причинах, в силу которых их вера и убеждения могли заслуживать столь ужасного наказания, как сожжение на костре. Мы знаем, что в прошлом мировоззрение людей было иным, и они поступали по-другому. Мы понимаем, что в средневековом мире, полном предрассудков и страха перед вечным проклятием (католическая церковь укрепляла этот страх и пользовалась им как орудием контроля над сознанием), действовали нравственные законы, отличающиеся от тех, по которым мы живем сегодня. Однако зверское истребление катаров, осуществленное во имя церкви, часто по прямому приказу епископов, так далеко выходило за общепринятые рамки даже для этого кровавого периода, что невольно возникают тревожные вопросы об убеждениях людей, творивших эти злодеяния.

Поскольку наше внимание в этой книге сосредоточено в основном на существовании тайной религии безотносительно к ее «аутентичности», мы не будем дальше развивать эту тему и, в частности, касаться болезненной темы о том, какое вероучение — католическое или катарское — представляет «подлинное» христианство. Тем не менее представляется вполне очевидным, что дух кроткого и любящего Иисуса, пронизывающий Новый Завет, не руководил католическими рыцарями и священнослужителями, опустошившими некогда свободную землю Окситании в первой половине XIII века. Хронист того времени, один из двух авторов эпической Chanson de la croisade contre lesAlbegeois, подытожил суть проблемы в иронической неофициальной эпитафии Симона де Монфора, грозного полководца, возглавлявшего католические армии в Окситании почти десять лет и неустанно развившего еретиков до своей гибели в бою в 1218 году. Он был с большой помпой и церемониями похоронен в Каркас — соне, где, по свидетельству автора:

«… те, кто умел читать, узнавали из его эпитафии, что он был святым мучеником; что он должен пребывать в состоянии несказанного блаженства, носить корону и иметь свое место в Царствии Божием. Но, судя по тому, что мне довелось слышать, дело обстоит иначе. Если человек ищет путь к Иисусу Христу в этом мире, убивая других людей и проливая кровь, если он уничтожает человеческие души, умножает убийства и преклоняет слух к дурным советам, если он предает огню целые города и опустошает земли насилием ради торжества суетной гордыни, если он лелеет зло и топчет добро, казнит женщин и перерезает горло младенцам, то почему он должен носить корону и сиять в несказанной славе на Небесах?»[508]

Иными словами, если не вывернуть наизнанку уроки смирения, ненасилия, всепрощения и безусловной любви, ясно высказанные в Новом Завете, никто, ищущий Христа в этом мире, не найдет его, следуя по стопам Симона де Монфора. Но в таком случае, с точки зрения современного непредубежденного человека, не кажется ли, что вся агрессия католиков против катаров была, по существу, нехристианской? Или даже, как полагали сами катары, «антихристианской»?

«Большее зло, чем сарацины…»

В предыдущих главах мы уже говорили о предыстории альбигойских крестовых походов. Невероятный успех катарской ереси в Окситании и других частях Европы в XII веке в течение многих лет сопровождался завистью и растущей тревогой среди католической иерархии в Риме. По некоторым оценкам, в начале XIII века в Окситании более половины населения отказалось от католицизма и обратилось к катаризму для удовлетворения своих духовных потребностей. Хуже того, как мы могли убедиться в главе 1, местные вельможи оказывали

катарам косвенную, а иногда даже открытую поддержку, часто имели родственников среди них, объединялись с ними в диспутах с католическими епископами и имели тесные связи с некоторыми из лидеров perfecti Когда стало ясно, что религия катаров не является мимолетной ересью, но, вполне возможно, образует часть большого, хорошо скоординированного заговора против церкви, никто не сомневался, что рано или поздно папе придется что-то предпринять в связи с этим. Оставался лишь один вопрос: что и когда?

Орудие террора, крестовый поход, вероятно, было выбрано папой Иннокентием III еще за несколько лет до того, как появился благоприятный предлог для его использования.[509] Но когда это произошло, он стал действовать без промедления.

Инцидентом, подтолкнувшим развитие событий, было убийство некоего Петра де Кастельно, папского легата в Окситании в январе 1208 года. Бывший монах цистерианского аббатства Фонфруа, де Кастельно находился в Окситании по распоряжению Иннокентия III в сопровождении другого видного цистерианца по имени Арнольд-Амальрик, аббата монастыря Сито.[510] В 1207 году они вызвали глубокое возмущение, когда попытались образовать союз южных баронов для искоренения катарской ереси. Раймунд IV, могущественный граф Тулузский, отказался присоединиться к ним, и де Кастельно отлучил его от церкви. Отлучение было снято в январе 1208 года после того, как Раймунд был вынужден принести личные извинения папскому легату — постыдная уступка для столь высокопоставленного вельможи. На следующее утро один из рыцарей Раймунда, возможно стремившийся отомстить за унижение своего господина, подъехал к де Кастельно, когда тот готовился к переправе через реку Рону, и пронзил его копьем. Папский легат умер на месте.[511]

Два месяца спустя, 10 марта 1208 года, Иннокентий III объявил о начале крестового похода; впервые этот термин использовался для обозначения войны против собратьев-христиан. Подобно христианским императорам Рима задолго до него, он отдавал высший приоритет искоренению ереси, что было для него даже важнее, чем завоевание Святой Земли. Он писал:

«Нападайте на еретиков бесстрашнее, чем на сарацинов, — потому что они являют собой большее зло, чем сарацины, — и разите их сильной рукой. Вперед, воины Христовы! Пусть благочестивое рвение вдохновит вас на месть за это чудовищное преступление против Бога и людей».[512]

Тем временем Арнольд-Амальрик, аббат Сито, был отправлен в Северную Францию, чтобы заручиться поддержкой местных дворян. «Пусть тот, кто воздержится от этого крестового похода, никогда больше не пьет вина, — говорил он, — пусть он никогда не ест утром или вечером; пусть не носит доброй одежды до конца своих дней, а после смерти пусть его закопают, как собаку».[513]

Но в подобных угрозах не было необходимости, для того чтобы мобилизовать целую армию добровольцев при дворе короля Франции. Они и так рвались в бой. Им представилась возможность разбогатеть и снискать королевские милости в военной кампании сравнительно недалеко от дома, а также заслужить папское прощение за грехи, для чего обычно требовалась гораздо более тяжелая работа в Святой Земле. Вместе с десятками второсортных аристократов вроде Симона де Монфора, стремившихся к быстрому обогащению, в армию устремились добровольцы из всех слоев общества вплоть до простых крестьян. Даже обычный пехотинец получал немалую выгоду, поскольку участие в крестовом походе подразумевало автоматическую отсрочку всех долгов и освобождение любой собственности от притязаний кредиторов на весь срок службы.[514]

Тем не менее подготовительные мероприятия заняли больше года. В феврале 1209 года полки крестоносцев, по сообщению королевских хронистов, формировались по всей Северной Франции,[515] но лишь в день святого Иоанна Крестителя, 24 июня 1209 года, вся армия,

насчитывавшая до 200 000 человек, собралась во французском городе Лионе, готовая выступить на юг. Симон де Монфор был вместе с войсками, но еще не в роли полководца. В этой первой кампании грозной христианской ордой командовал сам Арнольд-Амальрик.[516] Сан аббата цистерианского ордена, предполагавший жизнь, исполненную христианского смирения и милосердия, никоим образом не помешал ему на поле боя. В Безье, первом городе катаров, подвергшемся нападению, по приказу Арнольда-Амальрика была устроена чудовищная резня.

Армия преисподней

Из-за привычки к телевизионным образам современной войны с «умными бомбами» и другим высокотехнологичным оружием нам трудно представить атмосферу кровожадной угрозы, волнами исходившей от большой средневековой армии, выступившей из Лиона 24 июня 1209 года.

Ее железным кулаком, бронированным с головы до ног и тяжеловооруженным, было элитное подразделение хорошо обученных убийц. Это были рыцари — класс самураев средневековой Европы. Они принадлежали к классу аристократии и с раннего детства воспитывались для войны. Их общая численность, вероятно, составляла не более 1000 человек, но каждый из них в зависимости от своего положения и состояния распоряжался в бою собственным отрядом от четырех до тридцати человек всадников и пехотинцев, сражавшихся на его стороне как дисциплинированная боевая единица.[517]

На более низкой ступени социальной лестницы дисциплина в армии крестоносцев существовала в подразделениях профессиональных солдат, специализировавшихся в разных областях военного искусства. К ним относились канониры, обслуживавшие огромные военные катапульты и камнеметные орудия — требукеты и мантелеты, которые имели дальнобойность до 500 м и могли посылать снаряды весом 40 кг. Были отряды специалистов таранного дела, которые проламывали городские ворота, в то время как другие отряды собирали и приводили в движение огромные осадные башни, из которых лучники могли стрелять по защитникам городских стен. Саперы и инженеры засыпали рвы и устраивали подкопы.[518]

Менее дисциплинированными, но не менее смертоносными и в некоторых отношениях более пугающими были наемники, известные как routiers (рейтары), которым платили за смелость и жестокость в бою. То были времена повсеместной нищеты и частых голодных бедствий во всей Европе; толпы обездоленных и не имеющих работы людей блуждали в глуши от одного селения к другому. Наиболее безжалостные и умелые сбивались в банды разбойников, которые грабили и убивали друг друга и мирных граждан. Наемники в массовом порядке рекрутировались в христианскую армию, обрушившуюся на Окситанию.[519] По замечанию Зоэ Ольденбург,

«этим людям было нечего терять, поэтому за деньги они были готовы воевать с кем угодно… Из них формировали нечто вроде штурмовых батальонов, которые было тем проще использовать в бою, что любой военачальник мог без колебаний пожертвовать ими, но их главной силой… был ужас, который они сеяли среди гражданского населения… Не довольствуясь простым грабежом и насилием, они занимались резней и пытками лишь ради удовольствия: жарили детей на медленном огне и рубили людей на мелкие кусочки».[520]

Еще ниже по войсковому ранжиру, чем рейтары, находились рибо (iribaulds) — солдаты, не получавшие жалования и неофициально примкнувшие к крестовому походу, чье количество достигало нескольких тысяч. Они тоже были отчаянными людьми — разношерстной толпой голозадых грабителей, насильников и обирателей трупов. Любопытно,

что на время военной кампании они избирали своего «короля», который разделял обязанности и военные трофеи между всеми остальными.[521]

И наконец, но не в последнюю очередь, шло «священное воинство» — бродячие полубезумные христианские проповедники и группы их фанатичных последователей, вооруженные грубыми орудиями вроде серпов и дубин, которые надеялись получить особое блаженство на небесах, убивая любых катаров, случайно пропущенных главной армией.[522]

Весьма знаменательно, что самопровозглашенная католическая церковь, выступавшая от лица такой мирной и любящей фигуры, как Иисус Христос, не только подготовила армию для истребления несогласных с ее доктринами, но и укомплектовала ее ряды самыми гнусными злодеями и убийцами того времени. Но если посмотреть на происходящее с точки зрения катаров, в этом не было ничего удивительного. В противоположность утверждениям позднейших апологетов католицизма церковь доброго и любящего Бога вовсе не была — пусть даже временно и ошибочно — спровоцирована на крайнее насилие в чрезвычайных обстоятельствах. По убеждению катаров, католическая церковь служила Богу Зла и действовала соответствующим образом, когда собрала под свои знамена армию демонов.

Теперь эта демоническая сила, сформированная в огромную колонну из людей и провизии более четырех миль длиной, — или же армия доблестных крестоносцев, в зависимости от точки зрения, — ощетинилась пиками и секирами и бурлила в предвкушении расправы.

«Убивайте всех»: праздник святой Марии Магдалины и акт божественного возмездия.

Немного попетляв по Окситании и останавливаясь лишь для того, чтобы принять капитуляцию поселений, неспособных защитить себя, или сжечь мелкие группы катаров, попадавшиеся по пути, Арнольд-Амальрик со своим двадцатитысячным воинством подступил к процветающему городу Безье 21 июля 1209 года. Стены города были очень мощными, высокими и хорошо защищенными; все полагали, что предстоит долгая осада.

Теперь сделаем небольшое отступление и расскажем об одном странном обстоятельстве.

Согласно нашей гипотезе, катары были духовными наследниками христианских гностиков первых веков нашей эры через тайное религиозное учение, передаваемое от одного поколения к другому. Ученые сходятся в том, что гностики того периода с особым почтением относились к Марии Магдалине, которая играет хотя и эпизодическую, но очень важную роль в Новом Завете. Ее статус в текстах из Наг Хаммади повышен до первого апостола Христа и его ближайшего доверенного лица.[523] Тем более интересно узнать, что еще за сотни лет до крестового похода окрестности Безье славились особым культом Марии Магдалины, доходившим до ревностного преклонения.[524] Местное предание гласило, что она бежала сюда морским путем из Палестины в середине I века, высадилась в Марселе и стала первой евангелической проповедницей в тогдашней римской провинции Нарбоненсис.[525] Еще более странно, что 21 июля, когда папская армия разбила лагерь у стен Безье, наступил канун ежегодного праздника в честь Марии Магдалины, отмечавшегося 22 июля.[526] Однако самые странные события произошли в день праздника.

Безье вовсе не был исключительно катарским городом. Там проживало до нескольких тысяч «верующих», но католики, по всей видимости, составляли большинство. Мы знаем, что в день осады в городе находилось 222 perfecti, так как сохранился их список, подготовленный Рено де Монпейруа, католическим епископом Безье.[527] Епископ (чей предшественник был убит в 1205 году) вышел из городских ворот со своим списком вскоре после прибытия крестоносцев и несколько часов спустя вернулся из их лагеря с предложением. Если горожане выдадут 222 поименованных катарских «совершенных» для немедленного сожжения на костре, то сам город и все его жители получат пощаду.[528]

В сущности, это было великодушное предложение, но, к их чести, католические бюргеры из Безье отвергли его, утверждая, что они скорее «утонут в пучине морской, чем предадут своих сограждан».[529]

Их ожидало нечто гораздо худшее.

Все началось ранним утром 22 июля с незначительной стычки, в которой, по сути дела, не было никакой необходимости. Толпа рибо, расположившаяся на некотором расстоянии от главных сил армии крестоносцев, собралась на берегу реки Орб, протекавшей к югу от городских стен. В этом месте находился мост, ведущий к одним из городских ворот, и теперь один из рибо выбежал на него, выкрикивая угрозы и оскорбления в адрес защитников. Возмущенные его наглостью, некоторые из горожан открыли ворота и устремились к мосту, где схватили обидчика, убили его и бросили его тело в воду. Вероятно, они надеялись сразу же отступить под защиту городских стен, но, прежде чем они успели это сделать, большая группа обозников высыпала на мост и вступила в схватку с ними. В то же мгновение избранный «король» разбойников, очевидно решивший воспользоваться благоприятной возможностью, кинул клич к атаке.[530] Через несколько минут ревущая толпа, распаленная алчностью и жаждой крови, обрушилась на мост. Согласно автору Chanson de la Croisade, «их было более пятнадцати тысяч, все босиком, одетые лишь в штаны и рубахи и безоружные, если не считать всевозможных самодельных приспособлений».[531]

Топоры? Мясницкие ножи? Дубины? Голова идет кругом при мысли о примитивных и ржавых орудиях убийства, с которыми эти отбросы крестового похода бросились в атаку и оттеснили безрассудных горожан по склону к воротам. Никто точно не знает, что произошло потом, но теперь поднялся уже весь лагерь крестоносцев, и отряды наемников и регулярных войск вмешались в схватку. Скорее всего, рибо смогли захватить ворота, когда участники неудачной вылазки пытались проникнуть в город, и удержали их до тех пор, пока не прибыли подкрепления из главного лагеря крестоносцев. Как бы то ни было, результат был предрешен. Проделав брешь в собственной обороне, гордые защитники Безье обрекли себя на неминуемую гибель: «Ни крест, ни алтарь, ни распятие не могли спасти их. Беснующаяся толпа оборванцев убивала священников, женщин и детей. Сомневаюсь, что хотя бы одному человеку удалось выжить».[532]

Предводители крестового похода не попытались остановить резню или хотя бы положить ей какой-то предел. Напротив, перед тем как рыцари поскакали в город, не желая пропустить самое интересное, некоторые из них задали вопрос Арнольду — Амальрику о том, как они смогут отличить многочисленных городских католиков от еретиков, которых они пришли убивать. Аббат ответил знаменитым изречением на латыни: «Caedite eos. Novit enim Dominus qui sunt eius».

Что означает: «Убивайте всех, Бог узнает своих».[533] Хотя большую часть убийств совершали простые солдаты и наемники, сами рыцари устроили особенно жуткую кровавую баню в церкви Марии Магдалины. Здесь собралось множество испуганных катаров и католиков — старых и молодых, женщин и детей. Хронисты того времени оценивали их количество от одной тысячи до семи тысяч человек. Подобно беженцам из числа гностиков и язычников, пытавшимся найти убежище в александрийском Серапеуме 900 лет назад, они, возможно, надеялись, что Святая Земля спасет их. Как и в Александрии, этого не произошло. Рыцари ворвались внутрь и убили всех.[534]

К полудню, лишь через несколько часов после начала стычки на мосту, все городское население было истреблено. По оценкам литературных источников того времени, иногда допускавших преувеличение, современные ученые в целом сходятся на цифре от 15 до 20

тысяч человек, убитых в Безье.[535] Жиро (Гираут) Рикьер из Нарбонна, один из последних трубадуров Окситании, отразил масштаб трагедии в песне:

Безье пал. Все мертвы.
Священники, женщины, дети.
Никому не было пощады.
Они убивали и христиан.
Я выехал из города, не увидев и не услышав ни одного живого существа.
Они убили семь тысяч людей,
Семь тысяч душ, искавших убежища у Св. Магдалины.
Ступени алтаря были мокры от крови,
Эхо криков звучало в церкви.
Потом они казнили монахов,
Звонивших в колокола.
Они рубили им головы на серебряном кресте.[536]

Очевидно, симпатии Рикьера находились не на стороне крестоносцев, и он не был заинтересован в том, чтобы выставить их в благоприятном свете. Мы могли бы подумать, что эта сцена является выдумкой и антикатолической пропагандой, если бы не другие свидетельства о разграблении города, подкрепленные археологическими находками, которые также говорят об ужасной резне, устроенной в церкви Марии Магдалины.[537] Сами католики считали, что в убийстве множества еретиков в священном месте нет ничего постыдного. Цистерианский хронист Пьер из Во-де-Сернея провозгласил: «Справедливо и правильно, что эти бесстыдные псы были захвачены и истреблены в день праздника женщины [т. е. Марии Магдалины], которую они оскорбили и чью церковь они осквернили…»[538]

Аббат Сито и предводитель крестового похода, Арнольд — Амальрик, тоже был восхищен не только резней в церкви, но и общим итогом дня. В своем письме папе Иннокентию III виновник кровавого погрома с гордостью писал: «Почти 20 000 горожан были преданы мечу независимо от возраста или пола. Акт божественного возмездия был подобен чуду».[539]

В поисках истины

До сих пор наша цель заключалась в исследовании тайной традиции, стоявшей за катаризмом. Эта сложная система гностической духовности пережила тысячу лет гонений на Западе, но теперь альбигойские крестовые походы были призваны навеки сокрушить ее. Мы не предлагаем подробного исторического анализа самих крестовых походов, поскольку существует несколько превосходных книг с описанием сражений и осады главных городов. Тем не менее лучшая возможность для изучения человеческого поведения всегда предоставляется в самых крайних, чрезвычайных и опасных ситуациях. Именно поэтому, как мы убедимся в следующей главе, крестовые походы дают уникальную возможность приблизиться к истине о сторонах конфликта.

Истина заключается в том, что жители Безье, которые никому не угрожали, ни на кого не нападали и просто следовали своим безобидным религиозным убеждениям, подверглись нападению адского воинства, отличавшегося редкой жестокостью и творившего чудовищные зверства. Зоэ Ольденбург предлагает нам поразмыслить об этом:

«Такие массовые убийства, как в Безье, являются чрезвычайной редкостью; мы вынуждены признать, что даже человеческая жестокость имеет свои пределы. Даже среди худших зверств, сохранившихся в анналах истории за долгие века, убийства такого рода являются исключением, которое в данном случае представлено главой одного из ведущих монастырских орденов католического христианства. Не следует недооценивать значение этого факта».[540]

Зверства не закончились со взятием Безье. Они продолжались почти до бесконечности, и каждое из них обладало своими демоническими особенностями. Но вскоре после Безье аббат Арнольд-Амальрик, по-видимому, удовлетворивший свои кровожадные аппетиты, отступил на второй план. Его преемником, который взялся за дело с величайшим рвением, был Симон де Монфор, описанный как человек, который «молился, принимал причастие и убивал с такой же легкостью, как дышал».[541]

ГЛАВА 7

МЕЧ И ОГОНЬ

«Лишь после создания Священной Службы [инквизиции] мир познакомился с организацией, готовой лишать собственности, пытать и убивать тех, кто на волосок отклонялся от ее собственных теологических предпочтений. Ни в одной другой главной мировой религии не было такой организации. Есть примеры светских организаций, действовавших с такой же жестокостью и эффективностью, но, в отличие от инквизиции, ни одна из них не существовала в течение семисот лет».

Артур Гюирдхам, «Великая ересь»[542]

Армия крестоносцев в течение трех дней отдыхала в лугах вокруг разлагающегося трупа Безье, а затем осадила большой город Каркассон, который две недели спустя сдался без боя. На этот раз жители не подверглись истреблению, но по условиям капитуляции вся их собственность была конфискована, а сами они были изгнаны из Каркассона, нищие и бездомные, и уже никогда не вернулись обратно.

В августе 1209 года Симон де Монфор официально принял командование армией и получил новый титул виконта Безье и Каркассона,[543] но к середине сентября подавляющее большинство солдат, находившихся в его распоряжении, собрали свои пожитки и разошлись по домам. Такое дезертирство было обычным и предсказуемым, поскольку отпущение грехов, обещанное папой участникам крестового похода, обязывало их вести военную кампанию в течение как минимум сорока дней. Капитуляция Каркассона произошла как раз на исходе этого срока, но потом, с точки зрения большинства добровольцев, кампания была окончена.

С небольшой группой преданных рыцарей де Монфор оставался на чрезвычайно враждебной территории в течение зимы. В 1210 году (впоследствии это стало ежегодной традицией) папа провозгласил новый крестовый поход против катаров, и ряды армии снова пополнились.[544]

Жутким эпизодом кампании 1210 года было взятие крепости Брам после трех дней ожесточенного сопротивления. Поскольку гарнизон не сдался без боя, выжившие солдаты, более 100 человек, были преданы ужасной пытке. По приказу де Монфора их ослепили, а потом у каждого отсекли нос и верхнюю губу. Одному из этих несчастных оставили один глаз, но не из милосердия, а для того, чтобы он мог отвести своих слепых и изувеченных товарищей в городок Кабаре, который был следующей целью крестоносцев, в качестве недвусмысленного послания для защитников.[545]

Поскольку население Безье, включая еретиков и католиков, подверглось полному истреблению, там не было массового сожжения еретиков. Хотя де Монфор лично надзирал за сожжением небольшой группы катарских perfecti в Кастре в 1209 году,[546] лишь в ходе кампании 1210 года ему предоставилась возможность одновременно сжечь большое

количество еретиков. Согласно католическому хронисту Пьеру из Во-де-Сернея, это зрелище наполняло всех крестоносцев «неизбывной радостью».[547]

Было известно, что в крепости Минерва нашли убежище многие «совершенные» — как мужчины, так и женщины. Де Монфор осадил крепость в июне 1210 года и вынудил ее капитулировать через несколько недель, после того как отрезал защитников от запасов воды и подверг их беспощадной бомбардировке из своих военных катапульт. Как и при капитуляции Каркассона, массовой резни не произошло, но на этот раз «совершенные», укрывшиеся в Минерве, были выявлены и отделены от остальных. Им предложили отречься или умереть. Сначала никто не отрекся, и один из «совершенных» объяснил католическому священнику: «Ни смерть, ни жизнь не может оторвать нас от веры, к которой мы принадлежим».[548] Пьер из Во-де-Сернея сообщает, что 22 июля 1210 года (годовщина разграбления Безье и опять — таки день праздника св. Марии Магдалины)[549] был приготовлен огромный костер:

«Более 140 еретиков были брошены в костер одновременно. Сказать по правде, нашим людям не было надобности тащить их связанными, ибо они упорствовали в своем грехе и с радостным сердцем сами бросались в огонь. Однако трех женщин пощадили; их отвели от костра… и воссоединили со Святой Римской церковью».[550]

В военной кампании следующего, 1211 года особняком стоит участь еще большей группы «совершенных». 3 мая 1211 года после долгой осады крестоносцы проделали брешь в стене Лавора и устремились в город. Среди пленных оказалось более 400 perfecti, как мужчин, так и женщин, которые были сожжены на гигантском костре.[551] Восемьдесят рыцарей, командовавшие гарнизоном защитников, были повешены, хотя и не принадлежали к числу катаров. Геральда, «леди Лавора», подверглась особенно жестокому убийству. Эта аристократка была из катарских «верующих» и пользовалась большой любовью горожан. О ней говорили, что «ни одна живая душа не покидала ее кров, не будучи досыта накормленной».[552] Де Монфор отдал ее на поругание отряду наемников, которые проволокли ее по улицам, осыпая непристойной бранью, а потом бросили в колодец и закидали камнями.[553]

Месяц спустя де Монфор сжег еще 60 perfecti в Кассе.[554]

В 1213 году Педро II, король Арагонский, прославившийся своей недавней победой над маврами в Испании, выступил против крестоносцев. Некоторые из пострадавших аристократов Окситании, которые защищали катаров, были его родственниками, и в самом Арагоне катары составляли значительную часть населения. Педро принес с собой надежду и крепкую армию, состоявшую из 2000 закаленных рыцарей и 50 000 пехотинцев — более чем достаточно, чтобы изменить ход войны, но этому не суждено было сбыться. Несмотря на значительный численный перевес противника, де Монфор атаковал Педро II в битве при Мюре и благодаря своему блестящему и безжалостному командованию смог убить короля на поле боя.[555] При виде этой ужасной и совершенно неожиданной катастрофы войска Арагона и Окситании дрогнули и начали отступать. Отступление превратилось в паническое бегство, а рыцари де Монфора устремились в погоню и устроили резню. Тысячи людей были изрублены, утонули в близлежащей реке или были раздавлены во время бегства.[556]

Дворянству Окситании потребовалось три года, чтобы зализать раны и собраться с силами, прежде чем они были готовы снова выступить против де Монфора. Тем не менее в 1216 году граф Тулузский сумел собрать армию и впервые стал наносить серьезный урон крестоносцам. Пользуясь своей излюбленной тактикой под девизом «Если сомневаешься, атакуй», де Монфор попытался перехватить инициативу и осадил Тулузу. Горожане отчаянно защищались и, отказываясь даже психологически признать себя обороняющейся стороной,

регулярно устраивали вооруженные вылазки и нападали на де Монфора в его собственном лагере.

Осада растянулась на много месяцев, и вылазки защитников становились все более отчаянными. Утром 25 июня 1218 года, отражая один из таких налетов, де Монфор был убит на месте снарядом, выпущенным из камнеметного орудия на крепостной стене Тулузы, которым якобы управляла группа женщин и юных девушек.[557] В Chanson de Croisade его смерть описана следующим образом:

«Камень точно нашел свою цель и ударил в стальной шлем графа Симона с такой силой, что его глаза, мозги, зубы и куски черепа разлетелись во все стороны, и он замертво рухнул на землю, почерневший и окровавленный».[558]

Темный час перед ложным рассветом

Когда де Монфор пал, как бык на бойне, его сын Амальрик принял командование на себя и через месяц прекратил неудачную осаду, однако в 1219 году он вернулся как один из руководите лей нового крестового похода. На этот раз его сопровождал принц Людовик Французский, который решил выполнить свой долг крестоносца и привел с собой «20 епископов, 30 графов, 600 рыцарей и 10 000 лучников».[559] Две армии встретились перед несчастным городом Марманд, который Амальрик уже осаждал раньше, и, устроив совместную атаку, сокрушили его оборону.

Тогда произошел очередной демонический эпизод в истории альбигойских крестовых походов: католическое воинство, подстрекаемое епископами, обрушилось на горожан, разбегавшихся по узким улочкам города. В Chanson de Croisade сохранилось следующее мрачное описание резни в Марманде:

«Они ворвались в город, потрясая острыми мечами, и тогда началось смертоубийство и ужасная бойня. Мужчины и женщины, бароны и знатные дамы с младенцами на руках — все были раздеты, отданы на поругание и преданы мечу. Земля была залита кровью. Мозги, куски плоти, туловища без конечностей, отрубленные руки и ноги, сердца и внутренности валялись на земле, изрубленные в куски или растоптанные в кашу. Казалось, будто они дождем пролились с неба. Все было омыто кровью — улицы, поля, речные берега. Не выжило ни одного мужчины или женщины, молодого или старика; ни один человек не спасся…»[560]

Действительно ли католическое воинство служило Богу Зла, как утверждали катары?

Мы не можем утверждать, стоял ли какой-то «бог» за резней в Безье и Марманде, массовыми сожжениями людей, мученичеством perfecti и опустошением Окситании, но, поскольку альбигойские крестовые походы были объявлены и снаряжены исключительно по инициативе папы римского, мы можем без всяких оговорок утверждать, что католическая церковь несла прямую ответственность за все эти злодеяния и что она действовала от имени Бога.

Вскоре после Марманда сорокадневный срок крестового похода закончился. Убедившись в том, что их грехи прощены, а индульгенции заслужены, принц Людовик со своими французскими солдатами отправились домой. Амальрик де Монфор со значительно уменьшившейся армией остался продолжать кампанию, но вскоре стало ясно, что они не способны победить в одиночку. Проблема отчасти заключалась в командовании: хотя Амальрик был компетентным человеком, как полководец он обладал гораздо меньшими способностями по сравнению со своим воинственным отцом, но не меньшее значение имело возобновление духа национального сопротивления в Окситании, где простолюдины и аристократы стали решительно теснить оккупационные войска. Под руководством графа

Тулузского были отвоеваны огромные территории, и к моменту его смерти в августе 1222 года освободительная война развернулась в полную силу. Наступление продолжалось при его сыне, и в январе 1224 года молодой граф Тулузский и граф Фуа — другой главный лидер сопротивления — заключили мирный договор с Амальриком де Монфором, обеспечивавший безопасное отступление основной массы крестоносцев.[561]

Но злой рок все еще висел над Окситанией и ее жителями всех религиозных убеждений, которые храбро защищали катаров и умирали за них в течение пятнадцати ужасных лет с 1209 по 1224 год. Довольно примечательно, что за все время войны соотечественники катаров, исповедовавшие другую веру, никогда не винили их в страшных бедствиях, обрушившихся на страну. Не менее примечателен тот факт, что, хотя «верующие» из числа катаров присоединились к сопротивлению, за всю историю альбигойских крестовых походов не отмечено ни одного случая, когда perfecti каким-либо образом прибегали к насилию. Несмотря на угрозу гибели, они почти с нечеловеческой выдержкой придерживались своих принципов — абсолютного пацифизма и ненасилия.[562]

Они не имели суицидальных наклонностей и не хотели умирать, несмотря на то что их часто и несправедливо обвиняли в этом. Несмотря на негативное отношение к материальному миру, катары решительно отвергали самоубийство и верили, что каждый из нас должен прожить свой срок, отпущенный природой для «заключения души». Поэтому perfecti маскировались, переставали носить свои характерные черные балахоны, пускались в бега, прятались в надежных домах, лесах и пещерах и прибегали к всевозможным уловкам, кроме физического отпора своим врагам. Как пишет Зоэ Ольденбург:

«Легко понять, что в жестоко угнетаемом обществе такие гонимые, но непреклонные пацифисты представали в роли единственных истинных религиозных наставников и духовных утешителей. Только они пользовались настоящим нравственным авторитетом, которому люди могли повиноваться».[563]

Папананимаетфранцузов

Мирный договор, заключенный в январе 1224 года, оказался «ложным рассветом» и подарил лишь призрачную надежду на спасение. Через месяц после его подписания Амальрик де Монфор отрекся от наследного права на огромные владения в Окситании, завоеванного Симоном де Монфором в годы его славы. Все эти земли, украденные де Монфорами у их законных владельцев, теперь были официально переданы человеку, имевшему гораздо больше возможностей для того, чтобы навсегда присвоить их, — королю Франции.[564]

Раньше, при короле Филиппе Августе, французская монархия воздерживалась от прямого участия в альбигойских крестовых походах, несмотря на суровые требования со стороны папского престола. Хотя Филипп не возражал против участия своего сына Людовика, а также некоторых своих баронов и младших нобилей, он явно принял политическое решение самому оставаться в стороне. Но после смерти старого короля 14 июля 1223 года на трон взошел Людовик[565] — тот самый принц, который командовал массовой резней при Марманде в 1219 году.

Теперь, будучи коронованным монархом Людовиком VIII и полноправным владельцем значительной части Окситании, преподнесенной ему на тарелочке Амальриком де Монфором, он был готов довершить начатое. На этот раз он задумал полномасштабную аннексию под предлогом крестового похода. Несмотря на это, он заключил выгодную сделку с папой Гонорием III (преемником Иннокентия III), который, кстати, начал подстрекать его к новому крестовому походу на Окситанию с момента вступления на трон. Гонорию так не терпелось раз и навсегда сокрушить катаров, что он заключил с Людовиком беспрецедентное

соглашение. В обмен на покорение Окситании монарх получал право изымать в свою пользу одну десятую от всех доходов французской церкви в течение пяти лет.[566]

Весной 1226 года, почти через два года после получения титулов и владений в Окситании от Амальрика де Монфора, Людовик VIII выступил в завоевательный поход, который лишь формально носил название «крестового». Его армия была настолько мощной, что он принял капитуляцию от нескольких крупных городов, включая Каркассон и Нарбонн, даже не вступая в бой. Первая и последняя неприятность произошла с ним 8 ноября 1226 года, когда он внезапно заболел и умер.[567]

Тем не менее кампания продолжалась. Людовик женился на Бланш Кастильской, суровой и решительной женщине с большими замыслами для своего двенадцатилетнего сына, тоже Людовика (будущего «святого короля» Людовика IX), от имени которого она правила. По ее распоряжению французская армия осталась в Окситании, постепенно подавляя сопротивление, руководителями которого снова выступили граф Тулузский и граф Фуа. В 1228–1229 годах французы прибегли к тактике выжженной земли и развязали кампанию террора в сельской местности, сжигая деревни и поселки по всей Окситании, уничтожая посевы и сгоняя жителей с обжитых мест. В 1229 году воля людей к дальнейшему сопротивлению после многолетнего опустошительного конфликта была полностью сломлена, и графы запросили мира.[568]

Это был чрезвычайно унизительный мир, условия которого включали публичное бичевание графа Тулузского в парижском соборе Нотр-Дам 12 апреля 1229 года.[569] Хотя мирный договор стал знаком официального окончания альбигойских крестовых походов, он навеки лишил Окситанию ее независимости и поставил огромную часть этой некогда свободной земли под контроль Франции — по сути дела, в качестве оккупированного государства, — а также привел к полной аннексии и включению в состав Франции в течение ста лет.

По условиям мирного договора граф сохранял свой формальный титул и некоторую часть своих наследственных владений вокруг Тулузы, но был обязан отправиться в ссылку на пять лет не позднее июня 1230 года. Чтобы еще больше сократить время его пребывания среди своих подданных и уменьшить его потенциал в качестве мятежного лидера, его держали под домашним арестом в Луврском дворце в течение полугода после подписания договора. Попав в Тулузу в ноябре 1229 года, он обнаружил, что мощные крепостные стены города были сровнены с землей, дабы гарантировать, что он уже никогда не станет центром антифранцузского сопротивления.[570]

Кусочки серебра

Несмотря на массовое истребление perfecti и усилившиеся гонения, катаризм в 1220-х годах оставался живой религией, занимавшей важное место в общественной жизни Окситании и по — прежнему привлекавшей большое количество верующих. Есть свидетельства, что в первой половине десятилетия, когда казалось, что проклятие крестовых походов было снято, началась активная реорганизация и перестройка катарской церкви. Были заново установлены границы епископатов, а в 1225 году катары даже учредили новый епископат в Разесе.[571] Хотя многие perfecti приняли смерть на костре, по некоторым оценкам, до нескольких сотен человек, как мужчин, так и женщин, по-прежнему действовали в Окситании в 1225 году.[572] Альбигойские крестовые походы причинили огромный ущерб и отняли много жизней, но они явно не достигли своей главной цели: искоренения катарской ереси.

Разумеется, боевые действия занимали центральное место во время крестовых походов, но в каждой кампании после 1209 года им сопутствовал элемент охоты за ересью. К примеру,

в июле 1214 года, на гребне успеха Симона де Монфора, ненавидимый народом Фульк, католический епископ Тулузский, назначил некоего «брата Доминика и его спутника… для выявления ереси, искоренения греха и проповеди истинного вероучения в нашем епископате».[573] Этим «братом Домиником» был Доминик Гусман, испанский монах, которому предстояло основать знаменитый монашеский орден доминиканцев в районе Тулузы 11 февраля 1218 года.[574] Еще в начале альбигойских крестовых походов, когда Арнольд-Амальрик еще был папским легатом, Доминика наделили инквизиторскими полномочиями. До своей смерти в 1221 году он безжалостно пользовался своей властью, и его систематическая программа гонений и церковных расследований в Окситании заложила основу для создания грозной папской инквизиции в 1233 году.[575]

Потери, понесенные крестоносцами после гибели Симона де Монфора в 1218 году, обернулись неудачами и для охотников за ересями, но все изменилось, когда Франция возобновила крестовые походы в 1228 году и Бланш Кастильская дала понять, что французская монархия поддерживает самые решительные меры против еретиков. Вскоре после этого Петер Исарн, катарский епископ Каркассона, и Жерар де Ламоэт, катарский викарий из Ла-Бесседа, были сожжены на костре.[576]

Мирный договор, подписанный графом Раймундом Тулузским во Франции, вводил драконовские процедуры для выявления еретиков.[577] В последующие годы постепенное расширение этих процедур, всегда поддерживаемое «светской властью» — т. е. французскими оккупационными войсками, — означало, что церковь получила безраздельную власть над жизнью и свободой жителей Окситании. Как представитель одной из сторон, подписавших договор, граф Раймунд был даже обязан лично устраивать гонения на еретиков — тех самых еретиков, которых он со своим отцом мужественно защищал в течение последних двадцати лет. Он должен был приказывать собственным бейлифам выслеживать еретиков на значительно уменьшившейся территории, формально остававшейся под его властью, и оказывать помощь в их поимке на гораздо больших территориях, перешедших под власть французской короны.

«Мы очистим эти земли от еретиков и от еретической заразы; мы также будем помогать в очищении земель, принадлежащих всемилостивейшему королю… Для лучшего и наиболее легкого разоблачения [еретиков] мы обещаем платить две марки серебром в следующие два года, а после этого одну марку каждому человеку, который будет способствовать аресту еретика, при условии, что еретик будет признан таковым местным епископом или лицом, облеченным государственной властью».[578]

Помимо выплаты «кровавых денег» осведомителям, Раймунд также обязывался выплачивать крупные суммы непосредственно церкви: 10 000 марок за ущерб, предположительно причиненный еретиками церковной собственности, 4000 марок в пользу монастырей и еще 400 000 марок на содержание 14 магистров католической теологии в Тулузском университете.[579] По замечанию историка Средневековья Малькольма Барбера, это было сделано с целью «выстроить бастионы католической веры, где еретики не смогли бы найти защиты и утешения».[580]

Культура осведомителей

В то же время государство обрушилось на отдельных катаров на всех уровнях общества целым скопищем новых декретов. В соответствии с этими 45 хладнокровными, методичными и бюрократическими декретами подавление ереси стало обязательным с гражданско-правовой точки зрения. Некоторые примеры дают представление о том, как далеко была готова пойти церковь в своем вторжении в их повседневную жизнь и в их привлечении к бесчеловечным поступкам: в каждом приходе по всей стране католические епископы

назначали священника и двух или трех доверенных мирян «с незапятнанной репутацией, которые должны принести клятву верно и прилежно выискивать еретиков, проживающих в вышеупомянутом приходе». Работа этих стражей порядка требовала от них «проводить внимательный осмотр всех подозрительных домов, их комнат и погребов, а также всех мест для тайных сборищ, которые подлежат уничтожению». Им предписывалось арестовывать не только еретиков, но и всех, кто каким-либо образом помогал им.

Человек, позволивший еретику оставаться на своей земле, должен был признаться в этом преступлении заблаговременно, «иначе по выяснении обстоятельств он будет навсегда лишен своей земли и собственности и подвергнут личному наказанию». Люди, чьи земли использовались еретиками без их ведома или согласия, подлежали такому же наказанию.

«Дом, в котором был обнаружен еретик, должен быть сровнен с землей, а земля, на которой он стоит, подлежит конфискации».

«Если местный бейлиф, который должен быть грозой еретиков, не будет ревностно преследовать вышеупомянутых еретиков, он потеряет свою должность без какой-либо компенсации».

«Все люди обязаны выискивать еретиков у своих соседей».

Еретики, отрекшиеся от катаризма и вернувшиеся в лоно церкви, были обязаны «носить два креста на своей верхней одежде, один справа, а другой слева. Эти кресты должны отличаться по цвету от самой одежды».

В каждом приходе все мужчины в возрасте более 14 лет и все женщины в возрасте более 12 лет были обязаны приносить клятву перед епископом, возобновляемую через два года, что они остаются преданными католиками, отрекаются от ереси, будут помогать ловить еретиков и сообщать о всех еретиках, которые станут им известны. Имя каждого человека, живущего в приходе, записывалось, и те, кто не приносил клятву, считались потенциальными еретиками.

Каждый человек любого пола в приходских списках (опять — таки в возрасте старше 14 лет для мужчин и старше 12 лет для женщин) был вынужден исповедоваться приходскому священнику по меньшей мере три раза в год и принимать причастие на Рождество, Пасху и Пятидесятницу. «Священники обязаны выявлять всех, кто не принимает святое причастие и таким образом навлекает на себя подозрение в ереси».

Мирянам запрещалось иметь дома какие-либо книги Ветхого и Нового Завета «за исключением Псалтири, молитвослова и Часослова Марии; однако владение даже этими книгами, переведенными на простонародный язык, строго воспрещается».

«Любой человек, отвергаемый обществом, чья дурная репутация известна епископу, должен по праву называться еретиком».[581]

Канцелярский стиль этих указов имел отчетливый привкус культуры осведомителей, достигшей своего расцвета при нацизме. По замечанию Зоэ Ольденбург, он установил «систему негласного полицейского надзора над всем населением».[582] Упоминание о нацизме не случайно. В 1215 году на IV Латеранском соборе католическая церковь на 700 лет опередила идею «еврейских гетто», когда постановила, что евреи, проживающие в Европе, должны носить на своей одежде четко различимый желтый круг.[583] В мирном договоре 1229 года мы видим такое же отношение — хотя и с другим символом — к еретикам, возвращенным в лоно церкви. Два креста, считавшиеся «символом позора», должны были иметь желтый цвет, согласно более позднему указу, где также определялся точный размер крестов и содержались дополнительные сведения о том, как их следует носить. Согласно этому постановлению, все еретики, отрекшиеся от своей веры,

«всегда должны носить два желтых креста на любой одежде, кроме рубах. Длинная перекладина креста должна иметь длину две ладони, а поперечная — полторы ладони, и обе

должны быть три пальца толщиной. Один крест следует носить на груди, а другой на спине между лопатками».[584]

Под страхом сурового и, возможно, смертельного наказания еретикам запрещалось «ходить в своих домах или по улице» без крестов на одежде; кроме того, они были обязаны «чинить их или пришивать новые, если они порвутся или износятся от ветхости».[585]

Летучий эскадрон доминиканцев

Можно представить, какие холодные и расчетливые умы стояли за созданием и осуществлением этих циркуляров, предназначенных для того, чтобы разорвать узы тепла и доверия, связывавшие людей друг с другом. Их цель заключалась в создании атмосферы взаимной подозрительности, угрозы и напряженности. Предполагалось, что в страхе перед потерей собственности и самой жизни еретики начнут в массовом порядке отрекаться от своих убеждений.

В последующие годы многие еретики были схвачены и убиты. К примеру, после своего назначения епископом Тулузским в 1231 году Раймонд де Фауга открыто восхищался сожжением 19 высокопоставленных perfecti, которые были преданы и схвачены на одном из своих собраний.[586] Де Фауга был доминиканцем и принадлежал к монашескому ордену, учрежденному святым Домиником с недвусмысленной целью противостоять катарской ереси и искоренить ее. С 1215 года эти суровые и ревностные монахи занимали три дома около Нарбоннских ворот Тулузы. В 1230 году, когда влияние ордена значительно возросло, они переселились на новое место у «Сарацинской стены».[587] В 1234 году только в Тулузе насчитывалось более 40 доминиканцев, и они основали свои миссии во многих других европейских странах.[588]

Настоящий престиж, власть и признание пришли к ним после 1227 года, когда папа Григорий IX пришел на смену Гонорию III. Григорий был недоволен системой подавления ереси, сложившейся в Европе в то время. Хотя основные властные полномочия находились в руках епископов, в процесс охоты за еретиками часто вмешивались другие лица, наделенные широкими полномочиями, в результате чего происходил конфликт интересов. Неразбериха, царившая в этой системе, стала ясна в то время, когда внимание церкви начало сосредоточиваться на предполагаемой «опасности», представленной общинами катаров в Германии, Франции и Северной Италии. С учетом того, что богомильская ересь на востоке все еще сохраняла сильные позиции, параноидные настроения в католической церкви достигли предела, и существовало широко распространенное убеждение, что враги прячутся повсюду.

Выгода для доминиканцев заключалась в том, что в 1231 году Григорий назначил их своим личным «летучим эскадроном инквизиции», стоявшим выше епископов, не зависимым от них и призванным выявлять, арестовывать, допрашивать и выносить приговоры катарам в Германии. В 1233 году, увидев результаты успешной деятельности доминиканцев в Германии, Григорий попросил их проделать такую же работу во Франции и Окситании.[589] Успех следовал за успехом, и вскоре доминиканцы, до некоторой степени подкрепленные францисканцами и местными прелатами, были назначены официальными представителями Папской инквизиции, стоявшей выше всех других властей в любых вопросах, связанных с ересью.[590]

Термин «инквизиция» долгое время использовался для обозначения процесса добычи признания от еретиков, а сами «инквизиции» — то есть допросы и массовые суды над лицами, заподозренными в еретических убеждениях, — периодически проводились епископами. Но сейчас церковь впервые в истории назначила официальных представителей, чьей единственной задачей было проведение «инквизиций». Их официально именовали

«инквизиторами», и они отчитывались в своей работе непосредственно и исключительно перед папой римским.[591]

Так называемая испанская инквизиция

Когда мы приступили к этому исследованию, то сами не знали, что знаменитая (но получившая неправильное название) испанская инквизиция впервые была учреждена в апреле 1233 года папой Григорием IX. Мы не знали и о том, что первоначальной и откровенной целью инквизиции было искоренение катарской ереси. В дополнение к репрессивным структурам, уже сложившимся в Окситании, инквизиторы ордена доминиканцев после 1233 года получили право использовать практически любые меры по своему усмотрению для того, чтобы выбивать из людей признания в ереси и сокрушать остатки катарского вероучения. Они сразу же учредили режим террора — подлинного террора, при котором никто не мог считать, что находится в безопасности.

Одним из жутких примеров является поведение Раймонда де Фауга, приора доминиканцев, которого папа Григорий IX поставил епископом Тулузским в 1231 году. Несколько лет спустя, 4 августа 1235 года (по случайному стечению обстоятельств в день первого официального праздника в честь недавно канонизированного святого Доминика), де Фауга провел мессу на собрании ордена в Тулузе, а затем отправился в трапезную, чтобы отобедать вместе с другими монахами. Когда он мыл руки, к нему впустили осведомителя, который принес ему свежие новости, полученные от своей шпионской сети. В одном из домов, расположенных неподалеку, лежала пожилая женщина, умиравшая от лихорадки. Она была знатной дамой, втайне разделявшей катарское вероучение, и незадолго до этого ее посетил беглый *perfec* tus, который дал ей consolamentum, а потом ускользнул от наблюдателей.[592]

К сожалению, было слишком поздно ловить «совершенного», но пожилая женщина не могла никуда уйти. С радостью ухватившись за возможность отдать правосудию очередного грешника, де Фауга и доминиканцы, одетые как простые монахи, оставили свой обед и поспешили к дому, указанному осведомителем. Дом действительно оказался очень близко, на рю де л'Ольмет-Сек; как выяснилось, он принадлежал некоему Петивину Бросье, которого уже давно подозревали в сочувственном отношении к катарам.[593] Умирающая женщина была его тещей, и, когда доминиканцы прошли мимо Бросье в комнату больной, он успел лишь предупредить ее о том, что идет «лорд епископ». Находясь в лихорадочном состоянии, она не поняла, что он имел в виду католического епископа, и приняла де Фаугу за катарского епископа.[594]

Воспользовавшись состоянием престарелой дамы, доминиканцы, хорошо знакомые с дуалистической терминологией, за говорили с ней «о презрении к миру и земным вещам»[595] и начали задавать вопросы относительно ее веры. Не имея причин подозревать, что она попала в руки опытных и беспринципных обманщиков, женщина простодушно рассказала о своих убеждениях и подтвердила свою приверженность им. Де Фауга, чей цинизм не знал пределов, даже посоветовал ей оставаться твердой в этих убеждениях и сказал: «Страх смерти не должен заставить тебя признаться ни в чем ином, кроме того, во что ты веришь всем сердцем».[596]

Как можно было ожидать, старая женщина ответила, что она определенно не будет лгать о своих убеждениях, ибо тогда лишится благодати последнего причастия (consolamentum), а жить ей осталось уже недолго.[597] Для де Фауги, который узнал все, что хотел, настал идеальный момент, чтобы раскрыть свою подлинную сущность. Возвышаясь над постелью умирающей, он провозгласил ее еретичкой и приказал отречься от своих убеждений и принять католическую веру.

Престарелая дама только теперь поняла, в каком бедственном положении она оказалась, но, как многие храбрые катары до нее, отказалась отречься. Де Фауга и другие доминиканцы продолжали настаивать на своем. Спор продолжался довольно долго в присутствии многочисленных свидетелей, собравшихся со всей округи, чтобы посмотреть, чем кончится дело. Наконец, поскольку жертва «все сильнее упорствовала в своей ереси»,[598] де Фауга решил «отдать ее в руки светских властей» — обычный эвфемизм католической церкви, означавший, что грязная работа предоставлялась городским властям.[599] В данном случае, чтобы ускорить ход событий, заранее приглашенный магистрат официально приговорил умирающую женщину к смерти![600]

Были отправлены вестовые, чтобы подготовить огромный костер на площадке для публичных казней в месте под названием Pre du Comte («графский луг»). Весть о готовящемся представлении облетела Тулузу и собрала большую толпу. Пожилой женщине все происходящее должно было казаться адским наваждением — впрочем, именно так катарская церковь относилась к материальному миру. Поскольку она не могла ходить, доминиканцы приказали привязать ее к кровати. Потом ее вынесли из дома зятя и доставили на место казни. Там после очередного отказа отречься от еретической веры ее бросили в бушующее пламя и сожгли заживо.

«Покончив с этим, епископ вместе с монахами и их помощниками вернулся в трапезную и, вознеся хвалы Господу и благословенному Доминику, с радостью вкусил еду, приготовленную для них»,[601] — заключает Вильям Пелиссон,[602] один из свидетелей этих событий, который сам был доминиканским инквизитором и полностью одобрял действия де Фауги.

Читатель может спросить, что стало с зятем пожилой женщины, Петивином Бросье. Из сообщения Пелиссона нам известно лишь то, что он был арестован.[603]

По правилам инквизиции, действовавшим в то время, маловероятно, что он мог пережить неизбежный допрос без отречения от катарской веры, безоговорочного обращения в католицизм и обещания вести слежку за своими друзьями, но даже в этом случае он до конца своей жизни оставался бы под пристальным наблюдением. Все члены его семьи, включая родственников жены, а также все их знакомые также должны были подвергнуться допросам, а их показания — пройти перекрестную проверку на несоответствия, которые позволили бы выявить других еретиков.

И разумеется, поскольку теща, признанная еретичка, жила в его доме, не подлежало сомнению, что этот дом на рю де л'Ольмет-Сек должен был быть снесен до основания.

Именно так работала инквизиция.

Парадокс

В завершение своего торжественного отчета о захвате и жестоком убийстве беспомощной пожилой женщины Вильям Пелиссон скромно замечает, что это великое достижение нельзя приписывать только рвению доминиканцев: «Бог исполнил это дело… да святится имя Его… в знак торжества веры и поражения еретиков».[604]

Читая подобные откровения, мы уже не впервые испытали чувство странной «разобщенности» — несоответствия между словами и делами священнослужителей католической церкви, таких, как Пелиссон. Он был участником шайки, совершившей ужасное, извращенное и невероятно жестокое преступление по отношению к такому же человеку, как он сам, но вместо того, чтобы стыдиться этого злодеяния, Пелиссон гордился им, считал, что оно совершено к вящей славе Божьей! Нигде в Новом Завете нельзя найти оправдания подобному поведению, поэтому уместно задать вопрос: какого бога он имел в виду?

Ощущение несоответствия исчезает, если посмотреть на происходящее с позиции катаров. Тогда злодеяния доминиканцев представляются вполне осмысленными. Разумеется, они получали удовольствие от мучений и гибели старой беспомощной женщины, ведь их церковь была церковью Бога Зла — чего же еще можно было ждать от них?

Мы лишь наполовину серьезны… Кто может сказать, существует ли вообще такая сущность, как «Бог», не говоря уже о Боге Добра и Боге Зла? Так как по эту сторону могилы не может быть твердой уверенности в этом вопросе, мы можем лишь сравнивать соперничающие теории с поведением действующих лиц. В этом контексте совершенно ясно, что катарская теология является внутренне согласованной и последовательно объясняет, почему католическая церковь сжигала людей на кострах и истребляла население целых городов. В католической теологии такого же последовательного объяснения не существует, напротив, массовые убийства и акты умышленной жестокости, совершаемые католической церковью, представляют глубокий и необъяснимый парадокс при сравнении с учением Христа.

Ад на Земле

С 1233 года этот необъяснимый парадокс между кротким Христом и жестокой церковью неоднократно подтверждался действиями инквизиции. Первые два официальных инквизитора в Окситании, Петр Сейла и Вильям Арнольд, принадлежавшие к доминиканскому ордену в Тулузе, были назначены папой Григорием IX в конце 1233 года.[605] Как и все бюрократические организации, пользующиеся поддержкой на высоком уровне, инквизиция стала неконтролируемо разрастаться. В конце 1230-х годов многочисленные группы инквизиторов работали по всей Окситании, допрашивая людей, сравнивая их показания, вынося приговоры и сжигая еретиков на кострах. С самого начала они не ведали другого закона, кроме собственного, были независимыми от епископов и гражданских властей и обладали неограниченными полномочиями в сфере борьбы с ересью.

Их обычным методом было умышленное запугивание и унижение с целью посеять ужас в любом месте, где они появлялись, и «вбить клин в фасад общественной солидарности, чтобы разрушить узы верности и взаимных обязательств, связывавших людей воедино».[606] Отряды, обычно возглавляемые одним или двумя инквизиторами при поддержке солдат, клерков и магистратов, ходили от деревни к деревне и от города к городу. Каждое такое подразделение было самодостаточным и осуществляло функции следователя, тюремщика, судьи, жюри присяжных и палача, выявляя предполагаемых еретиков и в кратчайшие сроки заставляя их либо отречься от своей веры, либо идти на костер.

Методы действия постоянно совершенствовались в ответ на последние планы укрытия и маскировки, разрабатываемые еретиками, хотя в 1240-х годах большая часть процедуры была стандартизирована и прописана доминиканцами в ряде подробных технических руководств. Из них мы узнаем, что в каждом приходе инквизиторы начинали с собрания местной общины, на котором были обязаны присутствовать все прихожане. После общего сбора появлялся инквизитор и обращался к слушателям с проповедью, осуждающей катарскую ересь. Затем всем мужчинам старше 14 лет и всем женщинам старше 12 лет («или моложе, если они были найдены виновными в правонарушениях»)[607] предписывалось лично прибыть к инквизитору для беседы в предстоящие дни. Если ранее инквизиция не посещала приход, делалось следующее объявление: «Индульгенцию получат все жители, не перечисленные по имени или ранее не заслужившие индульгенцию, если в течение определенного времени они точно и доподлинно расскажут всю правду о себе и других».[608]

Иными словами, те, кто соглашался доносить на себя и других и был готов отказаться от своей ереси, могли рассчитывать на поблажку или даже полное освобождение от наказания.

С другой стороны, те, кто что-то знал и решил молчать об этом, подвергались огромному риску, так как соседи могли донести на них. Если такое случалось, то считалось, что они обманули инквизицию — преступление, каравшееся самым суровым наказанием.[609] В таких обстоятельствах, как отмечает историк Малькольм Барбер:

«… искушение донести на других было почти непреодолимым хотя бы ради собственной защиты… Если община имела частые контакты с еретиками… в глазах церкви никто не оставался невиновным, и, следовательно, каждый мог быть внесен в обширные списки инквизиторов».[610]

Атмосфера взаимной подозрительности усиливалась, так как все прихожане один за другим подвергались допросу, причем ожидавшие своей очереди не имели возможности услышать, что говорили их соседи. Допросы инквизиторов раз за разом оказывали деморализующее влияние на жителей Окситании, оставляя их наедине со своими страхами и ослабляя волю к сотрудничеству и сопротивлению.[611]

Карающий бич инквизиции одним ударом покончил со всеми старинными и законодательно установленными нормами, которые ранее защищали права личности в средневековом обществе. Одним из примеров было право обвиняемого на присутствие защитника во время допроса. Теоретически даже инквизиция должна была подчиняться этому правилу, однако в действительности ни один из обвиняемых еретиков не имел защитника, когда он представал перед инквизиторами, поскольку любой стряпчий, достаточно безрассудный, чтобы выступить в защиту еретика, сам был бы немедленно заподозрен и обвинен в ереси. После этого (одного обвинения было достаточно; не было необходимости признавать его виновным) его аргументы были бы сочтены не имеющими законной силы и его жизнь подверглась бы серьезной опасности.[612]

Перспектива подвергнуться тщательному допросу инквизиции выглядела ужасающе для любого человека, независимо от того, являлся ли он еретиком или нет. Известно, что помимо богатого арсенала психологических уловок, инквизиторы регулярно прибегали к пыткам с целью получить признания у подозреваемых задолго до того, как папа дал свое официальное благословение на это (в 1252 году).[613] Между сеансами пыток и допросов обвиняемого помещали в самые стесненные условия, чтобы быстрее сломить его волю. В этом отношении инквизиторам особенно нравились камеры с «ограниченной подвижностью», где заключенный не мог нормально сидеть, стоять или лежать. В других случаях использовались камеры, где приходилось стоять по колено в воде или оставаться в полной темноте; заключенных морили голодом и сковывали их по рукам и ногам тяжелыми цепями.

В наиболее трудных случаях такие допросы могли продолжаться в течение нескольких месяцев или даже лет.[614] После получения признания и вынесения приговора законодательные шансы на его отмену были практически равны нулю, даже если приговор был явно ошибочным. Поскольку апелляции не разрешались, инквизиторы в буквальном смысле распоряжались жизнью и смертью людей без каких-либо сдержек или противовесов.[615] Они находились среди врагов, и могли делать со своими противниками все, что хотели. В результате многие катары были сожжены на костре, а многие, отрекшиеся под пытками, тем не менее оставались в заключении до конца своей жизни. К этому надо прибавить бессчетное количество людей, которые сами даже не были катарами, но в то или иное время разговаривали с ними или имели другие несущественные контакты с ересью. Они на долгие годы отправлялись в изгнание, выполняя суровое паломничество и покаяние по велению инквизиции.[616]

Сжигая живых и мертвых

Первые два инквизитора, Сейла и Арнольд, были прототипами безжалостного племени, продолжавшего громить врагов католицизма еще в течение шестисот лет. Вскоре после поступления на службу они смогли организовать убедительную демонстрацию эффективности своей шпионской сети, уже находившейся в их распоряжении, когда им удалось арестовать Вигора де Баконью, одного из лидеров катарских perfecti в Тулузе. Он подвергся допросу, был осужден и сожжен заживо.[617]

С 1233 по 1235 год два инквизитора основали то, что впоследствии было описано как «настоящее царство террора», сначала в Тулузе, а потом и по всей Окситании.[618] Сожжение отдельных еретиков и небольших групп стало обычным делом, а в ряде случаев охотники находили более крупную добычу. К примеру, в 1234 году во время своего первого визита в Муассак Сейла и Арнольд наблюдали за массовым сожжением 210 катарских perfecti, которых они осудили как «непокорных еретиков».[619]

Верный доминиканский хронист Вильям Пелиссон, который, как всегда, вел записи, сообщает нам, что этот великолепный костер «вселил великий страх в сердца еретиков и их сторонников».[620] Результаты этого страха проявились в следующем, 1235 году, когда в день Великой Пятницы в Тулузе проводился большой совет инквизиции. Люди в массовом порядке доносили на себя и других, пока этого не успели сделать их соседи. Под страхом казни один из сочувствующих катарам избежал расправы, показав инквизиторам и городскому магистрату место, где прятались десять perfects троим удалось сбежать, остальные семеро были сожжены на костре.[621]

В 1234 и 1235 годах среди доминиканцев было назначено большое количество новых инквизиторов, но даже их оказалось недостаточно для допросов, составления архивов и перекрестных ссылок, порожденных культом массовых признаний. Пришлось заручиться помощью францисканцев и приходских священников.[622] К общему грузу бумажной работы прибавлялись документы от предыдущих расследований по делам еретиков под руководством епископов и других властей. Предпринятые еще до создания инквизиции и восходящие к 1209 году, эти расследования содержали обильные сведения о еретиках, систематическое выявление которых в годы войны было затруднительно или невозможно. Теперь инквизиция решила возместить этот «дефицит».

При изучении старых архивов и перекрестной сверки всех показаний стало ясно, что многие, ранее считавшиеся добрыми католиками, на самом деле все время были еретиками. Тех, кто еще оставался в живых, хватали и сжигали заживо, но при этом не забыли и об останках умерших! Инквизиторы усердно искали их могилы и эксгумировали останки, чтобы они тоже были сожжены.[623] Иногда по улицам с помпой проносили целую вереницу плесневеющих скелетов, которые затем сваливали в кучу и поджигали.[624]

Такое параноидальное поведение (следует ли назвать его некропирией?) в наши дни повлекло бы за собой принудительное психиатрическое лечение. В 1230-х и 1240-х годах в Окситании оно поощрялось церковью, но естественным образом вызывало большое ожесточение со стороны родственников покойных, которые подвергались публичному унижению. Особое негодование вызывал тот факт, что собственность посмертно осужденных еретиков подлежала конфискации, как если бы еретик все еще оставался в живых, что приводило к обнищанию его потомков.[625] В народе росла ненависть к инквизиторам. Однажды в городе Альбе разъяренная толпа избила и едва не убила инквизитора по имени Арнольд Катала после того, как он лично эксгумировал труп пожилой женщины, недавно объявленной еретичкой, но умершей несколько лет назад.[626]

Даже в конце 1230-х и в начале 1240-х годов, несмотря на хорошо организованную и щедро финансируемую кампанию по искоренению еретиков до последнего человека, в Окситании оставалось достаточно катарских perfecti, пользовавшихся поддержкой среди населения и ускользавших от инквизиторов, чтобы ересь продолжала существовать. Свидетельством этой поразительной стойкости перед постоянной угрозой смерти является ся

количество епитимий, наложенных на осужденных еретиков. Всего лишь за два с половиной месяца в 1241–1242 годах Петр Сейла (читатели помнят его как первого инквизитора, назначенного в 1233 году) наложил епитимьи на 732 еретиков в девяти разных местах.[627]

Падение Монсегюра

Одной из нескольких причин долговечности катаризма в Окситании было то обстоятельство, что еретики смогли удерживать свою главную цитадель в Монсегюре еще много лет после французской оккупации в 1229 году. Это было надежное убежище, где perfecti могли скрываться для отдыха и восстановления сил после рискованных миссий на оккупированных территориях. Монсегюр имел огромное значение как символ надежды и сопротивления. Его стены были высоки и считались неприступными, и он стоял на вершине скалистого утеса. В мае 1242 года в небольшой город Авиньон пожаловали двое из самых жестоких инквизиторов, доминиканец Вильям Арнольд (один из первых назначенцев в 1233 году) и францисканец Стефан из монастыря Св. Тиберия, возглавлявший «ударную группу» из судебных приставов, нотариусов и помощников. Они находились в пути уже семь месяцев и проводили суды инквизиции по всему региону от Лавора на севере до Фанжо на юге, распространяя волны ужаса повсюду, где они появлялись. Теперь настала очередь Авиньона.[628]

Но на этот раз обстоятельства сложились иначе. Местный городской глава, граф Раймон д'Альсар, сочувствовал катарам и немедленно выслал верховых гонцов в Монсегюр, расположенный в 70 км к югу. Получив известие, лорд замка, некий Пьер-Рожер из Мирпуа, решил перейти от слов к делу. Вечером 28 мая 1242 года он прибыл в Авиньон с отрядом тяжеловооруженных рыцарей, истребивших всю команду инквизиторов численностью в 10 человек. Позднее один из убийц, Биллем Голарианский, объяснял, что они совершили нападение ради того, чтобы «дело инквизиции угасло, вся земля стала бы свободной, и больше бы не было другой инквизиции».[629]

Что за попытка выдать желаемое за действительное! Вместо того чтобы стать предвестником гибели для инквизиции, Авиньон оказался бикфордовым шнуром, который привел к Монсегюру, вскоре осажденному армией короля Франции, молодого Людовика IX (как можно ожидать от будущего католического святого, он безжалостно преследовал еретиков). Осада началась в мае 1243 года и закончилась спустя 10 месяцев яростных атак и бомбардировок капитуляцией Монсегюра в марте 1244 года.

В замке нашли убежище более 200 катарских perfecti, включая Бертрана Марти, имевшего сан епископа. Очевидцы сообщают, что 17 марта 1244 года все они были «с побоями и насмешками выведены из крепости Монсегюр».[630] Ниже по склону на ровном участке большая прямоугольная площадка, обнесенная деревянным палисадом, была заполнена хворостом, соломой и варом. Без каких-либо церемоний солдаты подожгли кучу хвороста и побросали связанных еретиков через палисад. «Там, — по заверению одного из комментаторов этого периода, — они испытали пламя преисподней».[631]

Последние катары

Падение Монсегюра было катастрофой, но оно все же не ознаменовало конец катаризма. Борьба между инквизицией и еретиками продолжалась до конца 1240-х годов и сопровождалась множеством новых казней. К примеру, в 1245–1246 годах тулузской инквизиции пришлось разбирать дела с участием жителей более 600 мелких городов и деревень.[632] В одной из таких деревень под названием Мас-Сент-Пуэль к западу от

Кастельнодари, о которой сохранились более подробные записи, инквизиторы Бернар де Ко и Иоанн де Сен-Пьер подвергли допросу 420 жителей, подозреваемых в ереси, что составляло более двух третей ее населения. В двух инквизиторских реестрах, сохранившихся до нашего времени, описаны допросы более 5500 разных людей из 104 мест. Известно, что первоначально существовало 10 таких реестров.[633]

Катарская ересь, попавшая в мощные тиски бездушной и хорошо организованной бюрократии, умирала медленной смертью. В 1250-х годах инквизитор Райнье Саккони с удовлетворением отметил, что во всей Окситании осталось не более 200 perfecti;[634] по мнению историка Джозефа Стрейера, это количество было слишком незначительно «для сохранения структуры катарской церкви».[635] В результате, хотя ересь дожила до следующего века, ее позиции были так сильно ослаблены инквизицией, что она больше не представляла угрозы для католицизма.[636]

Последний всплеск катаризма произошел на возвышенностях графства Фуа — старого центра сопротивления. Здесь в 1299 году perfectus по имени Пьер Отье вместе с небольшой группой своих сторонников стал проповедовать среди пастухов и крестьян, обитавших в этой суровой местности. В течение нескольких лет он пользовался огромным успехом и даже организовал некое подобие катарской церкви, но на самом деле у него не было никаких шансов. Вскоре на него начали охоту такие прославленные инквизиторы, как Бернар Гюи, Жоффрей д'Абли и Жак Фурнье. В 1309 году произошло неизбежное, и Отье был схвачен. Мы знаем, что он вытерпел десять месяцев допросов в тюрьме инквизиции и в конце концов был сожжен заживо в 1310 году.

Оставался еще один видный perfectus, до которого не дотянулась рука инквизиции, некий Биллем Белибаст. Покинув негостеприимные пределы Окситании, он нашел убежище в небольшой катарской общине на границе Испании. Там его нашел тайный агент инквизиции, который втерся к нему в доверие и в конце концов убедил его нанести короткий визит в Окситанию. Весной 1321 года он был схвачен, закован в кандалы, осужден и приговорен к смерти. Осенью 1321 года его сожгли на костре.[637]

Он был последним примерно из 5000 «совершенных» катаров, которых официально сожгли заживо во имя христианского бога за 112 лет после начала альбигойских крестовых походов в 1209 году.[638] Он также был последним катаром, чье имя сохранилось в исторических хрониках.

Тихая естественная смерть?

Возможно, ересь сохранялась еще в течение нескольких лет в каких-нибудь отдаленных уголках Окситании, пока ее не искоренили инквизиторы, слишком незначительные для упоминания в официальных хрониках, но падение Монсегюра в 1244 году, новый период гонений и казнь Отье и Белибаста в 1310 и 1321 годах действительно были концом для катарской веры.

Множество катаров бежало из Окситании. Некоторые скрывались в близлежащих регионах Испании, где следовало бы остаться Белибасту, другие находили убежище ближе к дому, среди своих единоверцев в Северной Италии, но инквизиторы не дремали и там. В ноябре 1276 года все члены катарской общины в Сермионе были арестованы, а в феврале 1278-го около 200 катаров были схвачены и сожжены в Вероне — в штаб-квартире Тулузского епископата катарской церкви в изгнании.[639]

В. долгосрочной перспективе единственным надежным убежищем казалась древняя Византийская империя, где богомилы, имевшие тесные духовные связи с катарами, сохраняли сравнительно прочные позиции почти до конца XIV века. В 1325 году, через четыре года

после казни Белибаста, папа Иоанн XXI жаловался правителю Боснии на еретиков, которые бегут в его страну и находят там убежище.[640]

Хотя территория Византийской империи, строго говоря, находилась под юрисдикцией Константинопольского патриархата, а не папы римского, папский престол постоянно вмешивался в дела этой части света с начала XIII века — примерно с того времени, когда на Западе начались альбигойские крестовые походы.[641] К примеру, папа Григорий IX, создавший инквизицию в 1233 году для истребления катарской ереси, почти одновременно с этим лишил сана католического епископа в Боснии за нерешительные действия против богомилов и заменил его представителем доминиканского ордена. Григорий также объявил крестовый поход против Боснии для искоренения местной ереси. Этот поход, продолжавшийся до 1240 года, добровольно возглавлял герцог Хорватии. «На самом деле, — отмечает Бернард Гамильтон, — это была война Венгрии против Боснии, получившая статус крестового похода».[642] В другой раз, в 1238 году, папа призвал своего союзника, венгерского короля Белу IV, устроить крестовый поход против Болгарии, однако это мероприятие было остановлено монгольским вторжением в Венгрию в 1241–1242 годах.[643]

В XIV веке турки-оттоманы пришли в движение и организовали ряд военных кампаний, включив в состав своего мусульманского государства многие регионы бывшей Византийской империи. Они завоевали Болгарию в 1393 году, и с тех пор на этой земле больше никогда не слышали о богомилах; последняя сохранившаяся запись о богомильстве в Болгарии датируется не позднее чем 1370 годом.[644] В Боснии эта ересь просуществовала еще некоторое время, но была уничтожена после вторжения султана Мехмеда II по прозвищу «Завоеватель» в 1463 году.[645] К концу XV века население Боснии почти полностью было мусульманским.[646] «После затраты больших усилий на опровержение ереси и, самое главное, на полицейскую работу, — говорит Малькольм Ламбер, — катары в конце концов были побеждены западной церковью. С другой стороны, византийское богомильство умерло тихой естественной смертью…»[647]

Хотя инквизиция так и не добралась до Болгарии и Боснии, ее жестокий успех в Окситании и свидетельства катарских беженцев, рассказывавших об ужасах, творящихся на Западе, должны были оказать деморализующее воздействие на богомильскую церковь. Возможно, это объясняет утрату внутренней энергии, которая становится очевидной в богомильстве с начала XIV века; эта еретическая церковь, все еще процветавшая на Востоке, как будто отказалась от всяких претензий на свою всемирную миссию. Мусульмане способствовали ее окончательному краху, но даже без их участия католическая и православная церкви к тому времени проявляли такую бдительность по отношению к ереси, что у богомилов не было второго шанса распространить свое вероучение в христианском мире.

После гибели Окситании все было потеряно. Тысячелетняя возможность пришла, и ей попытались воспользоваться, но потерпели неудачу. Древняя религия гностиков, предлагавшая совершенно иное видение христианства, таинственным образом возродилась после столетий тьмы, расцвела на короткое время и сделала заявку на мировое величие, но потерпела полный крах… Или нет?

Возрождение

Летом 1460 года, незадолго до того, как последние тлеющие угли богомильского вероучения были втоптаны в землю султаном Мехмедом II, вторгшимся в Боснию, тосканский монах по имени Леонардо да Пистойя незаметно въехал во Флоренцию на ослике. К его седлу была приторочена холщовая котомка, в которой хранилось несколько книг.

Леонардо, проделавший долгий путь, отвез свой драгоценный груз флорентийскому дожу Косимо де Медичи.

Интеллектуальная ядерная бомба была готова взорваться.

ЧАСТЬ II

СВЯЩЕННЫЕ ГОРОДА

ГЛАВА 8

ДРУГАЯ ТАЙНАЯ РЕЛИГИЯ

«Будучи воплощением итальянского Ренессанса, представители рода Медичи были невероятно богаты. Благодаря своему богатству и характеру они правили Флоренцией, контролировали папский престол и влияли на политику целого континента».

Кристофер Гибберт, «Расцвет и падение дома Медичи», 1980

«Из-за отсутствия лучшего термина я назову это астральной магией…»

Фрэнсис Йейтс, «Джордано Бруно и герметическая традиция», 1991

Летом 1460 года, незадолго до того, как последние угли богомильского вероучения были затоптаны султаном Мехмедом II, вторгшимся в Боснию, тосканский монах по имени Леонардо да Пистойя въехал во Флоренцию на ослике. Он отсутствовал несколько месяцев, выполняя опасную миссию в Македонии для своего ученого и невероятно богатого господина, флорентийского дожа Косимо де Медичи, который нанял его для поисков редких и старинных рукописей. Медичи уже обладал огромной библиотекой со множеством выдающихся и необычных книг, свитков и кодексов, однако Леонардо знал, что флорентийский дож не успокоится, пока не получит определенные книги, некогда имевшие широкое хождение, но запрещенные церковью и потерянные для мира почти на тысячу лет. Косимо был убежден, что эти книги должны где-то сохраниться, и приказал Леонардо найти их и приобрести за любую цену.

Наконец, после многократного возвращения во Флоренцию с менее ценными трофеями, Леонардо был чрезвычайно горд тем обстоятельством, что он нашел древние книги, которыми стремился обладать его господин. Это были книги знания, якобы написанные самим Тотом, богом мудрости древних египтян, который был известен грекам под именем Гермеса Трисмегиста, и, хотя ни Леонардо, ни Косимо не знали об этом, таинственные «герметические» тексты были собраны в Александрии в течение первых трех столетий христианской эры, то есть примерно в то же время и в том же месте, что и гностические тексты из Наг Хаммади. Связь между двумя собраниями становится еще прочнее с учетом того, что фрагмент одного из «герметических» текстов, которые приобрел Леонардо, — документа, известного под названием «Асклепий», — был также воспроизведен в гностическом своде знаний, захороненном в Наг Хаммади в конце IV века и обнаруженном лишь в 1945 году.[648]

Тело как гробница

Никто не может оспаривать, что римская католическая церковь имеет долгую историю энергичного противостояния всем формам знания, литературного творчества, научных исследований и религиозного самовыражения, которые не соответствуют ее собственным взглядам. Читатель помнит, что толпы христиан, подстрекаемые Феофилом, архиепископом Александрии, разграбили александрийский Серапеум в 391 году н. э. Они убили всех «язычников» и гностиков, которые скрывались внутри, и сровняли с землей замечательную библиотеку, располагавшуюся в соседних приделах, уничтожив редчайшее собрание древних книг и папирусных свитков. В главе 5 мы имели возможность убедиться, что это злодеяние

было лишь одним из многих в процессе безжалостного подавления гностицизма и язычества католической церковью и почти повсеместного уничтожения их текстов и традиций.

Другим выражением такого же неприятия любых знаний, выходивших за узкие рамки ортодоксальных взглядов, было закрытие прославленной Академии Платона в Афинах по приказу христианского императора Юстиниана в 529 году.[649] Основанная самим Платоном в 380 году до н. э. в священном месте, расположенном на расстоянии одной мили от Афин, Академия просуществовала более 900 лет, пока Юстиниан и христианские фанатики не закрыли ее за распространение «языческих» идей. Сейчас мы точно не знаем, чему учили и как преподавали в Академии, однако богатое литературное наследие самого Платона привело большинство ученых к выводу, что первоначальный учебный план Академии заключался в подготовке ограниченного круга высокообразованных мыслителей, обладающих глубокими познаниями в математике (включая теорию гармоник и астрономию), диалектике, естественных науках и политической теории,[650] которые «уходили бы из Академии в политику, но не в качестве претендентов на власть, а как юридические и политические советники для тех, кто находится у власти».[651]

Известно, что Валентин, выдающийся представитель христианского гностицизма, который был египтянином, изучал философию Платона в Александрии в начале II века н. э.,[652] поэтому неудивительно, что христианский апологет Ипполит (170–236) обвинял гностиков в том, что они являются «учениками Платона» и пользуются платоновской системой для создания «арифметической науки как основополагающего принципа своей доктрины».[653] Также интересно отметить, что Платон первым использовал термин «демиург» — «общественный ремесленник» в переводе с греческого — для обозначения творца материального мира. Точно так же, как впоследствии гностики, он имел в виду, что Творец был силой низшего порядка, а не истинным Богом,[654] что материальный мир является искаженной и несовершенной копией идеального мира.[655] Тим Фреке и Питер Гэнди указывают на то, что Платон часто цитировал распространенную фразу из языческих мистерий того периода — soma sema, или «тело как гробница». По их словам, «посвященные гностики понимали, что те, кто отождествляется с воплощенным физическим телом, духовно мертвы и нуждаются в возрождении для вечной жизни…»[656]

Подробный разбор сходных черт и отличий между учением Платона и гностицизмом выходит за рамки этой книги. Мы хотим лишь подчеркнуть, что закрытие Академии Платона в 529 году было частью гораздо более широкой атаки на альтернативные системы познания, также включавшие практически полное уничтожение христианского гностицизма, вновь появившегося в Болгарии лишь в X веке под видом богомильства. В Средние века сожжение книг считалось церковью благочестивым поступком, а гонение на ученых, выходивших за жесткие границы религиозной доктрины, считалось актом справедливости и служения Господу.

Незаслуженная духовная монополия

Историки не без основания называют период с V по X век н. э. «темными веками», но после этого тьма сгустилась еще сильнее, прежде чем европейская культура смогла увидеть первые проблески света. Мы уже говорили о поразительном «мини-Возрождении», сопровождавшем внезапный расцвет катаризма в Окситании в XII веке. Мы говорили и о реакции со стороны церкви — об альбигойских крестовых походах, опустошивших регион и разрушивших его культуру, о столетии терроризма и бесчинств и, наконец, но не в последнюю очередь, об инквизиции.

Теперь читателю должно быть ясно, что катары и католики имели очень разные подходы к использованию знаний и контролю над ними и что эти подходы были обусловлены совершенно разными философскими взглядами.

Для катаров, наследников гностической традиции, бедствием человечества было его невежество; таким образом, знание представляло единственный надежный путь к спасению, а поскольку они верили, что величайший запас знаний содержится в Новом Завете — основополагающем тексте христианства, — они считали, что каждый катар должен иметь возможность прочитать Новый Завет на собственном языке.

Поэтому катары из Окситании перевели Новый Завет с латыни, не доступной для широких масс, на простонародный langue doc и пустили в обращение большое количество тщательно подготовленных рукописных копий. Спрос на дешевый и удобный материал для изготовления таких копий сделал их пионерами бумажного производства в Европе. Они основали множество мастерских, занимавшихся новым ремеслом,[657] и внесли огромный вклад в последующее распространение этой просветительской технологии.

Благодаря этому дети катаров учились читать и изучали Новый Завет с раннего возраста, получая дар грамотности, очень редкий в Европе этого исторического периода. Еще большей редкостью был тот факт, что мальчиков и девочек обучали одинаково, в то время как в других местах грамоте учили только мужчин.[658] В результате грамотные, образованные и свободомыслящие женщины часто встречались в катарских общинах в то короткое время, пока еретическое вероучение развивалось и процветало.

В этом отношении, как и во многих других, поведение катаров можно назвать просветительским, а их кампания по изготовлению общедоступных изданий Нового Завета на простонародном языке далеко опередила свое время. С другой стороны, католическая церковь строго запрещала мирянам иметь книги Нового Завета, за исключением «Псалтири, молитвослова и Часослова». Более того, даже эти немногочисленные книги существовали только на латыни, а переводы на простонародный язык были «строго запрещены».[659]

Есть странная ирония судьбы в том, что так называемые еретики делали все возможное для распространения знаний о Новом Завете, в то время как «истинная церковь» делала все возможное для ограничения этих знаний и жесткого контроля над ними. Истоки такого поведения следует искать в философии католицизма, которая полностью отвергает любые личные поиски знания и вместо этого учит слепой вере и абсолютной убежденности в непогрешимости папских догматов. Именно эта доктрина погасила яркий светильник научных и духовных исканий, сиявший в великих библиотеках Александрии последние 300 лет до нашей эры и первые 300 лет нашей эры. Именно она ввергла мир в пучину Средневековья, не только подавив гностические ереси, но и отвергнув громадное наследие «языческих» античных знаний. Эта доктрина слепой веры и безоговорочного послушания, которая по-прежнему занимает верхнюю строчку в списке католических приоритетов тысячу лет спустя, привела к альбигойским крестовым походам и созданию инквизиции в XIII–XIV веках, что, в свою очередь, привело к новому террору, массовому сожжению еретиков, сокрытию книг и знаний и повсеместному насаждению невежества.

К началу XV века, хотя гонения на отдельных еретиков так и не прекратились, европейское общество устало от безумного разгула насилия и фанатизма. Кроме того, после окончательного устранения катарской угрозы бдительность церкви неизбежно должна была ослабнуть. Некоторые широко мыслящие ученые, не вполне уверенные, какую реакцию могут вызвать их действия, но готовые рискнуть, приступили к поиску древних манускриптов. Ими двигала надежда, что, заново открыв утраченную мудрость прошлого, они получат более надежное руководство для движения к неизвестному будущему.

Одним из таких ученых был Косимо де Медичи, нанявший монаха Леонардо да Пистойю для поиска старинных книг. Теперь Леонардо, ехавший во Флоренцию на ослике, верно

служившем ему всю дорогу от Македонии, поглаживал котомку, притороченную к седлу, и снова ощущал успокаивающие очертания и вес драгоценных удивительных книг, которые он вез своему господину.

Философ и политик

Происхождение дома Медичи остается неясным, но фамилия «Медичи» в буквальном смысле означает «врачи», поэтому весьма вероятно, что среди основателей рода имелись лекари и аптекари. Одним из самых ранних предков семьи считается скромный угольщик, переехавший во Флоренцию из соседнего округа Маджелло, но апокрифическая история рода Медичи гораздо более красочна. Легенда гласит, что род был основан в V веке храбрым рыцарем, который пришел в Маджелло и убил страшного великана, наводившего ужас на местное население. В качестве награды ему разрешили разместить на гербе восемь красных шаров, каждый из которых символизировал отметину от удара великана. По другим предположениям, эти красные шары символизировали либо аптекарские пилюли, либо монеты знаменитой банкирской семьи, впоследствии представленной родом Медичи.

С 1239 года Медичи были официальными Gonfaloniere Флоренции (знаменосцы и хранители городского штандарта). В 1389 году, когда родился Косимо, семья была уже известной и богатой благодаря банковской деятельности его отца Джованни. Он извлек огромную выгоду из личной дружбы с папой Иоанном XXIII (Валтасаром Косса), который впоследствии в 1414 году был обвинен в ереси, торговле церковными должностями, тирании, убийстве своего предшественника папы Александра V и совращении не менее двухсот девушек и женщин Болоньи.[660]

Названный в честь святого Косьмы, в чей день (27 сентября) он появился на свет, Косимо получил образование в монастыре Камальдонезе, где он выучил французский, немецкий и латынь, а также получил некоторые познания в области еврейского, древнегреческого и арабского языков. Подростком он посещал лекции одного из наиболее известных флорентийских ученых, Роберто де Росси, который также был членом старинного и богатого флорентийского семейства. Благодаря влиянию Росси, молодой Косимо на всю оставшуюся жизнь приобрел глубокую любовь и уважение к античным философам, особенно к Платону, и ненасытный интерес к роли и предназначению человека на Земле. Иными словами, он был философом античного толка, который впоследствии получил такие широкие возможности, какими могли пользоваться лишь очень немногие любители старинных знаний.

Благодаря политическим махинациям и особенно своему влиянию на папский престол (он дружил с несколькими папами и фактически управлял финансами Ватикана) Косимо смог значительно приумножить и без того огромное богатство дома Медичи. Его влияние продолжало расти, и вскоре он стал фактическим правителем Флоренции, которым и оставался до конца своей жизни. В 1458 году, лишь за два года до того, как ему были вручены утраченные тексты «Герметики», Косимо удостоился высочайшей оценки от папы Пия II: «В его доме решаются политические вопросы. Человек, которого он выбирает, получает пост… Он объявляет войну и мир и следит за законами… Он король во всем, кроме титула».[661]

Флорентийский историк Франческо Гуччиардини пошел еще дальше, когда сказал, что Косимо «имел такую репутацию, какой, вероятно, не обладал ни один горожанин с времен падения Рима до наших дней».[662]

Знания из Константинополя и новая Академия Платона

В 1438 году Косимо де Медичи посетила блестящая идея, которая любопытным и косвенным образом изменила ход развития западной науки. Читатель должен помнить, что в течение многих столетий католическая церковь во главе с папой римским состояла в конфликте по вопросам религиозной доктрины с Восточной православной церковью, возглавляемой патриархом Константинопольским. Этот великий религиозный раскол (схизма), разделивший Восток и Запад, достиг критической точки в 1430-х годах, когда Константинополь оказался перед серьезной угрозой вторжения турков-мусульман из Оттоманской империи. После драматического падения Египта и Александрии в 642 году н. э. Восточная Римская империя, простиравшаяся от Турции до Египта, постепенно рассыпалась под напором мусульманских армий. К 1438 году в руках христиан оставалась лишь столица Константинополь, который называли «вторым Римом». По знаменитому выражению Мехмеда II, султана Оттоманской империи, который в конце концов захватил город в 1453 году после шестинедельной осады, это была лишь «чудовищная голова без тела».

В 1438 году Иоанн Палеолог, император Восточной Римской империи, чей трон находился в Константинополе, воззвал к папе во имя всех христиан, обращаясь за военной поддержкой, чтобы спасти последний оплот христианства на Востоке от наступающих мусульман. В ответ папа Евгений IV решил созвать Вселенский собор, который должен был состояться в Италии. Косимо де Медичи, осознавший, какой огромный престиже может принести проведение такого собора, особенно если он приведет к примирению между восточной и западной церковью, решил, что это событие должно состояться в его городе. Благодаря дружбе с папой и предложению оплатить все расходы и предоставить щедрую ссуду Ватикану, Косимо добился своего, и зимой 1439 года после грозовой ночи с проливным дождем император Восточной Римской империи, греческий православный патриарх и папа торжественно вступили во Флоренцию.

После нескольких месяцев размышлений и экуменических дискуссий в июле 1439 года Вселенский собор достиг компромисса, позволявшего обеим церквям сблизиться друг с другом. Это воссоединение было предсказуемо недолговечным; посланники с Востока едва успели вернуться в Константинополь, прежде чем аннулировать хрупкое соглашение, но оно имело неожиданную обратную сторону. Флоренция, Италия, а впоследствии и вся Западная Европа получили неисчислимые выгоды от интеллектуального контакта с большим количеством греко-византийских ученых, сопровождавших императора на Вселенский собор. Эти ученые были одними из главных вдохновителей эпохи Ренессанса и возрождения интереса к античной истории, искусству и философии, они придали новый импульс стараниям Косимо де Медичи по изучению трудов Платона. Великий ученый Виссарион, сопровождавший византийского императора в Италию, внял совету остаться во Флоренции, как и его коллега Георгий Гемистом Плефон (ум. в 1452 г.), ведущий специалист по работам Платона.[663]

Прослушав курс лекций Плефона, Косимо де Медичи увлекся новой идеей. Он решил использовать часть своего огромного богатства на учреждение Академии Платона во Флоренции, устроенной по образцу оригинала. Отъезд Плефона и участие Косимо в других делах на несколько лет отложили осуществление этого проекта, тем не менее идея Академии в конце концов воплотилась в действительности. Ее первым домом была вилла Монтевеккьо во Флоренции, и Косимо назначил своего приемного сына, блестящего ученого Марсилио Фичино, прозванного современниками «вторым Платоном», ее директором. Фактически, Косимо де Медичи воспитывал его для такой работы в течение нескольких лет после того,

как заметил живой интерес молодого человека к трудам Платона, и щедро оплатил его образование, включая глубокое изучение древнегреческого и латыни.

Косимо в течение многих лет был ревностным коллекционером редких книг и сделал некоторые ценные приобретения у греко-византийских ученых, прибывших на Вселенский собор 1439 года. Его библиотека, считавшаяся самым обширным собранием античных и религиозных сочинений в Европе, легла в основу Академии Медичи и послужила прообразом Ватиканской библиотеки. Однако до 1460 года главный трофей — прославленный труд Гермеса Трисмегиста — ускользал от него, как и от всех других европейских коллекционеров.

Усталый, голодный, но исполненный чувством выполненного долга монах Леонардо да Пистойя направил своего ослика к Вилла Кареджи, роскошной резиденции Косимо де Медичи во Флоренции. Он был сразу же допущен в дом и передал драгоценный сверток, привезенный издалека, лично своему господину.

Старше, чем Моисей, более великий, чем Платон

Европейским ученым эпохи Возрождения было хорошо известно, что великий древнегреческий философ Платон, а до него Солон и Пифагор посещали Египет, где предположительно бы ли посвящены в тайны египетских мудрецов. Платон питал особое уважение к египтянам, которых он называл «народом философов».[664] В своем диалоге «Тимей», где содержится наиболее раннее сохранившееся упоминание об Атлантиде, он пересказал историю, предположительно рассказанную Солоном, знаменитым афинским государственным деятелем и поэтом, посетившим Египет около 600 года до н. э. Там, в городе Саисе, расположенном в дельте Нила, египетские жрецы из храма Нейт признали мудрость Солона и согласились обсудить с ним вопросы, связанные с происхождением мира, однако после того как Солон поведал им несколько греческих мифов, один из жрецов перебил его и воскликнул:

«Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!.. Вы все юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания… поседевшего от времени».[665]

Египетские жрецы рассказали Солону, что мир периодически уничтожается водой и огнем, что приводит к крушению и исчезновению цивилизаций, однако из-за благоприятного расположения долины Нила древние храмы и святилища Египта чудесным образом переживали эти катастрофы. Только там сохранилась память о великих событиях далекого прошлого и о деяниях, некогда совершенных людьми. Там хранились даже записи о происхождении мира и знания о том золотом веке, когда смертные братались с богами.

Античные авторы, посещавшие Египет или жившие там, — Геродот, Диодор Сицилийский и Прокл из Диадохии — сходным образом приобщались к древней мудрости египетских жрецов и особенно к их глубоким познаниям небосвода и движения звезд. Многие считали Египет священной страной — землей, где некогда жили боги и учили людей божественной и священной науке и где секреты бессмертия открывались тем, кто полностью заслуживал этого.[666] Однако эта замечательная египетская наука до сих пор оставалась за пределами досягаемости ученых эпохи Возрождения, таких, как Косимо де Медичи, так как она была написана таинственным и не поддающимся расшифровке языком иероглифов, который никто больше не понимал. Древний и священный Египет впал в глубокую кому, из которой, казалось, ему уже не выйти.

Поэтому можно представить интеллектуальное потрясение в ученых кругах Флоренции 1460 года, когда Косимо де Медичи торжественно объявил, что он стал обладателем коллекции баснословных утраченных книг Гермеса Трисмегиста, переведенных на греческий

язык анонимным автором. Фрэнсис Йейтс, одна из ведущих мировых специалистов по эпохе Возрождения, поместила масштаб этого открытия в исторический контекст:

«Упоминания о Гермесе Трисмегисте встречаются у раннехристианских авторов, особенно у Климента Александрийского, который в своем поразительном описании процессии египетских жрецов говорит, что певчий во главе процессии нес две книги музыки и гимнов, составленные Гермесом; жрец-астролог нес четыре книги Гермеса о движении звезд и планет. В ходе этого описания Климент утверждает, что всего существует 42 книги Гермеса Трисмегиста; 36 из них содержат философию древних египтян, а остальные 6 посвящены медицине. Крайне маловероятно, что Климент лично изучал какой-либо из текстов «Герметики», которые дошли до нас, но читатель эпохи Ренессанса верил, что в книгах Corpus Germeticum *и* Asclepius *сохранились драгоценные остатки той священной библиотеки, о которой говорит Климент Александрийский».*[667]

Косимо и его современники верили, что египетские жрецы лично учили философии «божественного» Платона. Желание приобщиться к источнику этой философии воспламенило воображение Косимо де Медичи и побудило его к действиям.

Откладываем Платона, переводим Гермеса

Когда Косимо де Медичи получил герметические тексты, его приемный сын Марсилио Фичино с головой ушел в работу по переводу трудов Платона с древнегреческого на более общедоступную латынь. Косимо приказал молодому человеку немедленно отложить Платона и сосредоточить все свои усилия на переводе «Герметики» (под этим названием ныне известно собрание книг, привезенное монахом Леонардо да Пистойей из Македонии).

Фичино, которому тогда было 27 лет, уже приобрел репутацию ученого человека, теолога и лингвиста, особенно хорошо разбиравшегося в древнегреческом и латыни. Родившийся в 1433 году, он был сыном флорентийского лекаря, близкого друга Косимо де Медичи. Флорентийский дож усыновил Фичино после смерти его отца и всемерно поощрял его интерес к трудам Платона.

Римский католицизм имел долгую историю разногласий с платоновской философией, начавшуюся еще до закрытия первоначальной Академии в 529 году. Однако в XV веке сторонники Платона появились даже в самой церкви, и Фичино был одним из них. Он был преисполнен решимости применить все свои силы и познания для объединения философии Платона с учениями римско-католической церкви. Впоследствии, как мы убедимся, он попытался сделать то же самое с философией, обнаруженной в книгах «египетского мудреца» Гермеса Трисмегиста. Но поразительным было то обстоятельство, что человек, которому предстояло возглавить Платоновскую Академию Косимо де Медичи, получил приказ отложить Платона и сосредоточиться на переводе книг Гермеса.

По замечанию Фрэнсис Йейтс,

«… это необыкновенная ситуация. Полное собрание сочинений Платона должно подождать, пока Фичино будет быстро переводить Гермеса — вероятно, потому, что Косимо хотел прочитать эти книги перед смертью. Что за яркое свидетельство таинственной репутации Гермеса Трижды Величайшего!»[668]

Через год Фичино завершил перевод на латынь 14 книг, или «трактатов», Герметического свода. В 1473 году, через 10 лет после окончания этой работы, Фичино был рукоположен в сан священнослужителя римско-католической церкви и впоследствии стал высокопоставленным сановником при Флорентийском соборе. Ученые сходятся в том, что его переводы античных греческих авторов и особенно трудов Платона были частью общего

духовного импульса, стоявшего за итальянским Возрождением. Менее известно огромное, поистине революционное влияние, оказанное его переводами «Герметики» на западную культуру и на саму католическую церковь.

Полный свод

Фичино дал своему переводу название «Пимандр» по названию таинственного «вселенского разума», предположительно раскрывшего Гермесу Трисмегисту божественную мудрость, изложенную в «Герметике». Хотя печатный пресс в Европе был изобретен лишь 15 лет назад,[669] издание «Пимандра» пользовалось огромным успехом. Сначала оно ходило в рукописных копиях, но в 1471 году было отпечатано в Тревизо (очевидно, без разрешения Фичино) под названием «Пимандр, или Сила и мудрость Божья». Такое название было не совсем правильным, поскольку термин «Пимандр», происходивший от греческого Poimadres (которое, в свою очередь, происходило от Peime-n-Re в смысле «знание Ра», египетского бога Солнца), встречается лишь во вступительной части книги, ни в одном из других трактатов «Герметики» нет упоминания о Пимандре.

Так или иначе, успех этого издания побудил другого издателя из города Феррера выпустить свое издание «Герметики» в 1472 году снова без разрешения Фичино. В 1543 году, когда знаменитый трактат Коперника «О вращении небесных тел» был впервые опубликован в Нюрнберге, по всей Европе насчитывалось более 50 отдельных изданий «Герметики»! В 1463 году, когда Фичино переводил тексты, он не включил в свой сборник трактат под названием Logos Teleios, или «Совершенное рассуждение», более известный как «Асклепий». Это произошло потому, что трактат (фрагмент которого, как помнит читатель, был обнаружен в гностических текстах из Наг Хаммади) уже был переведен на латынь с греческого оригинала во времена поздней античности и обращался в ученых кругах Европы с раннего Средневековья. Впоследствии мы вернемся к «Асклепию», а пока что скажем вкратце, что в этой книге предпринята попытка объяснения магической религии египтян и, что более важно, мистических талисманов, с помощью которых они предположительно направляли энергию звезд в свои статуи и другие предметы.[670] Именно этот вид магии произвел глубокое впечатление на Фичино и повлиял на его многочисленных последователей.

Трактат «Асклепий» впервые был отпечатан в 1469 году вместе с полным собранием сочинений Апулея лишь за два года до первого печатного издания «Пимандра» в переводе Фичино. Таким образом, вскоре вошло в обычай присоединять «Асклепия» к «Герметике», а полный свод сочинений получил общее название «Философская герметика», или Corpus Germeticum. Иногда к этому своду добавляли еще одно небольшое сочинение, известное под названием «Определения Асклепия».

Согласно французскому ученому Жан-Пьеру Маэ, профессору гуманитарных наук из Сорбоннского университета в Париже, «Определения Асклепия» были заново открыты в 1484 году, то есть через 20 лет после повторного открытия «Герметики». Это событие было гораздо более живописным и драматичным, чем возвращение монаха верхом на ослике из Руритании во Флоренцию. Некий синьор Лудовико Лазарелли в малоизвестном трактате под названием «Письмо Еноха» поведал о том, как его господин дон Джованни Меркурио да Корреджио помог ему найти утраченные рукописи Гермеса Трисмегиста (итальянцы также называли его Меркурием). В Вербное воскресенье апреля 1484 года Джованни Меркурио, которому тогда исполнилось 33 года (предполагаемый возраст Христа во время Его распятия), въехал в Рим на черном жеребце в сопровождении двух слуг и направился к Ватикану. Одетый в черное, подпоясанный золотым кушаком и обутый в алые башмаки,

Джованни Меркурио возложил на голову терновый венец, а на лбу у него была прикреплена серебряная табличка в виде полумесяца со следующими словами:

«Это Мой сын Пимандр, которого Я сам выбрал. С раннего детства он достиг высочайших вершин, и Я наделил его властью изгонять демонов и насаждать мою истину и справедливость среди всех народов. Берегитесь противостоять ему! Внимайте его словам и подчиняйтесь ему со страхом и почтением. Это слова Властелина всех мировых святынь, Иисуса Христа».[671]

Потом Джованни Меркурио достал из седельной сумки пачку листовок и разбросал их вокруг. Собралась толпа; некоторые считали его сумасшедшим; другие думали, что он исполняет некий странный обет, но большинство провозгласило его пророком. Швейцарские гвардейцы в Ватикане, озадаченные непонятной сценой, расступились и позволили ему проехать. В соборе Джованни Меркурио провозгласил себя новым воплощением Пимандра. Следующие несколько дней он беседовал с толпами верующих, а затем вернулся в свой родной город Болонью, где женщины и дети устроили ему торжественную встречу. Неудивительно, что вскоре он был арестован инквизицией за богохульство и оказался на краю гибели, однако в I486 году он был освобожден под поручительство короля Франции Карла VIII.

Подробности этого необыкновенного эпизода свидетельствуют о том, какое огромное влияние оказывала «Герметика» на просвещенные умы эпохи Возрождения, и (что еще более любопытно) о том, как образ Гермеса/Меркурия Трисмегиста соединился с элементами христианской веры.

Одним из последствий короткой «пророческой» карьеры Джованни Меркурио было внезапное озарение поэта и астролога Лудовико Лазарелли, который был свидетелем приезда Джованни в Ватикан в Вербное воскресенье 1484 года. Он тоже поддался чарам герметизма и принял мистическое имя «Енох» (другое предполагаемое воплощение Гермеса).[672] Лазарелли стал самым ревностным учеником Джованни Меркурио, и вот как, по его словам, были обнаружены «Определения Асклепия»:

«Неустанно изучая старинные книги моих вдохновителей й склонившись над чашей, полной соблазнительного нектара, который, без сомнения, проистекал из огромного кратера*[кубка] Гермеса Трисмегиста и под которым я разумею небольшую книгу на греческом, озаглавленную «Определения Асклепия». Как только я прочитал ее, немногословная и таинственная суть ее мудрости зачаровала меня и наполнила восхищением».*[673]

Лазарелли решил немедленно перевести «Определения Асклепия» на латынь, но эта книга вышла из печати лишь после его смерти в 1507 году под одной обложкой с трудом французского неоплатоника и оккультиста Симфорена Шампьера в его «Книге четвертичной жизни». Теперь, наконец, полный свод сочинений, приписываемых Гермесу Трисмегисту, находился в распоряжении западных ученых, и вот-вот должно было произойти нечто необыкновенное…

Гермес под покровомцеркви(1)

По мнению Марсилио Фичино, Гермес Трисмегист был исторической личностью, жившей в Древнем Египте, и автором знаменитой «Герметики». Эту точку зрения разделяли все гуманисты и философы эпохи Возрождения, особенно великий христианский герметист и каббалист Пико делла Мирандола, который, как и Фичино, был совершенно очарован «Герметикой». Как объясняет профессор Жан-Пьер Маэ:

«Согласно Марсилио Фичино, Гермес Трисмегист (Гермес Трижды Величайший) получил свое прозвище, будучи одновременно величайшим философом, величайшим жрецом и величайшим царем… Его преемниками были Орфей, Аглаофем, Пифагор и Филолай, учитель Платона… Таким образом, сочинения Трисмегиста были подлинным источником древней мудрости. Не только божественный Платон, но также легендарный Пифагор и даже вдохновенный поэт Орфей увековечили эту египетскую доктрину; все они воспевали отголоски одной и той же древней теологии, prisca theologia*…»*[674]

Однако ранние европейские представители герметической школы, не горевшие желанием ставить под сомнение авторитет Библии и привлекать внимание инквизиции, сходились на том, что Гермес Трисмегист появился после Моисея. Эта идея «безопасной игры» возникла у блаженного Августина, бывшего приверженца манихейского вероучения, который обратился в католицизм и стал одним из великих учителей церкви (см. главу 4). Августин считал, что Гермес Трисмегист жил задолго до древнегреческих философов, но настаивал, что он

«… появился после Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа и даже Моисея. Поскольку Моисей родился во времена Атласа, брата Прометея, который был великим астрономом… Он был дедом старшего Меркурия [Гермеса], который в свою очередь был дедом [Гермеса] Трисмегиста».[675]

Но некоторые не соглашались с такой хронологией. Лазарелли, который перевел «Определение Асклепия» и твердо верил в древнее происхождение Гермеса Трисмегиста, возражал:

«Трисмегист жил не во времена Моисея, а гораздо раньше, в чем легко убедиться на основании трудов Диодора Сицилийского. По его хронологии египетских царей первыми правителями были боги, а на смену им пришли люди. Таким образом, ясно, что Меркурий (Гермес) Трисмегист жил во времена богов… в то время как Моисей жил в эпоху, когда в Египте правили фараоны, согласно Библии и многим другим древним сочинениям».[676]

Если вы посетите знаменитый Сиенский собор, расположенный между Римом и Флоренцией, то увидите, что весь его пол, создание которого датируется 1488 годом, покрыт изысканной мозаикой с изображением религиозных и мифологических сцен. В одной из этих сцен египетский мудрец Гермес Трисмегист вручает книгу человеку в восточном одеянии, который принимает ее с почтительным поклоном. На книге на латыни написаны слова: «Suscipite O Licteras Et Leges Egiptii», что означает «Возьмите ваши письмена и законы, о египтяне», а кланяющаяся фигура, согласно Фрэнсис Йейтс, «возможно, изображает Моисея».[677] Этот поразительный вывод как будто подкрепляется надписью под ногами двух фигур, которая гласит: «Гермес Меркурий, современник Моисея». По мнению ученого, это подразумевает «… просьбу законодателя иудеев (если фигура просителя действительно изображает Моисея), обращенную к законодателю египтян, о возрождении египетской нравственности и благочестия… Изображение Гермеса Трисмегиста в этом христианском храме, помещенное прямо у входа и обозначающее его высокий духовный статус, — это не отдельный феномен, а символ отношения к нему представителей итальянского Возрождения, предвещающий его необыкновенную карьеру в Европе в XVI–XVII веках…»[678]

Гермес под покровом церкви (2)

Древнеегипетского мудреца Гермеса Трисмегиста и приписываемые ему сочинения действительно ожидала блестящая карьера в эпоху Возрождения. К примеру, в 1544 году, когда французский гуманист Адриен Турнебуа (более известный как Турнебус) опубликовал в Париже первое издание оригинального греческого текста «Герметики», сопровождаемого латинским переводом Фичино, в предисловии было сказано следующее:

«Гермес Трисмегист был египтянином по своему происхождению… Многие хронографы считают, что он жил до начала эпохи Соломона. Некоторые, в том числе Цицерон, полагают, что он является существом, которого египтяне называли Тотом… Таким образом, он жил до эпохи фараонов и, следовательно, до Моисея… Он написал много трудов по мистической философии и теологии. Среди этих сочинений особую важность представляют два трактата: один из них называется Асклепий, *а другой* Пимандр».[679]

После этой публикации появился труд Франсуа Фуа де Кандаля, епископа Эйра [Aire], более известного под псевдонимом «Флуссас», который опубликовал новое издание «Герметики». Флуссас проявил еще больше энтузиазма, чем его предшественники, и посвятил свой труд императору Максимилиану II (правил с 1564 по 1567 год), сообщив ему, что Гермес Трисмегист достиг знания божественных вещей, о которых он сначала писал по-египетски, затем по-гречески и превзошел «то, что было открыто еврейским пророком, сравнявшись с писаниями апостолов и евангелистов»:

«Что может быть известно нам более того, чем открыто теми, кто получил наставления от самого Спасителя? Однако этот человек [Гермес] предшествовал во времени не только ученикам Господа нашего, но также всем пророкам и учителям нашего закона и, как говорят древние, самому Моисею».[680]

В 1591 году на сцене появился итальянский неоплатоник Франческо Патрицци, который тоже опубликовал издание «Герметики» в своем труде Nova de Universis Philosophia. Патрицци не только рассматривал Гермеса Трисмегиста как источник всей мудрости, но и подчеркивал в предисловии к своей книге, адресованном папе Григорию XIV, что «Герметику» нужно преподавать каждому, даже иезуитам, поскольку она каким-то образом могла служить орудием «обращения» в католическую веру:

«Надеюсь, что вы и ваши преемники примут эту возрожденную религиозную философию и будут способствовать ее изучению повсюду… как я изучал их в последние четырнадцать лет моей жизни в Ферраре. Тогда, ваше святейшество, все ученые люди в Испании, Италии и Франции будут дружественно относиться к церкви; возможно, даже немецкие протестанты последуют их примеру и вернутся к католической вере. Гораздо проще будет вернуть их обратно таким образом, чем принуждать осуждением со стороны церкви или с помощью светских законов. Эту доктрину следует преподавать также в иезуитских школах, чтобы их добрые труды стали еще более плодотворными. Если вы сделаете это, в будущем вас ожидает великая слава среди людей. Почтительно прошу вас принять меня в качестве помощника в этом мероприятии».[681]

Патрицци говорил о той же «доктрине», которой некогда учил Платон и которая — во всяком случае, по его мнению — первоначально была разработана и передана древнеегипетским жрецам Гермесом Трисмегистом. Патрицци был уверен, что Платон приобщился к ней во время своего пребывания в Египте, а потом передал ее своему ученику Аристотелю, наставнику Александра Македонского.[682] Поразительно, но Патрицци как будто обращается к папе с просьбой канонизировать «Герметику» и связанные с ней сочинения, которые, как он считал, содержали первоначальную доктрину (Prisca Theologia), происходящую из Древнего Египта. Однако в контексте того времени еретическая просьба Патрицци не выглядит столь дерзкой, как кажется на первый взгляд. По крайней мере один первосвященник католической церкви относился к этим идеям со всей серьезностью…

Пико, герметическая магия и Каббала

Одним из самых блестящих мыслителей эпохи Возрождения был молодой флорентийский ученый Пико делла Мирандола. Отпрыск благородного рода из Модены, он испытал сильное влияние идей Марсилио Фичино на герметизм и, в частности, на

герметическую магию, которую он не только принимал, но и пропагандировал с большим рвением и энтузиазмом.

Целиком и полностью разделяя мнение Фичино, что Гермес Трисмегист был «языческим» пророком христианства, Пико пошел еще дальше. Он рассматривал «Герметику» как разновидность мистического учения и «природной магии», которую он связывал с иудейской Каббалой. Из главы 2 читатель помнит, что Каббала является мистической системой, основанной на эзотерической традиции иудаизма и достигшей наибольшего совершенства в иудейских общинах, существовавших на побережье Окситании в XII веке. Теперь, более 300 лет спустя, Пико делла Мирандола всем сердцем верил, что эти два типа каббалистической магии — иудейскую и «египетскую» — необходимо объединить и использовать во благо христианского учения.

Согласно Фрэнсис Йейтс, объединение герметизма и каббализма было изобретением Пико делла Мирандола, который также «объединил герметическую и каббалистическую магию», создав мощный интеллектуальный сплав, получивший общее название «христианской герметической Каббалы» и оказавший огромное влияние на теологов эпохи Возрождения и даже на высшее ватиканское духовенство.[683] Несмотря на то что магия в средневековом смысле этого слова отвергалась церковью и фактически ставилась вне закона, Пико утверждал, что церковь имела в виду дьявольскую «современную» магию, которая, по его мнению, действительно была отвратительной. Он проповедовал нечто совершенно иное — древнюю прекрасную и непорочную magia naturalis, т. е. природную магию древнеегипетского мудреца Гермеса Трисмегиста. Она рассматривалась многими как разновидность «симпатической магии», устанавливавшей благую связь между небом и землей.

Пико делла Мирандола считал, что «египетская» форма симпатической магии содержится в «Герметике» и особенно в сочинении под названием «Асклепий».[684] Но, в отличие от Фичино, он верил, что эту «египетскую» магию можно дополнить «практической Каббалой», то есть каббалистической магией. Именно в этом, по утверждению Йейтс, состоит его интеллектуальный вклад в магию эпохи Возрождения, которую он развивал с поразительным успехом.[685]

Каббала в буквальном смысле означает «традиция». Речь идет об иудейской мистической традиции, предположительно полученной Моисеем от Бога, которая, согласно каббалистам, раскрывает тайный магический смысл 22 букв еврейского алфавита. Каббалисты относятся к этим буквам и словам, которые они образуют, во многом так же, как древние египтяне относились к своим статуям и священным предметам; они видят в них талисманы, наделенные мистическим смыслом, высвобождаемым через некую «магию». Таким образом, согласно Пико делла Мирандола, герметическая (иудейская) и каббалистическая (еврейская) магические системы, происходящие соответственно от египетского законодателя Гермеса Трисмегиста и иудейского законодателя Моисея, дополняют друг друга. В таком случае почему бы не объединить их? Поскольку оба древних мудреца получили священное знание от Бога и, таким образом, были христианскими «пророками», то, по логике Пико делла Мирандола, объединенная магическая доктрина герметизма и Каббалы по праву принадлежала христианской церкви.

Обзор сложной запутанной каббалистической «науки» выходит за рамки этой книги, и у нас нет возможности подробно описать, каким образом Пико предполагал соединить эту систему с герметической магией «Асклепия» и тем более вписать ее в контекст католической религии. Однако вкратце можно сказать, что Пико рассматривал христианский герметический каббализм как средство, с помощью которого «истина» о Святой Троице может быть доказана и подтверждена для всех людей, или, по его собственному выражению, она была средством «подтверждения христианской религии через основы иудейской мудрости».[686]

От церкви не требовалось большого ума, чтобы понять, что такой хитроумный вариант древнееврейской мистической традиции может служить полезным инструментом для обращения евреев в католицизм. Одним из примеров такого простого, но чрезвычайно эффективного «инструмента» был аргумент Пико делла Мирандола, что имя Иисус, Jesu по-еврейски, при интерпретации в соответствии с каббалистическими принципами и методиками может означать «Бог», «Сын Божий», а также «Дух» или «мудрость Божья» — т. е. христианская Троица, объединяющая Отца, Сына и Святого Духа.[687] Иными словами, Пико предлагал выиграть у евреев в изобретенной ими же мистической игре. И действительно, благодаря такой простой, но убедительной манипуляции еврейскими словами с использованием «христианской герметической каббалы» многие евреи, жившие в Италии, убеждались в том, что «христианские истины» были зашифрованы в их собственных религиозных писаниях, и таким образом склонялись к обращению в католическую веру.[688]

Неудивительно, что храброе, но неразумное утверждение Пико — «Нет науки, которая больше убеждает нас в божественности Христа, чем магия и Каббала» — привлекло суровое внимание папской инквизиции, чьи представители не приняли во внимание «добрые намерения» Пико и поспешили обвинить его в ереси.[689] Отношения между Пико и церковью ухудшились настолько, что ему пришлось искать убежище во Франции и просить защиты у Карла VIII. Впоследствии он вернулся в Италию с письмами от короля Франции и вскоре оказался под защитой Лоренцо Великолепного, могущественного правителя Флоренции с 1469 по 1492 год из дома Медичи. По традиции своего деда Косимо, Лоренцо оказал беженцу политическую поддержку и ходатайствовал о нем перед папой.[690] Пико провел свои последние годы во Флоренции, где он и умер в 1494 году в возрасте 31 года.

Вероятно, стоит упомянуть, что по случайному стечению обстоятельств Пико родился в том же году, когда Марсилио Фичино завершил первый латинский перевод «Герметики». Такие совпадения как будто были частью его жизни. За год до смерти Пико папа Иннокентий VIII, осудивший его за ересь, передал бразды правления печально известному папе Александру VI, который, в отличие от своего предшественника, проявлял терпимое и даже сочувственное отношение к магии, Каббале и герметизму. В июне 1493 года Александр VI даровал Пико делла Мирандола отпущение грехов, отменил обвинение против него и даже написал ему личное письмо, в котором назвал его «верным сыном церкви», вдохновляемым divina largitas.[691]

Неожиданно и на короткое время двери Ватикана слегка приоткрылись, и в этот проем тихо, но уверенно, «словно тать в ночи», проникла мудрость и магия Гермеса Трисмегиста…

Борджиа, оргии в Ватикане, Исида и Осирис на потолке

В миру папу Александра VI звали Родриго Борджиа. Родившийся в Арагоне, бывшей катарской цитадели на северо-востоке Испании, он происходил из невероятно богатой и могущественной семьи, которая стала пользоваться дурной славой. Его дядя, епископ Валенсии (который впоследствии стал папой Каликстом III), следил за его образованием в Болонье, а потом сделал его кардиналом римской церкви. Благодаря взяткам и интригам он впоследствии приобрел огромное личное состояние. Будучи отцом неизвестного количества незаконных детей, он также имел четырех законных детей от римской патрицианки Ванессы Кантанеи. Среди них были порочный Чезаре Борджиа и прекрасная Лукреция Борджиа, чьи имена в будущем стали воплощением интриг и грязной игры.

Несмотря на сомнительную и даже скандальную репутацию, Родриго был избран папой в 1492 году и принял имя Александра VI. Он сразу же приступил к махинациям, чтобы получить

полную власть над Ватиканом, щедро раздавал взятки и назначал членов своей семьи на ключевые посты. Его сын, прославленный злодей Чезаре Борджиа, еще подростком получил сан кардинала вместе с другим молодым человеком из клана Борджиа, Алессандро Фарнезе, будущим папой Павлом III. Последний был братом папской фаворитки Джулии ла Белла (от которой папа имел по меньшей мере одного незаконнорожденного ребенка). Существуют воспоминания современников о диких оргиях в Ватикане; историкам удалось выявить по меньшей мере два отравления, непосредственно связанных с папой Александром VI. Его правление было настолько злокозненным и развращенным, что после его смерти даже Ватикан осудил его как худшего из так называемых «дурных пап» — слишком обтекаемая метафора для описания огромного ущерба для репутации католической церкви, причиненного семейством Борджиа.

Существует другая, еще более причудливая история об Александре VI, которая, как мы думаем, может объяснить его интерес и даже симпатию к «христианской герметической Каббале» и к египетской magia naturalis Гермеса Трисмегиста, которую с таким рвением излагал Пико делла Мирандола.

Доминиканский аббат по имени Джованни Нанни — также известный как Анний или Энний — был известным историком и служил личным секретарем Александра VI.[692] В своей книге об истории человечества от Потопа до падения Трои Нанни выдвинул экстраординарную теорию, согласно которой представители семейства Борджиа являлись потомками египетского бога Осириса, известного в то время как «отец египетского Геракла».[693] Пользуясь трудами античных авторов, таких, как Геродот и Диодор Сицилийский, а также некоторыми «древними текстами» собственного изготовления, Нанни представил вполне убедительную теорию, согласно которой «мудрость египтян», то есть герметическая мудрость, была получена итальянцами непосредственно от Осириса, когда тот в древние времена странствовал по свету с великой просветительской миссией.[694] Согласно датскому ученому Эрику Иверсону, Нанни «обеспечил своего высокого покровителя героической генеалогией, показав, что семейство Борджиа происходит непосредственно от египетского Геракла, сына Осириса, и что бык на семейном гербе фактически является египетским Аписом».[695]

Должно быть, папа отнесся к этим идеям очень серьезно, так как он сразу же подрядил Пинтуриккьо, знаменитого художника эпохи Возрождения, украсить потолок апартаментов Борджиа в Ватикане сценами с изображением Гермеса Трисмегиста вместе с египетской богиней Исидой и Осирисом в образе быка Аписа — т. е. Сераписа, составного греко-египетского божества древней Александрии. Одна из таких сцен, несомненно, является аллегорией герметической «природной», или «астральной», магии, содержащейся в «Асклепии», где Гермес Трисмегист стоит под огромной небесной сферой с большой звездой над его головой и окружен различными мудрецами, вероятно, представляющими античных философов, которые почтительно внимают ему, словно получая его наставления.[696]

Этот эпизод, в сущности, довольно комичен и имеет лишь отдаленное отношение к серьезному научному подходу, который проявляли к герметическим сочинениям Фичино, Пико делла Мирандола и другие исследователи эпохи Возрождения. Тем не менее он свидетельствует о том, насколько сильным было влияние герметизма в Италии и остальной Европе.

Тайна «Пикатрикса» и звездного народа

Хотя можно с абсолютной уверенностью утверждать, что Фичино разработал собственную систему симпатической и природной магии, основанную на изучении «Асклепия», некоторые исследователи, такие, как Фрэнсис Йейтс, также считают, что на него

оказала заметное влияние другая герметическая книга о магии под названием «Пикатрикс»,[697] обычно не упоминаемая в связи с каноном Corpus Hermeticum, хотя ее варианты циркулировали в Европе по меньшей мере с XIII века. Экземпляр «Пикатрикса» был обнаружен в личной библиотеке Пико делла Мирандола, и почти не вызывает сомнения, что Фичино и другие члены его группы были знакомы с этим трактатом или, во всяком случае, знали, где найти его.[698]

«Пикатрикс» впервые был переведен на латынь с арабского варианта, ныне утраченного. Считается, что он был составлен в Испании в XII веке, хотя некоторые ученые полагают, что первоначально он мог быть составлен в Египте в середине XI века. В арабском варианте эта книга носила название «Хайат-аль-Хаким», что означает «цель мудреца», но никто на самом деле не знает, почему итальянские ученые эпохи Возрождения назвали ее «Пикатриксом».[699]

«Пикатрикс», в числе источников которого называют 224 древних манускрипта по герметизму, астрологии, магии, каббале и алхимии, считается одним из наиболее полных существующих трактатов о симпатической магии. Существует несколько современных европейских переводов: немецкий (Хельмут Риттер, 1933), испанский (Марселино Вильегас, 1982), латинский (Дэвид Пайнгри из Брауновского университета в США, 1986) и итальянский (Дэвид Арекко и Стефано Зуффи, 1986). В 2002 году появился частичный английский перевод Хасима Аталлаха, и, по нашим сведениям, Дэвид Пайнгри тоже работает над английским переводом.[700] Пайнгри опубликовал большую статью о «Пикатриксе» в «Журнале Варбургского института» в 1981 году. В этой статье содержатся очень полезные комментарии, подкрепленные обширными цитатами из книги Фрэнсис Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция» (1964), на которой во многом основаны наши исследования. Иейтс, изучавшая немецкий и латинский варианты «Пикатрикса», пришла к выводу, что эта работа связана с герметической традицией не только потому, что в ней содержится много упоминаний о Гермесе Трисмегисте, но и потому, что она, почти несомненно, пронизана миовоззрением сабеян — арабов из Харрана (местность на юго-востоке современной Турции), которые приняли «Герметику» в качестве «собственной религии» в IX веке н. э. и также практиковали симпатическую магию «Асклепия».[701]

Сабеяне почитали лунного бога Сина и были искусными звездочетами и астрологами. Интересная теория о происхождении названия этого народа была выдвинута Селимом Хассаном, египтологом, работавшим на пирамидах Гизы в Египте в 1930-х годах.[702] Хассан предположил, что название сабеян, которое звучит по-арабски как Saba'ia, может происходить от древнеегипетского слова саба'а, что значит «звезда». Очевидно, сабеяне из Харрана совершали ежегодные паломничества к пирамидам Гизы с незапамятных времен, по меньшей мере до XI века н. э. Известно, что рядом с пирамидами они проводили астрономические наблюдения и ритуалы, которые могли быть реликтами древней звездной религии Египта. По мнению Хассана, сабеяне считали пирамиды Гизы монументами, посвященными звездам, что, вероятно, побудило их взять название сабайа, то есть «звездный народ».[703]

Однако существует другое объяснение. Когда герметические и гностические секты в Египте подвергались гонениям со стороны римской церкви, некоторые посвященные могли бежать в Харран, прихватив с собой экземпляры герметических и гностических сочинений.

Харран с его культом лунного божества (в Египте Тот-Гермес тоже был лунным божеством), астрологии и звездной магии был очевидным убежищем для герметистов и гностиков, ищущих защиты от церковных притеснений. Но каким бы ни было истинное происхождение сабеян, не вызывает сомнения, что их астральная симпатическая магия попала к арабским ученым, жившим в Испании и Окситании, и что значительная ее часть сохранилась в таких книгах, как «Пикатрикс». Подробное изучение содержания этого трактата выходит за рамки нашей книги, но достаточно будет сказать, что он служил

практическим руководством по симпатической магии, или, более конкретно, что в нем приводились подробные инструкции о том, как изготавливать талисманы и наполнять их силой из духовного и астрального мира.

Наверное, будет полезно привести наглядный пример. Представьте себе две одинаковые батарейки типа АА, которыми мы пользуемся ежедневно в бытовых электронных приборах, таких, как переносные кассетные магнитофоны, CD-плееры, световые ручки-указки, фотокамеры и т. д. Одна из этих батареек полностью заряжена, другая пуста. Заряженная батарейка может высвобождать энергию для воспроизведения музыки, включения света и т. д.; другая является инертным объектом и ничего не производит. Сходным образом любой объект можно зарядить интеллектуальной, духовной или эмоциональной энергией точно так же, как батарейку можно зарядить электрической энергией, иными словами, так можно создать талисман. Представьте себе молодого человека, который ведет свою возлюбленную в ресторан на ужин при свечах и, выждав благоприятный момент, достает коробочку с бриллиантовым кольцом и предлагает его в знак своей любви. Независимо от реакции противоположной стороны это кольцо в дальнейшем уже не просто кольцо, а талисман.

Сейчас мы пользуемся словами «эмоциональная ценность», но древний египтянин, сабеянин или, если хотите, герметический мыслитель пользовался бы словами «симпатическая ценность». У всех нас есть талисманы: кольца, браслеты, ожерелья, кристаллы, амулеты и т. д., и мы обычно очень расстраиваемся, если они теряются или оказываются украденными. Многие передовые исследователи уже давно полагают, что древнеегипетское искусство, статуи, обелиски, пирамиды и даже целые города играли роль мощных талисманов. Также принято считать, что подсознательное воздействие таких талисманов может быть многократно усилено благодаря добавлению различных чувственных стимулов помимо визуальных. Тщательно выбранная музыка, к примеру, неизменно обогащает восприятие точно так же, как духи, благовония и освещение. Мы знаем, что посетить собор с группой шумных туристов и стоять там одному, слушая хор при свете свечей и вдыхая аромат ладана, — это совсем не одно и то же. |

Следует указать, что такая «магическая» обстановка не обязательно должна быть искусственной. Природная среда часто играет роль храма в нашей жизни. Подумайте о шотландце, вернувшемся в свои родные горы после долгого отсутствия, или о бербере, возвратившемся в пустыню после городского шума и толчеи, и вы получите некоторое представление об этом. Но именно сочетание рукотворного «храма» с храмом природы может быть самым вдохновляющим и эффективным талисманом. Представьте Версальскую площадь в Париже, Тадж-Махал в Индии, Ангкор-Ват в Камбодже, представьте Париж весной, Рим летом или Вашингтон осенью и вы начнете понимать, о чем идет речь.

Все это может показаться псевдонаучными рассуждениями в свете современного эмпирического рационального и аналитического мышления, но независимо от того, что мы думаем о симпатической магии, или так называемой «священной науке», факт остается фактом: мы сложные существа, которые развивались миллионы лет под незаметным влиянием природы. Наши чувства действуют как тонко настроенные приемники, позволяющие интуитивно воспринимать окружающий мир. Такие способности вполне естественно называть природной магией, и в древности они искусно усиливались с помощью отражений многочисленных аспектов природы в символах и талисманах, обладавших четко определенным значением. Мы можем даже предположить, что древнеегипетские жрецы были подлинными мастерами этой тайной науки и что египетский храм был не столько религиозным сооружением, сколько мощным талисманом, предназначенным для воздействия на события в макрокосме. Войдите в египетский храм и вы войдете в модель вселенной, воспринимаемой внутренним зрением человека. Храм был не просто культовым местом, а средой, в которой нужно было ассимилироваться, — со своей особой атмосферой, гармоничными пропорциями, тщательно подобранными символами и об разами, магическими

текстами и священными статуями, но в [трактате «Пикатрикс» представлено нечто гораздо более амбициозное, чем идея священного храма-талисмана. Это не более и не менее, чем эзотерическое руководство по превращению огромных городов, а возможно, и всего мира, в священные талисманы…

Храм мира

В герметическом тексте, известном под названием «Асклепий», есть призыв, обращенный к будущему поколению «мудрых людей», способствовать полному восстановлению истинной мировой религии — т. е. магической религии, некогда практикуемой в священной земле Египта.[704] Этот призыв заставляет вспомнить о таинственной «Организации», о которой говорится в гностических текстах Наг Хаммади, датируемых примерно тем же периодом и даже включающих фрагмент «Асклепия». Как помнит читатель из главы 5, текст оставляет впечатление, что эта «Организация» была некой разновидностью гностического тайного общества и что ее целью тоже было восстановление «истинной религии» — в данном случае гнозиса (знания).

Давайте посмотрим на фрагменты возвышенной прозы «Асклепия», где Гермес Трисмегист скорбит и пророчествует своему любимому ученику Асклепию о грядущем неизбежном уничтожении Египта и его древней священной религии.

«Разве ты не знаешь, Асклепий, что Египет есть образ неба или, точнее, что все правящее и движущее небом спустилось в Египет и пребывало там? Поистине наша земля — это всемирный храм, однако, так как мудрецам подобает знать все заранее, ты не должен оставаться в неведении о следующем: придет время, когда покажется, что любовь египтян к божественному со всеми ее ревностными проявлениями и кропотливыми ритуалами была бесцельной. Их священный культ будет развенчан и сгинет бесследно, ибо божественное вернется с земли на небеса, и Египет будет покинут. Страна, которая была престолом благоговения, будет обездолена высшими силами и лишена их присутствия. Когда чужеземцы займут эту землю, почитание божественного придет в упадок, и более того: по так называемому закону будет запрещено чтить божественное и хранить верность высшим силам. Тогда эта благословенная земля, престол храмов и святынь, заполнится трупами и гробницами.

О Египет, Египет, о твоих благих деяниях сохранятся лишь легенды, иони будут выдумкой для твоих детей! Лишь слова, высеченные в камне; сохранятся, чтобы поведать о твоих великих трудах, и скифы, индийцы или другие варвары из соседних стран будут жить здесь, ибо божественность вернется на небо, и все люди умрут, оставленные ею, когда Египет будет покинут богом и человеком. Обращаюсь к тебе, священная река, и предсказываю твое будущее: потоки крови наполнят тебя до краев, и ты переполнишься ими, не только кровь загрязнит твои божественные воды; они разольются повсюду, и число мертвых превысит число живых. Того, кто выживет, можно будет признать египтянином только по языку; по своим поступкам и поведению он будет чужеземцем.

Асклепий, почему ты плачешь? Египет сам будет обращен к гораздо худшим деяниям и познает гораздо худшее зло. Некогда священная земля, возлюбленная небом, единственная страна на Земле, где жили боги, учившие благости и святости, станет примером чистейшего неверия. Занятые своими заботами, люди того времени не найдут в мире ничего, достойного изумления или преклонения. Люди с презрением отбросят то, что раньше считали величайшим благом. Они не будут лелеять весь этот мир — несравненное создание Творца, величественное сооружение, щедрый дар многообразия, механизм воли Божьей, безукоризненно выполняющий свою работу, объединение всего, что должны чтить, восхвалять и, наконец, любить все, кто видит его, многообразие, данное как одно целое. Они

предпочтуттень свету, и смерть для них будет более целесообразной, чем жизнь. Никто не станет смотреть на небо. Почтительных сочтут безумцами, а непочтительных назовут мудрецами; потерявшего голову назовут храбрецом, а негодяй будет считаться честным человеком. Душа и учение о ней (о том, что душа бессмертна или может достичь бессмертия) в том виде, как я раскрыл их тебе, будут считаться не просто смехотворными, но даже иллюзорными. Но поверь мне: тот, кто обратится к обожествлению разума, в конце концов понесет суровое наказание… Они установят новые законы, новое правосудие. Ничто святое, ничто, достойное неба или небесных существ, не будет услышано или принято разумом. Как скорбен тот час, когда боги удалились от человечества! Лишь злокозненные ангелы остались среди людей, сея раздоры и ввергая их во всевозможные преступления — войны, грабежи, обманы и все, что противно душе…»[705]

Этот замечательный образец ранней герметической прозы во многом предвосхищает бедствия египтян после римской оккупации Египта и, что еще интереснее, предсказывает крушение египетской религии после того, как христианство стало государственной религией Римской империи. Поскольку создание склепия» датируется не позднее чем III веком н. э., а указ христианского императора Феодосия о запрете язычества был издан лишь в 391 году, зловещие предсказания неизвестного автора этого трактата являются по меньшей мере необычными. Однако это еще не все. Далее в самых торжественных и звучных выражениях говорится о надежде на будущее:

«Но когда все это произойдет, Асклепий, тогда наш отец и господин — Бог, чья сила безгранична, источник всякого блага — сжалится над миром и в благости своей восстанет против порока и извращения во всем, исправляя зло и рассеивая его приспешников… Тогда он вернет миру былую красоту, заслуживающую преклонения и благоговения, и люди того времени непрестанными благословениями и восхвалениями будут чтить Бога, создающего и восстанавливающего*столь великий труд, и это будет возрождение мира:* исправление*его путей и* возвращение*всего самого священного и почитаемого в самой природе… «*[706]

Восстановление, исправление и возвращение к древним обычаям и красоте…

Но кто совершит это? Как., и когда?

Далее по тексту становится ясно, что план (если это можно считать планом) включает строительство или перестройку магического талисманного города по определенным, хорошо известным астрономическим и символическим принципам:

«Боги, некогда властвовавшие над Землей, однажды вернутся и построят город у крайнего предела Египта — город, который будет обращен к заходящему солнцу и куда по суше и по морю устремится вся раса смертных людей».[707]

Согласно Фрэнсис Йейтс, в этом фрагменте представлен образ волшебной утопии, древнеегипетская разновидность Камелота, созданная с помощью астральных магических манипуляций жрецами-адептами, которые, по ее словам, были «искушены в астрономии, математике, метафизике и практически во всем, что было необходимо для внесения spiritus (астральная сила) в талисманы». Все это достигается, по ее замечанию, создание «образов звезд, надписанных на нужных материалах в нужное время, в нужном состоянии ума и так далее».[708] Что касается самого магического города, Йейтс думает, что его «таким образом можно рассматривать как идеальное египетское общество до его падения и как идеальную схему его восстановления в будущем».[709]

В герметическом трактате, известном под названием Kore Kosmou, «Дева Мира»[710] — т. е. Исида, египетская богиня, супруга Осириса, — обращается к своему сыну Гору со следующим откровением:

«Земля находится в центре вселенной, распростертая на спине, словно человек, лежащий лицом к небосводу… Ее глава лежит к югу… правое плечо к северу, левое плечо к

западу, а ноги лежат под Большой Медведицей (север)… Но священная земля наших предков [т. е. Египет] расположена посредине Земли. Центром человеческого тела является святилище сердца, а сердце является обителью души. Поэтому, сын мой, люди этой земли… более умные [мудрые]. Иначе и не могло быть, ведь они родились и возросли в сердце Земли».[711]

Здесь мы имеем географическую схему, основанную на некой разновидности астральной магии, где Египет находится в самом центре мира на пересечении с главным меридианом. Интересно отметить, что в этой схеме упоминается созвездие Большой Медведицы, так как хорошо известно, что древнеегипетские храмы были сакрально ориентированы на это созвездие в ходе церемонии, известной как «растягивание шнура». Теперь можно лучше понять, почему в «Асклепии» Египет называется храмом или, более конкретно, «храмом мира». Это ли имели в виду древние, когда называли Египет «землей богов»? Был ли он в буквальном смысле священной землей, сформированной по образу и подобию космоса?

ГородАдосентин

В части IV трактата «Пикатрикс» есть подробное обращение к этой теме. Здесь Гермес Трисмегист предстает как основатель Магического солнечного города, который, как нам говорят, был задуман в соответствии с астрологическими представлениями и содержал талисманные статуи и другие магические атрибуты. По утверждению неизвестного автора «Пикатрикса», тайное знание о магическом городе Гермеса передавалось в веках халдейскими магами, которые были особенно искушенными в талисманной магии:

«Среди халдеев есть совершенные мастера этого искусства, и они подтверждают, что Гермес первым соорудил «атрибуты», посредством которых он знал, как регулировать течение Нила в соответствии с движением Луны. Этот человек также построил храм Солнца. Он знал, как скрываться от всех, чтобы никто не мог видеть ею, хотя он находился в храме. Именно он на востоке Египта построил город длиной в 12 миль, в котором возвел замок с четырьмя вратами в каждой из его четырех частей. На восточных воротах он поместил изображение орла [Гор?]; на западных воротах изображение быка [Апис?]; на южных воротах изображение льва [Сфинкс?]; а на северных воротах он поместил изображение собаки [Анубис?]. В эти изображения он вселил духов, которые говорили человеческими голосами, чтобы никто не мог войти в городские ворота без разрешения. Там он посадил деревья, посреди которых стояло огромное дерево с плодами всех поколений [бессмертие?]. На вершине замка он воздвиг башню высотой в 30 кубитов и поставил маяк, цвета которого менялись каждый день до седьмого дня, после чего возвращались к первому цвету, так что весь город освещался его сиянием. Возле города были обильные воды, где водилось много разной рыбы. По окружности города он разместил гравированные образы и упорядочил их так, что благодаря их действию жители становились добродетельными и отделенными от всякого зла и вреда. Этот город назывался Адосентин…»[712]

Комментарий от Фрэнсис Йейтс очень полезен:

«Здесь через призму яркого воображения арабов из Харрана мы видим нечто напоминающее иератическую религиозную магию, описанную в «Асклегши». Статуи египетских богов в форме зверей и птиц, одушевленные Гермесом Трисмегистом, говорят человеческими голосами и охраняют врата этой магической Утопии. Маяк на центральной башне поочередно освещает город цветами планет, а образы по окружности города, возможно, являются изображениями знаков Зодиака и деканов [созвездий], расставленные Гермесом в таком порядке, что в город попадали лишь благотворные небесные влияния. Законодатель египтян [Гермес] устанавливает законы, которые по необходимости должны выполняться, так как он принуждает жителей города к добродетели и охраняет их здоровье с

помощью могущественной манипуляции астральной магией… Можно сказать, что в этом городе Гермес Меркурий [Трисмегист] предстает в тройственной роли египетского жреца и создателя богов, мага-философа, правителя и законодателя… Благочестивый читатель этих двух «божественных» книг, написанных древним Гермесом, — «Пимандра» и «Асклепия» — несомненно, должен быть поражен этим красочным описанием города, в котором, как в «идеальной республике» Платона, правителем является мудрый философ, который правит насильственно и посредством жреческой египетской магии, такой, как описанная в «Асклегии»…»[713]

В первоначальном арабском варианте «Пикатрикса» магический город назывался не Адосентин, но Аль-Ашмунайн. Такое место действительно существует в Среднем Египте. Город стоит на берегах Нила, где есть изобилие растительности, рыбы и фауны, и в древности он действительно мог считаться подобием рая. Это был главный культовый центр Тота/Гермеса в греческую и римскую эпоху,[714] и там некогда стоял знаменитый храм, посвященный Тоту.[715] По этой причине греки называли его Гермополем, то есть городом Гермеса. По-египетски он назывался Кмун, что значит «восемь», очевидно, в честь группы из восьми богов (огдоада), существовавших до сотворения мира.[716]

Мы не можем быть уверены, что авторы «Пикатрикса» имели в виду Кмун/Гермополь/Аль-Ашмунайн, когда рисовали свое видение магического талисманного города Гермеса Трисмегиста. Проблема в том, что Адосентин, судя по его описанию, не похож ни на один реальный город Древнего Египта, где, безусловно, существовало множество «храмов Солнца», самыми знаменитыми из которых были Гелиополь на севере и Луксор-Карнак на юге. Термин агимунайн в оригинальном тексте «Пикатрикса» мог также быть искажением от Am Shams, что означает «Глаз Солнца» — название, до сих пор используемое египтянами для обозначения района Гелиополя.

Но в действительности нас не так интересует вполне возможная связь талисманного города из «Пикатрикса» с реальными священными городами Древнего Египта. С нашей точки зрения, гораздо более важное значение имеет его роль как архетипа или плана для городов, которые предстояло построить или перестроить в будущем, включая столицы Британии, Италии, Франции и США. В следующих главах мы покажем, что в каждом из этих городов значительные монументы, архитектурные сооружения, а иногда даже уличные планы целых кварталов соответствуют тайной герметической схеме.

Если мы правы, то вышли на след «Организации», которая в течение столетий вела тайное существование и осуществляла свои цели, выполняя масштабные проекты оккультного городского планирования, «скрытые» от общественного внимания. Для того чтобы понять, зачем кому-то понадобилось столь грандиозное мероприятие, мы сначала должны изучить герметическую религию, которая стоит за замыслом магического города Адосентина.

ГЛАВА 9
ДВА ФЕНИКСА

«Божественный город был построен для меня… Я знаю это и знаю его название…».

Книга Мертвых, глава 109[717]

«Я вошел в город Бога — регион, существовавший в первозданное время…»

Книга Мертвых, глава 183[718]

«Вход в город закрывает огонь… Бог создал его для тех, кто добровольно последует в его свите… Он сделал город так, что может жить там по своей воле, и никто не может войти туда, иначе как в день великих преображений…»

Книга Мертвых, глава 149[719]

Специалисты, изучающие древнюю литературу, часто утверждают, что не существует прочной генетической связи между известными религиозными текстами Древнего Египта (охватывающими период примерно от 2300 года до н. э. до начала нашей эры) и герметическими текстами, составленными в Александрии Египетской примерно от начала нашей эры до 300 года н. э. «В герметических текстах наблюдается отсутствие терминов египетской мифологии, литургии и священного знания, — объясняет Тобиас Чартон, — на самом деле мы ничего не узнаем о египетской религии за исключением самых общих мест, которые, вероятно, не станут откровением для обычного читателя туристического путеводителя по современным памятникам Древнего Египта».[720]

Научный разбор «Герметики» начался с работы Исаака Казобона (1559–1614), который на позднем этапе своей жизни успешно продемонстрировал, что ни один из входящих в нее текстов не мог быть написан древним египтянином по имени Гермес Трисмегист, в противоположность широко распространенному убеждению после их повторной находки в 1460 году. Со знанием дела проанализировав тексты, он справедливо датировал их раннехристианским периодом (I–III века н. э.) и таким образом как будто «развенчал» представление о том, что они были созданы в эпоху Моисея или еще раньше. Прошло много лет, прежде чем находки Казобона были полностью приняты, что лишило герметические тексты той ауры престижа, которой их наделяла ложная древность. Неизбежным результатом было то, что в следующие 150 лет «герметические сочинения во многом утратили свой интерес для людей и едва не были преданы забвению».[721]

Возобновление научного интереса к «Герметике» в 1960-х годах почти исключительно было связано с именем Фрэнсис Йейтс, чьи работы мы часто цитируем в этой книге. Сделав Гермеса крупной фигурой в ряду предшественников научной революции и провозвестником эпохи Возрождения, она способствовала тому, чтобы герметические сочинения снова стали «необходимым чтением для многих людей, изучающих историю ранней и современной мысли и науки».[722]

По мнению Йейтс, Казобон в своем разоблачительном трактате XVII века выплеснул вместе с водой и младенца. Тексты действительно происходили не из Древнего Египта — в этом Казобон был совершенно прав. Тем не менее «египетская иллюзия», вводившая в заблуждение ученых Академии Медичи и их преемников по всей Европе в течение почти 200 лет, придала герметическим текстам достаточную силу убеждения для того, чтобы вызвать глубокие перемены в мировоззрении людей и в их понимании человеческого предназначения.[723]

Сохранение сути

Аргумент о необходимости прагматичного изучения влияния герметических текстов независимо от дискуссии об их древности снова сделал эту тему достойной обсуждения в академических кругах, но не пролил свет на происхождение самих текстов. Нам остается поверить, что эти поразительные изощренные сочинения появились в полностью готовом виде из ниоткуда в первые три столетия нашей эры. Таким образом, нам предлагают признать, что «точное происхождение философской «Герметики» в значительной степени остается загадкой».[724]

Все специалисты сходятся в том, что должна существовать тесная связь между философами и религиозными мыслителями, составлявшими «Герметику» в Александрии в I–III веках н. э., и философами и религиозными мыслителями, составлявшими гностические тексты в Александрии именно в этот период. Дело не только в том, что определенные тексты «Герметики» (включая «Асклепия») были частью гностической библиотеки Наг

Хаммади,[725] хотя это явно указывает на сходные интересы герметических и гностических обществ этого периода. Гораздо более важное значение имеют глубокие структурные связи на уровне идей, которые могут быть выявлены между двумя собраниями текстов.

Скрупулезная работа по выявлению этих связей, а также поразительных философских и религиозных подводных течений поздней античности была проделана учеными традиционной школы, принадлежащими к так называемому «мейнстриму» (основному потоку). Однако со времен Казобона (за некоторыми видными исключениями, о которых мы поговорим в следующих главах) любая попытка повторного исследования предположительно закрытого вопроса о возможном древнеегипетском происхождении герметических текстов в научных кругах была равносильна самоубийству.

Одной из главных задач этой книги является поиск следов некоего «заговора», или тайного соглашения, основанного на герметических и гностических идеях и первоначально сформулированного около 2000 лет назад. В противоречие с общепринятыми научными взглядами мы предполагаем, что герметические тексты действительно тесно связаны с гораздо более древней египетской религией. Вероятно, они были специально составлены таким образом, чтобы сохранить ее суть, избавившись от внешнего содержания. Если воспользоваться метафорой из гностических и герметических учений о реинкарнации, замысел мог заключаться в том, чтобы перенести «душу» египетской системы в момент ее смерти под гнетом Римской империи в совершенно новое «тело», лучше приспособленное к требованиям времени.

Строительство града Божьего

В герметической литературе часто встречаются упоминания о городах.

В конце главы 8 мы привлекли особое внимание к магическому «космическому городу» Адосентину, который, согласно «Пикатриксу», был построен в далеком прошлом Гермесом Трисмегистом и благодаря его планировке обеспечивал благотворное влияние небесных сил на его жителей. Мы также указали, что сходный магический город, построенный богами, описан в тексте «Асклепия», возможно, наиболее известного из всех герметических сочинений, но там изображен не древний город, а город из пророчества, город будущего, «куда по суше и по морю устремится вся раса смертных людей».[726]

Если, как говорят ученые, не существует генетической связи между древнеегипетскими и герметическими текстами, то, наверное, можно считать совпадением, что в 183-й главе Египетской Книги Мертвых, датируемой примерно 1200 годом до н. э., содержится такой любопытный фрагмент: «Я вошел в град Бога — регион, существовавший в первозданное время; ка и дух — суть этого места. Бог его — Тот, податель пищи, к которому сходятся все земли…»[727]

Древние египтяне верили, что душа, ка, и дух — это разные элементы человеческой личности, которые сохраняются после смерти, а «Владыка истины» — это часто используемый эпитет бога мудрости Тота/Гермеса. Итак, в Книге Мертвых мы имеем град Бога (фактически город Бога, который стал Гермесом), к которому «сходятся все земли». В сущности, та же концепция появляется более 1400 лет спустя в предположительно не связанном с древнеегипетскими сочинениями тексте «Асклепия» (около 268–273 годов н. э.).

Углубляясь во время, мы встречаемся с древнеегипетскими «Текстами пирамид», древнейшими в мире священными текстами, датируемыми примерно 2300 годом до н. э. Здесь мы тоже находим упоминание о священных функциях городов, которые эхом отдаются в гораздо более поздних и предположительно не связанных с ними текстах «Герметики». Особый интерес представляет высказывание 319, из которого мы узнаем, что царь во время своего правления обязан построить град Бога: «Царь объединил небеса, царь обрел власть

над северной и южной землей, царь построил град Бога в соответствии с точными указаниями».[728]

Идея о том, что строительство города, где небо будет гармонично сочетаться с землей на благо его жителей, является священным долгом правителя, была воспринята около 4000 лет спустя великим герметическим философом Томмазо Кампанеллой. Основываясь исключительно на своих исследованиях «Герметики», Кампанелла в начале XVII века провозгласил, что он может «построить город таким чудесным образом, что, лишь глядя на него, можно будет усвоить все науки».[729] Как мы убедимся в главе 12, он также напророчил, что французский король Людовик XIV будет тем человеком, который действительно построит этот магический «Город Солнца».

Здесь стоит вспомнить слова Фрэнсис Йейтс (см. главу 8) о том, что Адосентин, магический город из «Пикатрикса», поддерживал здоровье своих обитателей через «могущественную манипуляцию астральной магией», благодаря чему их достигали лишь «благотворные небесные воздействия». Насколько это отличается от утверждения Кампанеллы, что он может создать город, жители которого могут узнать все науки, просто глядя на него? Или от этого отрывка из древнеегипетских «Текстов пирамид», где царь говорит: «Я построил тебя, о мой город; ты сделаешь для меня любое благо, какое я пожелаю; ты будешь действовать от моего лица, куда бы я ни отправился».[730]

Небо и земля

Мы предполагаем, что основные концепции, подчеркивающие общий интерес к космическому «граду Божьему» и/или «Городу Солнца», можно найти как в древнеегипетских, так и в герметических текстах. Самая важная из этих концепций является объединяющей темой для всего корпуса герметических сочинений: «То, что внизу, соответствует тому, что наверху, а то, что наверху, соответствует тому, что внизу, во исполнение чуда единства…»[731] Это цитата из «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста, которая не является частью так называемой философской «Герметики», а принадлежит к ряду «алхимических» герметических трактатов разных периодов, в основном находящихся за рамками нашей дискуссии. Однако и в алхимической и в философской «Герметике», как и в древнеегипетских текстах, мы встречаемся с последовательным употреблением характерной метафоры, где «небо», «вверху» и другие сходные термины обозначают духовное и нематериальное царство, куда устремляется душа, в то время как термины «земля» и «внизу» обозначают мир грубого вещества, в котором заключена душа. В текстах косвенно, а часто и явно, выражается идея, что совершенство принадлежит исключительно «верхнему» миру, в то время как «нижний» мир развращен и никогда не достигнет совершенства.

Давайте сначала рассмотрим несколько примеров из древнеегипетских текстов, где разными способами описывается подготовка посвященного к жизни после смерти, по представлениям религии фараонов: «Твоя душа отбывает на небо, твой труп лежит под землей… Ты поднимешься в небо… Ты вознесешься к тем, кто над землей…» (Египетская Книга Мертвых)[732]

«Ты вознесешься на небо, пересечешь его твердь и пребудешь среди звезд…» (Египетская Книга Мертвых)[733]

«Царь Осирис в песчаном смерче; земля отвращает его… Этот царь отбывает на небо…» («Тексты Пирамид»)[734]

«Восстань, удали свою землю, стряхни свою пыль! Восстань, чтобы странствовать вместе с духами, ибо крылья твои подобны крыльям сокола, и ты сияешь, как звезда…» («Тексты Пирамид»)[735]

«Сколь радостно видеть тебя, сколь ты приятен на вид! — говорит Исида. — Когда ты поднимаешься на небо, твоя сила вокруг тебя, твоя магия у твоих ног… Двери неба открыты для тебя, звездная твердь распахнута перед тобой…» («Тексты Пирамид»)[736]

Особенно ясным примером того, что мы можем назвать древнеегипетским «дуализмом духа и вещества», служат «Тексты саркофагов» (около 1900 года до н. э.):

«Царь чист на этой великой смертной равнине; царь избавился от своего зла; царь отрекся от своих неправедных дел; царь бросил на землю нечистое, что было на его плоти…»[737]

Этот фрагмент содержит уже знакомые эквиваленты (вещество = зло, дух = добро), с которыми мы неоднократно встречались в части I этой книги у гностиков в раннехристианскую эпоху и их преемников, богомилов и катаров. Однако он был составлен за 2000 лет до любого из сохранившихся гностических текстов и за 3000 лет до возникновения феномена катаризма в Западной Европе в XII веке н. э.

На наш взгляд, не случайно, что герметические тексты изобилуют такими же идеями. Для примера будет достаточно» привести несколько цитат: «Зло, как я говорил тебе раньше, должно обитать здесь, на земле, где находится его дом; ибо земля является обителью зла».[738] («Либеллий», IX)

«Случилось так, что дурные свойства, изначально присущие веществу, запечатлелись в человеческом теле».[739] *(«Асклепий», III)*

«Душа ребенка… все еще почти не отделена от души Космоса, но когда тело увеличивает свои размеры и привлекает душу в свою материальную массу, оно порождает забвение; так душа отделяется от доброго и прекрасного и больше не имеет в нем доли; через это забвение душа становится злом».[740] *(«Либеллий», X)*

«Я вижу, что милостью Божьей во мне существует форма, которая не состоит из вещества, и что я могу выйти за свои пределы и войти в бессмертное тело».[741] *(«Либеллий», XIII)*

«Теперь, когда ты убрал земную скинию, ты очистился».[742] *(«Либеллий», XIII)*

Хотя последняя цитата взята из «Герметики», она вполне может подытожить состояние катарского perfectus, принимающего consolamentum, который после этого разрывает все связи с материальным миром. Между тем в «Текстах пирамид» формула «удали свою землю, стряхни свою пыль»[743] использовалась сходным образом в точно таких же целях.

Разделенная культура

Ученые не обсуждают существование наследственной связи между гностическими и герметическими верованиями, хотя и признают существование такой связи. Однако, как мы могли убедиться, представление о тесной связи между герметизмом и древнеегипетской религией считается совершенно неприемлемым. Поэтому интересно отметить, что все три системы полностью согласуются в своем отношении к фундаментальному вопросу о существовании человека как двойственного, или «дуалистического», существа, состоящего из духа и вещества.

Представления гностиков, богомилов и катаров по этому предмету были подробно проанализированы в первой части книги. Читатель помнит яркую картину, нарисованную в их мифах и учениях о духах падших ангелов, захваченных в «чуждом» материальном мире и попавших в физические тела мужчин и женщин. В этом контексте человек рассматривается как существо низшего порядка, созданное «из грязи», но парадоксальным образом наделенное божественной и бессмертной искрой. Это большей частью «земное» существо содержит в себе «небесную» частицу.

Не на это ли перманентное состояние двойственности намекали составители Книги Мертвых в своей загадочной формуле в главе 156, которая гласит: «Одна его рука протянута к небу, другая к земле»?[744] Герметические философы определенно имели это в виду, когда писали:

«Человек в отличие от всех других живых существ на Земле обладает двоякой природой. Он смертен из-за своего физического тела, но бессмертен из-за вечной субстанции… Он возвышен над структурой небес… однако находится под властью плотского желания и забвения».[745]

В герметическом тексте, который носит его имя, ученик Асклепий спрашивает Гермеса о таком положении дел: «Но почему, Гермес, человек должен был оказаться в материальном мире? Почему он не обретается вместе с Богом в совершенном счастье и гармонии?»[746] В ответ Гермес объясняет, что Бог сначала создал человека как «бестелесное и вечное существо», имея в виду духовного человека, бессмертную душу и «божественную искру», однако затем:

«… осознав, что человек, которого он создал, не сможет заботиться о всех земных вещах, если не будет заключен в материальную оболочку, Бог дал ему телесное убежище и устроил так, чтобы все люди имели сходные тела».[747]

Хотя мы видим, что в этом месте герметический текст резко расходится с гностическими/катарскими рукописями (где человеческая душа создана Богом Добра, а человеческое тело создано Богом Зла), общий сценарий бестелесных душ, заключенных в телесные оболочки, остается почти идентичным в обеих религиях. Следует, однако, признать одно глубокое различие, связанное с их отношением к веществу: в то время как гностики и катары проповедовали презрение к материальному миру, герметисты пришли к гораздо более позитивному выводу о сотворении мира и о месте человека в общей схеме вещей:

«Так он [Бог] изготовил человека из субстанции разума и субстанции тела — из вечного и смертного, — смешав и скрепив воедино части отдельных субстанций таким образом, чтобы получившееся существо могло удовлетворить требованиям обоих источников своего бытия, то есть почитать и обожествлять небесное и в то же время заботиться о земных вещах и распоряжаться ими».[748]

Знание, разум, рассудок…

Далее текст «Асклепия» снова сближается с гностическими идеями, когда нам напоминают, что окончательная цель человеческой души заключается в прекращении ее пребывания на земле и возвращении на небо, где находится ее источник:

«Господь увидел, что из всех живых существ только люди имеют нужду в знании и рассудке, благодаря чему они могут изгонять порочные страсти, обитающие в их телах. По этой причине он наделил их даром разумаи в то же время… оставил им надежду на бессмертие и дал им силу стремиться к нему».[749]

Согласно гностической религии, возвращение в небесное царство не может быть достигнуто слепой верой. К нему нужно стремиться через гнозис, или «откровенное знание о природе вещей». В герметической религии мы видим такое же стремление к знанию, которое теперь сочетается с «даром разума». Автор «Асклепия» доходит до утверждения, что «божественная часть» человека состоит из «разума, интеллекта, духа и рассудка», и утверждает, что благодаря этим «высшим элементам» человек способен подняться на небо».[750]

Возвращение на небеса, как прямо говорится в «Пимандре», является «окончательной целью для тех, кто получил гнозис».[751] В одном из «дискурсов Гермеса» даже предлагается

полезное определение разновидности знания, связанной с гнозисом: «Ему нельзя научить словесно, и его нельзя усвоить на слух… знание бестелесно; органом, которым оно пользуется, является разум, противоположный телу».[752]

Индивидуальный поиск гнозиса в герметической и гностической традиции подразумевал избавление от материального мира и его иллюзий. Читатель должен помнить об аскетизме гностических философов из Александрии и их преемников — богомилов и катарских perfecti. Авторы герметических текстов одобрили бы такое поведение. «Если человек понимает замысел Божий, он будет презирать все материальные вещи», — говорится в «Асклепии».[753]

С другой стороны, те, кто упорствует в своем невежестве, оказываются подвержены всем грехам и порокам материального мира:

«Зло укрепляется и бичует душу, оставляя незаживающие раны; пораженная и развращенная этим ядом душа, так сказать, покрывается опухолями, за исключением тех душ, которые находят силы исцелиться с помощью благого знания и разума».[754]

Постоянный акцент на роли знания и разума в борьбе души за достижение бессмертия имеет четкие более ранние аналогии в древнеегипетских заупокойных текстах. Здесь мы встречаемся с бородатым богом по имени Сиа, который прислуживает Ра в солнечной ладье. Особым качеством Сиа является олицетворение разума,[755] поэтому интересно отметить его роль в обеспечении безопасности и сопровождении души покойного через нижний мир. К примеру, во фрагменте № 237 из «Текстов саркофагов» покойный отправляется в загробное путешествие с уверенностью и утверждает: «Я знаю то, что знает Сиа, и путь открыт для меня…»[756] Ранее, во фрагменте № 38 мы читаем: «Я видел сундук Сиа и знаю, что находится в нем…»[757] Еще одна метафора, указывающая на важное значение разума, встречается во фрагменте № 689, который гласит: «Этот царь проглотил Сиа, он съел волшебство у волшебника».[758] В «Книге того, что есть в мире Дуат» Сиа сопровождает покойного через нижний мир и открывает перед ним врата огня, которые в противном случае остались бы закрытыми для него.[759]

Звезды и ангелы, падающие на землю

В древнеегипетской религии загробное путешествие через нижний мир Дуат было возможностью для «совершенного духа» (т. е. того, кто приобрел необходимое знание во время своего воплощения на Земле) навеки избавиться от плотских уз, подняться в духовное царство и в метафорическом смысле стать звездой в небесах. О посвященных гностиках времен раннего христианства и катарах нам известно, что желанное «вознесение на небеса» фактически рассматривалось как повторное вознесение ангельской души в небесное царство, откуда она пала на землю в давние времена.

В третьей главе содержалось яркое описание ангелов, «падавших на землю как дождь» через дыру в небесах; они поддались на искушение Сатаны, который заключил их в человеческие тела и установил цикл перевоплощений. В древнеегипетских текстах есть поразительные фрагменты, которые кажутся нам выражением, по сути дела, той же идеи, которые снова указывают на таинственную связь между религией Древнего Египта и герметической и гностической традициями. К примеру, в главе 99 Книги Мертвых мы читаем: «Эта земля злотворна, и звезды, вышедшие из равновесия, пали на нее своими лицами и не нашли ничего, что помогло бы им снова вознестись на небо…»[760]

В древнеегипетских текстах звезда часто используется как метафора просветленной и «совершенной» души. Мы почти не видим смысловых различий между этим образом павших звезд, не способных вернуться на небо, и гностическим образом павших ангелов, не способных вернуться в свою небесную обитель. Разумеется, самыми чистыми и духовными ангелами в гностической/катарской традиции были те, кто сумели противостоять искушению

и вообще не упали на землю. То же самое мы встречаем в древнеегипетских «Текстах пирамид», составленных в 2300 году до н. э.: «Царь — одно из тех существ… которые никогда не падали на землю с неба…»[761]

Копия вечности

В центре этой символики — древнеегипетской, гностической, герметической — находится глубокий раскол между духом и веществом, небом и землей. Все три религии говорят о потребности в особом знании, или гнозисе, как способе спасения для душ, заключенных «внизу». У катаров спасительное знание приобреталось через аскетизм, прилежные исследования и ритуал инициации, известный под названием consolamentum. У герметистов и древних египтян существовал любопытный интерес к городам, построенным «по образу и подобию небосвода». В герметических текстах подразумевается, что воспроизведение или «копирование» небесного совершенства на земле приводит к несказанным благам для жителей таких городов, ограждает их от пороков и делает «мудрыми и здоровыми».[762]

В «Пимандре», первой книге герметического корпуса, мы даже находим идею воспроизведения небесного в земном в описании процесса сотворения мира. Нас приводят к пониманию того, что существует «архетип», воспринимаемый только разумом, а не органами чувств, «безграничный и присущий началу вещей». Материальный мир «сотворен божественным намерением, которое содержит совершенный мир [т. е. архетип] и копирует его».[763]

В «Асклепии» тоже говорится об архетипическом Космосе, не доступном для органов чувств, который тем не менее влияет на «ощутимый Космос», населенный материальными существами: «Если рассматривать целое, ты узнаешь, что на самом деле ощутимый Космос со всеми вещами, которые в нем содержатся, подобен одеянию этого высшего Космоса».[764] Немного дальше в тексте говорится:

«… остается неподвижным, и вечность всегда неизменна. Она содержит в себе Космос, не имеющий начала, — тот самый Космос, который мы по праву называем «недоступным для чувств». Ощутимый Космос [т. е. материальная вселенная, которую мы видим вокруг нас] сделан по образу и подобию этого другого Космоса и копирует вечность».[765]

В «Беседах Гермеса и Тота» мы больше узнаем о механизме процесса «копирования»: «Силы действуют не снизу вверх, а сверху вниз. Тому, что на небесах, нет пользы от земных вещей, но земные вещи получают всю пользу от небесных».[766]

В прекрасном и таинственном трактате Kore Kosmou эта идея разъясняется более подробно:

«Весь мир, который находится внизу, был обустроен и наполнен содержанием от вещей, которые находятся вверху, ибо нижний мир не имеет силы упорядочивать высший мир. Более слабое должно уступать сильнейшему, а устройство вещей наверху сильнее, чем устройство вещей внизу».[767]

Герметические ландшафты

Теперь мы можем лучше понять одну из центральных герметических идей:

«Разве ты не знаешь, Асклепий, что Египет является образом небосвода? Или, точнее, что все управляемое и движимое на небесах спустилось в Египет и было перенесено туда? Поистине наша земля является храмом всего мира…»[768]

Если Египет является «образом небосвода», а потому и «храмом всего мира», то легко понять, как люди, верившие в это, могли захотеть построить храмы, которые в меньшем масштабе были бы «образами небосвода». Такая же логика применялась для сооружения и строительства великих монументов и, разумеется, для планирования и строительства (или перестройки) городов. Иными словами, если мы знаем, что человек является посвященным в герметические таинства, то можем предсказать, что он интересуется храмами, монументами и городами, которые некоторым образом «копируют» небосвод. Если этот человек оказывается правителем или занимает видный пост, позволяющий принимать решение в области строительства, то мы можем ожидать, что этот интерес будет претворен в действие.

Подразумевается, что земная «копия» всегда будет занимать низшее положение по отношению к небесному архетипу, по образцу которого она выполнена, так как «на земле нет ничего хорошего, а на небе нет ничего дурного» и «на небе нет ничего подневольного, а на земле нет ничего свободного».[769] Тем не менее по логике герметических текстов лучше копировать совершенство неба на земле, какими бы жалкими ни были результаты, чем вообще ничего не делать. В «Беседах Гермеса и Тота» мы читаем:

«Все земные вещи… нереальны, но некоторые из них — не все, а лишь немногие — являются копиями реальности… Когда облик низшего вытекает из высшего, он становится имитацией реальности, но помимо действия высшей силы он остается иллюзией, как нарисованный портрет представляет нам облик тела человека, которого мы видим, но не само человеческое тело».[770]

Отсюда совершенно очевидно, что правитель, движимый идеями герметизма, предпочтет расположить свои монументы, храмы и города таким образом, чтобы «высшая сила» смогла найти в них проявление. Из текстов явствует, что такие постройки должны быть «имитацией реальности», «образом небосвода» или «копией вечности»…

Красота архетипа

Гностическая религия богомилов и катаров, существовавшая в Европе с X по XIV век, исповедовала дуализм духа и вещества. Как можно ожидать, в этих двух тесно связанных системах так же использовались метафоры «неба» и «земли», понимаемые в герметическом и древнеегипетском смысле. В главе 3 мы привели несколько примеров из богомильского и катарского вероучения, включая тезис о том, что ряд их священных книг был «написан на небесах и принесен на землю», и нижеследующую классическую доктрину герметизма: «Ибо то, что на земле, есть также и на небе, поскольку земля содержит образы небесного свода».[771]

Снова и снова мы находим поразительные прецеденты в заупокойных текстах Древнего Египта. К примеру, существует ряд обращений к посвященным с призывом изготавливать на земле копии области небосвода под названием Дуат, включающей созвездие Ориона (который ассоциируется с богом Осирисом) и звезду Сириус (которая ассоциируется с богиней Исидой).[772] Считалось, что в этом регионе небосвода находится древнеегипетский нижний мир, куда отправляются души после смерти и где они предстают перед судом. Поэтому считалось крайне важным заблаговременно иметь знания о нижнем мире и об испытаниях, ожидавших душу. Из «Книги того, что есть в мире Дуат» (ок 1400 г. до н. э.) мы узнаем, что одним из способов приобретения этого гнозиса было строительство наземных копий «скрытого круга Дуат в теле Нут [небосвода]»:[773]

«Тот, кто сделает точную копию этих форм и познает ее, будет духом, который снабжен всем необходимым на небе и на земле, неизменно, регулярно и вечно».[774]

«Тот, кто сделает копию и познает ее на земле, получит магическую защиту на небе и на земле, неизменно, регулярно и вечно».[775]

Для текста, который предположительно не имеет аналогии с более поздними литературными памятниками, довольно странно, что в «Книге того, что есть в мире Дуат» проводится такое же различие, как и в «Герметике», — то есть различие между небесным архетипом, доступным лишь для разума, и земной копией, доступной для органов чувств. В обеих традициях существовали группы посвященных, обученных «видеть», то есть приобретать гнозис:

«Тайное воплощение Дуат неизвестно мужчинам и женщинам».[776]

«Тот, кто сделает копию воплощения Дуат, который нельзя увидеть*, и постигнет эти тайные образы, будет подобен духу, снабженному всем необходимым для путешествия…»«*[777] *(курсив наш).*

Стать «духом, снабженным всем необходимым для путешествия», разумеется, было целью всей древнеегипетской религиозной системы в том смысле, что она стремилась наделить посвященных духовным бессмертием и освободить их от уз вещества. Но в этих исканиях душу могла постигнуть неудача, и тогда ее ожидало полное уничтожение. Последовательные и неоднократные злодеяния губительно отражались на душе преступника. Самонадеянное невежество, презираемое герметическими философами, также считалось крайне опасным для бессмертия души: «Тот, кто не имеет знания о целом или о части тайного воплощения Дуат, будет обречен на гибель».[778]

Мы снова подчеркиваем, что Дуат для древних египтян был регионом звездного неба и что души, устремленные к бессмертию, были в большей или меньшей степени обязаны приобретать знание о нем. Едва ли можно назвать случайностью то обстоятельство, что почти идентичный сценарий мы находим в герметических текстах, где после длительных рассуждений о звездах и небосводе вдруг говорится:

«Тот, кто потрудился получить знание о подобных вещах, может сформировать точное понимание божества… Но, сын мой, для человека, который все еще находится в физическом теле, невозможно достигнуть счастья. Человек должен приучать свою душу в этой жизни, чтобы, когда она вступит в иной мир, где ей дозволено видеть Бога, она не сбилась бы с пути, который ведет к нему, но люди, которые любят свое тело, никогда не увидят образа Доброго и Прекрасного. Как великолепна, сын мой, та красота, у которой нет ни формы, ни цвета!»[779]

Иными словами, речь идет о красоте архетипа, не доступной для непосвященных мужчин и женщин, поскольку она воспринимается лишь разумом, а не органами чувств.

Преображение мира

Постоянный акцент на знании, рассудке и использовании разума для «обучения души», характерный для герметических текстов, также послужил источником их огромного влияния на науку и научное мышление после их повторного открытия в середине XV века. Пропагандируя индивидуальный поиск знания и озарение, они оказались таким же мощным антидотом для церковных догм в эпоху Возрождения и Просвещения, как гностическое учение катаров в Средние века. С нашей точки зрения, это было не случайностью, но почти неизбежным следствием тесной связи этих школ мысли.

В главе 2 мы предположили, что катарская революция религиозных и философских идей, музыки и поэзии, культуры и общественного порядка могла бы преобразить мир, если бы церковь не сокрушила ее в XIII веке. На Балканах разрозненные общины богомилов сохранялись вплоть до XV века, однако в рамках этой книги мы принимаем обобщение,

согласно которому неразрывная цепь гностической ереси, восходящая к расцвету христианской эры, была прервана со смертью на костре последнего катарского приверженца, Уильяма Белибаста, в 1321 году.

Поэтому нам кажется весьма примечательным, что другое воплощение, по сути дела, тех же идей проникло за ворота западной культуры примерно 120 лет спустя. Мы имеем в виду герметические тексты, появившиеся после тысячелетия глухого молчания, и их передачу в Академию Медичи во Флоренции в 1460 году.

Либо случайно, либо по какому-то тайному замыслу они появились именно там, где начала возрождаться древняя религия «спасения через знание», которую церковь считала недавно уничтоженной, однако в этом новом воплощении она носила «древнеегипетскую», а не «христианскую» маску. Возможно, именно по этой причине ей удалось выйти на более позитивный маршрут к преображению мира, чем когда-либо мог достигнуть гностицизм с его ненавистью ко всем мирским проявлениям.

Герметисты разделяли гностическую точку зрения, что зло изначально присуще веществу и таким образом — через физическое тело — всему человечеству. Однако такое признание не склонило их к настроениям безнадежности, нигилизма и самоубийства, которое, по мнению отдельных исследователей, могло завести катарский дуализм на очень темный путь. С другой стороны, герметисты принимали человека таким, какой он есть; они стремились к преображению через возвышение духовного элемента человеческой личности и возлагали ответственность за это непосредственно на человека и его совесть:

«В своих размышлениях о вещах божественных человек не должен осуждать и презирать присущую ему смертную часть, так как было суждено, что он должен заботиться об этом нижнем мире и хранить его».[780]

«Забота и сохранение нижнего мира» в герметическом сценарии являются не унизительным заключением в темнице вещества, а священным долгом и жизненно важной ролью в космической схеме вещей, которая может быть исполнена только человеком. Тексты красноречиво говорят сами за себя:

«Человек отчасти божественен и отчасти смертен. Он не должен считаться низшим существом, поскольку отчасти смертен; скорее, смертное состояние возвышает его в том смысле, что он сообразен и приспособлен для предназначенной ему цели. Ибо, поскольку он не смог бы осуществить обе свои функции, если бы не был создан из обоих видов субстанции, он имеет возможность заботиться о земле и служить Божеству».[781]

«Итак, человек — это чудо, Асклепий; честь и хвала такому существу!.. Сильный сознанием своей божественной части, он презирает человеческую часть собственной природы… Он поднимает благоговейный взор к небесам и заботится о земле внизу… Ему доступно все: он опускается в глубины моря силой своей мысли, и небеса не высоки для него, ибо он измеряет их своей мудростью, как если бы они были в пределах его досягаемости».[782]

«Человеку дана в удел та часть вселенной, которая состоит из земли и воды, и эта земная часть вселенной сохраняется в порядке благодаря знаниям человека и применению искусств и наук. Бог пожелал, чтобы вселенная не была полной, пока человек не выполнит свою роль».[783]

«Если человек принимает на себя всю полноту своего предназначения и сознает свою особую задачу, он становится орудием порядка для Космоса, а Космос становится орудием для него».[784]

Несмотря на мнение ученых об отсутствии четкой связи между «Герметикой» и религией Древнего Египта, фараоны тоже верили, что их предназначение и предназначение их божественной земли заключается в правильном взаимодействии с небом и служении силам космического порядка (Маат).[785] В сущности, фараон был герметическим царем, и, по

нашему предположению, одним из способов выполнения его обязанности по сохранению космического порядка вещей было строительство храма или даже города «по образу и подобию небосвода». Мы показали, что он имел полномочия на такой образ действий в соответствии с текстом «Книги того, что есть в мире Дуат», составленной в XIV веке до н. э. Сходным образом в загадочных «Текстах Строителей», начертанных на стенах храма Эдфу в Верхнем Египте в III веке до н. э., нижеследующие слова вложены в уста самого Тота/Гермеса:

«Я сделаю так, чтобы его [т. е. храма] длина была соразмерной, а ширина точной, чтобы все его измерения соответствовали норме, все его святилища находились в тех местах, где им следует быть, и все его залы напоминали небосвод».[786]

Посвященный Гору, сыну Исиды и Осириса, храм Эдфу строился в несколько этапов в период с 246 по 51 год до н. э. фараонами греко-египетской династии Птолемеев на месте, которое считалось священным еще в III тысячелетии до н. э. Хотя нет ни каких сомнений, что Птолемеи очень серьезно относились к древнеегипетской религии, они были здесь пришельцами и правили Египтом лишь с конца IV века до н. э. после завоеваний Александра Македонского.

Перед своей безвременной кончиной в 323 году до н. э. Александр основал на Средиземноморском побережье Египта великий город, который впоследствии носил его имя — Александрия. Именно там через несколько столетий христианский гностицизм и его языческий близнец — герметизм — возникли, словно Феникс, из пепла древнеегипетской религии и начали свое тайное странствие в современную эпоху.

ГЛАВА 10
ГОРОД ЦАРЯ-БОГА

«Город все равно последует за тобой…»

Константин Кафави, александрийский поэт [1863–1933], «Город», 1930

«О,Александрия, столица памяти!»

Лоуренс Даррелл, «Александрийский квартет: Клио», 1989

«Когда Александр был жив, он основал город; когда он умер, то дал начало всемирной метрополии…»

Франсуа де Полиньяк, «L'Hombre d'Alexandre»

Осенью 332 года до н. э. Александр Македонский триумфально вступил в Египет во главе своей армии после победы над персами в битве при Иссе в Сирии. Египтяне около 200 лет находились под ненавистным персидским владычеством, и теперь Александр провозгласил себя их освободителем. Он вступил в долину Нила в районе Мемфиса и был сразу же провозглашен фараоном и законным наследником фараонов — божественных солнечных царей, правивших этой древней страной с незапамятных времен.

Поведение Александра в этот период многое говорит о его умонастроении. Его первым приказом в качестве фараона было полное восстановление знаменитых двойных храмов в Карнаке/Луксоре в Верхнем Египте (примерно в 500 милях к югу от Мемфиса), которые при персах были разорены и пришли в упадок. Почему Александр придавал этому делу столь важное значение? Ответ следует искать в странных обстоятельствах его рождения в 356 году до н. э.

Олимпиада, мать Александра, была дочерью царя Эпира (в наши дни часть северо-западной Греции) и высшей жрицей храма-оракула Зевса/Амона в Додоне, расположенном к юго-западу от современного города Янина. Этот оракул был одним из наиболее почитаемых в Древнем мире, а история его основания связана с храмом Амона в Карнаке/Луксоре в Египте.

Он также считался «близнецом» храма-оракула в египетском оазисе Сива, который тоже был посвящен Зевсу/Амону. Знаток эллинистической эпохи Джоан Уинн-Томас дает краткий обзор этих связей:

«В течение IV века до н. э. в Афинах существовали публичные жертвоприношения в честь Зевса/Амона, чей культ первоначально находился в оазисе Сива в Египте. Этот культ, разумеется, был греко-египетским, так как Амон, или египетский Амон-Ра, считался всемогущим богом египетского пантеона, которого греки приравнивали к собственному верховному богу Зевсу».[787]

Любая попытка подробного исследования, как и почему египетский солнечный культ Амона попал в континентальную Грецию, находится за рамками этой книги, однако у нас есть легендарная предыстория, оставленная древнегреческим историком Геродотом, посетившим Египет около 450 года до н. э., примерно за 100 лет до рождения Александра Македонского. Вот что он пишет:

«О прорицалищах в Элладе и о ливийском оракуле рассказывают в Египте вот что. Жрецы Зевса в Фивах [жрецы Амона-Ра в Карнаке/Луксоре] рассказывали мне, что две женщины, жрицы из Фив, были увезены финикиянами и одна из них, как узнали, была продана в Ливию [оазис Сива], а другая — в Элладу. Эти-то женщины и положили основание первым оракулам у упомянутых народов. На мой вопрос, откуда у них такие точные сведения, жрецы отвечали, что они тщательно разыскивали этих женщин, но, правда, безуспешно, а впоследствии узнали то, что и рассказали мне. Так мне передавали фиванские жрецы. А жрицы в Додоне сообщили вот что. Две черные голубки однажды улетели из египетских Фив [район Карнака/Луксора], одна — в Ливию [Сива], а другая — к ним в Додону. Сев на дуб, голубка человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Додонцы приняли это как волю божества и исполнили ее. Голубка же, прилетевшая в Ливию, как говорят, приказала основать там прорицалище Амона, и это также оракул Зевса. Это мне рассказывали додонские жрицы».[788]

Согласно Геродоту, египтяне также изобрели, а впоследствии научили греков пользоваться «церемониальными сборищами, процессиями и литургиями». Он даже говорил, что греки создали своих богов по образцу египетских.

Додона, Олимпиада, Египет и персы

В наши дни и египтологи, и специалисты по эллинистическому периоду с пренебрежением относятся к подобным взглядам. Несмотря на хорошо известную склонность греков «отождествлять» своих богов с конкретными древнеегипетскими божествами — например, Зевс/Амон или Гермес Дот, — в академических кругах бытует мнение, что эти два пантеона не имеют структурных связей. Однако представляется несомненным, что культ Амона-Ра проник в Грецию по меньшей мере в V веке до н. э., а возможно, гораздо раньше, и был каким-то образом связан с храмовым оракулом в Додоне.

Сама Додона расположена в живописном луговом и гористом регионе Эпира, примыкающем к древнему царству Македония, где родился Александр Великий. Никто в действительности не знает, когда и почему это место стало считаться священным, но, согласно общему мнению:

«… первоначальное святилище оракула, возможно, существовало еще до 2000 года до н. э. и было посвящено «Земле-матери», или богине Земли. Этот культ Южной Греции, как и культ Зевса, возник на Востоке. Археологические находки, датируемые ранним бронзовым

веком (примерно 2500 г. до н. э.), находятся в музее Янины. Самое раннее литературное упоминание о святилище встречается в «Илиаде» Гомера…»[789]

Жрецы Додоны были известны как Helli, или Selli\ они толковали заявления и пророчества, сделанные оракулом, прислушиваясь к шороху листьев в дубовой роще внутри святилища. Легенда гласит, что из древесины этого священного дуба был изготовлен нос корабля Ясона, возглавившего плавание аргонавтов (отсюда пошла вера в то, что носовая фигура корабля обладает даром речи и пророчества).

Особое почтение к храмовому оракулу Додоны испытывал Филипп II Македонский, отец Александра, неоднократно обращавшийся к нему за советом, но связь Филиппа с оракулом стала гораздо более тесной, когда он женился на Олимпиаде. Последняя, как мы уже упоминали, была жрицей в храме в Додоне и ревностной почитательницей египетского бога Амона.

Филипп встретил Олимпиаду, когда ему было 26 лет, а ей 16. Эта судьбоносная встреча произошла на острове Самофракия у Фракийского побережья Греции. Филипп и Олимпиада независимо друг от друга прибыли на остров, чтобы принять участие в религиозном празднестве Cabeiri — любопытной мистерии, где, согласно различным мифам, происходили бурные ритуалы плодородия и сексуальные оргии. Во время одного из этих событий Филипп и Олимпиада влюбились друг в друга; так образовался могущественный союз, которому предстояло изменить ход мировой истории.

Обладавшая глубокой мистической натурой, юная и прекрасная Олимпиада была одержима идеей, что ей предназначено родить божественного ребенка, подобного богу Дионису — в греческой мифологии это был красивый и героический сын Зевса, родившийся из утробы смертной женщины Семелы. Дионис буквально означает «сын бога», а Олимпиада, безусловно, была знакома с трудами греческого историка Геродота, который за сто лет до нее отождествил Диониса с египетским богом Осирисом.[790]

В 357 году до н. э., когда Олимпиада стала женой Филиппа II, Египет находился под властью персов, злейших врагов греков и македонян. В 525 году до н. э. Камбиз, сын легендарного Кира I, захватил Египет и таким образом расширил свою уже огромную империю. Его преемник Дарий I утвердил персидское владычество в долине Нила, подавив крупный египетский мятеж. Потом он повел свою армию на север через Средиземноморье и занял Фракию и Македонию, но потерпел поражение в битве при Марафоне в 490 году до н. э. Через десять лет персидский царь Ксеркс вторгся в Грецию и разрушил Афины, но в конце концов он тоже был разбит в 479 году до н. э.

Хотя Дарий и Ксеркс потерпели неудачу в Греции, страх перед новым персидским вторжением был очень реальным. Соседние страны тоже находились под ударом. В 356 году до н. э., когда родился Александр, Египет освободился от персидского владычества, но снова подвергся нападению и был оккупирован в 350 г. до н. э. Униженный и оскорбленный, Египет испытывал тяжкие страдания под властью нового персидского «царя царей» Артаксеркса III, который был жестоким и безжалостным угнетателем, как и его порочный сын Аре. Их правление было настолько ненавистным, что, в конце концов, они были отравлены одним из их евнухов по имени Богоас, который предложил трон «царя царей» Дарию III. Богоас получил достойную «награду»: его заставили принять яд собственного изготовления.

Нектанеб, Осирис и родословная Александра

На короткое время египтянам удалось снова вытеснить персов, и последним фараоном коренного происхождения, правившим в Египте, стал Нектанеб (Нехтнебеф) II, узурпировавший трон у своего брата Теоса в 358 году до н. э. — за два года до рождения Александра. О Нектанебе II существует история, которую стоит пересказать, хотя она, почти

безусловно, является вымыслом, связанным со странными обстоятельствами рождения Александра, но сначала нам нужно поместить Нектанеба II в правильный исторический контекст.

После первых успехов в борьбе с персами народ провозгласил Нектанеба II великим героем и освободителем. Почитаемый за свои военные подвиги и за преданность верховному богу Амону (чьим «сыном» он себя объявил), он также имел славу могущественного чародея, что в Древнем Египте воспринималось очень серьезно.[791] Как и Александр Македонский впоследствии, Нектанеб отметил свою коронацию распоряжением о начале широкомасштабной программы реставрации многочисленных святилищ Амона, разрушенных или оскверненных персами. Он уделил особое внимание восстановлению храмового комплекса в Карнаке/Луксоре. Отец Нектанеба в свое время построил часть величественной Аллеи Сфинксов (один из сегментов которой сохранился до наших дней), соединявшей Карнак с Луксором. Нектанеб также реставрировал существующие храмы Амона в оазисе Сивы и построил там великолепный новый храм, остатки которого до сих пор стоят в районе Умм-Убейда, где находится современный оазис.[792]

Мы можем представить, что связь Нектанеба II с храмовым оракулом Амона в Сиве произвела впечатление на молодую Олимпиаду, которая, как мы помним, мечтала родить «сына Амона». Можно ли предположить, что идея забеременеть от фараона, в чьих жилах текла кровь бога Амона и который имел тесные связи с оракулами в Сиве и Луксоре, было одной из безумных фантазий очень впечатлительной и молодой царицы? В этом отношении странные истории, рассказываемые некоторыми биографами Александра, могут содержать в себе зерно истины. Согласно одной из них (у псевдо-Каллисфена), Нектанеб бежал из Египта после персидского вторжения, лишившего его трона, и добрался в Македонию через Грецию. Там он был принят при дворе Филиппа II, которому он представился магом и астрологом. Однако по ночам изгнанный фараон превращался в огромного змея, символ Амона, и в этом облике соблазнил Олимпиаду, которая забеременела от него.[793]

Другую легенду, на этот раз связывавшую царскую родословную Александра Великого с египетским богом Осирисом, поведал греческий хронист Диодор Сицилийский, живший в I веке до н. э. В первой книге его знаменитой «Исторической библиотеки» Диодор повествует о мистическом происхождении неэллинистических и эллинистических народов Греции до разруше ния\Трои. Именно в этой книге содержится история Македона, таинственного «сына» Осириса.[794]

Согласно Диодору, Осирис покинул Египет со своим братом Аполлоном, взяв на себя миссию учить людей выращивать виноград, а также сеять пшеницу и ячмень:

«Два сына Осириса, Анубис и Македон… отправились вместе с ним… Осирис также взял Пана (египетский Мин) в этот поход».

«[После посещения стран Африки и Азии] Осирис… попал в Европу через Геллеспонт. Во Фракии он убил Ликурга, царя-варвара, противостоявшего его планам… Потом он оставил своего сына Македона править Македонией, которая была названа в его честь…»

Диодор не называет своих источников. Принято считать, что в части «Исторической библиотеки», повествующей об истории Греции, он опирался на труды более ранних авторов, таких, как Эфор и Иероним Кардийский. Судя по косвенным свидетельствам, при отборе египетского материала Диодор полагался главным образом на Гекатея из Абдеры.

Гекатей (365–270 гг. до н. э.) жил в Александрии — городе — прототипе античного мира, основанном в Египте Александром Македонским. Там он находился под покровительством Птолемея I Сотера, полководца армии Александра, который стал фараоном Египта в 305 году до н. э. после безвременной кончины своего правителя. Как иностранный путешественник, побывавший в храмах Карнака и Луксора на дальнем юге, Гекатей был свидетелем раннего этапа сплава греческой и египетской культур в Египте. Он написал довольно

идеализированное сочинение под названием Aegyptiaca, предназначенное для греческих читателей, и этот текст послужил источником для Диодора, когда тот приступил к составлению собственной истории Египта двести лет спустя.

Давайте посмотрим на контекст пребывания Гекатея в Египте. Во-первых, хорошо известно, что Птолемей I Сотер с энтузиазмом пропагандировал любые идеи, соединявшие недавно основанную «фараонскую» династию македонских правителей с подлинными египетскими фараонами, чья божественная родословная, как считалось, восходила к самому богу Осирису. Поэтому вполне возможно, что Гекатей сочинил историю о путешествии Осириса в Грецию и об основании Македонии одним из его «сыновей», чтобы создать связующее звено между македонским фараоном в Александрии и мифическими предками египетских фараонов.

Согласно египетской мифологии, Осирис имел единственного сына Гора, чьим священным животным был не волк, как утверждает Диодор, а сокол или ястреб. Легко понять, каким образом мифологическая связь между Осирисом и происхождением македонской правящей династии в сочетании со странными историями псевдо-Каллисфена о беременности Олимпиады привела к вере в то, что Александр каким-то образом имел родственную связь с египетскими богами, что обеспечивало легитимность притязаний македонской династии на трон фараонов в Александрии. Эта странная вера и неоднократно повторяющаяся тема символического брачного союза между богом Амоном и Олимпиадой, как мы убедимся в дальнейшем, имели непредсказуемые последствия для будущей истории Египта, и, благодаря культурному проникновению, для остального эллинистического мира.

Семя молнии и звезда Сириус

По преданию, когда Олимпиада родила Александра, два каменных орла, украшавших крышу ее апартаментов, были поражены молнией. В других преданиях говорится о живых орлах, которые гнездились там. Есть легенда, что храм Дианы/Артемиды сгорел, пока сама богиня находилась в Македонии и присутствовала при родах Александра. Связь между Дианой/Артемидой, орлами и молнией очень интересна. Поскольку Диану/Артемиду чтили в Эфесе в форме священного омфалоса — камня конической или пирамидальной формы, предположительно «упавшего с неба», словно выброшенного с разрядом молнии. Утверждалось также, что оракул Аполлона в Дельфах был основан после того, как два орла, посланные Зевсом, приземлились около омфалоса в этом месте. Между тем в Египте пирамидальный «небесный камень» под названием бенбен был главным символом религиозного культа в священном городе Гелиополе с доисторических времен.[795] Действительно, такие бетили и омфалосы играли важную роль во многих древних религиях и обычно ассоциировались с плодородием и рождением божеств.

Согласно Плутарху, Олимпиада утверждала, что она забеременела после того, как молния ударила в ее чрево и оплодотворила ее семенем Зевса/Амона.[796] В другом месте Плутарх повествует о том, как чрево священной египетской богини-коровы (воплощение Исиды) тоже было оплодотворено божественной молнией для рождения теленка Аписа, символа правящей династии солнечных фараонов, то есть царей-Горов.[797] В египетской религиозной иконографии богиню Исиду часто изображали в виде коровы с пятилучевой звездой над головой. Этой звездой был Сириус, который греки называли Сотисом. Традиционно, гелиакальный (предрассветный) восход этой звезды обозначал момент божественного рождения солнечных царей Египта. В этой связи следует отметить, что многие античные авторы относят дату рождения Александра на 20 июля по юлианскому календарю — дату, близкую к гелиакальному восходу Сириуса в ту эпоху. Из этого следует, что Сириус должен был играть важную роль в мифе о его рождении. Как указывает французский автор

Жан-Мишель Обер, это даже заставило Александра отказаться от старого греческого календаря и заменить его египетским, основанным на гелиакальном восходе Сириуса. Он сделал это за некоторое время до того, как его армия вступила в Египет:

«Теперь врата Египта были открыты для него, но Александр снова столкнулся с сопротивлением в порту Тир, который он не хотел оставлять за спиной и осада которого продолжалась полгода, с января по июль 332 года до н. э. Тогда произошло необычное событие: взятие города соответствовало астрономической дате гелиакального восхода Сириуса, или Песьей (Собачьей) звезды. Это означало, что звезда, отсутствовавшая на небосводе более двух месяцев [70 дней], снова появилась на восточном горизонте, чтобы отметить победу Александра и провозгласить, что вскоре он увенчается короной фараона… Впоследствии Александр Великий, благочестивый сын Амона, изменил греческий календарь таким образом, что восход Сириуса обозначал Новый год, как это делалось в Египте…»[798]

Укрепляя символическую связь между Александром и Сириусом, Жан-Мишель Обер также привлекает внимание к так называемому «вознесению Александра». Это было темой живописных полотен, популярных в Средние века, когда обожествленного Александра изображали возносящимся на небеса в колеснице, запряженной грифонами, под пятилучевой звездой, которую Обер отождествляет с Сириусом:

«Этот апофеоз запечатлен в многочисленных скульптурах, живописных полотнах и даже ювелирных украшениях… В сценах «вознесения» героя мы часто видим Александра, стоящего в колеснице Гелиоса (Солнце), запряженной грифонами или львами; на других изображениях он возносится на небо на своем троне, а на третьих огромные орлы уносят Александра к Солнцу. На всех этих изображениях над головой героя сияет звезда — явный символ Сириуса, небесного тела, правящего судьбой царей, согласно древним египтянам…»[799]

Эту ассоциацию с Сириусом можно также обнаружить у преемников Александра и в самом городе Александрии. Согласно французскому египтологу Сиднею Оферу, специалисту по династии Птолемеев,[800] цариц этой династии изображали в головных уборах богини Сотис, т. е. Сириуса. Офер также показывает, что богиня Фароса, знаменитого Александрийского маяка (одного из семи чудес Древнего мира), тоже носила имя Сотис. Отсюда можно сделать вывод, что яркий свет маяка, который видели мореходы, приближавшиеся к побережью Египта, уподоблялся свету звезды Сириус, когда она поднималась на востоке и направляла моряков к Александрии.

Сын Амона

Плутарх излагает другой вариант мифа о рождении Александра, по-видимому связанный с историей Нектанеба, рассказанный псевдо-Каллисфеном, но на этот раз без присутствия самого Нектанеба. В варианте Плутарха Филипп II заглянул в замочную скважину покоев Олимпиады в их брачную ночь и с ужасом увидел, как его жена бурно совокупляется с огромным змеем. Глубоко потрясенный Филипп обратился за советом к оракулу Аполлона в Дельфах, где ему сообщили, что он должен совершить особое жертвоприношение в честь Зевса/Амона, ибо змей был хорошо известным символом этого божества.

Другой инцидент, по-видимому отражающий связь между Александром и Зевсом/Амоном, произошел в городе Афит, капитулировавшим без борьбы перед армией Филиппа II в день рождения Александра. Жители Афита были почитателями Зевса/Амона, благодаря которому 150 лет назад город был спасен от великого спартанского полководца Лисандра. Сам Лисандр был приверженцем культа Зевса/Амона и даже совершил паломничество в Сиву, чтобы посоветоваться с местным оракулом.[801]

После того как Александр был объявлен египетским фараоном в Мемфисе и признан законным наследником Нектанеба II, он тоже отправился с небольшой группой товарищей в

оазис Сива. Среди его спутников были друг детства Птолемей (будущий фараон Египта) и Каллисфен, родственник Аристотеля. Они прошли по пустыне на запад от Ракотиса (место будущего строительства Александрии) к Марса Матрух, расположенному примерно в 320 км опуда. Путешествие из Александрии в Марса Матрух, которое в наши дни можно совершить на автомобиле за четыре часа, заняло у Александра и его конных спутников не менее недели.

Оттуда царский экскорт повернул на юг и начал медленное продвижение к Сиве, продолжавшееся еще восемь дней. Сейчас, как и во времена Александра, весь этот маршрут проходит по аридной плоской пустыне, монотонную поверхность которой нарушают лишь отдельные холмы или курганы. Однако после этого ландшафт неожиданно превращается в уменьшенное подобие Большого Каньона, и вдали, словно пустынный Шангри — Ла, появляется пышный оазис, обрамленный двумя озерами с востока и запада.

При вступлении в Сиву Александра приветствовали как «сына Амона». С огромными почестями его провели в храм оракула Зевса/Амона, где его принял высший жрец во внутреннем святилище. Никто не знает, что произошло там с Александром и что он видел, но возможно, что помимо других вещей ему показали священный омфалос Амона как свидетельство его собственной божественности.[802]

Культурная предыстория Александрии

Далеко на юге от оазиса Сива находится город Фивы, современный Луксор, с огромным храмовым комплексом, посвященным верховному богу Амона. Даже во времена расцвета греческой цивилизации это был один из главных священных городов Древнего мира. Хотя в более раннюю эпоху Гелиополь, расположенный на севере Египта около великих пирамид, играл главную роль, теперь Фивы были местом легитимизации и обожествления египетских царей. Поэтому было совершенно естественно и даже предсказуемо, что Александр Великий, как «сын Амона», пожелал связать свое имя с Фивами.

Именно поэтому он так быстро распорядился восстановить фиванский храмовый комплекс, самый важный центр культа Амона в Египте. С учетом того, что он также превратил внутреннее святилище храма в часовню, носившую его собственное имя, не вызывает сомнения, что он вскоре намеревался совершить паломничество в Луксор, чтобы, как и все прежние солнечные цари, пройти ритуал посвящения и стать подлинным «сыном Амона». Однако вмешалась судьба, и Александр умер во время военной кампании в Вавилоне. Его полководцы решили, что он должен быть похоронен в Египте, в земле своего «отца» Зевса/Амона.[803] Птолемей, теперь управлявший Египтом и вскоре ставший фараоном, перехватил похоронный кортеж и завладел телом Александра, которое несколько лет спустя наконец было похоронено в Александрии.

Александрия была мечтой Александра. Он хотел создать новый город, посвященный знаниям и обретению мудрости, — нечто вроде интеллектуального моста на побережье Средиземного моря, соединявшего Восток и Запад. Александрия была задумана как город для просвещения всего мира.

Когда Александр был еще мальчиком, его отец Филипп II выбрал для него необыкновенного наставника. Выбор пал на Аристотеля — величайшего и наиболее влиятельного философа той эпохи.

Аристотель родился в 384 году до н. э. в городе Стагира в Македонии. Его отец Никомах был личным врачом и другом македонского царя Амитаса II, деда Александра Великого. В 17 лет Аристотель отправился в Афины и поступил в Академию Платона, где вскоре стал таким блестящим учеником, что сам Платон назвал его «разумом школы». После смерти Платона в 347 году до н. э. Аристотель покинул Академию и направился в путешествие по Греции и Малой Азии. Потом, в 342 году до н. э., Филипп II Македонский призвал его к своему двору в

Пелле и назначил наставником своего четырнадцатилетнего сына Александра. Аристотель, которому исполнилось 42 года, привел с собой своего выдающегося родственника Каллисфена, а также друга-ученого Теофраста. Им предоставили загородную резиденцию в окрестностях Пеллы, где они воспитывали и обучали Александра в течение следующих трех лет.

Когда Александр стал царем в возрасте 21 года, Аристотель покинул Македонию и вернулся в Афины, где основал свой знаменитый Лицей. Там он создал первый прототип университетской библиотеки, которая после его смерти была перенесена в великую Александрийскую библиотеку в Египте. Аристотель умер в возрасте 62 лет, через год после смерти Александра в Вавилоне. Его лекции были собраны в 150 томах, посвященных философии, этике, политике и естественным наукам, к которым он питал особое пристрастие. В Средние века Аристотель считался верховным авторитетом во всех вопросах, связанных с наукой. Возможно, имея в виду Александра, он писал: «Если есть один человек, превосходящий величием и политическими способностями всех остальных, такой человек может быть подобен божеству среди людей… ему будут с радостью повиноваться, ибо такие люди являются царями по праву рождения».[804]

Существует много спекуляций и дискуссий о том, до какой степени Аристотель мог повлиять на чувство избранности у Александра Македонского. Помимо преподавания наук Александру, главной целью философа было насаждение в душе ученика его концепции «добродетелей», самой важной из которых, по Аристотелю, был рассудок. За несколько лет до того, как Аристотель стал учителем Александра, он завершил свой знаменитый труд «Политика», где изучил различные системы «конституции» и изложил идею «идеального государства». Почти несомненно, что Аристотель обсуждал принципы «идеального государства» с юным Александром и наделил будущего царя-героя теми высокими добродетелями и идеалами, которые впоследствии были осуществлены на практике в Александрии Египетской.[805] Александр получил от Аристотеля экземпляры «Истории» Геродота, а также «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, которые стали самым драгоценным имуществом будущего покорителя мира.

В «Одиссее» Гомер говорит о сказочном острове Фарос у побережья Египта в связи с путешествием аргонавтов, а Геродот повествует о том, как Елена Троянская и Парис нашли убежище в Гераклионе, в нескольких милях к востоку от будущей Александрии. Александр был настолько заворожен этими эпическими произведениями, что, по свидетельству современников, однажды в ярости ударил Каллисфена, родственника Аристотеля, за то, что тот посмел открыто критиковать Гомера. Судя по всему, эти литературные влияния наряду с влиянием его матери Олимпиады воодушевили Александра в его миссии объединения восточного и западного мира в одну великую империю под управлением Александрии — столицы, созданной по образцу идеального государства.

Основаниеуниверсального города

Часто утверждается, что выбор места для строительства Александрии на полуострове Ракотис в Средиземном море был обусловлен военно-стратегическими соображениями. Предполагается, что Александр рассматривал естественную гавань между маленьким островом Фарос и полуостровом как идеальное место для постройки морского порта. Предание гласит, что, хотя место выбрал Александр, городской план был разработан архитектором Динокритом. В противоположность этому мнению мы попробуем доказать, что все это мероприятие с самого начала происходило под сильным египетским влиянием.

В этом месте есть некое колдовство и очарование, вряд ли ускользнувшее от Александра и его образованных спутников, таких, как Птолемей и Каллисфен, особенно с учетом того

возвышенного состояния ума и духа, в котором они находились. Все они читали поэмы Гомера и теперь, безусловно, вспоминали строки из Одиссеи:

На море шумно широком находится остров лежащий.

Он от брегов на таком расстоянии, какое удобно

В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.

Пристань находится верная там, из которой большие

В море выходят суда, запасенные темной водою.[806]

«Илиада» и «Одиссея» оказывали такое же мощное воздействие на Александра и его преданных спутников, как Библия на христианских крестоносцев в Средневековье. Образованные греки без труда читали наизусть большие фрагменты из Гомера и часто цитировали его в качестве нравоучительного примера в повседневной жизни, как мы сегодня цитируем Библию. Цари и полководцы, подобные Александру, пользовались «Илиадой» и «Одиссеей» не только для духовного и нравственного наставления, но и в качестве практического руководства в их собственной жизни. Есть все основания полагать, что Александр рассматривал себя как гомеровского героя, наделенного безграничной отвагой.

Следует понимать, что греки считали таких героев не мифологическими и легендарными персонажами, а скорее реальными людьми, мужчинами и женщинами, жившими во времена золотого века среди богов. Таким образом, мы можем предположить, что, когда Александр со своими спутниками прибыл на остров, описанный Гомером в таких теплых словах, он воспринял это как благоприятное знамение от богов. Сам Александр, его инженеры и архитекторы помнили, что Пифагор, «отец геометрии и философии», а впоследствии великий Платон тоже посещали Нижний Египет в качестве гостей или «учеников» гелиопольских жрецов и научились от них мудрости, возвеличившей греческую культуру. Образы Гомера, Пифагора и особенно Платона, учителя самого Аристотеля, безусловно, вдохновляли молодого завоевателя, которому тогда было лишь 24 года, воздвигнуть великий и удивительный город у острова Фарос. Он замышлял создать метрополию, которая будет соперничать с Афинами и в которой учения Пифагора, Платона и Аристотеля соединятся с древней мудростью Египта.

Пользуясь пифагоровскими принципами геометрии, Динокрит, архитектор Александра, приступил к изготовлению плана будущей Александрии под надзором своего господина, следившего за каждой мелочью. Город имел продолговатую форму, а улицы располагались по координатной сетке. Главный проспект, идущий с запада на восток, впоследствии был известен как Путь Канопуса и носил имя гомеровского героя, легендарного морехода, который стоял за рулем корабля с Еленой Троянской на борту. По преданию, Елена и ее любовник Парис нашли убежище в Канопусе (современный Абукир) на восточной оконечности Александрийского побережья по пути в Трою. Елена была дочерью бога Зевса от его союза с Ледой, а также сестрой знаменитых бессмертных Диоскуров, близнецов Кастора и Поллукса, которые стали звездами в зодиакальном созвездии Близнецов.

Елена Троянская, египетская Афродита, и Исида-Фария

Существует любопытная история о Елене Троянской, которая имеет отношение к связи Александра Великого с Египтом и придает некоторую основательность его притязаниям на происхождение от божественного рода фараонов. Она гласит, что после бегства от своего мужа, царя Менелая, Елена и Парис попытались отплыть в Трою. По пути буря отнесла их корабль к побережью Египта возле Канопуса. Здесь «реальная» Елена якобы была задержана фараоном Протеем, а «фантомная» Елена — очень похожая на «фантомного», или

«призрачного», Христа из поздних гностических Евангелий — отправилась в Трою вместе с Парисом.

Этот вариант мифа впоследствии был превращен в драму Еврипидом (примерно в 412 году до н. э.), но претерпел новую трансформацию, в результате чего «подлинная» Елена попала под опеку не легендарного Протея, но его не менее легендарного сына Теоклимена. Геродот тоже пересказывает сходную историю, якобы услышанную от египетского жреца.[807] Он говорит о храме, посвященном «чужеземной Афродите», построенном в честь Елены в царском городе Мемфисе:

«Есть в этом священном участке Протея храм, называемый храмом «чужеземной Афродиты». Как я предполагаю, это храм Елены, дочери Тиндарея. Во-первых, потому что по сказанию, которое мне сообщили, Елена жила у Протея, а во-вторых, оттого, что этот храм называется храмом «чужеземной Афродиты», ведь ни один другой храм в Египте не носит такого названия».[808]

Для греков «египетская Афродита» была богиней, которую древние египтяне называли Хатор.[809] Но греки также отождествляли с Афродитой богиню Исиду в ее любящем аспекте. Это подразумевает, что они знали о существовании тесной связи, Действительно существовавшей между Хатор и Исидой в древнеегипетском пантеоне, и предположительно о связи Хатор и Исиды с Сириусом. В Александрии времен Птолемеев богиня Исида стала покровительницей порта и знаменитого Фаросского маяка (названного в честь острова Фарос, где он стоял). В этом образе Исида была известна как Исида-Фария, защитница моряков, что указывает на другую связь с Еленой Троянской, которую — предположительно из-за ее многочисленных морских приключений — тоже называли «богиней — покровительницей моряков».

На острове существовал храм Исиды-Фарии. Судя по всему, ее колоссальная статуя некогда стояла перед Фаросским маяком и считалась частью этого архитектурного комплекса. В Римскую эпоху Исиду часто называли Stella Maris, т. е. Морская звезда;[810] такой же эпитет христиане в течение долгого времени использовали по отношению к Деве Марии. Джеймс Фрезер, знаменитый британский специалист по мифологии, тоже указывает на это:

«Не исключено, что прекрасным эпитетом Stella Maris *— «Морская звезда» (так обращались к ней застигнутые бурей моряки) — Дева Мария обязана покровительнице мореплавателей Исиде. Чертами морской богини Исиду, вероятно, наделили греческие мореплаватели из Александрии. Они абсолютно чужды изначальному облику богини и национальному характеру египтян, которые, как известно, не любили моря. НастоящейStellaMaris,если принять эту гипотезу, будет Сириус, яркая звезда Исиды, которая июльским утром поднимается на востоке Средиземного моря над зеркальными водами, предвещая морякам хорошую погоду».*[811]

Стоит также отметить, что многие царицы династии Птолемеев, особенно прославленная Клеопатра, отождествляли себя с Исидой-Сотис (Сириус), а также с Исидой-Афродитой, чтобы подчеркнуть свою красоту и любвеобильность. Великолепная Клеопатра предстала в роли богини Исиды-Афродиты, когда встретила Марка Антония в Тарсе. Согласно египтологу Джулии Самсон,

«… в человеческом сознании эта блестящая чета объединилась с богами: Антоний с Бахусом (Дионисом), которого греки отождествляли с Осирисом, а Клеопатра с Венерой (Афродитой), издавна ассоциировавшейся с Исидой…»[812]

Связь между Сириусом и Исидой на острове Фарос, вероятно, объясняется светом на вершине маяка, который издали могли видеть моряки, приближающиеся к гавани, поэтому маяк иногда называли «вторым солнцем»;[813] древние египтяне пользовались этим термином для обозначения Сириуса.[814] В храме Исиды на острове Фарос статуя богини носила корону, состоявшую из солнечного и лунного дисков, увенчанных газельими рогами.[815] Эти рога,

согласно французскому египтологу Сиднею Г. Оферу, сходны с рогами богини Сотис, божественной газели, следящей за разливами Нила.[816] Такой же головной убор можно видеть на изображениях цариц династии Птолемеев в храмах Верхнего Египта в Дендере, Эдфу и на острове Фила. Офер также указывает, что Птолемей III своим декретом от 238 года до н. э. совместил религиозный и гражданский календари (которые с течением времени выбились из ритма) таким образом, чтобы начало нового года снова совпадало с гелиакальным восходом Сириуса — событием, которое само по себе близко совпадало с началом нильского разлива в середине лета. Офер также предлагает следующее объяснение термина «глаз Ра», одного из многочисленных названий Сириуса:

«Для того чтобы объяснить механизм нильского разлива на религиозном уровне, начало нового года рассматривалось как «слияние» солнечного и лунного мифа, когда «глаз Ра» соединялся с «глазом Гора» — иными словами, когда Сириус соединялся с полной Луной. Эти два небесных тела объединяли свое магическое воздействие, что приводило к разливу Нила. Сириус своим восходом провозглашал наступление нового года и нильского разлива, а полная Луна символизировала полноту реки».[817]

Короткая экскурсия в Париж

Согласно французскому египтологу Бернару Матье:

«… Исида носила титулы Пелагия *(«морская»),* Евплойя *(«покровительница судоходства») и* Фария *(«Фаросская») и имела свой храм на острове Фарос. Она считалась изобрегательницей паруса и была так знаменита во всем средиземноморском мире, что мы находим ее даже в манускриптах XVII века. Ее изображение красуется на носу корабля на гербе Парижа, утвержденном Наполеоном в 1811 году».*[818]

Из главы 1 читатель помнит, что в причудливых религиозных ритуалах и символике французской революции часто проводились параллели между Парижем и богиней Исидой. Из комментариев Матье следует, что такие параллели могли быть до некоторой степени основаны на исторической правде. Также следует отметить, что, по утверждению писателя XVII века Жана Тристана, название «Париж» (Paris) фактически происходит от Isis-Pharia или, точнее, от Pharia-Isis, впоследствии превращенного в Paris.

Тристан основывал свою гипотезу на древних монетах, датируемых эпохой римского императора Юлиана, где его жена Елена изображена в образе Исиды-Фарии.[819] Юлиан, правивший через несколько десятилетий после Константина, на короткое время остановил победное шествие христианства и остался в истории под именем «Юлиан Отступник» за то, что возродил древние языческие культы и объявил себя «последователем Гелиоса». Бог солнца Гелиос, в свою очередь, был божеством, которое римляне тесно ассоциировали с именем Александра Великого.

Юлиан правил Галлией — Древней Францией — в течении пяти лет и жил в Лютеции (современный Париж) с 358 по 360 год н. э. Юлиан и его жена Елена также были приверженцами александрийского бога Сераписа и богини Исиды-Фарии и могли учредить или, по крайней мере, поощрять ее культ среди жителей Лютеции. Так или иначе, Жан Тристан писал:

«Парижане получили свое название от Pharia-Isis *из-за культа этой богини, который был учрежден в Иллирии и Галлии в регионе вдоль реки Сены. Именно поэтому Лютеция стала называться «Лютеция Фарийская» или Лютеция Парижская».*[820]

Поддерживая эту гипотезу, французский историк античности Юргис Балтрушайтис указывает на то, что во фрагменте манускрипта из аббатства святой Илларии, где говорится о синоде Римини, город Париж действительно называется Farisea Civitas, то есть, как предположил Жан Тристан, город людей, почитающих Исиду-Фарию или Фарию-Исиду.[821] Мы вернемся к этой проблеме в следующей главе.

Путь Канопуса

Римский автор Арриан сообщает нам, что когда Александр вышел на побережье, где должен был стоять его будущий город Александрия,

«… место показалось ему чрезвычайно подходящим для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где и каким богам поставить храмы — были посвященные эллинским богам, был и храм Исиды египетской — и по каким местам вести стены».[822]

«Агора» была эквивалентом городской площади, где проводились общественные собрания в греческих городах. В Александрии агора располагалась на пересечении двух главных проспектов, меридионального, под названием Сома, и широтного, под названием Путь Канопуса. Здесь, согласно большинству авторов, впоследствии был построен небольшой дорический храм, служивший мавзолеем для золотого саркофага Александра Великого.

На обоих концах Пути Канопуса находились ворота. Западные ворота назывались «вратами Луны» (Селены), а восточные ворота — «вратами Солнца» (Геолиоса).

Всегда считалось, что план Александрии был разработан в соответствии с принципами греческой городской планировки, основанной на координатной сетке с рядами параллельных улиц, пересекающихся под прямыми углами. Фактически такие планы были известны и в Древнем Египте задолго до греков. Французский египтолог Андре Бернар справедливо замечает, что некрополь Гизы в районе Великих Пирамид, по существу, является заупокойным городом с дорогами, ведущими в меридиональном и широтном направлении. Сходную схему можно наблюдать в Саккаре и дальше на юге в Эхнатоне (современная Телль-эль-Амарна), городе фараона, носившего это имя.[823]

Так или иначе, часто не принимается во внимание, что на планировку Александрии оказало большое влияние умонастроение 24-летнего Александра во время основания города. Он только что победил непобедимого персидского «царя царей» Да — рия III и теперь был безоговорочным повелителем всего известного мира. Египтяне провозгласили его героем и освободителем и признали законным наследником фараона Нектанеба II. Он был провозглашен «сыном Амона» и «сыном Исиды», не считая всех других титулов, причитающихся законному правителю Египта. И все это произошло незадолго до основания города Александрия.

Другим фактором, который следует учитывать, является глубокая мистическая связь Александра с храмовым комплексом Карнака/Луксора в Фивах, которая была проявлением его самоидентификации с богом Амоном. Французский ученый Франсуа де Полиньяк указал, что Александр проявлял необычное знание и чувствительность к египетским религиозным обычаям, уделяя так много внимания восстановлению этого храма; в частности, он назвал своим именем внутреннее святилище возле священной храмовой «комнаты рождений», или маммиси.

Эти деяния дают возможность предполагать, что Александр получал советы от египетского высшего жреца, который играл примерно такую же роль, как высший жрец Саиса, служивший советником персидского царя Камбиза и высший жрец Мане — фон из

Гелиополя, который стал главным советником Птолемея I Сотера, наследника Александра в Египте.[824]

Мы убедились в том, что Александр укрепил связь с Сириусом, звездой Исиды и божественного рождения, когда изменил греческий календарь в Тире. Нам известно, что восход этой звезды служил «калибратором» разливов Нила, а в следующей главе мы покажем, что положение Сириуса над восточным горизонтом часто использовалось для ориентировки оси древнеегипетских храмов, посвященных рождению Гора, сына Исиды-Хатор. И наконец, мы также отметили, что время гелиакального восхода Сириуса в течение жизни Александра приходилось на «официальную» дату его рождения, т. е. 20–21 июля по юлианскому календарю. Было бы странно и почти невероятно, если бы эта сложная система символов и мифических ассоциаций не оказала влияния на Александра, когда он замыслил построить город на Средиземноморском побережье Египта напротив зачарованного острова Фарос…

Короткое отступление: о Наполеоне и Сириусе

Перед тем как Наполеон вторгся в Египет и оккупировал Каир в конце XVIII века, он назначил знаменитого математика Гаспара Монжа руководителем группы лучших ученых — которых в те дни называли lumieresу или «светочи», — сопровождавшей экспедицию. Состоявшая из 167 человек, эта группа ученых включала математика Фурье, химика Вертолета, натуралиста Жоффре Сент-Илера, геолога Домье, географа Жомара и инженера Конте. Этим людям предстояло заложить основу наполеоновского Египетского института, разновидности Академии наук (первой в своем роде, посвященной изучению древнеегипетских монументов), основанного 22 августа 1798 года, вскоре после вторжения. Вивант Денон, художник и фаворит будущей императрицы Жозефины, стал первым директором института, а Гаспар Монж — его первым президентом.

Из главы 1 читатель помнит, что Монж был франкмасоном и видным членом ложи «Девяти сестер» в Париже. Они принимал деятельное участие в создании так называемого республиканского календаря, который был сделан по образцу древнеегипетского гражданского календаря, «калибруемого» по гелиакальному восходу Сириуса. 22 сентября 1798 года вышел первый том журнала Египетского институт а под названием Decade Egyptienne, которое выбрал Монж по ассоциации с новым республиканским календарем.

Пятого марта 1798 года Наполеон выехал из Парижа в Тулон, чтобы встретиться с флотом, который он снарядил для плавания в Египет. Двадцать первого июля 1798 года Наполеон вступил в бой с египетской армией мамелюков в битве при пирамидах. Умышленно или случайно, но обе эти даты имеют непосредственную связь с «ладьей» и «звездой» Исиды. В Древнем Риме 5 марта отмечали хорошо известный праздник Isis Naingum, когда статую богини в ее ладье несли через весь город в торжественной процессии.

Двадцать первое июля по юлианскому календарю было датой гелиакального восхода Сириуса. Совпадение? Возможно. Но мы вернемся к этим вопросам в следующих главах.

Карта Древней Александрии

После Наполеона замечательный пример, поданный Египетским институтом, побудил нового египетского правителя Моха — меда Али Пашу финансировать обучение и подготовку египетских ученых во Франции. Самым видным из этих ученых был астроном Махмуд Эль-Фалаки, более известный под именем Махмуд-Бей, основавший первую современную астрономическую обсерваторию в Египте. Махмуд-Бей также получил инженерное и

географическое образование, сослужившее ему хорошую службу в работе над «картографическим проектом Александрии», осуществленном при хедиве Исмаиле в 1865 году. Наверное, стоит упомянуть, что многочисленные другие достижения Махмуд-Бея, такие, как наблюдение за геомагнитными и метеорологическими феноменами по всему земному шару, заслужили ему уважение и официальный почет в бельгийской и французской академиях наук.

Во время работы над «картографическим проектом Александрии» Махмуд-Бей провел раскопки и определил, что в городе было одиннадцать главных улиц, идущих параллельно по всей ширине древнего города, а также семь улиц, идущих параллельно под прямым углом к другим одиннадцати. Как уже упоминалось, два самых больших проспекта, под названием Сома и Путь Канопуса, образовывали огромный крест на их пересечении.

Некоторые европейские археологи поспешили раскритиковать «возрожденный» Махмуд-Беем план Древней Александрии, однако, согласно доктору Жан-Иву Эмперору, нынешнему директору центра александрийских исследований в Египте:

«Несмотря на критику, которой он подвергся в конце XIX века, этот план до сих пор используется современными археологами… Махмуд Эль-Фалаки решил опубликовать свой план в Копенгагене в 1872 году, через шесть лет после его завершения. Эта выдающаяся работа, отражающая значительные ресурсы, вложенные в ее производство, стала еще более эффективной благодаря поддержке хедива и профессиональному мастерству картографа. Почти через полтора века после ее публикации она до сих пор используется как справочный материал археологами, работающими в Александрии».[825]

Врата Солнца и врата Луны

Выкопав несколько пробных траншей и котлованов, Махмуд — Бей смог установить, что длина Пути Канопуса составляла примерно 2300 м и что его ось была ориентирована на точку горизонта, расположенную примерно в 24° к северу от направления на восток.[826] Два фактора указывают на то, что эта ориентировка была не случайной и соответствовала астрономическим представлениям того времени. Во-первых, величина угла недвусмысленно свидетельствует о связи с восходом Солнца в день летнего солнцестояния. Другой фактор, возможно, еще более очевидный, заключается в том, что ворота на восточной оконечности пути Канопуса назывались «врата Геолиоса», т. е. «врата Солнца», что подтверждает астрономическую ориентировку. Точка восхода Солнца над восточным горизонтом при наблюдении из Александрии варьирует между 28° к югу от восточного направления (зимнее солнцестояние) и 28° к северу от восточного направления (летнее солнцестояние), в то время как срединная точка (восток) попадает на весеннее и осеннее равноденствие.

В своем «Жизнеописании Александра» хорошо известный автор I века н. э. Плутарх говорит: «Александр родился шестого гекатомбеона, месяца, который македоняне называют лус, — в тот самый день, когда был сожжен храм Дианы в Эфесе…» Гекатомбеон, первый месяц греческого года, начинался с первого новолуния после летнего солнцестояния. Отсюда многие хронисты пришли к выводу, что Александр родился 20 июля по юлианскому календарю или очень близко к этой дате. Поскольку в это время года Солнце восходило в зодиакальном знаке Льва, это может объяснить обилие «львиной» символики, которую античные авторы связывали с рождением и характером Александра.[827]

Мифологические связи между Александром и Дианой, которые мы рассматривали раньше, тоже представляют интерес. Диана (греческая Артемида) часто отождествлялась с египетской богиней Исидой, матерью Гора, мифического прототипа солнечных царей, или египетских фараонов, родство с которыми впоследствии было провозглашено Александром. Традиционно считалось, что эти «цари-Горы» рождались под защитой Сириуса, гелиакальный

восход которого был небесным знамением, обожествлявшим и легитимизировавшим правление каждого следующего царя Египта. С нашей точки зрения, не является совпадением, что гелиакальный восход Сириуса в эпоху Александра происходил 20 июля при наблюдении с широты древней египетской столицы Мемфиса. По преданию, Александр лично установил направление центральной оси будущего города Александрия, впоследствии известной как Путь Канопуса. Едва ли можно считать совпадением, что эта ось ориентирована примерно на 24° к северу от восточного направления и направлена на точку восхода Солнца в день гелиакального восхода Сириуса через врата Солнца.

Известно, что Александр, довольно неразборчивый в выборе божественных предков, утверждал о своем происхождении от Диониса и Геракла; Геродот, один из любимых авторов Алексан дра, отождествлял их обоих с египетским богом Осирисом. Стоит также отметить, что если мы продолжим ось Пути Канопуса в направлении горизонта, то она пройдет через древний город Гераклион (впоследствии затопленный из-за землетрясения и недавно обнаруженный морскими археологами в Абукирском заливе). Известно, что, по крайней мере, со времен Геродота в Гераклионе стоял храм, посвященный Гераклу/Осирису.

Врата Луны и противоположная (западная) оконечность Пути Канопуса могут также иметь астрономические ориентировки, связанные с мифом об Исиде и Осирисе. Как мы помним, Исида и многие царицы династии Птолемеев, подражавшие ей, обычно изображались в головном уборе в виде диска полной Луны и/или лунного полумесяца. Этот мотив продолжал использоваться царицами Александрии в греко-римскую эпоху. Хорошо известно, что Клеопатра отождествляла себя с «Исидой и Луной», а когда она родила Марку Антонию близнецов, мальчика и девочку, то назвала их Селеной (Луна) и Александром-Гелиосом (Солнце), что является прямой аллюзией на врата Солнца и Луны в Александрии. При полнолунии Луна почти противоположна Солнцу относительно Земли. Это объясняет, почему западная оконечность Пути Канопуса называлась «вратами Луны» (Селены), а восточная оконечность — «вратами Солнца».

Принимая во внимание все эти символические ориентиры, можно с большой вероятностью, если не с уверенностью утверждать, что город Александрия был посвящен Исиде или, конкретнее, фигуре Исиды Фаросской, замечательно гармонировавшей с мифом Александра/Диониса/Гелиоса. Исида играла в Александрии столь важную роль, что фактически стала второй божественной покровительницей города, почитаемой в равной степени с местным верховным божеством Сераписом. Из главы 5 читатель помнит, что именно на территории большого храма Сераписа в Александрии (Серапеум) христиане истребили множество гностиков и так называемых язычников в конце IV века нашей эры.

Создание всеобщего божества

После смерти Александра Великого во время военной кампании в Вавилоне в 323 году до н. э. его огромная империя разделилась на отдельные территории под властью его полководцев. Его ближайший друг Птолемей, сын Лагоса, унаследовал Египет и был провозглашен фараоном в 305 году до н. э. после смерти Александра IV (сына Александра Великого от персидской царевны Роксаны). Птолемей принял имя Сотер, что значит «спаситель», и поэтому известен историкам как Птолемей I Сотер.

Мудрый и просвещенный человек, Птолемей вознамерился исполнить мечту Александра и сделать его город Александрию всемирным центром знания и обучения. Его главным советником стал египетский высший жрец из Гелиополя по имени Манефон, консультировавший его по всем вопросам религии, истории и ритуального протокола. Египтологи знают Манефона как составителя хронологии всех династических и додинастических фараонов, которая в значительной степени до сих пор используется в

качестве справочного материала. Почти не вызывает сомнения, что Манефон был одним из главных «создателей» нового бога Сераписа для Александрии.

Птолемей I Сотер хотел найти идеальное божество для космополитичных жителей Александрии, которую теперь воспринимали как символ возрожденного Египта под его управлением. Выбор естественным образом пал на одного из наиболее почитаемых египетских божеств Осириса, или, как сказано в главе 5, на одну из его ипостасей в образе Осириса/Аписа. Эта ипостась связывала Осириса с очень древним культом бога-быка Аписа, главный центр которого находился в Мемфисе в Нижнем Египте.[828] Согласно Геродоту, посетившему Египет во времена расцвета этого культа, священный бык Апис был:

«… теленком от коровы, которая после отела уже никогда не сможет иметь другого теленка. По словам египтян, на эту корову с неба нисходит луч света, и от него-то она рождает Аписа, а теленок этот, называемый Аписом, имеет вот какие признаки: он черный, на лбу у него белый четырехугольник, на спине изображение орла…»[829]

Про быка Аписа говорили, что он рождается из чрева священной коровы, известной как «Исида», а когда он умирал, то становился Осирисом. По словам египтолога Джорджа Харта:

«Следуя пути усопшего фараона в Нижнем мире, Апис после своей смерти становился богом Осирисом. Именно священный бык Мемфиса в своем образе Осириса/Аписа дал Египту гибридное божество, созданное при первых правителях династии Птолемеев и известное под именем Сераписа».[830]

Тесное сходство между культом быка Аписа и культом Исиды и Осириса очевидно. Таким образом, неизбежно и сходство между теленком Аписом и младенцем Гором в египетской мифологии:

1. Бык Апис ассоциировался с царем-Гором или живым фараоном.

2. Священная корова «Исида» беременела в результате божественного вмешательства точно так же, как богиня Исида.

3. Священная корова «Исида» приносила только одного теленка точно так же, как богиня Исида рожала только одного сына.

4. Апис становился «Осирисом» после смерти точно так же, как царь-Гор (фараон) становился «Осирисом» после своей смерти.

Далее Харт объясняет:

«Фараон тесно ассоциируется с символикой быка Аписа, олицетворявшего силу и плодовитость, что можно видеть на резных сланцевых табличках и в одном из имен царского протокола («победоносный бык»). Празднование его юбилея сопровождалось церемонией обновления царской власти, когда фараон быстро шагал рядом со скачущим быком — Аписом. Ритуал, происходивший в Мемфисе, живописно изображен на барельефе из разобранной часовни в храме Карнака в Фивах «.[831]

Впечатление очевидца ритуалов культа Аписа содержится в сочинении Диодора Сицилийского, посетившего Египет в I веке До н. э. Диодор описывает погребение быка Аписа, во многом сходное с погребением фараона: «После пышных похорон Аписа жрецы, отвечающие за это, должны как можно скорее найти другого теленка, похожего на предыдущего. Когда они находят его, плач и сетования прекращаются, и жрецы, назначенные для этой цели, ведут молодого бычка и откармливают его в течение сорока дней. Затем его помещают на ладью в золотую беседку и переправляют как бога в город Мемфис… Для поклонения быку они дают такую причину: они говорят, что душа Осириса переходит в быка, и потому всегда, когда бык посвящается божеству, дух Осириса переходит в одно животное за друг им для потомства».[832]

Самый важный аспект древнеегипетской религии заключается в том, что «сын Осириса», т. е. Гор, неизменно перевоплощался в образе фараона, а после смерти каждый фараон

становился «Осирисом», в то время когда его старший сын становился новым живым «Гором». Иными словами, каждый следующий фараон был живым воплощением Гора, но в то же время — как и в случае с быком Аписом — считалось, что его душа станет «Осирисом» после его смерти. Таким образом, можно показать, что идея совмещенного имени «Осирис-Апис», впоследствии превращенного в Серапис, была основана на идее «Осириса-Гора». Следовательно, имя этого божества нужно понимать как высшее имя, символизирующее легитимность и божественность правящего фараона.

Именно таким хотел предстать Александр Великий перед всем миром, и то же самое было на уме у Птолемея, когда он был коронован в Египте как преемник Александра. Летом 323 года до н. э., когда Александр умирал в Вавилоне от малярии (усугубленной употреблением большого количества вина в качестве лекарства), его жрецы построили в лагере временный храм Осириса — Аписа, что однозначно указывает на приверженность Александра к этому божеству. Согласно официальной царской хронике, составленной писцом Евменом,[833] 4 июня Александр испытал сильный приступ лихорадки, который продолжался в течение нескольких дней, и к 8 июня всем стало ясно, что он умирает:

«8 июня: лихорадка продолжается. Македоняне, считая его мертвым, с криками подошли к воротам дворца и настаивали, что хотят видеть его. Двери были открыты, и они поочередно прошли перед ложем. В молчании он [Александр] приветствовал каждого из них кивком головы или движением глаз. В храме Сераписа Эифон Аттал и Демофон [близкие товарищи Александра] спали по очереди, ожидая, пока оракул скажет им, следует ли перенести Александра в его святилище для излечения. Лихорадка продолжалась всю ночь.

9 *июня: состояние не изменилось [царь впал в кому]. Новое обращение к божеству Клевмена, Менида и Селевка, сменявших друг друга в храме Сераписа.*

10 *июня: божество ответило, что Александра не следует переносить в храм, так как ему будет лучше там, где он покоится. Этот ответ передали воинам. Спустя короткое время, ближе к вечеру, Александр умер».*[834]

Из текста явствует, что храм Сераписа был воздвигнут неподалеку от дворца Александра в Вавилоне и что к этому божеству обращались за советом по очень важному вопросу — т. е. следует ли перевозить тело Александра в главное «святилище» Сераписа в Египте. В тексте есть очевидная аномалия, где о Сераписе говорится как об «отце Александра», хотя мы знаем, что эту роль уже выполнял Амон из Сивы. Но, возможно, македоняне не проводили четкого различия между Сераписом и Амоном, поскольку оба божества в египетской традиции были «отцами» фараонов. Геродот четко отождествляет Амона из Сивы с Зевсом,[835] и мы знаем, что впоследствии жители Александрии тоже отождествляли Сераписа с Зевсом.

Лабиринт Сераписа

Главное святилище Осириса-Аписа находилось в окрестностях Мемфиса в Нижнем Египте, недалеко от комплекса ступенчатой пирамиды Джосера в Саккаре. Здесь по меньшей мере с 1400 года до н. э. священных быков одного за другим хоронили в огромных каменных саркофагах в подземном лабиринте, ныне известном под названием Серапеум (так же назывался храм Сераписа в Александрии). Геродот, написавший свою «Историю» примерно за 100 лет до прибытия Александра в Египет, является первым иностранцем, упомянувшим о «храме Аписа». Возможно, он еще действовал в христианские времена, но уже в Средние века Серапеум был полностью занесен песком, а его местонахождение забыто. Лишь в 1850 года он был заново открыт французским археологом Огюстом Мариеттом. История гласит, что Мариетт, путешествовавший в пустыне в окрестностях Сак — кара, наткнулся на одного из многочисленных небольших сфинксов, упомянутых античным географом Страбоном,

которые некогда стояли по обе стороны ритуальной аллеи, ведущей к Серапеуму. Впоследствии он написал:

«По словам географа Страбона (I век н. э.), «храм Сераписа стоит в таком песчаном месте, что ветер нагоняет песчаные дюны, под которыми мы видели сфинксов. Некоторые из них были наполовину погребены в песке, другие занесены до головы, из чего можно предположить, что путь к храму будет небезопасен, если идущего застанет внезапная песчаная буря». Не кажется ли, что Страбон как будто специально написал этот фрагмент, чтобы помочь нам заново открыть через 1800 лет знаменитый храм, посвященный Серапису? Трудно сомневаться в этом. Погребенный сфинкс, товарищ пятнадцати других, которых я видел в Александрии и Каире, вместе с ними образовывал часть аллеи, которая вела к мемфисскому Серапеуму…»[836]

Вдохновленный своей находкой, Мариетт нанял рабочих и через несколько недель открыл вход в Серапеум, который даже в наши дни остается необыкновенно внушительным и впечатляющим местом. Он расположен примерно в километре к северо-западу от ступенчатой пирамиды Джосера; путь к нему ведет с востока через пологую аллею, опускающуюся в недра песчано-каменистой пустыни. С самого начала огромные размеры этого подземного лабиринта поражают воображение: темные ветвистые туннели идут в нескольких направлениях, словно коридоры, построенные для великанов. Сейчас там проложено электрическое освещение низкой мощности, но, несмотря на это, когда человек блуждает в одиночестве в этом странном Гадесе, его охватывает смутное беспокойство, нечто вроде надвигающейся паники, смешивающейся со зловещей неподвижностью местности. В атмосфере этого пространства есть что-то неестественное и почти сверхчеловеческое. На всем протяжении этих огромных туннелей и коридоров встречаются десятки заглубленных ниш размером с большую гостиную, куда ставили массивные гранитные саркофаги, где некогда содержались мумифицированные трупы священных быков. Размер и вес этих саркофагов — некоторые из них весят более 60 тонн и вырезаны из цельного гранитного блока — воспламеняют воображение, так как очень трудно представить, каким образом их доставляли сюда с самого начала, не говоря уже о том, как их задвигали в ниши. Создается впечатление, что здесь проводились какие-то темные и таинственные мистерии. Место, где, по словам древних греков, люди превращались в богов, до сих пор не утратило своей силы.

Возвращение Александра

Нектанеб II («отец» Александра, согласно некоторым легендам) построил свою гробницу неподалеку от Серапеума в Саккаре.[837] Могло ли это сыграть роль в странных событиях, произошедших после смерти Александра, и в решении его полководцев о том, куда следует отправить останки их героического царя-полубога? Еще в Вавилоне тело Александра было подготовлено по древнеегипетскому обычаю бальзамировщиками, привлеченными специально для этой цели. Затем тело поместили в золотой саркофаг и построили огромный катафалк (согласно некоторым очевидцам, размером с дом на колесах) для транспортировки усопшего царя в Египет.

Путешествие заняло почти два года. По прибытии в Египет катафалк был встречен Птолемеем, и его отвезли в Мемфис. Там он был захоронен возле Серапеума в роскошной гробнице, подобающей герою-полубогу. Идея о том, что «забытая гробница» Александра скрыта где-то в Александрии, так глубоко укоренилась в умах некоторых исследователей, что следующее известие обычно становится сюрпризом для них: гроб Александра оставался в Мемфисе как минимум десять лет, а возможно, еще больше, прежде чем его перевезли в Александрию. В то время го род Мемфис по-прежнему был столицей Египта, а храм Гелио —

поля служил школой жрецов для всего государства. Что касается самого Птолемея, он все еще являлся сатрапом, т. е. губернатором Египта под властью Александра IV, сына Александра Великого и его персидской жены Роксаны. Однако в ЗЮ году до н. э., когда Александру IV было 13 лет, его убили, и вопрос о престолонаследовании так и не был решен. На этом фоне пять лет спустя Птолемей воспользовался удобной возможностью и объявил себя фараоном Египта в 305 году до н. э.

Мы можем лишь предположить, что Птолемей перенес золотой саркофаг Александра вместе с культом Сераписа-Осириса — Аписа в Александрию для того, чтобы укрепить собственную легитимность как подлинного наследника Александра Великого. Возможно также, что ядро будущей Александрийской библиотеки сформировалось в то время из огромной храмовой библиотеки Гелиополя.

Так Александрия превратилась в новую «столицу» Египта и в великий центр просвещения, озарявший западный мир и во времена эпохи Возрождения.

Особое знание

Уже давно признано, что древние египтяне не имели «религии» — по крайней мере в том смысле, который мы сегодня вкладываем в это слово, и хотя термин «египетская религия» широко используется в египтологии и мы сами пользуемся им в этой книге, его нельзя было найти в словаре древних египтян. Он просто не существует. Как объясняет видный египтолог и филолог Алан Г. Гардинер, «с египетской точки зрения мы можем сказать, что нет такой вещи, как религия; есть только хека, ближайшим английским эквивалентом которой является «магическая сила».[838]

Все в древнеегипетских текстах и монументах приводит нас к предположению, что хека, то есть магическая сила, приобреталась в результате очень напряженного процесса духовного и интеллектуального обучения с проведением сложных ритуалов и тайных обрядов посвящения. Хека была разновидностью священной науки, или, как мы предпочитаем это называть, особого знания, и считалась даром Тота, древнеегипетского бога мудрости (греческий Гермес Трисмегист). Вот что говорит по этому поводу британский египтолог Патрик Бойлан, профессор востоковедения в Дублинском университете:

«Тот… является богом мудрости, упорядочивающим космос. Его слова наделены магической силой и порождают вещи и явления. Магия всегда предполагает наличие особого знания. Маг притязает на обладание глубочайшим знанием тайной природы вещей и невидимых связей между ними. Он мудрец, чьи слова могут обуздывать таинственные силы и отражать невидимые опасности. Маг делает все это благодаря своему особому знанию…»[839]

Это особое, или магическое, знание якобы было собрано То — том и записано в священных книгах, которые, согласно легенде, содержащейся в Египетской Книге Мертвых, были переданы Гелиопольскому храму богиней Хатор, чьей звездой, как помнят читатели, был Сириус.[840] Довольно похожая легенда, связывающая Тота и его священные книги с городом Гелиополем, содержится в «Папирусе Весткара». В этом тексте, написанном 3500 лет назад, содержится история о маге, которого призвали ко двору фараона Хуфу, легендарного строителя Великой Пирамиды на плато Гиза. Хуфу стремился найти «тайный чертог Тота» (предположительно там хранились магические книги) для сооружения своей пирамиды; маг сообщил ему, что они находятся в Гелиополе в некоей библиотеке или «зале священных рукописей и архивов».[841] Таким образом, замысел строительства пирамиды ассоциируется с магическим знанием Тота, которое, как мы убедимся, было тесно связано со звездами. По словам французского египтолога Кристиана Жака:

«Величайшим центром магии в Египте, вероятно, был священный город Гелиополь, «город Солнца», где разрабатывалась самая древняя теология. Здесь хранились

многочисленные папирусы, «магические» в самом широком смысле этого слова, включая тексты по медицине, ботанике, зоологии и математике. Многие греческие философы и ученые посещали Геолиополь для изучения этих знаний…»[842]

Далее Жак говорит о том, что в Гелиополе и друг их центрах обучения практиковалась «священная наука, преподаваемая специалистами, проходившими многолетнее обучение для владения самыми тайными силами вселенной».[843] Самым важным аспектом этой «священной науки», или особого знания, была вера в то, что звездные силы и влияния МOiyr быть каким-то образом привлечены на землю. Как подчеркивают Кристиан Жак и другие исследователи, храм древнеегипетской священной науки опирался на твердую убежденность в том, что неодушевленные объекты — амулеты, статуи, святилища, монументы, храмы и даже целые города — могут быть наделены божественной сущностью звезд благодаря умелому использованию магии.

Западная цивилизация XXI века не верит в магию. Более ранние цивилизации, особенно древние египтяне, верили в нее, однако то, что они понимали под словом хека, не обязательно согласуется с современным представлением о магии и, таким образом, нуждается в более четком определении. Согласно Фрэнсис Йейтс из Лондонского университета, которая посвятила свою жизнь исследованию этих вопросов,

«… род магии, с которым мы имеем дело, глубоко отличается от астрологии, которая, по существу, является вообще не магической, а математической наукой, основанной на убеждении, что человеческая судьба безоговорочно управляется звездами, и поэтому, благодаря изучению гороскопа человека и положению звезд во время его рождения, астролог может предсказать его заранее предопределенное будущее. Магия имеет отношение к астрологии лишь в том смысле, что она тоже основана на образах и влияниях звезд, но она отступает от астрологического детерминизма как способ обретения власти над звездами и направления их воздействий в соответствии с желаниями мага. Или, в религиозном смысле, это путь к спасению, к освобождению от уз вещества, к получению божественного озарения. Поэтому название «астрологическая магия» не является точным, и впоследствии за отсутствием лучшего термина я буду называть ее «астральной магией»…»[844]

Здесь, как мы увидим в следующей главе, Фрэнсис Йейтс говорила не о древнеегипетской «астральной магии», но более конкретно о возрождении древнеегипетской магической традиции в эпоху итальянского Ренессанса. Однако она могла с таким же успехом говорить и о Древнем Египте, так как ее определение описывает именно тот род «астральной магии», который существовал в Египте с незапамятных времен.

Время перемен

После коронации Птолемея I Сотера в качестве преемника Александра Великого начался период процветания для Александрии. Сначала была построена пышная гробница для упокоения останков Александра, а потом был разработан ряд архитектурных и религиозных проектов. К наиболее значительным из них принадлежал Фарос (одно из чудес Древнего мира), большой храм и библиотечный комплекс Сераписа (Серапеум) и, разумеется, легендарная Александрийская библиотека.

В александрийском Серапеуме правители династии Птолемеев возродили культ Сераписа и воздвигли его огромную статую. На Фаросе, как мы уже говорили, был построен большой храм, посвященный Исиде («супруге» Сераписа). Что касается знаменитой библиотеки, она была посвящена семи музам, покровительницам различных искусств. Вполне вероятно, что большая часть первоначального собрания Александрийской библиотеки состояла из рукописей, доставленных из храмовых библиотек Гелиополя и Мемфиса, где они

сохранялись с незапамятных времен. Кроме того, литературные труды по философии, религии, наукам и искусствам поступали из других стран, особенно из Греции. Птолемей I Сотер проявил большой личный интерес в приобретении экземпляра Ветхого Завета на еврейском и распорядился о переводе рукописи на греческий язык, впервые сделав ее доступной для не-евреев. В Александрии закрутился невероятный интеллектуальный и духовный водоворот, в результате чего возник еще более мощный сплав магии, религии и философии, создание которого приписывалось Гермесу Трисмегисту, как здесь называли Тота, египетского бога мудрости.

Как мы увидим, в грядущие столетия древнеегипетская магическая традиция носила греческие одежды и незаметно проникала в Западную Европу.

Метаморфоза

В 586 году до н. э. царь Вавилона Навуходоносор II захватил Иерусалим, что привело к массовому изгнанию евреев, многие из которых нашли путь в Египет. Свидетельства их пребывания в Египте в то время широко распространены от нильской дельты на севере до Элефантины возле Асуана на дальнем юге. 200 лет спустя, когда Птолемей I Сотер установил свою власть в Палестине и Иерусалиме, он вернул назад еврейских торговцев и поощрял евреев селиться в своем новом городе Александрии. КI веку до н. э. и началу правления знаменитой Клеопатры, последней из династии Птолемеев, значительная часть населения Александрии была представлена евреями, усвоившими греческий язык и обычаи. Нет сомнения в том, что патриархальная монотеистическая религия, не признававшая символов и скульптурных образов, начала укореняться на древней земле фараонов благодаря египетским евреям.

В 30 году до н. э. римские легионы Октавиана (Август Цезарь) подошли к вратам Александрии и бросили вызов Марку Антонию. Практически беззащитный город был охвачен паникой и хаосом. Вооруженные силы под командованием Антония и Клеопатры потерпели полное поражение в морском бою при Акциуме, и теперь любое сопротивление Октавиану было бы глупой бравадой. Ранее Марк Антоний в порыве героического безрассудства действительно попытался возглавить смелую атаку на римские легионы Октавиана, но был предан собственными воинами, провозгласившими Октавиана своим настоящим полководцем. Преданный, но неспособный смириться с поражением, Марк Антоний совершил самоубийство и попросил последнего из своих преданных воинов добить его. Когда Клеопатра узнала об этом, она поклялась, что Октавиан не получит ее живой, и совершила самое знаменитое самоубийство в истории, впрыснув себе смертоносный змеиный яд.

Трехтысячелетнее правление фараонов внезапно прервалось. Октавиан сразу же объявил Египет римской провинцией, и мощь цезарей обрушилась на эту древнюю священную землю, словно гигантская кувалда. В течение многих лет Египет был низведен до роли зернохранилища, кормившего римские легионы.

Встревоженные переменами, происходившими повсюду вокруг них, египетские жрецы, несомненно, более всего опасались исчезновения своей магической традиции. В течение трехсотлетнего правления Птолемеев древнеегипетский храмовый культ не только сохранялся, но получал действенную государственную поддержку и процветал повсюду. Его освященная веками древность оказывала мощное, почти гипнотизирующее воздействие на Птолемеев, обнаруживших, что он замечательно сочетается с их собственной мифологией и представлениями о божественном. С другой стороны, римляне рассматривали эту связь просто как один из источников политической власти для эффективного управления Египтом и его ресурсами. Конечно, римские императоры назначали себя «фараонами» и даже приняли религию Сераписа и Исиды. Они также восстановили храмы и построили новые в честь

египетских божеств — к примеру, знаменитый храм в Дендере, сохранившийся до наших дней, был восстановлен императором Тиберием,[845] однако все это не могло завоевать симпатии египтян, не говоря уже о египетских жрецах. Они знали, что под властью римлян их положение неизбежно изменится. Просвещенные Птолемеи рассматривали себя как преемников божественной власти египетских фараонов, в то время как римляне явились в роли господ и завоевателей. Как указывает коптский христианский ученый Джилл Камиль:

«Институт священной монархии, главный элемент египетской общественной жизни в эпоху фараонов, который поддерживался рядом более поздних династий (к примеру, Птолемеев), в римские времена был утрачен. Императоры могли притязать на божественное происхождение, но их префекты правили Египтом, уменьшали престиж жрецов и угнетали людей. Они перекачивали в Рим богатства страны и забирали в армию египтян, которые сражались в войнах Рима с другими странами. Египтяне, принимавшие правление Птолемеев, сопротивлялись римлянам. Не трудно понять разницу между ними. При Птолемеях Египет сохранял свою целостность и имел стабильную экономику, при римлянах страна обнищала и лишилась суверенного статуса. Она была не более чем личным поместьем для императора и площадкой для развлечений римской элиты».[846]

Сначала при римлянах существовало некое подобие благоденствия и даже ощущение защищенности, но в целом оно не принесло пользы египтянам.[847] Продукты сельского хозяйства шли на питание римских гарнизонов и пополняли закрома Римской империи, а если римляне строили новые храмы или осуществляли гидравлические проекты, это делалось по стратегическим соображениям, для укрепления их политической и военной власти в Египте. Вскоре египтяне, которые теперь стали народом, смешавшимся с «египетскими» греками и евреями, начали бунтовать. В 115 году н. э. крупный мятеж, во главе которого, по всей видимости, стояли евреи, был жестоко подавлен римлянами. Другое массовое убийство произошло в Александрии во время визита безумного императора Каракаллы в 215 году после того, как александрийцы необдуманно обвинили его в убийстве его брата. Еще более крупный мятеж вспыхнул в 297 году и на этот раз был подавлен императором Диоклетианом, захватившим Александрию после восьмимесячной осады.

Но не все императорские посещения носили агрессивный характер. Было время, когда император Веспасиан явился в Александрию и, подобно Александру Великому, был провозглашен «сыном Амона» и даже воплощением Сераписа. Веспасиан отнесся к этому с такой серьезностью, что даже прошел по улицам Александрии, совершая «чудеса», и однажды вернул зрение слепому человеку.[848]

В 130 году император Адриан нанес относительно мирный визит в Александрию и в Фивы (Верхний Египет). Во время этого путешествия его фаворит, юноша по имени Антиной, утонул в Ниле, и Адриан распорядился основать на месте этого трагического события город под названием Антинополис. Он также оставил очень ценное наблюдение о культе Христа и Сераписа в Александрии в своем письме Севиану, губернатору города:

«Итак, ты восхваляешь Египет, мой дорогой Севиан! Я знаю эту страну от края до края… Здесь почитатели Сераписа являются христианами, а те, кто называет себя епископами Христа, приносят обеты Серапису… Каждый раз, когда сам патриарх приезжает в Египет, он должен почтить Сераписа у одних и Христа у других».[849]

В тревожной обстановке религиозного синкретизма и постоянно находясь под угрозой темпераментных выходок и жестокости римских императоров, египетские жрецы взяли паузу для размышлений. До последнего времени им удавалось обеспечить сохранение древней магической традиции, приняв династию Птолемеев и обратив ее в свою веру, однако теперь они видели, что римляне представляют гораздо более серьезную и, возможно, даже

непреодолимую опасность. В 30 году н. э., когда римляне прибыли в Египет, там уже давно происходило культурное взаимодействие между греками и образованными египтянами, многие из которых были жрецами, писцами и чиновниками, связанными с храмовым культом. Как объясняет Джилл Камиль:

«Официальными языками в Египте были греческий и египетский, но греческий пользовался более широким распространением. Образованные египтяне учили греческий язык задолго до завоеваний Александра. Они также понимали, что если будут переводить собственный язык на греческий алфавит, хорошо известный среди средних классов и более простой для чтения, чем демотическое письмо (курсивная разновидность иероглифической письменности в наиболее позднем варианте), то общение значительно упростится. Писцы начали переводить египетские звуки на греческий манер, добавив несколько букв из демотического алфавита для обозначения звуков, не имевших аналога в греческом алфавите. Так появился новый алфавит, ныне известный под названием коптского».[850]

Обмен идеями и письменными трудами получал значительную поддержку, и первые цари династии Птолемеев, такие, как Сотер и Филадельф, выпускали указы о переводе важных египетских сочинений из храмовых библиотек на греческий язык, lingua franca Египта и его окрестностей в эпоху поздней античности.[851] Как отмечалось выше, предание гласит, что Птолемей I Сотер также подрядил ученых евреев в количестве 72 человек для перевода Ветхого Завета на греческий язык. Этот вариант, ныне известный как Септуагинта, послужил основой для более поздних латинских переводов.

Неудивительно, что в Александрии начались очень мощные духовные и интеллектуальные процессы, которые привели к созданию «неоегипетской» философии, с готовностью принятой большинством жителей мегаполиса. Одним из элементов этой философии был христианский гностицизм, который мы подробно исследовали в части I и который в наши дни лучше всего представлен в сохранившихся текстах из Наг Хаммади. Другим элементом, тесно связанным с гностицизмом, но имевшим свой особый характер, была «языческая» герметическая литература, которую мы обсуждали в главах 8 и 9. Именно в этих герметических текстах, собранных в Александрии в первые три столетия нашей эры, как утверждает Джилл Камиль, наиболее четко подытожены духовные и интеллектуальные искания этого периода:

«Хотя Египет находился под управлением грекоязычной элиты, а основная масса населения была неграмотна, там существовало двуязычное многонациональное сообщество. Об этом наиболее ярко свидетельствует собрание синкретических трактатов, известных под названием Corpus Hermeticum. *Предположительно, оно было написано Тотом, древнеегипетским богом мудрости, который в образе греческого Гермеса Трисмегиста дал ему свое имя. Герметические тексты, иногда написанные по-гречески, а иногда переведенные с египетского на греческий, были трактатами о природе божественного, древнеегипетской науке и литературе и о эзотерических учениях, включая космологические концепции и мистицизм. Благодаря такой литературе можно представить, какими различными и тонкими способами учение о божественном проявлялось во всей культурной амальгаме античного Египта».*[852]

В главе 8 мы говорили о культурном воздействии герметических текстов, внезапно появившихся на европейской сцене в 1460 году. Теперь давайте поместим их в надлежащий интеллектуальный и культурный контекст рядом с нарождающейся и крепнущей силой христианства в его гностической и «буквалистской» форме.

Три главных игрока

Около 30 года н. э., примерно через 60 лет после вторжения императора Августа в Египет, некий человек по имени Иисус из города Назарета был распят в Иерусалиме. Утверждение о том, ч то Христос является богочеловеком, лежит в основе доктрины христианства. С другой стороны, как мы помним, гностики придерживались совершенно иных взглядов и не признавали физического воплощения Христа. Сейчас, 2000 лет спустя, мы не можем сказать, кто был прав, а кто ошибался и был ли Христос человеком, призраком или его вообще не существовало. Христианство существует, в этом нет сомнений. Оно сформировало мир, в котором мы живем, но личность Христа до сих пор ускользает от нас, и, по правде говоря, история его жизни и смерти и даже то, что происходило с его последователями в первые 30 лет после этого, не подтверждается доказанными историческими фактами.

Предание гласит, что св. Марк отправился в Рим и гам написал свое знаменитое Евангелие. Потом, во время правления императора Нерона (примерно в 60 году н. э.), он совершил путешествие в Александрию с апостольской миссией для обращения египтян в христианство. В Риме уже начались широкомасштабные гонения на христиан, поэтому Египет был более безопасным местом и, что еще важнее, созрел для такой апостольской миссии. Действительно, надежды св. Марка оказались вполне оправданными.

Согласно коптскому преданию, первым египтянином, обращенным в христианство св. Марком, был еврейский сапожник из Александрии. Это подчеркивает тот факт, что крупное еврейское население Александрии было наиболее очевидной мишенью для приобщения к новой мессианской вере иудейского происхождения. Возможно, и даже весьма вероятно, что некоторые из первых последователей Иисуса нашли убежище в Египте и сформировали ядро протохристианских течений. Обращение в христианскую веру, которое естественным образом началось с еврейского населения, постепенно распространилось на коренных египтян и граждан греко-римского происхождения.

Этот процесс неизбежно привел к образованию различных религиозных фракций в Александрии. С самого начала главными игроками были христианские гностики, часто интерпретировавшие Священное Писание в символическом и аллегорическом смысле, и христиане-ортодоксы, интерпретировавшие Священное Писание в буквальном смысле. Мы подробно рассмотрели воззрения этих фракций в части I.

Третьим крупным игроком, сопротивлявшимся усилению христианства и сохранявшим «языческие» корни, были герметисты, чьи первоначально древнеегипетские верования теперь были адаптированы для грекоязычного населения. Ненавидимые и гонимые католической церковью гностики и герметисты нашли много общего друг с другом, в том числе поиск спасения и духовного озарения через божественное знание, т. е. гнозис. Хотя церковь называла гностиков еретиками, а герметистов язычниками, и те и другие рассматривались как опасные противники и в равной мере подвергались жестоким гонениям.

В главе 5 мы рассказали о том, как эти гонения достигли кульминации в IV веке н. э., когда христианский император Феодосий закрыл все «языческие» храмы в Египте. Гностики и язычники были загнаны в пустыню, их культовые места были либо разрушены, либо превращены в католические церкви, а их сочинения подвергались конфискации и сожжению на костре. Однако, по всей видимости, обе группы заблаговременно предприняли меры, чтобы спасти свои священные тексты и древние традиции от полного уничтожения.

В части I мы исследовали непрерывную традицию гностицизма до уничтожения катаров и богомилов в XIII–XIV веках. Мы также рассказали о гностических текстах из Наг Хаммади, утраченных для мира на 16 столетий, об их чудесной находке в 1945 году и об их важном значении для нашего понимания христианства.

Герметические тексты, так называемые сочинения Гермеса Трисмегиста, вышли из тени значительно раньше. Отдельные экземпляры были вывезены из Египта, возможно, в V или VI веке, и некоторые из них попали в Византию и Македонию. Одно полное собрание переходило из рук в руки, многократно переписывалось, но тем не менее сохраняло свою целостность около тысячи лет, до тех пор пока оно не было обнаружено пожилым итальянским монахом и доставлено в резиденцию Косимо де Медичи.

Человек своей эпохи, лучше других понимавший ценность такого открытия, Косимо обеспечил герметическим сочинениям блестящее будущее в эпоху Ренессанса, так что герметическая символика проникла даже в апартаменты папы римского до конца XV века. Христианский гностицизм в Окситании, возродившийся в виде катаризма, потерпел сокрушительное поражение, но возможно ли, что «языческий» герметизм получил шанс ниспровергнуть ненавистную тиранию католической церкви?

ГЛАВА 11
ПРОРОК ГЕРМЕСА

«Во второй половине XVI века в Европе, опустошенной ужасными войнами и гонениями в результате конфликта между католической церковью и Реформацией… люди обратились к герметической религии в попытке подняться над этими конфликтами…»

Фрэнсис Йейтс, «Джордано Бруно и герметическая традиция»

Может быть, ваш страх перед моим осуждением сильнее моего страха перед вашим приговором…»

Ответ Джордано Бруно кардиналам инквизиции после того, как его приговорили к сожжению на костре. По свидетельству очевидца Гаспара Шоппа в январе 1600 года

«Некоторые утверждают, что эпоха Возрождения закончилась с его смертью».

Кеннет Дж. Этчити о Джордано Бруно «в книге «Читатель Возрождения»

Во время борьбы с катарами в XII–XIII веках римско-католическая церковь была вынуждена соперничать с высокими нравственными нормами, принятыми у «совершенных» из числа катаров, но после победы над еретиками в этом больше не было необходимости, и к XVI веку репутация Ватикана снова оказалась запятнанной. Дело было не только в ужасах инквизиции, переживавшей очередной этап бурной деятельности, но и в многочисленных скандалах, связанных с так называемыми «дурными папами». Как мы могли убедиться в главе 8, даже среди них папа Александр VI из рода Борджиа выделялся своим эксцентричным поведением, не говоря уже о интригах и убийственной жестокости по отношению к своим детям, Чезаре и Лукреции Борджиа, а также о разнузданных оргиях, происходивших в Ватикане.

Все это заставило многих в Европе сомневаться в легитимности папской власти. Сомнения сначала привели к отчуждению, потом к опасливым протестам и, наконец, к открытому мятежу, поднятому «протестантскими» группами за пределами Италии. В Германии протестантское движение возглавил сельский пастор Мартин Лютер, исполненный решимости вырвать христианство из тисков римского папства.

Война между католическими и протестантскими армиями сопровождалась массовой резней среди мирного населения. Во второй половине XVI века большинство европейцев, изнемогавших от десятилетий кровопролития и опустошения, надеялись на избавителя, который снова объединит Европу для мирной и благополучной жизни. В 1569 году все взоры были устремлены на семейство Бурбонов из королевства Наваррского и на Францию, где

религиозное противостояние между католиками и протестантами (известными как гугеноты) приближалось к кульминации.

Взлет и падение Екатерины Медичи

Во главе католической «военной лиги» в 1569 году стоял король Франции Карл IX, но на самом деле большая часть властных полномочий этого больного и довольно слабого монарха находилась в руках его властной и честолюбивой матери Екатерины Медичи.

Родившаяся в могущественной и влиятельной флорентийской семье в 1519 году, Екатерина происходила от Лоренцо де Медичи, герцога Урбино, и Мадлен Овернской, связанной родственными узами с французской королевской династией. Осиротевшая в очень юном возрасте, Екатерина однажды была заложницей, когда дворец Медичи был атакован и занят толпой рассерженных флорентийцев, взбунтовавшихся против папского престола. После того как ее воинственный дядя папа Климент VII (Джулио де Медичи) подавил бунт во Флоренции, она получила свободу и переехала в Рим. Затем папа договорился с французским королем Франциском I о браке Екатерины (которой в то время было лишь 14 лет) со вторым сыном короля, Генрихом Орлеанским.

Юная Екатерина Медичи, желавшая оказать на французский двор подобающее впечатление, которое компенсировало бы ее маленький рост и не слишком привлекательное лицо, обратилась к флорентийскому обувщику, который изготовил для нее первую пару туфель на высоком каблуке, напоминавших современные и вызвавших много толков среди придворных дам по ее прибытии. Не любимая французами, она тем не менее стала их королевой после смерти старшего сына Франсиска I, оставившего свой трон ее мужу, Генриху Орлеанскому, который был коронован как Генрих II. Генрих имел страстный роман с Дианой де Пуатье, придворной красавицей и куртизанкой на 20 лет старше его самого. Несмотря на это, Екатерина Медичи принесла ему не менее десяти детей; трое умерли при родах, а трое других впоследствии стали королями Франции. Это были Франциск II, Карл IX и Генрих III.

Ненависть Генриха II к французским гугенотам и жестокие репрессии, которые он обрушил на них, в конце концов привели к полномасштабной гражданской войне. Сам король погиб в результате несчастного случая на турнире в 1559 году. После этого начался период долгого регентства Екатерины Медичи с ее несовершеннолетними сыновьями: сначала с Франциском II, который умер год спустя, в 1560 году, потом с ее вторым сыном, Карлом IX, умершим в 1574 году, и, наконец, с Генрихом III, который умер в августе 1589 года всего лишь через несколько месяцев после собственной смерти Екатерины в январе того же года.

Сначала Екатерина лавировала между гугенотами и католиками в попытке сохранить мир во Франции и даже устроила брак между своей дочерью Маргаритой и Генрихом Наваррским, блестящим принцем-протестантом из рода Бурбонов и будущим французским королем Генрихом IV. Королевство Наварра в Северной Испании, где правила династия Бурбонов, находилось в жесткой оппозиции к «католической лиге». Жанна д'Олбре, мать Генриха, была убежденной протестанткой и воспитала сына в том же духе. Генрих Наваррский, учившийся военному искусству у способного полководца Гаспара де Холиньи, оказался прирожденным военным стратегом и превосходным бойцом, что он начал доказывать с 16 лет, когда лично возглавил кавалерийскую атаку гугенотов против католиков в битве при Арни-ле-Дюк. В 1570 году между французской королевой Екатериной Медичи и королевой Наварры Жанной д'Олбре был заключен непрочный мир, в условия которого входил брак между Маргаритой Медичи и Генрихом Наваррским. После долгих переговоров между двумя враждующими королевами было решено, что церемония бракосочетания состоится в Париже в 1572 году. Однако по прибытии в Париж в июне этого года королева Наваррская внезапно умерла от воспаления легких, и ее сын Генрих стал новым королем

Наваррским. Они с Маргаритой Медичи поженились 18 августа 1572 года, но Генрих отказался присутствовать на католической мессе после свадьбы вместе с членами французской королевской семьи. Несколько дней спустя одно из самых позорных событий в истории Франции уничтожило всякую надежду на мир между гугенотами и католиками.

Резня в день св. Варфоломея

Во время свадьбы Генриха и Маргариты тысячи гугенотов, включая знаменитого кузена Генриха, герцога де Конде, собрались в Париж на торжества. В городе поползли слухи о заговоре против Екатерины Медичи, которая убедила своего тщедушного и слабовольного сына Карла IX предпринять быстрые и решительные меры против гугенотов. Была совершена попытка убийства герцога Конде, которая вызвала мощную вспышку ненависти к Екатерине; в ответ королевской страже приказали напасть на практически безоружных гугенотов. Последовала чудовищная резня, и парижские улицы, как позднее говорили, были по колено в крови. Этот акт геноцида вошел в историю под названием «резня в день св. Варфоломея», поскольку он произошел 24 августа, в день этого святого.

В результате этих трагических событий Генрих Наваррский фактически оказался пленником французской королевской семьи, почти все члены которой были католиками. В попытке спасти свою жизнь и уцелевших сторонников он сделал вид, что отрекается от протестантства. Убедив хитроумную Екатерину Медичи в своей искренности, Генрих через три года наконец смог бежать в Наварру, где он собрал армию для войны с католиками.

Тем временем Карл IX умер, и на трон взошел Генрих III, последний сын и любимец Екатерины. Отчужденный, питавший особую склонность к юношам-миньонам (как тогда во Франции называли гомосексуалистов), Генрих III большую часть времени проводил в сомнительных занятиях. Он переодевался женщиной, принимал участие в жутких процессиях, бродивших по Парижу, одетый в монашескую рясу с капюшоном, и однажды присоединился к группе капуцинов, изображавших «деву Марию» и «Марию Магдалину», в то время как третий, возможно, сам король, изображал «Иисуса».[853] Кроме того, Генрих был патроном двух религиозных военных орденов — «рыцарей святого духа» и «рыцарей Феникса», — где якобы совершались тайные ритуалы с участием самого короля.[854]

Казалось, что Генрих III, не имевший жены и наследника, обречен стать последним представителем некогда могущественной орлеанской династии на троне Франции. Многие обратили свои взоры на его воинственного шурина, Генриха Наваррского, который был следующим претендентом на французский престол, и стали видеть в нем богоданного короля, который сможет снова объединить протестантов и католиков.

Месса ради Парижа

В 1586 году Генрих Наваррский учредил свою военную штаб — квартиру в Ла-Рошели, сильно укрепленном портовом городе, который уже давно был символом протестантского сопротивления. Отсюда он мог противостоять могущественной католической лиге, образованной в результате союза между Испанией, Францией, Ватиканом и немецкой династией Габсбургов, традиционно удерживавшей престол Священной Римской империи. Осенью 1587 года Генрих Наваррский вступил в сражение с войсками Генриха III в окрестностях Бордо. Католическую армию возглавлял один из миньонов французского короля, герцог Жойез, который не мог сравниться с Генрихом Наваррским в военном искусстве. Католики потерпели поражение, и герцог Жойез был убит в бою.

Неудивительно, что папа римский немедленно объявил Генриха Наваррского еретиком, не имеющим прав на французский трон. Испанский король Филипп II, который, несомненно, был реальной силой, стоявшей за католической лигой, предложил свою дочь Изабеллу в качестве будущей королевы Франции. Под давлением могущественного графа де Гиза, ревностного католика, Генриху III пришлось бежать из Парижа, и католическая лига пришла к власти. Генрих III заключил с Генрихом Наваррским тайную сделку и пообещал сделать его наследником престола, если тот поможет ему захватить Париж. Следующим ходом было убийство графа де Гиза миньонами Генриха III 23 декабря 1588 года. Потом они с Генрихом Наваррским осадили Париж в начале 1589 года, однако, прежде чем наступила развязка, Генрих III сам был заколот кинжалом убийцы, фанатичного монаха-иезуита Жака Климента. Лежа на смертном одре и выкашливая кровь из легких, Генрих III, судя по всему, нашел в себе достаточно сил, чтобы провозгласить Генриха Наваррского своим законным преемником.

Католическая лига отказалась впустить Генриха Наваррского в Париж и вручить ему корону Франции, если он не будет присутствовать на мессе. Именно тогда Генрих обессмертил фразу «Париж стоит мессы!» и снова отрекся от протестантизма во имя государственных интересов. Генрих Наваррский был коронован как король Франции Генрих IV в Шартрском соборе в 1594 году и 22 марта, в день весеннего равноденствия, въехал в Париж на белом коне под восторженные крики толпы.

Герметическая миссия Джордано Бруно

Из вышеописанного исторического этюда должно быть ясно, что в XVI веке религиозная борьба происходила главным образом между католической церковью и протестантством. Войны с катарами отошли в прошлое, дуалистическая ересь была мертва и забыта, и, хотя протестанты были «еретиками», их убеждения не имели ничего общего с катарами. Действительно, помимо общего антиматериализма религия катаров имела не больше общего с протестантством, чем с католицизмом, и принадлежала, как мы могли убедиться, к традиции гностического христианства, сформировавшегося в Александрии в первые три столетия нашей эры.

В тот же период в плавильном тигле александрийской культуры возникла вторая традиция, тоже претендовавшая на роль хранительницы священного гнозиса, освобождающего душу. Эту герметическую традицию церковь считала «языческой», а не христианской. В отличие от гностической традиции, которая, по нашему предположению, непрерывно развивалась с раннехристианской эпохи до окончательного поражения катаров, свидетельства непрерывного сохранения герметической традиции с V по XV век гораздо труднее отыскать.[855] На первый взгляд возрождение этой традиции — по крайней мере на Западе — связано лишь с находкой основных текстов, их переводом на латынь в Академии Медичи в 1460-х годах и последующим распространением в европейских странах. Однако не исключено, что феноменальный успех герметизма в эпоху Возрождения имеет и другие причины, иначе трудно объяснить ту скорость, с которой он проник в самое сердце Ватикана. Создается впечатление, что некая система или организация, уже существовавшая к моменту находки текстов, обладала волей и возможностями для их использования с целью подрыва устоев традиционной церкви.

В таком случае Джордано Бруно — вероятно, величайший герметический маг XVI века — был участником заговора (хотя мы можем лишь предположить, что его упрямство и независимость помешали ему действовать эффективно).

Родившийся в 1548 году в городке Ноли в окрестностях Неаполя, он был приговорен инквизицией к мучительному сожжению на медленном огне в 1600 году за то, что в течение

20 с лишним лет пытался изменить картину мироздания, навязываемую католической церковью.

Как мы помним, большинство папских инквизиторов были доминиканцами. По иронии судьбы в юности Бруно сам был доминиканским монахом в одном из монастырей Неаполя, но уже тогда собратья-монахи обвинили его в ереси. Его преступление заключалось в том, что он читал запрещенные труды Эразма Роттердамского и сочинения Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, где излагалась герметическая традиция. Упрямство и вольнодумство Джордано Бруно не снискали ему популярности в монастыре, где распорядок жизни определялся строгим уставом. В 1576 году, в возрасте 28 лет, он публично отрекся от своего религиозного братства и снял с себя рясу. Узнав о том, что инквизиция готовит дело против него, состоявшее не менее чем из 130 отдельных обвинений в ереси, он благоразумно решил пуститься в бега.[856]

Импульсивный и вспыльчивый, но блестящий ученый Бруно был ревностным герметистом, лелеявшим мечты о полном возрождении «египетской» религии Гермеса Трисмегиста. Но в отличие от довольно слабой попытки Пико делла Мирандолы встроить герметизм в христианскую доктрину с помощью Каббалы Бруно задумал нечто гораздо более радикальное: фактическую замену христианства «магической религией» герметизма.

Путешествия Джордано Бруно

После бегства от инквизиции в 1576 году Бруно поочередно посетил Геную, Турин, Савону и Ноли. В 1577 году он провел несколько недель в Венеции, где издал свою первую книгу, к сожалению, ныне утраченную, под названием De segni de tempi. Следующая остановка Бруно была в Падуе, а затем в Милане, где он впервые услышал об английском дворянине Филипе Сидни, который впоследствии сыграл важную роль в его жизни. В 1578 году Бруно прибыл в Женеву, где надеялся получить защиту у маркиза ди Вико, богатого и влиятельного итальянского протестанта, жившего в изгнании.[857] Бруно дал понять, что он не собирается становиться протестантом; он хочет лишь спокойно жить и работать, но власти не позволяют ему делать это. Вскоре он завязал перебранку с видным профессором из Женевы, был арестован за дерзкое поведение и вынужден извиниться. После этого он покинул город, возмущенный и раздосадованный.[858]

С 1579 по 1581 год Бруно жил в Тулузе, столице бывших катарских владений в Окситании, ныне полностью включенной в состав Франции. Он получил докторскую степень по теологии в Тулузском университете и впоследствии получил там кафедру философии, но и здесь его нонконформизм и прямодушие приводили к конфликтам с другими учеными и студентами.[859]

В 1581 году Бруно нашел убежище в Париже, где прочел серию из 30 лекций, заслужившую ему всеобщее признание, по свидетельству современников. Он быстро приобрел репутацию «замечательного эрудита и красноречивого оратора с превосходной памятью».[860]

Бруно при французском дворе

В 1582 году Джордано Бруно призвали ко двору короля Франции Генриха III, который тогда находился в зените своего бесславного правления. По-видимому, сначала король оказал Бруно теплый прием и выделил ему должность во Французском университете для преподавания искусства мнемоники.[861] По словам самого Бруно:

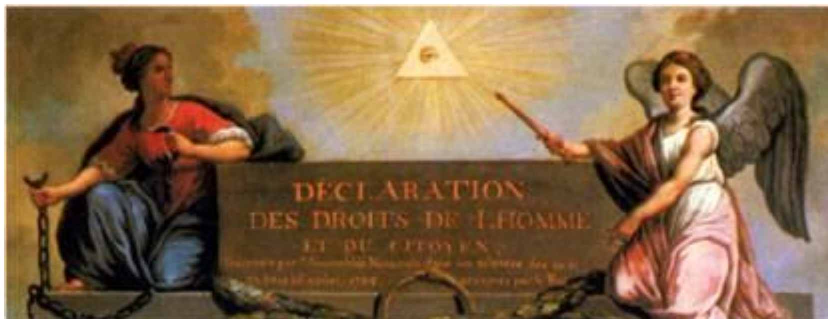
17. Конная статуя Людовика XIV в образе Александра Великого. По преданию, Александр был сыном Амона, верховного солнечного божества Фив (современный Луксор), хорошо известного знатокам античности в XVII веке. Поэтому неудивительно, что Людовик XIV, которого называли Королем-Солнце, часто изображался в произведениях искусства в образе Александра Великого или Аполлона. Первоначальная модель этой статуи, изготовленная Бернини в 1668 году, была выполнена в мраморе его учениками и выставлена в Версале. Впоследствии была сделана свинцовая отливка. В 1981 году, когда Мин Пэй разработал свой план «Большого Лувра», по его требованию статуя была привезена из Версаля и установлена рядом со стеклянной пирамидой на «исторической оси» Парижа.

18. Революционная гравюра с изображением Вольтера (слева) и Руссо (справа), представляющих Высшее Существо французскому народу. Божество здесь имеет вид глаза внутри сияющего солнечного диска, а не треугольника или пирамиды.

19. «Глаз в пирамиде» на фронтисписе Декларации прав человека, составленной в августе 1789 года.

20. Реверс Большой печати США. Такой же рисунок можно видеть на американской однодолларовой банкноте.

21. Август 1793 года. Так называемый «фонтан обновления» (также известный как «Исида Бастильская»). Вода струилась из грудей статуи Исиды, изготовленной скульптором и художником Луи Давидом. Здесь мы видим, как президент Национального собрания при

общем ликовании парижан наполняет кубок «влагой обновления», символизирующей новый общественный и религиозный порядок для Французской республики.

22. Август 1793 года. «Пирамида» в Париже, воздвигнутая в честь Высшего Существа.

23. Гравюра из журнала Le Franc-Mafon, изображающая императрицу Жозефину в масонских регалиях на церемонии «Adoption des Francs-Chevaliers» в страсбургской ложе в 1803 году. «Мои братья и сестры, — говорит прекрасная спутница Наполеона, этого нового Карла Великого, — мой муж говорил правду, когда сказал, что примеры чести и добродетели исходят от франкмасонов».

24. Голова Кибелы/Исиды, обнаруженная в Париже в 1675 году. Вероятно, она датируется периодом Антонинов и была привезена из Италии. Сравните башню (tourelle) на голове богини с Триумфальной аркой на площади Этуаль (площадь Звезды).

25. Богиня, венчающая Наполеона имперским лавровым венком. У его ног преклоняет колени другая богиня в головном уборе Кибелы/Исиды.

26. Богиня Исида на восточном фасаде Лувра смотрит на восходящее солнце.

27. «Loge Bonaparte» (1853), одна из многочисленных масонских лож, носивших имя Наполеона. Сам Наполеон и Иоаким Мюрат изображены в масонских регалиях. Надпись наверху гласит: «Там, где правят законы франкмасонства, также правит Счастье».

28. Революционная гравюра с изображением Наполеона, представляющего Высшее Существо разным религиозным группам. Обратите внимание на пирамиды Гизы в верхней части.

29. Обелиск перед Луксорским храмом.

30. Обелиск на площади Конкорд (площадь Согласия), некогда стоявший перед Луксорским храмом.

31. «Гений Парижа» на вершине колонны Бастилии. Сравните с «гением» на росписи Пико (см. вкладку 2).

«Я получил такую известность, что король Генрих III однажды призвал меня к себе и спросил, является ли моя память врожденным даром или получена в результате магического искусства Я доказал ему, что усовершенствовал свою память не с помощью магии, а благодаря науке. После этого я издал книгу о памяти под названием De Umbris Idearum *(«Тени идей»), которую посвятил Их величеству и получил лекторскую должность».*[862]

То, что искусство памяти не имеет ничего общего с магией, строго говоря, является неправдой, и Бруно знал об этом.[863] Но он сделал вышеуказанное заявление, находясь под судом инквизиции в 1600 году и, следовательно, не желая признавать, что пользовался «языческой» магией в своих учениях. Тем не менее развитие мощной памяти — а тем более той суперпамяти, которой овладел Бруно благодаря искусству мнемоники, — действительно являлось частью магической системы, которой некогда пользовались древние египтяне, изложенной в герметических сочинениях. Как отмечает Фрэнсис Йейтс:

«Отношение Джордано Бруно с Генрихом III засвидетельствовано только словами самого Бруно перед инквизиторами… Если бы Генрих заглянул в De Umbris Idearum *[книга, которую Бруно посвятил ему], он бы сразу узнал магические образы, так как однажды король послал гонцов в Испанию за трактатами по магии… одним из которых был «Пикатрикс». С учетом особого пристрастия его матери, Екатерины Медичи, к магам и астрологам невозможно представить, что Генрих не обладал некоторыми познаниями в этой области. Согласно более вероятному варианту этой истории, Генрих заинтересовался слухами о магических способностях Бруно и решил лично встретиться с ним».*[864]

Образы, особенно изображения звезд и других небесных объектов, таких, как Солнце, планеты и знаки Зодиака, — короче говоря, все символы астральной магии, которые содержатся в «Асклепии» и «Пикатриксе» (см. дискуссию в главе 8), действительно использовались Бруно в качестве мощных вспомогательных средств для развития памяти. В техническом смысле они служили для него талисманами, с помощью которых воспоминания можно было прочно запечатлевать в мозгу и извлекать по мере необходимости.[865] В эту систему Бруно также включил новую гелиоцентрическую теорию великого астронома Николая Коперника, гневно осуждаемую католической церковью того времени. Фактически Бруно рассматривал себя как ученика Коперника, но он пошел еще дальше, чем польский ученый, и смело объявил, что вселенная бесконечна и состоит из бесконечного количества звезд, многие из которых имеют планетные системы, населенные живыми существами, как наша собственная планета. Можно сказать, что Бруно благодаря своей замечательной интуиции почти на 400 лет предвосхитил идеи современной космологии.[866]

Теория Коперника, помещавшая Солнце, а не Землю в центр нашей планетной системы, воспринималась Бруно как свидетельство божественной гармонии и всеобщего единства, в котором все планеты управляются из одного центра. По мнению Бруно, склонного к символическим обобщениям, гелиоцентрическая система, спроецированная на Землю силой астральной магии, обеспечивала модель построения идеального общества. Таким обществом, разумеется, должен был управлять великий «солнечный монарх» с помощью жрецов-философов; главным орудием его власти должна стать герметическая магия, вокруг которой объединятся все народы мира. Для Бруно Франция или, возможно, даже Англия в лице блестящей королевы Елизаветы I могла стать страной, которая даст миру такого великодушного и всеми уважаемого правителя.

Поэтому, прослужив один год при дворе короля Франции, Бруно отплыл в Англию в марте 1583 года. По словам Генри Кобхэма, который в то время был послом Англии в Париже, его цель заключалась в пропаганде «религии, которую я не могу одобрить».[867] По

выражению Фрэнсис Йейтс, «Джордано Бруно, ревностный приверженец герметической магии, теперь собирался посетить Англию для изложения своей новой философии».[868]

Бруно в Лондоне и Оксфорде

Бруно провел в Англии два очень активных года, в течение которых он превратился «из странствующего мага в очень странного миссионера».[869] Он поселился в Лондоне в доме французского посла Мишеля де Кастельно, которому ранее был представлен королем Франции, Генрихом III.

Как только Бруно освоился в своем новом доме, он принялся за писательскую работу. Его первой публикацией была книга об искусстве совершенствования памяти, посвященная его любезному хозяину, французскому послу. Бруно надеялся, что, как и во Франции, особые познания в области этого «магического искусства» привлекут внимание ученых и, возможно, даже снискают ему расположение при дворе и позволят заняться преподавательской деятельностью в Оксфорде.

Однако вскоре ему пришлось испытать разочарование. В июне 1583 года, всего лишь через несколько месяцев после его прибытия в Англию, Бруно вступил в спор с группой оксфордских ученых на вечере, устроенном в честь польского принца Альберта. Бруно прочитал лекцию о бессмертии души и о своем личном видении теории Коперника, но был прерван и высмеян пожилым джентльменом из Оксфорда.

«Узнайте же, как грубо вела себя эта свинья и с каким терпением и человечностью ответил Ноланец [Бруно], показав себя истинным неаполитанцем, рожденным и воспитанным под более ласковым небом, — впоследствии писал Бруно. — Узнайте и о том, как они [оксфордские профессора] заставили его прервать свою публичную лекцию о бессмертии души и о планетной сфере».[870]

Бруно (который любил называть себя «Ноланцем» в честь своего родного города Нола) питал глубокое отвращение к узколобым и консервативным ученым, как те, с которыми он встретился в Оксфорде. Он называл их «грамматиками», «аристотелианцами» (Аристотель, в отличие от его учителя Платона, издавна был любимым философом католической церкви) и «педантами». Вместо того чтобы стремиться к божественной истине, жаловалея он, они склочничали и бесконечно обсуждали друг с другом тривиальные мелочи. Хуже того, многие из этих ученых «понимали, но не осмеливались высказать того, что они понимают… и не верили в то, что они видят».[871] По мнению Бруно, их следовало пожалеть за неспособность понять глубинную суть вещей и оценить важность интуиции, которую древние некогда подчиняли своей воле с помощью магии.

Главное обвинение Бруно против этих ученых заключалось в том, что их высокие посты и громкие звания лишь маскировали их внутреннюю пустоту. Они являли собой противоположность гностикам и герметическим философам, чей поиск знаний и истины не опирался исключительно на анализ и наблюдения природы. Бруно знал, что эти мудрецы далекого прошлого дополняли свои наблюдения интуицией, обузданной благодаря природной магии, — так же, как это делали высшие посвященные в Древнем Египте.

Это не означает, что Бруно презирал аналитику или математику. Дело обстояло как раз наоборот, что доказывает его поддержка идей Коперника. В сущности, Бруно был одним из первых ученых, открыто говоривших в Оксфорде о гелиоцентрической теории Коперника, но в отличие от другие ученых он настаивал, что эту теорию следует поместить «в контекст астральной магии и солнечного культа» и расширить до его собственного космологического видения бесконечной вселенной с бесчисленными населенными мирами.[872] Поскольку

консервативные оксфордские ученые XVI века были не готовы к такому революционному мышлению, они повели себя оскорбительно по отношению к Бруно и вынудили его прервать лекцию о бессмертии души.

Сидней и Ди

В тот день на лекции присутствовал молодой и влиятельный английский политик Филипп Сидней, который по распоряжению королевы Елизаветы I сопровождал польского принца Аль берта. Королева придерживалась высокого мнения о Сиднее; не секрет, что его дядя, блестящий Роберт Дадли, граф Лестерский, некогда был фаворитом Елизаветы и, по некоторым сведениям, даже ее тайным любовником.

Филипп Сидней был глубоко образованным человеком, поэтом и, почти безусловно, имел представление о герметических текстах, которые к тому времени уже больше ста лет циркулировали в Европе. Ему, покровителю наук и искусств, приписывают честь открытия эпохи елизаветинской поэзии из-за его прославленного венка сонетов под названием Astrophel and Stella. Это произведение появилось в результате его страстной любви к Пенелопе Деверо, красивой молодой жене лорда Рича. Сидней также был хорошо знаком с прославленным придворным астрологом и «магом» доктором Джоном Ди, хотя степень близости их отношений остается неясной.

Ди был прирожденным математиком, но ранее служил астрологом у Марии Тюдор. Впоследствии она обвинила его в чернокнижии и заключила в тюрьму Хэмптон-Корт. Ди был освобожден в 1555 году и возобновил свою работу в качестве официального астролога при дворе Елизаветы I, благоволившей к нему и обеспечившей ему поддержку и защиту. Именно Джон Ди рекомендовал английскому двору наиболее благоприятную дату для коронации Елизаветы.

Судя по всему, Ди был алхимиком, каббалистом, астрономом, астрологом и математиком одновременно, но его запомнили главным образом как «чародея» и «мага». Он убежденно верил, что может общаться с духами и ангелами с помощью кристаллов. Для содействия в этой работе он воспользовался услугами некоего Эдварда Келли, ясновидца с довольно сомнительным прошлым.

Когда Бруно прибыл в Англию, Ди готовился совершить поездку по Польше и Богемии для проведения сеансов ясновидения и демонстрации своего чародейского искусства при дворе разных европейских правителей. В следующей главе мы узнаем, что это «волшебное путешествие» стало одной из движущих сил, которые привели к образованию тайного общества, известного под названием розенкрейцеров. В духе Джордано Бруно розенкрейцеры пользовались герметической магией и Каббалой как орудиями для религиозных реформ.

Изгнание торжествующего зверя

Хотя Бруно не встретился с Ди, он знал Филиппа Сиднея, о чем сам упомянул в посвятительной надписи к своей главной книге под названием Spacio della Bestia Trionfante («Изгнание торжествующего зверя»), опубликованной в 1584 году.

Необычное название этой книги следует понимать как минимум в двух разных контекстах. Во-первых, как указывает сам Бруно в посвятительной надписи, «изгнание торжествующего зверя» является метафорой «изгнания пороков, преобладающих в человеке и противостоящих божественной части его души».[873] Здесь наблюдается явное сходство с представлением гностиков, катаров и манихеев о душе, заключенной в мире вещества и

попадающей в ловушку плотских грехов. Но на втором смысловом уровне под «торжествующим зверем», несомненно, подразумевается папа римский и вместе с ним вся установленная структура католической церкви. На этом уровне «изгнание» для Бруно означало расчистку пути для новой религии,[874] основанной на учении Гермеса Трисмегиста: «Это добрая религия, которая была ввергнута во тьму, когда христиане уничтожили ее, запретили ее своими декретами и заменили культом мертвых вещей, глупыми ритуалами, безнравственным поведением и непрерывными войнами».[875]

Одним из характерных аспектов религиозной революции, предложенной Джордано Бруно, по замечанию Фрэнсис Йейтс, является то обстоятельство, что «она начинается на небесах; образы созвездий Зодиака, а также Северного и Южного полушарий реформируются или очищаются через совет планетарных божеств…»[876] Таким образом, «Изгнание торжествующего зверя», по существу, является трактатом по герметической астральной магии, со множеством упоминаний о звездах, Зодиаке и созвездиях, где дается подробное объяснение о том, как их силы можно привлечь на Землю и вложить в земные предметы благодаря «магии и божественному культу египтян».[877] Намерение Бруно было достаточно ясным. Он хотел показать, что египетская мудрость появилась раньше древнегреческой и гораздо раньше христианской, поэтому ее следует считать «лучшей религией, лучшей магией и лучшим сводом законов».[878]

В своей главной книге Бруно воспроизводит фрагмент из знаменитой «Жалобы Гермеса». В этом тексте, частично приведенном в главе 8, Гермес Трисмегист говорит своему ученику Асклепию, что египетская религия падет под натиском вторгнувшихся варваров и исчезнет с лица Земли, но Гермес также говорит, что настанет время, когда она будет восстановлена и снова займет почетное место. То же самое утверждает и Бруно: «Превосходная магическая религия египтян вернется. Их нравственные законы придут на смену хаосу современной эпохи, и пророчество будет исполнено…»[879]

По мнению Бруно, «небесным знамением, провозглашавшим возвращение египетского света, который разгонит нынешнюю тьму, было… Солнце Коперника».[880] Соответственно, он видел в диаграмме Коперника с изображением концентрических планетарных орбит вокруг Солнца некий талисман или иероглиф. Он действовал как герметическая печать, и Бруно полагал, что постиг ее глубинный смысл. Стратегия Бруно, на самом деле довольно простая, заключалась в том, что истина Коперника, которая неизбежно произведет революцию в науке, должна объединиться с его собственной «герметической революцией».

«Что наверху, то и внизу»

Выше мы упоминали, что великая религиозная реформа, задуманная Бруно и изложенная в книге Spacio della Bestia Trionfante, предположительно начиналась на небосводе, среди звезд. Здесь большой «совет магов», включая египетскую богиню Исиду, был создан под предводительством Юпитера (Зевса-Амона) для преображения созвездий и, таким образом, через астральную магию для преображения земного мира внизу. Как отмечает Фрэнсис Йейтс, такие идеи явно взяты из Коте Kosmou («Дева Мира»), хорошо известного герметического трактата, в котором Исида обращается к Гору и другому ученику по имени Мом и объясняет им, каким образом нужно поддерживать «симпатию» между земными и небесными вещами, чтобы избежать хаоса и уничтожения.[881] В трактате есть странный фрагмент, где Гермес сообщает Мому, что он собирается изобрести «тайный двигатель», или небесный механизм, — нечто вроде космического часового механизма, регулируемого колесиками планетарных орбит, созвездий Зодиака, Луны и Солнца, — чтобы контролировать события на Земле и жизнь людей:

«Мом, — сказал он [Гермес], — я изобрету тайный двигатель, связанный с безошибочной и неизбежной судьбой, посредством которою все события в жизни людей от рождения до смерти будут подчинены необходимости; и все вещи на Земле сходным образом будут управляться действием этого двигателя».[882]

Судя по всему, Бруно верил, что великая религиозная реформа, о которой мечтали многие, может быть осуществлена посредством египетской астральной магии, или, по выражению Фрэнсис Йейтс:

«… реформа произойдет из-за манипулирования небесными образами, от которых зависят все вещи внизу. В книге Бруно… Юпитер провозглашает: «Если мы таким образом обновим наше небо, созвездия и их воздействия будут новыми, и новой будет судьба и отпечаток для всех вещей, зависящих от этого Верхнего мира».[883]

«Что это нам напоминает?» — спрашивает Фрэнсис Йейтс.

«Безусловно, магический город Адосентин в трактате «Пикатрикс», построенный Гермесом Трисмегистом, который разместил по окружности города «гравированные образы и упорядочил их так, что благодаря их действию жители становились добродетельными и отделенными от всякого зла и вреда…». Так была образована связь между Гермесом Трисмегистом в роли мага и Гермесом Трисмегистом в роли законодателя египтян, который дал им нравственный закон. И такова же, по моему мнению, в трактате Джордано Бруно связь между манипуляцией или реформацией небесных образов и всемирной религиозной и нравственной реформой».[884]

В трактате «Пикатрикс» мы узнаем, что Гермес построил храм, посвященный Солнцу. Читатель помнит, что этот солнечный храм, как и магический город Адосентин, во многом напоминал другую герметическую метрополию, описанную в трактате «Асклепий»:

«… где боги, осуществляющие свою власть над Землей, однажды вернутся и воцарятся в городе у крайних пределов Египта — городе, который будет смотреть на заходящее Солнце и куда поспешат по суше и по морю все смертные люди…»[885]

Здесь следует отметить, что у обоих «крайних пределов» в Египте некогда существовали два великих солнечных города — храма — один на севере (Гелиополь, или Город Солнца) и другой на юге (Карнак/Луксор в Фивах). Мог ли герметический город, описанный в «Пикатриксе», каким-то образом быть выстроен по образцу древних Фив? И не собирался ли Джордано Бруно и другие герметисты-реформаторы эпохи Возрождения ускорить великие религиозные перемены, к которым они стремились благодаря строительству магического «Города Солнца» где — то в Западной Европе? Высокая вероятность того, что Бруно связывал свою «герметическую реформацию» Европы с основанием магических «солнечных городов», подтверждается Гийомом Котеном, в обществе которого Бруно провел некоторое время после возвращения во Францию из Англии в 1585 году. Котен, библиотекарь аббатства Св. Виктора в Париже, сообщает о том, что Бруно «слышал, будто герцог Флорентийский [Медичи] хотел построить Civitas Solis [Город Солнца], где Солнце будет светить каждый день в году…».[886] Одно лишь упоминание слов Civitas Solis немедленно вызывает ассоциации со странной миссией в Париже другого герметического мыслителя. Человек, которого мы имеем в виду, был современником Бруно. Как и Бруно, он был лишенным сана доминиканским монахом, бежавшим из Италии из-за гонений инквизиции, как и Бруно, он вдохновлялся герметическим видением религиозной революции, но главное сходство заключается в том, что этот человек прославился благодаря книге под названием Civitas Solis, или «Город

Солнца». Он искал просвещенного монарха с «солнечной» родословной, чтобы основать этот утопический город где-нибудь в центре Европы.

Фатальное решение Бруно

Мы встретимся с автором книги «Город Солнца» в конце этой главы.

Тем временем Бруно покинул Англию в 1585 году и отплыл во Францию, где застал страну в состоянии хаоса. Париж стал гораздо менее гостеприимным местом, чем раньше. Король Генрих III, чьим расположением раньше пользовался Бруно, был поглощен религиозной войной в пределах своего королевства, которая к тому времени достигла кульминации.

Положение становилось все более тяжелым. Католические армии, поддерживаемые испанцами и возглавляемые графом де Гизом, собирались вокруг Парижа. Папа Сикст V объявил протестантских вождей Генриха Наваррского и герцога Конде еретиками, что фактически было объявлением войны против Наварры и гугенотов. Католические священнослужители, особенно иезуиты, обращались к парижанам с пламенными проповедями против «еретиков» и гугенотов, вынуждая робкого Генриха III совершать показные акты благочестия. Теперь он редко появлялся в общественных местах, если не считать мрачных и нелепых религиозных процессий, в которых он участвовал, выполняя свое «покаяние». Бруно было ясно, что он больше не может полагаться на королевскую поддержку.

После ссоры с учеными из колледжа в Камбре, оскорбленными публичными нападками Бруно на Аристотеля, Ноланец по кинул Францию в сентябре 1586 года и отправился в Германию, затем в Польшу и обратно в Германию, где он оставался до лета 1591 года. В то время он был охвачен глубокой ностальгией по Италии и наивно верил, что недавно избранный папа Климент VIII окажется более сговорчивым и примет его план великой герметической реформы.

События, происходившие во Франции, могли приободрить Бруно: Генрих Наваррский стал королем Генрихом IV, и в народе с надеждой говорили, что этот некогда ревностный протестант вскоре обратится в католичество. Вероятно, Бруно рассматривал это как признак грядущих великих изменений — хотя здесь они происходили в пользу католичества, — которые он должен был осуществить с божественной помощью.

Вдохновленный этими ошибочными представлениями о себе и о своей миссии, Бруно, по-видимому, поддался душевной слабости, когда получил приглашение стать частным преподавателем у сеньора Жуана Мочениго, итальянского вельможи, называвшего себя большим поклонником его сочинений. Мочениго связался с Бруно через венецианского книготорговца Джованни Батисто Джотто, знавшего о местонахождении «еретика» в Германии. В конце 1591 года Бруно принял предложение Мочениго и уехал в Венецию, несмотря на грозившую ему опасность.

Сначала Ноланец не остановился у Мочениго и некоторое время прожил в Венеции. Он также совершил поездку в Падую, где оставался с января по март 1592 года. Если бы он остался немного дольше, то мог бы познакомиться с автором «Города Солнца», который прибыл в Падую в октябре этого года. Если бы они встретились, то автор «Города Солнца», безусловно, предупредил бы Бруно об огромном риске, связанном с его пребыванием в Италии, и, возможно, даже убедил бы его вернуться в Германию, где тот мог бы жить в относительной безопасности.

Но история уготовила для Бруно гораздо более зловещую участь в Риме…

Цветущий луг

В марте 1592 года Бруно наконец переехал в дом Мочениго. Последний оказался не старательным учеником, как он предполагал, а очень властным и мстительным человеком. Судя по всему, Мочениго хотел научиться «искусству мнемоники и изобретательности», чтобы сравняться в интеллектуальной мощи со своим учителем. Но Бруно больше заботила судьба книги, которую он только что написал и собирался посвятить папе Клименту VIII в надежде привлечь его внимание и, возможно, заручиться его помощью и поддержкой. Когда Бруно сообщил Мочениго о своих намерениях и добавил, что собирается во Франкфурт для издания своей книги, Мочениго пришел в ярость, запер Бруно в его комнате и обратился к венецианским инквизиторам.

Бруно арестовали, обвинили в ереси по нескольким статьям и велели ему отречься от своих убеждений или предстать перед судом. Очевидно, Бруно отрекся, но венецианские инквизиторы усомнились в его искренности и отправили в Рим для новых допросов.

Так начался восьмилетний срок хождения по мукам для Джордано Бруно. Его пытали в застенках Ватикана, снова обвинили в ереси по нескольким статьям, включая его утверждение о бесконечности обитаемой вселенной (что соответствует представлениям науки XXI века), о том, что сама Земля является планетой (так оно и есть), и о том, что символ креста был известен древним египтянам (так оно и было в виде анкха, или crux ansata, символизировавшего жизненную силу).

Поставленный перед выбором между отречением от этих и других «ересей» или смертью на костре, Бруно мужественно стоял на своем. Он не только отказался покаяться, но и забрал назад признания, которые сделал раньше в Венеции. Он решительно утверждал, что в его словах и сочинениях не было никакой ереси, а только истина. Когда был оглашен его приговор, Бруно посмотрел на кардиналов, выстроившихся перед ним, и спокойно сказал: «Может быть, ваш страх перед моим осуждением сильнее моего страха перед вашим приговором».

Утром 17 февраля 1600 года Бруно, одетого в белую рубаху, привели на Кампо ди Фиори («Цветочный луг»), площадь, расположенную недалеко от римского пантеона. Там его крепко привязали к деревянному столбу, вокруг которого были сложены кучи дров и связки хвороста. «Я добровольно принимаю эти муки, — якобы сказал он, когда пламя занялось вокруг него, — и моя душа вознесется в рай вместе с дымом от этого костра». Молодой протестант Гаспар Шопп из Бреслау, недавно обращенный в католичество, который был свидетелем казни, сообщил, что, «когда ему показали образ нашего спасителя перед смертью, он [Бруно] в гневе отверг его, отвернувшись в сторону».[887] На самом деле доминиканский монах попытался ткнуть распятием в лицо Бруно, умиравшему на костре. Подобно катарам, отвергавшим крест, несчастный Бруно, чьи ноги уже обгорели до костей, нашел в себе силы, чтобы с отвращением отвернуться в сторону.

За несколько дней до казни Бруно написал собственную эпитафию:

«Я боролся, и это уже многое значит… Победа находится в руках Судьбы. Что бы со мной ни случилось и кто бы ни оказался победителем, свидетели грядущих эпох не смогут отрицать, что я не боялся смерти, никому не уступал в решимости и предпочел возвышенную гибель низменной жизни».[888]

«Организация» снова в действии?

Приговорив Джордано Бруно к смерти на костре, инквизиция ясно и недвусмысленно дала понять всем его единомышленникам, что древние «ереси» будут уничтожаться, где бы они ни возникали. Мечты Бруно о великой герметической реформе и возрождении герметизма — будь то в русле христианского вероучения или за его пределами — оказались глубоко похороненными. С этой поры любой человек или группа людей, замышляющих религиозные перемены или даже научные теории, которые могли считаться противоречащими христианской догме, очень хорошо знали, что их ожидает.

Наверное, неудивительно, что после гибели Бруно в Европе наступил новый этап формирования тайных обществ и братств — как будто из пепла его погребального костра возник невидимый Феникс, воскресивший реформаторские настроения в других странах Европы. В своей замечательной книге о Джордано Бруно и герметической традиции Фрэнсис Йейтс скрыла намек на сущность этого «невидимого Феникса», питавшего революционные чаяния людей:

«Один из самых значительных аспектов деятельности Джордано Бруно заключается в том, что она происходила в конце XVI века с его чудовищными проявлениями религиозной нетерпимости, когда люди искали в герметизме некий путь к терпимому отношению или даже союзу между враждующими сектами… Существовало много вариантов христианского герметизма, католических и протестантских, большей частью обходивших магию стороной. Затем появился Джордано Бруно, который положил магический герметизм в основу своей религиозной философии, проповедовал «египетскую Контрреформацию» и возврат к египетской традиции, где религиозные противоречия найдут новое решение, а также нравственную реформу с акцентом на общественной благотворительности и этике социального единства. Выступая в Оксфорде, бывший доминиканец имел за спиной великие руины средневекового прошлого и подвергал суровому осуждению разрушение добрых дел своих предшественников и презрение к их философии, филантропии и магии.

Где еще можно найти такое сочетание религиозной терпимости, эмоциональной связи со средневековым прошлым, поощрения добрых дел на благо других людей, творческого переосмысления религии и символики древних египтян? Единственный ответ, который мне приходит на ум, — во франкмасонстве с его мифической связью со средневековыми масонами, его терпимостью, филантропией и египетской символикой. Франкмасонство появилось в Англии как формальная организация лишь в начале XVII века, но оно, безусловно, имело предшественников и некие традиции, уходящие в более отдаленное прошлое, хотя их происхождение остается неясным. Мы блуждаем на ощупь в темноте среди странных таинств, но невольно задаемся вопросом о том, где впервые зазвучала мелодия «волшебной флейты» [эвфемизм для франкмасонства по отношению к опере Моцарта, пронизанной египетскими и масонскими мотивами]. Не могли ли они зазвучать в Англии, где духовно не удовлетворенные люди увидели в «египетском» послании Бруно некий намек на грядущие перемены?»[889]

Мы изучим связь между герметизмом и франкмасонством в следующих главах. Между тем в феврале 1600 году казалось, что надежды Бруно на великую герметическую реформу и его мечты о строительстве «Города Солнца» в Европе улетучились вместе с дымом его костра на Кампо ди Фиори.

Но так ли это было на самом деле?

Томмазо Кампанелла

Когда в Риме складывали хворост для костра Джордано Бруно, в Неаполе инквизиторы допросили и бросили в темницу другого мятежного монаха, который тоже считал, что на него возложена высокая миссия. Это был Томмазо Кампанелла, будущий автор «Города Солнца».

Вот что по этому поводу пишет Фрэнсис Йейтс:

«Томмазо Кампанелла был последним в ряду итальянских философов эпохи Возрождения, предпоследним из которых был Джордано Бруно. Как и Бруно, Кампанелла считался магом-философом, преемником магических исследователей эпохи Ренессанса, начиная от Марсилио Фичино. Как и Бруно, Кампанелла считал, что на него возложена великая миссия. Этот человек… обладал колоссальной уверенностью в себе, как будто он соприкасался с замыслом мироздания и ему было предназначено возглавить вселенскую магическо-религиозную реформу. В отличие от Бруно, Кампанелла не был сожжен на костре, хотя несколько раз подвергался пыткам и провел в тюрьме более 27 лет, но — опять-таки в отличие от Бруно — Кампанелла почти преуспел в осуществлении своего проекта магической реформы в системе католицизма. По крайней мере ему удалось заинтересовать ряд очень важных людей».[890]

Но здесь Фрэнсис Йейтс совершила одну серьезную ошибку. Как мы убедимся в главе 12, возможно, что Томмазо Кампанелла добился гораздо более заметного успеха в осуществлении своей магической реформы.

Мы думаем, что он добился такого успеха, о котором Джордано Бруно мог только мечтать…

ГЛАВА 12

ВИДЕНИЕ ГЕРМЕТИЧЕСКОГО ГОРОДА

«До конца своих дней Кампанелла пытался найти среди своих современников представителя Римской империи, который бы взялся за строительство его Города Солнца… В 1634 году Кампанелла отправился во Францию и вверил свой план… французской монархии».

Фрэнсис Йейтс, «Джордано Бруно и герметическая традиция»

«Человек живет в двойственном мире. Согласно разуму его не удерживают никакие стены и физические преграды; он одновременно находится на небе и на земле — в Италии, Франции, в Америке — повсюду, куда проникает его разум силой своего стремления и понимания. Но согласно телу он существует лишь в том пространстве, которое определяется формой его тела. Он скован цепями и находится в темнице до такой степени, что не может произвольно отправиться в любое место, достигаемое его разумом и волей, в то время как его разум может пребывать в тысяче миров».

Томмазо Кампанелла, «Метафизика»

Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла родились в Южной Италии — первый в 1548 году, второй в 1568 году. Оба они в юном возрасте вступили в орден доминиканцев. Оба они были страстно увлекающимися и прямодушными людьми; оба испытывали неприязнь к Аристотелю и постоянно вступали в конфликты с католической церковью. Оба в конечном итоге рассматривали себя как магов герметической традиции, и каждый из них по-своему изменил мир.

Кампанелла вступил в орден доминиканцев в 1583 году в возрасте 15 лет, но в 1589 году покинул его. Он поселился в Неаполе, где в 1591 году была опубликована его первая книга под названием Pfoilosophia sensibus demonstrata («Философия, показанная через чувства»). Церковь была раздражена ее содержанием, но поскольку в тексте не содержалось достаточных оснований для обвинения автора в ереси, дело ограничилось предупреждением. Однако уже в 1592 году Кампанеллу обвинили в пренебрежительных высказываниях

относительно процедуры отлучения от церкви и приговорили к тюремному заключению на несколько месяцев на доминиканском соборе в Неаполе.[891]

После освобождения в том же году Кампанелла переехал в Падую. Там в 1593 году его обвинили в содомии (прием, часто употреблявшийся инквизицией против тех людей, репутацию которых она хотела запятнать), но вскоре он был оправдан. Впрочем, прошло совсем немного времени, прежде чем его обвинили в других еретических поступках, таких, как сочинение безбожных сонетов, владение книгой о магии и неприятие церковной доктрины. Было выдвинуто и более серьезное обвинение в обсуждении вопросов христианской веры с человеком, отрекшимся от христианства и перешедшим в иудаизм, но до вмешательства инквизиции дело пока что не дошло.[892]

В феврале 1594 года Кампанелла впервые пострадал от рук инквизиции. Его снова пытали, на этот раз более жестоко, в июле того же года, а его дело было направлено в Рим. 11 октября 1594 года его бросили в ту же тюрьму, где находился Бруно, но, очевидно, в другую камеру, так как никаких свидетельств об их встрече не сохранилось. Через семь месяцев, в мае 1595 года, когда Кампанелла был отпущен до окончательного рассмотрения дела, его здоровье находилось в плачевном состоянии: он страдал от грыжи, радикулита, запоров и частичного паралича.[893] В декабре 1596 года его снова арестовали и заключили в тюрьму, выпустили в январе 1597 года, снова арестовали в марте 1597 года и до декабря продержали в самых мрачных инквизиторских подвалах в Риме. Освобождение пришло лишь после того, как он отрекся от своих «ересей», согласился с запретом всех своих книг и обязался провести остаток жизни в своей родной провинции Калабрия к югу от Неаполя.[894]

Новая республика и небесный град

Но Кампанелле не было суждено тихо окончить свои дни в Калабрии. Сразу же по прибытии домой в июле 1598 года он вступил в дискуссию с местными властями. В его сочинениях появился политический оттенок и намеки на обладание пророческими способностями, что оправдывалось ссылкой на первое послание св. апостола Павла к Коринфянам (14, 31): «Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение».

Однако пророчества Кампанеллы — в частности, революция в Калабрии против власти Неапольского королевства[895] — не устраивали церковь. «Мне было видение о скорой революции», — написал он в начале 1599 года. Для подтверждения он посоветовался с несколькими астрологами, и они согласились, что «скоро для нас произойдет политическая революция».[896] В другой своей работе, явно имея в виду не только Калабрию, Кампанелла предсказал: «Если нас ожидают большие перемены, они, безусловно, произойдут в следующие семь лет после 1600 года».[897]

С февраля по апрель 1599 года Кампанелла все чаще выступал с общественными проповедями, пользуясь своей кафедрой для предсказания неизбежных «великих потрясений» и апокалипсических событий.[898] У него появились приверженцы во всех общественных слоях Калабрии, включая могущественных дворян, и очень скоро он оказался в центре именно такого революционного заговора, который сам напророчил. Вместе со своими соратниками он даже собирался заручиться поддержкой турецкого флота Оттоманской империи и вступил в переговоры с этой целью.[899]

Но восстание с самого начала было обречено из-за плохой координации действий и грандиозных, но неясных целей. На политическом уровне эти цели подразумевали установление государственного строя, намного опередившего свое время, о котором биограф Кампанеллы, профессор Джон Хедли говорит как о «некой новой республике».[900] Поскольку ее руководство должно было осуществляться по эгалитарным принципам под руководством

нового сословия ученых-жрецов,[901] невольно возникают аналогии со структурой управления, созданной катарскими perfecti в Окситании в конце XII века перед началом альбигойских крестовых походов.[902] Кроме того, Кампанелла выдвинул манифест об основании герметического «Города Солнца» в своей предполагаемой республике:

«И, хотя некоторые Отцы церкви утверждают… что примиренное будущее общество будет возможно лишь на небесах, тем не менее [другие], с которыми я согласен, допускают буквальную интерпретацию, согласно которой некая прелюдия Небесного Града должна быть осуществлена на земле».[903]

Идея строительства на земле несовершенной копии, или «прелюдии», Града Божьего, Небесного Града или Города Солнца восходит еще к древнеегипетским «Текстам пирамид» (приблизительно 2300 года до h. je).), как мы могли убедиться в главе 9. Она также занимает центральное место в некоторых герметических текстах, созданных в I–III веках н. э. Эта идея стала главной в жизни самого Кампанеллы, которая — отчасти из-за удачи, отчасти из-за его собственной выносливости и сообразительности — не закончилась на медленном огне после того, как провалилась его калабрийская «революция».

В безумном мире разумны лишь безумцы

В августе 1599 года двое изменников раскрыли планы заговорщиков. Кампанелла бежал, но был пойман и заключен в тюрьму 13 сентября в замке Скилачи. В конце октября 1599 года его вместе со 155 другими заговорщиками разместили на четырех галерах, отплывших в Неаполь. По прибытии в Неаполь 16 пленников были повешены — по четыре на нок-рее каждой галеры. Еще двоих подвергли ритуальному четвертованию на причале.[904]

Как идейный вдохновитель революции и создания новой республики и как человек, уже неоднократно привлекавший внимание инквизиции, Кампанелла подвергался смертельной опасности. Он был допрошен перед трибуналом инквизиции, специально назначенным папой Климентом VIII 11 января 1600 года. Члены трибунала получили разрешение пользоваться определенными пытками, включая длительные сроки заключения в подземных камерах и отвратительное приспособление под названием полледро, предназначенное для «разрыва вен и тканей» без кровотечения.[905]

Через несколько недель от Кампанеллы удалось добиться частичного признания в том, что он действительно хотел создать новую республику, но он понимал, что лучшей защитой от обвинений, выдвинутых против него, будет притворное сумасшествие, позволявшее избежать ответственности за свои поступки. По-видимому, с целью убедить инквизиторов в своем безумии он устроил пожар в своей камере 2 апреля 1600 года.[906] 17, 18 и 20 мая 1600 года последовало три допроса, сопровождавшихся пытками. Во время этих допросов в течение всего следующего года, регулярно прерываемого мучениями в пыточной камере, Кампанелла стойко имитировал сумасшествие. В конце мая 1601 года из Рима был получен приказ, требовавший от инквизиторов раз и навсегда доказать, безумен ли он или только симулирует безумие, на этот раз с помощью чудовищной пытки под названием la veglia, или «пробудитель». Кампанелла мог прекратить свои страдания в любое время, просто признавшись в том, что его безумие было наигранным. В таком случае его сожгли бы на костре как неисправимого еретика. С другой стороны, если бы он смог выдержать муки в течение сорока часов, то по закону его сочли бы безумным. Это означало бы, что независимо от окончательного приговора инквизиторы уже не могли сжечь его на костре.[907]

Победа над «пробудителем»

Смертельная схватка Кампанеллы с «пробудителем» произошла 4–5 июня 1601 года в темницах Кастель Нуово, одной из больших тюрем Неаполя.[908] По описанию профессора Хедли, необычный и изощренный характер этой пытки заключался в следующем:

«Жертву подвешивали таким образом, что только мышцы его рук и плеч могли удержать его туловище от соприкосновения с рядом заостренных деревянных кольев; однако в конце концов он вынужден вонзить колья в свои бедра и ягодицы, чтобы снова приподнять туловище и голову. Ему приходится двигаться взад-вперед между этими двумя положениями».[909]

Несколько раз на протяжении этой непрекращающейся пытки (все это время инквизиторы прилежно вели записи) с уст Кампанеллы слетали бессвязные выкрики и странные, обычно бессмысленные фразы вроде «десять белых лошадей», «меня убивают» и «воцаритесь и заткнитесь». Судя по всему, в преддверии неизбежной смерти мучители предложили ему задуматься о спасении души. Кампанелла каким-то образом собрал волю и силы и смог хрипло выкрикнуть им в лицо: «Душа бессмертна!»[910] Эту веру он разделял с герметистами и гностиками Древней Александрии, а также с катарами. Как мы могли убедиться в главе 1, та же самая вера была подхвачена и провозглашена французской революцией.

Миновало десять часов, потом двадцать, потом тридцать. Наконец, как пишет профессор Хедли, «через сорок часов пленника освободили в состоянии, близком к смерти, однако духовно не сломленного. Его симуляция безумия так и осталась нераскрытой. По закону теперь оно было официально установлено; следовательно, он не подлежал казни».[911]

Тюремщик Кампанеллы, который впоследствии стал его другом, писал, что, когда он снял истерзанное тело с пыточного механизма, чтобы отнести его в камеру, «безумец» хрипло прошептал ему на ухо: «Неужели они действительно думали, что я окажусь настолько тупым?»[912]

Первая европейская знаменитость

Кампанелла избежал костра, но в определенном смысле по-прежнему оставался на сковородке инквизиции. Несмотря на официально признанное безумие, он был приговорен к пожизненному заключению в неапольской тюрьме без всякой надежды на помилование.

После всего что ему довелось вытерпеть, такая мрачная перспектива могла бы убить менее сильного человека, но Кампанелла каким-то образом не отрекся от своего оптимизма. Несмотря на многолетнее заключение в темной и сырой подземной камере, он не раз проявлял свой блестящий талант. Он сочинял стихи, которые иногда записывал сам, а иногда диктовал тюремщику, и писал бесчисленные письма влиятельным людям по всей Европе, которые, как он надеялся, могли способствовать его освобождению. Но самое невероятное заключается в том, что ему удалось создать в тюрьме свой великий философский трактат «Город Солнца» и успешно организовать переправку готовой рукописи из тюрьмы одному из своих преданных учеников Тобиасу Адами. Хотя книга вызвала огромный интерес и послужила источником вдохновения для множества утопических планов XVII и XVIII веков, по-видимому, ни один ученый всерьез не рассматривал возможность того, что «Город Солнца» представлял собой не просто абстрактную идею, не говоря уже о том, что кто-то мог попытаться построить его. Однако мы собираемся исследовать именно такую возможность.

«Город Солнца» является далеко не единственным крупным литературным произведением, созданным Кампанеллой во время его заключения. С учетом всех обстоятельств, его интеллектуальные достижения кажутся настоящим чудом. Несмотря на

пожизненное заключение без права помилования, более чем через 25 лет Кампанелла, которому уже перевалило за 60, все-таки отвоевал свободу. Последние 10 лет до освобождения сначала под домашним арестом в 1627 году и до окончательного освобождения в 1629 году он проводил во все более комфортных условиях, по мере того как загадочные друзья и доброжелатели в высоких кругах ходатайствовали о нем.[913] Еще до помещения под домашний арест ему уже разрешили читать лекции и принимать важных персон в своей камере, многие из которых приходили с экземплярами его книг для дарственной надписи. В определенном смысле он превратился в Нельсона Манделу эпохи Возрождения и, по выражению Джона Хедли, «в одну из достопримечательностей, которую нужно было увидеть при посещении Неаполя». Далее он пишет: «Кампанелла не только выжил; вероятно, он стал первой европейской знаменитостью».[914]

Получив свободу в 1629 году, Кампанелла несколько лет оставался в Италии, главным образом в Риме. Там он был вовлечен в круг общения французского посла Франсуа де Нуалли. В 1634 году поступили сообщения о новом мятеже в Неаполе под руководством некоего Пигнателли, который когда-то был учеником Кампанеллы. Попав в плен, Пигнателли несправедливо обвинил своего бывшего учителя в участии в заговоре, поставив его под угрозу немедленного ареста. Шестидесятичетырехлетний Кампанелла, по понятным причинам страшившийся возвращения в тюрьму, укрылся во французском посольстве. Вскоре после этого, переодевшись и воспользовавшись личной каретой посла, он тайно выехал из Италии во Францию.[915]

Франция: убийства и заговоры

С тех пор как Джордано Бруно прошлый раз воспользовался защитой при дворе французского короля, положение изменилось в худшую сторону. Генрих III умер в 1588 году, через год после смерти своей властной матери Екатерины Медичи, и трон перешел к Генриху Наваррскому, провозглашенному королем Генрихом IV. Как мы узнали из главы 10, Генрих Наваррский, принадлежавший к могущественному роду Бурбонов, был протестантом и обратился в католицизм в 1593 году, чтобы нейтрализовать влияние тех, кто противился его коронации. Но далеко не все были убеждены в искренности намерений Генриха. К числу последних принадлежал и Бруно, хотя на суде он утверждал, что Генрих Наваррский с самого начала был католиком в душе:

«Когда я хвалил короля Наваррского, я делал это не потому, что он был привержен еретической [протестантской] вере, но потому, что… во всех иных отношениях он не был еретиком, но жил как еретик из-за своего окружения».[916]

Среди тех, кто больше всех сомневался в «обращении» Генриха IV, были иезуиты — «Общество Иисуса», основанное Игнацием Лойолой примерно за 100 лет до этого, — которым король не доверял всю свою жизнь. «Однажды они убьют меня, — признавался он своим близким друзьям. — Я вижу, что они прилагают все силы к тому, чтобы добиться моей гибели».[917]

И действительно, 14 мая 1610 года Генрих IV был убит религиозным фанатиком Франсуа Равальяком. Официальная история в изложении церкви гласит, что даже подвергнутый жесточайшим пыткам Равальяк настаивал, что у него не было никаких сообщников и он действовал целиком и полностью по своей инициативе. Но многие, особенно гугеноты, были убеждены, что он был подослан иезуитами.

Другие даже подозревали участие в убийстве Генриха IV его жены, католички Маргариты Медичи. Хорошо известно, что их брак был несчастливым. Вызывает подозрение и

то обстоятельство, что за два месяца до убийства Маргарита убедила мужа сделать ее регентшей Франции на случай его безвременной кончины. Ее официальная коронация состоялась 13 мая, менее чем за сутки до убийства Генриха.[918] Это было, мягко говоря, тревожное совпадение, но против Маргариты не нашлось никаких улик, и вся вина была возложена на злосчастного Равальяка. Он понес самое тяжкое наказание за убийство монарха: сначала его пытали раскаленными клещами, потом опустили в кипящее масло и, наконец, еще живого разорвали на части четырьмя ломовыми лошадьми, привязанными к его рукам и ногам.

Низкое либидо Людовика XIII

Людовик, старший сын Генриха IV и будущий король Людовик XIII, был девятилетним мальчиком, когда убили его отца, и положение Маргариты Медичи в качестве регентши не вызывало никаких сомнений. Он был коронован в 1614 году по достижении тринадцатилетнего возраста и сначала целиком и полностью находился под влиянием своей честолюбивой матери, но постепенно король набирал силу ив 1631 году в возрасте 30 лет наконец полностью захватил власть и навсегда изгнал Маргариту Медичи из Франции.

Людовик XIII был женат на инфанте Анне Австрийской, дочери испанского короля Филиппа III. Их обвенчали, когда обоим было всего лишь по 14 лет, но этот брак очень долго существовал только на словах. Людовик XIII, обладавший слабым телосложением и любознательным складом ума, больше интересовался своими увлечениями, такими, как ремонт замков и изготовление сладостей, чем супружеским ложем. Было ясно, что молодой человек совершенно не похож на своего отц? Генриха IV, который во время своего короткого царствования совратил так много женщин, что заслужил прозвище Le Vert Galant, что во Франции XVII века примерно соответствовало значению современного слова «волокита».

Но низкое либидо Людовика XIII не являлось единственной проблемой. Было также очевидно, что он просто недолюбливая свою жену-испанку, несмотря на то что она питала к нему нежные чувства и, может быть, даже любила его. Согласно французскому историку Жану Дюше, положение было настолько бедственным, что однажды в холодную ночь в январе 1619 года Людовика пришлось практически выволочь из собственной постели и насильно отвести в покои королевы, чтобы их брак наконец обрел физическое воплощение.[919] Два года спустя королева забеременела, что можно назвать почти чудом в таких обстоятельствах. К сожалению, после несчастного случая в Луврском дворе. У нее случился выкидыш. Вместо сочувствия король пришел в ярость и, судя по всему, еще больше охладел к исполнению своих супружеских обязанностей.

Со временем отчаяние молодой и женственной королевы достигло такой степени, что она стала искать внимания на стороне и от случая к случаю флиртовала с блестящим красавцем герцогом Букингемским, британским послом в Париже. До Людовика XIII дошли слухи, что его жена завела роман с Букингемом, что в те дни было равносильно измене, караемой смертной казнью, но сомнительно, что королева, будучи ревностной католичкой, пошла на такой риск. Так или иначе, к счастью для нее, король поверил в ее невиновность. Поэтому в 1634 году, когда Томмазо Кампанелла прибыл в Париж, отношения в королевской семье были натянутыми и холодными, и при дворе уже оставили надежду на то, что они подарят Франции наследника династии Бурбонов.

Но потом, словно по волшебству, произошло нечто странное и удивительное…

Короткая экскурсия к захороненным египетским сокровищам

С незапамятных времен королей Франции окружал некий ореол магии и таинственности, а происхождение французской монархии было окутано мифами и легендами. У ее истоков стояли три королевские династии, известные как Меровинги, Каролинги и Капетинги. Все они были объединены старинным тевтонским законом, так называемой «Салической правдой», учрежденным салическими франками, вторгшимися в Галлию в V веке н. э.

«Салическая правда» была официально закреплена Хлодвигом, основателем династии Меровингов, и впоследствии подтверждена легендарным Карлом Великим, основателем династии Каролингов и первым императором Священной Римской империи. Династия Капетингов была основана в 987 году, когда Гуго Капет стал королем Франции. По какой-то загадочной и довольно сомнительной исторической логике династии Валуа и Бурбонов считались связанными если не кровными, то «духовными» узами с этими старинными королевскими домами, точнее, с Капетингами. Династия Капетингов угасла в 1328 году со смертью Карла Красивого. Последний не оставил сыновей или даже братьев, которые могли бы наследовать ему, поэтому трон Франции перешел к его кузену, Филиппу Валуа.[920]

В 1653 году в Турнэ (на территории современной Бельгии) был обнаружен таинственный клад, оставленный королями династии Меровингов. Находка вызвала большой переполох, потому что содержимое клада, главным образом мелкие предметы из золота и бронзы, как считалось, происходили из гробницы короля Хильдерика (ок. 460 года н. э.), отца Хлодвига. Интересно отметить, что среди этих предметов была золотая статуэтка быка Аписа и статуэтка Исиды, а в другом кладе, найденном в соседнем Сент-Брисе, содержались десятки золотых пчел. В древнеегипетских мифах пчелы были слезами солнечного бога Ра, а иероглиф пчелы являлся частью титулярного имени фараонов.[921] Вызывает интерес и тот факт, что египетское происхождение этих предметов было правильно определено знающими людьми при французском дворе XVII века, предположившими наличие связи между династией Меровингов и солнечным культом Исиды-Сераписа из Древнего Египта.[922]

Предсказание чуда

Томмазо Кампанелла прибыл во Францию в 1634 году. Прошло 20 лет после бракосочетания Людовика XIII с Анной Австрийской, но королевская чета оставалась бездетной. Перспектива продолжения династии Бурбонов выглядела безрадостной, и существовало негласное мнение, что «чудо Капетингов» (иронический термин, обозначавший вероятность появления наследника в королевской семье) едва ли произойдет.

Главная проблема, порождавшая всевозможные слухи и сплетни при дворе, заключалась в том, что Людовик XIII категорически отказывался спать со своей женой. Его считали импотентом, человеком, который не интересуется женщинами, и даже гомосексуалистом.[923] Последнюю гипотезу подкрепляли довольно странные отношения, граничившие с романтической любовью, которые Людовик публично проявлял по отношению к своему пажу, кроме того, король был нездоров и страдал от туберкулеза. И наконец, какие бы отношения ни связывали его с любимым пажом, он также питал романтическую любовь к молодой и очень благочестивой даме, Луизе де Лафайет. Это увлечение короля, чем-то напоминавшее чистую платоническую любовь, некогда воспетую трубадурами Окситании, не имело никакого сексуального подтекста, но рассматривалось придворными как отклонение короля от своих прямых обязанностей — т. е. супружеских отношений с королевой.

Сама королева, разумеется, очень болезненно относилась к происходящему. Услышав о том, что во Францию прибыл знаменитый маг и пророк Томмазо Кампанелла, она призвала его к себе. Кардинал очень лестно отозвался о Кампанелле в разговоре с ней, и теперь она хотела узнать его мнение по вопросу престолонаследования.

В этом не было ничего необычного. Королева и Ришелье, как и многие образованные и высокопоставленные люди того времени, находились под значительным влиянием пророческих и астрологических предсказаний. Известно, что многие европейские монархи XVI–XVII веков имели личных астрологов, с которыми регулярно советовались о государственных делах, брачных союзах и даже об объявлении войны. Ришелье уже неоднократно консультировался с Кампанеллой через посредников, и животрепещущий вопрос престолонаследования, несомненно, обсуждался во время этих консультаций.[924] Кампанелла даже посвятил несколько своих новых работ кардиналу Ришелье и обратился к нему за содействием в строительстве «Города Солнца», о чем упоминается в его одноименной книге, переизданной в Париже.[925]

При содействии Ришелье Кампанелла смог быстро встретиться с королевой и, к изумлению придворных, отважно предсказал, что вскоре французская монархия получит наследника.

[926] Более того, этот наследник будет ребенком мужского пола, который, словно солнце, озарит весь мир и станет предвестником наступления золотого века для человечества:

«Все признают единого Отца и единого Бога, и любовь объединит всех… Короли и народы… соберутся в городе, который назовут Heliaca, *или Город Солнца, который будет построен этим блестящим героем [будущим королем Франции]».*[927]

По деликатному выражению французского историка Жана Мейера, Кампанелла вступил в очень опасную игру с высокими ставками, объявив о грядущем рождении наследника французского престола. В случае своей правоты он бы много приобрел, но в противном случае его репутация была бы погублена.

Богоданный

Гроза, разыгравшаяся над Парижем в холодный зимний день, сыграла на руку Кампанслле, и его пророческая игра оказалась беспроигрышной. Однажды в декабре 1637 года Людовик XIII покинул свою небольшую загородную резиденцию в Версале и отправился во дворец Сен-Мор, где намеревался провести ночь. По пути он решил остановиться в Париже в аббатстве Св. Марии на рю Сент-Антуан, где жила его благочестивая подруга Луиза де Лафайет. Вместе с пожилой монахиней, выступавшей в роли дуэньи, король и Луиза де Лафайет сидели в уединенной части женского монастыря и шепотом беседовали друг с другом. Когда на улице стало темно, король решил, что пора идти, но капитан его стражи по имени Жюто, глубоко преданный королеве, сообщил ему, что над Парижем бушует сильная гроза и поездка во дворец Сен-Мор стала небезопасной. Жюто настоятельно советовал королю провести ночь в Луврском дворце, расположенном гораздо ближе.[928]

Оставалась лишь одна небольшая проблема. Личные покои королевы находились в Лувре,[929] и короля не радовала перспектива провести ночь в ее обществе. Но по мере того как дождь лил все сильнее, а Жюто постоянно напоминал, что королева будет чрезвычайно рада принять его в Лувре, Людовику оставалось только согласиться с ним. Вперед выслали стражника, чтобы предупредить Анну об этой замечательной возможности. Во дворце был быстро организован ужин при свечах, а в покоях королевы поставили дополнительную

кровать. Преданный Жюто позаботился о том, чтобы новость стала известна во всех церквях и монастырях Парижа, где стали молиться о давно ожидаемом событии…

И действительно, ровно девять месяцев спустя, 5 сентября 1638 года, Анна Австрийская родила ребенка мужского пола, которого при крещении назвали Людовиком Дьедонне (в буквальном смысле «Людовик Богоданный»), — будущего короля Людовика XIV. Словно в качестве напоминания о том, что это великое чудо было предсказано Кампанеллой, рождение наследника совпало с его семидесятилетием. Посреди торжеств и благодарственных молитв чрезвычайно признательная королева призвала мага к себе и попросила его составить натальный гороскоп для ее сына, которого уже тогда называли «Богоданный». Мы знаем, что Кампанелла нанес по меньшей мере два визита в личные покои королевы. Он присутствовал при кормлении младенца и даже удостоился огромной чести держать будущего короля на руках.[930] Наконец, после тщательного осмотра ребенка он провозгласил, что царствование Людовика XIV будет долгим, славным и счастливым.[931]

Но он сказал гораздо больше в своей «латинской эклоге» в честь Людовика XIV, появившейся в печати в январе 1639 года.[932] Составленная по образцу мессианской «Четвертой эклоги» Вергилия (где было предсказано блестящее правление Августа Цезаря), она не оставляет сомнений во взглядах Кампанеллы на будущее французской монархии и грядущее правление Людовика XIV. Божественное предназначение короля заключалось в осуществлении великой «христианско-герметической» реформы, о которой мечтал Бруно, и в строительстве «Города Солнца», о котором писал Кампанелла.[933]

Здесь пора спросить, что же на самом деле имел в виду Кампанелла? О каком «солнечном городе» он думал? Был ли это реальный город или символ некой утопической реформы, предстоящей во время правления нового монарха?

Герметическая подпись

Кампанелла в своей герметической деятельности смог преуспеть там, где Бруно потерпел неудачу. Благодаря недюжинной выдержке и тонкому знанию человеческой психологии он заручился поддержкой французской королевы и могущественного кардинала Ришелье. Так, на закате своей жизни он получил почти невероятную возможность посеять семена своих реформаторских идей в самом сердце французской монархии. Разве не Кампанелла однажды хвалился, спрашивает Фрэнсис Йейтс, что он может «создать такой удивительный город, что при одном лишь взгляде на него можно будет усвоить все науки»?[934] Теперь он наконец мог выполнить свое обещание.

Фрэнсис Йейтс вполне справедливо считает Кампанеллу «более удачливым, чем Бруно»,[935] и пишет, что «это было очень похоже на эстафету, переданную Джордано Бруно Томмазо Кампанелле».[936] Она указывает и на другой аспект этой тайны, до сих пор ускользавший от внимания исследователей. По ее мнению, «Город Солнца» Кампанеллы в конечном счете имел египетское происхождение:

«Теперь ясно, что к римскому идеалу создания всемирной империи, возвращающей человечество в новый золотой век, и к платоновскому идеалу государства, где правят философы, Кампанелла добавил третий идеал египетского государства, чья целостность и неприкосновенность обеспечиваются жреческой магией. Правитель Города Солнца является одновременно жрецом и царем и занимает высшее положение как в духовной, так и в материальной сфере. Иными словами, он является подобием Гермеса Трисмегиста, который был жрецом, философом и правителем в одном лице. Таким образом, Кампанелла ни в коем случае не является революционером либерального толка. Его идеалом была

всемогущественная теократия, похожая на египетскую, которая с помощью научной магии имела возможность управлять небесными влияния ми, а через них — жизнью всего народа. Либеральный аспект этой теократии заключался в том, что она поощряла научные исследования и изобретения… но сама священная наука находилась в руках высших жрецов, как это было в Древнем Египте».[937]

На наш взгляд, не случайно, что «либеральные» аспекты утопической теории Кампанеллы — принципы справедливости и братской любви, свобода слова, равноправие для женщин, общественное здравоохранение и всеобщее образование для детей[938] — однажды уже начали осуществляться в Окситании за сотни лет до этого.[939] Едва ли можно считать совпадением и тот факт, что они снова появились в трудах Вольтера, Руссо и других просветителей, сформировавших философскую интеллектуальную основу для французской революции 1789 года.

Однако самой поразительной особенностью теории Кампанеллы, к которой особенно привлекает внимание Фрэнсис Йейтс, является ее четко выраженная египетская направленность. Кампанелла проявил дальновидность, вверив осуществление своих герметических принципов французской монархии в лице будущего короля Людовика XIV. Вместе с тем нет сомнений, что в конечном счете он имел в виду возрождение древнеегипетского золотого века, при котором страна находилась бы под управлением «короля-Солнца» и его мудрых «ученых-жрецов».

Если бы эта идея была доведена до логического завершения, то мы могли бы ожидать, что Людовик XIV оставил свою «герметическую подпись» на культурно-историческом ландшафте Франции. Иными словами, мы могли бы ожидать, что, согласно пророчеству Кампанеллы, он бы построил или хотя бы попытался построить Город Солнца.

Тайные магические пружины

Разумеется, остается возможность, что Город Солнца был лишь метафорой идеального общества, а не конструкцией, которую предстояло воплотить в камне, кирпиче и строительном растворе. Однако многое в схеме Кампанеллы и в герметических сочинениях приводит к иному выводу. Наиболее существенным является глубоко «астральный» характер его модели с тщательной проработкой механизмов обратной связи между землей и небом, описанной в герметических текстах.

Общий план Города Солнца Кампанеллы, представленный в его великой книге Civitas Solis, похож на диаграмму солнечной системы в теории Коперника. В центре на высоком кургане находится круглый храм гигантских размеров (символизирующий Солнце), купол которого опирается на стройные колонны. Вокруг храма концентрически расположены семь районов города (по одному на каждую из планет, известных в то время), разделенные стенами, но соединенные воротами, выходящими в четырех главных направлениях — на север, юг, восток и запад. Две осевые магистрали тянутся через весь город, пересекаясь в центре: одна идет с севера на юг, другая с востока на запад.[940]

Внутри Храма Солнца, расположенного в центре этой геометрически совершенной фигуры, Кампанелла представляет алтарь, на котором нет ничего, кроме двух огромных глобусов; один изображает «все небо», а другой «всю землю».[941] На потолке купола изображены ярчайшие звезды небосвода с их названиями и описанием силы, которую они имеют над земными вещами. Знаки и названия соответствуют изображениям на глобусах. Храм освещают семь неугасимых ламп, названных в честь семи планет. На внешней стене храма содержится изображение «каждой звезды в ее порядке».[942]

Тексты и образы, начертанные на внешней и внутренней поверхности семи концентрических стен, предназначались главным образом для образования и воодушевления

горожан. Здесь имелись карты мира, культурной географии разных народов, изображения рек и морей, знания о животном, растительном и минеральном царстве, а также образы «изобретателей законов и наук». Этот эклектичный список включал Гермеса Трисмегиста (в романизированном облике Меркурия), Юпитера (Зевс, Амон в греко-египетском пантеоне Александрии), пророка Мохаммеда, Иисуса Христа с двенадцатью апостолами и, наконец, Осириса.[943]

В целом, по замечанию Фрэнсис Йейтс, город, задуманный Кампанеллой, должен был быть «полным отражением мира, управляемого законами природной магии в зависимости от звезд»,[944] которые являлись источником «его счастья, здоровья и добродетели».[945] Городом должен был управлять верховный жрец, «глава во всех делах, духовных и материальных»,[946] а вопросы повседневного управления находились в ведении мудрецов, умевших пользоваться природной магией — изобретателей, учителей нравственного закона, чудотворцев, религиозных лидеров — иными словами, магов».[947] Их следовало выбирать в соответствии со способностями, или, по словам Марсилио Фичино, «по способности привлекать влияние небесных тел на благо человечества».[948]

Интеллектуальные корни величественного плана Кампанеллы, как показывает Йейтс, не следует искать в работах его современников, таких, как «Утопия» Томаса Мора. «Для того чтобы найти первоисточник, — указывает она, — необходимо проникнуть глубже и открыть тайные магические пружины, питавшие идеалы эпохи Возрождения». Она имеет в виду герметические трактаты, особенно «Пикатрикс», где есть описание магического города Адосентин:

«… там был замок с четырьмя вратами, украшенными образами, в которые Гермес вселил небесных духов… Сравните это с четырьмя вратами и улицами Города Солнца. На вершине замка стоял маяк, вспышки которого освещали город цветами семи планет. Сравните это с семью негасимыми светильниками в храме Города Солнца, названными в честь семи планет… В одном из фрагментов «Пикатрикса» с описанием Адосентина также упоминается, что Гермес Трисмегист построил Храм Солнца».[949]

Иными словами, по заключению Фрэнсис Йейтс, «самый глубокий и первичный слой влияния, стоявший за идеей Города Солнца, был герметическим. Его первым образцом, на который впоследствии было наложено множество более поздних влияний, был магический город Адосентин, описанный в «Пикатрик — се», и определение египетской религии в «Асклепии».[950]

В главе 8 мы подробно цитировали знаменитую «Жалобу Гермеса» из трактата «Асклепий», где говорится об уничтожении магической природной религии Древнего Египта внешними силами и ее долгом исчезновении с лица земли. Но читатель помнит, что в «Асклепии» также содержится пророчество о том, что гонимая религия однажды будет восстановлена, но самое важное, это восстановление и возрождение произойдет благодаря основанию города, посвященного Солнцу.[951]

Мог ли Людовик XIV внять призыву Кампанеллы и оставить «герметический след «в архитектурном наследии Фарнции? Если да, то старый провидец нашел способ повлиять на него из могилы, поскольку Кампанелла умер в Париже 21 мая 1639 года, через восемь с половиной месяцев после рождения будущего «короля-Солнца».

Однако, как мы убедимся впоследствии (и как сказано в герметических текстах), в вопросах влияния «нет ничего невозможного».[952]

ГЛАВА 13
НЕВИДИМОЕ БРАТСТВО

«Ришелье не принял розенкрейцеров, но одиннадцать лет спустя, когда Кампанелла прибыл в Париж, он смог заручиться поддержкой могущественного кардинала. Это указывает на успех Кампанеллы в направлении его идей… по каналам, приемлемым для будущих правителей».

Фрэнсис Йейтс, «Джордано Бруно и герметическая традиция»

«Розенкрейцеры — существуют ли они? Являетесь ли вы одним из них?»

Фрэнсис Йейтс, «Розенкрейцерское просвещение»

В 1623 году, во время правления Людовика XIII и за одиннадцать лет до прибытия Томмазо Кампанеллы ко французскому двору в Париже, стало известно о существовании тайной организации. По ночам кто-то вывешивал на стенах общественных зданий и на главных улицах города броские плакаты с текстом следующего содержания:

«Мы, как представители главной коллегии братства Розы и Креста, видимыминевидимым образом пребываем в этом городе благодаря милости Высочайшего, к которому обращены сердца Праведных. Мы показываем и учим без книг или знаков, как говорить на всех языках тех стран, где мы желаем быть, и уводить людей от гибели и заблуждений «.[953]

На других плакатах содержался вариант послания с более выраженным религиозным подтекстом: «Мы, как представители коллегии Розы и Креста, уведомляем всех, кто хочет вступить в наше Общество и Конгрегацию, что мы будем учить их совершенному знанию Высочайшего, во имя которого мы сегодня проводим собрание. Мы будем делать их из видимых невидимыми, и из невидимых видимыми…»[954]

Как и ожидалось, эта плакатная кампания вызвала большой переполох в Париже. Современники писали об «урагане» слухов и новостей о том, что таинственное братство Розы и Креста — которое якобы уже действовало в Германии — теперь появилось во Франции.[955] Согласно памфлетам и другим слухам, ядро этого таинственного братства состояло из 36 «Невидимых», действовавших инкогнито и рассеянных по миру в составе шести групп из шести человек.[956] Они проводили свои собрания во время летнего солнцестояния. И хотя язык памфлетов и плакатов выглядел религиозным, явно христианским, говорили, что адепты братства розенкрейцеров «клянутся отречься от христианства и от всех обрядов и таинств святой церкви».[957]

Для того чтобы понять причины паники, во многих случаях порождаемой такими слухами и намеками, следует представлять общее нравственное состояние Европы в 1623 году. Уже более ста лет кровавые религиозные конфликты между католиками и протестантами сеяли рознь между народами континента, создавали климат всеобщего страха и подозрительности. В Центральной Европе только что началась Тридцатилетняя война, поэтому неудивительно, что французские придворные и государственные деятели были встревожены и даже немного испуганы объявлениями, исходившими от тайного братства, которое обосновалось в Париже с намерениями спасать людей от «смерти и заблуждений».

Кто стоял за этой пропагандой? Кем были «невидимки», называвшие себя братьями Розы и Креста?

Хотя в последнее время появилась масса материалов, предположительно исходящих от первоначальных «розенкрейцеров», ученые до сих пор обсуждают эти вопросы и не предлагают определенных ответов. Ясно лишь, что самозваные «невидимые» братья, кем бы они ни были, по своему духу имели много общего с такими людьми, как Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла. Хотя их методы были более скрытными, чем у великих герметистов, они тоже считали, что наделены особыми магическими силами, знаниями или «наукой»,

которую можно использовать для проведения всемирных религиозных и интеллектуальных реформ.

Манифест розенкрейцеров

Если тайное общество действовало успешно — а это по определению означает, что его происхождение было трудно определить даже современникам, — то мы можем предположить, что для историков последующих эпох эта задача была еще более трудной. Таким образом, мы на самом деле не можем с уверенностью судить, как долго существовало братство розенкрейцеров, прежде чем они сами не заявили о себе. Первые четкие и прямые указания на их существование появились в Германии за 20 лет до «плакатной кампании» 1623 года в Париже. Эти события предваряют почти все, что нам известно о «невидимой коллегии» розенкрейцеров.

Название «розенкрейцеры» происходит от Кристиана Розенкрейца, героя двух небольших книг глубокого и необычного содержания, впервые опубликованных в Касселе (Германия) в 1614 и 1615 годах. Полное название первой книги — «Fama Fraternitatis, или об Открытии Братства Благороднейшего Ордена Розы и Креста». Ученые обычно называют ее Fama. Вторая, опубликованная в 1615 году и обычно называемая Confessio, имела полное название «Confessio Fraternitatis, или Символ Веры Достойного Братства Благороднейшего Ордена Розы и Креста, Написанный для всех Просвещенных в Европе». Эти два текста соответствуют английскому переводу, составляющему в общей сложности менее 25 страниц и известному под собирательным названием «Манифест розенкрейцеров».[958]

Fama

В книге Fama, которая считается творением группы розенкрейцерских адептов, повествуется о «благороднейшем и просвещеннейшем Отце, нашем брате К Р. [Кристиане Розенкрейце], уроженце Германии, главе и основателе нашего Братства», чьей целью была «всеобщая реформация». В молодости К. Р. отправился паломником в Святую Землю, но остановился по пути у «мудрецов Дамаска». Приняв его «не как странника, но как человека, которого они давно ожидали», мудрецы показали ему тайные вещи, «которым он воистину дивился», и наделили его познаниями в области физики и математики. К Р. так увлекся учебой, что потерял всякий интерес к своей первоначальной цели и три года провел в Дамаске, постигая герметическую премудрость.[959]

Наконец, с благословения своих учителей, он отправился дальше на запад. Сначала он совершил путешествие в Египет. Потом он «переплыл Средиземное море и прибыл в Фес [Марокко]». Там местные жители, члены оккультного братства «магов, каббалистов, врачевателей и философов… открыли ему многие свои секреты». Однако знания, которые К. Р. усвоил в Дамаске, по-видимому, превосходили их премудрость, так как он счел, что «их магия недостаточно чиста… а их Каббала осквернена их религией».[960]

После двух лет жизни в Фесе К Р. двинулся дальше, на этот раз в Испанию. Он хотел поделиться своей великой мудростью и показать просвещенным людям на Западе «ошибки наших [т. е. западных] искусств и нашей нравственной философии, и как их можно исправить». Однако ученые мужи, перед которыми он развернул свои идеи, подвергли его насмешкам и грубым нападкам «из опасения, что их блестящие заслуги потускнеют».[961] Все это очень напоминает миссию Джордано Бруно, объяснявшего свое видение всемирной герметической реформы.

Наконец Кристиан Розенкрейц вернулся в Германию. Он построил дом, долго предавался размышлениям о своем путешествии и обдумывал философские вопросы. Он также углубил свои математические исследования и изготовил «много точных инструментов». Через пять лет «он снова возжелал перемен… и собрал немногих соратников, согласившихся разделить его труды». Здесь мы узнаем о трех других «братьях» с инициалами Г. В., Дж А. и Дж О., которых К Р. призвал к «верности, прилежанию и секретности».

«Так создалось Братство Розы и Креста, сначала состоявшее лишь из четырех человек. Между собой они пользовались магическим языком и письмом с весьма обширным словарем, которым мы до сих пор ежедневно пользуемся во славу Господа и находим в нем великую мудрость…»[962]

Вскоре к четырем основателям присоединились братья с инициалами Р. К. Б., Г. и П. Д., «так что всего их стало восемь — все холостяки, давшие обет безбрачия».[963] Эта группа «создала книгу обо всем, чего люди могут желать и на что они могут надеяться», — нечто вроде всемирного справочника, который «пребудет неизменным до конца мира» и обладает силой открывать глаза людям и делать их менее пассивными перед лицом «папы, Мохаммеда, писцов и софистов».[964]

Затем восемь человек «разошлись по нескольким странам», где выбирали среди просвещенных людей наиболее достойных, чтобы учить их своей премудрости. Дабы не выделяться среди окружающих, они не носили отличительных знаков или особой одежды, но «следовали обычаям каждой страны». Подобно катарским perfecti, они бесплатно лечили людей, и каждый из них стремился найти себе ученика, «достойного человека, который мог бы заменить его после кончины».[965]

Таким образом, проходили поколения, и уже «никто из нас ничего не знал о брате К Р. и его первых сотоварищах» чего-то большего, чем можно было почерпнуть из книг братства. Возникли сомнения в том, правильно ли передается подлинное учение восьми основателей братства. Однако в то время один из братьев по случайности набрел на забытую гробницу самого Кристиана Розенкрейца, которая оказалась чем-то вроде герметического «Зала записей», где хранилась вся мудрость, необходимая для восстановления ордена. «Мы открыли дверь, и нашим взорам предстал семиугольный склеп с каждой стороной по пять футов и высотой восемь футов».[966] Вместо надгробного камня в склепе стоял круглый алтарь, покрытый бронзовой плитой, на которой была выгравирована следующая загадочная эпитафия: «Пусть этот компендиум вселенной, который я создал за свою жизнь, станет моей гробницей». Под плитой лежало тело усопшего Кристиана Розенкрейца «с величавыми чертами, не тронутое тлением».[967] В руке он держал пергаментную книгу, на последней странице которой можно было прочесть его собственную надгробную речь:

«К.Роз. К происходил из знатного и прославленного германского рода Р. К; это был человек, приобщившийся к таинствам земли и неба через божественные откровения, возвышенные размышления и тяжкие труды всей своей жизни. В своих путешествиях по Африке и Аравии он приобрел сокровища [знаний, а не мирских богатств], превосходящие богатства царей и императоров, но, сочтя их непригодными для своего времени, оставил их для потомства под надежной защитой… Он соорудил микрокосм, соответствующий всем движениям макрокосма, и составил компендиум всех вещей, прошлых, настоящих и будущих. Наконец, перешагнув столетний рубеж, но не угнетенный болезнями… он был призван Духом Божьим, которому вверил свою просветленную душу».[968]

Авторы Fama утверждают, что они «обладают мудростью Иисуса Христа» и что их философия «не является новым изобретением».[969] И наконец, они предрекают грандиозные перемены и создание нового ордена, который они готовы будут поддержать всей мощью

своего древнего знания: «Европа носит дитя и родит сильного ребенка, которому понадобится великий дар от крестного отца».[970]

Confessio

Трактат Confessio, изданный в 1615 году, представляется как продолжение Fama и начинается с осуждения «Востока и Запада [т. е. Мохаммеда и папы римского], клевещущих на Господа нашего Иисуса Христа». Далее обещано, что «все посвященные люди, вступившие в наше братство, узнают больше чудесных тайн, чем способны помыслить или поверить».[971]

Пользуясь довольно странным метафорическим языком, авторы Confessio затем предлагают устроить в Европе нечто вроде тотальной революции и начать с чистого листа, так как лишь в этом случае «потомки смогут заложить новую основу и вернуть свет истины». Утверждается, что это лучше бесконечных усовершенствований и ремонта «старого ветхого здания».[972] В результате «мир воспрянет от тяжкого сна и с открытым сердцем, непокрытой головой и босыми ногами радостно встретит новый восход Солнца».[973]

Далее в тексте идут новые нападки на церковь: «Как математик и астроном может предвидеть грядущие затмения, так и мы можем видеть и предсказать тьму заблуждений церкви».[974] Читателям говорят, что «римские обольстители изрыгали клевету на Христа и до сих пор не удерживаются от лжи даже в свете чистой истины».[975] Далее следуют неоднократные призывы к правильному пониманию Священного Писания.[976] И наконец:

«Мы сами честно и воистину исповедуем Христа, осуждаем папство, изучаем подлинную Философию, ведем христианскую жизнь и ежедневно призываем и принимаем в наше Братство многих и многих, коим был явлен Свет Божий».[977]

В тексте Confessio читатели впервые могут получить представление о хронологии всей истории: Кристиан Розенкрейц родился в 1378 году, жил 106 лет и умер в 1484 году. Его гробница была обнаружена через 120 лет — иными словами, в 1604 году, ровно за 10 лет до публикации текста Fama.[978]

Тайна «Химической свадьбы»

В 1616 году появилось третье издание, усугубившее тайну «розенкрейцерского манифеста». Оно называлось «Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца». Как и в манифесте, там описан тайный орден, который пользуется красным крестом и красными розами в качестве своих символов.[979] Теперь, однако, внимание было привлечено к так называемой «внутренней трансформации», в противоположность общественной и религиозной трансформации, провозглашенной в манифесте.[980]

Авторов Fama и Confessio так и не удалось точно определить, однако в течение некоторого времени ученые сходились в том, что «Химическая свадьба» принадлежит перу Иоганна Валентина Андреа — молодого лютеранского пастора из Тюбингена в Германии.[981] Недавние исследования заставляют усомниться в этом главным образом потому, что «Химическая свадьба» в том виде, в каком она появилась в 1616 году, явно отличается от всех остальных сохранившихся сочинений Андреа. По словам исследователя герметизма Адама Маклина:

«Судя по тому, что нам известно об Андреа, он был консервативным лютеранским пастором и выдающимся теологом своего времени, поэтому маловероятно, что он мог

составить такой глубоко эзотерический документ, многие идеи которого, в сущности, были еретическими даже с протестантской точки зрения».[982]

Путаница возникла потому, что Андреа упоминает сочинение под названием «Химическая свадьба» среди нескольких коротких пьес — «первых незрелых проб пера»,[983] — которые он написал во время обучения в Вюртенбергском университете в 1602–1603 годах. Текст этой ранней пьесы не сохранился, но Андреа действительно вращался в эзотерических и герметических кругах и, как мы убедимся, принимал деятельное участие в нарождающемся движении розенкрейцеров в Германии,[984] поэтому для ученых было естественно поставить знак равенства между его «Химической свадьбой» 1602–1603 годов и анонимной «Химической свадьбой Кристиана Розенкрейца», опубликованной в 1616 году. В последнем сочинении содержатся ссылки на Манифест розенкрейцеров (1614–1615), поэтому его нельзя считать идентичным утраченному тексту 1602–1603 года, но, по общему мнению, Андреа мог отредактировать и дополнить его перед публикацией.[985]

В 1603 году Андреа, родившемуся в 1586 году, исполнилось лишь 17 лет, и, по нашему мнению, он был слишком молод и неопытен, чтобы написать такой глубокий и насыщенный сложными символами текст, как «Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца». Однако в 1616 году, когда этот труд вышел из печати, ему было уже 30 лет. В любом случае, даже если авторство принадлежало ему, он должен был не столько дополнить, сколько переписать заново юношеский вариант своей пьесы, поскольку в законченной работе нет ничего от «первых проб пера» семнадцатилетнего юноши. И даже если допустить, что Андреа действительно полностью переписал свое сочинение в зрелом возрасте, мы по-прежнему сталкиваемся с проблемой «еретического» подтекста и предполагаемой несовместимости с остальными его трудами. Этот вопрос, вероятно, так и не будет разрешен, если только не найдется утраченная рукопись 1602–1603 годов. Тем временем Адам Маклин выдвигает, на наш взгляд, правдоподобное предположение:

«Андреа действительно написал вариант «Химической свадьбы» — возможно, обычную пьесу или миниатюру… Спустя какое-то время один из членов «братства розенкрейцеров»… с которым Андреа имел давние связи, мог переписать его раннюю неопубликованную пьесу и превратить ее в сложную эзотерическую аллегорию, которую мы знаем сегодня».[986]

Странная история

Что касается содержания «Химической свадьбы», его подробный пересказ в рамках этой книги не представляется возможным. В английском переводе объем печатного текста составляет около 90 страниц, разделенных на семь глав, каждая из которых символизирует ежедневный переход в странствии паломника. Повествование ведется от лица самого Кристиана Розенкрейца, который, как помнит читатель, якобы дожил до 106 лет. В «Химической свадьбе» его возраст должен был составлять 81 год, поскольку нам известно, что он родился в 1378 году, а действие происходит в 1459 году.[987]

В первый день К Р. сидит за столом и размышляет «о многочисленных великих тайнах, которые Отец Света позволил мне узреть в милосердии своем».[988] Здесь следует отметить, что словосочетание «Отец Света» ни разу не появляется в Ветхом или Новом Завете.[989] Однако в первые века христианской эры оно было в ходу у манихеев и гностиков как одно из наименований Доброго Бога; существовала также секта христианских гностиков, члены которой называли себя «сынами Света».[990]

Посреди глубоких размышлений К. Р. его посещает сияющая крылатая фигура «восхитительно красивой женщины… в синих одеждах, усеянных золотыми звездами, словно

небосвод». Она достает «маленькое письмо», кладет его на стол, делает реверанс и сразу же улетает, громко трубя в рожок[991] Когда К. Р. открывает письмо, то видит приглашение на «свадьбу Царя» и загадочное предупреждение, которое он должен внимательно изучить, прежде чем принять решение.

Если ты недостаточно чист,
Свадьба обернется во зло.
Нарушишь клятву на свой страх и риск[992]

Какая свадьба может быть опасной для гостей, которые имеют нечистые намерения или говорят неправду? Это первый намек на то, что мы имеем дело не с повествованием о реальных событиях и даже не с чистым вымыслом, но с жанром, который Адам Маклин удачно называет «эзотерической аллегорией». Можно с уверенностью утверждать, что аллегория свадьбы здесь используется для обозначения поисков знания и обретения духовной истины. Во многом так же, как в истории о поисках святого Грааля, испытания и нравственные проблемы, встающие перед приглашенными на свадьбу, которые они должны решать совместно для осуществления сложного алхимического действа, сами по себе являются частью тонкого процесса очищения и преображения.

Как и поиски Грааля, «Химическая свадьба» часто считается сочинением эзотерического христианства, но Адам Маклин задается вопросом: «Где здесь христианское содержание? Это гораздо больше напоминает древнее «таинство посвящения», чем христианский религиозный опыт».[993]

В конце первого дня своего паломничества Кристиан Розенкрейц обдумывает предупреждение, содержавшееся в приглашении на свадьбу. Он изучает внешние и внутренние стороны своей личности с абсолютной искренностью и находит ряд изъянов:

«Мне стало ясно, насколько я лишен проницательности и слеп в эзотерических делах… я также обнаружил, что моя физическая жизнь, поведение и братская любовь к ближним далеки от совершенной чистоты. Я был полон плотских желаний, направленных лишь на то, чтобы служить моему тщеславию и стремлению к мирскому блеску, а не к благополучию других людей. Я всегда думал о том, как пользоваться моим опытом ради сиюминутной выгоды, чтобы достигнуть высокого положения и навеки прославить свое имя в мире…»[994]

Интересно, что К. Р. упрекает себя в (1) эзотерической слепоте и отсутствии внутреннего гнозиса и (2) в мирском и материалистическом поведении, тем не менее он решает, что должен присутствовать на свадьбе. Одетый в белую льняную куртку с кроваво-красным поясом, повязанным крест-накрест на плечах, с четырьмя красными розами в шляпе, он отправляется в путешествие. Так заканчивается первый день.

На второй день Розенкрейц вступает в густой лес и через некоторое время выходит на поляну. Там ему предлагается «выбрать один из четырех путей, по каждому из которых ты можешь достигнуть королевского замка, если не останешься на обочине». Один путь короткий и опасный, другой длинный и извилистый и так далее. В конце концов К. Р. находит дорогу к замку, где уже собрались другие гости. Появляется прекрасная Дева, которая произносит предупреждение, напоминая гостям, что им нельзя присутствовать здесь без надлежащей подготовки:

Завтра каждый из вас
Будет взвешен на весах…
Тот, кто переоценил свои силы,

Лучше бы не приходил сюда.

Мы желаем вам успеха.[995]

Мы не будем шаг за шагом вести читателя через остальные пять дней «Химической свадьбы», на третий день которой действительно произошло символическое «взвешивание гостей», где одни из приглашенных добились успеха, а другие нет. Тех, кто оказался «слишком легким на весах», ожидали различные наказания, а худших нарушителей («тех, кто не мог перевесить даже одного груза») убивали на месте.[996] Многие элементы этой любопытной сцены напоминают этап загробного путешествия, известный как «взвешивание души» и описанный в Египетской Книге Мертвых. Предполагается, что в XVII веке ни один европеец не был знаком с этим текстом, созданным во II тысячелетии до н. э. Другие элементы ландшафта «Химической свадьбы» тоже имеют древнеегипетский подтекст — например, Феникс, бог Гермес, королевская лестница, в которой насчитывалось 365 спиральных ступеней, «Дом Солнца», сцены смерти, ритуал возрождения («нам пришлось пребывать на этом острове до тех пор, пока мы не сделали все необходимое для оживления обезглавленных тел»),[997] пирамида, пятиугольник, яйцо, возникающее в результате алхимических процессов, птица, вырастающая с чудесной скоростью, возрождение короля и королевы и возвышение некоторых гостей до статуса «рыцарей Золотого Камня».

В конце седьмого дня Кристиан Розенкрейц вписывает свое имя в огромную книгу под следующим загадочным девизом: «Вершина знания — ничего не знать».[998]

Бруно, Кампанелла и розенкрейцеры

Мы считаем, что «Химическая свадьба» представляет собой великую аллегорию смерти, возрождения и духовного преображения и что Адам Маклин прав, когда сравнивает весь этот процесс с древним таинством инициации. В конце «седьмого дня» мы понимаем, что посвященный, который теперь стал адептом, достиг гнозиса, посредством которого «душа может освободиться от уз материального бытия».[999] В таком случае, независимо от особенностей стиля и символики, глубинный смысл «Химической свадьбы» практически такой же, как в сочинениях александрийских герметистов, гностиков, манихеев, павликиан, богомилов и катаров — всех, кто был связан великой «цепью ересей». Поскольку «Химическую свадьбу» в определенном смысле можно рассматривать как кредо ордена розенкрейцеров, вполне ясно, что их «великая всемирная реформа» имеет герметическую природу.[1000]

Это подтверждается и тем фактом, что даже поверхностное изучение \атт Fama, Confessio и «Химическая свадьба» показывает, что розенкрейцеры пользовались сочетанием герметической магии, Каббалы и алхимии в структуре, имевшей внешние признаки христианства. Эти сочинения в свое время наделали много шума не только из-за предложенной в них мировой реформы по розенкрейцерскому образцу, но и потому, что в них использовался интеллектуальный арсенал великих европейских герметистов, таких, как Пико делла Мирандола, Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла. Еще более любопытно, что благодаря своей связи с Иоганном Валентином Андреа розенкрейцеры также принимали участие в замысле утопического города-государства, который они называли Христианополем — некой идеальной модели мира под управлением жрецов — правителей герметического толка.[1001] При таком сходстве терминологии, символики и конечных целей уместно задать вопрос, не было ли движение розенкрейцеров каким-то образом связано с длительным пребыванием Бруно в Германии с 1588 по 1591 год (см. главу 11), а также с контрабандным вывозом экземпляров «Города Солнца» Кампанеллы в эту страну. Эти события произошли незадолго до первой публикации манифеста розенкрейцеров.

Во время суда над Бруно в Венеции в 1592 году (до того как его дело было передано в Рим) его «ученик» и предатель Мочениго сообщил, что Ноланец вынашивал планы основания новой философской секты в Германии. Другие свидетели заявили, что секта существовала, что Бруно назвал ее «джорданистами» и что она очень понравилась еретикам-лютеранам в Германии. Эти свидетельства заставили Фрэнсис Йейтс задуматься о том, не могли ли пресловутые «джорданисты» иметь какое-то отношение к нерешенной загадке происхождения розенкрейцеров, о которых, как она напоминает, «впервые услышали в Германии в начале XVII века в лютеранских кругах».[1002] Но даже если такая связь существовала, по ее мнению, она была слишком слабой и непрочной. Тем не менее определенные намеки приводят ее к выводу, что «стремление розенкрейцеров к всемирной реформе по герметическому образцу вполне могло возникнуть под влиянием сочинений Бруно и Кампанеллы».[1003] И хотя до сих пор не было обнаружено прямых доказательств связи между Бруно и движением розенкрейцеров в Германии, косвенные улики указывают на связь между Кампанеллой и розенкрейцерами.

Постепенное явление Города Солнца

Великая книга Кампанеллы Civitas Solis, или «Город Солнца», была написана во время его долгого заключения в период с 1599 по 1627 год. Первое печатное издание на латыни было опубликовано во Франкфурте в 1623 году,[1004] однако черновая рукопись Кампанеллы на итальянском языке, а не на латыни была готова уже в 1602 году и сохранилась до настоящего времени (хотя ее опубликовали лишь в 1904 году).[1005] Еще в 1611 году экземпляр другого черновика рукописи был вынесен из тюрьмы Кампанеллы одним из его учеников и регулярных посетителей — лютеранином по имени Тобиас Адами.[1006] Нам известно, что Адами отвез эту рукопись в город Тюбинген в Южной Германии,[1007] где в то время жил Иоганн Валентин Андреа, возможный автор «Химической свадьбы Кристиана Розенкрейца».

Мог ли Адами передать рукопись Кампанеллы Иоганну Андреа и другим членам будущего братства розенкрейцеров в эзотерических кругах Тюбингена? Это представляется весьма вероятным, и в таком случае у них было достаточно времени, чтобы попасть под влияние Кампанеллы. По мнению Фрэнсис Йейтс, это подтверждается присутствием среди близких знакомых Андреа другого из немецких учеников Кампанеллы — лютеранина по имени Вильгельм Венц.[1008]

Фрэнсис Йейтс не одинока в своем предположении о связи «феномена розенкрейцеров» с закулисной деятельностью с участием Кампанеллы, Тобиаса Адами, Вильгельма Венца и загадочного Иоганна Валентина Андреа. Кристофер Макинтош тоже утверждает, что «утопическое сочинение Кампанеллы, в котором описывается идеальное общество под управлением жрецов-герметистов… помогло создать атмосферу, в которой появился манифест розенкрейцеров».[1009] По-видимому, Венц даже предложил Андреа, чтобы общество под названием «христианский союз», которое Андреа хотел создать в Германии, называлось Civitas Solis.[1010]

В 1619 году, за четыре года до первого издания «Города Солнца», но по меньшей мере через шесть лет после того, как рукопись появилась в лютеранских кругах Тюбингена, Андреа опубликовал собственную книгу с изложением достоинств другого утопического города под названием Христианополис. Едва ли можно сомневаться, что источником вдохновения для него послужило христианско-герметическое видение идеального государства в книге Кампанеллы.

Союз Темзы и Рейна

Центральным образом в «Химической свадьбе Кристиана Розенкрейца» является магическое бракосочетание между мифическим королем и его королевой. В феврале 1613 года, за три года до публикации «Химической свадьбы», произошло другое, вполне реальное, но почти мифическое бракосочетание.

История начинается 24 марта 1603 года, когда английская королева Елизавета I умерла в Ричмонд-Корте. Она была бездетной, поэтому на трон взошел ее ближайший родственник, король Шотландии Яков Стюарт VI, который был коронован в возрасте 37 лет под именем Якова I Английского. Вполне естествен но, что вслед за ним в Англию последовали многие преданные вельможи и мелкопоместные дворяне из Шотландии. Вместе с собой они принесли не только традиционное чувство кланового мужского братства, но и семена того, что впоследствии стало самым могущественным и влиятельным тайным обществом современности.

Яков I был ревностным протестантом, который после смерти своей знатной родственницы превратился из короля маленькой, сравнительно бедной страны в главу одной из самых могущественных мировых держав. Судя по всему, его нрав был довольно грубым и оставлял желать много лучшего. Хотя он был женат, но явно предпочитал находиться в обществе мужчин, с которыми, по слухам, был не прочь иногда вступать в «неправедные» отношения.[1011]

Религиозный фанатик самого худшего рода, Яков I был одержим верой в свое «божественное право» на царствование, однако на самом деле он оказался довольно посредственным королем и государственным деятелем. Англичане не верили в прочность мирного договора, который он заключил с Испанией, традиционной противницей Англии, и были возмущены, когда он завязал довольно интимные отношения с испанским послом.

Но все было прощено в конце 1612 года, когда Яков I объявил о бракосочетании своей дочери Елизаветы с молодым и любимым в народе немецким принцем-протестантом Фридрихом V, курфюрстом пфальцграфства Рейнского. Наряду с радостным предвкушением грядущего события (тогда, как и сейчас, народные массы любили королевские бракосочетания) этот поступок, казалось, подтверждал верность Якова I протестантскому делу. Многие в Англии и континентальной Европе даже начали надеяться, что он в конце концов будет защищать европейских протестантов, как это делала Елизавета I. В особенности эти надежды возлагались на события, происходящие в Германии, в центре протестантской Реформации. Курфюрст Фридрих был красивым и чувствительным молодым человеком с очень мягкими манерами. Он получил утонченное образование в знаменитом Гейдельбергском университете ив 1610 году стал преемником своего отца, Фридриха IV, твердого кальвиниста и одного из основателей немецкого Протестантского союза. В Германии существовала коалиция протестантских принципалитетов, чьей целью было противодействие католической лиге и власти Габсбургов посредством заключения союзов между собой и с их сторонниками за рубежом, такими, как французские гугеноты и английские протестанты.

Фактически существовало два пфальцграфства — Верхнее в Северной Баварии и нижнее, или Рейнское, пфальцграфство, расположенное по обе стороны среднего течения Рейна. Со Средневековья местные курфюрсты служили управляющими королевских земель в отсутствие императоров из династии Габсбургов и в конечном счете получили право входить в число тех, кто избирал новых императоров. С принятием кальвинизма в 1560-х годах эти принципалитеты внезапно сделались оплотом протестантства в Германии. В качестве курфюрста Рейнского Фридрих V символизировал протестантское сопротивление

Контрреформации, возглавляемой Габсбургами, и естественно, что его брак с дочерью Якова I рассматривался как шаг, значительно укрепляющий позиции кальвинистов.

Осенью 1612 года, когда Фридрих прибыл в Англию, он произвел самое лестное впечатление при английском дворе. Юная принцесса Елизавета влюбилась в него с первого взгляда, и он ответил ей взаимностью. Все говорило о том, что их брак будет самым счастливым событием в жизни правящих домов Европы в XVII веке. Фридриха наградили орденом Подвязки, и все с нетерпением ожидали великих событий, которые произойдут в результате этого союза.

Свадебная церемония состоялась 14 февраля 1613 года в день святого Валентина и сопровождалась пышными празднествами на реке Темзе в окрестностях Лондона. Два месяца спустя, 23 апреля, блестящая королевская чета отбыла в Германию, где заняла свое место в величественном Гейдельбергском дворце.

Джон Ди и Кристиан Розенкрейц

Как мы помним из главы 11, в 1583 году, когда Джордано Бруно прибыл в Англию, знаменитый астролог Елизаветинской эпохи чародей и математик Джон Ди собирался уехать из страны. Польский принц Альберт, присутствовавший среди слушателей лекций Бруно в Оксфорде, пригласил Ди и его семью в свой дом в Требоне (Польша), и Ди принял его приглашение. Он также взял с собой молодого помощника-ясновидца Эдварда Келли.

Покинув Англию в октябре 1583 года, Ди с небольшой группой своих приближенных оставался в Требоне около года, а затем много путешествовал по Польше и Богемии, переезжая из города в город и выступая с чародейскими сеансами перед дворянами до 1587 года. Потом Ди со своей семьей вернулся в Англию через Германию и Голландию, но Келли решил остаться в Польше. Он погиб в 1593 году в результате несчастного случая во время попытки побега из немецкой тюрьмы, куда его заключили по обвинению в ереси.

В Англии Джон Ди впал в нищету и практически стал бездомным, но Елизавета I сжалилась над ним и назначила его смотрителем в соборе Св. Павла. Через несколько лет Ди был назначен смотрителем Манчестерского колледжа, где оставался до смерти Елизаветы I в 1603 году. Однако при короле Якове I Ди утратил все свое влияние при дворе и лишился материальной поддержки. Он умер в 1608 году в возрасте 81 года, в ужасающей нищете.

Интересно, что Кристиан Розенкрейц, персонаж «Химической свадьбы», опубликованной восемь лет спустя, находился в таком же возрасте, когда отправился в паломничество. С учетом того, что в манифесте розенкрейцеров утверждается о способности членов братства общаться друг с другом на зашифрованном языке, мы можем предположить, что это произошло не случайно. Автор, кем бы он ни был, сделал умышленный, хотя и загадочный намек на связь между Джоном Ди и Кристианом Розенкрейцем, легендарным основателем розенкрейцеровского движения.

Все это, разумеется, относится к области гипотез. Вместе с тем многие ученые считают, что корни розенкрейцерства уходят в прошлое задолго до издания книг Fama и Confessio в 1614–1615 годах — возможно, в 1580-е годы в Германии и Богемии сразу же после того, как Джон Ди посетил эти страны. Фрэнсис Йейтс, одна из лучших специалистов в этой области, определенно считала, что здесь прослеживается влияние Джона Ди. Оно могло возникнуть непосредственно в результате его визитов в Германию и Богемию или же косвенно проявилось позднее в творчестве английских ученых мужей и художников, многие из которых восприняли идеи Ди и последовали за Елизавета Стюарт в ее новый дом в Гейдельберге, а затем и в Праге.[1012]

Так или иначе, «феномен розенкрейцеров» 1614–1616 годов проявился вскоре после «алхимической свадьбы» Фридриха V и Елизаветы Стюарт в 1613 году. События того времени побудили надежду положить конец давней религиозной вражде и политической нетерпимости, существовавшей в Европе, и, казалось, обещали новый расцвет.

Розенкрейцеры и Фридрих V

Строительство Города Солнца, по замыслу герметистов, требовало покровительства и участия могущественных светских правителей. Без их поддержки общественные, политические и религиозные перемены, связанные с этим процессом, были всего лишь несбыточными мечтами. С нашей точки зрения, вполне возможно, что мыслители розенкрейцерского и герметического толка специально воспитывали Фридриха V, главу протестантской унии в Германии, чтобы он смог сыграть ключевую роль в осуществлении их грандиозного плана для всей Европы — такую же роль, которую они, возможно, готовили для Генриха IV во Франции перед его убийством в 1610 году. В случае с Фридрихом дополнительным преимуществом был его брак с дочерью короля Англии, воспринятый многими как залог будущего английского вторжения на континент для войны с Габсбургами и Католической лигой.

Главным и самым доверенным советником Фридриха в Гейдельберге был принц Кристиан Ангальтский, проявлявший живой интерес к эзотерическим и мистическим предметам, особенно к алхимии, Каббале и оккультным наукам. Он был покровителем немецкого алхимика Освальда Кролла, который был его врачом, и близким другом Петера Розенберга, богатого землевладельца с поместьями в окрестностях Требоны, чей брат, Вилем Розенберг, принимал Джона Ди в своем доме во время его пребывания в Богемии за несколько лет до этого.[1013] Еще более поразителен тот факт, что один из ближайших родственников Кристиана Ангальтского, принц Август Ангальтский, в 1605 году (за девять лет до издания текста Fama) опубликовал самую раннюю известную ссылку на братство розенкрейцеров.[1014]

Благодаря влиянию Кристиана Ангальтского при дворе Фридриха и Елизаветы в Гейдельберге, а впоследствии и в Праге собирались многие известные сторонники розенкрейцеров, в том числе знаменитый английский философ-герметист Роберт Фладд (ученик Джона Ди) и немецкий алхимик Михаэль Майер. Известно, что он также поддерживал тесную связь с великим итальянским реформатором Паоло Сарпи, венецианским теологом и государственным деятелем, который был известен своей резкой антикатолической риторикой и хотел превратить Венецию в независимую протестантскую республику.[1015] В свою очередь, Сарпи был близким другом Галилея; считается даже, что он первым познакомил великого астронома с примитивными оптическими приборами дальнего действия — телескопами, которые тогда только начали изготавливать в Голландии.

Кристиану Ангальтскому было 45 лет, когда молодой Фридрих в возрасте всего лишь 14 лет стал курфюрстом Пфальцским. В 1613 году, когда Фридрих и Елизавета поженились и переехали в Гейдельберг, им было по 17 лет. Для принца Ангальтского, ранее служившего при Фридрихе IV и обладавшего огромным дипломатическим опытом, было легко стать наперсником впечатлительной королевской четы, и вряд ли можно сомневаться в том, что именно он рассчитывал поставить Фридриха V во главе европейской Реформации. Он даже надеялся, что его протеже станет первым протестантским императором Священной Римской империи после предполагаемого ниспровержения католической династии Габсбургов.

В августе 1619 года трон Богемии, который мятежное дворянство в Праге считало выборным, а не наследственным, был предложен Фридриху. Поступив вопреки совету протестантской унии и увещеваниям собственной матери, он принял предложение и в конце

1619 года вместе с женой покинул свой дворец в Гейдельберге и отправился в Прагу. Когда весть об этом достигла Англии, она вызвала огромный энтузиазм среди народа, как будто в Центральной Европе появилась новая «королева Елизавета», которая будет защищать протестантизм. Более того, на этот раз вместе с ней был блестящий молодой принц, носивший титул главы протестантской унии и находившийся под защитой своего могущественного тестя Якова I.

Все это было глубоким заблуждением, так как Яков I ни в коем случае не собирался ставить под угрозу непрочный мир, достигнутый с Испанией, и таким образом косвенно с Католической лигой и Габсбургами.

С учетом неблагоприятных политических и военных обстоятельств, историки часто задавались вопросом, почему Фридрих V вообще согласился стать королем Богемии, что заставило его пойти на такой огромный риск? Сам Фридрих в письме к своему дяде объяснял, что он считает это своим «божественным призванием, которому я не могу не подчиниться… Моя единственная цель — служить Господу и его церкви».[1016]

Предполагается, что Фридрих имел в виду богемскую или кальвинистскую реформаторскую церковь, но, с другой стороны, вполне возможно, что его идея «божественного призвания» включала значительно более грандиозную миссию, выходившую за пределы Богемии, Германии и даже за рамки кальвинизма. Розенкрейцеры и герметисты, оказывавшие влияние на молодого курфюрста через принца Ангальтского, замышляли великую религиозную и культурную реформу для всего мира — не более и не менее, чем герметический «золотой расцвет» человечества, который должен был наступить очень скоро.

Проповедники этих идей с большим риском для своей свободы и самой жизни искали просвещенного принца или монарха для осуществления грандиозных реформ и прорыва к знаниям. Ожидалось, что это произойдет из центра утопической республики или «города» под названием Civitas Solis (Кампанелла), Христианополис (Андреа) или, как мы вскоре убедимся, Новая Атлантида и даже Новый Иерусалим. Можно ли было найти для этого лучшее место, чем центрально-европейское государство под управлением просвещенного монарха и рыцаря Подвязки, недавно женившегося на юной принцессе из королевского дома Англии? Кстати говоря, она воспитывалась в утонченной просвещенной среде якобинского Возрождения, в кругах, близких к Бэкону и Шекспиру, более того, за ее спиной маячила тень ее могущественного отца Якова I, как бы осенявшая и благословлявшая все будущие начинания молодой королевской четы.

После внезапной смерти французского короля Генриха IV свободные мыслители в Центральной Европе были охвачены ужасным чувством утраты и подавленности, но умная пропагандистская кампания с использованием герметической и каббалистической риторики изменила вектор движения. Теперь уже не Франция, а Германия предлагала лучшее направление для великой реформы. Как говорит один из ведущих исследователей герметизма Джослин Годвин, «надежды всех людей, чьи взгляды можно было назвать «розенкрейцерскими», сосредоточились на Фридрихе. Люди надеялись, что он начнет реформы, о которых говорилось в книгах Fama и Confessio…».[1017]

Битва у Белой Горы

Через несколько дней после того, как Фридрих V стал королем Богемии, Католическая лига провозгласила его соперника, низложенного Фердинанда из династии Габсбургов, императором Священной Римской империи под именем Фердинанда II. После этого началось решительное наступление против «узурпатора Фридриха» и протестантов в целом. Это было началом ужасной Тридцатилетней войны, опустошившей Центральную Европу и погубившей половину населения Германии.

В результате срочных переговоров со своими католическими союзниками и даже с турками-»язычниками» Фердинанд II сформировал мощную коалицию против Фридриха и его предполагаемых протестантских союзников. Плохо организованные и ослабленные из-за междоусобной вражды, эти союзники начали один за другим отворачиваться от короля Богемии. Последним ударом было известие о том, что его могущественный тесть Яков I не собирается оказывать ему никакой военной поддержки. Печальный конец короткого правления Фридриха теперь был неизбежным.

Восьмого ноября 1620 года католическая армия Фердинанда II численностью 26 000 человек под командованием блестящего генерала Тилли выступила против армии Фридриха численностью 21 000 человек, которой командовал Кристиан Ангальтский. Войска встретились в окрестностях Праги на большом косогоре, известном под названием Белая Гора. Через несколько часов армия Фридриха была разгромлена. Принц Ангальтский попал в плен к католикам, а Фридриху и Елизавете едва удалось бежать, оставив все свое имущество.

Как можно было ожидать, Фердинанд II и его союзники из Католической лиги жестоко отомстили мятежным богемским аристократам, которые предпочли Фридриха, протестантство, а возможно, нечто гораздо большее. У них конфисковали землю и собственность. Двадцать семь руководителей мятежа были публично обезглавлены, и, к ужасу протестантов, католицизм был объявлен единственным официально разрешенным вероисповеданием в Богемии. Те, кто отказался принять католичество, были выдворены из страны, а все их имущество конфисковано.

По некоторым оценкам, более четверти миллиона богемцев предпочли отправиться в изгнание.[1018] Многие осели в Голландии, другие нашли убежище в Англии, а некоторые даже добрались до Нового Света. Прекрасная мечта о том, что правление Фридриха будет началом общеевропейской «розенкрейцерской» реформы, оказалась лишь мечтой.

Но это не означало, что мечта умерла. Она лишь переместилась в Англию — на свою подлинную родину, как считали многие (если Джон Ди действительно был крестным отцом розенкрейцерства):

«Возможность всеобщих реформ и развития просвещения, провозглашенная в манифесте розенкрейцеров… была утрачена в Германии после поражения Богемии и короля Фридриха. Те, кто испытал горькое разочарование, прибыли в Англию, а те англичане, которые горько сожалели о том, что движение не получило должной поддержки, с радостью приняли их».[1019]

«Невидимая коллегия» братства розенкрейцеров собиралась выйти на свет…

ГЛАВА 14
ПОЯВЛЕНИЕ «НЕВИДИМЫХ»

«После кончины царя Давида Соломон, сын Давида, построил Храм, начатый его отцом. Он послал за Каменщиками в разные страны и собрал их вместе, так что у него было 4000 работников по камню, и их называли Масонами…»

«Старинные послания» франкмасонов, ок. 1583 года

«Легендарная история масонства, подлинного строительного искусства, описана в некоторых средневековых поэмах… В этих сочинениях… архитектура отождествляется с геометрией. В одной из них утверждается, что геометрия была открыта до Потопа; в другой говорится, что Авраам учил египтян геометрии, а еще в одном варианте сказано, что… геометрия была изобретена египтянами».

Фрэнсис Йейтс, «Розенкрейцерское просвещение»

Если бы христианский гностик из V века н. э. и катар из XIII века н. э. встретились в каком-нибудь закоулке времен, они обнаружили бы, что имеют много общего. Их мнения о римско-католической церкви как о дьявольской организации были бы почти одинаковыми. Их основные убеждения и теологические системы оказались бы идентичными. Обоим был близок аскетический образ жизни.

Если бы наши путешественники во времени затем перенеслись в XVI или XVII век и познакомились бы с европейским протестантом, то нашли бы с ним гораздо меньше общего. Хотя они разделяли бы предпочтения к более простым и непосредственным формам религиозного служения, их основные убеждения и теологические представления были бы так же далеки от его убеждений и представлений, как от римско-католического вероисповедания.

Но есть старая поговорка: «Враг моего врага — мой друг».

Как свидетельствует история, во время своей смертельной вражды с римско-католической церковью в XIII веке катары тесно сотрудничали с другой еретической сектой — с сектой вальденсов, основанной Петером Вальдесом в Лионе в конце XII века.[1020] В своем стремлении к строгости и простоте, в недоверии к церковным таинствам, совершаемым недостойными пастырями, в противодействии почитанию святых и священных реликвий и во многих других аспектах своей веры вальденсы были истинными предшественниками кальвинистов и лютеран — движений, определивших характер европейского протестантизма. Иными словами, они осуждали в основном поведение служителей католической церкви, но принимали большинство католических догм, энергично отрицаемых катарами.[1021] Несмотря на это, вальденсы подвергались жестоким гонениям со стороны католических властей, и эти преследования в сочетании с отвращением к «римскому» тщеславию и помпезности роднили катаров с вальденсами.

В этой книге мы исследуем историю двух взаимосвязанных и гонимых религий: гностицизма и герметизма.

Пережив столетия гонений после победы догматического христианства в Римской империи, гностицизм претерпел возрождение в XII веке, когда нашел поддержку среди баронов полунезависимой Окситании. Как мы видели, кровавый конец этого возрождения наступил вместе с альбигойскими крестовыми походами в XIII веке, хотя гностическая религия, несомненно, еще существовала на Балканах, пока не была окончательно уничтожена мусульманами в XV веке.

Тем временем герметизм — который можно назвать языческим близнецом гностицизма — в течение тысячи лет пребывал в забвении на Западе, но неожиданно вернулся к жизни в XV веке, когда герметические тексты были обнаружены и вывезены во Флоренцию. Там он испытал поразительный и загадочный период папского благоволения в XVI веке, описанный в главе 8, но в конце концов Ватикан распознал в нем смертельную ересь, которая, если дать ей волю, может поставить католицизм на колени. Возобновление интереса инквизиции к этому предмету, послужившее ясным сигналом о ее намерениях для всех, кто стремился к «всеобщей мировой реформе», ознаменовался пытками и 27-летним заключением Томмазо Кампанеллы, а также истязаниями, заключением и сожжением на костре Джордано Бруно — возможно, величайшего мага-герметиста из всех.[1022]

В XIII веке катары боролись за общее дело вместе с вальденсами, а для визионеров из числа герметистов и розенкрейцеров, блуждавших по европейским странам в XV–XVII веках, было естественно искать причины для объединения с протестантами того времени. Принцип «враг моего врага — мой друг» по-прежнему действовал. Катары нуждались в светской политической поддержке, чтобы стать силой, с которой следует считаться; точно так же герметисты и розенкрейцеры в XV–XVII веках нуждались в светской политической поддержке для осуществления своих грандиозных планов. Лишь в исключительных случаях — например,

когда пожилой Кампанелла был принят при дворе Людовика XIII — они получали такую поддержку от католических правителей, но в целом они неизбежно оказывались в зонах протестантского влияния и в больших количествах собирались при дворах монархов протестантского вероисповедания, таких, как Фридрих V.

Джордано Бруно, к примеру, был откровенен со своими богатыми и влиятельными протестантскими покровителями: он не считал себя протестантом и не собирался им становиться, он лишь искал у них защиту и хотел спокойно продолжать свои исследования.[1023] Но мы можем с уверенностью предположить, что другие свободные мыслители герметического толка предпочитали держаться в тени и по возможности ничем не отличаться от протестантов, принимавших их у себя. Это были жестокие и очень неспокойные времена, и после чудовищного истребления катаров здравый смысл подсказывал большинству еретиков, что нужно научиться быть «невидимыми», будь то среди протестантов или католиков.

Не любопытно ли, что именно о такой «невидимости» много говорится в манифесте розенкрейцеров? Читатель должен помнить, что там есть упоминание о «магическом языке и письме», изобретенном первыми членами братства, возможно, для тайного общения между собой. Кроме того, члены братства были рассеяны по миру и специально не носили никакой отличительной одежды, а следовали обычаям той страны, в которой находились.[1024] Иными словами, они смешивались с обществом. Возможно, точно так же поступил Иоганн Валентин Андреа, преследовавший свои розенкрейцерские и герметические интересы, приняв облик прямодушного лютеранского пастора.

В манифесте розенкрейцеров говорится о существовании Невидимой Коллегии, ведущей закулисную деятельность через существующие учреждения и организации и остающейся в тени до тех пор, пока не придет время открыться миру. Розенкрейцеры стремились к великой реформации в религиозной и общественной сфере, и, хотя слово «реформация» само по себе, вероятно, было выбрано из-за политической корректности и приемлемости в протестантских кругах, мы вполне уверены, что в него был вложен совершенно иной смысл. Не вызывает сомнения, что под покровом протестантских религиозных организаций и властных структур в начале XVII века существовали люди, чьи убеждения были гораздо ближе к «еретическим» идеям Джордано Бруно о герметической реформации в Европе, — люди, со всей серьезностью относившиеся к призыву Томмазо Кампанеллы о строительстве Города Солнца.

Взоры обращаются к Англии и Новому Свету

В предыдущей главе мы рассказали о том, что 8 ноября 1620 года католическая армия императора Фердинанда II нанесла сокрушительное поражение протестантским войскам Фридриха V, курфюрста Пфальцского. Жителей Богемии насильно обратили в католицизм, и четверть миллиона протестантов бежали за рубеж, оставив все свое имущество на родине.

Неудивительно, что на фоне массовых убийств и потока беженцев, порожденного этим ужасным конфликтом между католиками и протестантами в Центральной Европе, умы некоторых герметических мыслителей обратились к Англии — великой протестантской державе по другую сторону пролива. Англия стояла особняком на фоне общего хаоса, царившего на континенте, как место, где они еще могли надеяться на осуществление всеобщей реформы и торжество просвещения.

Известно, что герметические философы, проявлявшие живой интерес к дуализму земли и небосвода, следили за ходом небесных светил, поэтому мы можем быть уверены, что они обратили внимание на то обстоятельство, что в декабре 1603 года, когда Яков I был провозглашен королем Англии, наблюдалось впечатляющее астрономическое соединение

Сатурна и Юпитера, которое рассматривалось астрологами как знамение новой эпохи.[1025] В следующем году предположительно произошло «открытие» гробницы Кристиана Розенкрейца, описанное в тексте Fama. Тогда же, в 1604 году, произошло странное появление двух новых звезд в созвездиях Лебедя и Змееносца, что породило взрывную смесь страхов и огромных надежд.[1026]

Нетрудно понять, какие чувства испытывали герметисты и розенкрейцеры, находившие убежище среди лютеран и кальвинистов в охваченных войной странах Центральной Европы. Поэтому не стоит удивляться, что для некоторых из них начало эпохи Стюартов в Англии рассматривалось как основание «Нового Иерусалима» — страны, избранной богом, которая поведет остальной мир к новой эре просвещения и процветания. Эти ожидания многократно усиливались из-за иллюзорной надежды на появление могущественного союза между «Рейном и Темзой» — т. е. между Англией и Германией, скрепленного браком Фридриха Пфальцского и Елизаветы Английской.

Но было еще одно обстоятельство, медленно вызревавшее в коллективном подсознании тех, кто стремился к великой всемирной реформе. Оно было связано с недавним приобретением Англией огромных девственных территорий в Северной Америке. На другой стороне Атлантики внезапно появился целый новый континент, подобие «Новой Атлантиды», готовый к пришествию европейских колонизаторов, поэтому некоторые реформаторы задумались о том, не будет ли проще и лучше оставить Европу с ее религиозными распрями и построить с чистого листа совершенно новое общество, основанное на поисках счастья, справедливости и просвещения.

На этом фоне великий английский мыслитель Фрэнсис Бэкон вскоре опубликовал ряд книг, воспламенивших воображение европейских интеллектуалов.

Герметический Бэкон

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) был сыном лорда-хранителя королевской печати при Елизавете I. В возрасте 12 лет его отправили в колледж Св. Троицы в Кембридже. В 18 лет, оказавшись практически без гроша в кармане после смерти отца, он занялся юриспруденцией и в 28 лет сумел занять место в Палате общин. Сверстники недолюбливали его, а Елизавета I относилась к нему с недоверием, но после смерти королевы в 1603 году он стал пользоваться покровительством Якова I. При поддержке короля Бэкон быстро приобрел славу и состояние; сначала он стал лорд — канцлером, потом бароном Веруламом (1618) и, наконец, виконтом Сент-Олбансом (1621). Однако блестящая политическая карьера Бэкона завершилась позорной отставкой после того, как его обвинили во взяточничестве. Остаток своей жизни он посвятил литературному творчеству.

В 1605 году, через два года после смерти Елизаветы I, Бэкон опубликовал свою первую эпохальную книгу под названием «О значении и успехе знания божественного и человеческого». В этом спокойном и взвешенном труде, который и поныне считается краеугольным камнем науки и образования, рассматривается состояние науки и просвещения в начале XVII века. По мнению Бэкона, если бы мы уделяли больше внимания исследованиям и экспериментам, то гораздо быстрее пришли бы к пониманию природы и к улучшению условий жизни для людей. С этой целью он посвятил книгу своему покровителю Якову I и предложил ему учредить «братство науки и просвещения»,[1027] где ученые и эрудиты всех стран могли бы обмениваться знаниями и идеями на благо человечества:

«Как природа создает братства в родах животных, ремесла создают братства ремесленников, а помазание Божие создает братство среди королей и епископов, так и наука должна создать братство просвещения, обращенное к Богу, которого называют отцомвсейпремудрости».[1028]

Не будем забывать, что этот текст был написан в 1605 году,[1029] за девять лет до публикации розенкрейцерского манифеста, но «братство просвещения», о котором говорит Бэкон, точно совпадает с намерениями розенкрейцеров, хотя они говорили о «невидимом братстве».[1030]

Вряд ли было случайностью, что братство, соответствовавшее этому описанию, вскоре было основано на Британских островах[1031] и в конечном счете распространилось по всему миру. Речь идет о франкмасонском братстве. Мы не были удивлены, узнав от нашего друга, историка Роберта Ломаса, что Фрэнсис Бэкон и Яков I, по всей вероятности, сами были франкмасонами, состоявшими в одной из первых лож так называемого «Шотландского Обряда».[1032] Действительно, помимо явного герметического и розенкрейцерского содержания, в посвящении Бэкона Якову I прослеживается четкая связь с аллегорической системой символов и тайных слов, используемых франкмасонами и полностью понятных только посвященным.[1033] Эта система, разумеется, идентична «магическому языку и письму», о котором говорится в розенкрейцерском манифесте.[1034]

Розенкрейцерская рождественская открытка в Шотландском государственном архиве.

Примерно в то время, когда Фрэнсис Бэкон вносил завершающие штрихи в рукопись своего знаменитого сочинения, немецкий алхимик Михаэль Майер (1568–1622), известный мыслитель розенкрейцерского толка, жил в Праге и работал личным врачом императора Рудольфа И. После смерти Рудольфа в 1612 году — за год до свадьбы Фридриха Пфальцского и Елизаветы Стюарт — Майер приехал в Англию. У нас нет подтверждения того, что Майер встречался с королем, но он, по всей видимости, чувствовал себя достаточно непринужденно, чтобы послать ему личную рождественскую открытку, в содержании которой содержится явный намек на связь Якова I с движением розенкрейцеров.

Рождественская открытка Майера сейчас хранится в Шотландском государственном архиве в Эдинбурге. На ней изображена большая роза, вокруг которой начертаны слова: «Приветствие и многие лета Якову, королю Великобритании. Да возрадуется роза под твоей истинной защитой».[1035]

Эта странная надпись привела многих исследователей к предположению о том, что в Англии существовала некая ранняя форма «движения розенкрейцеров» и что немецкие розенкрейцеры, такие, как Михаэль Майер, рассматривали Якова I как своего защитника и покровителя.[1036] Весьма вероятно, что во время своего пребывания в Англии Майер познакомился с философом-герметистом и каббалистом Робертом Фладдом (1574–1637), которому тогда было около 40 лет. Хотя в то время Фладд еще не опубликовал свое собственное сочинение о розенкрейцерском братстве под названием «Сводная апология братства Розы и Креста» (1616), он тем не менее был «розенкрейцером по духу».[1037]

Немецкие розенкрейцеры, безусловно, оценили усилия Фладда по защите интересов их братства в Англии, так как в 1618 году еще две книги Фладда — «История макрокосма» и «История микрокосма» — были изданы в Оппенгейме конторой Иоганна Теодора Де Бри, который, очевидно, щедро заплатил за эту привилегию.[1038] Де Бри также был издателем одной из книг Михаэля Майера под названием Atalanta Fugiens, изданной в 1618 году;[1039] вполне может быть, что Майер послужил связующим звеном между Фладдом и немецким издателем.

Майер оставался в Англии до 1616 года, и было бы удивительно, если бы он не познакомился с Бэконом в течение этого периода, поскольку они вращались в одних и тех же кругах. Мы определенно знаем, что вскоре после визита Майера Бэкон приступил к сочинению утопической книги, отмеченной безошибочной печатью розенкрейцерских идей.

Новая Атлантида

В 1627 году, через год после смерти Бэкона, рукопись, над которой он работал, нашлась среди его личных бумаг. Она была озаглавлена «Новая Атлантида» и осталась незаконченной, как и первоначальная история Платона об Атлантиде (в его диалогах «Тимей» и «Критий»). Она также не была датирована, но ученые предполагают, что Бэкон написал ее вскоре после появления в Германии двух розенкрейцерских манифестов и текста «Химической свадьбы» (т. е. после 1616 года), поскольку в ней содержатся идеи и аллегории, тесно ассоциирующиеся с этими документами.

В общих чертах в «Новой Атлантиде» представлено утопическое представление Бэкона о научном и вместе с тем духовно ориентируемом обществе, которое ведет тайное существование на отдаленном острове под названием Бенсалем, расположенном «посреди величайшего водного пространства в мире». Это общество находится под управлением элитного братства ученых-священнослужителей, собирающихся в большой коллегии, или ложе, под названием «Дом Саломона». В это общество входят видные астрономы и геометры и — что удивительно для тек ста XVII века — строители самолетов и подводных лодок («…мы до некоторой степени научились летать по воздуху… у нас есть суда и корабли для плавания под водой»). Они также являются опытными мореходами, но путешествуют тайно и не желают раскрывать свое существование: «Мы хорошо знаем большую часть обитаемого мира, но сами не выдаем своего присутствия».

Их задача, по словам Бэкона, состоит «в знании причин и тайного хода вещей», а их миссия — «взращивать первое творение Божье, которым был Свет». Эту миссию они распространяют посредством «двенадцати, которые плавают в зарубежные страны под именем других народов (ибо собственное имя мы оставляем в тайне)… их мы называем Несущими Свет».[1040]

Эти двенадцать «невидимых» миссионеров распространяли просвещение по всему миру. Подобно розенкрейцерам, а впоследствии франкмасонам, они клялись хранить тайну и соблюдать осторожность в словах и поступках.[1041] Они путешествовали инкогнито и творили благодеяния, не требуя награды. Они оставались незаметными, поскольку носили местную одежду и разговаривали на языке тех стран, которые они посещали; как и розенкрейцеры, они могли свободно разговаривать на всех языках. Дома в Бенсалеме их отличительным признаком был белый тюрбан с нашивкой в виде красного креста — эпонимического символа розенкрейцеров, — а на их «великой печати» были изображены «крылья херувима, но не распростертые, а свисающие вниз». Такая же эмблема, как показала Фрэнсис Йейтс, использовалась в манифесте розенкрейцеров.[1042]

Сделаем небольшое отступление и отметим, что образ «крыльев херувима» наводит на мысль об иудейском Ковчеге Завета, увенчанном крылатыми фигурами двух золотых херувимов, которые, как сказано в Ветхом Завете, некогда стояли в «Святая Святых» знаменитого Храма Соломона в Иерусалиме. Бэкон говорит о «Храме Саломона», расположенном в месте под названием Бенсалем, то есть, по существу, выражает такую же идею. Бен по-еврейски и по-арабски означает «сын», что в данном случае, возможно, следует истолковать как «Новый Салем» или «Новый Иерусалим».

Хотя термины «роза и крест» или «розенкрейцеры» не встречаются в тексте «Новой Атлантиды», Фрэнсис Йейтс считает, что Бэкон был знаком с символикой розенкрейцеров и адаптировал ее для собственной притчи:

«Новой Атлантидой управляли братьяR.C. [розенкрейцеры], которые незримо путешествовали во внешний мир из своей невидимой коллегии, или центральной ложи, теперь называемой «Домом Саломона». Следуя правилам розенкрейцерского братства, они бесплатно лечили больных и не носили особой одежды, отличавшей их от других».[1043]

Йейтс справедливо указывает, что современные исследователи Бэкона, не знакомые с розенкрейцерской литературой, не распознают сходства между «Новой Атлантидой» и розенкрейцерским манифестом, но такое сходство не могло ускользнуть от внимания образованных людей в XVII веке, хорошо знакомых с манускриптами розенкрейцеров. Одним из таких людей был Джон Хейден, опубликовавший адаптированный вариант «Новой Атлантиды» Бэкона под названием «Священное руководство» в 1662 году. На острове Бенсалем имелся «Странноприимный Дом», нечто вроде карантинного или иммиграционного пункта для временного проживания новоприбывших. В варианте Хейдена чиновник Странноприимного Дома обращается к ним со следующими словами: «Я управляющий этого дома… и принадлежу к ордену Розы и Креста». Хейден также упоминает о «мудрецах из Дома Саломона» как о «мудрецах общества розенкрейцеров» и отождествляет «Дом Саломона» с «Храмом Розы и Креста».[1044]

Краткий экскурс в историю франкмасонства

Связь между розенкрейцерами и братством ученых-священнослужителей у Бэкона выглядит неопровержимой, однако в его сочинениях часто прослеживаются и связи с франкмасонством. Возможно ли, что элитное братство, которое он имел в виду, было создано не по образцу розенкрейцерского братства, но скорее предваряло идеи масонского братства, которое именно в то время начало формироваться в Англии?

Безусловно, термин «Дом Саломона» наводит на определенные мысли в этом направлении независимо от того, совпадает ли это с намерениями самого Бэкона. «Саломон» является измененным французским вариантом имени «Соломон» прославленного библейского «царя-мудреца», чей знаменитый храм занимает центральное место в масонских обрядах и ритуалах посвящения. Всем историкам масонства хорошо известно, что самое важное символическое место в идеалах франкмасонов занимает храм Соломона, предположительно «воссозданный» в духовной сфере. Храм Соломона так тесно связан с франкмасонством, что входы многих масонских лож обрамлены двумя колоннами, символизирующими колонны легендарного храма Соломона, которые назывались Воаз и Иоаким, что означает «мудрость» и «сила».[1045] Сходным образом архитектурный план «Объединенной великой ложи» в Лондоне, штаб-квартиры английского франкмасонства, является аллегорией храма Соломона в Иерусалиме. К примеру, потолок так называемого Великого Храма украшен сценами и символами из храма Соломона, а на барельефах парадной двери изображены сцены библейских событий:

«На трех нижних панелях каждой двери изображены сцены, связанные со строительством храма Соломона в Иерусалиме. Верхние левая и правая панели содержат изображение процессии во время церемонии посвящения храма. Надпись у подножия двери воспроизводит обещание Бога, данное царю Соломону в 3-й Книге Царств (6, 12)».[1046]

Вот цитата из 3-й Книги Царств (6, 11–14):

«И было слово Господа к Соломону, и сказано ему: Вот, ты строишь храм; если ты будешь ходить по уставам Моим, и поступать по определениям Моим, и соблюдать все заповеди Мои, поступая по ним, то Я исполню на тебе слово Мое, которое я сказал Давиду, отцу твоему. И буду жить среди сынов Израилевых, и не оставлю народа Моего Израиля.

И построил Соломон храм, и кончил его».[1047]

Следует отметить, что масоны «Шотландского Обряда» до некоторой степени рассматривают свою ложу как преемницу знаменитого средневекового ордена тамплиеров

(штаб-квартира этого ордена в XII веке находилась на месте храма Соломона в Иерусалиме). Рыцари Храма были современниками катаров и тоже в конечном счете подверглись преследованию за ересь; их бросали в темницы, пытали и сжигали на костре. Мы вернемся к тайне этого ордена в следующей главе.

Исида в Виргинии

Поместив свой невидимый острова Бенсалем «посреди величайшего водного пространства в мире», Бэкон явно имел в виду место, расположенное далеко от его родной Англии и Европы. Не мог ли он вдохновиться идеей Американского континента, который в начале XVII века большей частью еще оставался малоизученным? В конце концов, там находился настоящий «новый мир», не обремененный глубоко укоренившимися религиозными и общественными традициями старого мира, где великий эксперимент, осуществленный по образцу масонских и розенкрейцерских идеалов, мог иметь надежду на успех.

Мы с интересом отмечаем, что Бэкон был рьяным сторонником колонизации и развития недавно приобретенных североамериканских территорий Британии, расположенных в пределах современного штата Виргиния. В 1606 году так называемая Виргинская компания получила от Якова I королевскую грамоту, дававшую ей практически неограниченную власть в управлении колонией. Бэкон сыграл важную роль в создании этого документа. Поэтому неудивительно, что в «Новой Атлантиде» Бэкон называет Бенсалем «Девой Мира» — известным аллегорическим титулом Елизаветы I. Но в предыдущих главах мы узнали о существовании важного герметического текста под названием Коте Kosmou (в буквальном смысле «Дева Мира»), где так называется древнеегипетская богиня Исида. В главе 8 мы привели цитату из Kore Kosmou, где Исида делает следующее заявление: /»Земля находится в центре вселенной, распростертая на спине, словно человек, лежащий лицом к небосводу… Ее глава лежит к югу… правое плечо к северу, левое плечо к западу, а ноги лежат под Большой Медведицей (север)… Но священная земля наших предков [т. е. Египет] расположена посредине Земли. Центром человеческого тела является святилище сердца, а сердце является обителью души. Поэтому, сын мой, люди этой земли… более умные [мудрые]. Иначе и не могло быть, ведь они родились и возросли в сердце Земли».[1048]

Фрэнсис Йейтс указывает на то, что королева Елизавета I ассоциировалась ее современниками с созвездием Девы, которое древние греки называли «Астрея», что значит «Звезда». Имя Астрея связано с рядом древних «звездных» богинь Ближнего Востока, такими, как Астарта и Ашторет, прямо или косвенно происходящими от «Аст» — древнеегипетского имени Исиды, чьей звездой был Сириус, или Собачья Звезда.[1049] Может ли это служить намеком, что образ Елизаветы как Virgin Queen [девственная королева] содержал зашифрованную ссылку на «девственную» богиню Исиду?

Эта возможность не так натянута, как может показаться на первый взгляд. Упоминание о храме Соломона и храме Исиды содержится в книге Эдмунда Спенсера, современника Фрэнсиса Бэкона. Близкий знакомый загадочного Джона Ди,[1050] Спенсер был автором трактата Faerie Queen («Королева фей»), написанного в период с 1580 по 1590 год и представлявшего собой панегирик королеве Елизавете I и ее имперским реформам. В ней знаменитый поэт упоминает о «Доме Альма», представленном как архитектурная аллегория макрокосма. Эта идея очень напоминает позднейшее высказывание из трактата Fama, опубликованного в 1614 году, где мы читаем, что в последние годы своей жизни Кристиан Розенкрейц «построил микрокосм, соответствующий всем движениям в макрокосме».[1051]

Представление о соответствиях между макрокосмом и микрокосмом, небом и землей, верхним и нижним имеет герметическую природу, поэтому неудивительно, что Алистер

Фоулер, известный специалист по творчеству Спенсера, обнаружил, что в «Королеве фей» содержится сложная нумерологическая система с «астральными» или планетарными аллегориями.[1052] Фрэнсис Йейтс приходит к выводу, что в таинственном «Доме Альма» зашифрованы пропорции храма Соломона.[1053] Другой исследователь Елизаветинской эпохи, профессор Ангус Флетчер, видит намек на египетско-герметическую магию в легенде Спенсера о прекрасной и благородной целомудренной даме-воительнице по имени Бритомарт (аллюзия на Елизавету I), где волшебник Мерлин интерпретирует ее видение как «храм Исиды».[1054] Вероятно, следует упомянуть и о том, что в Книге Царств царь Соломон якобы построил дом для своей жены, египетской царевны, которая, будучи дочерью фараона, должна была сознательно отождествляться с богиней Исидой: «Дочь фараонова перешла из города Давидова в свой дом, который построил для нее Соломон».[1055]

Антильские интриги

Возможность того, что виргинские колонии были частью мечты розенкрейцеров и герметистов об утопической всемирной реформе, была высказана историком Роном Хейслером.[1056] В своем подробном исследовании о пребывании Михаэля Майера в Англии в 1612–1616 годах Хейслер обнаружил, что «в знакомствах Майера проявлялась определенная и неожиданная закономерность». Оказывается, Майер установил в Англии тесные контакты с людьми, так или иначе связанными с Виргинской компанией — корпорацией состоятельных людей, проект королевской грамоты для которой, как мы упоминали выше, составил Фрэнсис Бэкон.

Хейслер указывает, что после публикации первой работы Майера Arcana arcanissima, он лично отослал копии нескольким известным людям, включая Томаса Смита и некоего Фрэнсиса Энтони, принимавшим участие в управлении Виргинской компанией. Фактически Томас Смит был казначеем компании, а Энтони стал членом комитета в 1619 году. Другие люди, тесно связанные с Виргинской компанией, такие, как ее юридический советник Джон Селдон и писатель Джордж Сендис, проявляли особый интерес к Майеру и его идеям.[1057] Все это привело Хейслера к выводу, что его труд Atalanta Fugiens, опубликованный в 1618 году, «мог быть вдохновлен утопическим видением Америки».[1058]

Существует другая связь между братством розенкрейцеров и виргинскими колониями, которая может пролить новый свет на эту интересную проблему. В своем исследовании «Антильская мозаика» американский ученый Дональд Р. Диксон представляет свидетельства существования «утопического братства», известного под названием Антилия (это название в Средние века иногда использовалось для обозначения Атлантиды). Очевидно, члены этого братства вдохновлялись манифестом розенкрейцеров и «верой Бэкона в экспериментальную науку как ключ к процветанию».[1059] С этой целью они решили приобрести островок в Рижском заливе Балтийского моря, где собирались основать утопическое общество. Отдельно рассматривался вопрос об эмиграции в Виргинию и основании поселений в Северной Америке.[1060] По-видимому, не случайно наш старый знакомый Иоганн Валентин Андреа, предполагаемый автор «Химической свадьбы Кристиана Розенкрейца», играл важную роль в этом братстве.[1061]

Все это наводит на мысль, если не фактически подтверждает идею о том, что утопическое видение Нового Света (т. е. Виргинии в Северной Америке) было вдохновлено программой розенкрейцеров, изложенной в их манифесте, а также «Новой Атлантидой» Фрэнсиса Бэкона. В этом принимали участие и франкмасоны — члены вполне реального и влиятельного братства, существующего до сих пор, — основавшие свои ложи на английской земле в начале XVII века, вскоре после таинственного появления розенкрейцеров…

Истоки франкмасонства

Истоки современного франкмасонства скрыты за такой массой легенд и псевдоисторических подробностей, что эта тема превратилась в настоящий кошмар даже для самых ревностных исследователей. Современные масоны говорят, что принадлежат к «обществу, имеющему свои тайны», но в течение долгого времени это общество действительно было тайным и прилагало огромные усилия, чтобы оставаться «невидимым». Мы уже упоминали о том, что эффективно действующие тайные общества почти не оставляют следов в исторических хрониках.

Франкмасонство как официальная организация возникло в Британии в 1717 году после формирования Английской Великой Ложи — события, запечатленного во втором издании «Конституции франкмасонов», опубликованной Джеймсом Андерсоном в 1738 году.[1062] Но все это говорит лишь о том, когда тайное общество публично объявило о своем существовании и вышло на свет, хотя и сохранило свои секреты.

В 1722 году, за шестнадцать лет до появления «Конституции» Андерсона, некий Дж. Роберте опубликовал собрание так называемых «старинных посланий» франкмасонства, также известных под названием «Готические манускрипты». Как подразумевает название, они являются собранием старых манускриптов, иногда датируемых концом XIV века, в которых описывается «история» франкмасонства.[1063] Согласно манускриптам, истоки франкмасонства восходят к допотопному патриарху Ламеху, который жил до Ноя. Трем сыновьям Ламеха — Иавалу, Иувалу и Тувалкаину, а также его дочери по имени Наама приписывается изобретение главных «ремесел», на которых основана цивилизация. Иавал был изобретателем геометрии, Иувал изобрел музыку, Тувалкаин — кузнечное дело, а Наама придумала ткачество.[1064] Зная о том, что однажды Бог накажет человечество за его грехи огнем и потопом, они записали всю свою премудрость на двух огромных каменных колоннах, чтобы их открытия не были потеряны для человечества и достались выжившим. Как сказано в «Старинных посланиях»:

«Грек Герменес, сын Куша, который был сыном Шема, который был сыном Ноя, — этот Герменес впоследствии получил прозвище Гермес, Отец Мудрости. Он нашел две каменные колонны, на которых была записана древняя премудрость, и стал учить ей…»[1065]

Остальная часть «истории» состоит из очень запутанного и сбивчивого повествования, которое проходит через Вавилон, появление Авраама в Египте (где «он учил египтян семи наукам») и, наконец, приводит нас к самому важному моменту в истории масонства — строительству Храма Соломона в Иерусалиме. Текст гласит, что во время сооружения этого величественного храма «достойное ремесло каменщиков [масонов] утвердилось в Иерусалиме».[1066]

Далее история движется рывками через пространство и время, показывая, как «достойное ремесло масонов» появилось в Европе через Францию и наконец попало в Англию «во времена св. Олбана».[1067] Вероятно, здесь стоит отметить, что Фрэнсис Бэкон на вершине своей карьеры получил от Якова I титул виконта Сент-Олбанса, что связывает его (во всяком случае, по имени) с этой странной генеалогией франкмасонства в Британии.

Мы также с интересом отмечаем, что Гермес, «Отец Мудрости», предстает в роли первооткрывателя и распространителя утраченных знаний. Пусть даже не намеренно, этот сценарий во многом напоминает повторное открытие герметических сочинений в 1460 году и их последующее распространение. В главе 8 мы видели, что Марсилио Фичино и его интеллектуальные преемники, включая таких людей, как Джордано Бруно и Томмазо

Кампанелла, действительно верили в открытие утраченной «магической религии» древних египтян и считали своим долгом нести ее человечеству.

Невидимая Коллегия в опасные времена

Крайне непопулярная и противоречивая иностранная политика Якова I наряду с авторитарным стилем его правления и презрением к парламенту создала в Англии атмосферу всеобщей тревоги и недовольства. После его смерти в 1625 году на трон взошел его благовоспитанный, но слабый и довольно неуравновешенный сын — Карл I, которому предстояло привести монархию к прямому столкновению с народом и парламентом. Назревала катастрофа.

Новый монарх продолжил непопулярную зарубежную политику своего отца и показал себя еще большим тираном и диктатором. Его ранний брак с французской принцессой-католичкой Генриеттой-Марией, сестрой короля Людовика XIII, не нравился пуританам, составлявшим большинство в Палате общин, но прежде всего неумелые действия Карла I в новой войне с Испанией и Францией и грабительский сбор средств с помощью незаконных налогов для финансирования войны в Шотландии привели парламент к скрытому мятежу в 1640 году.

Слухи о гражданской войне в Англии ходили повсюду. Наступили очень опасные времена. В Центральной Европе все еще бушевала Тридцатилетняя война; Испания и Франция воевали с Англией, а в самой Англии противостояние между монархией и парламентом достигло огромного накала. Взаимное недоверие и предательство вошли в норму, и приходилось быть чрезвычайно осторожным даже для того, чтобы выжить, не говоря уже о благоденствии. Атмосфера всеобщего недоверия и хаоса способствовала тому, что в определенных группах общества — среди интеллектуалов элитного дворянства и военных — возникла потребность в создании «нейтральной полосы», где мог был происходить свободный обмен взглядами на политику, религию и науку. Система масонских лож, защищенная ритуалами посвящения и тщательной проверки новых членов, обеспечивала структуру для удовлетворения такой потребности.

Эзотерическое (в отличие от строго практического) франкмасонство существовало в Шотландии довольно давно, возможно, с конца XV века.[1068] Со временем была введена система «акцепции», позволяющая принимать в члены общества людей, занимающих видное положение, но не обязательно имеющих отношение к ремеслу каменщика, строительству и архитектуре.[1069] Судя по всему, эта система попала в Англию с приходом к власти династии Стюартов. Теперь, когда перспектива гражданской войны стала реальной, масонские ложи послужили удобным местом для тайных встреч в дружеской и непринужденной обстановке с ритуалами и символикой, объединяющими людей из равных слоев общества, имевших сходные цели и духовные устремления.

Открытый парламентский бунт начался в 1642 году. После неудачной попытки арестовать пятерых членов парламента Карл I и его сторонники из партии роялистов покинули Лондон и устроили «двор в изгнании» в Оксфорде, традиционном центре интеллектуальной элиты. Именно здесь в последующие годы сформировалось странное братство образованных людей, называвших себя «Невидимой Коллегией». Наиболее раннее сохранившееся письменное упоминание об этом таинственном братстве принадлежит знаменитому физику Роберту Бойлу в письме, которое он написал своему французскому наставнику в 1646 году. В этом письме Бойл утверждает, что теперь он прилежно занимается «естественной философией», основанной на принципах «нашего нового философского колледжа», и просит наставника прислать ему определенные книги, «за которые наша

Невидимая Коллегия будет Вам чрезвычайно благодарна».[1070] Несколько месяцев спустя, в 1647 году, Бойл снова упоминает Невидимую Коллегию в письме к своему другу:

«Люди, заложившие краеугольные камни Невидимой, или Философской, Коллегии, время от времени оказывают мне честь своим обществом… Это люди столь высокого духа и обширных познаний, что учебная философия является лишь низшей ступенью их учености… Их добрая воля распространяется на все дела человеческие, и в своем стремлении поставить просвещение на благо общества они готовы заботиться обо всем человечестве».[1071]

Термин «Невидимая Коллегия» с описанием ее деятельности и интересов сразу же наводит на мысль о «невидимой коллегии» братства розенкрейцеров. Высокие интеллектуальные и человеческие качества, перечисленные Бойлом, совпадают с качествами, приписываемыми членам братства розенкрейцеров, — к примеру, на плакатах, внезапно появившихся по всему Парижу в 1623 году.[1072]

В молодости Бойл провел в Париже некоторое время, обучаясь во Франции и Швейцарии, поэтому вполне возможно, что он слышал о розенкрейцерской «невидимой коллегии» от своих наставников или других знакомых. Фрэнсис Йейтс также отмечает странное сходство терминологии, используемой Бойлом в письмах к его наставнику и Фрэнсисом Бэконом в «Новой Атлантиде». Оба автора говорят о высокоученом братстве, — которое остается «невидимым» и работает на благо всего человечества.[1073] Многие исследователи сходятся в том, что Теодор Гаак и Джон Уилкинс, вероятно, были основателями «Невидимой Коллегии» Бойла.[1074] Теодор Гаак был немецким иммигрантом, поселившимся в Англии в 1620-х годах, а Джон Уилкинс — викарием, который впоследствии стал епископом Честерским. На первый взгляд между этими двумя людьми нет ничего общего, но нам известно, что Гаак был беженцем из Палатената, а Джон Уилкинс был капелланом принца Карла-Людовика, старшего сына Фридриха V и Елизаветы Стюарт. Другими людьми, которые могли иметь связи с Невидимой Коллегией Бойла, были архитектор Кристофер Рен и алхимик Элиас Эшмол. Невидимая Коллегия впервые собралась в Лондоне в 1645 году, а в 1648 году переехала в Оксфорд. Давайте ближе познакомимся с ее деятельностью и с задачами, которые ставили перед собой ее члены.

Утопия на грани гражданской войны

В Англии Теодор Хаак играл роль неофициального дипломатического советника курфюрста Пфальцского, а также представителя епископа Богемского Яна Амоса Коменского, лучше известного под именем Коменений (1592–1670).[1075] Коменский был епископом богемской церкви до ее роспуска в 1620 году после битвы при Белой Горе в окрестностях Праги. Он отправился в ссылку вместе с другими протестантами в 1628 году и поселился в Ыольше, где стал ректором гимназии в городе Лежно. Там он разЬаботал новую христианскую философию, которая называлаcъ пансофия, или «всеобщее знание», выраженную на одном общем языке, для того чтобы способствовать общению и взаимопониманию среди ученых всего мира. Идеи Комения были опубликованы в 1631 году в труде под названием Janua Lin — guarurrki который привлек интерес великого немецкого филантропа и просветителя Сэмюэля Гартлиба, жившего в Англии с середины 1620-х годов.

Гартлиб, чьи идеи были вполне созвучны розенкрейцерским, основал общество, известное под названием «Дом Обращений», с целью содействовать «накоплению знаний».[1076] Это учреждение побуждало европейских интеллектуалов переписываться и обмениваться идеями; оно имеет сходство с «Домом Саломона» Фрэнсиса Бэкона. В обоих случаях речь идет об элитном международном братстве, чья цель заключается в реформах общества и служении человечеству.

В 1640 году, за два года до начала гражданской войны в Англии, Долгий Парламент выступил с предложением радикальных реформ, которые при их осуществлении лишили бы династию Стюартов большей части ее властных полномочий. В обстановке больших общественных ожиданий и энтузиазма нашлись люди, поверившие в то, что утопическое общество, о котором они так долго мечтали, возможно, будет построено в Англии. В парламенте звучали страстные речи, одна из которых принадлежала специально приглашенному Сэмюэлю Гартлибу, который представил свое видение «английской утопии». Он надеялся, что парламент разделит его взгляды и «заложит краеугольный камень мирового счастья».

Согласно Фрэнсис Йейтс, идея обращения к парламенту возникла у Гартлиба не случайно:

«Это был час восторга, когда казалось, что Англия может стать избранной страной… сценой для восстановления правильного хода вещей, когда воображаемые содружества могут стать настоящими, невидимые коллегии — реальными. Гартлиб написал Комению с призывом приехать в Англию и способствовать в этой великой работе… Эта весть чрезвычайно обрадовала Комения, жившего в далекой Польше. Он верил, что получит от парламента мандат для строительства Новой Атлантиды в Англии».[1077]

Комений прибыл в Англию в 1641 году и был принят раком и Гартлибом. Среди них был еще один друг Гартлиба, шотландский священник Джон Друри, знакомый с Гартлибом о 1620-х годов. Фактически Друри сыграл ключевую роль в прибытии Комения в Лондон. Ревностный протестант и убежденный реформатор, Друри издал книгу, в которой настаивал на том, что принц Карл-Людовик, старший сын Фридриха V и Елизаветы Стюарт, должен стать курфюрстом в Германии. Следует помнить, что личным капелланом принца Карла-Людовика был Джон Уилкинс, и в этой связи уместно задать вопрос: не могли ли Гартлиб и Комений принимать участие в деятельности Гаака и Уилкинса по созданию Невидимой Коллегии? В любом случае во время своего пребывания в Англии Комений написал книгу под названием Via Lucis, или «Путь света»,[1078] где призвал к формированию элитного братства просвещенных людей.

Но все великие утопические идеи и ожидания Гартлиба, Комения и Друри закончились ничем. Через год после прибытия Комения в Англию стало совершенно ясно, что противоречие между Карлом I и парламентом слишком глубоки и гражданская война неизбежна.[1079] В 1642 году Комений подготовился к отбытию из Англии в Швецию, а Джон Друри уехал в Голландию.

Утопические мечты реформаторов о судьбе Британии пошли прахом 19 августа 1642 года, когда армия роялистов подняла королевские знамена в Ноттингеме, что стало началом гражданской войны в Англии.

Блестящий роялист

В начале войны успех сопутствовал роялистам. Видное положение среди них занимал блестящий двадцатитрехлетний принц Руперт, сын Фридриха V и Елизаветы Стюарт, низложенного короля и королевы Богемии. Руперту предстояло стать героем гражданской войны; он заслужил всеобщее восхищение за смелые кавалерийские атаки на войска парламента, или «круглоголовых», как их называли. Героический пример Руперта значительно повысил боевой дух королевских войск, особенно после того, как он захватил Бристоль в июле 1643 года, освободил Ньюарк и Ноттингем в начале 1644 года и занял большую часть Ланкашира летом того же года.

Но удача вскоре изменила ему. Член парламента Оливер Кромвель собрал армию фанатиков в восточных графствах и вместе с Томасом Ферфаксом нанес первый тяжкий удар армии принца Руперта в битве при Нерстон Мур в Йоркшире 2 июля 1644 года.[1080] Для роялистов это было началом конца, но, несмотря на тяжкое поражение, Руперт был назначен главнокомандующим королевской армии и смог одержать еще одну победу, захватив Лестер в мае 1645 года. Через месяц он снова был разбит Кромвелем при Несби в Нортхэмптоне. После того как Руперт капитулировал перед «круглоголовыми» в Бристоле, разъяренный Карл I лишил его чина главнокомандующего. Далее молодого принца ожидала странная судьба. После поражения роялистов при Торрингтоне в 1646 году он был изгнан из страны пуританским парламентом. Каким-то образом ему удалось возглавить небольшой флот роялистов, базировавшийся в Голландии, и стать настоящим «пиратом семи морей», который сначала охотился за английскими судами, но потом перенес свою деятельность на Азорские острова и в Вест-Индию.[1081] Руперт вернулся в Англию лишь после восстановления монархии.

Конец для роялистов наступил в июле 1646 года, когда королевская цитадель в Оксфорде была окружена Кромвелем и его «круглоголовыми». Среди тех, кто попал в плен вместе со сдавшимися роялистами, был молодой человек по имени Элиас Эшмол, служивший распорядителем церемоний при королевском дворе. Выдающийся алхимик, астролог и антиквар, Элиас Эшмол впоследствии занял почетное место в официальной истории франкмасонства.

«Меня сделали франкмасоном»

Примерно через четыре месяца после своего пленения Элиас Эшмол сделал в своем дневнике следующую запись: «16 часов 30 минут 16 октября 1646 года. Меня сделали франкмасоном в Уоррингтоне, графство Ланкашир».[1082] Большинство историков считает это первым письменным упоминанием о масонской инициации в Англии, но другие утверждают, что эта честь должна принадлежать Роберту Морею. Он был посвящен в масоны в 1641 году в Ньюкасле-на-Тайне членами Эдинбургской ложи № 1, принадлежавшей к «Шотландскому Обряду». Таким образом, имена Морея и Эшмола навеки запечатлелись в истории масонства. Как мы вскоре убедимся, эти имена объединяет и важная роль, которую оба человека сыграли в превращении оксфордской Невидимой Коллегии во вполне реальное Королевское общество в Лондоне.

Тридцатого января 1649 года в зловещей тишине, последовавшей за барабанной дробью, Карл I был обезглавлен под стенами Уайтхолла в Лондоне. Англия была переименована в Содружество свободных государств, а несколько лет спустя Оливер Кромвель стал лордом-протектором нового пуританского государства. Это событие было наиболее близким аналогом настоящей революции из всех, когда-либо происходивших в Англии, но оно не сопровождалось бурными празднествами и народными гуляниями, происходившими во время французской революции 1789 года.

В бурные и деспотические годы правления Кромвеля Невидимая Коллегия, организованная Уилкинсом, перебралась в Кембридж, где вела полусекретное существование, забыв о своем блестящем будущем. Сам Уилкинс был назначен ректором Уодхемского колледжа в Оксфорде, а впоследствии стал ректором колледжа Св. Троицы в Кембридже — первым и единственным ученым, когда-либо возглавлявшим оба этих знаменитых учреждения. В 1656 году по странной прихоти судьбы Уилкинс влюбился и в конце концов женился на вдове Робине Френч — сестре Оливера Кромвеля.

Хотя многие находились в жесткой оппозиции к тираническому правлению Карла I, подавляющее большинство англичан в душе оставались роялистами и испытывали глубокое

стремление к реставрации монархического строя. Осенью 1658 года, менее чем через десять лет после казни короля в Уайтхолле, Оливер Кромвель умер в своей постели, окруженный почти всеобщим презрением и ненавистью, и в обществе вновь появилась надежда на восстановление монархии. Все взоры обратились к Ла-Маншу, за которым находился законный наследник британского престола.

Реставрация монархии и возвращение в Землю Обетованную

После падения Оксфорда в 1642 году Карл I приказал своему старшему сыну Карлу, принцу Уэльскому, покинуть страну и найти убежище во Франции. После кратковременного пребывания на островах Скилли принц Чарльз направился в Париж, где воссоединился со своей матерью, королевой Марией-Генриеттой, сестрой французского короля Людовика XIII. Людовик XIII умер три года назад, оставив трон своему сыну Людовику XIV, будущему «королю-Солнцу», чье славное правление, как помнят читатели, было предсказано герметическим магом Томмазо Кампанеллой. Когда Чарльз прибыл в Париж, «королю-Солнцу» исполнилось лишь восемь лет, и он, очевидно, не уделил внимания своему старшему родственнику. Мать Людовика, королева Анна, и ее верный премьер-министр, итальянский кардинал Мазари — ни, фактически правили Францией. Их считали любовниками, а некоторые даже подозревали, что они состоят в тайном браке.[1083]

Ссылка в Париж была для Чарльза огромным разочарованием, так как он полностью попал под влияние своей матери — француженки, а французские дворяне либо игнорировали, либо открыто презирали его. В течение нескольких лет он находился в таком состоянии, но публичная казнь его отца в Лондоне в 1649 году резко изменила положение вещей. Внезапно Чарльз был провозглашен Карлом II, королем в изгнании. Его постепенно убедили возглавить войска шотландских пресвитерианцев в Перте, противостоявшие режиму Кромвеля, но этот шаг оказался большой ошибкой, так как плохо организованные шотландцы не имели шансов против «круглоголовых» и «железнобоких». Две армии встретились в битве при Дамбре 3 сентября 1650 года, и шотландские войска под командованием Карла II потерпели сокрушительное поражение. Новое поражение при Ворчестере в 1651 году подорвало решимость Карла II, и он снова бежал во Францию. Его жизнь превратилась в цепочку бурных любовных романов,[1084] а малочисленный и бедный английский двор в изгнании стал посмешищем для Парижа.

Хуже того, Мазарини вступил в переговоры с Кромвелем, и Карл II был изгнан из Франции. Ему пришлось скитаться по Европе, и в конце концов он осел в Южной Германии, где вел жизнь праздного дебошира и стал отцом минимум троих незаконнорожденных детей.[1085] Большую часть времени он строил безумные заговоры против Кромвеля — однажды он даже рассматривал предложение о женитьбе на дочери лорда-протектора и совместном управлении государством.[1086] Но осенью 1658 года пришла весть о смерти Кромвеля, и внезапно перед Карлом II открылась новая возможность. Он поспешил в порт Кале на французском побережье и там стал выжидать удобного момента.

Сначала казалось, что плохо организованные роялисты не смогут противопоставить ничего серьезного пуританской республике, оставшейся после Кромвеля, но вскоре положение республиканцев осложнилось, так как Ричард, сын и преемник Кромвеля, не обладал опытом и волей своего отца. Он не смог преодолеть нарастающий раскол между армией «круглоголовых» и парламентом. Этот конфликт быстро привел к созданию атмосферы неуверенности и недовольства во всей стране. Лондонские таверны полнились разговорами о возможной «реставрации» монархии Стюартов, и в начале 1660 года

сторонники роялистской партии среди простолюдинов настроили всю страну против парламента.

Бывший солдат армии роялистов Джордж Монк, распоряжавшийся властью в Шотландии от лица пуританской партии, теперь был готов избежать анархии и кровопролития и решил поддержать идею реставрации монархии. Монк отправил своего эмиссара Джона Гренвиля через Ла-Манш для тайной встречи с Карлом II и его придворными. Была заключена сделка, обеспечивавшая Карлу полную поддержку со стороны Монка и его мощной армии, если Карл согласится на определенные условия — главным образом сохранить англиканскую церковь, но также даровать «свободу совести» приверженцам других вероисповеданий и оставить важные государственные дела на усмотрение парламента. Карл II согласился, и Монк направил свою огромную армию на Лондон. В апреле 1660 года Карл опубликовал свою знаменитую «Декларацию Бреды» (иначе известную как «Письма из Бреды») в Голландии, где он обещал всеобщую амнистию своим противникам, «свободу совести», справедливое разрешение земельных споров, полную выплату жалования армии и, самое главное, право парламента на управление государственными делами. Тогда же, в конце мая 1660 года, Карл II вступил на борт своего флагмана «Несби» и отплыл в Англию.

Судно пришвартовалось в Дувре 25 мая. Монк организовал для Карла II пышную встречу с торжественными речами и обилием эмоциональных сцен. Путь короля в Лондон был отмечен бурными празднествами, а 29 мая, когда Карлу II исполнилось тридцать лет, королевская процессия триумфально вступила в город. Джон Эвелин, знаменитый садовод того времени, который был очевидцем события, красочно описал эту сцену:

«Двадцать тысяч человек, пеших и конных, потрясали мечами и издавали крики невыразимой радости. Дорога была усеяна цветами, улицы увешаны флагами, повсюду звонили колокола, из фонтанов ключом било вино… Мириады людей собирались даже из Рочестера… Это было попущение Божье, ибо такой Реставрации еще не было в истории, древней или современной, после возвращения евреев из вавилонского плена…»[1087]

Поэт Эндрю Марвелл тоже почерпнул вдохновение из Библии и описал Карла II как человека «высокого роста и смуглого лицом, подобного сыну Киша».[1088]

Такие аналогии говорят о восторженных настроениях, сопровождавших чудесное возвращение короля в Англию, его Землю Обетованную. Они также имеют явный масонский оттенок, поскольку, как мы могли убедиться, имя «сын Киша» или «Куша» (т. е. Нимрода) появляется в «Старинных посланиях», где сын Куша предстает в образе «Гермеса, отца мудрости», который находит две колонны с начертанными на них древними знаниями. Имя Нимрода, который был смуглолицым,[1089] как и Карл II,[1090] сразу же наводит на мысль о Вавилонской башне, еще одном важном «масонском» символе,[1091] имевшем большое значение для Комения, Гартлиба и Бэкона в их поиске всеобщего языка. Что касается «возвращения евреев из вавилонского плена», это одна из главных тем франкмасонства, так как оно знаменует начало событий, которые привели к восстановлению храма Соломона в Иерусалиме.[1092]

В этом образном языке мы видим надежду на то, что Лондон вскоре станет эпицентром гораздо более существенной «реставрации», включая древнюю мудрость и священные обряды в чудесном «Новом Иерусалиме», восстающем, как Феникс, из пепла гражданской войны в Англии. Никто не подозревал, что вскоре это эйфорическое видение станет реальностью — но не так, как предполагалось, а в виде сатанинского кошмара…

От Невидимой Коллегии к Королевскому обществу

О характере Карла II много говорит тот факт, что он отметил свое торжественное прибытие в Лондон ночным бдением вместе с Барбарой Палмер, красивой молодой женой роялиста Роджера Палмера, с которым он недавно познакомился в Гааге.[1093] Она стала очередным «трофеем» короля, но за ней последовали многие другие. Это было началом эпохи нравственного упадка при дворе, вскоре разочаровавшей тех, кто питал большие надежды на реставрацию монархии. Через четыре года Англия снова оказалась втянутой в бесполезную и обременительную войну, на этот раз с Голландией, и, словно этого бедствия, сотворенного человеческими руками, было недостаточно, сам Лондон испытал два страшных удара, потрясших город с такой силой, что многие уверовали в божественное возмездие за дебоширские выходки Карла II. Тем временем — в начале Реставрации, когда с именем нового короля все еще были связаны большие реформы и перемены, — Невидимая Коллегия решила сделать свой ход.

В конце ноября 1660 года двенадцать членов самопровозглашенной Невидимой Коллегии встретились в помещении Гришемского колледжа в Лондоне. Это произошло сразу же после лекции, прочитанной Кристофером Реном, архитектором и профессором астрономии, принадлежавшим к их числу. На встрече было принято решение об основании «коллегии для продвижения физико-математических и экспериментальных наук», которая вскоре была переименована в Королевское общество. Среди 12 человек, собравшихся на встречу в Гришемском колледже, были Роберт Бойл, Джон Уилкинс и Роберт Морей. Кристоферу Рену в то время было 28 лет. Джон Уилкинс, который стоял у истоков Невидимой Коллегии вместе с Теодором Гааком, был назначен председателем этого собрания. Роберт Морей, первый франкмасон, прошедший церемонию посвящения в Англии в 1641 году, ходатайствовал об издании королевского указа, и в начале декабря Карл II одобрил создание Королевского общества. Штаб-квартира общества была учреждена в Гришемском колледже, и сразу же было решено составить список его будущих членов.

В первоначальный список вошло 40 человек, включая Элиаса Эшмола, франкмасона по убеждениям и сторонника розенкрейцерских идей. В список также попал видный хронист и парковый садовод той эпохи Джон Эвелин (1620–1706), который, как мы помним, сравнил возвращение Карла II в Англию с возвращением евреев в Землю Обетованную. Согласно историку масонства Роберту Ломаеу, Джон Эвелин скорее всего тоже был франкмасоном.[1094]

События развивались очень быстро. Карл II назначил Элиаса Эшмола герольдом Виндзорского дворца, а также ревизором и аудитором Акцизной палаты; Кристофер Рен стал профессором астрономии в Оксфорде, хотя впоследствии его ожидала гораздо более почетная карьера в области архитектуры. Джон Эвелин был назначен членом нескольких королевских комиссий, а Роберт Морей, возможно, самый влиятельный человек, принимавший участие в создании Королевского общества, стал его первым президентом.

Параллельные события во Франции

Хотя Королевскому обществу воздаются должные почести, как первому научно-академическому органу в своем роде, при этом часто забывают, что в Париже уже действовало другое «королевское» общество, образованное под еще более блестящим патронажем. Еще в начале 1640-х годов группа ученых, включая великих математиков Блеза Паскаля, Пьера Гассенди, Рене Декарта и Жиля Роберваля, проводила неформальные встречи в Париже, сначала в доме известного теолога и математика Мерина Мерсенна, а после 1648 года в доме их покровителя Хабера де Монмора.[1095] Эта небольшая, но очень мощная элитная группа в конечном счете стала ядром Французской академии наук, основанной в 1666 году под покровительством Людовика XIV.

Еще до создания этого научного органа могущественный кардинал Ришелье, премьер-министр Франции, основал Французскую академию в 1638 году под собственным покровительством, подкрепленным указом Людовика XIII. После смерти Ришелье в 1642 году патронаж над академией перешел к канцлеру Пьеру Сегюру, графу Гиенскому, а после него к Людовику XIV. Точно так же, как Невидимая Коллегия, Французская академия была основана группой просвещенных людей, встречавшихся в неформальной обстановке. Первоначально она состояла из 12 членов, но после того как общество получило «королевскую грамоту», количество членов увеличилось до 40. Как мы помним, события в Англии развивались таким же образом после декабря 1660 года.

Первоначальной целью Французской академии было превращение французского языка в универсальный формат общения, подобие новой lingua franca. Это напоминает о первоначальных устремлениях Невидимой Коллегии с ее планами создания всеобщего языка, предложенными Гартлибом, Комением и Уилкинсом. Сама идея восходит к братству розенкрейцеров, члены которого якобы могли общаться со всеми народами мира с помощью «природного языка», метко окрещенного современными исследователями «безмолвным языком».[1096]

Имел ли этот таинственный язык что-либо общее с масонским тайным языком знаков, где также использовались древние символы, хорошо знакомые герметистам и каббалистам эпохи Возрождения и адептам братства розенкрейцеров? Независимо от ответа на этот вопрос, основание научно-философской группы в Париже в 1630-х годах вполне могло иметь нечто общее с движением розенкрейцеров и, в частности, с прибытием во Францию эмиссаров розенкрейцерской Невидимой Коллегии, объявивших о своей способности общаться на «природном языке», который должен служить орудием благодетельных реформ для всего человечества.[1097]

События в Шотландии

По отношению к созданию Королевского общества в Англии в 1660 году все историки сходятся в том, что движущей силой, стоявшей за этим учреждением, был Роберт Морей. Мы уже знаем, что в 1641 году Морей стал первым франкмасоном, прошедшим церемонию посвящения в Британии. Это событие произошло через два года после того, как Ришелье основал Французскую академию. В том же самом судьбоносном 1638 году родился будущий «король-Солнце» Людовик XIV, а философ — герметист Томмазо Кампанелла, предрекший его неожиданное появление на свет, посвятил Ришелье свой знаменитый трактат «Город Солнца».[1098] Связь заключается в том, что Роберт Морей провел много лет в Париже, где служил в Шотландской страже Людовика XIII в 1633 году. В 1638 году он получил повышение и стал командующим личной стражей кардинала Ришелье, восхищенного храбростью и образованностью молодого шотландца.[1099]

Четырнадцать лет спустя, в 1652 году, Морей женился на Софии Линдсей,[1100] дочери Дэвида Линдсея, первого графа Балкарреса. Дэвид Линдсей был образованным человеком, который вел уединенный образ жизни. Он питал живой интерес к алхимии, и в его библиотеке содержалось много алхимических трактатов, которые Линдсей лично перевел на шотландский разговорный язык и переписал от руки, включая и «розенкрейцерскую литературу».[1101] В том же 1652 году Роберт Морей профинансировал первое англоязычное издание «розенкрейцерского манифеста», опубликованного знаменитым валлийским алхимиком Томасом Воганом (братом поэта Генри Вогана, писавшего под псевдонимом Евгений Филалет).[1102]

Их современник Энтони Вуд описывает Томаса Вогана как «ревностного члена братства Розы и Креста» и называет Роберта Морея «известнейшим химиком и великим покровителем

розенкрейцеров».[1103] При таком интересе к розенкрейцерству уместно задать вопрос о знакомстве Морея с Томмазо Кампанеллой. В конце концов, они оба в 1638 году находились при французском дворе, оба пользовались покровительством кардинала Ришелье и были приверженцами розенкрейцерских идей.

Другой основатель Королевского общества, Джон Эвелин, тоже неоднократно бывал во Франции в эти беспокойные времена. В 1643 году после начала гражданской войны в Англии Эвелин отбыл в Париж, а затем совершил поездку в Рим, Венецию и Падую. Он вернулся в Париж в 1646 году, где год спустя женился на Мэри Браун, дочери британского посла. Эвелин оставался в Париже до 1652 года. Мог ли он тоже попасть под влияние розенкрейцерских и герметических идей, процветавших при французском дворе? На самом деле было бы странно, если бы этого не произошло.

Согласно историку масонства Роберту Ломасу, якобинский двор в изгнании, обосновавшийся в Париже, изобиловал франкмасонами. Многие члены Шотландской стражи, к примеру, были масонами шотландских лож, включая их предводителя Роберта Морея. Историк масонства и глава знаменитой Ложи Древностей Уильям Престон, известный в масонской среде своей популярной книгой «Иллюстрации франкмасонства», изданной в 1772 году, даже верил, что сам Карл II мог быть членом братства.[1104]

Теперь речь пойдет о другом основателе Королевского общества, который заслуживает еще более пристального внимания. Этому английскому джентльмену предстояло сыграть центральную роль в событиях, которые в буквальном смысле преобразили вид старого Лондона.

Сверкающая звезда судьбы

В конце 1664 года распространились слухи о том, что в небе на юго-востоке от Лондона видели «сверкающую звезду». Это была комета. В те дни кометы считались вестницами голода, чумы и разных других бедствий.[1105] Мартин Лютер, предводитель протестантского движения в Германии, верил, что кометы являются знамениями Божьего гнева или даже Второго Пришествия.[1106] Пятнадцатого декабря 1644 года Роберт Хук, старший член королевского общества, сообщил о «сверкающей звезде» своим коллегам. Семнадцатого декабря Роберт Морей заметил ее из своей обсерватории в Уайтхолле, а вскоре поступили сообщения из других мест.

Комега исчезла из виду в конце января 1655 года, но всего лишь через два месяца, в марте того же года, появилась вторая комета. И простолюдины, и образованные люди сочли это верным знаком судьбы. Их опасения оправдались: в мае 1665 года в Лондоне разразилась эпидемия бубонной чумы. Чудовищная болезнь впервые была отмечена в приходе св. Жиля в Филдсе. Лондон середины 1660-х годов с его узкими грязными улочками и практически отсутствующей канализацией и системой общественной гигиены был идеальным местом для распространения смертоносной инфекции. Хуже того, июнь выдался необычно жарким, что способствовало развитию эпидемии. Через несколько месяцев счет умерших пошел на тысячи.[1107]

Естественно, многие связывали чуму с Божьим гневом. Генри Ольденбург, секретарь Королевского общества, даже утверждал, что «когда мы очистимся от наших грехов, ужасная зараза пойдет на убыль».[1108] Встревоженный растущим количеством смертей Карл II в июле перенес свой двор в Оксфорд, предоставив лондонцев их мрачной участи.[1109] Все, у кого хватало средств, покинули Лондон — либо перебрались в сельскую местность, либо пересекли Ла-Манш и нашли убежище в континентальной Европе. Именно в это время Кристофер Рен воспользовался возможностью совершить путешествие во Францию.

Эзотерическая родословная Кристофера Рена

Кристофер Рен получил образование в Вестминстерской школе и завершил свое обучение в Уодхемском колледже (Оксфорд), где вступил в престижное сообщество «Всех Душ» в 1653 году. Через несколько лет он был назначен профессором астрономии в Гришемском колледже в Лондоне, а после реставрации Карла II в 1660 году занял почетное место профессора астрономии в Оксфордском университете. В это время ему исполнилось лишь 19 лет, но уже тогда сверстники считали его одним из образованнейших людей в Англии.

Рен завязал тесную дружбу с принцем Рупертом Пфальцским, который имел титул герцога Умберлендского. Принц Руперт, как и Джон Эвелин и Роберт Морей, провел некоторое время в Париже с Карлом II во врет его изгнания, как и Морей, он встретил очень теплый прием у кардинала Ришелье. По возвращении в Англию после Реставрации принц Руперт проявил живой интерес к «естественным наукам» и стал активным членом Королевского общества. Он часто совершал поездки в Оксфорд, где посещал Рена и наблюдал за его работой в лаборатории.

Здесь стоит вспомнить, что Джон Уилкинс, один из основателей Невидимой Коллегии, был капелланом старшего брата Руперта, принца Карла-Людовика, курфюрста Пфальцского в изгнании. Возможно, Рен был знаком с принцем Карлом-Людовиком в детстве, когда оба ходили в приходскую школу в Виндзоре, где отец Рена занимал пост регистратора ордена Подвязки. В те ранние дни сам Рен был протеже Уилкинса.[1110] Когда мы вспоминаем о косвенном участии несчастного Фридриха V, отца Руперта и Карла-Людовика, в розенкрейцерском движении в Германии, возникает искушение рассмотреть возможность того, что Рен тоже мог попасть под влияние розенкрейцерских идей.

В 1663 году у Рена проявился все более сильный интерес к архитектуре, и стало ясно, что карьера архитектора, а не математика или астронома, была его истинным призванием. Хотя Рен был блестящим геометром и обладал немалыми талантами в строительстве моделей и архитектурном планировании, невольно возникает подозрение, что его контакты с Невидимой Коллегией в 1660 году, а тем более связи с масонами, занимавшими видные посты в Невидимой Коллегии, могли побудить его сделать такой резкий поворот на зрелом этапе своей академической карьеры. Нам известно, что франкмасоны высоко ценили познания в области геометрии и архитектуры. В конце концов легендарный герой франкмасонства Хирам предположительно был архитектором храма Соломона. Кроме того, франкмасоны, предпочитающие называть Бога Высшим Существом, также называют его «Великим Архитектором Вселенной».

Поскольку многие (если не все) из создателей Королевского общества были франкмасонами, не стоит удивляться, что Рен также был членом этого братства. Согласно масонской «Книге уложений» Андерсона (второе издание), опубликованной в 1738 году, Кристофер Рен уже находился в ранге мастера в 1673 году, а в 1685 году стал магистром Гранд-ложи, объединявшей всех английских франкмасонов.[1111] Согласно другим документам, Рен мог вступить в общество в 1663 году, а может быть, и еще раньше.[1112] Также считается, что Рен был постоянным членом одной из четырех первоначальных масонских лож, объединившихся в 1717 году и образовавших Объединенную Грандложу Англии.[1113] Эта ложа первоначально располагалась в соборе Св. Павла в Лондоне, и можно почти с уверенностью утверждать, что Рен в течение некоторого времени был ее магистром.[1114]

Таинственный обелиск в Риме

В конце июля 1665 года, когда Кристофер Рен прибыл в Париж, его ожидал большой сюрприз.

Людовик XIV приступил к обширной программе строительства классических и барочных архитектурных сооружений в Париже и Версале. Он пригласил великого итальянского мастера барочной архитектуры Джованни Лоренцо Бернини в качестве советника и, более конкретно, для разработки нового фасада Луврского дворца. В то время Бернини, чья архитектурная репутация поднялась на почти недосягаемую высоту, как раз приступил к планировке большой площади перед Ватиканской базиликой Св. Петра в Риме, в центре которой до сих пор стоит древнеегипетский обелиск, увенчанный золотым крестом.[1115]

Мы сделаем небольшое отступление и расскажем об истории этого ватиканского обелиска и о роли Бернини в его оформлении, поскольку это имеет отношение к нашей главной теме: к сохранению тайных традиций, которые перенесли древнеегипетские религиозные концепции и символику в цитадель христианства в Западной Европе.

Ватиканский обелиск, высота которого составляет более 25 м, а вес — 320 тонн, высечен из цельного гранитного блока. Это один из тринадцати египетских обелисков, сохранившихся в современном Риме, и он довольно необычен в том смысле, что на его гранях нет ни одной надписи, сообщающей о его происхождении.[1116] Однако нам известно, что он был доставлен в Рим из Египта по приказу императора Калигулы (12–41 г. н. э.). Он был переправлен через Средиземное море на специальном судне и установлен в 37 году н. э. в Ватиканском цирке, построенном Калигулой для соревнований на колесницах.

У римского историка Плиния, современника Калигулы, мы узнаем, что обелиск первоначально был воздвигнут в честь «Нункора, сына Сосостриса».[1117] Здесь имеется в виду фараон XII династии Сосострис I (1971–1926 гг. до н. э.), осуществивший большую строительную программу в священном древнеегипетском городе Апи, который греки впоследствии назвали Гелиополем, т. е. «Городом Солнца». Гелиополь был своего рода «Ватиканом» в том смысле, что для древних египтян он обладал таким же мощным символическим значением, как Ватикан для современных католиков, но теперь на месте древнего Гелиополя в пригородах Каира почти ничто не напоминает о его былой славе. Величественный Храм Солнца, который некогда был центром древнеегипетской духовности, исчез бесследно. Единственным видимым остатком прошлого остается одинокий обелиск, воздвигнутый Сосострисом I.[1118] На этом основании ученые пришли к выводу, что ватиканский обелиск тоже первоначально стоял в Гелиополе и, возможно, образовывал пару с обелиском, который остался на месте.

В своей книге «Рим: биография города» историк Кристофер Гибберт утверждает, что «обелиск на площади Св. Петра был перевезен Калигулой из Гелиополя в 37 году н. э.».[1119] Сходным образом в своей книге «Египетский Рим» итальянские ученые Анна-Мария Партини и Борис де Рашевильц соглашаются с мнением Плиния, что ватиканский обелиск был привезен из Гелиополя и принадлежал сыну Сосостриса, но выдвигают мнение, что сначала он был перевезен императором Августом в Александрию и воздвигнут там на Юлианском Форуме, где оставался до отправки в Рим в 37 году н. э.[1120]

Как мы упоминали, Калигула распорядился установить обелиск в Ватиканском цирке в центре его личной арены для скачек на колесницах, там он и оставался в течение следующих 1600 лет, но Ватиканский цирк, где, как считается, принял мученическую кончину святой апостол Петр в 64 году н. э., впоследствии стал центром римско-католического мира. Начиная с 334 года н. э., при Константине Великом, была возведена базилика Св. Петра, перекрывавшая половину старого Ватиканского цирка (она приобрела завершенный вид лишь в XVI веке стараниями архитекторов и скульпторов Браманте, Рафаэля и, наконец, самого Микеланджело).[1121]

В результате обелиск Калигулы оказался рядом с южной стеной базилики. В этом месте его видел в XIV веке некий Григорий, английский прелат, совершивший путешествие в Рим и оставивший заметки об этом. По его словам, обелиск стоял в темной аллее; его основание и пьедестал были скрыты под грудой щебня между двух старых домов, примыкавших к стене базилики.

В XV веке было решено переместить древнюю египетскую реликвию на почетное место в центре площади Св. Петра, которое она занимает сегодня. Идея принадлежала папе Николаю V (он занимал этот пост в 1447–1455 годах), который хотел, чтобы основание обелиска опиралось на четыре бронзовые статуи евангелистов, отлитых в натуральную величину, а его вершина была увенчана огромным бронзовым Иисусом с золотым крестом в руке. Николай умер, прежде чем успел распорядиться о начале работ, и проект был отложен.

Завершение плана выпало на долю папы Сикста V (1585–1590), названного «последним папой эпохи Возрождения». Вот что о нем пишет историк Пол Джонсон:

«Сикст V хотел сделать Рим красивейшим городом Европы, а базилику Св. Петра — величайшей базиликой в Риме. При нем была осуществлена перепланировка всего города, связанная главным образом с сооружением широких проспектов, через которые открывались виды на обелиски, расходившихся от центра городской застройки через Тибр и от Ватикана к восточным холмам».[1122]

Сикст V отказался от четырех статуй евангелистов, предложенных Николаем V, и заменил их четырьмя львами вокруг каменного пьедестала. Он также отказался от идеи установить ста тую Иисуса на вершине обелиска. Ранее там находилась бронзовая сфера, якобы содержавшая прах Юлия Цезаря — первого «божественного» римского императора, а также египетского «фараона», — помещенная там Калигулой, но на самом деле она оказалась пустой. Решив сохранить сферу, Сикст положил в нее предполагаемые фрагменты «подлинного креста» Иисуса, находившиеся в распоряжении Ватикана, затем он приказал установить над бронзовой сферой геральдический символ собственной семьи, звезду над тремя небольшими горами, а над звездой расположить золотой крест. Именно в этом виде древний обелиск из Гелиополя, увенчанный крестом, в конце концов был воздвигнут в центре Ватикана 27 сентября 1588 года.[1123]

После установки обелиска Сикст V первым делом провел церемонию изгнания злых духов. Под колокольный звон и каждение ладана епископ, стоявший перед обелиском, торжественно провозгласил:

«Изгоняю тебя, создание камня, во имя всемогущего Бога, чтобы ты стал чистым камнем, достойным возносить Святой Крест, и освободился от всех нечистот, и идолопоклонства, и от любых бесовских наваждений».

Для верности Сикст V приказал вырезать эту формулировку на западной и восточной сторонах основания обелиска.

Интересно отметить, что это антиязыческое послание находилось в прямом противоречии с тайным, или «невидимым», посланием, которое сам обелиск начал распространять с того момента, как на его вершине установили крест. Послание было тайным, так как оно было написано в трех измерениях древнеегипетскими иероглифами, смысл которых предположительно оставался недоступным для европейцев XVI века, но по чистому совпадению или умышленно обелиск, увенчанный крестом, является символом, который обладал глубоким смыслом для древнеегипетских жрецов. Этот смысл заключается в названии самого священного «языческого» города древности — Апи/Гелиополя, древнеегипетского «Города Солнца». Распоряжение Сикста V не только придало обелиску

осмысленность с древнеегипетской точки зрения, но и фактически давало верное указание, поскольку Апи/Гелиополь был тем самым местом, откуда произошел этот обелиск!

Одна небольшая деталь может испортить эту любопытную картину. Хотя изображение обелиска, увенчанного крестом, для древнеегипетского жреца означало бы Апи (Гелиополь), символ тем не менее является не полным. Он должен сопровождаться изображением круга или эллипса, разделенного на восемь частей, — стандартным иероглифическим указанием города. То обстоятельство, что Сикст V и его архитекторы не включили такой круг в план площади Святого Петра, судя по всему, исключает идею о тайном герметическом замысле.

Более семидесяти лет спустя архитектор Бернини был назначен папой Александром VII (1655–1667) для обновления архитектурного ансамбля площади Святого Петра.[1124] Он окружил ее изящными отдельными колоннами, создав огромное эллиптическое пространство с обелиском в центре. Работа Бернини над этим проектом, как упоминалось выше, была прервана в 1665 году, когда он принял личное приглашение Людовика XIV посетить Париж, но он завершил ее по возвращении в Рим, заложив на площади вокруг основания обелиска красивый геометрический узор в виде эллипса, разделенного на восемь частей, который можно видеть и в наши дни.

Совпадение? Или какая-то тайная группа, оказывавшая влияние на папский престол в течение многих десятилетий, понимала значение древнеегипетских иероглифов задолго до того, как ученые смогли прочесть их в XIX веке?

Апи/Гелиополъ был архетипическим «Городом Солнца», к восстановлению которого стремились Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла. Мы показали, что Бруно и Кампанелла были не одиноки в своем стремлении, но принадлежали к братству герметических и «розенкрейцерских» мыслителей, рассеянному по всей Европе, которое стало очень влиятельным, хотя далеко не всемогущим, к середине 1660-х годов. Название Гелиополя, написанное «невидимым языком» в центре главной цитадели Ватикана, можно считать символом магической партизанской войны, которую вели члены этого братства с традиционной церковью.

Но у нас нет доказательств. Читатель сам должен решить, что к чему.

Английскийархитектор встречает своего героя при дворе «короля-Солнца»

Теперь давайте вернемся в Париж в июле 1665 года, куда недавно прибыл Кристофер Рен, бежавший от лондонской чумы, и итальянский архитектор Бернини, приглашенный Людовиком XIV для разработки нового фасада Луврского дворца.

При дворе Людовика XIV Бернини познакомился с ведущими французскими архитекторами, такими, как Пьер Лево и Клод Перро, а также с великим ландшафтным архитектором Андре Ленотром. Ленотр, родившийся в 1613 году, происходил из знатной семьи царских садовников: его дед заведовал садами Тюильри при Луврском дворце, а отец был главным садовником Людовика XIII. После рождения Людовика XIV Ленотр был назначен главным садовником Тюильри и садов Люксембургского дворца. Позднее, в зените правления Людовика XIV, Ленотр спланировал и заложил знаменитые сады Версаля.

Когда Рен приехал в Париж, Ленотру уже исполнилось 52 года и он пользовался огромным признанием при дворе. С 1656 года он отвечал за все королевские архитектурные сооружения и теперь был готов приступить к одному из своих наиболее амбициозных проектов — постройке так называемого Гранд — Корта. Центральным элементом проекта была широкая церемониальная аллея, начинавшаяся от Тюильри, открывавшая перспективу от Лувра в западном направлении. Первоначально строительство такой аллеи

предполагалось во времена правления Генриха IV, деда «короля-Солнца», но дело сдвинулось с мертвой точки лишь в 1661 году, когда могущественный Кольбер, министр финансов при дворе Людовика XIV, назначил Ленотра для осуществления этого плана.

Замысел Ленотра был грандиозным и вместе с тем изысканно-простым. На его плане, который теперь хранится в государственном архиве Франции, изображена большая прямая аллея (прославленные Елисейские Поля),[1125] обрамленная с обеих сторон рядами деревьев и идущая в западном направлении от Тюильри до моста Ньюли. Примерно в центре аллеи находился холм с плоской вершиной, тогда известный под названием Colinne de Chaillot, на котором Ленотр предполагал устроить огромную площадь в форме звезды.[1126] Со временем она превратилась в пляс д'Этуаль, где в 1815 году Наполеон заложил знаменитую Триумфальную арку — вероятно, самый известный архитектурный памятник современного Парижа.[1127]

Таким образом, в начале своей новой архитектурной карьеры Кристофер Рен провел полгода в Париже, бурлящем новыми архитектурными концепциями и идеалистическими планами градостроительства, которые зарождались в умах самых блестящих архитекторов того времени. Помимо архитектуры, англичанина интересовали научные достижения. Он встретился с топографом Мельхиседеком Тевено, с астрономом Пьером Петитом, другом и соавтором Паскаля, а также с философом-гугенотом Анри Жюстелем. Петит и Жюстель впоследствии стали членами Королевского общества.[1128] Рен также подружился с физиком Адрианом Аузо, который, как и он, питал живой интерес к архитектуре. Тевено, Петит и Аузо принадлежали к группе ученых, о которой мы упоминали как о парижском варианте Невидимой Коллегии, находившейся под покровительством Губера де Монмора. Было много разговоров о придании этой группе официального статуса по указу Генриха IV — опять-таки на манер Королевского общества, — так что ее члены естественным образом стремились познакомиться с Кристофером Реном и узнать его мнение по этому вопросу.

Рен также встретился с Бернини, который прибыл в Париж за месяц до него. Важно понимать, что на момент этой встречи отношения между Реном и Бернини напоминали отношения между студентом и ректором архитектурного института, иными словами, Рен в то время был никем, в то время как Бернини был гигантом, пользовавшимся всеобщим уважением и огромными средствами папского престола, а также многих европейских принцев и королей. Оказавшись в Париже, великий Бернини был немедленно окружен почитателями его таланта, поэтому мы можем предположить, что он не обратил особенного внимания на Кристофера Рена.

Однако для самого Рена это был поворотный момент. Личная встреча, пусть даже короткая, с его архитектурным героем оставила неизгладимое впечатление. Вполне возможно, что именно тогда у него зародились архитектурные амбиции, сделавшие его одним из величайших архитекторов Англии. Вот как Адриан Тиннисвуд, последний биограф Рена, подводит итог этой встрече:

«Из сегодняшней перспективы эта встреча была одной из наиболее судьбоносных в истории архитектуры XVII века: человек, которому предстояло стать самым великим представителем барочного стиля в Англии, встретился лицом к лицу с самым знаменитым архитектором эпохи барокко в Европе…[1129] Рен получил огромную пользу от своего визита во Францию. Он долго вращался в более блестящей архитектурной среде, чем в Англии, и имел возможность обмениваться идеями с видными учеными того времени. Они привез с собой «почти всю Францию на бумаге» — иными словами, огромное количество книг».[1130]

Но Кристофер Рен мог привести с собой нечто менее осязаемое, чем книги и чертежи, но гораздо более важное: видение новой роли, которую ему предстояло сыграть в восстановленной монархии Стюартов. В следующих главах мы вернемся в Париж,

переживавший эпоху поразительного научного и архитектурного возрождения. Между тем пребывание Рена во Франции осложнилось после того, как Людовик XIV объявил войну Британии в январе 1666 года, поддержав военный союз с Голландией. Настало время возвращаться домой. Рен вернулся в Лондон в марте 1666 года, и через несколько месяцев ему предоставилась невероятная возможность, которую он не мог предвидеть даже в самых смелых мечтах… или кошмарах, как выяснилось впоследствии.

Восставший из пепла

Большой Лондонский пожар, случившийся 2 сентября 1666 года, очевидно, начался в пекарне на Паддинглейн около Лондонского моста, когда Томас Фарринор, королевский пекарь, забыл погасить огонь в печи перед сном. Раскаленные угли попали на лежавшую рядом растопку, и вскоре его деревянный дом был объят пламенем. В то время лондонские дома были в основном деревянными, с щипцовыми крышами, и горели, как большие спичечные коробки. Через два-три часа несколько улиц превратились в огненный ад; распространению пожара способствовал сильный восточный ветер, раздувавший языки пламени. Через пять дней, когда пожар закончился, 430 акров (т. е. около 4/5 площади города) превратилось в пепел. Было уничтожено примерно 13 000 домов и 90 церквей; даже огромный кафедральный собор Св. Павла превратился в руины.

Карл II героически трудился рядом с пожарными, что позволило ему вернуть некоторое общественное уважение, тем не менее враги короля поспешно заявили, что это было «наказание Божье» за его дебоширство при дворе и за недостойную внешнюю политику парламента. В памфлете, изданном в Голландии, которая находилась в состоянии войны с Англией, пожар назывался актом отмщения со стороны «всемогущего и справедливого Бога», и католики в Британии соглашались с этим. Даже в «Лондон газетт» было написано, что «тяжелая десница Господня опустилась на нас за наши грехи, и суд Его совершился в пламени».[1131] Можно лишь гадать, что думали по этому поводу лондонские евреи, так как до дня Рош-Шоханах (Судный день) оставалось лишь девять дней, а до Йом-Киппура (День Искупления) еще десять.[1132]

Мельница слухов работала безостановочно. Повсюду можно было слышать истории о «папском заговоре», «иностранном заговоре» или «Божьем гневе». Карл II изо всех сил старался убедить рассерженных лондонцев, собравшихся в Мурфилдсе, что их общее несчастье было непреднамеренным. Он торжественно поклялся позаботиться обо всех бездомных лондонцах, заново отстроить их дома и весь город. Вполне возможно, что это не обескуражило короля, поскольку он сам немного разбирался в городском планировании и архитектуре. После Реставрации он был горько разочарован недостатком средств для превращения Лондона в блестящую метрополию, которая затмила бы «Город Света», в который превращал Париж его кузен, Людовик XIV. Теперь у него появилась неожиданная возможность осуществить свои мечты.[1133]

После эмоциональной речи короля в Мурфилдсе у всех появилась надежда, что из дымящегося пепла, подобно огромному Фениксу, восстанет новый Лондон.

Или, еще лучше, «Новый Иерусалим», как мы увидим в следующей главе.

ГЛАВА 15
ЗАГОВОР

«Главной темой легенды о тамплиерах является сохранение традиции в виде тайных обществ… Сами тамплиеры были тайным обществом… Франкмасоны, как преемники

тамплиеров, считают себя наследниками древней мудрости строителей Храма Соломона, дошедшей до них со времен крестовых походов».

А Демурж, «Жизнь и смерть ордена тамплиеров»

«Даже краткое исследование показывает, что он [Карл II] увлекался алхимическими экспериментами… Такой король действительно мог построить давно ожидаемый «Дом Соломона»…»

Дональд. Р. Диксон, «Антильская мозаика»

«Я не откажусь от духовной борьбы, и меч не заснет в моей руке, пока мы не построим Иерусалим на зеленой и прекрасной земле Англии».

Уильям Блейк, предисловие к «Мильтону»

Через несколько дней после Великого пожара архитекторы Кристофер Рен и Джон Эвелин независимо друг от друга представили Карлу II планы полной реконструкции Лондона.[1134] Точнее говоря, Рен представил свой план 11 сентября 1666 года, а Эвелин — 13 сентября.[1135] Утверждается, что оба плана привели короля в восторг, но ни один из них не мог быть осуществлен из — за насущной потребности расселения десятков тысяч людей, оставшихся бездомными из-за пожара.

Планы Рена и Эвелина остались бы не более чем подстрочными примечаниями в истории архитектуры, если бы не два очень интересных факта.

Оба архитектора включили «невидимые» эзотерические символы в планы лондонских улиц и площадей. Они могли сделать это лишь в том случае, если преследовали одинаковые цели.

Такие же эзотерические символы, очевидно, использованные с той же целью, более чем через сто лет появились на другой стороне Атлантики в плане улиц и площадей Вашингтона, новой столицы Соединенных Штатов Америки.

Первым из этих символов является простой восьмиугольник. Второй символ более сложен, с многочисленными ветвями и окончаниями; он известен как Древо Сефирот, или Древо Жизни. Он происходит из еврейской Каббалы, мистической системы, развитой и усовершенствованной в Окситании в период интеллектуальной и религиозной свободы, связанной с расцветом катаризма в XII веке.

Восьмиугольник и Древо Сефирот до сих пор остаются скрытыми в архитектурном плане Вашингтона, как мы покажем в главе 19, и их легко можно увидеть в отвергнутых планах Рена и Эвелина, о чем мы поговорим позднее в этой главе. В обоих случаях речь пойдет не столько о демонстрации символов, сколько о попытке выяснить, почему они вообще использовались. Чего надеялись достичь Рен, Эвелин и их преемники в США с помощью этих символов? Почему восьмиугольник и Древо Сефирот имели для них такое важное значение?

Первый намек, который поможет нам ответить на эти вопросы, нужно искать не в Лондоне XVII века и не в Вашингтоне XVIII века, но в Окситании XIII века, в исторической аномалии, известной под названием альбигойских крестовых походов.

Тайна рыцарей Храма

В части I мы узнали о том, что альбигойские крестовые походы, сокрушившие катаров в XIII веке, формировались по наущению нескольких пап и проводились с помощью армий, набираемых со всей Европы, особенно в Северной Франции. Во время всего периода военных действий в Окситании, от падения Безье в 1209 году до падения Монсегюра в 1244 году, довольно много «крестоносцев» в Провансе и Лангедоке почти не принимали участия в войне. Это выглядит странно, особенно потому, что все они были членами элитного ордена

хорошо подготовленных воинов-монахов, поклявшихся служить папскому престолу и уже доказавших свое мужество в Святой земле, где доблестно сражались с мусульманами. Их полное название — «нищие рыцари Христа и Храма Соломона», но они гораздо лучше известны как рыцари Храма, или тамплиеры.

Мы не собираемся подробно пересказывать известную историю тамплиеров, многократно изложенную в других книгах, но краткий экскурс в историю необходим для того, чтобы понять причину их воздержания от войн с катарами, несмотря на обеты перед церковью и папским престолом.

Орден был основан девятью французскими дворянами, совершившими путешествие в Святую землю в 1119 году, через двадцать лет после захвата Иерусалима европейцами во время Первого крестового похода 1099 года. Историк XII века, архиепископ Вильям Турский сообщает о том, что «главными и самыми знатными» среди этих девяти человек «были достопочтенные Гуго де Паэн и Годфри де Сент-Омер».[1136]

После прибытия в Иерусалим они получили почетный прием при дворе короля государства крестоносцев Балдуина I. Они получили разрешение устроить свою штаб-квартиру в мечети Аль-Акса, которая расположена на южной стороне древней Храмовой горы и сохранилась до сих пор. Храмовая гора, которая традиционно считается местом, где стоял библейский Храм Соломона, содержит другую исламскую святыню, которой тоже завладели тамплиеры, — Куббат-ас-Сахра, или Купол Скалы. В плане это сооружение образует восьмиугольник со сторонами равной длины; его высокие стены поддерживают изумительный золотой купол, возвышающийся над эпонимической «скалой», которая представляет собой гигантскую плиту обнаженной скальной породы, где, согласно иудейской, христианской и исламской традиции, некогда находился пол Святая Святых, Храма Соломона. Там, по свидетельству Ветхого Завета, некогда стоял Ковчег Завета, где содержались скрижали Десяти Заповедей, полученных Моисеем от Бога — того самого Иеговы, которого гностики, а впоследствии катары считали злым божеством низшего порядка, создавшим материальный мир в качестве ловушки для душ. Согласно иудейской традиции, на этой скале Авраам некогда готовился принести в жертву своего сына Исаака по наущению Иеговы. Для мусульман это место, откуда пророк Мохаммед совершил свое ночное путешествие на небеса.[1137]

Храм Соломона был первым храмом евреев, и современные специалисты в области библейской археологии в целом соглашаются с тем, что он был расположен на Храмовой горе, скорее всего на том месте, где сейчас стоит Купол Скалы. Он был разрушен вавилонянами, разграбившими Иерусалим в 587 году до н. э., но на том же месте в период с 537 по 517 год до н. э. был построен второй храм после возвращения евреев из вавилонского плена.[1138] Этот храм, в свою очередь, был разрушен римлянами в 70 году н. э., и с тех пор еврейских культовых сооружений на Храмовой горе больше не существовало.

Именно поэтому знаменитая «Стена плача» имеет такое огромное значение для евреев и ныне является самой главной иудейской святыней. Ее сооружение восходит ко временам существования второго храма, и она представляет собой часть опорной стены, возведенной Иродом Великим в конце I века нашей эры. Она избежала уничтожения римлянами в 70 году н. э. (потому что, как сказано в Торе, ее охраняло «божественное присутствие»), а впоследствии стала мощным символом националистических устремлений еврейского народа, рассеянного по всему миру.[1139]

Нам мало известно об истории Храмовой горы с 70 года н. э. до захвата Иерусалима мусульманами в 638 году н. э. Отчасти это объясняется общей неопределенностью исторического периода, когда произошло крушение Римской империи и быстрое распространение ислама, а отчасти — тем, что исламские власти, контролирующие эту территорию, не разрешают проводить здесь археологические исследования (хотя некоторые незаконные раскопки имели место).[1140] Их нежелание вполне понятно, поскольку Купол

Скалы и мечеть Аль-Акса являются третьей и четвертой главными святынями исламского мира после Мекки и Медины.[1141]

Археологи считают, что на руинах второго храма после 70 года н. э. был построен римский храм. Шестьсот лет спустя, в 670 году н. э., халиф Омар, преемник пророка Мохаммеда и в то время абсолютный правитель Иерусалима, приказал очистить Храмовую гору «и воздвигнуть мусульманский молитвенный дом на том месте, где некогда стоял храм Израиля».[1142] В том же году было воздвигнуто временное деревянное строение. В 691 году, во время правления халифа Абд аль-Малика, был построен Купол Скалы, сохранившийся до сих пор. Под огромным позолоченным куполом находится уникальный образец исламской архитектуры того периода с поразительной восьмиугольной планировкой, включающей круглый центральный неф вокруг Священной Скалы Храма Соломона. Через несколько десятилетий сын Абд аль-Малика, халиф аль-Валид, построил мечеть Аль-Акса.[1143] Затем последовали три столетия относительного мира и спокойствия под исламским владычеством, грубо прерванным Первым крестовым походом и захватом Иерусалима в 1099 году. С этого момента вся Храмовая гора с обеими строениями перешла в руки христиан, ас 1119 года она находилась исключительно под контролем тамплиеров (храмовников) и дала название их ордену.

Магический восьмиугольник

Знаком верности Христу у тамплиеров был кроваво-красный крест характерной формы, известный под названием croixpatte, пришитый к белому плащу. Этот символ появился почти за 500 лет до «розы и креста» из манифеста розенкрейцеров, но связь тамплиеров с Храмом Соломона была не менее прочной, что они продемонстрировали с самого начала, избрав Храмовую гору в качестве своей штаб-квартиры. Поскольку Купол Скалы имеет восьмиугольную форму, то другим их символом был совершенный восьмиугольник, соединявший все внешние точки croixpatte, искусно вписанного в него.

Одной из нескольких загадок, окружающих возникновение тамплиеров, является поспешность, с которой король Иерусалима Балдуин I вручил ключи от мечети Аль-Акса девяти рыцарям — основателям, когда они явились к нему в 1119 году. Это тем более загадочно, что незадолго до прибытия тамплиеров Балдуин любовно обустраивал мечеть для использования в качестве собственного дворца.[1144] Какими бы грозными и заслуженными воинами ни были эти рыцари, они никак не могли угрожать правителю Иерусалима, обладавшему гораздо большей властью. Поэтому мы можем лишь предположить, что он добровольно отдал им священное здание — но тогда они должны были предоставить ему самые убедительные причины для такого поступка.

Когда Храмовая гора оказалась в распоряжении рыцарей, они жили, ели, спали и работали в этом месте, священном для трех религий. Следующие семь лет они редко покидали его. В публичных выступлениях они заявляли, что их миссия в Святой земле — «держать дорогу от побережья до Иерусалима свободной от бандитов». Однако эти обещания остались невыполненными. По словам одного специалиста, «члены нового ордена, судя по всему, сделали очень мало за этот период».[1145] Простая логика подсказывает, что девять человек едва ли могли защитить кого-либо на дороге длиной почти 50 миль, но их количество оставалось неизменным до 1125 года, когда к ним присоединился граф Шампанский. Более того, к моменту прибытия тамплиеров защитой паломников уже занимались члены старшего и гораздо более многочисленного военного ордена госпитальеров.[1146]

В 1126 году Гуго де Паэн неожиданно покинул Иерусалим и вернулся в Европу в сопровождении Андре де Монбара, еще одного основателя ордена. Родственником Монбара

был известный католический священнослужитель Бернар (впоследствии святой Бернар) из Клерво, ставший покровителем тамплиеров. Ревностный противник катаров, Бернар впоследствии возглавил мирную проповедническую кампанию по искоренению этой ереси, которая в 1145 году завела его в глубины Окситании, где он претерпел ряд унижений. К примеру, хотя Бернар Клервоский был известен как величайший проповедник своей эпохи и привык выступать перед тысячными толпами восторженных слушателей, он собрал лишь 30 человек, когда проповедовал в катарском городе Альби.[1147] В Верфейле к северо-востоку от Тулузы конные катарские рыцари якобы стучали в двери церкви, где пытался проповедовать Бернар, и подняли такой лязг своими мечами, что никто из его немногочисленной паствы не смог расслышать ни слова.[1148]

Поэтому, если у кого-то была причина для ненависти к катарам и желание наказать их, то в первую очередь следует вспомнить о тамплиерах, которые многим были обязаны св. Бернару. Тем труднее понять, почему многочисленные тамплиеры, занимавшие крепости и прецептории по всей Окситании в XII–XIII веках,[1149] решили остаться в стороне от альбигойских крестовых походов, бушевавших после 1209 года. Из главы 2 читатели помнят, что несколько раз в промежутках между военными кампаниями предводитель католического воинства Симон де Монфор оставался лишь с малочисленным отрядом, иногда составлявшим не более двадцати рыцарей, явно недостаточным для сохранения своих завоеваний в Окситании, тем не менее, насколько нам известно, тамплиеры ни разу не выступали на его стороне и никак не помогали ему в эти периоды отчаянной нужды.

Почему?

Если они действительно были католическими рыцарями, исполненными рвения служить папе римскому и уничтожать его врагов, то почему они не обрушили свой гнев на еретиков в Окситании?

Гордыня

Гуго де Паэн и Андре де Монбар прибыли во Францию в 1127 году, а в январе 1128 года приняли участие в самом значительном событии в ранней истории ордена тамплиеров. Этим событием был собор в городе Труа, главной целью которого было объявление об официальной поддержке церковью ордена тамплиеров. Бернар Клервоский, возглавлявший этот собор, лично составил официальное «Уложение рыцарей Храма», которое с тех пор служило основой для развития ордена. После нескольких проповедей и страстных панегириков, таких, как De laude novae militae, он использовал весь свой престиж и влияние, чтобы гарантировать успех недавно созданного ордена.

Результаты были впечатляющими. Новые кандидаты прибывали со всей Франции, а впоследствии и из многих других стран Европы, богатые покровители вносили земельные и денежные пожертвования. В последней четверти XII века орден обладал немалой политической властью и феноменальными богатствами. Тамплиеры ввели в действие хитроумную международную банковскую систему (где впервые использовались «кредитные поручительства»); им принадлежали крепости, замки и земельные наделы во многих странах.

Но в зените их стремительного восхождения произошла катастрофа.

Четвертого июля 1187 года в битве при горе Хиттин [Хатгин] тамплиеры потерпели сокрушительное поражение от сарацинской армии под предводительством легендарного Салаха аль — Дина, более известного под именем Саладин.[1150] Репутация неуязвимых воинов, тщательно выстроенная тамплиерами, потерпела тяжкий урон через несколько недель, когда христианское королевство в Иерусалиме перешло в руки арабов и с тех пор уже не было отвоевано.[1151]

Тамплиеры продержались в отдельных районах Святой земли еще более 100 лет, но их окончательный разгром наступил весной 1290 года, когда египетская армия во главе с калифом Кулаваном и его сыном Аль-Ашрафом Халилом осадила Сен-Жан д'Акр (Акра, современный город Акко в Сирии), который считался последним оплотом так называемых крестоносных государств.

Акра, окруженная мощной крепостной стеной и имевшая выход к морю, имела репутацию легендарной твердыни крестоносцев, но теперь, после почти трехсот лет войны между христианами и мусульманами, могущество крестоносных государств было подорвано. С небольшим гарнизоном и отчаянной нехваткой продуктов Акра была не готова принять на себя главный удар исламских армий. На какой-то момент появился проблеск надежды, когда было объявлено о неожиданной кончине калифа Кулавана, словно сраженного рукой Господа перед стенами Акры, но его сын и преемник Аль-Ашраф Хал ил сохранил хладнокровие и немедленно возглавил арабскую армию. Шестого апреля 1290 года Акра оказалась в осаде, и единственный путь к отступлению лежал через море.

Рыцари, укрывшиеся за высокими стенами, приготовились к худшему, так как теперь огромное численное превосходство арабов стало очевидным. Сохранились описания ужасных сцен паники, когда люди боролись за места на нескольких оставшихся судах, и многие дети и старики утонули в отчаянной попытке выбраться из обреченного города. Пятнадцатого мая арабы проломили брешь в стене и ворвались внутрь, последовала чудовищная резня, даже по средневековым меркам. Тамплиеры сражались до конца, как раненые львы, хорошо зная, какая участь их ожидает, если они попадут в плен живыми. Поразительно, но они держали оборону еще 12 дней, и, когда битва наконец закончилась, город был похож на огромную лавку мясника.

Разъяренный отчаянным сопротивлением тамплиеров, Аль-Ашраф Халил приказал разрушить Акру до основания и казнить всех пленников — мужчин и женщин, молодых и старых, военных и гражданских, — «предав их смерти под мечом пророка». Знаменитая церковь Св. Андрея, известная во всем христианском мире, была снесена, а ее тяжелая готическая дверь, весившая несколько тонн, была увезена в Каир в качестве военного трофея для украшения мавзолея брата нового калифа. Когда ара бы покинули дымящиеся развалины, гнетущее чувство охватило весь христианский мир. Героическая история о подвигах крестоносцев, защищавших Святую землю от «язычников», наконец закончилась.

Возмездие

Падение Акры было началом конца для тамплиеров. Примерно за 10 лет после катастрофы большинство рыцарей вернулись в Европу. Некоторые отправились в Англию, где их приняли в многочисленных тамплиерских прецепториях. Штаб-квартира ордена в Англии находилась в Лондоне, к югу от Темзы и восточнее Холбурна, в округе, который и поныне носит название «Темпл». Некоторые из вернувшихся храмовников отправились в Германию и Испанию, многие оказались во Франции, например в Париже и в порте Ла-Рошель, где тоже существовали многочисленные учреждения тамплиеров, готовые принять их. Тысячи решили поселиться в Окситании, с 1300 года практически входившей в состав Франции, где присутствие тамплиеров было сильным и постоянным в течение более 150 лет.

К началу XIV века длительная и порочная зависимость папского престола от французской короны для «окончательного решения» проблемы катарской ереси привела не только к аннексии Окситании и ее вхождению в состав Франции, но также к значительному ослаблению папской власти. Дело дошло до того, что с 1309 по 1377 год (период, называемый католическими историками «вавилонским пленом») папский престол находился

не в Риме, а в Авиньоне, где практически полностью был под контролем французской монархии.

Папу, переехавшего в Авиньон в 1309 году, звали Климентом V. Бывший Бертран де Гот, архиепископ Бордо, он был избран папой в 1305 году и возведен в сан в Лионе в присутствии короля Франции Филиппа IV, известного как Филипп Красивый. Через два года Климент V выдвинул суровое обвинение в ереси против тамплиеров и уполномочил Филиппа совершить суд над рыцарями Храма. Обвинения во многих случаях были аналогичны выдвигавшимся против катаров в XIII веке и включали проведение тайных церемоний, где посвященные плевали на крест или ломали его, что должно было пробудить чувство справедливого негодования у правоверных католиков.

В пятницу 13 октября 1307 года все члены ордена тамплиеров, до которых смогла дотянуться рука Филиппа, включая всех тамплиеров в Окситании, были арестованы. Поскольку их численность превышала 15 000 человек, совершенно ясно, что операция была хорошо спланированной и скоординированной, а для ее осуществления понадобилось большое количество верных королю вооруженных людей. Нам известно, что в тот же день были захвачены сотни поместий и земельных владений тамплиеров и что в большинстве случаев аресты происходили без борьбы.[1152]

В следующие месяцы тамплиеры подвергались жестоким пыткам в темницах инквизиции. Эти пытки, отличавшиеся особой жестокостью, даже по инквизиторским меркам, осуществлялись по особому распоряжению папы римского. Вслед за арестами во Франции Климент V издал буллу под названием Pastoralis praeeminentae, датированную 22 ноября 1307 года, в которой призвал к аресту всех остальных тамплиеров в христианском мире. Аресты и судилища происходили в Англии, Испании, Германии, Италии и на Кипре, а в 1312 году в другой папской булле был наложен официальный запрет на существование ордена. Тем временем тысячи тамплиеров претерпевали жесточайшие муки, а многих из них впоследствии сожгли на костре.

Мученическая смерть последнего гроссмейстера ордена тамплиеров Жака де Моле 18 марта 1314 года была засвидетельствована для потомков одним монахом, очевидцем этого события:

«В предвечерний час на маленьком острове на Сене, расположенном между королевскими садами и церковью Св. Августина их [гроссмейстера Жака де Моле и прецептора ордена тамплиеров в Нормандии Жофрея де Шарне] приговорили к сожжению… Они проявили такую решимость выдержать испытание огнем, что заслужили удивление и восхищение всех, кто был этому свидетелями…»[1153]

Такие описания напоминают о спокойной уверенности катарских perfecti, принимавших ужасную смерть на костре, а также Джордано Бруно, мага и герметиста, сожженного за свои убеждения в Риме в феврале 1600 года. Но Жак де Моле был воином, и он продолжал сражаться. Корчась от немыслимой боли на медленном огне, последний гроссмейстер ордена тамплиеров нашел в себе силы наложить проклятие на французскую монархию в течение тринадцати поколений и провозгласить, что Климент V и Филипп Красивый встретятся с ним для суда перед троном Господа до конца этого года. Странным образом Климент V умер всего лишь месяц спустя в апреле 1314 года, а Филипп Красивый неожиданно скончался в ноябре того же года.[1154] Апогей этой истории наступил сотни лет спустя с началом французской революции 1789 года и публичным гильотинированием несчастного Людовика XVI в 1793 году. По преданию, когда голова короля свалилась в корзину, один французский масон рванулся вперед, окунул пальцы в кровь и брызнул ею в толпу с криком: «Жак де Моле, ты отмщен!»[1155]

Выжившие тамплиеры и долгий поиск Утопии

После сожжения де Моле в 1314 году многие утверждали, что тамплиеры перестали существовать. С формальной точки зрения это правда, так как орден был запрещен, но фактически выжившие тамплиеры продолжали свою деятельность в разных местах. Одним из таких мест была Шотландия при Роберте Брюсе, освободившаяся от английской оккупации после битвы при Баннокберне в 1314 году. Другим была Португалия, где тамплиеров судили, но впоследствии оправдали и поэтому не подвергали пыткам и даже тюремному заключению. Хотя там их орден был официально распущен в 1312 году, они смогли воссоединиться под другим названием: «Милиция Иисуса Христа» (также известны как рыцари Христа или орден Христа).[1156]

В течение столетий широко распространенные слухи намекали на великую тайну, связанную с большим флотом тамплиеров, стоявшим на якоре во французском порту Ла-Рошель вечером 13 октября 1307 года, когда произошли массовые аресты тамплиеров. Историки считают, что флот был там в тот день, но отчалил на следующее утро, ускользнув от войск короля, которые пришли захватить его. Таким образом, не вызывает сомнений, что значительному количеству тамплиеров — во всяком случае, достаточному для управления несколькими судами — удалось избежать ареста во Франции.

Но куда они отправились? По этому поводу нет согласия. По одной теории, тамплиеры отплыли в Северную Африку, чтобы объединиться с их старинными врагами, сарацинами, по другой теории, они открыли Америку почти за 200 лет до Колумба. Третья теория, которая частично согласуется со второй, как мы убедимся впоследствии, гласит, что они отплыли в Шотландию и нашли убежище среди многочисленных тамплиеров, уже обосновавшихся в этой стране.[1157] Там, согласно масонским источникам XVIII века, таким, как кавалер Рэмси и барон Карл фон Хунд, они образовали ядро подпольного движения, которое в конце концов стало называться франкмасонством.[1158]

Особенно тесные связи существуют между тамплиерами в Шотландии, шотландским франкмасонством и старинным родом Синклеров (Сен-Клеров) из Росселина в окрестностях Эдинбурга. Подробное исследование на эту тему было опубликовано Эндрю Синклером в 1991 году под названием «Меч и Грааль».[1159] Там представлены убедительные доказательства, что Уильям Синклер, который приступил к сооружению готической часовни в Росселине около 1446 года, прошел тайное посвящение и стал тамплиером более чем через 130 лет после запрещения ордена; в то же время он являлся наследственным великим магистром франкмасонов в Шотландии.[1160]

Не менее интересным, на наш взгляд, является упоминание о путешествии к северо-восточному побережью Америки в 1398–1399 годах, совершенном дедом Уильяма, принцем Генрихом Синклером, первым графом Оркнейским, который тоже был посвященным рыцарем Храма. Этот опасный вояж, по-видимому, был отчасти запечатлен в барельефах часовни, датируемых 1450 годом (все еще более чем за 40 лет до Колумба), на которых изображена кукуруза и кактус алоэ.[1161] С 1991 года представлено так много исторических и археологических доказательств в поддержку этих событий, что, насколько нам известно, они уже всерьез не оспариваются учеными.

Еще более интересно, что Эндрю Синклер смог разобраться в мотивах, стоявших за трансатлантической экспедицией принца Генриха. «Вряд ли можно сомневаться в том, что рыцари Храма хотели создать новый рай на Земле и Храм Соломона в Новом Свете, за пределами досягаемости папского престола», — пишет он.[1162] Исследование Синклера предполагает, что тамплиерское подполье, существовавшее в Шотландии в конце XIV века, рассматривало смелое плавание принца Генриха как первый шаг в долгосрочном плане по достижению своей утопической мечты. Иными словами, это была попытка претворить в

жизнь идеалы, подхваченные 200 лет спустя такими людьми, как Кампанелла, Андреа и Бэкон, мечтавшими об освобождении от коррупции и деспотии Старого Света.

Конечно, возможно, что трансатлантический вояж в конце XIV века и философские размышления XVII века не имели никакой связи друг с другом, но тамплиерская символика, явственно присутствовавшая в обоих периодах, заставляет нас склоняться к иному мнению. Речь идет не только о сквозной теме «розы и креста» (этот символ также появляется на гробнице Уильяма Синклера в Росселине),[1163] не менее примечательно то обстоятельство, что и мореплаватели, и более поздние философы облекали свое намерение в одинаковые формулировки: они стремились к «воссозданию Храма Соломона в Новом Свете».

По разным причинам, на которых мы не будем останавливаться, открытие принца Генриха Синклера не было подхвачено другими мореплавателями так, как это произошло в Испании после Колумба.[1164] Шанс был утрачен, но нас интересует другое. В конце XVIII века, когда после американской Войны за независимость появилась возможность создать действительно новое и революционное общество, основанное на принципах свободы и независимости, можно ли считать случайностью, что мы снова сталкиваемся с тамплиерской символикой?

Мы вернемся к этой проблеме в главе 19, а пока что наше внимание будет привлечено к более насущным и до сих пор не объясненным вопросам.

Каким образом тамплиеры превратились из преданных защитников папского престола в XII веке в еретиков, которых сжигали на кострах в начале XIV века?

Научное мнение, в целом хорошо обоснованное, склоняется к тому, что атака на тамплиеров в 1307 году практически полностью осуществлялась под руководством французского короля Филиппа, выдвинувшего против них обвинение в ереси, и марионеточного папы, осудившего их «злодеяния», чтобы французская корона могла прибрать к рукам их огромные богатства. Поскольку Филипп действительно украл значительную часть их богатств и нам известно, что Климент V выполнял все указания французского короля, этот сценарий действительно выглядит очень правдоподобным.

Однако мы категорически не согласны с общепринятым представлением о том, что обвинения в ереси против тамплиеров были надуманными. Мы полагаем, что с точки зрения церкви они действительно являлись еретиками, виновными в выдвинутых обвинениях, и считаем, что они обратились против церкви в результате долгого взаимодействия с катарами, жившими в Окситании.

Тамплиеры и катары

Рассматривая дуалистическую доктрину катаров и известные сведения о верованиях и ритуалах посвящения ордена тамплиеров, Стивен Рансимен отмечает: «Вполне может быть, что тайные обряды тамплиеров… отчасти были основаны на дуалистических идеях и образах…»[1165] Общепризнано, что катары были подвержены влиянию таких идей в Святой Земле — к примеру, через контакты со старинной сектой друзов. Друзы, существующие и поныне в Ливане, Сирии и Израиле, формально принадлежат к шиитской ветви ислама, но их верования характеризуются как «сочетание иудаизма, христианства и ислама с элементами гностицизма».[1166] Кроме того, за время своего долгого пребывания в Святой Земле тамплиеры вполне могли встретиться с потомками сабеян из Харрана, составителей большого свода герметических текстов, известного под названием «Пикатрикс», где содержится (см. главу 8) одно из самых ранних описаний утопического города.[1167]

Трудно представить, что тамплиеры, проникшиеся эзотерическими «восточными» влияниями и впоследствии жившие в Окситании с XII по XIV век, не сознавали гностического

и дуалистического характера местной религии катаров. Если их мировоззрение было уже окрашено дуализмом, как предполагает Рансимен, они могли благосклонно относиться к воззрениям катаров, особенно если представители благородных домов Окситании, оказывавшие поддержку катарскому движению, также поддерживали тамплиеров. Действительно, как указывает Малькольм Барбер, значительное укрепление тамплиеров в Окситании не могло произойти без мощной поддержки со стороны местного дворянства:

«Основание новых обществ и освоение ранее не возделанных земель, широко распространенное в XII веке, во многом было связано с союзом между дворянством и представителями ордена…»[1168]

Простая логика подсказывает, что если и катары и тамплиеры пользовались поддержкой со стороны одних и тех же благородных семейств Окситании, то они находились в дружеских отношениях. Это может объяснить, почему даже в начале альбигойских крестовых походов в 1209 году, объявленных папой Иннокентием III, благосклонно относившимся к тамплиерам и наделившим их особыми привилегиями,[1169] рыцари Храма не поспешили прийти ему на помощь.[1170] Нет никаких оснований полагать, что сами рыцари были еретиками уже на этом этапе, но довольно странно, что одна из немногих обязанностей, вы полненных этими закаленными бойцами во время «священной войны», не имела ничего общего с боевыми действиями. В 1212 году папа римский ввел налог по три пенса с каждого дома во всем Лангедоке на покрытие расходов, связанных с альбигойскими крестовыми походами. Тамплиеры собрали этот налог, но в остальном, как отмечает историк Обри Барл, они сохраняли нейтралитет.[1171]

Подобный «нейтралитет» со стороны привилегированных воинов папского престола в военное время, на наш взгляд, имел важное значение. Некоторые исследователи, занимавшиеся этой темой, утверждали, что на позднем этапе альбигойских крестовых походов, особенно после падения Монсегюра, главной цитадели катаров, в 1244 году тамплиеры стали менее «нейтральными» и все больше попадали под влияние катарской доктрины. По мнению Эндрю Синклера, это произошло потому, что «большинство катарских рыцарей, избежавших резни, были приняты в военный орден Храма Соломона, который сам был пронизан восточными влияниями.[1172] Сходным образом Артур Гюирдхэм видит указание на некую связь между катарами и тамплиерами в том, что:

«… большое количество тамплиеров было призвано из Лангедока. Наплыв рекрутов последовал в середине XIII века, когда альбигойские войны практически закончились. Очень важно, что могущественный и невероятно богатый орден рыцарей Храма не принял участия в крестовом походе против альбигойцев».[1173]

Свидетельства такого рода «интересны, многозначительны, но не вполне убедительны», по признанию Гюирдхэма.[1174] С другой стороны, Малькольм Барбер, профессор истории из Редингского университета в Англии и один из ведущих специалистов по тамплиерам, гораздо более решителен в этом отношении:

«Романтикам нравится видеть связь между ними [т. е. между катарами и тамплиерами], но такой связи не существует. Никакие баснословные сокровища не перешли к тамплиерам после падения катарской твердыни Монсегюра в 1244 году; не было никаких общих антихристианских убеждений, навеянных эзотерическими культами… Разумеется, некоторые обвинения, выдвинутые против тамплиеров, сходны с обвинениями против катаров — но это, в конце концов, объясняется общей линией мышления обвинителей».[1175]

Хотя аргумент Барбера звучит разумно, для нас он ослаблен его очевидным желанием не поддаваться «романтике» и не видеть возможность заговора даже там, где она существует. В отношении таких организаций, как катары и тамплиеры, которые были вынуждены оставаться тайными и конспиративными из-за обстоятельств того времени, такая позиция может оказаться ошибочной. К примеру, если катарские рыцари после Монсегюра просили и получили убежище у тамплиеров, можем ли мы надеяться, что сохранились какие-либо записи об этом событии, не говоря уже о передаче «сокровища»? Могли ли эти гипотетические беженцы, присоединившиеся к религиозному военному ордену, уже славившемуся своей скрытностью в 1244 году, оставить за собой бумажный след для инквизиции и будущих историков? Это представляется крайне маловероятным.

С другой стороны, в гипотезе о том, что тамплиеры находились под значительным влиянием дуалистических идей начиная с середины XIII века, есть рациональное зерно; во всяком случае, она более правдоподобна, чем объяснения Барбера насчет обвинений в ереси, выдвинутых против ордена в начале XIV века. Читатели помнят, что тамплиеров, в частности, обвиняли в надругательстве над христианскими крестами на церемониях посвящения. Такое на первый взгляд нелепое поведение вполне согласуется с догмами катарского вероучения, отрицавшего физическое воплощение Христа, отвергавшего распятие и считавшего обожествление креста разновидностью идолопоклонничества.[1176]

С точки зрения инквизиции и французской короны огромный приток тяжеловооруженных и закаленных в битвах тамплиеров, вернувшихся в Лангедок в конце XIII века после утраты Святой земли, был угрожающим событием. В зависимости от уже существовавшего уровня подозрений по отношению к тамплиерам, постоянно проживавшим в этом регионе, такое внезапное усиление вполне могло считаться крайне опасным как светскими, так и религиозными властями. Их подозрения могли усилиться из-за неожиданных признаков возрождения катарского вероучения под руководством Пьера Отье, которое началось в 1299 году (см. главу 7).

С учетом всех этих факторов мы предполагаем, что угроза возрождения катаризма, подкрепленная вооруженной мощью ордена тамплиеров, «поддавшихся ереси», была достаточной, чтобы объяснить решительные действия короля Филиппа и церкви против ордена в 1307 году. Имела ли эта угроза какие-либо реальные основания — другой вопрос, но едва ли король и папа сговорились уничтожить тамплиеров в тот самый момент, когда катаризм вел борьбу не на жизнь, а на смерть, не объединяя эти два вопроса между собой.[1177] Конечно, алчность и зависть к богатству тамплиеров играли значительную роль в их решениях и действиях, но мы считаем, что алчность была не единственным, возможно, даже не главным фактором. События, происходившие с тамплиерами в период между их арестом в 1307 году и сожжением последнего гроссмейстера в 1314 году, лучше всего воспринимать в контексте того времени — т. е. как очередную битву в войне с ересью и общественными реформами, которую церковь вела со времен Константина Великого.

Элементы тамплиерской ереси

Можно поставить под сомнение какую-либо тайную связь между катарами и тамплиерами на том основании, что их убеждения были фундаментально несовместимыми. В то время как тамплиеры гордились ветхозаветной символикой Храма Соломона, катары отвергали Ветхий Завет как книгу, вдохновленную злым демиургом.

Хотя этот аргумент очевиден, он не имеет отношения к нашей гипотезе. Мы не утверждаем, что тамплиеры находились под влиянием катаров на ранних этапах своего существования, когда они занимали Храмовую гору в Иерусалиме в период с 1119 по 1187 год. Какие-то отголоски, вероятно, доходили еще в XII веке через многочисленные

тамплиерские прецептории в Окситании, но они не оказывали существенного воздействия до второй половины XIII века, когда, по мнению некоторых историков, беглые катарские рыцари были приняты в орден. Мы можем предполагать, что этот процесс ускорился после 1290 года с возвратом тамплиеров из Святой Земли. Но прежде чем процесс дошел до критической черты, он был прерван заблаговременным ударом, нанесенным королем Филиппом и Климентом V в 1307 году.

Опять-таки мы не утверждаем, что тамплиеры стали катарами. Наша гипотеза состоит в том, что к 1307 году дуализм катаров был одним из ингредиентов многогранной тамплиерской ереси, совместившей в себе значительное количество на первый взгляд несовместимых религиозных идей. В определенном смысле еретики из числа тамплиеров больше всего напоминают нам не катаров, а воинственную секту христианских гностиков, известных под названием павликиан (см. главу 5), проявлявших такое же бесстрашие и готовность убивать. Общепризнано, что верования тамплиеров были окрашены идеями эзотерического ислама и мистического иудаизма, воспринятыми в Святой Земле.

Иудаистский элемент особенно хорошо сочетался с одержимостью тамплиеров Храмом Соломона и мог быть подкреплен в Окситании через контакты с крупными и влиятельными еврейскими общинами этого региона. В XII–XIII веках евреи играли заметную роль в общественной жизни Окситании до тех пор, пока альбигойские крестовые походы не уничтожили прежний образ жизни и религиозную терпимость. В Нарбонне, Люнеле и Босере существовали прославленные школы Талмуда, и в одной рукописи 1160 года упоминается о том, что многие ученики этих школ «прибыли из отдаленных стран».[1178]

Кроме того, как мы могли убедиться в главе 2, среди ученых евреев в прибрежных городах Окситании в XII–XIII веках широкой популярностью пользовалось учение Каббалы, мистическое течение иудаизма.[1179] Ранее мы цитировали Вениамина из Туделы, который в XII веке описал еврея, «отрекшегося от всех мирских дел, соблюдавшего посты и не употреблявшего мяса».[1180] Поскольку это означает, что идеи катаров того времени начали оказывать определенное влияние на иудеев, живших в Окситании, разве нельзя предположить, что оккультная философия Каббалы, разработанная еврейскими раввинами, сходным образом повлияла не только на катаров, но и на тамплиеров?

Эманации и Древо Сефирот

Катаризм был возрождением христианских гностических ересей, пышно расцветших в Палестине и Александрии в первые четыре века нашей эры.[1181] Учение Каббалы тоже представляет собой своеобразное возрождение школ еврейского мистицизма, процветавших в Палестине и Александрии примерно в это же время. Хотя возрождения герметизма не произошло до находки герметических текстов в XV веке, происхождение этих текстов тоже восходит к первым столетиям нашей эры и, более того, — к той же преимущественно александрийской культурной среде, питавшей гностицизм и мистические течения иудаизма.

Одним из главных понятий всех дуалистических религий является понятие эманаций. В простейшем виде эманация рассматривается как сознательный или бессознательный творческий акт чистого и непостижимого божества, образующего свои духовные и материальные проявления, которые затем ведут независимое существование. Гностики первых четырех столетий нашей эры называли такие эманации зонами. Они были перечислены в порядке их степени самопознания и часто получали абстрактные названия, такие, как «безмолвие», «интеллект», «истина», «мудрость» и т. д.[1182]

Вместе божество и его зоны образовывали Плерому (в буквальном переводе «полнота»), или совершенную группу. Процесс, который привел к сотворению мира, произошел в результате отторжения от Плеромы, вызванного любопытством или жгучим желанием части

одного из эонов.[1183] Читатели помнят, что в одной из гностических схем Иегова, бог Ветхого Завета, изображайся в виде падшего зона. В других схемах его низводили до статуса эманации другой эманации — достаточно умного для создания материального мира, но слишком глупого, чтобы помнить источник своего происхождения и свою незначительную роль в общей схеме вещей.[1184] Сходным образом катары рассматривали Иисуса не как физического и материального «сына Божьего», а как божественную эманацию.[1185]

Понятие эманации играет основополагающую роль в Каббале. Основным текстом иудаистской мистической традиции XII–XIII веков в Окситании была «Сефер Йецира», или «Книга Творения», — еврейский космогонический и космологический трактат, первоначально составленный в III веке н. э.[1186] В этом сочинении творческий акт божества проявляется «в десяти отдельных этапах эманаций, соответствующих числам от одного до десяти».[1187] Эти десять эманаций, алхимически сочетающихся с двадцатью двумя буквами еврейского алфавита, известны под собирательным названием Сефирот. Вот их перечень и основные качества:

1. Кетер Элион (Верховная Корона) или Рацон (Воля);

2. Хокма (Мудрость);

3. Вина (Ум);

4. Хесед (Любовь) или Гедула (Благородство);

5. Гебура (Власть) или Дин (Суд);

6. Тиферет (Красота) или Рахамин (Сострадание);

7. Нецах (Терпение);

8. Ход (Величие);

9. Йесод Олам (Основание Мира) или Цаддик (Праведник);

10. Малкут (Царство), или Атара (Диадема), или Шехина (Женское божественное присутствие).[1188]

По мере развития Каббалы в XII и XIII веках иудейские мистики из Окситании создали из этих десяти Сефирот «особую архетипическую схему», представлявшую собой сложную систему взаимопересекающихся «ветвей», или «путей». По выражению одного из мыслителей того времени, это был «образец, который служит основой для всех явлений в мире. Он был назван Образом Божьим, но более известен как Древо Жизни».[1189]

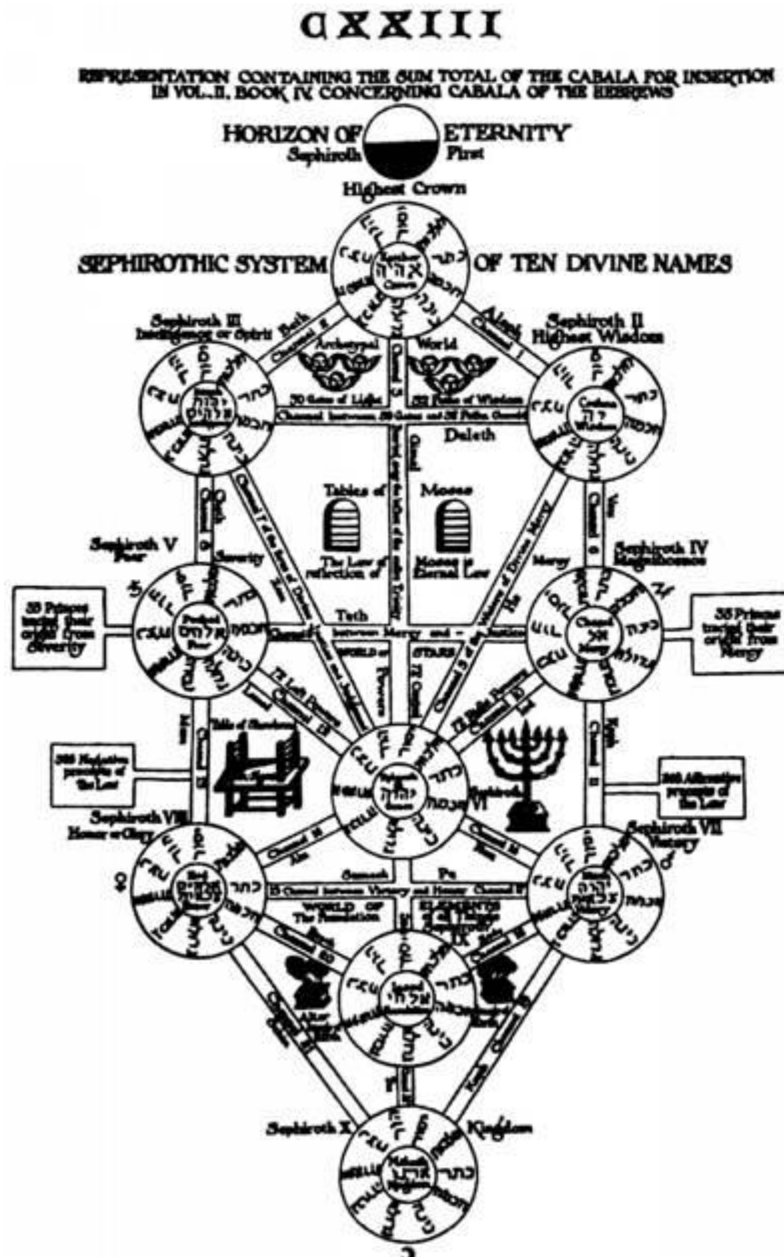
Древо Жизни можно представить себе как структурную диаграмму реальности — не буквальную «карту действительности», но скорее мандалу[1190] или талисман, используемый для сосредоточенных умственных упражнений, с помощью которых можно было постигнуть истинную природу вещей.

Древо Сефирот и Храм Соломона

Как и другие мандалы, Древо Жизни представляет собой геометрическую схему. Оно состоит из трех главных вертикальных колонн, или столпов, где десять Сефирот, представляющих эманации божества, закреплены наподобие стеклянных шаров на рождественской елке (см. рисунок). Здесь есть важная ассоциация с франкмасонством. Как мы могли убедиться в главе 14, масоны обычно изображали Храм Соломона в виде двух столпов, или колонн, известных как Воаз и Иоаким («мудрость и сила»), а открытый проход между двумя колоннами часто считался «третьей» колонной.

Эта символика пользовалась распространением и в розенкрейцерской среде;[1191] некоторые исследователи даже определили ее на гравюре титульной страницы трактата «О значении и успехе знания божественного и человеческого» Фрэнсиса

Бэкона.[1192] На гравюре из издания 1640 года изображены две колонны, а за ними — открытое море с уплывающим кораблем.[1193] На вершине левой колонны находится символ Солнца, а на вершине правой — символ Луны, т. е. как и столпы Древа Жизни, они увенчаны шарами. Такой же мотив часто можно видеть на масонских иллюстрациях Храма Соломона, изображающих колонны Иоаким и Воаз. Один шар символизирует видимый мир, освещенный Солнцем, а другой шар — невидимый, или оккультный, мир, освещенный лунным сиянием. Две руки, протянутые навстречу друг другу из шаров, сомкнуты в «масонском рукопожатии». Мы не одиноки в своем мнении, что эта символика напоминает Древо Жизни с его ветвями под названиями «мудрость», «сила», «разум» и так далее.[1194]

Типичное каббалистическое Древо Жизни Сефирот.

Та же общая схема с использованием символов для обозначения различных масонских «добродетелей» и путей их достижения прослеживается в так называемых «запонах», используемых франкмасонами до наших дней в ритуалах, которые сравниваются со входом в «духовный Храм Соломона». В нижней части запона обычно находится изображение двух колонн, Иоакима и Воаза, а на заднем плане — некий храм, возможно, символизирующий святая святых Храма Соломона, часто увенчанный пентаграммой или сияющей звездой. Выше расположены масонские символы, увенчанные символом Высшего Существа, представленного короной, «всевидящим глазом» или сияющей пирамидой.

Связь этой символики с Древом Жизни подтверждается предварительной информацией, сообщаемой масонским кандидатам на посвящение в так называемую тридцатую степень Шотландского Обряда, известную как «Рыцарь Кадоша», где кандидату показывают изображение Древа Сефирот с сопроводительным текстом, объясняющим его символическое использование. Согласно историку масонства Роберту Ломасу:

«В подготовительном разделе ритуала Рыцаря Кадоша (тридцатая степень Древнего и Принятого Шотландского Обряда) кандидату показывают диаграмму, называемую каббалистами Древом Жизни, или Древом Сефирот. В этой диаграмме три вертикальные линии называются столпами. Таким образом, четыре Сефирот в центре называются средним столпом, три Сефирот слева — столпом милосердия, а три справа — столпом правосудия».[1195]

В первой главе книги «Сефер Йецира» утверждается:

«Десять является числом священного Древа Сефирот… Узнай эту мудрость и постигни ее; изучи эти числа и почерпни знания из них; запечатлей этот замысел во всей его чистоте и перейди от него к его Создателю, восседающему на троне…»[1196]

В «Сефер Йецира» также говорится о «32 оккультных и чудесных путях мудрости». Эти 32 пути на диаграмме, представляющей 10 сефирот и 22 буквы, являются основой всех вещей».[1197] Таким образом, Древо Сефирот с его 22 путями и 10 «эманациями» указывает на число 32. В шотландском франкмасонстве это обозначает 32 «степени», которые нужно пройти, чтобы подойти к полному масонскому просветлению — высшей, или 33-й, степени. Связь, о которой мы говорим, подтверждается Чарльзом Самнером Лобингером, масоном 33-й степени Шотландского Обряда, который в 1929 году написал историю масонского ордена:

«Более поздним элементом Каббалы являются 32 пути мудрости. Это число получается при добавлении букв еврейского алфавита (22) к 10 сефирот. Здесь мы, без сомнения, видим источник количества степеней, принятых в великом уложении Шотландского Обряда…»[1198]

Парадоксальный Кирхер

Вера в то, что божественные принципы, эманации или архетипы могут найти зримое проявление в «храме Божьем» — как в материальном, так и духовном смысле, — лежит в основании концепции Древа Жизни, но гораздо раньше древние египтяне закладывали свои храмы с точно такой же целью — к примеру, великий храмовый комплекс Амона в Карнаке/Луксоре.

Идея о том, что внутреннее устройство египетских храмов неким образом связано с Древом Сефирот, высказывалась еще в XVII веке каббалистом и герметическим философом Атанасиусом Кирхером в его книге «Эдип Египетский». В этом сочинении Кирхер, который

также был ревностным иезуитом, доходит до утверждения, что все религии и знания о природе божественного происходят из Египта.[1199] Джослин Годвин, профессор Кол — гейтского университета в Нью-Йорке и общепризнанный специалист по Кирхеру, выступает со следующим утверждением:

«По мнению Кирхера, вся еврейская мудрость происходит из Египта и была передана через Моисея, посвященного в египетские таинства. В Древе Сефирот мы видим первичный метафизический символ еврейских каббалистов. Оно представляет десять неизменных архетипов, связанных друг с другом двадцатью двумя путями, соответствующими двадцати двум буквам еврейского алфавита. Поскольку Древо Сефирот является универсальной диаграммой, им можно пользоваться как ключом к устройству всех уровней вселенной… На космологическом уровне нижние семь Сефирот соответствуют семи халдейским планетам, а верхняя триада, согласно Кирхеру, — сферам неподвижных звезд».[1200]

В 1621 году Атанасиус Кирхер, который тогда был молодым членом ордена иезуитов, оказался вынужденным бежать из Германии из-за наступления Тридцатилетней войны. В конце концов он оказался во Франции и поступил в иезуитский колледж в Авиньоне. Блестящий математик и талантливый лингвист, Кирхер испытывал ненасытный интерес ко всему египетскому и в 1635 году получил пост в иезуитском колледже в Риме для изучения иероглифов. В 1638 году Кирхер стал профессором математики, но его научные интересы были широкими и разнообразными. Его слава распространилась так широко, что ученые со всего мира вели с ним переписку, а многие приезжали к нему в Рим — например, английский изобретатель Уильям Гаскойн и французский художник Никола Пуссен, которого он учил искусству перспективы.[1201] Кирхер был коллекционером древностей и основал один из первых европейских музеев, Museo Kircheriano, который сравнивали с «музеем Элиаса Эшмола в Оксфорде».[1202]

Как и Джордано Бруно, Кирхер был «египетским герметистом», который «считал египетское идолопоклонство и политеизм источником не только греческой и римской религии, но и еврейского вероучения».[1203] Кирхер также верил, что Египет является источником всех цивилизаций и, более того, что все древние философии, особенно Каббала, происходят от «египетской мудрости», сохранившейся в герметических сочинениях.[1204] Поэтому Фрэнсис Йейтс называет Кирхера «самым видным наследником герметическо-каббалистической традиции». Йейтс также замечает, что он «много занимался историей Исиды и Осириса, главных египетских божеств».[1205] В своей книге «Эдип Египетский» Кирхер приходит к следующему выводу:

«Божественный Дионисий утверждает, что все сотворенные вещи являются не чем иным, как зеркалами, отражающими лучи божественной мудрости. Поэтому египетские мудрецы считали, что Осирис, передав ший Исиде власть над всеми вещами, исчез из видимого мира и наполнил его собой. Что это может означать, кроме силы невидимого бога, проникающего во все свои творения?»[1206]

Одним из ближайших друзей Кирхера был великий мастер барочной архитектуры Жан Лоренцо Бернини, с которым Кристофер Рен познакомился во Франции в 1665 году при дворе Людовика XIV. Как и Кирхер, Бернини был ревностным иезуитом и в течение всей жизни каждое утро присутствовал на мессе в маленькой церкви II Gesu в Риме, где был похоронен основатель ордена иезуитов Игнаций Лойола. Огромные познания Кирхера в области перспективы и символического использования архитектурных конструкций давали ему много точек соприкосновения с Бренини, и они сотрудничали в работе над несколькими архитектурными проектами по заказу папы римского. Видное место среди этих проектов занимал древнеегипетский обелиск (не путать с ватиканским обелиском, описанным ранее),

воздвигнутый ими на пьяцца делла Минерва, где некогда стоял храм Исиды. Это произошло в 1652 году, за тринадцать лет до встречи Бернини с Кристофером Реном в Париже. В тот же год Кирхер опубликовал своего «Эдипа Египетского» — книгу, которая в то время стала бестселлером, читаемым во всей Европе.

Древо Сефирот в описании Кирхера идентично изображениям из Каббалы: десять эманаций, взаимосвязанных двадцатью двумя путями. Но, в отличие от других, Кирхер считал, что каббалистическая мудрость имеет египетское происхождение. Могли ли его идеи о священной символической архитектуре и перспективе каким-то образом повлиять на Кристофера Рена и Джона Эвелина в Англии?

Джон Гривз, пирамиды и Гришемский колледж

Читатели помнят, что Рен был назначен профессором астрономии в Оксфорде в 1661 году, сразу же после реставрации Карла II.[1207] До назначения Рена этот пост занимал Сет Уорд (1649–1660), до Уорда на этом посту работал другой видный ученый по имени Джон Гривз.

Как и Рен, Гривз ранее преподавал математику в Гришемском колледже в Лондоне. Его служба там продлилась с 1630 по 1637 год, после чего он взял годичный отпуск для довольно необычного путешествия в Египет, главной целью которого было исследование пирамид Гизы. Он надеялся найти «универсальную единицу измерения», зашифрованную в этих монументах. Для этой цели он объединил усилия с итальянским ученым Тито Ливио Буратини, которому покровительствовал не кто иной, как Атанасиус Кирхер.[1208]

Хотя Буратини был итальянцем по рождению, он постоянно жил в Польше. Он был одаренным математиком, астрономом и картографом, но его подлинной страстью, как и у Кирхера, был Древний Египет. В конце концов, получив поддержку от Кирхера, Буратини смог поехать туда в 1637 году, незадолго до прибытия Гривза. В своей книге «Пирамидография», опубликованной в 1646 году, Гривз упоминает о Буратини как об «оригинальном молодом человеке из Венеции» и пользуется некоторыми его рисунками и чертежами египетских пирамид.[1209]

В 1639 году, по возвращении в Англию, Гривз был вознагражден за свои египетские труды должностью профессора астрономии в Оксфорде — той самой, которую впоследствии занял Кристофер Рен в 1661 году. Дэвид Стивенсон, профессор истории Шотландии в университете Св. Андрея обнаружил, что Роберт Морей, главный основатель Королевского общества и первый человек, прошедший обряд посвящения во франкмасоны на территории Англии, тоже был связан с Атанасиусом Кирхером:

«В 1643 году он [Роберт Морей] был возведен в рыцарское достоинство королем Карлом I… Позднее в том же году он был взят в плен имперскими войсками, когда сражался на стороне Франции, и попал в тюрьму в Баварии. В 1645 году он был освобожден за выкуп, но, еще будучи в плену, развивал свои научные интересы в разговорах и переписке с учеными-иезуитами, включая выдающегося математика и герметиста Атанасиуса Кирхера, который считался главным авторитетом по таинствам Древнего Египта».[1210]

Существует еще один общий фактор: сам Гришемский колледж. Многие действующие лица, связанные с Невидимой Коллегией, Королевским обществом и первыми масонскими ложами в Лондоне, имели прямое или косвенное отношение к Гришемскому колледжу, включая Роберта Морея, Джона Уилкинса, Кристофера Рена и Роберта Хука. Происхождение этого колледжа восходит к Томасу Гришему, знаменитому основателю Лондонской Королевской биржи. В 1575 году он завещал свой дом в Бишопсгейте будущему колледжу и

оставил средства для его будущего финансирования с помощью доходов от операций с ценными бумагами на Королевской бирже. Идея создания такого колледжа была отчасти «масонской» в том смысле, что Томас Гришем в своем завещании упоминал о семи ученых, назначаемых для чтения лекций по каждому из семи основных предметов.[1211] Действительно, согласно Роберту Ломасу, Гришемский колледж был «главным центром франкмасонства в Лондоне эпохи Реставрации… основанный Томасом Гришемом для поддержки его масонских идеалов просвещения».[1212]

Могли ли все эти обстоятельства, как и встреча с Бернини в Париже, заставить Кристофера Рена проникнуться герметическо-каббалистическими идеями Кирхера и их применением в геометрической планировке и архитектуре? И если да, могли ли они повлиять на план Рена для архитектурного возрождения Лондона после пожара? Мы можем лишь предполагать такую возможность.

Как ни странно, то же самое можно сказать про Джона Эвелина, который представил свой план «нового» Лондона лишь через два дня после Рена. Эвелин, как мы помним, совершил путешествие в Европу в период с 1643 по 1652 год. Он провел некоторое время в Риме, где проявил живой интерес к Бернини и его работам.[1213] Вполне возможно, что в этом городе, где менее чем за полвека до его визита был сожжен на костре Джордано Бруно, он увидел или узнал нечто, приобщившее его к идеям герметизма и Каббалы.

Слияние разных потоков

«Какой выход для дуалистических идей остался после исчезновения катаризма и разгрома тамплиеров в начале XIV века? — спрашивает Артур Гюирдхэм. — Мы можем с уверенностью утверждать лишь одно: к этому времени европейские дуалисты усвоили, что открытое выражение их мнений крайне опасно и грозит непредсказуемыми последствиями».[1214]

Иными словами, если религиозные учения, противоречившие христианской догме, хотели получить шанс на выживание, они должны были уйти в подполье и развиваться скрытно. Мы убеждены, что именно это и произошло и что дуалистические верования эволюционировали за пределами досягаемости инквизиции и историков еще долгое время после официального разгрома катаров и тамплиеров. Нам кажется, что этот процесс получил резкое ускорение и на короткое время вышел из подполья после находки герметических текстов в 1460 году, после чего последовал период почти невероятной открытости, прогресса и революционного мышления. Но герметисты, слишком торопившие события, такие, как Джордано Бруно, погибали за свои убеждения, а более осторожные мыслители терпеливо дожидались лучших времен.

За долгие годы ожидания множество разных идей, подобно слиянию множества разных потоков, объединились в «дуалистическую тенденцию». В этом объединении присутствовали элементы катарского гностицизма, еврейского мистицизма и Каббалы, герметических откровений, тамплиерских и масонских идей о восстановлении Храма Соломона, розенкрейцерской программы создания идеального утопического города для установления гармонии между небом и землей и, наконец, но не в последнюю очередь, мечты Томмазо Кампанеллы о Городе Солнца.[1215]

Мы предполагаем, что все эти элементы присутствовали в городских планах, подготовленных после Великого лондонского пожара 1666 года Кристофером Реном и Джоном Эвелином.

План Рена

Великий пожар прошелся по Лондону, словно огромный факел, расчистив от построек территорию длиной в полторы мили и шириной в полмили. Он уничтожил почти все от Тауэра на востоке до Темпла на западе, где наконец выдохся перед Темпл — Черч, характерным круглым сооружением, построенным из камня в готическом стиле.

Район, где остановился огонь — до сих пор известный как Темпл и ныне населенный в основном юристами, — получил такое название из-за его исторической связи с тамплиерами. Он расположен примерно посредине между собором Св. Павла на востоке и Ковент-Гарден на западе и ограничен Флит-стрит на севере и набережной Виктории на юге. Тамплиеры построили свою большую прецепторию (штаб-квартиру) в 1161 году, вместе с причалом на Темзе, обеспечивавшим для их судов беспрепятственный доступ до самого Ньюгейта через реку Флит.[1216]

Сооружение церкви Темпл-Черч началось в 1180 году. Как и у многих других тамплиерских культовых сооружений, ее основную структуру составляет круглое здание с куполообразной крышей, напоминающей храм Гроба Господня на месте гробницы Иисуса в Иерусалиме. Отметим в скобках, что храм Гроба Господня расположен к западу от того места, где стоял Храм Соломона, что не было оставлено без внимания лондонскими тамплиерами. Церковь Темпл-Черч, посвященная Деве Марии, была освящена 10 февраля 1185 года Ираклием, патриархом Иерусалимским, которого специально пригласили в Лондон для этой цели. Это событие произошло за два года до взятия Иерусалима арабскими войсками под командованием Саладина в 1187 году.

Сама церковь и округ Темпл оставались под юрисдикцией ордена до его разгрома в 1307 году. В 1312 году вся собственность тамплиеров в Лондоне, включая и церковь, была передана ордену госпитальеров. Во времена Реформации, когда сами госпитальеры подверглись гонениям и оказались под запретом, церковь и прилегающее приходское здание перешли в собственность английской короны. Здания были населены юристами, получившими право владения по королевской хартии Якова I в 1608 году. С тех пор два «Судебных Инна» — Иннер-Темпл и Миддл-Темпл — оставались владельцами Темпл-Черч и по условию королевской хартии обязаны вечно содержать церковь и ее служебные помещения.[1217]

В планах Рена и Эвелина по возрождению Лондона после Великого пожара оба архитектора уделили необычное внимание району вокруг Темпл-Черч.

Кристофер Рен первым привлек к нему внимание короля. Одиннадцатого сентября 1666 года, с чертежом под мышкой, он поспешил к Карлу II в Уайтхолл. Чертеж представлял собой поразительно подробную и профессионально выполненную карту нового Лондона, на изготовление которой при обычных обстоятельствах понадобились бы недели, если не месяцы. Однако прошла лишь неделя после пожара, и обгорелые руины во многих местах еще дымились.

В плане Кристофера Рена величественный замысел сочетался с изощренной концепцией городской планировки. Его чертеж, сохранившийся до сих пор, выглядит так, словно над ним трудилась целая команда профессионалов, однако все свидетельствует о том, что Рен не советовался со своими коллегами из Королевского общества и работал над планом в одиночестве.[1218] Пытался ли он защитить свои идеи, чтобы ни с кем не делиться лаврами великого архитектора, или же просто очень торопился, потому что хотел стать первым? У него могло быть много причин для тайной и спешной работы, но нас больше интересует его замысел нового Лондона.

Рен, недавно вернувшийся из Парижа, где он изучал неоклассическую архитектуру, а также современные планы городской застройки, мечтал заменить извилистые улочки и дворы старого средневекового города новыми монументальными проспектами, похожими на те, которые он видел во Франции. Главным элементом его плана был центральный проспект,

тянувшийся практически по прямой линии от одного края города (Олдгейт) до другого (Стрэнд), проходя по пути через несколько огромных звездообразных площадей. От этих площадей во всех на правлениях расходились прямые улицы, соединявшиеся с площадями меньшего размера, или «серкусами», по обе сторону от главной оси.

План Лондона, предложенный Кристофером Реном 11 сентября 1666 года.

Широтная ориентировка между Темпл-Черч (слева) и собором Св. Павла (справа).

В плане Кристофера Рена фигурирует и второй монументальный проспект, идущий от лондонского Тауэра вдоль Кэннон-стрит до собора Св. Павла.[1219] Этот проспект соединяется с главной осью от Олдгейта и тянется вместе с ней до Лудгейта и соединения с Флит-стрит.

На этом месте прямо за Лудгейтом и недалеко от Темпл-Черч находился еще один важный элемент архитектурного плана Рена: большая открытая площадь в форме восьмиугольника со сторонами равной длины. Принимая во внимание масонские связи Рена, более чем вероятно, что ему было известно о значении восьмиугольника как тамплиерского символа Храма Соломона. Если остаются какие-то сомнения в его намерениях, они разрешаются последней красноречивой подробностью. В полумиле к востоку Рен специально изменил широтную ось расположения «нового» собора Св. Павла, сдвинув ее на несколько градусов к югу, чтобы теперь он находился на одной оси с Темпл-Черч.[1220] Мы уже упоминали о том, что Темпл-Черч первоначально была выстроена по образцу храма Гроба Господня и что последняя была расположена к западу от места, где стоял Храм Соломона в

Иерусалиме. В плане Кристофера Рена Темпл-Черч точно так же расположена к западу от собора Св. Павла. Возможно ли, что архитектор имел в виду строительство «тайного Иерусалима» в самом центре Лондона?

Призрак плана

Сын Кристофера Рена, которого тоже звали Кристофером, вспоминает, что во время своей вступительной речи в качестве профессора астрономии Гришемского колледжа Рен-старший назвал Лондон «городом, особенно благоприятным для небесных влияний… шкатулкой Пандоры, в которую каждая из планет вносит свой вклад».[1221]

Следует помнить, что в то время астрология и научная астрономия в значительной степени накладывались друг на друга и многие ученые верили в благотворное или вредоносное влияние звезд и планет, но маловероятно, что Рен имел в виду обычную астрологию, когда говорил о Лондоне. Скорее всего, он подразумевал влияние более духовной и мистической природы — например, талисманные влияния, описанные в герметической магии и Каббале эпохи Возрождения. Стив Пэджет, профессор архитектуры Канзасского университета, объясняет:

«После разрыва с папским престолом «космос» для англичан вращался не вокруг Рима и собора Св. Петра, а вокруг Лондона и старинного готического собора Св. Павла. Его центральный шпиль играл роль «мировой оси» для этого мира, символизируя центр Лондона, Англии и вселенной… Когда шпиль был сломан (рухнул во время пожара 1666 года), это ознаменовало катастрофу космических масштабов. Символическая связь между землей, небом и Нижним миром была нарушена».[1222]

Карл II с помощью англиканского духовенства опровергал распространяемые католиками слухи о том, что Лондонский пожар был актом божественного возмездия и наказания англичан за разрыв с римской церковью и отказ от признания папской власти. С другой стороны, король и его советники стремились представить пожар как символ очищения и возрождения для Лондона и королевства в целом, который должен был привести к созданию «совершенного христианского общества». По достижении этой цели становилось возможным достижение пророчества о «Новом Иерусалиме».[1223] Сам король написал проповедь, в которой, согласно историку В. Харту,

«… епископ Лондонский провозгласил собор Св. Павла центром роялистского Нового Иерусалима, ибо «здесь по велению Господа нашего… будет воздвигнут трон Давидов для справедливого суда и помещены кости Моисеевы для наставления».

В каббалистической теме этой проповеди важное место отводилось… последующей работе по восстановлению престола Давида и Моисея… Христианские каббалисты надеялись, что благодаря такой боговдохновенной интеллектуальной магии на Земле будут созданы условия не более и не менее, как для Второго Пришествия — необходимой прелюдии для Апокалипсиса и окончательного установления Небесного Иерусалима».[1224]

В дальнейшем мы вернемся к замыслам Рена относительно нового собора Св. Павла, а тем временем рассмотрим его план для Лондона. Чем больше мы смотрели на этот план, тем сильнее ощущали присутствие некоего «призрака», скрытого в/разметке улиц и площадей. Отступив назад и обозрев план в целом, мы поняли, что он представляет собой явный, хотя и слегка искаженный вариант каббалистического Древа Жизни![1225]

Естественно, сначала мы решили, что были обмануты оптической иллюзией. Мы могли бы считать это иллюзией, если бы не то обстоятельство, что через два дня после Рена Джон

Эвелин предложил Карлу II другую «каббалистическую» схему архитектурного обустройства Лондона.

План Эвелина

Тринадцатого сентября 1666 года Джон Эвелин добился аудиенции у Карла II в спальных покоях королевы в Уайтхолле.[1226]

В плане Эвелина сразу же бросается в глаза его странное сходство с планом Рена, что не могло ускользнуть от внимания короля. Однако нам известно, что Рен предпринял все меры для обеспечения секретности своей работы.[1227] Мы знаем, к примеру, что он не обратился за советом к своим коллегам из Королевского общества, вызвав тем самым недовольство секретаря общества, Генриха Ольденбургского.[1228] В ответ на жалобу последнего Рен вежливо указал, что он хотел представить свой план до того, как кто-то другой получит возможность отвлечь внимание короля, и, таким образом, «не имел возможности проконсультироваться в Королевском обществе по этому вопросу».[1229]

Эвелин же просто написал в своем дневнике: «Мистер Рен обогнал меня».[1230] Однако историк Адриан Тиннисвуд убежден, что сходство двух архитектурных планов обусловлено более глубокими причинами:

«Поразительные черты сходства между двумя планами свидетельствуют о том, что они [Рен и Эвелин] должны были обсуждать свою мечту об идеальном Лондоне либо до того, как пожар предоставил возможность для ее осуществления, либо во время работы во вторую неделю сентября. Оба предлагали отдать район между Темплом и Флит-стрит под площадь, которая образовывала бы пересечение восьми улиц, расходившихся по компасным направлениям. В обоих планах были предусмотреныуздания, фасады которых образовывали восьмиугольник вокруг этой площади. Центральной частью их планов был въезд на северную оконечность лондонского моста, предварявшийся полукруглой площадью. Оба провели главные проспекты с востока до собора Св. Павла… Одно упоминание в объяснительной записке, поданной Эвелином вместе с его ушаном, подтверждает предположение о сотрудничестве или по крайней мере о том, что он разделял некоторые идеи Рена. Там есть следующие слова: «Улица от собора Св. Павла может быть разветвленной, наподобие пифагорейского знака… согласно оригинальному предложению достопочтенного д-ра Рена, и по здравом размышлении я с готовностью следую этому предложению»«.[1231]

Не может быть совпадением, что в планы Эвелина и Рена включен один и тот же тамплиерский символ восьмиугольника, причем расположенный в одном и том же месте — почти над старинной лондонской штаб-квартирой тамплиеров неподалеку от Темпл-Черч. Следует также заметить, что на плане Эвелина восьмиугольная площадь расположена прямо к западу от собора Св. Павла таким образом, что ее центр совпадает с осью собора, и эти две точки оказываются соединенными друг с другом широкой улицей Флит-стрит.

Но наиболее интересным, как показано на нашей иллюстрации, является четкое и намеренное расположение узловых точек на плане Эвелина в соответствии с сефирот на каббалистической диаграмме Древа Жизни. Если в плане Рена остаются некоторые неясности, план Эвелина не оставляет сомнений относительно его намерений. Если не считать минимальных допущений, обусловленных архитектурным устройством, сходство между геометрической схемой Эвелина и схемой Древа Жизни является безошибочным.

Предположительно, выпустив свой «дуплет» 11 и 13 сентября, Рен и Эвелин надеялись, что Древо Жизни, как и другие общие элементы, скрытые в их планах, получат королевское одобрение. Мы также полагаем, что оба архитектора имели в виду хорошо известные

финальные строки из книги откровений св. Иоанна Богослова, где говорится о создании «Нового Иерусалима» и Древа Жизни:

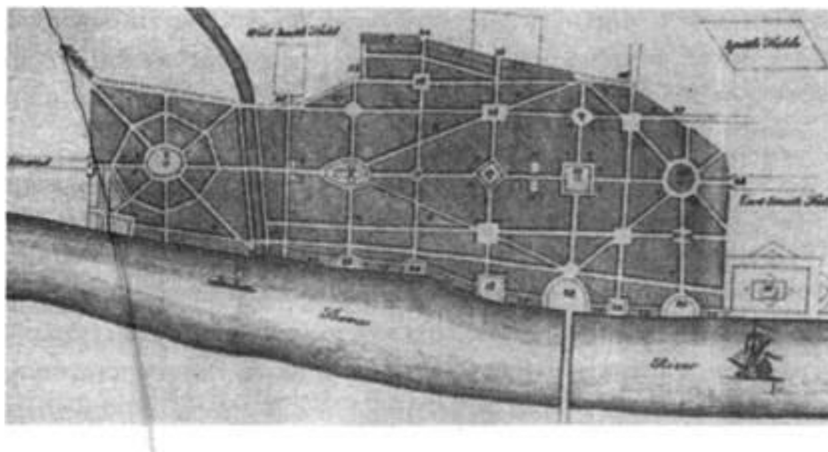
«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали… И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего… Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов, и на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых… Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов… и показал мне чистую реку воды жизни, светлую как кристалл… По ту и другую сторону реки Древо Жизни, двенадцать раз приносящее плоды… Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на Древо Жизни и войти в город за воротами… «[1232]

Из этой схемы вещей в откровении св. Иоанна Богослова явствует, что план «Нового Иерусалима» включал число 12 и, что еще более важно, — святой город стоял на основании из 12 камней. По замечанию историков Ф. Баркера и Р. Хайда:

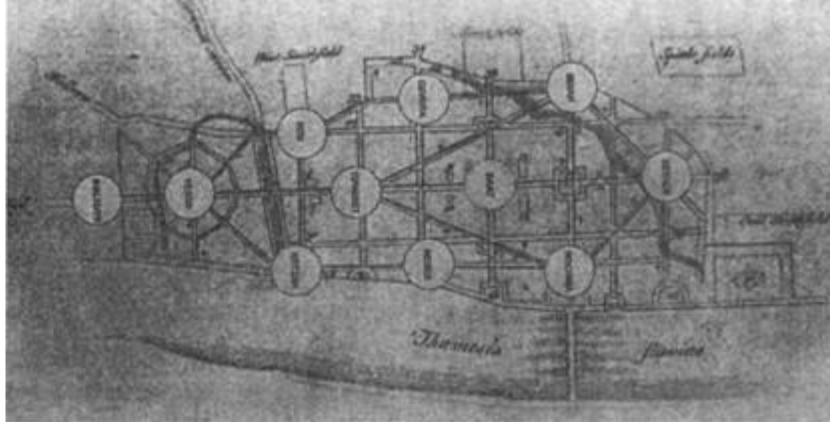
«Эвелин хотел заложить двенадцать*взаимосвязанных площадей… и прямую улицу с востока на запад, которая должна была протянуться на полмили от «ворот короля Карла» [в лондонской стене к югу от Олдгейта] до Темпла, где находилась площадь с восемью расходящимися от нее улицами, как на плане Кристофера Рена».*[1233]

Также интересно отметить, что при сравнении плана Эвелина с геометрией Древа Жизни можно видеть, что собор Св. Павла соответствует божественной эманации под названием Тифе — рет, что значит «красота». Астрологически эта сефира обозначает Солнце, центр вселенной, источник жизни и света. Аналогия очевидна: собор Св. Павла должен был стать духовным центром возрожденного города, поднимаясь из пепла, словно солнечный Феникс, и направить восстановленную династию Стюартов на истинный путь христианских реформ.

Большой восьмиугольной площади на плане Эвелина соответствует сефира под названием Йесод, что значит «основание». Могло ли это означать, что новый мировой порядок, которому предстояло возникнуть в «Новом Иерусалиме», имел в своей основе орден тамплиеров или, точнее, новый масонский орден, который возник из идеологии тамплиеров и которому монарх династии Стюартов обеспечил свою королевскую защиту?

План Лондона, предложенный Энслином 13 сентября 1666 года.

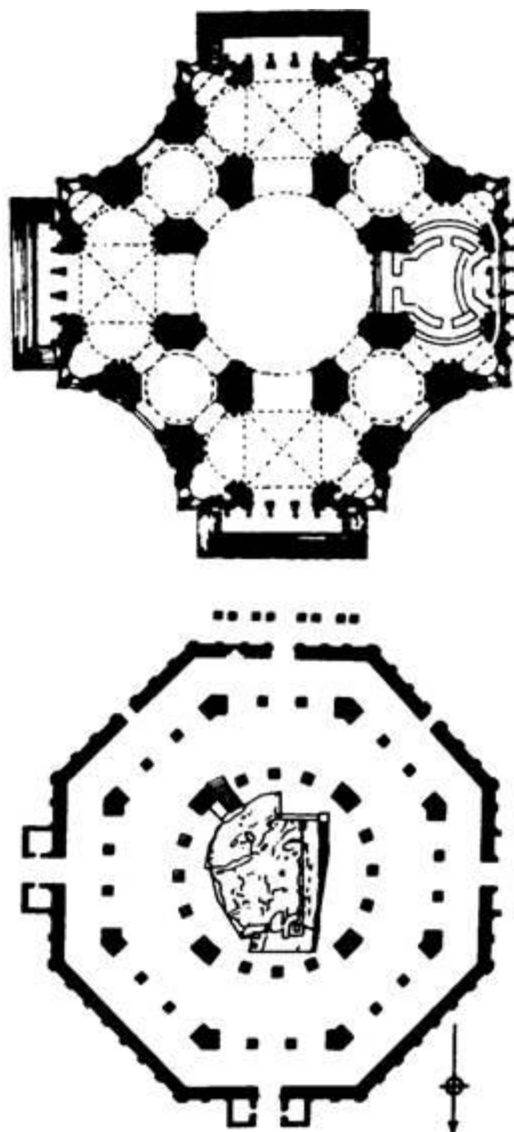
Каббалистическое Древо Жизни, наложенное на план Эвелина.

Другая любопытная особенность плана Эвелина заключается в том, что он передвинул Королевскую биржу от центра города (в то время как Рен сохранил ее на месте первоначального дома Томаса Гришема).[1234] Эвелин расположил ее ближе к реке, выше по течению от лондонского моста — скорее всего потому, что он хотел иметь в центре своего «Нового Иерусалима» другой, более важный символ, соответствовавший особой сефире на Древе Жизни. Этим символом был фонтан на месте рынка на Грейс-Черч-стрит, который мог символизировать так называемую скрытую сефиру, известную как Даат, которая эмалирует из фонтана знания и орошает все остальные.[1235]

Храм Соломона, скрытый в соборе Св. Павла?

Логика подсказывает, что помимо роли духовного центра и солнечного символа возрожденного Лондона собор Св. Павла также должен был символизировать Храм Соломона в Новом Иерусалиме. Впоследствии Кристофер Рен был назначен архитектором собора Св. Павла (1668) и главным королевским архитектором (1669). В этом качестве он руководил строительством собора, представленного Карлу II в 1671 году. Вот оценка Тиннисвуда:

«Здание было совершенно не похожим на что-либо ранее существовавшее в Британии. Круглый центральный зал диаметром более 120 футов имел четыре коротких придела равной длины, выступавших в северном, южном, западном и восточном направлениях. Стороны образованного восьмиугольника были вогнутыми, так что в плане собор напоминал греческий крест, и, разумеется, центральный зал был увенчан грандиозным куполом, возвышавшимся на кольце из восьми колонн».[1236]

План Рена для собора Св. Павла (вверху) по сравнению с планом Купола Скалы (внизу).

Действительно, восьмиугольный план Рена для собору Св. Павла был чем-то ранее невиданным в Британии… но не в других местах. Со всей очевидностью его видели те, кто посещал Святую землю, Иерусалим и рассматривал Купол Скалы, уде тамплиеры некогда устроили свою штаб-квартиру. Рассматриваемый в профиль собор Святого Павла действительно имеет странное сходство с Куполом Скалы: оба сооружения имеют восьмиугольную форму и круглую ротонду, или центральный зал; оба снабжены массивным куполом, поддерживаемым восемью колоннами; оба намеренно сориентированы по четырем сторонам света, и, наконец, но не в последнюю очередь, по плану обеих конструкций можно без труда воспроизвести крест тамплиеров.

В какую масонскую игру играл Кристофер Рен, составляя свои планы для Лондона и собора Св. Павла? И почему она включала символы древней ереси?

ГЛАВА 16

ОТ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА К «ОБЩЕСТВУ, ИМЕЮЩЕМУ СВОИ СЕКРЕТЫ»

В феврале 1685 года Карл И мирно скончался в Уайтхолле, но перед смертью он обратился в католичество, оставив англичан в некоторой растерянности. Поскольку у него не

осталось законных сыновей, фон перешел к его властному брату Якову, герцогу Йоркскому, ревностному католику.

В 1673 году Яков женился на Марии из Модены, тоже ярой католичке. Неудивительно, что сразу же после своей коронации он расставил католиков на важные посты в правительстве. Это пробудило опасения, что он собирается восстановить римский католицизм в качестве государственной религии даже среди его англиканских сторонников. Кризис наступил 22 февраля 1689 года, когда Яков II был вынужден отречься от престола в пользу Вильгельма Оранского и его жены Марии, которые были убежденными протестантами.

Это событие знаменовало конец правящей династии Стюартов, но не было концом для Якова II и якобитов (т. е. его католических сторонников). Как и Карл II до него, Яков отправился в ссылку и нашел убежище во Франции при дворе Людовика XIV. Он взял с собой всю свою семью и большую группу якобитов и поселился с ними во дворце Сен-Жермен в окрестностях Парижа. Именно там, согласно некоторым историкам масонства, появились первые официальные масонские ложи во Франции.

После смерти Якова II в 1701 году его тринадцатилетний сын, принц Яков Фрэнсис Эдуард, был немедленно признан Людовиком XIV в качестве Якова III, английского короля в изгнании. Однако в 1713 году Людовик заключил мир с Британией, и «старый претендент», как теперь называли Якова III, отбыл в Рим вместе со своей семьей и якобинским двором. В 1714 году умерла его сводная сестра королева Анна, не оставившая наследников, но закон, принятый английским парламентом, не позволял Якову вступить на престол из-за его католического вероисповедания, поэтому британская корона перешла к курфюрсту Ганноверскому, протестанту, который стал королем Георгом I.

Среди небольшой группы якобитов в Риме, составлявшей все более разобщенный двор династии Стюартов в изгнании, находился хорошо образованный шотландец по имени Эндрю Рэм — си, служивший преподавателем у детей «старого претендента». Рэмси, лучше известный франкмасонам как «кавалер Рэмси», вскоре сыграл ключевую роль в эволюции масонства.

Тем временем в Британии масонство наконец получило официальный статус после создания Гранд-ложи в Лондоне 24 июня 1717 года — в день Иоанна Крестителя, который стал праздничным днем и «Новым годом» для франкмасонов.[1237] В Евангелии от Матфея сам Иисус прославляет св. Иоанна следующими словами: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя».[1238]

Согласно христианской традиции, Иоанн Креститель, наделенный пророческим даром и подготовивший путь для Христа, затем отошел в сторону со словами: «Ему должно расти, а мне умаляться».[1239] В этом замечании содержится намек на солнечную символику, безусловно, понятный для франкмасонов, так как после 24 июня продолжительность дня действительно начинает уменьшаться после прохождения Солнца через точку летнего солнцестояния.

Праздник традиционно начинался в канун дня св. Иоанна, т. е. 23 июня, и некогда назывался «ночью костров» в отдельных районах Европы и Ирландии, но в юлианском календаре существует ошибка, связанная с продолжительностью истинного солнечного года, которая относится и к новому, более точному григорианскому календарю. В результате этой ошибки год за го дом день «23 июня по юлианскому календарю» отдалялся от точки летнего солнцестояния, так что в 1717 году он наступил лишь через 13 дней после фактического солнцестояния. В то время Британия и ее американские колонии еще не приняли новый григорианский календарь (который они считали порочным католическим новшеством). Официальный юлианский календарь, принятый в Британии, на 11 дней опережал новый григорианский календарь.

Поэтому канун дня Святого Иоанна (23 июня 1717 года по юлианскому календарю) соответствует 4 июля по григорианскому календарю. Давайте запомним это любопытное превращение, поскольку 4 июля является датой, которая вскоре приобрела огромное символическое значение в американских колониях и во Франции.[1240]

Ложа правящих классов

Образование Гранд-ложи 24 июня 1717 года произошло в результате объединения четырех старейших лож Лондона. Начиная с этой даты, франкмасонство больше не являлось тайным обществом, но действовало открыто и в такой манере, которая, несомненно, навлекла бы обвинение в ереси в прежние, менее просвещенные времена.

Энтони Сейер был назначен первым магистром (великим мастером) новой ложи.[1241] О Сейере нам известно очень мало. Он оставался на своем посту в течение лишь одного года; в 1718 году на смену ему пришел Джордж Пейн, а в 1719 году — прославленный Джон Теофил Десанжюли.[1242] Француз по рождению, Десанжюли был привезен в Англию младенцем его родителями-гугенотами, бежавшими из Ла-Рошели во время гонений на протестантов при Людовике XIV. Он стал блестящим ученым и изучил юриспруденцию в Оксфорде. В 1714 году Десанжюли был избран членом Королевского общества и впоследствии стал его куратором. Там он подружился с несколькими знаменитыми учеными, включая великого Исаака Ньютона. Именно Десанжюли привлек к масонству многих дворян, в том числе герцога Лоррейнского, будущего императора Священной Римской империи Франциска I, и принца Уэльского, сына Георга II, наставником которого он был.[1243] Во многом благодаря Десанжюли с 1721 года Гранд-ложу Англии всегда возглавлял член королевской семьи.[1244]

Наличие таких знатных и влиятельных покровителей, а также политика религиозной терпимости и свободомыслия (в парадоксальном сочетании со строгой клятвой соблюдать тайну) сделали франкмасонство чрезвычайно популярным среди аристократии и образованных представителей среднего класса. Повсюду в Европе стали возникать масонские ложи. Первая парижская ложа английского происхождения, носившая имя св. Фомы, была открыта в 1726 году Чарльзом Редклиффом, который принадлежал к старинному шотландскому роду, сохранившему верность Стюартам. По-видимому, сам Чарльз Редклифф был сыном незаконнорожденной дочери Карла II.[1245] В 1746 году Редклифф предпринял неблагоразумную попытку вернуться в Англию, где он был арестован как якобитский шпион и казнен.

Другим незаконнорожденным потомком Карла II, председательствовавшим во французской ложе La Loge d'Aubigny, был герцог Ричмондский, внук герцогини Портсмутской Луизы де Керуаль, фаворитки Карла II.[1246] Герцог Ричмондский также в течение некоторого времени занимал пост магистра лондонской ложи в 1724 году.

К якобитской общине в Париже того времени принадлежал герцог Уортон, который тоже успел побывать магистром Гранд — ложи в Лондоне в 1722 году. Уорюн, изгнанный из ложи в 1723 году после крупного скандала, бежал в Европу, где поселился в Париже и стал первым магистром французского франкмасонства в 1728 году.[1247] Примерно в то же время шотландец Рэмси, который тоже находился в Париже, начал проповедовать радикальные идеи о развитии масонства во Франции и других странах.

Кавалер Рэмси

Знаменитый «Шотландский Обряд» франкмасонства возник во Франции в 1725 году, через восемь лет после образования объединенной Гранд-ложи в Англии в 1717 году. Известный историк масонства Джаспер Ридли пишет по этому поводу:

«В XVIII веке в разных частях света появились другие масонские обряды, наиболее важным из которых был так называемый «Шотландский Обряд». На самом деле он никогда не существовал в Шотландии, но возник во Франции и был назван Rite Ecossais*(Шотландский Обряд), поскольку его основателем считался шотландец Эндрю Рэмси».*[1248]

Другие исследователи придерживаются более широких взглядов на эту историю. Действительно, Эндрю Майкл Рэмси, лучше известный как «кавалер Рэмси», или «шевалье Рэмси», действительно был причастен к формированию того, что во всем мире стало известно под названием «Шотландского Обряда». Но многое указывает на то, что обряд был сплавом более ранних идей, циркулировавших в старинных ложах самой Шотландии, а Рэмси просто синтезировал эти идеи и привез их во Францию.[1249]

Эндрю Майкл Рэмси родился в 1686 году в Аире, городке, расположенном примерно в 40 милях к юго-западу от Глазго в Шотландии, неподалеку от Келвиннинга, «традиционной колыбели шотландского франкмасонства».[1250] Хотя Рэмси был сыном простого булочника, ему удалось стать просвещенным и даже утонченным человеком. Завершив образование в Эдинбургском университете, он впоследствии получил степень по юриспруденции в Оксфорде. После офицерской службы вместе с герцогом Мальборо во Фландрии в 1706 году Рэмси решил остаться в Голландии. Там он познакомился с французом Пьером Пуаре, учеником мадам Гайон, поддерживавшей тесные связи с великим французским ученым и писателем Франсуа де Салиньяком де Ла Моттом Фенелоном, епископом Камбрским. Имя Фенелона было знаменито во всей Европе, особенно из-за Aventures de Telemaque, очень популярной книги того времени, в которой он представил французский двор как аллегорию идеаль ного утопического государства в историческом контексте Древнего Египта и Финикии.[1251]

В течение долгого времени Фенелон имел превосходные связи при французском дворе, где он был наставником внука Людовика XIV, герцога Бургундского. Фенелон написал Aventures de Telemaque во время своей придворной службы — очевидно, для просвещения юного принца, который, как он надеялся, однажды станет королем Франции и воплотит в действительности модель идеального государства и справедливого правительства, образцом для которой послужил золотой век Древнего мира.[1252] Но из-за связи с мадам Гайон, которая интересовалась мистическими предметами и имела репутацию ясновидящей, Фенелон в конце концов утратил доверие Людовика XIV и в 1709 году был сослан в свой епископат в Камбре.

Судя по всему, Рэмси выступал в роли секретаря мадам Гайон, что может объяснить, почему в 1710 году он неожиданно принял приглашение Фенелона посетить его в Камбре.[1253] Там Рэмси и Фенелон завязали тесную дружбу, продолжавшуюся до смерти Фенелона в 1715 году. Рэмси до такой степени находился под его влиянием, что обратился в католичество по его просьбе.

В 1716 году Рэмси поселился в Париже, где вращался в высших аристократических кругах и стал наставником молодого герцога Шато-Тьерри. В то же время Рэмси подружился с могущественным Филиппом Орлеанским, двоюродным братом Людовика XIV и регентом Франции. Последний был главой ордена Св. Лазаря, старинного ордена крестоносцев, родственного тамплиерам и основанного в Иерусалиме в XII веке.

Мы знаем, что Рэмси был посвящен в масоны герцогом Ричмондом в Хорнской ложе в Вестминстере во время своего визита в Лондон в 1730 году.[1254] По возвращении в Париж Рэмси примкнул к масонской ложе Св. Фомы под управлением Чарльза Редклиффа и вскоре

был назначен оратором французской Гранд-ложи. В этом качестве он подготовил знаменательную речь, отголоски которой разошлись по всему миру в последующее десятилетие.

История одной речи

Легенда гласит, что Рэмси произнес свою речь 21 марта 1737 года, в день весеннего равноденствия. Возможно, для этой даты были свои причины, как мы убедимся впоследствии. Однако многое указывает на то, что Рэмси вообще не выступал с речью; он распечатал ее и направил членам ложи. В 1740 году она была опубликована в Париже, где разошлась большим тиражом.[1255]

То обстоятельство, что Рэмси был членом Королевского общества и франкмасоном, помогает поместить его речь в правильный контекст, так как в этом замечательном документе отчетливо звучат «республиканские» нотки и выражаются идеалы всемирного единства, основанного на новом мировом порядке. Особенно примечательно, что речь стала широко известна в 1740 году — за 36 лет до начала американской Войны за независимость в 1776 году и за 49 лет до начала французской революции 1789 года. Мы полагаем, что, несмотря на тщательно подобранные слова, содержание речи могло обеспокоить французскую монархию и роялистов в целом:

«Мир есть не что иное, как огромная республика, в которой каждый народ является семьей, а каждый человек — ее чадом. Наше общество [т. е. франкмасонство] с самого начала было основано для возрождения и распространения этой основополагающей идеи, свойственной природе человека. Мы хотим воссоединить всех просвещенных людей доброй воли не только любовью к изящным искусствам, но в гораздо большей мере великими принципами добродетели, науки и религии, где интересы Братства [масонского] станут интересами всего человечества и все народы смогут почерпнуть для себя полезные знания… Наши предки Крестоносцы, собравшиеся со всех стран христианского мира в Святой земле, тоже желали воссоединить людей и создать одно Братство из представителей всех народов».[1256]

Последнее предложение представляет новый и интересный взгляд на Крестовые походы или, скорее, на тех крестоносцев, которые, как сказано в тексте, «желали воссоединить в едином братстве людей всех народов». Поскольку можно с уверенностью утверждать, что размышления о братстве народов не стоя ли на повестке дня у подавляющего большинства крестоносцев, которые в лучшем случае считали своей задачей завоевать Святую землю для христианства и увезти с собой как можно больше добычи, уместно спросить, о каких крестоносцах говорит Рэмси.

Существует лишь одна группа, которая теоретически могла вдохновляться подобными идеями. Это тамплиеры, которых франкмасоны часто называли своими «предками». То, что Рэмси действительно имел в виду тамплиеров (хотя не хотел упоминать их название), явствует из нескольких дальнейших намеков:

«Поскольку грустная, необузданная и мизантропическая Философия отвращает добродетельных людей, наши предки Крестоносцы пожелали сделать ее более привлекательной с помощью невинных удовольствий, приятной музыки, чистой радости и умеренного веселья. Наши празднества не то, что воображают невежды и низменные профаны. Все пороки души и сердца здесь находятся под запретом; никакие вольности, дебоширства и недоброжелательность не допускаются».

Всей Европе было хорошо известно, что орден тамплиеров был распущен папским декретом по обвинению во всевозможных пороках, ереси и дебоширстве. Здесь Рэмси явно защищает тамплиеров и их предполагаемых «наследников» франкмасонов от подобных обвинений и утверждает, что то, что казалось «низменным профанам» ересью и дебоширством, в действительности было не более чем проявлением невинных удовольствий и умеренного веселья.

Рэмси также сообщает, что орден некогда находился под особой королевской защитой в Англии:

«После несчастных неудач Крестовых походов, истребления христианских армий и торжества Бендокдара, султана египетского, в конце Восьмого и последнего крестового похода великий принц Эдуард, сын Генриха III, короля Англии, увидев, что его братья более не могут найти убежища в Святой земле, откуда отступало христианское воинство, привел их обратно и основал колонию в Англии. Этот принц был наделен всеми героическими качествами и любил изящные искусства; он объявил себя защитником нашего Ордена и дал ему новые привилегии, а потом члены Братства взяли название свободных каменщиков*по образцу своих предков».*

«Великий принц Эдуард, сын Генриха III», описанный Рэмси как «защитник нашего Ордена», был знаменитым Эдуардом I, которого прозвали Длинноногим за необычно высокий рост. Эдуард I, ставший королем Англии в 1274 году, больше всего известен завоевательной войной против шотландцев сначала под командованием Уильяма Уоллеса, а потом Роберта Брюса. Последнего давно подозревали в покровительстве тамплиерам, после того как начались гонения на них, но Рэмси явно подозревает, что Эдуард тоже был их покровителем. Вероятно, дела обстояли таким образом до его смерти 7 июля 1307 года, за три месяца до начала массовых арестов тамплиеров во Франции, которые, как помнят читатели, произошли 13 октября 1307 года.

Эдуард II, сын Эдуарда I, продолжал благосклонно относиться к тамплиерам, несмотря на возрастающее давление со стороны папы и французского короля Филиппа IV. По-видимому, даже в 1312 году, когда Филипп убедил папу издать печально известную буллу vox clamantis, официально распускавшую орден тамплиеров, Эдуард II не вполне подчинился этому требованию. Он произвел несколько показательных арестов, но позволил большинству рыцарей вступить в состав других рыцарских орденов, таких, как орден госпитальеров.

Историк масонства Александр Пятигорский, который провел специальные исследования речи «кавалера Рэмси», отмечает, что «в ней содержится довольно много противоречивых утверждений:

«Сначала он возводит происхождение масонских ритуалов «ко времени Крестовых походов» и связывает их с тамплиерами и эзотерическими традициями других средневековых христианских орденов. Во-вторых, утверждается, что после гонений на тамплиеров в начале XIV века и упадка других орденов их эзотерические традиции сохранились в некоторых масонских ложах Шотландии».[1257]

Интересно, что в своей речи Рэмси также утверждает, что «знаменитые празднества Цереры Элевсинской, Исиды Египетской, Минервы Афинской, Урании Финикийской и Дианы Скифской были связаны с нашими [т. е. с обрядами и празднествами франкмасонства]». Затем он признает, что некоторые масоны считают, что братство имеет очень древнюю историю, и приписывают «создание нашей организации Соломону, Моисею, Аврааму, Ною, Еноху, построившему первый град, или даже Адаму».

Но, не претендуя на опровержение этих утверждений, Рэмси переходит к «менее древним вопросам»:

«Вот часть того, что я собрал в анналах Великобритании, в актах парламента, где часто говорится о наших привилегиях, и в живой традиции английского народа, который был центром нашего Общества [франкмасонства] с XI века.

Во времена Крестовых походов в Палестину многие принцы, лорды и граждане вступили в союз друг с другом для восстановления христианского Храма в Святой земле… Наш Орден… следует считать орденом, основанным в глубокой древности и возрожденным в Святой земле нашими предками для того, чтобы восстановить знания о самых высоких истинах…

После окончания Крестовых походов короли, принцы и лорды вернулись из Палестины в свои страны, где основали различные Ложи. В то время много Лож уже существовало в Германии, Италии, Испании, Франции, а с тех пор и в Шотландии из-за тесного союза между французами и шотландцами. Яков Стюарт был великим мастером [магистром] Ложи, основанной в Килвиннинге на западе Шотландии… Этот лорд принял в свою Ложу графа Глостерского и графа Ольстерского; один происходил из Англии, а другой из Ирландии.

Постепенно наши Ложи пришли в упадок во многих местах, поэтому из многих историков лишь живущие в Великобритании говорят о нашем Ордене. Тем не менее он сохранился среди тех шотландцев [шотландской стражи], которым короли Франции в течение многих столетий доверяли охрану своих царственных особ».

Независимо от побуждений Рэмси и противоречивых мнений о подлинности этой речи, большинство масонов согласны с тем, что вскоре после ее публикации начали появляться так называемые «дополнительные», или «высшие», степени франкмасонства. Возможно, Рэмси не принимал личное участие в формулировках этих степеней, но едва ли можно сомневаться в том, что его идеи о прошлом и будущем франкмасонства сыграли важную роль в этих формулировках. Степени членства имеют важное значение и в современном масонстве. Они символизируют ряд целей, к которым стремится большинство масонов и которые могут быть достигнуты кандидатами, переходящими на более высокий уровень посвящения. Прежде чем вернуться к истории масонства вплоть до французской революции, будет полезно совершить краткий обзор этой темы.

Обзор высших степеней (1): расколы

В 1717 году, когда была основана Гранд-ложа Англии, не все франкмасоны захотели признать ее как центральный орган масонства.

В Британии существовала мощная оппозиционная фракция, считавшая себя «истинным хранилищем знаний» старинного франкмасонства. Те, кто входил в эту фракцию, называли себя «древними» и наградили членов Гранд-ложи Англии презрительной кличкой «модернисты». Почти через полвека вражды между «древними» и «модернистами» обе фракции наконец «объединились» под знаменем объединенной Гранд-ложи Англии — некой масонской разновидности Соединенных Штатов в миниатюре. В 1813 году была подписана 21 статья устава нового союза. Самая важная из них гласила:

«Чистое старинное масонство состоит из трех Степеней и не более — т. е. подмастерьев, братьев и мастеров, включая верховный орден Священной Королевской Арки, но эта статья не препятствует любой ложе проводить собрания в любой из Степеней рыцарских орденов согласно уставам вышеупомянутых орденов».[1258]

Как мы увидим впоследствии, на практике это означает, что «высшие», или «дополнительные», степени доступны для масонов, состоящих в английских ложах,

исключительно через верховный орден Священной Королевской Арки. Однако в мире существуют другие масонские ордена, где также имеются «высшие», или «дополнительные», степени. Двумя такими орденами, особенно популярными в США, являются так называемый Йоркский Обряд и Древний и Принятый Шотландский Обряд, которые происходят от Шотландского Обряда, учрежденного Эндрю Рэмси. В Йоркском Обряде существует три дополнительных степени, а именно степень каменщика королевской арки, степень королевского мастера и степень рыцаря Храма. В Древнем и Принятом Шотландском Обряде, самом крупном и наиболее значительном в современном масонстве, существует тридцать три степени.

Важным фактором, который внес вклад в формирование и быстрое распространение масонских лож, было желание части франкмасонов не находиться под юрисдикцией объединенной Гранд-ложи Англии, особенно если они проживали в странах, находившихся в конфликте с Британией. Поскольку Франция оставалась традиционным противником Британии до середины XIX века, французские франкмасоны стремились к созданию отдельного управляющего органа. Вместе с тем они поддерживали тесную связь с франкмасонами в американских колониях Британии, особенно в период американской революции.

Именно поэтому мы видим, что многие из «высших степеней рыцарских орденов» до сих пор пользуются активной поддержкой в США. Более того, даже самое поверхностное исследование Шотландского Обряда и Йоркского Обряда оставляет мало сомнений в том, что они тесно связаны с тамплиерской символикой.

В Йоркском Обряде, который некоторые американские масоны называют Американским Обрядом, открыто демонстрируется тамплиерская символика, иконография и регалии. Как упоминалось выше, третья «дополнительная» степень Йоркского ритуала называется «Рыцарь Храма».

Что касается лож Шотландского Обряда, влияние тамплиеров явственно ощущается в названиях различных степеней, таких, как «Рыцарь Востока», «Рыцарь Иерусалима», «Рыцарь Розы и Креста», «Рыцарь-командор Храма», «Рыцарь Кадоша» и т. д. В США ложа Шотландского Обряда также выступает в роли спонсора очень популярного псевдомасонского братства для молодых людей, обычно сыновей франкмасонов, называемого «Международным орденом де Моле» в честь Жака де Моле, последнего из настоящих гроссмейстеров ордена тамплиеров.[1259]

Обзор высших степеней (2): Священная Королевская Арка

Регулярное франкмасонство — т. е. та ветвь масонства, которая находится под управлением объединенных Гранд-лож и их многочисленных филиалов по всему миру, — имеет три уровня посвящения для неофитов. Их часто называют «символическими», или «голубыми», степенями, и они называются соответственно «подмастерье», «брат-ремесленник» и «мастер-каменщик».

Большинство неофитов завершают свое масонское образование, когда получают степень мастера-каменщика, однако есть некоторые, кто хочет продолжить процесс инициации и перейти к так называемым «дополнительным», или «высшим», степеням. Эти степени можно рассматривать как производные от «ремесленного масонства», и они доступны только для обладателей степени мастера-каменщика. В Британии единственной дополнительной степенью, установленной объединенной Гранд-ложей, является так называемая Королевская Арка. Вот строки из устава, которые относятся к ее определению:

«Франкмасонство разделяется на две части, называемые Ремеслом и Королевской Аркой. Для масонов, желающих изучить искусство более глубоко, существует множество других церемоний, которые по историческим причинам не проводятся объединенной Гранд-ложей Англии. Все английские франкмасоны проходят через три Ремесленные (или основные) церемонии, если не покидают ряды братства на самом раннем этапе. Эти церемонии (или степени, как мы их называем) связаны с отношениями между людьми, с их равенством и зависимостью друг от друга, с важностью просвещения, вознаграждением за труды, верностью обещаниям, размышлениями о неизбежной смерти и долгом перед другими людьми. Четвертая церемония — Королевская Арка — связана с зависимостью человека от Бога».

Штаб-квартира объединенной Гранд-ложи Англии находится в Лондоне. Это огромное сооружение в неоклассическом стиле расположено на перекрестке Грейт Куин-стрит и Друрилейн. Но здесь проводится лишь небольшая часть церемоний посвящения. Большинство церемоний, связанных с посвящением первых трех степеней, происходит в 8000 масонских «ложах», или «храмах», по всей стране.

Любой мастер-масон (т. е. масон третьей степени) может продолжить свою масонскую карьеру через посвящение в «дополнительные», или «высшие», степени. В объединенной Гранд — ложе эти степени находятся под юрисдикцией верховного иерусалимского капитула Священной Королевской Арки, учрежденного в 1766 году. Посвящение в высшие степени Королевской Арки происходит не в самих ложах, а в их филиалах, или капитулах. Только в Британии существует около 3000 капитулов, в которых, по разным оценкам, состоит до 150 000 членов.

Обзор высших степеней (3): Воины-каменщики Зоровавеля

В регулярном, или «ремесленном», франкмасонстве темы ритуалов сосредоточены вокруг псевдобиблейских событий, связанных с сооружением Храма Соломона. К примеру, посвящение в степень мастера-каменщика связано со смертью и вознесением некоего Хирама Абифа, псевдобиблейского персонажа, прототипом которого, возможно, послужил легендарный финикийский архитектор Хирам из Тира, якобы построивший Храм Соломона около 950 года до н. э.[1260] Апофеоз этого ритуала происходит, когда мастер-каменщик «возносится» из состояния символической смерти, имитирующего смерть и «вознесение» Хирама Абифа, который сам был жестоко убит троими «братьями» за то, что отказался поделиться с ними «секретным словом» мастера-каменщика. Смысл ритуала предположительно заключается в том, что мастер-каменщик предпочитает умереть, вместо того чтобы нарушить свою масонскую клятву. Это акт высшей преданности, за которую он получает награду в виде «вознесения», возрождаясь как новый Мастер.

Однако в ритуалах Священной Королевской Арки так называемая тема Хирама рассматривается в другом аспекте, связан ном с реконструкцией Храма Соломона, произведенной Зоровавелем и его последователями. В Библии Зоровавель был лидером евреев, отправившихся в Вавилонскую ссылку, который выторговал им свободу от угнетателей и героически привел их обратно в Палестину. Зоровавель стал наместником Иерусалима и распорядился о восстановлении храма, разрушенного вавилонянами. Интересно отметить мнение некоторых историков о том, что одержимость тамплиеров Храмом Соломона в мистическом смысле могла быть сосредоточена на его восстановлении, а не на постройке:

«Тамплиеры считали себяВоинами-Каменщиками Зоровавеля, который убедил царя Дария разрешить ему восстановить Храм Соломона в Иерусалиме. От гностиков и св. Иоанна они унаследовали веру в то, что храм является мистическим цен гром мира, поэтому они втайне противостояли власти и авторитету папы и европейских королей. Черно-белые символы их ордена… свидетельствовали об их гностической манихейской вере в постоянную борьбу мира дьявола против Божьего Разума. Они завещали масонам черно-белые ромбы и витые шнуры своих лож».[1261]

Мы не собираемся обсуждать вопрос о предполагаемой дуалистической или даже «манихейской» символике тамплиеров (примеры такой символики многочисленны и включают их клетчатый боевой флаг под названием Beauseanf). Нас больше интересует намек на преемственность интересов и ритуалов, объединяющих франкмасонов, которые до сих пор являются мировой силой, с которой следует считаться, с тамплиерами, якобы прекратившими свое существование семьсот лет назад.

Вернемся к масонскому ритуалу Королевской Арки. Обычно в нем принимают участие три главных «актера», играющих роли Зоровавеля и двух его доверенных лиц — Иосии и Аггея. Эти протагонисты воссоздают расчистку места, где некогда стоял Храм Соломона, и при этом обнаруживают золотую пластину, на которой написаны «священные и таинственные» имена Бога. Одно из них оказалось хорошо известным именем Иеговы, или Яхве (от согласных YHVH, приведенных в оригинальном тексте Ветхого Завета), а другое, более загадочное имя — Завулон.[1262]

Имя Яхве разделено на три слога (Jah-h-veh) и написано внутри маленького круга. То же самое с именем Завулона (Jah-bul-on), но на этот раз его имя написано на углах треугольника, начерченного внутри круга.

Сочетание этих пифагорейских символов образует алхимическое устройство, которое использовалось для демонстрации так называемой «мистической связи» — круга, квадрата и треугольника. Автор и исследователь Мартин Шорт упоминает о «тайной лекции», которая иногда произносится в ритуалах Священной Королевской Арки. Вот фрагмент этой лекции:

«В древние времена имена Бога и символы божественности всегда заключались в треугольные формы… Во времена Пифагора треугольник считался самой священной эмблемой… Египтяне называли его «священным числом» и ценили так высоко, что для них он был культовым объектом. Они дали ему священное имя Бога… Эта священная дельта*обычно заключается в квадрат и круг… На треугольнике написано то священное и таинственное имя, которое ты только что поклялся никогда не произносить».*[1263]

Обзор высших степеней (4): много шума вокруг Завулона

В традиционном франкмасонстве для описания Бога используют такие эпитеты, как «Великий Архитектор Вселенной», «Великий Геометр» или «Высшее Существо», но адепты Королевской Арки сочли необходимым дать Богу такое имя, как Завулон. Нам неизвестно, как долго использовалось это имя, прежде чем оно привлекло к себе враждебное внимание в начале 1980-х годов. В 1985 году англиканская и методистская церкви обратились к франкмасонству с призывом убрать его из ритуалов Королевской Арки на том основании, что оно якобы имеет языческое происхождение.[1264] Многие антимасонски настроенные представители религиозных учреждений были убеждены, что за именем Завулон скрываются

три древних божества, а именно еврейский Иегова, финикийский Ваал и божество — покровитель древнего египетского города Он (Апи или Гелиополь, пресловутый «Город Солнца»).[1265]

Клирики утверждали, что такой вид языческого синкретизма является «неприемлем/лм для христианства» и что Завулон, кем он ни был, «должен исчезнуть». В ответ франкмасоны заявили, что Завулон является не именем, а «описанием Бога». Однако это не убедило клириков, развернувших широкую кампанию по этому вопросу в средствах массовой информации, что привело к большому беспокойству в масонских кругах, привыкших к секретности. В июле 1989 года объединенная Гранд-ложа уступила давлению и объявила, что в дальнейшем вместо имени Завулон будет принято имя Яхве, которое обычно считается приемлемым для христиан. Заверения подействовали, и телевидение утратило интерес к этой истории.

Не многих клириков убедила такая быстрая уступка. В конце концов, имя Яхве ассоциировалось с первым слогом имени Завулон, и некоторые подозревали, что на самом деле это похоже на замену полного имени уменьшительным — например «Кэт» для «Кэтрин».

Но, как известно, дыма без огня не бывает. Есть ли зерно истины в рассуждениях о масонском «язычестве»?

Обзор высших степеней (5): Древний Египет и геометрия

На акварельной иллюстрации художника Р. Ф. Ширера 1901 года изображен первоначальный интерьер шотландской Гранд-ложи Королевской Арки, спроектированный архитектором Питером Хендерсоном и расположенный в Эдинбурге по адресу Куин — стрит, 78. Нет никаких сомнений, что эта ложа была сделана по образцу древнеегипетского храма эпохи фараонов.[1266] При внимательном изучении изображений на стенах можно видеть сцены, взятые из Египетской Книги Мертвых, и изображения бога Осириса, восседающего на небесном троне, словно некий монарх эпохи Соломона. Существует также очень похожий масонский псевдоегипетский храм в Филадельфии (США), на полу которого можно видеть изображение крылатого урея, или солнечного змея, священного символа Древнего Египта. Многие другие ложи Королевской Арки по всему миру полностью или частично имитируют египетские храмы.[1267] Ложа в Дублине, по словам Мартина Шорта, может похвастаться двумя сфинксами и другими скульптурами, «копирующими древнеегипетский стиль». Шорт также привлекает внимание к современному храму Священной Королевской Арки в Питершеме (Новый Южный Уэльс), где есть египетская комната с фресками, на которых изображены сцены из Египетской Книги Мертвых с участием Осириса.[1268]

Коллега Мартина Шорта, известный автор антимасонского толка Стивен Найт, одним из первых еще в 1981 году поднял вопрос о масонском имени «Завулон». Как и клирики после него, он утверждал, что это имя является аллегорией языческих божеств, включая египетского бога Осириса, «повелителя Она».[1269] В 1987 году Мартин Шорт поддержал его точку зрения, высказав предположение, что слог «он» в имени Завулон обозначает древнеегипетский священный город Он, т. е. Гелиополь, где некогда стоял огромный Солнечный храм Амона-Ра, прародителя Осириса. Согласно Мартину Шорту:

«Если имя «Завулон» что-то означает, то оно означает «Бог — повелитель Она». Является ли это божество солнечным богом Ра или повелителем мертвых Осирисом, зависит от ваших предпочтений в религии Древнего Египта».[1270]

Разумеется, современные франкмасоны энергично отрицают это и говорят, что древние образы и божества в масонских ритуалах используются лишь в символическом смысле, для того чтобы подчеркнуть или представить идеи, которые вполне согласуются с христианством.

В масонской иконографии треугольник Пифагора часто изображается вместе с такими масонскими символами, как кирпич каменщика, резец и жезл. Псевдобиблейский контекст, в котором разворачиваются ритуалы лож Королевской Арки, происходит от так называемых «Старых хартий», уже описанных в главе 14. Читатель помнит, что они представляют собой собрание средневековых манускриптов, повествующих о древних истоках франкмасонства. В одном из таких манускриптов, датируемых XVI веком, есть описание так называемых семи искусств и наук; там же содержится утверждение: «Все науки в мире основаны на геометрии».

Во всем спектре масонских сочинений геометрии до сих пор отводится почетное место наряду с ее древними «отцами», такими, как Евклид и, конечно, Пифагор. Знаменитая теорема Пифагора фигурирует во многих масонских иллюстрациях, и ее даже можно видеть на фронтисписе масонской Конституции 1723 года. По той же логике «Высшее Существо» масонов часто называют «Великим Геометром».

Связь Пифагора и Евклида с Древним Египтом была хорошо известна историкам XVII и XIX веков, читавшим античных авторов. Многие хронисты античной эпохи, такие, как Цицерон, Диоген и Сократ, Порфирий, Валерий, Страбон, Юстиниан и Климент Александрийский, повествуют о том, что Пифагор долгое время пробыл в Египте, а Ямвлих даже утверждает, что Пифагор прожил там 22 года. Все они сходятся в том, что в Египте Пифагор учился геометрии у древних мудрецов Гелиополя. Греческий хронист Исократ даже утверждает, что Пифагор стал учеником жрецов из Гелиополя, а историк Плутарх считает, что Пифагор был посвящен в таинства египетским жрецом Энуфисом из Гелиополя.[1271] Эта почти мистическая связь между Пифагором и Древним Египтом привлекала внимание ученых эпохи Возрождения и эпохи Просвещения и привела многих из них к убеждению, что значительная часть «тайных знаний» древних египтян, каким-то образом зашифрованная в пифагоровской геометрии, проникла в традицию западной науки.

В «Старинных хартиях» есть упоминание о загадочном патриархе по имени Иавал, «наследнике Ламеха»,[1272] который известен как основатель геометрии.[1273] Как помнят читатели из главы 13, знания из области геометрии и других допотопных наук якобы были записаны на двух каменных столпах, воздвигнутых обитателями древнего мира для сохранения мудрости после Всемирного Потопа.[1274]

В «Старинных хартиях» говорится о том, что после Потопа Гермес обнаружил эти две колонны и стал учить людей наукам. Далее мы узнаем, что тексты с записью этих «наук» впоследствии были вывезены из Египта Моисеем во время Исхода и что таким образом «достойное ремесло каменщиков утвердилось в стране Иерусалимской».[1275] Интересно отметить, что две каменные колонны с древними знаниями не отождествлялись с колоннами из Храма Соломона (Иоаким и Воаз), но имели гораздо более древнее происхождение и были связаны с Гермесом Трисмегистом. Отсюда следует разумный вывод, что эти колонны были обелисками из большого солнечного храма в Гелиополе, где все великие мудрецы древности познавали «семь искусств и наук». Нам известно, что в Библии Геолиополь называется Он. Итак, если патриарх Иавал из «Старых хартий» был основателем геометрии, то вполне возможно, что слово «Завулон» является шифром, обозначающим священную геометрию или священную «науку» Она, т. е. Гелиополя.

От Гранд-ложи к ложе Великого Востока

Обсудив тему высших степеней и эзотерических рассуждений, неизбежно вытекающих из нее, давайте вернемся к истории франкмасонства во Франции до французской революции.

Большинство историков считает, что франкмасонство укоренилось во Франции после появления шотландских лож, которые, как нам известно, были основаны в XVII веке ссыльными якобитами задолго до основания объединенной Гранд-ложи в Лондоне в 1717 году.[1276] Этот «якобитский» тип франкмасонства на континенте встретил жесткое сопротивление со стороны масонских лож, впоследствии основанных во Франции под юрисдикцией английской Гранд-ложи, однако в 1738 году генеральная ассамблея всех лож — как «якобитских», так и «англий ских» — проголосовала за то, чтобы могущественный герцог Антенский, кузен короля Людовика XV, был избран великим мастером (магистром) всех французских масонов.[1277]

После его смерти в 1703 году французские масоны избрали новым магистром другого принца королевской крови — Людовика де Бурбона-Конде, графа Клермонтского. Помимо всего прочего, граф Клермонтский был также генерал-лейтенантом королевской армии, настоятелем аббатства Сен-Жермен-де-Пре в Париже и видным членом Французской академии.[1278] Более того, он был сыном герцога Бурбонского и мадемуазель де Нант, которая в свою очередь была дочерью Людовика XIV и его фаворитки, влиятельной мадам де Монтеспан. Но среди французских масонов можно найти еще более влиятельных особ царской крови. Двадцать четвертого июня 1772 года, примерно через год после кончины графа Клермона, французская Гранд-ложа избрала своим новым великим магистром герцога Шартрского, будущего герцога Орлеанского, старшего кузена короля Людовика XVI. При его избрании название Гранд-ложи было изменено, и она стала французской ложей Великого Востока.[1279] Французское масонство в этот период приобрело большую популярность не только среди аристократии, но и среди представителей среднего класса: военных, академиков, ученых людей, священнослужителей и буржуазии в целом.

В годы становления ложи Великого Востока во Франции стало распространяться другое масонское влияние, носившее явные признаки египетской и герметической традиции, представленной Джордано Бруно и Томмазо Кампанеллой более ста лет назад.

Калиостро и «египетское» франкмасонство

В конце 1770-х годов из Италии, подобно возрожденному Джордано Бруно или Кампанелле, появился другой реформатор герметического толка. Он оказался упорным и решительным чело веком и самым необычным образом стал одним из политических катализаторов, приведших к французской революции.

Джузеппе Бальзамо, более известный как граф Калиостро, родился в итальянском городе Палермо в 1743 году.[1280] Нам почти ничего не известно о Калиостро до 1760-х годов, когда он появился в Риме и стал работать реставратором и копировщиком старых картин. Там он женился на ослепительно красивой девушке Лоренце Фелициани, дочери состоятельного римского медника, и приобрел некоторые познания в области алхимии и медицины. Со временем Калиостро приобрел собственную репутацию целителя, алхимика и очень щедрого филантропа.

В 1776 году, когда началась американская революция, Калиостро со своей прекрасной Лоренцей находился в Англии, приплыв туда через Мальту и Испанию. Они поселились на Уайт-комб-стрит, и Калиостро сразу же стал заводить знакомства в масонских кругах Лондона. Это не составляло для него труда, поскольку он имел при себе впечатляющие рекомендательные письма от мальтийского рыцаря Луиджи Аквино, который был братом принца Франческо Аквино и магистром франкмасонов в Неаполе.[1281]

Через год Калиостро получил степень мастера-каменщика в ложе Королевской Таверны, расположенной в лондонском районе Сохо.[1282] Харизматичный и красноречивый человек, особый блеск которому придавало присутствие красавицы Лоренцы, постоянно находившейся рядом с ним, Калиостро заслужил огромную славу мага и целителя. Он произвел глубокое впечатление на своих английских друзей, правильно угадав выигрышные номера национальной лотереи. Естественно, этот талант вызвал большой переполох, потому что все старались купить у него выигрышные номера. Требования были столь настойчивыми, что супругам Калиостро пришлось закрыть свой дом для всех посетителей, за исключением немногих избранных.[1283]

Злосчастный инцидент, связанный с дорогим алмазным ожерельем, навязанным Лоренце в обмен на лотерейные номера, навлек на Калиостро обвинение в присвоении чужого имущества со стороны лондонских властей.[1284] После унизительного судебного процесса, продолжавшегося несколько месяцев, супруги Калиостро покинули Англию в конце декабря 1777 года в надежде устроить лучшую жизнь на континенте. Сначала они отправились в Баварию, где останавливались в гостиницах, рекомендованных масонами, и были хорошо приняты дворянами Лейпцига. Там Калиостро якобы познакомился с французским герметистом и алхимиком Антуаном-Жозефом Пернети.[1285]

Пернети был бенедиктинским монахом из аббатства Сен-Жермен-де-Пре в Париже. Он приобрел некоторую известность в 1766 году, когда основал масонский обряд под названием «герметический ритуал совершенства» для так называемых «авиньонских иллюминатов», эзотерической масонской секты.[1286] Подвергнувшись гонениям со стороны иезуитов, Пернети был вынужден бежать из Авиньона и провел несколько лет в Берлине под защитой короля Фридриха II. Последний благосклонно относился к масонским орденам и сам был посвящен в масоны в 1738 году. Фридрих II назначил Пернети куратором Берлинской библиотеки и сделал его членом Прусской академии наук и искусств.[1287]

В Берлине Пернети занимался «египетской» астральной и талисманной магией. Он часто проводил выступления перед немецкими аристократами, для которых якобы вызывал силу ангелов и духов.[1288] Во время этих сеансов Пернети обращался к слушателям со словами, напоминающими о магах эпохи Возрождения: «Наука, в которую я собираюсь вас посвятить, является первой и древнейшей из наук, она исходит от природы или, вернее, является самой природой, усовершенствованной мастерством, основанным на опыте».[1289]

Калиостро попадает во Францию через Германию и Россию

В 1770-х годах Германия изобиловала экзотическими тайными обществами и масонскими орденами. Один из них назывался орденом «африканских архитекторов». Он был основан в 1767 году Фридрихом фон Коппеном, офицером прусской армии,[1290] который считается автором необычного масонского трактата Crata Repoa, где якобы содержатся подлинные репродукции ритуалов инициации, проводившихся в Великой Пирамиде древнеегипетскими жрецами.[1291] Как ни странно это может показаться, орден «африканских архитекторов» находился под покровительством Фридриха II, который даже построил великолепную библиотеку для его членов в Силезии (Южная Польша).[1292]

Существовал также «обряд строгого соблюдения», основанный в 1756 году Карлом Годхельфом, более известным как барон фон Хунд, посвященным в масоны в Париже в 1743 году в одном из модных «тамплиерских» орденов.[1293] Барон фон Хунд, как и Эндрю Рэмси, утверждал, что франкмасонство связано со средневековым орденом тамплиеров. Его «обряд строгого соблюдения» добился поразительных успехов в Германии и некоторых других

странах Европы. В одной из лож этого обряда был посвящен композитор Вольфганг Амадей Моцарт. Очевидно под влиянием масонских обрядов Хунда и Коппена Моцарт стал развивать тему своей знаменитой масонской оперы «Волшебная флейта», действие которой происходит в псевдоегипетском контексте, насыщенном масонскими идеями и символикой.[1294]

Но самым знаменитым из всех этих экзотических орденов, связанных с орденом «строгого соблюдения» Хунда, была антиклерикальная организация «баварских иллюминатов». Она была основана в Ингольштадте юристом Адамом Вейсхауптом и поддержана влиятельным бароном Книгге, франкмасоном, который также был членом братства «строгого соблюдения».[1295] Такая деятельность немецких масонов в конце 1770-х годов оказывала огромное влияние на американское масонство «высших степеней» и верховный совет тридцать третьей степени в Чарльстоне и Вашингтоне.[1296]

В 1777 году, через год после начала американской революции и за 12 лет до начала французской революции, Калиостро прибыл в Германию. Он сразу ж активно принял участие в деятельности множества масонских орденов, объединенных характерным сочетанием герметическо-египетских и неотамплиерских идеологий, и, хотя историки утверждают, что «египетский» вид масонства был изобретением Калиостро, судя по всему, некоторые его идеи были позаимствованы из Crata Repoa Коппена. Основу «египетского ритуала» можно подытожить собственными словами Калиостро, что «любой свет исходит с Востока, и все инициации происходят из Египта».[1297]

Калиостро был первым масоном, обратившим внимание на огромный и неиспользуемый ресурс масонских неофитов. Речь идет о женщинах. Хотя идея женских лож возникла во французской ложе Великого Востока еще в 1744 году,[1298] именно Калиостро, с его хитроумной и привлекательной египетской версией франкмасонства, смог привлечь на свою сторону большое количество женщин.[1299] Все началось в 1775 году, когда Калиостро впервые основал ложу Египетского Обряда для женщин в Гааге, в чем ему помогала красавица Лоренца, исполнявшая роль Исиды в соответствующих ритуалах. С самого начала женщин привлекало обещание ритуала «омоложения», исполняемого Калиостро и Лоренцей в псевдоегипетской обстановке. Весь курс продолжался 40 дней — явно в подражание сорокадневному бальзамированию, принятому в Древнем Египте и описанному античными авторами, такими, как Диодор, который называет этот период «лекарством, дающим бессмертие».[1300] В Библии сказано, что, когда Иаков умер в Египте:

«… Иосиф пал на лице отца своего, и плакал над ним, и целовал его. И повелел Иосиф слугам своим — врачам бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Иакова. И исполнилось ему сорок дней; ибо столько дней употребляется на бальзамирование, и оплакивали его египтяне семьдесят дней».[1301]

Считалось, что богиня Исида изобрела ритуалы бальзамирования и омоложения, поэтому неудивительно, что, по утверждению Калиостро, его собственный ритуал тоже был изобретением Исиды. Такие громкие заявления наряду с репутацией целителя обеспечили Калиостро и его новой ложе Египетского Обряда потрясающий успех. Но удача отвернулась от него с тех пор, как он приехал в Россию. Осенью 1780 года, после выступления при дворе Екатерины Великой, сама императрица обвинила его в мошенничестве и шарлатанстве.

Бежав из России, Калиостро прибыл во Францию через Страсбург в провинции Эльзас. Там он познакомился с невероятно богатым и наивным принцем де Роганом, кардиналом Страсбургским. Кардинал Роган был очарован Калиостро, который совершил «чудо», исцелив его дядю, принца де Субиза, от тяжелого осложнения после скарлатины. История этого «чуда» распространилась во Франции со скоростью степного пожара, и с этого момента все двери снова открылись перед Калиостро.

Летом 1784 году он триумфально въехал в Лион, где сотни франкмасонов добровольно покинули свои ложи, чтобы присоединиться к его новой «египетской» ложе, La Sagesse Triom — phante, которую он поспешно основал для того, чтобы принять их. Двадцать четвертого декабря 1784 года под восторженные выкрики своих последователей Калиостро объявил миру о восстановлении «истинного и древнего ордена высших ритуалов египетского франкмасонства». Он лично возглавил этот орден и взял себе титул Великого Копта.[1302] Энтузиасты сразу же начали собирать средства для сооружения величественного египетского храма, который, как можно было ожидать, имел форму пирамиды.

Это было лишь началом стремительного восхождения Калиостро к славе во Франции и его не менее стремительного падения. Пирамидальный храм в Лионе был построен и освящен в 1786 году, но в отсутствие Калиостро, который в то время был в Париже и томился в Бастилии по причинам, которые мы объясним в следующей главе. Его храм в течение многих лет оставался одной из достопримечательностей Лиона. В 1788 году, за год до французской революции, было предложено воздвигнуть рядом с ним вторую пирамиду — на этот раз в честь Жозефа-Мишеля Монгольфье, знаменитого пионера воздухоплавания, который тоже был масоном. В 1793 году та же идея была предложена снова и для того же места, но на этот раз пирамиде предстояло стать мавзолеем «мучеников» массового убийства 1793 года, когда ар мия Конвента напала на Лион. Интересно, что в наши дни неподалеку от этого места стоит высокая башня в форме египетского обелиска с большой стеклянной пирамидой на вершине, принадлежащая банку «Креди Лионне». Она была построена в 1977 году нью-йоркским архитектором Аральдо Косуттой. Банк «Креди Лионне» владеет другим зданием в Лилле, на этот раз в виде перевернутой пирамиды.

Но мы слишком отдалились от истории Калиостро. Тридцатого января 1785 года, не подозревая о том, что его ждет Бастилия, он отправился в Париж.

Оставалось лишь четыре года до начала французской революции. Для некоторых она стала катастрофой, а для других — беспрецедентной возможностью…

ГЛАВА 17
НОВЫЙ ГОРОД ИСИДЫ

«Прекрасный год! Тебя назовут годом обновления, и историки превознесут твои великие дела. Ты изменил Париж, и сегодня он стал совершенно другим… Этот город лелеет мой дух…»

Себастьян Мерсье, парижский литературный критик XVIII века, «Прощание с 1789 годом». Цитируется по книге Ханса-Юргена Лусбринка и Рольфа Рейхарта «Бастилия: история символа деспотии и свободы», 1977

«Кто-то спросил меня, вернусь ли я во Францию в том случае, если мои гонители [король и правительство] будут низвергнуты? Конечно, — ответил я, — но только в том случае, если Бастилия [где был заключен Калиостро] станет общественным парком».

Письмо Калиостро, Лондон, 20 июня 1786 года

«Человек рождается свободным, но во всех остальных отношениях он пребывает в оковах».

Жан-ЖакРуссо, Le Contrat Social, 1762

Калиостро впервые поселился в Париже в начале февраля 1785 года в гостинице «Страсбург», где жил его покровитель, кардинал де Роган, но потом Калиостро и Серафина

(как он теперь называл свою жену Лоренцу) переехали в небольшой дом на улице Сен-Клод-о-Марэ.[1303]

Там Калиостро основал «египетскую» масонскую ложу, которая вскоре привлекла многих вельмож, в том числе герцога Монморанси, который в то время был исполняющим обязанности великого магистра ложи Великого Востока. К членам ложи принадлежал и знаменитый музыкант Бенджамин Лаборде, который был личным пажом Людовика XV. Калиостро назначил герцога Монморанси великим магистром и протектором нового «египетского» франкмасонства.[1304] В августе 1785 года Калиостро с помощью Серафины-Лоренцы создал свою знаменитую ложу «Исида», имевшую огромный успех среди придворных дам. В нее записались графиня Полиньяк, графиня Бриенская, графиня Шуазель (жена министра финансов Людовика XVI) и многие другие знатные дамы.[1305]

Ложа Египетского Обряда стала так популярна в Париже, что даже злосчастная королева Мария-Антуанетта написала в письме к своей сестре: «Все вступили туда, и все, что там происходит, известно нам».[1306] Вскоре скульптор Гудон, который сам был ревностным поклонником Калиостро, воздал честь маэстро, изготовив его бюст. Есть сведения, что члены знаменитой ложи «Филалет», изучавшей оккультные науки, также попали под очарование Калиостро и совершили массовое обращение в новую ложу Египетского Обряда. Казалось, ничто не может остановить самопровозглашенного «пророка Исиды».[1307]

Взгляд в прошлое (1): XV–XVII века — традиции Парижа как города Исиды

Старинные парижские традиции были очень благоприятны для Египетского Обряда, основанного Калиостро, и подготовили горожан к живому отклику на его заявление в связи с древнеегипетской богиней Исидой.

С начала XV века можно документально подтвердить твердое убеждение некоторых парижских историков, что их город был каким-то образом связан с Исидой. Это убеждение, вероятно, имеет гораздо более старинные корни, но оно подтверждается в собрании манускриптов, датируемых 1402 годом, хранящимся в Национальной библиотеке в Париже. В этих редких средневековых документах можно найти миниатюры с изображением бо гини Исиды, одетой как французская знатная дама и прибывающей на ладье в Париж, где ее приветствуют французские вельможи и священнослужители.[1308] Богиня носит титул «древней Исиды., богини и царицы египтян».[1309] Особенно поразительно изображение ладьи Исиды на этих средневековых миниатюрах, так как она чрезвычайно похожа на ладью со средневекового герба города Парижа.[1310] Известно, что парижане считали название своего города тесно связанным с именем Исиды. К примеру, монах-августинец Жак Легран писал в XIV веке:

«Во времена Карла Великого [VIII век н. э.]… существовал город под названием Исеос*, в честь богини Исиды, которой там поклонялись. Теперь он называется Мелун. Париж обязан своим названием этому же обстоятельству: Pariseos* как бы*подобенIseos(quasiparIseos),так как его расположение на реке Сене подобно расположению города Мелун».*[1311]

В 1512 году другой французский историк, Лемэр Бельгийский, сообщил о том, что идолу богини Исиды поклонялись в храме, расположенном у южных ворот Парижа, где теперь находится аббатство Сен-Жермен-де-Пре.[1312] О том же сообщал парижский историк XVI века Жиль Коррозет, который считается первым человеком, составившим подробный путеводитель по Парижу. В 1550 году Коррозет также опубликовал историю Парижа под названием Singularitez de Paris, в которой он написал:

«… что касается происхождения названия города, говорят, что там, гдесейчас стоит аббатство Сен-Жермен, некогда был храм Исиды, женывеликого Осириса, или Юпитера Справедливого… Это местоназывалосьхрамом Исиды, аблизлежащий город назывался Parisis,чтоозначает «рядом с храмом Исиды».[1313]

Французские издатели XVII века Пьер Бонфон и Жак Дюб — рейль опубликовали книгу Коррозета в Париже в 1608 году, подписав ее собственными именами. Жак Дюбрейль был иезуитом из аббатства Сен-Жермен и предположительно имел доступ к архивам этого аббатства, поэтому его свидетельство представляет большой интерес: «В том месте, где король Хильдеберт (V век н. э.) построил церковь Св. Винсента, где ныне находится аббатство Сен-Жермен, которой он пожертвовал свой фьоф Issy, некогда стоял храм Исиды, жены Осириса, известного также под именем Юпитера Справедливого. Деревня Исси получила свое название от Исиды, и там до сих пор можно видеть древние сооружения и фрески, якобы происходящие из замка короля Хильдеберта».[1314]

Археологическая находка, сделанная в годы правления Людовика XIV, еще больше укрепила предположение о связи Исиды с Парижем.[1315] В 1653 году (см. главу 12) рабочий, раскапывавший фундамент здания в городе Турнэ, наткнулся на старинную гробницу с сотнями золотых украшений. Считалось, что гробница принадлежит Хлодвигу, франкскому королю V века н. э., легендарному предку французских монархов.[1316] Среди украшений, как и во второй гробнице, расположенной поблизости, была обнаружена статуя Исиды, голова древнеегипетского быка Аписа (ассоциировавшегося с Осирисом, а впоследствии с культом Сераписа), а также около трехсот золотых пчел. Даже в то время было известно, что пчела является символом древнеегипетских фараонов. Это было воспринято как доказательство связи между египетскими фараонами и старинными королями Франции.

Взгляд в прошлое (2): 1665 год — тайна блуждающей оси (1)

В 1665 году сокровища Хлодвига были отосланы Людовику XIV, который хранил их в своем личном Cabinet des Medailles. Как известно, в том же году в Париже состоялось собрание знаменитых архитекторов и градостроителей, включая Жана Лоренцо Бернини из Италии, Кристофера Рена из Англии и Андре Ленотра из Франции. Рен слушал и учился; Бернини получил заказ на Изготовление нового фасада Луврского дворца, а Ленотр планировал устройство садов Тюильри, расположенных к западу от дворца.

Центральная ось Лувра направлена приблизительно с востока на запад и более или менее параллельно реке Сене, которая на этом отрезке течет на юг, и рю де Риволи, идущей точно на север. Если в наши дни следовать вдоль оси в западном направлении (т. е. к садам Тюильри), мы обнаружим, что она проходит через вершину огромной стеклянной пирамиды, установленной в «дворике Наполеона» в Лувре в 1989 году, а дальше на запад — через центр Карусельной арки (Триумфальная арка, воздвигнутая Наполеоном в 1806 году). Здесь происходит нечто странное, имеющее прямое отношение к работе Ленотра в XVII веке. Вместо того чтобы продолжать «ось Лувра» дальше на запад, при планировке садов Тюильри Ленотр принимает обдуманное решение отклонить ее на несколько градусов к северу, так что теперь она оказывается направленной под утлом 26° к северо-западу.[1317] На первый взгляд может показаться, что Ленотр захотел изменить направление оси, чтобы сады Тюильри были расположены параллельно течению Сены. Это выглядит логичным и здравым решением для городского архитектора. Но почему он выбрал ровно 26°, а не более круглое число —

скажем, 25° или даже 30°? Мы могли бы считать, что его выбор был произвольным, если бы не один очень важный момент…

В нескольких сотнях ярдов вниз по течению реки от Лувра на маленьком речном острове Ситэ, имеющем необычную форму лодки, расположен знаменитый собор Нотр-Дам. При внимательном изучении мы обнаруживаем, что направление 26° на северо-запад включено в осевую линию собора.[1318] Дело не только в том, что Нотр-Дам был построен за несколько столетий до Ленотра, но и в отсутствии какой-либо практической причины, которая могла бы обусловить такое направление оси. Едва ли можно считать совпадением, что два крупных монумента, расположенных на расстоянии нескольких сотен ярдов друг от друга, сориентированы в одном направлении. Если угол 26° имеет какой-то смысл, то что он означает?

Ключом к разгадке, по нашему мнению, является Солнце. Не будем забывать, что Ленотр осуществлял программу архитектурной застройки по указанию «короля-Солнца», поэтому неудивительно, что в его схему была включена солнечная символика.

Еще одно доказательство правильности этого подхода может заключаться в необычном расположении собора Нотр-Дам. По замечанию парижского историка Жана Форе, ось этого великого собора начинается под углом 23,5° к северо-востоку, но потом отклоняется до 26° к северо-востоку.[1319] Почему?

Читатели, обладающие хотя бы начальным образованием в области астрономии, должны знать, что угол 23,5° связан с движением солнца, так как он представляет величину позитивного и негативного отклонения солнца в точках летнего и зимнего солнцестояния, но если этим объясняется направление оси собора Нотр-Дам, то почему она потом отклоняется до 26°? Может быть, это другая солнечная ориентировка?

Сначала давайте разберемся со значением угла 23,5°.

Высота Солнца на небосводе при измерении в полдень изменяется в течение года. Оно поднимается выше всего в середине лета (летнее солнцестояние) и опускается ниже всего в середине зимы (зимнее солнцестояние). Эти регулярные ежегодные перемены происходят потому, что земная ось наклонена под углом 23,5° по отношению к плоскости эклиптики. Словно космический шампур, проходящий через Северный и Южный полюса, эта наклонная ось, по сути дела, является подлинной мировой осью нашей планеты. Из главы 15 читатели помнят, что шпиль собора Св. Павла в Лондоне символизировал мировую ось, а Джон Эвелин пользовался солнечной символикой в своем градостроительном плане нового Лондона, основанном на каббалистической схеме Древа Жизни. Мы считаем, что угол наклонения оси собора Нотр-Дам отражает сходную солнечную символику.

Положение Солнца в течение всего года изменяется не только в полдень (астрономический меридиан, или срединная линия небосвода), но и во всех других точках по дуге его движения — включая, разумеется, точки восхода и захода на горизонте. На широте Парижа (48°51 с. ш.) наблюдатель, обращенный лицом к западу, увидит, что точка захода Солнца расположена примерно в 38° к северо-западу в середине лета и примерно в 38° к юго-западу в середине зимы. В остальные дни года Солнце заходит в точках, расположенных между этими двумя крайностями, двигаясь с севера на юг в течение шести месяцев и совершая обратное путешествие в течение следующих шести месяцев. Из этого маятникового движения следует, что Солнце заходит в любой произвольно выбранной точке этого диапазона два раза в году (при движении с севера на юг и при движении с юга на север).

Согласно автору и исследователю Жану Форе, второй угол направления оси собора Нотр-Дам (т. е. 26° к северо-западу) объясняется маятниковым движением Солнца над линией горизонта. Выясняется, что наблюдатель, обращенный лицом к западному направлению у собора Нотр-Дам, видит заход Солнца под углом 26° к северо-западу 8 мая и 6 августа. Обе эти даты совпадают с важными религиозными праздниками римско-католической церкви.

Первый день, 8 мая, обозначает Saint-Michel du Printemps, очень популярный праздник Средневековья, отмечавшийся в честь чудесного появления архангела Михаила на вершинах разных гор Европы в IV–V веках н. э. — к примеру, на горе Сен — Мишель в Бретани на побережье Франции и на горе Сен-Мишель в Корнуолле (Британия). В Библии архангела Михаила называют «вождем воинства Господня» (Иисус Навин, 5, 14; Даниил, 12,1) — роль, которую многие европейские монархи с готовностью примеряли на себя.

Вторая дата, 6 августа, соответствует Преображению Господню, которое до сих пор остается двунадесятым праздником для всех христианских конфессий. Согласно Новому Завету, однажды Иисус поднялся на вершину горы в сопровождении своих учеников Петра, Иакова и Иоанна; там перед ними предстали Моисей и Илия, лицо и одежды Иисуса преобразились, став белыми и блистающими (Марк, 9, 2–13; Матфей, 17, 1–13; Лука, 9, 28–36). Таким образом, можно понять, почему католики часто ассоциировали «блистающую» солнечную символику с фигурой Христа (примером могут служить его иконографические изображения в облике Sol Invictus [непобедимое Солнце] в ранней католической церкви).[1320] Известно также, что многие христианские праздники следуют солнечному циклу, например Рождество (зимнее солнцестояние), день св. Иоаннг (летнее солнцестояние), Пасха (весеннее равноденствие) и т. д.[1321]

В Библии предсказано, что Илия появится перед пришествием еврейского мессии, но Иисус утверждает, что это пророчество уже было исполнено, когда Илия появился перед Иоанном Крестителем (Матфей, 17, 9–13). В другом библейском пророчестве утверждается, что перед появлением мессии «восстанет Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего» (Даниил, 12, 1). Многие христиане считают это второе пророчество указанием на то, что архангел Михаил будет предвестником Второго Пришествия Христа. Точно так же, как Бог послал Илию в облике Иоанна Крестителя, чтобы возвестить о Первом Пришествии Христа, он пошлет Михаила в конце времен, чтобы объявить о Втором Пришествии. Предание не оставляет сомнений в том, что это событие произойдет на вершине горы. Иудеи не сомневаются, что речь идет о горе Сион, где некогда стоял Храм Соломона, но для христиан предполагаемое место Второго Пришествия было предметом конкуренции, что объясняет многочисленные притязания на появление святого архангела Михаила на вершинах разных гор Европы в Средние века.

Взгляд в прошлое (2): 1665 год — тайна блуждающей оси (2)

Представляется очевидным, что при окончательном выборе направления оси средневекового собора Нотр-Дам учитывалась сложная солнечная символика, связанная с праздниками св. архангела Михаила и Преображения Господня. Но не будем забывать о том, что точно такое же осевое направление — 26° к северо-западу — значительно позднее было выбрано Ленотром для садов Тюильри и Елисейских Полей, составляющих «историческую ось» Парижа. Поэтому интересно отметить, что в эпоху Ленотра и «короля-Солнце» Людовика XIV дата 6 августа связана не с одним, а с двумя важными небесными событиями, происходившими в определенном регионе небосвода.

Первым событием, как известно, был заход солнца в точке, расположенной под углом 26° к северо-западу, совпадающей с осью собора Нотр-Дам и «исторической осью» Парижа. Вторым событием был так называемый гелиакальный восход Сириуса (т. е. восход звезды над горизонтом одновременно с солнцем).[1322] Это событие тоже произошло в праздник Преображения Господня, но в противоположном направлении, т. е. под углом 26° к юго-востоку, на обратной стороне оси — и, разумеется, не в точке заката, а в точке восхода солнца.

Здесь следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Нам известно, что впоследствии на «исторической оси» Парижа был воздвигнут огромный солнечный талисман: обелиск из Древнего Египта. Как помнят читатели из главы 1, этот обелиск был доставлен из Луксора, «южного Гелиополя», еще одного «солнечного города» Древнего мира. Один из двух обелисков, стоявших перед Луксорским храмом (другой по-прежнему остается на месте), принадлежал фараону Рамсесу II, могущественному царю, чье имя означает «сын Солнца».[1323] Этот обелиск создает явное символическое звено через века и эпохи между двумя могущественными «солнечными владыками» — т. е. Рамсесом II и Людовиком XIV.

Далее, как мы могли убедиться в главе 10, Луксор был составной частью огромного храмового комплекса Амона-Ра в Карна — ке. Здесь мы обнаруживаем нечто действительно интересное. Точно так же, как историческая ось Парижа, ось карнакского храма была заложена его архитекторами по направлению 26° с юго-востока на северо-запад…

Взгляд в прошлое (2): 1665 год — тайна блуждающей оси (3)

Ни одно прилагательное в английском языке не годится для подлинного описания великого храмового комплекса Амона-Ра в Карнаке, но за неимением лучшего сойдут такие, как «грандиозный», «головокружительный» и «внушающий благоговение». Известный в древние времена как «великолепнейшее место» (Ипегп Сут), этот храм имеет длину более полукилометра по центральной оси, нацеленной на Фиванские холмы и Долину Царей на западном берегу Нила, где хоронили могущественных египетских фараонов. С запада к храму ведет монументальная аллея, обрамленная рядами сфинксов. Когда вы проходите так называемый Первый пилон — массивные наклонные стены, образующие сводчатый проход, — то попадаете в просторный открытый двор, где перед вами возвышается гигантская статуя Рамсеса II. Затем вы вступаете в большой Гипостильный зал со 134 массивными круглыми колоннами и поперечными балками, некогда поддерживавшими крышу, высотой 25 м над уровнем пола. Ряд других пилонов приводит вас к внутреннему святилищу солнечного бога Амона-Ра. Когда прославленный британский астроном Норман Локайер посетил Карнак в 1891 году, чтобы измерить направление его оси, он был поражен увиденным:

«Храм Амона-Ра, безусловно, можно назвать самыми величественными руинами в мире. По центру идет каменная аллея, открывающая вид на северо-запад; протяженность этой оси составляет примерно 500 ярдов. Целью строителей великого Карнакского храма — одного из наиболее грандиозных храмов, когда-либо задуманных или построенных человеком, — было сохранить эту ось абсолютно открытой. Все замечательные залы, колонны и тому подобное при наблюдении с одного или другого конца оси являются лишь деталями, а сама ось, прямая как стрела, направлена к западным холмам на другом берегу Нила, где находятся гробницы царей… На самом деле существовало два храма [посвященных богу солнца в ипостасях Амона-Ра и Ра-Харахти]; главный был обращен на закат солнца в день летнего

солнцестояния, а другой, возможно, на восход солнца в день зимнего солнцестояния… Легко понять, что в таком расположении заложена идея использования храма в астрономических целях…»[1324]

Локайр, который назвал храм огромным «горизонтальным телескопом», постоянно нацеленным на западный горизонт, определил, что его ось направлена на северо-запад под углом 26° на точку заката в день летнего солнцестояния на широте Луксора.[1325] Однако, по его справедливому замечанию, ось указывает Не только на точку заката в день летнего солнцестояния на западном конце, но и на точку восхода в день зимнего солнцестояния на восточном конце. На какую же из этих целей ориентировались древние строители храма? Как ни странно это может показаться, скорее всего и на ту и на другую.

В древнеегипетских текстах говорится об очень важном празднике под названием Месора, что в буквальном переводе означает «рождение Ра». Этот праздник отмечали в день Нового года по гражданскому (солнечному календарю) в первый день месяца под названием Тот. Когда был введен гражданский календарь (около 2800 года до н. э.), праздник «рождения Ра» приходился на дату, не далекую от дня летнего солнцестояния, но к тому времени, когда открылся храмовый комплекс Луксора/ Карнака (около 2000 года до н. э.), праздник «рождения Ра» переместился на шесть месяцев вперед, к дню зимнего солнцестояния. Дело в том, что египетский гражданский календарь был основан на «идеализированном» солнечном годе продолжительностью 365 дней, не принимавшим в расчет дополнительную четверть дня в продолжительности истинного солнечного года, в результате чего он отодвигался от своей первоначальной точки в период летнего солнцестояния со скоростью один день за каждые четыре года. Таким образом, можно понять, что храмовый комплекс Луксора/Карнака, открывшийся около 2000 года до н. э., был посвящен не просто Ра (Солнцу), но более конкретно, «рождению Ра», которое приходилось на первый день месяца Тота.

Здесь мы зададим спорный и, возможно, даже провокационный вопрос: мог ли Андре Ленотр хотя бы с помощью астрономов из Французской академии наук, располагавшейся в Лувре в 1663 году, специально создать для французского «короля-Солнца» архитектурный план, воспроизводивший солнечные ориентировки его древнеегипетских предшественников?

Взгляд в прошлое (2): 1665 год — тайна блуждающей оси (4)

К этой весьма занимательной коллекции «совпадений» следует добавить еще один любопытный астрономический факт. В главе 11 мы рассмотрели вопрос о том, как гелиакальный (предрассветный) восход Сириуса (который в древнеегипетской и «герметической» мифологии ассоциируется с богиней Исидой) использовался египтянами для символизации и освящения рождения солнечных царей-фараонов. Американский астроном Рональд Уэллс, признанный специалист по древнеегипетской астрономии, утверждает:

«Богиня Исида, дочь Ра (солнечного бога), тоже отождествлялась с Сириусом. Эта связь обусловлена астрономическими причинами не только потому, что Сириус является ярчайшим светилом ночного небосвода (если не считать Луны), но и потому что место его гелиакального восхода над горизонтом расположено очень близко к тому месту, где Ра (Солнце) восходит утром во время своего рождения в день зимнего солнцестояния. В сочетании с тем фактом, что Нил начинал подниматься примерно в то же время, это событие приобретало священный смысл».[1326]

Угол восхождения Сириуса над восточным горизонтом не одинаков при наблюдении в различных регионах планеты. Он возрастает вместе с увеличением северной широты. К примеру, в Париже, расположенном очень близко к 49° с. ш., этот угол составляет 27,5°, в то время как в Каире (расположенном на 30° с. ш.), он составляет лишь 20°. Вторым фактором, влияющим на величину угла восхождения, являются очень долгие периоды времени. Это феномен прецессии — очень медленного «покачивания» земной оси с циклом около 26 000 лет. Расчеты, принимающие во внимание оба эти фактора, показывают, что в 1637 году (год зачатия Людовика XIV) Сириус взошел под углом 26° к юго-востоку, т. е. точно по направлению оси собора Нотр-Дам!

Мы знаем, что с незапамятных пор гелиакальный восход Сириуса, звезды Исиды, был космическим знамением, освящавшим «сверхъестественное рождение» египетских фараонов. Нам известно, что культ Исиды был принесен в Париж римлянами. Вполне может быть, что собор Нотр-Дам стоит на месте древнего святилища, которое, согласно некоторым историкам, в римскую эпоху было храмом Исиды-Цереры.[1327] В главе 12 повествуется о том, что Людовик XIV предположительно был зачат в личных апартаментах Анны Австрийской в Лувре бурной декабрьской ночью 1637 года. Если сложить это все вместе, то может ли быть совпадением, что продолжение «оси Ленотра», направленной под углом 26°, проходит через Лувр очень близко к апартаментам Анны Австрийской, где в 1637 году произошло «чудо зачатия»? И может ли быть совпадением, что 300 лет спустя, в 1989 году, конная статуя Людовика XIV работы Бернини, изображавшая его в облике Александра Великого (античного «солнечного царя» древности), была перенесена с ее бывшего места в Версале и тщательно расположена на открытом дворе Лувра точно по направлению этой оси?

Читатели помнят, что рождение Людовика XIV 5 сентября 1638 года было предсказано герметическим философом Томмазо Кампанеллой в 1637 году. Кампанелла также предсказал, что будущий король превратит Париж в «Город Солнца» по египетскому образцу. Жан Форе сообщает, что когда Андре Ленотр продолжил ось садов Тюильри дальше на запад, к будущим Ели сейским Полям в 1665–1667 году, он как будто предвидел включение в свою архитектурную схему некоторых других элементов в более позднее время: «Ленотр помещаем в свой план крест, предвидит «звезду» и проецирует обелиск или солнечные врата, сходные с воротами Сен-Мартен и Сен-Дени, построенными во времена Людовика XIV».[1328]

Это очень интересно еще и потому, что через сто с лишним лет на оси Елисейских Полей, заложенных Андре Ленотром, появилось два монумента — один в форме «звезды», а другой представлял собой обелиск Рамсеса И, привезенный из Луксора.

Калиостро и дело *об* ожерелье королевы

В главе 18 мы подробнее рассмотрим эти вопросы, но сначала завершим странную историю самопровозглашенного графа Калиостро и станем свидетелями тому, как его драматическое восхождение к славе и материальному благосостоянию в Париже было грубо прервано его собственным покровителем кардиналом де Роганом. Последний вскоре совершил одну из величайших ошибок в истории — маленькую глупость, которая привела к несказанным последствиям для Франции и всего мира…

Все это имело прямое отношение к пылкой страсти, которую кардинал де Роган питал к королеве Марии-Антуанетте. Она отвергла его при дворе, и кардинал отчаянно пытался найти путь к примирению любой ценой. Летом 1785 года некая графиня де Ламотт, называвшая себя близкой подругой и доверенным лицом королевы, сошлась с кардиналом и предложила помочь ему в этом щекотливом деле.[1329]

Графиня предложила кардиналу приобрести для королевы дорогое алмазное ожерелье, принадлежавшее ювелирам Бемеру и Бассенжу. Королеве очень хотелось иметь это ожерелье, объяснила графиня, однако из-за плачевного состояния финансов страны и враждебного отношения парижан к экстравагантным выходкам королевы Людовик XVI отказался купить ожерелье для нее.

Ювелиры запросили умопомрачительную сумму в 1 600 000 ливров, достаточную для того, чтобы прокормить весь голодный Париж в течение нескольких месяцев, но это не смутило безрассудного кардинала. Ему показали очень убедительное, хотя и фальшивое письмо, предположительно написанное королевой, и графиня даже организовала в садах Версаля ночную встречу между кардиналом и некой особой, выдававшей себя за королеву. Эта особа подтвердила, что она выкупит ожерелье за собственные деньги, если кардинал внесет первый платеж. Обманутый воздыхатель поспешил к ювелирам и приобрел ожерелье в кредит от лица королевы. Затем он передал ожерелье графине де Ламотт, заверившей его, что оно будет немедленно вручено Марии-Антуанетте.

Разумеется, после этого графиня Ламотт исчезла вместе с ожерельем. Когда ювелиры представили королеве счет на оставшуюся сумму, разразился громкий скандал. Королева, разъяренная тем, что ее имя использовали в неблаговидных целях, да еще и с намеком на несуществующую любовную интригу, побудила короля выдвинуть против кардинала обвинение в мошенничестве. Король неохотно согласился.

Это было серьезной ошибкой, так как все понимали, что наивный кардинал пал жертвой хитроумного обмана. Зная о непопулярности королевы в народе, он выступил в суде с эмоциональной речью и смог превратить процесс в политическое событие. Положение лишь ухудшилось, когда король попытался оказать давление на судей, чтобы кардиналу вынесли обвинительный приговор. В результате де Роган превратился в живой символ угнетения, деспотии и расточительства французской монархии. Согласно масонскому автору Жану-Андре Фоше, за этим процессом стоял крупный заговор с участием многих видных франкмасонов, исполненных решимости освободить кардинала, который тоже был масоном.[1330] К числу заговорщиков принадлежал герцог Монморанси наряду с другими вельможами, такими, как Мирабо и маркиз де Лафайет.[1331] В результате король настроил против себя членов суда и добился лишь отстранения кардинала от службы и его ссылки в отдаленное аббатство в провинции Овернь.

Калиостро, живописный протеже де Рогана, неизбежно оказался втянутым в этот скандал и сделан козлом отпущения. По приказу короля его арестовали, осудили за мошенничество и бросили в Бастилию в августе 1785 года. Там Калиостро оставался в течение примерно одного года. Наконец, в начале июня 1786 года после широких протестов парижан и закулисной деятельности его масонских друзей он был освобожден. Говорят, что, когда Калиостро вышел из Бастилии, огромная толпа парижан приветствовала его как национального героя.

Некоторые историки предполагают, что суд над кардиналом де Роганом и несправедливое заключение Калиостро обострили уже существовавшее недовольство монархией и стали непосредственной причиной французской революции. Вместо того чтобы очистить королеву от подозрений, поспешные судилища над де Роганом и Калиостро привели к обратному результату. Они выявили непопулярность и распущенность королевы, слабость короля и очевидные злоупотребления властью. Немецкий философ Гете, который тоже был масоном, назвал дело об ожерелье королевы «преддверием французской революции».[1332] В результате кардинал де Роган и Калиостро предстали жертвами коррумпированного государства под управлением тщедушного и напыщенного монарха, которыми они, в определенном смысле, и являлись.

Тем не менее Калиостро благоразумно решил переехать в Англию. Поначалу он был с большим энтузиазмом принят в масонских ложах, но его Египетский Обряд не завоевал признания, и в конце концов он сам стал предметом насмешек.[1333]

Пророк революции играет с огнем в Риме

В 1786 году, уже находясь в Лондоне, Калиостро опубликовал свое знаменитое «письмо французскому народу», в котором он призвал французов совершить «мирную революцию», разрушить Бастилию и воздвигнуть на ее месте «храм Исиды».[1334]

Но Калиостро не сиделось на месте. Весной 1789 года он совершил такую же роковую ошибку, как и Джордано Бруно почти за 200 лет до него: он решил вернуться в Италию. Калиостро прибыл в Рим в мае 1789 года, за два месяца до того, как парижская толпа осадила Бастилию. В Риме франкмасонство официально находилось под запретом с 1738 года, и Калиостро, попытавшийся основать там ложу Египетского Обряда, в буквальном смысле играл с огнем.

Когда весть о падении Бастилии достигла Рима, она вызвала необычайный переполох в Ватикане, где кардиналы были не на шутку встревожены антиклерикальным тоном выступлений французских анархистов. Повсюду множились слухи о масонском заговоре. К тому времени Ватикан уже имел подробные сведения о деятельности Калиостро, в результате чего тот был обвинен в ереси и подрывной деятельности. Двадцать седьмого декабря 1789 года папа Климент XII подписал приказ об аресте Калиостро. Сначала его приговорили к такой же ужасной участи, как Джордано Бруно и катарских perfecti в более раннюю эпоху, но потом сочли неразумным устраивать еще одно публичное сожжение в столь беспокойное время. Папа проявил «милосердие», заменив смертный приговор пожизненным заключением. Калиостро отвезли в тюрьму Сан-Лео в окрестностях Неаполя, бросили в темницу, и больше о нем ничего не было слышно. В конце концов выяснилось, что он умер в 1795 году в возрасте 52 лет, при очень подозрительных обстоятельствах.[1335]

Историки принижают роль Калиостро как провозвестника французской революции и часто представляют его — хотя и по понятным причинам — в виде мистификатора, мошенника или шарлатана. Многие масоны рассматривают его деятельность как короткий и неблаговидный эпизод в своей истории, о котором лучше забыть. Однако фурор, вызванный судом над Калиостро в Париже и тот факт, что после освобождения из Бастилии его приветствовали до 8000 парижан, многие из которых были франкмасонами, свидетельствует об обратном.[1336] По меньшей мере один из историков масонства, Менли П. Холл, тоже рассматривает карьеру Калиостро в позитивном свете:

«Калиостро основал Египетский Обряд франкмасонства и посвятил в его таинства многих французских дворян. Он встретил благосклонное отношение со стороны большинства просвещенных умов в Европе. Основав ложу Египетского Обряда, Калиостро объявил себя агентом ордена тамплиеров, якобы получившим посвящение от них на острове Мальта… Когда он предстал перед Верховным Советом французских масонов, от него потребовали предъявить полномочия, на основании которых он имел право основать в Париже масонскую ложу, не зависимую от ложи Великого Востока. Калиостро проявил столь глубокие и разносторонние познания, что Верховному Совету оказалось затруднительно найти достаточно квалифицированного адвоката, который мог бы обсуждать с Калиостро философские аспекты масонства и старинные таинства, о посвящении в которые он говорил. В конце концов для этой цели был выбран Курт де Гебелин — величайший египтолог того времени и знаток древней философии. В назначенное время Калиостро, одетый в восточный халатифиолетовые шаровары, предстал передмасонскимсоветом. Курт де Гебелин задал три

вопроса, но потом сел ипризнал, что его знаний недостаточно, чтобы допрашивать человека, превосходящего его во всех областях старинной премудрости. Потом Калиостро обратился к собравшимся масонам с речью, в которой не только раскрыл источник своих познаний, но и выступил с пророчеством о будущем Франции. Он предсказал падение французского трона, власть террора и разрушение Бастилии. Позднее он предрек дату гибели Марии — Антуанетты и короля Франции, а также появление Наполеона. Завершив свою речь, Калиостро демонстративно покинул собрание и оставил французских масонов, не способных постигнуть глубину его мыслей, в полном замешательстве. Хотя Египетский Обряд больше не считается масонским ритуалом, он доступен для каждого, и все, кто дает себе труд ознакомиться с ним, считают его автора не большим шарлатаном, чем Платона».[1337]

Высокопоставленный путешественник

Курт де Гебелин, подтвердивший глубину эзотерических познаний Калиостро, сам был видным членом влиятельной ложи «Девяти сестер» и придерживался мнения, что карточная система Таро имеет египетское происхождение. Гебелин считал, что карта под названием «Звезда» под номером XVI в колоде Таро фактически обозначала Сириус, или «звезду Исиды».[1338] Позднее мы обсудим связь Таро с высшими степенями Шотландского Обряда во франкмасонстве, а пока что вернемся к нашей истории. Каким бы ни было наше мнение о Калиостро как о человеке, не вызывает сомнений, что «Великий Копт» и основатель ложи Египетского Обряда оказал огромное психологическое влияние на события, которые постепенно разворачивались в Париже.

Известно, к примеру, что в зените своей славы Калиостро очень надеялся, что его Египетский Обряд получит официальное признание со стороны герцога Орлеанского, двоюродного брата короля, который в то время был магистром ложи Великого Востока.[1339]

При посредничестве герцога Монморанси, который одновременно был официальным протектором ложи Египетского Обряда и главным администратором французской ложи Великого Востока, удалось организовать визит Филиппа Орлеанского в ложу Калиостро на рю Сен-Клод. По-видимому, герцог Орлеанский остался доволен и предложил Калиостро свое попечительство.[1340] Эта связь, как мы убедимся впоследствии, безусловно, оказала влияние на драматические события революции 1789 года с участием герцога Орлеанского.

Во время суда в Париже в мае 1786 года судья задал Калиостро недвусмысленный вопрос: «Кто вы такой?» На что Калиостро ответил: «Я высокопоставленный путешественник».[1341] В самом деле, Калиостро часто говорил о своих обширных странствиях по Востоку, особенно по Египту и другим исламским странам. Памятуя об этом, историк и исследователь эзотерических дисциплин Джослин Годвин указывает на обстоятельство, которое может прояснить таинственный ответ Калиостро французскому судье:

«Мистические путешествия по странам Востока были сквозной темой европейского оккультизма с тех пор, как тамплиеры поселились в Иерусалиме, а мифический Христиан Розенкрейц обучился своему искусству в Дамаске. Мы находим эту тему в жизни Парацельса и Калиостро, а потом, когда путешествовать стало проще, — в жизни целого ряда известных деятелей, включая П. Б. Рэндольфа, Е. Блаватскую, Макса Теона, Г. Гурджиева, Алистера Кроули, Рене Генона, Р. А. Шволлера де Любича и Анри Корбена. Некоторый элемент мистицизма присутствовал и в египетской кампании Наполеона 1797 года, когда он объявил пораженным слушателям, что тоже является мусульманином».[1342]

Свет разума

Однако другие исследователи толковали загадочный ответ Калиостро как зашифрованное сообщение на языке масонов, адресованное его судьям в надежде, что они признают в нем посвященного члена антиклерикального и антимонархического общества баварских иллюминатов.[1343]

В главе 16 мы упоминали о том, что баварские иллюминаты были очень недолговечным, но громко заявившим о себе тайным братством, занимавшим радикальную антицерковную позицию. Братство иллюминатов было основано в 1776 году Адамом Вейсхауптом, бывшим иезуитом и профессором юриспруденции Ингольштадтского университета. Его официальная структура возникла в 1779 году с помощью барона Клюгге, масона и члена тамплиерского ордена «строгого соблюдения», основанного бароном фон Хундом.[1344]

Одно из замечаний Вейсхаупта свидетельствует о честолюбивых планах иллюминатов о проведении общественных и культурных реформ: «Князья и нации исчезнут с лица земли без насилия, человеческий род станет одной семьей, и мир превратится в обитель разумных людей. Только нравственность может позволить, чтобы эти перемены произошли безболезненно».[1345]

Согласно историку масонства Альберту Дж. Маккею, «внутренней целью» баварских иллюминатов было «достижение высочайшей нравственности и добродетели благодаря взаимопомощи его членов и заложение основ мировой реформы через союз со всеми людьми доброй воли и противодействие распространению нравственного зла».

Иными словами, иллюминаты ставили перед собой амбициозную задачу глобальных реформ, некую разновидность нового мирового порядка, и призывали к уничтожению монархии и объединению под «всеобщей властью разумных людей». В довольно любопытном высказывании Томаса Джефферсона, сделанном по другую сторону Атлантики, имя Вейсхаупта всплывает в связи с идеей воспитания «разумных и добродетельных людей»:

«Поскольку Вейсхаупт жил при тирании деспотического монарха и священнослужителей, он знал, что осторожность необходима даже при распространении сведений о принципах чистой нравственности. Он окутал свои воззрения мистическим ореолом… Если бы Вейсхаупт писал свои сочинения здесь [т. е. в Америке], где нет необходимости держать в тайне наши усилия по воспитанию разумных и добродетельных людей, он не стал бы изобретать секретных механизмов для этой цели».[1346]

Хотя Джефферсон не упоминает слово «рассудок», известно, что его называли «человеком рассудка» и он чтил это качество едва ли не выше всех остальных, о чем ясно свидетельствует другое его знаменитое высказывание: «Теперь только от нас зависит, сможем ли мы наслаждаться миром и вкушать плоды самоуправления, которых так долго было лишено человечество; мы на собственном примере можем доказать, что человеческого рассудка достаточно для того, чтобы позаботиться о людских делах…»[1347]

Действительно, «рассудок» был главной добродетелью для французской и американской революций, а во Франции, как мы помним из главы 1, «культ рассудка» был даже предложен в качестве замены христианства.

Глаз в пирамиде

Тем временем ультрарадикальные баварские иллюминаты, появившиеся в результате странного союза между масонами и иезуитами, стали рассылать своих эмиссаров по всей Европе. Может быть, поэтому Калиостро называл себя «высокопоставленным путешественником». Как и розенкрейцеры до них, баварские иллюминаты вели крайне скрытное существование и предпочитали путешествовать инкогнито, часто под псевдонимами

и кодовыми именами. Сам Вейсхаупт взял себе кодовое имя «Спартак». Город Ингольштадт, где располагалась штаб — квартира иллюминатов, получил кодовое название «Элевсий», а сама Бавария называлась «Египтом». Революционность и антиклерикальная направленность иллюминатов вызывали резкое осуждение со стороны церкви, особенно иезуитов, которые в конце концов убедили Карла-Теодора, курфюрста Баварского, объявить их вне закона в Германии в 1784 году.[1348]

Антимасонские группировки часто утверждают, что знаком иллюминатов был «глаз в пирамиде» и что документы, свидетельствующие об этом, были конфискованы курфюрстом Баварским и ныне (по причинам, на которых мы не будем останавливаться) хранятся под замком в Британском музее.[1349] Однако этот символ был широко известен задолго до иллюминатов. К примеру, им пользовались герметисты и каббалисты в XIV–XVIII веках.[1350]

Как бывший иезуитский священник, Вейсхаупт, несомненно, был знаком с сочинениями Атанасиуса Кирхера, с которым мы познакомились в главе 15, — иезуита, увлекавшегося герметизмом и Каббалой, особенно интересовавшегося египетскими обелисками и принимавшим участие в исследовании пирамид Гизы в 1637 году. Кирхер широко пользовался символом «глаза в пирамиде».

К примеру, этот символ можно видеть на обложке его книги Ars Magna Sciendi («Великое искусство знания»),[1351] а также на вершине египетского обелиска, увенчанного «двуглавым орлом Габсбургов», который Кирхер выполнил по особому заказу германского императора Фердинанда III.[1352] Мимоходом заметим, что символы двуглавого орла и «глаза в пирамиде» широко используются Верховным Советом тридцать третьей степени Шотландского Обряда франкмасонства.[1353]

В 1776 году, когда Вейсхаупт основал братство баварских иллюминатов, точно такой же символ «глаза в пирамиде» или «глаза в треугольнике» был предложен в качестве эмблемы для Большой Печати для недавно созданного государства под названием Соединенные Штаты Америки.[1354] Эскиз печати был выполнен Пьером-Эженом Симитьером, швейцарским художником, эмигрировавшим в американские колонии в 1766 году и поселившимся в Филадельфии. Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон, подписавшие Декларацию независимости, были членами комитета, учрежденного для разработки новой государственной символики, и копия эскиза печати, выполненная самим Джефферсоном в 1776 году (ныне хранится в архивах библиотеки Конгресса), содержит «глаз в треугольнике».[1355] Впоследствии мы расскажем о том, как в июле 1776 года Франклин отбыл из Америки во Францию в составе делегации Конгресса, направляющейся в Париж, и там был провозглашен героем американской революции в модных салонах и масонских ложах.

Иллюминаты и герцог Орлеанский

Историки этого периода указывают на совпадение во времени двух разных событий: подписание Декларации независимости в Америке в июле 1776 года и основание братства иллюминатов в Германии. Точно неизвестно, существовали ли прямые контакты между Франклином, Джефферсоном и баварскими иллюминатами через каналы французских и немецких масонских лож, но совершенно ясно, что Франклин и Джефферсон знали об организации Вейсхаупта (см. цитату из Джефферсона ранее в этой главе). Пребывание Джефферсона в Париже с 1784 года по сентябрь 1789 года указывает на высокую вероятность его контактов с иллюминатами, как мы убедимся в главе 19.

Принято считать, что баварские иллюминаты попросту прекратили свое существование после гонений 1784 года в Германии,[1356] однако не все убеждены в этом. Некоторые считают, что члены братства иллюминатов внедрились в масонские ложи и спровоцировали

политичёские беспорядки в нескольких европейских странах, особенно во Франции, где в 1789 году совершилась революция.

Одной из самых видных сторонниц «теории иллюминатов» была британская писательница и историк Неста Вебстер. Она утверждала, что механизм французской революции был запущен в результате осуществления нескольких тайных заговоров между иллюминатами и французскими масонами.[1357] Вебстер и некоторые другие авторы рассматривают герцога Орлеанского, магистра ложи Великого Востока, как главного злодея и закулисного агитатора парижских революционных толп, особенно той части толпы, которая штурмовала Бастилию 14 июля 1789 года.

Нельзя отрицать, что герцог Орлеанский сыграл жизненно важную роль в революционных событиях, но историки уже давно спорят о том, насколько обширным было его влияние. В масонской ложе La Parfait Union из города Ренна существуют записи, оставляющие мало сомнений в том, что масоны считали его главной движущей силой событий, которые привели к революции:

«Из наших храмов [лож] и от причастных к священной философии [франкмасонству] произошли первые искры священного огня, который, быстро распространяясь с запада на восток и с севера на юг Франции, овладел сердцами граждан… Никто из нас, мои дорогие братья, не может отрицать, что наш магистр, герцог Орлеанский, принял наибольшее участие в той достославной Революции, которая только что началась…»[1358]

Если это правда, то существует возможность, что герцог Орлеанский заключил тайный договор с агентами баварских иллюминатов.[1359]

Французский историк Андре Фоше говорит о том, что один из ближайших сподвижников герцога, Оноре Габриель Рикети, более известный как граф Мирабо, самый красноречивый из всех французских революционеров, в 1776 году «посетил город Брунсвик и встретился с баварскими иллюминатами». Хотя некоторые историки высказывают сомнение в принадлежности Мирабо к франкмасонству, есть доказательства, подтверждающие его членство в масонском братстве как минимум с 1776 года.[1360]

Красноречивые высказывания двух знаменитых масонов того времени, загадочного графа Сен-Жермена и гипнотизера Франца Антона Месмера, указывают на присутствие агентов баварских иллюминатов в Париже незадолго до революции. Некоторые исследователи предполагают, что термин «высокопоставленный путешественник», использованный Калиостро во время суда над ним, мог быть тайным паролем иллюминатов.[1361] Разумеется, нельзя забывать и о том, что во время суда над Калиостро в Риме он признал свою причастность к братству иллюминатов.[1362]

Герцог Орлеанский, Филипп Эгалите

Герцог Орлеанский был потомком Фридриха Пфальцского и Елизаветы Стюарт, злосчастной королевской четы из Богемии, непредумышленно ускоривших деятельность розенкрейцеров в Германии и другие события, которые привели к Тридцатилетней войне. Прапрадед герцога, тоже Филипп Орлеанский, был вторым сыном Людовика XIII и младшим братом «короля-Солнца» Людовика XIV. В 1661 году Филипп женился на Генриетте Английской, дочери Карла I, а в 1671 году снова женился, на этот раз на Шарлотте-Елизавете, принцессе Пфальцской и дочери Карла-Людовика, курфюрста Пфальдского и сына Фридриха и Елизаветы из Богемии.[1363]

Не вызывает сомнений, что с такой родословной герцог Орлеанский был завзятым англофилом, и его одержимая увлеченность английскими традициями и культурой

обусловила появление в высших кругах парижского света причудливой моды, известной как англомания. Герцог восхищался британским парламентом, устройством конституционной монархии и открыто противостоял деспотическому правлению своего дяди Людовика XV, который изгнал его в Англию в 1771 году. Впоследствии он вернулся в Париж, где сразу же оказался в оппозиции новому королю Франции, Людовику XVI.

В 1786 году герцог Орлеанский был избран магистром французской ложи Великого Востока и таким образом фактически стал главой всех франкмасонов в этой стране. Будучи невероятно богатым человеком и единственным владельцем значительной части лучшей недвижимости во Франции, герцог сблизился со знаменитым революционным оратором Мирабо, а его огромная личная резиденция в Пале-Рояль стала местом регулярных встреч для революционно настроенных парижан.

Многие считают, что он воспользовался своим огромным состоянием для финансирования революционеров, а некоторые даже полагают, что он был невидимой силой, стоявшей за штурмом Бастилии в июле 1789 года.

Как бы то ни было, совершенно ясно, что он ненавидел своего кузена Людовика XVI и был в числе тех, кто голосовал за его казнь в 1793 году. Вполне возможно также, что герцог тешил себя несбыточной надеждой самому стать королем и учредить конституционную монархию наподобие английской.

Герцог так ревностно поддерживал Конвент и Парижскую коммуну — два главных революционных органа, управлявших Францией после революции, — что в 1792 году Филипп Орлеанский сменил имя и стал Филиппом Эгалите.[1364] Но, к несчастью для Филиппа Эгалите, у него сложились очень неприязненные отношения с маркизом Лафайетом, героем и французской, и американской революций. Это наряду с другими факторами в конце концов привело к его падению, и в ноябре 1793 года Филиппа Эгалите постигла такая же участь, как и его царственного кузена, когда его голова слетела с плеч под лезвием гильотины. Однако честолюбивые помыслы о конституционной монархии во Франции были воплощены в жизнь его старшим сыном Людовиком — Филиппом I, так называемым «королем-гражданином», который в 1830 году взошел на французский трон с помощью заклятого врага своего отца, маркиза Лафайета.

Вскоре мы увидим, как волна антиклерикальных настроений, порожденная событиями 14 июля 1789 года, прокатилась по всей христианской Европе и новая, хотя и очень старая религия едва не возродилась из чрева богини, которую теперь назвали «рассудком». Эти события, безусловно, заворожили бы графа Калиостро, который, к сожалению, теперь медленно гнил в папской темнице в окрестностях Неаполя. Кто касается богини Рассудка, то, как выяснилось, она сильно напоминала египетскую богиню Исиду, которую Калиостро так превозносил в Париже…[1365]

За кулисами революции

Утром 14 июля 1789 года толпа численностью около 800 человек собралась на парижских улицах и беспорядочным строем двинулась к Бастилии. Вооруженная чем попало из недавно разграбленного арсенала в Доме Инвалидов, эта толпа осадила слабо защищенную тюрьму и через несколько часов «освободила» семерых несчастных заключенных.[1366] Шестеро швейцарских наемников, охранявших Бастилию, были изрублены в куски. Голову тюремного надзирателя Бернара-Рене Жордана, маркиза де Лонэ, отрубили тупым мясницким ножом и носили по Парижу до поздней ночи.[1367]

Стереотипные описания французской революции, с которыми большинство из нас знакомится в школе, изображают угнетенных парижан, доведенных до мятежа голодом и

тиранией, марширующих в ногу против королевских войск и распевающих «Марсельезу». На самом деле, разумеется, картина была совсем не однозначной.

Действительно, экономические и политические условия в стране были ужасающими и вполне пригодными для революционной ситуации. После морозной зимы 1788/1789 года наступил неурожай. Кроме того, Людовик XVI оказался некомпетентным политическим деятелем, чьи попытки избежать государственного банкротства играли на руку агитаторам. Все эти факторы создавали питательную почву для революции, но мы не должны приходить к поспешному выводу, что кто-то из них мог ее спровоцировать своим выступлением.

История показывает, что настоящие революции очень редко происходят без кропотливой интеллектуальной и даже финансовой подготовки, которая происходит за кулисами. Во Франции уже много лет существовало подрывное интеллектуальное движение, имевшее особенно сильные позиции среди образованных людей и либеральной аристократии. Пропагандируя политические взгляды таких мыслителей, как Вольтер, Жан-Жак Руссо и других энциклопедистов, многие из которых были масонами,[1368] это — поначалу довольно рыхлое — движение подготовило сцену для свержения старого режима.

Герцог Орлеанский, грубо отстраненный от двора королевой Марией-Антуанеттой, которая сильно недолюбливала его, возненавидел не только ее, но и своего кузена Людовика XVI и весь версальский двор. Вскоре он пустил свое огромное личное состояние на финансирование различных организаций, таких, как печально известный Якобинский клуб, враждебно настроенных по отношению к королевской семье. Существуют свидетельства, сознательно замалчиваемые историками, указывающие на существование «теневого правительства», возглавляемого герцогом Орлеанским и другими пропагандистами, которое осуществляло подрывные кампании во многих из 600 с лишним масонских лож во Франции, 65 из которых находились в Париже.

Известно, что герцог восхищался британской конституционной монархией. Он был богатейшим человеком во Франции и прямым наследником французского престола. Все это подразумевает, если не доказывает, что «революция» первоначально предназначалась не для свержения, а для «реформирования» существующей монархии и ее превращения в конституционную систему по британскому образцу под управлением герцога Орлеанского, а более радикальная идея об учреждении республики по образцу американских Соединенных Штатов появилась позднее.

Когда третье сословие обрело свой голос

В начале 1788 года Людовика XVI убедили в необходимости провести собрание Генеральных Штатов в мае 1789 года. Это оказалось смертельной ошибкой.

Традиционно, во Франции существовало три так называемых «штата», или сословия: дворянство, духовенство и буржуазия вместе с остальным населением. В январе 1789 года аббат Сиес опубликовал памфлет, где наглядно демонстрировалось, каким ничтожным влиянием третье сословие на самом деле пользуется в государственных делах, несмотря на то что оно представляет 98 % населения.[1369] В памфлете под названием «Что такое третье сословие?» Сиес смело призывал к составлению проекта конституции и учреждению Национального собрания, не включающего дворянство и духовенство. Тысячи экземпляров этого памфлета были проданы и распространены по всей Франции. Так в стране начали прорастать семена республиканской идеи.

Не случайно, что аббат Сиес был масоном и членом могущественной ложи «Девяти сестер» в Париже.[1370] В первой главе мы обсуждали происхождение этой ложи, в которую входили такие мыслители, как Бенджамин Франклин, Кондорсе, Гильотен, Курт де Гебелин

(изобретатель современной колоды Таро), астроном Лаланд, математик Ромм и радикальные революционные лидеры Демулен и Дантон.[1371]

Как и Сиес, Демулен проповедовал революцию и тоже опубликовал памфлет под названием La Philosophie du peuple ffancaise, за которым последовала атака на монархию в июне 1789 года. Голос Демулена был слышен громче всех, кто призывал к вооруженному восстанию в канун революции, во время сборища в резиденции герцога Орлеанского, которая в то время служила штаб-квартирой революционеров.

Дантон был основателем воинствующего клуба Кордельеров, который, как и Якобинский клуб, являлся одной из самых радикальных и влиятельных организаций во время революции. Клуб Кордельеров носил официальное название «Общества друзей за права человека и гражданина», но унаследовал название «кордельеры» от бывшего францисканского монастыря, расположенного на рю де Корделье, где проводились его первые собрания. Кордельеры принимали в свои ряды людей любого достатка, национальности и вероисповедания. К ним примкнули многие влиятельные журналисты и писатели, такие, как Жан-Поль Марат, Камилл Демулен, Пьер-Франсуа Робер и Никола де Бонвиль.

Катастрофическое заседание Генеральных Штатов началось 5 мая 1789 года. Третье сословие имело 584 представителя по сравнению с 290 представителями дворянства и 292 представителями духовенства. На заседании присутствовал Людовик XVI с королевой Марией-Антуанеттой. Среди представителей всех трех сословий было довольно много франкмасонов, в том числе знатных, таких, как маркиз Лафайет, Мирабо, герцог Орлеанский и Робеспьер.

Уже на первом заседании король и его сторонники проявили слабость и замешательство, и вскоре стало очевидно, что у них нет ясного плана для разрешения очень серьезного экономического кризиса, в котором находилась страна. Итог был предсказуемым: переговоры между третьим сословием и дворянством закончились провалом. В знак вызова третье сословие изменило свое название на Коммуны («Общины»), по сути дела учредив конституционную монархию. Во главе этого начинания стояли Мирабо и аббат Сиес. Мирабо предложил называть Коммуны «представителями французского народа». Сиес приду мал\лучшее название — «Национальное собрание», которое в конце концов и было принято. Несколько видных дворян во главе с герцогом Орлеанским и маркизом де Лафайетом предложили свою поддержку Национальному собранию. Этого можно было ожидать, но для дворянства и духовенства было потрясением, когда Шарль-Морис де Талейран, представитель второго сословия, тоже примкнул к Национальному собранию.

Талейран, родившийся в знатной семье, еще в юном возрасте вступил в сословие духовенства. В 1789 году, незадолго до падения Бастилии, Людовик XVI сделал его епископом. После присоединения к Национальному собранию он был в числе первых, кто предлагал конфискацию всего имущества французской церкви.[1372] Неделя проходила за неделей во все более радикальных дискуссиях, но 20 июня король вмешался и приказал своей страже не пускать членов Национального собрания в зал заседаний. Возмущенные этим решением, они встретились в другом зале — в Версале, — использовавшемся особами королевской крови для игры в лаун-теннис. В своей знаменитой «клятве на теннисном корте» члены Национального собрания поклялись, что останутся там, пока в стране не будет создана прочная политическая и юридическая основа для конституционной монархии.

Новое собрание с участием короля было назначено на 23 июня, но теперь Людовик XVI угрожал воспользоваться своим божественным правом королевской власти и действовать самостоятельно «от лица народа». Он приказал делегатам Национального собрания разойтись и демонстративно покинул зал. Делегаты отказались подчиниться и остались на своих местах. Маркиз де Друбриз, стойкий роялист и глашатай короля, снова приказал покинуть помещение «именем короля», но Мирабо крикнул в ответ: «Сир, идите и скажите тем, кто послал вас, что мы находимся здесь по воле народа и что нас можно сдвинуть с

места только силой штыков». Когда Друбриз доложил об этом королю, тот якобы ответил: «Черт с ними, пусть остаются!»[1373]

Жребий был брошен, и с этого момента события развивались стремительно. Людовик XVI призвал свои войска в Версаль, дал отставку премьер-министру Неккеру и сформировал новое правительство для «противодействия» Национальному собранию, но было слишком поздно. В Пале-Рояль члены Национального собрания, поддерживаемые финансовой мощью герцога Орлеанского и всем населением Парижа, готовились к полномасштабной конфронтации, и агитаторы теперь открыто призывали к вооруженному мятежу против старого режима. Вскоре отдельные части армии стали переходить на сторону Национального собрания. Кульминационный момент наступил 14 июля 1789 года, когда толпы горожан отправились штурмовать Бастилию.

Рост национального самосознания?

Разумеется, в задачу этой книги не входит полный обзор политических и культурных потрясений, стоявших за французской революцией. Мы также не можем рассмотреть все мнения и аргументы «за» и «против» относительно степени влияния и участия масонов в революции. Исторические события не только ушли в прошлое, но также подверглись значительным искажениям из-за предубежденного отношения со стороны разных фракций, стремившихся либо принизить, либо преувеличить роль масонов. Одной из этих фракций является само масонство, представители которого предпочитают больше наводить туман, чем прояснять ситуацию. К примеру, в 1976 году Фред Зеллер, магистр французской ложи Великого Востока, выступил с таким любопытным мнением:

«Мы можем быть уверены, что франкмасоны не находились в заговоре против французского трона и не работали над учреждением республики… По правде говоря, в то время никто не думал об этом, но они медленно и терпеливо в течение более полувека тайных дискуссий (запрещенных законами тою времени) укрепляли общественное самосознание надеждой и желанием перемен. В 1789 году во Франции насчитывалось более 70 тысяч масонов, поэтому неудивительно, что большинство парламентариев в революционных ассамблеях были членами масонских лож».[1374]

Даже тщательно выбранные слова не могут скрыть тот очевидный факт, что масонские ложи играли важную роль в событиях, которые привели к французской революции. В 1983 году Поль Гудро, магистр ложи Великого Востока, был более откровенен в своем заявлении. Он сказал, что хотя такие энциклопедисты, как Монтескье, Дидро и Вольтер, подготовили «дух» революции, тем не менее «такие люди, как Кондорсе, Сен-Жюст, Дантон [масоны], осуществили принципы Первой республики с ее бессмертной «декларацией прав человека», которая была создана в наших ложах…»[1375]

Другой аспект французской революции, в котором масоны тоже принимали непосредственное участие, все еще требует объяснения. Это феномен дехристианизации, о котором мы упоминали в главе 1, и попытка Национального собрания заменить христианство «культом богини Рассудка» и «культом Высшего Существа».

Две сотых секунды

Холодным утром 21 января 1793 года огромная толпа собралась на парижской площади Революции (современная площадь Конкорд), чтобы посмотреть казнь Людовика XVI. Четыре палача связали ему руки за спиной, положили ничком и просунули голову в поперечную

балку гильотины. К удивлению парижан, король проявил мужество в этот жуткий момент и даже попытался обратиться к народу с горькой прощальной речью, но был грубо прерван грохотом барабанов, возвещавших о начале казни. Вот последние его слова, которые удалось расслышать: «Народ Франции, я невиновен. Я прощаю тех, кто приговорил меня к смерти. Молю Бога о том, чтобы кровь, которая прольется здесь, не пала на Францию. А ты, несчастный народ…»

Гильотина, механизм которой был совсем недавно усовершенствован по отношению к прежнему усилиями анатома Жозефа Гильотена, была чрезвычайно эффективной. По некоторым оценкам, почти безболезненный процесс обезглавливания занимал лишь две сотых секунды. Гильотен был масоном и членом ложи «Девяти сестер». Он также был активным членом Национального собрания. Он изобрел свою машину смерти специально для приведения в исполнение смертных приговоров, большое количество которых ожидалось после падения Бастилии, но даже самые кровожадные не могли предсказать, Сколько тысяч жертв будет обезглавлено на гильотине в первые годы республиканского правления, которые вошли в историю как «власть террора».[1376]

После казни Людовика XVI Марии-Антуанетте предстояло ждать еще девять месяцев до собственной встречи с гильотиной, но еще раньше, в 1790 году, когда королева находилась под домашним арестом во дворце Тюильри, она написала такие пророческие слова своему брату, австрийскому императору Леопольду II: «Внимательно следи за всеми масонскими союзами в твоей стране. Мы уже поняли, что эти чудовища лелеют намерение сделать то же самое во всех других странах. Боже, спаси мою родину Австрию от таких бед».[1377]

Исида Бастильская

За несколько недель до казни королевы в Париже произошло очень странное событие. На городской сцене, словно из-за какой-то внутренней потребности в матриархальном символе, неожиданно появилась статуя древнеегипетской богини Исиды, воздвигнутая на площади Бастилии 10 августа 1793 года. Знакомясь с этой загадкой в главе 1, мы упомянули о том, что она была поспешно изготовлена художником Жаком-Луи Давидом, близким другом революционного лидера Робеспьера, исполнявшим обязанности министра пропаганды в Национальном собрании.

В память об этом событии в 1794 году была отчеканена монета со следующим описанием: «Работа знаменитого гравера Дюпре… избравшего культ Исиды для изображения богини Рассудка; первая памятная монета, отчеканенная во Франции».[1378] На монете изображена так называемая «Исида Бастильская», или «Фонтан Обновления», высота которого вместе с пьедесталом достигала 20 футов. Египетская богиня сидит на троне в обрамлении двух львов, а у ее ног находится большая купель, украшенная изображением крылатого солнечного диска, символа фараонов, который часто использовался герметистами, розенкрейцерами и масонами.[1379]

Верхняя часть тела Исиды Бастильской была обнажена; ее большие груди символизировали идею плодородия и обновления для новой Французской республики. Вода из ее сосков струилась в бассейн, и люди стояли в очереди, чтобы испить «воды обновления» под музыку оркестра, игравшего популярные революционные мелодии.

Жан-Луи Давид, заведовавший этим странным празднеством, был народным героем с самого начала революции. Многие его картины, изображавшие героизм и республиканские добродетели, становились культовыми объектами для Парижан. Пламенный революционер, Давид прославился не только своими произведениями, но и красноречивыми философскими выступлениями в Национальном собрании. Он был в числе тех, кто громко требовал смертного приговора для Людовика XVI в 1792 году. Некоторые более радикальные

революционные фракции, такие, как санкюлоты, даже считали его мессией, явившимся для возрождения духа Франции, и Давид относился к этой роли со всей серьезностью.[1380]

Изгнание церкви

За год до гильотинирования Людовика XVI и Марии-Антуанетты ультрарадикальная фракция среди революционеров начала кампанию по избавлению Франции от христианства, рассматривая его как нежелательный аспект старого режима, не соответствующий новой республике и ее идеалам.[1381] Значение этой инициативы в полной мере проявилось в октябре 1793 года, когда священники и монахи по всей Франции были вынуждены публично отрекаться от своего духовного сана, а имущество их церквей и монастырей конфисковывалось государством.

Члены ультрарадикальной группы в Национальном конвенте — новое название Национального собрания после его переформирования в сентябре 1792 года — называли себя «эбертистами».[1382] Именно они были наиболее рьяными сторонниками дехристианизации. Их лидерами были Пьер Гаспар Шометт, видный член парижской Коммуны, и популярный журналист Жак-Рене Эбер.

Эбер выпускал радикальную газету под названием Le Pere Dushene, расходившуюся широким тиражом в дни революции. И Эбер, и Шометт были ревностными франкмасонами.[1383] В августе 1792 года Эбер стал лидером ультрарадикального клуба Кордельеров, ранее находившегося под управлением Максимилиана Робеспьера, Жан-Поля Марата и Жоржа Дантона (так называемый Триумвират).

По-видимому, такие радикалы, как Шометт и Эбер, хотели не только изменить государственный строй во Франции, но и преобразить саму душу нации. Интересный рассказ об этих событиях оставила писательница XIX века баронесса Эммуска Орци, прославившаяся своей книгой «Алая гвоздика». Хотя она писала художественные произведения, ее истории были основаны на исторических событиях и превосходно уловили настроения, царившие в революционной Франции:

«Париж 1793 года… Вперед и только вперед! Это дикий всепобеждающий поток, над которым веют ветры анархии и терроризма, похоти, крови и ненависти, настоящий ураган ужаса и разрушений. Вперед и только вперед! Франция вместе с Парижем и всеми своими детьми вовлечена в слепую, безумную гонку. Она отвергает могущественную коалицию — Австрию, Испанию, Англию, Пруссию, объединившуюся для прекращения бесчинств, — она отвергает вселенную и самого Бога! О, Париж в сентябре 1793 года! Город кровавых жертв, опустившийся в пучины человеческой деградации! Франция похожа на огромного монстра, пожирающего самого себя… Вот твоя награда, могучая и священная революция, апофеоз равенства и братства, вызов упадочническому христианству!

Тигр-людоед облизал свои мощные челюсти и на мгновение задумался. Грядет что-то новое и удивительное! У нас есть новая революция, новый суд, новые законы! Что дальше? Ну конечно же! Почему великий интеллектуальный Париж раньше не додумался до такой замечательной вещи? Новая религия!

Христианство устарело; его священнослужители — аристократы, богатые угнетатели народа, а церковь — еще одна разновидность тирании. Так давайте же заведем новую религию, если мы уже приложили столько усилий, чтобы разрушить старую! Разрушать! Всегда разрушать! Церкви разграблены, алтари осквернены, священники и настоятели монастырей убиты, но этого недостаточно, нужна новая религия, а для этого нужно изобрести нового бога. «Человек — прирожденный идолопоклонник»? Очень хорошо! Пусть

народ получит новую религию и нового бога. Но стойте! Не Бога — ибо Бог подразумевает королевскую власть и все то, на что обрушилась могучая длань французского народа, — не Бога, а богиню! Идола! Игрушку!

Париж возжелал новой религии… И вот серьезные люди, пламенные патриоты и безумные энтузиасты заседают на ассамблее Конвента и всерьез обсуждают возможность обеспечить новое божество теми средствами, которые ему потребны. Думаю, Шометт первым решил проблему… Шометт первым обнаружил, какая новая религия нужна Парижу. «Пусть у нас будет богиня Рассудка, — сказал он. — Пусть народ радуется и танцует вокруг погребального костра старой религии, а новая богиня будет с торжествующей улыбкой наблюдать за этим. Богиня Рассудка! Единственное божество, которое наша новая и обновленная Франция будет признавать в грядущие столетия!»

Эта страстная речь была встречена громкими аплодисментами. «Пусть будет новая богиня! — кричали серьезные господа из Национальной ассамблеи. — Богиня Рассудка… Эта богиня должна быть прекрасной… но не слишком юной… Рассудок может идти рука об руку только со зрелым возрастом… Она должна быть одета на античный манер… Ее нужно нарумянить и раскрасить… О да, это будет блистательный праздник, благодаря которому народ Франции ощутит прикосновение руки, правящей судьбами всех людей. Да здравствует богиня Рассудка и Робеспьер, пророк ее!»

В эти ужасные годы (1793–1794) по всей Франции грабили и оскверняли церкви и соборы и, к ужасу папы римского, здания превращали в «храмы» для нового культа богини Рассудка, которую также называли «Свободой» или «Природой». В своей книге «Женщины-святые» писательница Кэтлин Джонс подробно описывает эти события: «В дни якобинского террора священники и монахи оказывались перед угрозой гильотины, и многие погибли, отказавшись поклясться у верности новому режиму и отвергнуть свое призвание. Вооруженные отряды закрывали церкви, снимали колокола, уничтожали алтари и распятия, устраивали костры из священнических облачений и исповедальных кабинок Популярным зрелищем был священник, публично отрекающийся от своего сана, а для мирян изобрели обряд «раскрещения». Любое общественное и частное обращение к Богу находилось под запретом. Десятого августа 1793 года художник Жак-Луи Давид, один из энергичных сторонников революции, организовал светскую церемонию принятия новой конституции. На месте Бастилии воздвигли огромную статую богини Природы [Исида], из грудей которой струи воды лились в бассейн. Учредили новый календарь, который начинался не от Рождества Христова, а от провозглашения республики. Месяцы получили новые названия, была введена десятидневная неделя (декада).

Праздники Рождества, Пасхи, Троицы и Преображения были отменены вместе с днями памяти христианских святых. Взамен учредили 36 новых праздников, по одному на каждую декаду, в честь рассудка, мужества, материнства, воздержанности, ненависти к тиранам и прочих идеалов режима. Десятого ноября в парижском соборе Нотр-Дам проводился большой праздник Рассудка, а сам Нотр-Дам был переименован в храм Свободы.

Новая система имела разные проявления в регионах Франции: местные чиновники организовывали празднества, варьировавшие от невинных языческих обрядов до прямого возбуждения общественной ненависти против любой религии. В Гавре добропорядочную девушку на один день делали богиней Рассудка и подносили ей цветы с ритуальными танцами; на юге, в Пуатье, проводили гротескные церемонии, где людей, одетых заклинателями, священниками, папами, монахами, ангелами и монашками, прогоняли через церковь Сен-Поршад».[1384]

Кибела-Исида

Профессор Франсуа Олард (1849–1928), уважаемый историк французской революции, несколько принижает роль этих событий, утверждая, что антиклерикальное движение было не таким радикальным, как считают большинство историков.[1385] Но Олард сам был воинствующим антиклерикалом и, вероятно, имел предвзятое мнение по этому вопросу. Многие другие французские историки и специалисты по периоду французской революции, такие, как Мишель Вовель, директор Института истории революции в Париже, придерживаются совершенно иной точки зрения:

«В период с октября 1793 года по июнь 1794 года во Франции была предпринята массированная атака на христианство с целью искоренения христианской религии. Восторжествовал культ богини Рассудка; в ее честь открывали храмы, а в ее роли выступали живые люди… Священники десятками тысяч отрекались от своего сана, и многие из них даже женились…»[1386]

Но к июню 1794 года процесс дехристианизации полностью вышел из-под контроля. Даже революционный лидер Робеспьер был устрашен творящимся хаосом и стал искать альтернативу позорным бесчинствам. Повсюду во Франции организовывались непристойные псевдоязыческие процессии, часто во главе с пышными женщинами в роли «Свободы», «Рассудка» или «Природы», завернутых в синие и голубые вуали и носивших красные фригийские колпаки (см. глава 1). «Богинь» сопровождали возбужденные толпы, танцующие и распевающие, что напоминало греческие вакханалии или римские хиларии. Образы этих процессий во главе с «богинями», носившими фригийские колпаки, приводят на ум грандиозные языческие процессии в честь фригийской богини-матери Кибелы, которые происходили в древней Франции до появления христианства. Кибелу часто связывали с Исидой, как объясняют Н. Баринг и Жюль Кэшфорд в своей превосходной книге «Миф о богине»:

«Во времена Римской империи культ Кибелы стал частью римской государственной религии. Он существовал наряду с культом Исиды… и оба пользовались распространением во всей Римской империи… Интересным символом, встречающимся у разных цивилизаций, является «фригийский колпак», который носили жрецы Кибелы. Этот характерный колпак впервые появляется на Крите… впоследствии в Греции, где его носит Гермес, посланец богов… в наши дни сходные колпаки носят суфийские дервиши… Деву Марию почитали в разных местах, некогда освященных в честь Кибелы и Исиды».[1387]

В своей книге «Кибела и Аттис» ученый Маартен Дж. Верма — серен приводит описание Кибелы, ясно демонстрирующее, что эта богиня считалась воплощением природы и космоса в целом:

«Богиня правит не только природой: ее власть простирается гораздо дальше. Она стоит в центре вселенной, возвышаясь над временем, Солнцем, Луной, Землей, морем и временами года. Перед ее колесницей стоит Древо Жизни, стилизованное под обелиск, обвитый змеей».[1388]

Французский ученый Юргис Балтрушайтис в своей книге La Quite dlsis убедительно доказывает, что французские историки XVII века практически отождествляли Кибелу с Исидой. По сообщению Балтрушайтиса, в 1675 году священник Беррье, копавший землю в церковном саду, обнаружил бронзовую статую божества женского пола с головным убором в виде башни. Подробности этого открытия были опубликованы в 1683 году Клодом Молинэ, каноником церкви Св. Женевьевы в Париже. Вот как Молинэ описывает статую:

«Богиня, которую греки называли Ио, а египтяне Исидой, такая же, как та, которую римляне чтили под именем Кибелы, отождествлявшейся с Землей или Природой. У египтян она была супругой Осириса».[1389]

Балтрушайтис утверждает, что иконография статуй Кибелы и Исиды, обнаруженных во Франции, «практически идентична… Кибела, как и Исида, увенчана головным убором в форме башни».[1390]

Исида снова скрывается за культом Высшего Существа

В конце весны 1794 года Робеспьер, который теперь был безоговорочным лидером Национального собрания в Париже, начал враждовать с Эбером и Шометтом. Вскоре он объявил их «врагами народа» и устроил каждому из них встречу с гильотиной. Потом он решил представить свою идею «республиканской религии», названную «культом Высшего Существа». Его символом был глаз в пирамиде, и Робеспьер издал указ, где утверждалось, что «французский народ признает существование Высшего Существа и бессмертия души». Культ Высшего Существа в основном был создан по образцу натурфилософии Жан-Жака Руссо, которого Робеспьер боготворил.

Ясно, что Робеспьер считал дехристианизацию Франции неизбежным процессом, но он также отвергал атеизм и безумные излишества, сопровождавшие культ богини Рассудка. Робеспьер стремился основать новый деистический культ, основанный на республиканских добродетелях и призванный заполнить духовный вакуум, оставшийся после интенсивной антиклерикальной деятельности Эбера и Шометта.

Четвертого июня 1794 года Робеспьер был избран президентом Национального собрания. Он сразу же стал тесно сотрудничать с художником Жаком-Луи Давидом для подготовки большого празднества в Париже, которое должно было состояться 8 июня 1794 года, в день святой Троицы. Целью праздника было учреждение культа Высшего Существа в качестве новой государственной религии во Франции.

Это любопытное событие началось в садах Тюильри перед Лувром, где сам Робеспьер, одетый в синее, стоял рядом со статуей Высшего Существа. Для членов Национального собрания был поспешно воздвигнут огромный амфитеатр. Перед амфитеатром подготовили большой костер, на котором, согласно программе, написанной Жаком-Луи Давидом, были «собраны все враги добродетельных людей». Этих «врагов» символизировала статуя под названием «Атеизм», поддерживаемая фигурами под названиями «Гордыня», «Эгоизм», «Раздор» и «Фальшивая простота».

По всему Парижу дома украшались гирляндами и трехцветными флагами, а улицы, по которым намечалось шествие торжественной процессии, были усеяны цветами. Миловидные девушки в белых юбках с букетами в руках были расставлены у причалов на Сене. Члены Национального собрания в своих официальных костюмах заполнили амфитеатр; каждый имел при себе небольшой пучок пшеничных колосьев — символ, ассоциируемый французским астрономом и масоном Джозефом Лаландом с «девственной богиней Исидой».[1391] Как помнят читатели из главы 1, Лаланд был видным членом ложи «Девяти сестер» в Париже и разработал новый республиканский календарь, основанный на египетском солнечном годе, который в древности отмерялся по гелиакальному восходу Сириуса, звезды Исиды. Ранее, в 1731 году, Лаланд написал:

«Созвездие Девы посвящено Исиде, а созвездие Льва посвящено ее мужу Осирису… Сфинкс, состоящий из черт льва и девы, использовался в качестве символа, обозначающего разлив Нила… Египтяне вкладывали пшеничный колос в руку Девы… возможно, они даже называли его эпи, *или пшеничный колос».*[1392]

Ложа «Девяти сестер» была основана Лаландом и аббатом Кордье де Сен-Фермином, крестным отцом Вольтера, в 1776 году, когда была подписана американская Декларация независимости. Три года спустя Бенджамин Франклин, старший среди подписавших конституцию, был назначен магистром парижской ложи «Девяти сестер». Мы вернемся к этой любопытной связи в главе 18, а пока что проследим за развитием празднества Высшего Существа, состоявшегося 8 июня 1794 года.

Задрапированный в сине-фиолетовую мантию Робеспьер, чьи волосы были обильно обсыпаны белой пудрой, произнес с высокого алтаря некое подобие молитвы перед собравшимися: «Вся вселенная собралась здесь! О, природа, как возвышенна и чудесна твоя власть!» Затем он воззвал к Высшему Существу и попросил собравшихся отдать ему почести. Но в конце своей долгой проповеди вместо обещания положить конец бесчинствам и предложения новой надежды Робеспьер произнес грозное предупреждение, адресованное его политическим оппонентам: «Завтра, когда мы вернемся к работе, мы снова будем бороться с пороками и тиранами!»

Потом большой хор, собранный из национальной оперы, спел гимн, написанный Госсеком, под названием «Отец вселенной, Высший Разум». Наконец Робеспьер подошел к закрытой вуалью фигуре, изображающей «Атеизм», и поджег ее. Жак-Луи Давид изготовил фигуру таким образом, что, когда внешняя часть сгорела, из-под нее проступили черты каменной статуи «Мудрости», изготовленной по образу древней богини Софии и возникшей «словно феникс из пепла».

Имя София, широко использовавшееся в качестве символа во франкмасонстве, часто ассоциировалось с Исидой. Согласно поэту Жераруде Нервалю, статуя, «разоблаченная» в тот день Робеспьером, по всей вероятности, была статуей Исиды.

В своей книге LesIllumines, опубликованной в 1852 году, Нерваль говорит о церемонии, исполнявшейся Робеспьером и его соратниками «в память обрядов illuminises (иллюминатов)», и указывает, что для церемонии 8 июня 1794 года была подготовлена «статуя, покрытая вуалью и в своем окончательном виде символизировавшая Природу или Исиду».[1393]

Наконец, когда статуя была явлена народу и песнопения прекратились, Робеспьер возглавил кортеж на большой колеснице, везущей статую богини и запряженной восемью быками, чьи рога были выкрашены золотой краской. Кортеж прошел через площадь Революции (ныне площадь Конкорд), миновал госпиталь Инвалидов и остановился на Марсовом поле, где произошло новое празднество с речами и песнопениями.[1394]

Нотр-Дам, храм Богини

Исторические хроники того времени подтверждают, что нападки на христианство и церковные учреждения в 1793–1794 годах не являлись обычными «актами возмездия» против отдельных членов духовенства, но представляли собой хорошо организованную и систематическую кампанию по дехристианизации, в результате которой за несколько месяцев произошло «добровольное отречение» около 20 000 католических священников, часто с радостью принимавших культ революционной богини.[1395]

Французский историк Мишель Вовель сообщает, что культ богини Рассудка сначала появился во время суда над Марией-Антуанеттой и стал активно развиваться после

публичной казни королевы 16 октября 1793 года.[1396] Было подтверждено, что первые признаки дехристианизации появились в департаментах Ольер и Ньевр 2 октября 1793 года, во время заключительной стадии суда.

Седьмого октября страну поразил шок. Распространились слухи, что представитель Национального собрания, бывший пастор Филип Рул, действовавший по приказу Шометта и Эбера, забрал Sainte-Ampoule — стеклянный сосуд, где содержалось священное масло, — из Реймского собора и разбил его на площади. В сосуде якобы содержалось освященное мирро, которым пользовались для помазания французских королей и королев со времен Хлодвига в 496 году н. э. Когда он был разбит, некий аббат Серрейн из деревни Сен-Реми якобы подбежал к этому месту и смог собрать немного священного состава.[1397]

Но это святотатство было лишь прелюдией. Седьмого ноября 1793 года, через несколько недель после казни Марии-Антуанетты, епископ Парижский Жан-Батист Гобель был публично лишен сана в Национальном собрании. Это представление тоже было задумано Шометтом. Перепуганный до полусмерти епископ послушно объявил, что он хочет присоединиться к эбертистам и чтит культ Рассудка.

Три дня спустя, 10 ноября, произошло немыслимое: большая толпа в сопровождении хора осадила собор Нотр-Дам. Люди несли самодельный трон, на котором восседала «богиня», которую играла красивая парижская актриса мадемуазель Обри, одетая в красно-бело-синие республиканские цвета и носившая фригийский колпак. «Богиня», названная «Свободой, дочерью Природы», потрясала факелом, обозначавшим, что «свобода — это свет мира».[1398] Затем толпа, возглавляемая Шометтом и бывшим епископом Гобелем, направилась в Национальное собрание. Там было объявлено, что собор Нотр-Дам с этих пор будет известен как «храм богини Рассудка».[1399]

Город Света

Здесь следует упомянуть, что Шометт не был обычным франкмасоном. Как и многие масоны того времени, он питал пристрастие к «египетским» символам и ритуалам. Он был большим поклонником астрономов Лаланда и Дюпюи, о которых один критик того времени сказал: «Господа Лаланд и Дюпюи повсюду видят Исиду».[1400] В масонских кругах перед революцией было модно рассматривать Древний Египет как источник масонского просвещения,[1401] и мы помним, что астроном Дюпюи был среди тех, кто называл Исиду первоначальной богиней-покровительницей Парижа. В 1794 году Дюпюи опубликовал тезис о том, что собор Нотр-Дам на самом деле представляет собой Исеум, т. е. храм Исиды, на месте которого христиане впоследствии возвели свой храм:

«Знаменитая Исида была богиней древних французов, или Sueves, *которые присоединили к ее культу символическую ладью, известную как «ладья Исиды». Эта ладья по-прежнему существует на гербе Парижа — города, богиней-покровительницей которого была Исида. Именно в честь Исиды, матери Бога Света, парижане делают подношения и возжигают свечи на Новый Год и даже в течение всего года в память о Празднике Просвещенных…»*[1402]

Здесь мы снова встречаемся с эпитетом «Бог Света», который использовался гностиками и манихеями в первые века нашей эры, а впоследствии был подхвачен катарами. Он также появляется в различных вариантах франкмасонства и в розенкрейцерском манифесте, но ни разу не упоминается в христианской Библии.

Астроном Лаланд, поддерживавший точку зрения Дюпюи, писал: «Мсье Дюпюи в своих исследованиях пришел к выводу, что фасад собора Нотр-Дам представляет собой грубую

копию фронтисписа древнего храма Исиды — богини, чей культ давно существовал в Галлии и особенно в Париже».[1403]

Наряду с богиней Исидой (часто скрывающейся под псевдонимом «Рассудка», «Природы» или «Свободы») французские революционеры пользовались другими хорошо известными египетскими символами: изображением пирамид и так называемого Всевидящего Ока.[1404] Пытаясь понять, почему *использовались эти символы, Роберт Бьювэл набрел на ключ, открывший потайное окно с видом на Париж, которое позволило нам увидеть магический ландшафт, вплетенный в современный архитектурный план этого Города Света…*

ГЛАВА 18
РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ПАРИЖ

«Во французском масонстве аллегорические и метафорические аспекты архитектуры наделялись большим значением, чем в Англии XVIII века. Архитектурная история приравнивается к развитию общества, а сама архитектура рассматривается как средство установления справедливой и упорядоченной системы».

Джеймс Стивен Керл, «Масонское искусствои архитектура»

Четырнадцатого июля 1792 года на Марсовом поле в Париже была проведена республиканская церемония, в процессе которой была воздвигнута «Почетная пирамида» в честь павших во время штурма Бастилии.[1405] Сохранилась гравюра другой республиканской церемонии, состоявшейся 26 августа 1792 года в садах Тюильри перед Лувром. Здесь снова была воздвигнута пирамида в честь мучеников революции. Третья пирамида появилась в парке Монсо; она была заказана Филиппом Эгалите и сооружена архитектором Б. Пойе рядом с павильоном, который, вероятно, был масонским храмом. Проекты многих других пирамид, хотя и неосуществленные, являются свидетельством одержимости этой архитектурной формой в период французской революции.

Существуют, к примеру, любопытные проекты архитектора Клода-Никола Леду,[1406] которого историк архитектуры Джеймс Керл описывает как человека, «глубоко вовлеченного в масонские и криптомасонские культы». Один из британских масонов, тоже архитектор, побывавший в доме Леду в Париже, впоследст вии заметил: «Судя по всему, Леду больше увлекается еретическим масонством наподобие того, которое проповедовал Калиостро».[1407] Многие архитекторы были заворожены одним из самых амбициозных проектов Леду — железоплавильной фабрикой с большими пирамидами, архитектурный план которой напоминал «разные варианты храмового комплекса в Иерусалиме».[1408]

Далее следует упомянуть о необыкновенных псевдоегипетских планах архитектора Этьена Буле, наиболее знаменитым из которых был так называемый «кенотаф в египетском стиле», представлявший собой ряд огромных пирамид без замковых камней, очень напоминающих великую пирамиду в Гизе и усеченную пирамиду, изображенную на Большой Печати США.[1409] Джеймс Курл, которого считают специалистом по масонской архитектуре, отмечает, что «несмотря на название кенотаф, это сооружение явно было кладбищем или культовым центром, если судить по процессиям, поднимающимся вверх и вниз по громадным пандусам».[1410]

Образ Высшего Существа

Думали ли Леду и Буле о Высшем Существе, когда разрабатывали свои архитектурные планы? Может быть, но оба они, как и многие архитекторы их поколения, находились под влиянием знаменитого архитектора и масона де Квинси.[1411] Последний был известен своим

эссе о древнеегипетской архитектуре, получившим премию Французской академии изящной словесности в 1785 году.[1412]

Еще один экстраординарный проект Клода Леду, ученика де Квинси, представлен в его книге LArchitecture consider ee, опубликованной в Париже в 1804 году.

Здесь мы видим план театра для города Безансон в форме огромного «всевидящего глаза», который Джеймс Керл называет «безусловно масонской аллюзией».[1413] Ту же идею использовал революционный архитектор Пойе, соорудивший пирамиду в парке Монсо по заказу Филиппа Эгалите. Другим его амбициозным планом было строительство общественной больницы в Париже, на генеральном плане которой легко просматриваются очертания «всевидящего глаза».[1414]

«Всевидящее око», «глаз в пирамиде» и «глаз в треугольнике» были символами Высшего Существа, или Etre Supreme Робеспьера. На одном плакате времен революции изображены философы Вольтер и Руссо, показывающие на сияющий солнечный диск с «всевидящим глазом» внутри. Надпись внизу гласит: Etre Supreme, Peuple Souverain Republique Franfaise.[1415] «Всевидящий глаз» также фигурирует на плакате Fete de la Federation, датируемом 1790 годом, где солнечные лучи образуют золотистую пирамиду, окружающую два трехцветных флага и красный фригийский колпак, установленный на «столпе Свободы».[1416]

Ассоциация «всевидящего глаза» с Вольтером на первом из этих плакатов представляет особый интерес. В масонских кругах хорошо известно, что 7 апреля 1778 года Вольтер был посвящен в парижскую ложу «Девяти сестер» астрономом Лаландом и Бенджамином Франклином.[1417] После смерти Вольтера месяц спустя ложа была переименована в «ложу Печалей», разновидность масонской похоронной службы, а 28 ноября 1778 года там состоялась заупокойная служба по нему. В соответствии с масонской традицией интерьер ложи был задрапирован черной тканью.[1418] В дальнем конце помещения была воздвигнута ступенчатая пирамида, тоже задрапированная черным. На вершине этой пирамиды стоял кенотаф, а на месте замкового камня можно было видеть сияющий треугольник с буквой G, начертанной на нем.

Такую же пирамиду с сияющим замковым камнем можно видеть на Большой Печати США, эскиз которой был утвержден Бенджамином Франклином и Томасом Джефферсоном в 1776 году.[1419] В масонской символике «глаз», представляющий Высшее Существо, взаимозаменяем с буквой «G», и оба символа обозначают Бога, т. е. «Великого Геометра» или «Великого Архитектора Вселенной». Профессор Мишель Вовель также привлекает внимание к французскому революционному плакату, где «всеви дящий глаз» изображен на груди богини Рассудка: она держит победный венок над табличкой, на которой изображена маленькая «сияющая пирамида с глазом».[1420] Такой же сияющий треугольник со «всевидящим глазом» венчает заглавную страницу «Декларации прав человека и гражданина», подписанной в Национальном собрании. Основой для текста декларации послужили эссе, написанные маркизом Лафайетом и аббатом Сие — сом, двумя видными масонами, принадлежавшими к ложе Шотландского Обряда. Вероятно, стоит вспомнить красноречивые слова магистра ложи Великого Востока Поля Гурдо, когда он объявил, что такие интеллектуалы, как Вольтер, создали «дух революции» и что итог этой революции — Первая республика — был основан на «Декларации прав человека, созданной в наших ложах».[1421]

Рев умирающего тигра

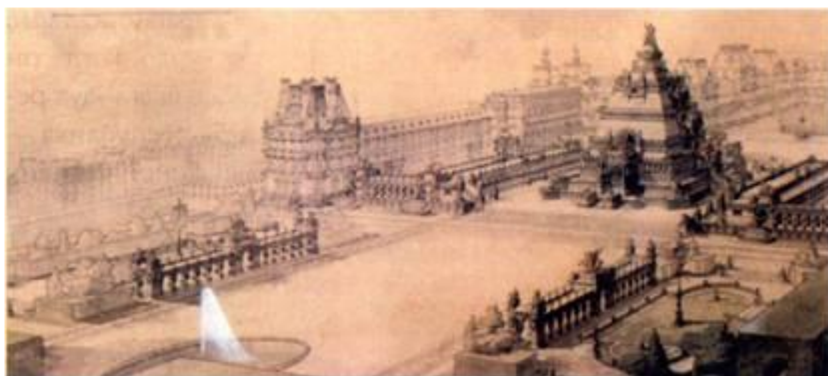
Как ни странно, экстравагантные церемонии, происходившие во время так называемого праздника Высшего Существа 8 июня 1794 года, привели к падению Робеспьера. Не всем, кто

присутствовал на этом событии, понравилась демонстрация раболепного преклонения перед статуей языческого божества, и даже некоторые из его ближайших союзников преисполнились отвращения к тому, что они считали проявлением его тщеславия и помпезности. Многие беспокоились, что бремя руководства Национальным собранием заставило его повредиться в уме.

Монтаньяры, которые раньше были самыми преданными сторонниками Робеспьера, усомнились в своем лидере. Будучи атеистами, многие из них были возмущены странными псевдорелигиозными спектаклями, где он выступал в роли режиссера. Они нашли способ обвинить ранее неуязвимого Робеспьера в антиреспубликанстве и отправили его на гильотину 28 июля 1794 года. Его челюсть была раздроблена выстрелом из пистолета, поэтому он истекал кровью и не мог говорить. Перед смертью этот несчастный испустил устрашающий крик, который, согласно одному из очевидцев, звучал как «рев умирающего тигра».

32. Проект пирамиды, предложенный революционным архитектором Этьеном-Луи Буле в 1785 году: «Cenotaphe dans le genre Egyptien».

33. Барочная «пирамида», предложенная для Лувра к столетнему юбилею Французской революции 1789 года. Весьма вероятно, что Мин Пэй знал об этом плане, когда проектировал свою стеклянную пирамиду к двухсотлетнему юбилею революции в 1989 году. Связующим звеном между французской революцией и пирамидой является Высшее Существо, появившееся на фронтисписе Декларации прав человека 1789 года как «глаз в пирамиде», явно масонский символ (см. вкладку 19).

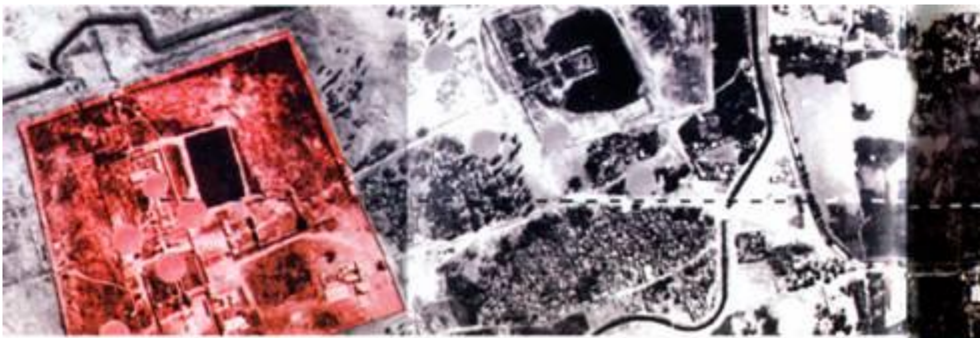

34. Стеклянная пирамида в Лувре.

35. Аэрофотоснимок «исторической оси» от Лувра до здания Grande Arche. Сравните ось и схему с аэрофотоснимком древнего Луксора в Египте (см. ниже).

36. Аэрофотоснимок Лувра и Сены. Сравните с аэрофотоснимком Луксора и Нила (см. напротив). Обратите внимание на «соответствие» расположения обелисков в Париже и Луксоре.

37. Аэрофотоснимок города Луксор в Верхнем Египте. Сравните ось и общую схему с аэрофотоснимком Парижа (см. выше).

38. Аэрофотоснимок Луксорского храма в Фивах. Сравните со снимком Луврского дворца (см. напротив).

39. Обелиск Тутмоса III на набережной Виктории в Лондоне, известный как «Игла Клеопатры».

40. Горринджичитает лекцию на масонской церемонии открытия обелиска в Нью-Йорке в 1881 году.

41. Масонская церемония закладки краеугольного камня для обелиска в Нью-Йорке в 1880 году, когда магистр ордена связал истоки масонства с Древним Египтом.

42. Масонский мемориал Джорджа Вашингтона в Александрии, штат Виргиния. Сравните с моделью Форосского маяка в Александрии (см. ниже).

43. Модель Форосского маяка в Александрии.

44. Вход в лифт Вашингтонского мемориала, имитирующий интерьер египетского храма. Обратите внимание на звезду внутри солнечного диска.

45. Статуя Джорджа Вашингтона при всех масонских регалиях в Вашингтонском мемориале.

46. Заход солнца на оси Пенсильвания-авеню 12 августа (день гелиакального восхода Сириуса). В обратном направлении (на восток) звезда тоже восходит на этой оси.

47. Интерьер Египетского зала в масонском доме собраний в Филадельфии.

Французская революция почти выдохлась, и на короткий момент бразды правления оказались свободными для любого, кто имел мужество взять их в свои руки. Молодой корсиканский офицер, пристально следивший за мрачными событиями последних лет, неспешно готовился сделать свой ход.

Близилось появление нового Александра Великого…

Богиня Наполеона

Вечером 5 марта 1798 года из Парижа в порт Тулон выехала карета в сопровождении сильного военного эскорта. В карете сидел новый герой Франции Наполеон Бонапарт со своей молодой женой Жозефиной. Они собирались присоединиться к французскому флоту, который ждал в гавани перед отплытием в Египет.

За два года Наполеон поднялся из безвестности от простого артиллерийского офицера в «год террора» (1794) до главнокомандующего в начале 1796 года. Через неделю после его назначения командующим французской армией в Италии Наполеон женился на прелестной Жозефине Богарне,[1422] вдове виконта Богарне, дворянина и масона, который, как и многие другие члены его сословия, расстался с жизнью на гильотине в 1794 году. Жозефина была старшей дочерью Жозефа Ташера де ла Пажери, обедневшего вельможи, поселившегося на Мартинике, где она провела первые пятнадцать лет своей жизни. Они приехала в Париж в 1779 году, за десять лет до революции, и там вышла замуж за злосчастного виконта Богарне. Это был брак по расчету, который не принес счастья ни одному из супругов.

В 1795 году, когда Наполеон познакомился с Жозефиной, она была вдовой с двумя детьми и почти собралась завязать роман с Полем Баррасом, главнокомандующим французской армией. Наполеону, состоявшему в штабе Барраса, тогда исполнилось лишь 27 лет. Тридцатитрехлетняя Жозефина была любимицей парижского высшего общества, куда ее ввела очаровательная Тереза Тальен. Последняя была женой Жана-Ламберта Тальена, который вместе с Баррасом участвовал в заговоре по свержению Робеспьера в 1794 году. Именно Тереза, по сути дела, представила Жозефину своему любовнику Баррасу, который в свою очередь познакомил ее с Наполеоном.

Судя по всему, Жозефина уже давно испытывала интерес к масонству, отчасти потому, что оно считалось очень модным среди парижских аристократок. Ее первый муж, виконт де Богарне, был видным масоном, как и его родители.[1423] Возможно, сама Жозефина прошла масонское посвящение в женской ложе в Страсбурге, когда ее муж служил командующим Рейнской армией.[1424] Впоследствии ее сын, Евгений Богарне, отправившийся в Египет вместе с Наполеоном, стал магистром итальянской ложи Великого Востока, а также Верховного Совета Тридцать Третьей Степени в Италии.[1425]

В 1804 году, когда Жозефина стала императрицей Франции, она была избрана «великой госпожой и покровительницей» женских масонских лож в Париже.[1426] Многие придворные дамы из ее окружения тоже приобщились к масонству.[1427] Любимая кузина Жозефины, Эмилия Богарне, жена Антуана Шамона, графа Ла-Валеттского и генерального директора императорской почтовой службы, была избрана «великой госпожой» ложи Анакреона в Париже.[1428]

Если Жозефина была посвящена в масонские таинства, вполне возможно, что она стала интересоваться исламом и в личном общении поощряла Наполеона «приспособить» эту религию к западноевропейской культуре. Хорошо известно, что ее старшая кузина и ближайшая подруга Эми Дюбур была похищена арабскими пиратами и продана в гарем турецкого султана Абдул-Хамида I, где вскоре стала его любимой наложницей и принесла ему сына, будущего эмира Махмуда. После смерти старого султана Эми стала любовницей его юного племянника и очевидного наследника эмира Селима. Она оказывала на него огромное влияние, и ей удалось превратить его в настоящего франкофила.[1429] Таким образом, «династическое» звено между Жозефиной Французской и ее кузиной, «султаншей» Турции, было той связующей нитью, которая могла привлечь внимание Жозефины к Ближнему Востоку и исламу. Так или иначе, однажды Наполеон написал Жозефине из Египта следующие любопытные строки: «Я вижу себя основателем новой религии, вступающим в Азию и восседающим на слоне, моя голова увенчана тюрбаном, а в руке я держу Коран, который употребил для достижения своих целей».[1430]

Мы никогда не узнаем, были ли эти слова написаны в шутку или всерьез.

Вторжение в Египет

Идея вторжения в Египет принадлежала не Наполеону. Это был замысел Талейрана, великого французского дипломата и государственного деятеля. Мы уже встречались в Талейраном в 1789 году, когда он отказался от своей роли представителя второго сословия (духовенства) и примкнул к революционерам, но поскольку он был сторонником конституционной монархии, при дальнейшем развитии революционных событий ему пришлось бежать из Франции, спасая свою жизнь. В конце 1792 года он отправился в Англию, а в 1794 году уплыл в Америку, где оставался до сентября 1796 года, когда взошла звезда Наполеона Бонапарта. По возвращении во Францию он получил пост министра иностранных дел.

Несмотря на то что Талейран имел сан епископа католической церкви, он был масоном, который на раннем этапе революции поддерживал герцога Орлеанского. Талейран состоял членом престижной парижской ложи Les Philaletes, а также ложи Les Amis Reunis (в которую входили Марат, Сиес и Кондорсе).[1431] Ложа Les Philaletes имела отношение к ложе Египетского Обряда, учрежденной Калиостро в Париже в 1784 году. Масон Генри Эванс объясняет:

«Противостояние между Калиостро и ложей Philaletes *(Любителей Истины) вошло в историю масонства. Пятнадцатого февраля 1785 года члены ложи во главе с Савалеттом Деланжем встретились в Париже, чтобы обсудить важные вопросы франкмасонства, такие, как его происхождение, сущность связи с оккультными науками и т. д. Среди них были французские и австрийские князья, советники, финансисты, бароны, послы, армейские офицеры, врачи, фермеры, один генерал и, наконец, два профессора магии. Калиостро было послано приглашение на это собрание, и он заверил посланца, что примет участие в обсуждении вопросов, но потом он передумал и потребовал, чтобы ложа* Philaletes *приняла устав ложи Египетского Обряда, сожгла свои архивы и прошла посвящение в материнскую ложу в Лионе (ложа Торжествующей Мудрости), намекая, что они не обладают знанием истинного масонства. По его словам, он снизошел до того, чтобы протянуть им руку и «послать луч света во тьму их храма». Барон фон Глейхен был назначен для встречи с Калиостро с целью получить более подробные сведения и попросить о присутствии на собрании членов материнской ложи. Состоялся обмен письмами, но Калиостро не отступил от своей позиции. Наконец три делегата от ложи* Philaletes *отправились в Лион, где были посвящены в таинства египетского масонства. В их докладе на собрании прозвучали следующие важные слова: «Его [Калиостро] доктрину следует считать чистой и возвышенной; даже не обладая превосходным знанием нашего языка, он пользуется им так, как это делали древние пророки».*[1432]

Мог ли этот случай оказать влияние на Талейрана спустя долгие годы, когда он стал побуждать Наполеона к «египетской экспедиции»? Это представляется вероятным, особенно потому, что существовали прецеденты французского вторжения в Египет.

В 1249 году, через пять лет после того, как французская армия захватила последний оплот катаров, крепость Монсегюр, король Людовик IX высадился в порту Дамиетты с войском французских рыцарей и попытался завоевать Египет. Он потерпел поражение и был взят в плен арабами при Мансуре, небольшом городке по дороге в Каир, но впоследствии его освободили за огромный выкуп.

Не наученный горьким опытом, Людовик организовал вторую попытку вторжения в Египет в 1270 году, на этот раз со стороны пустыни от места высадки в Тунисе. Но силы захватчиков были подорваны неизвестными болезнями, и сам король умер в пустыне.

В 1672 году знаменитый математик и философ Готфрид Лейбниц представил Людовику XIV секретный план крупномасштабного вторжения в Египет.[1433] Людовик тогда воевал с Голландией и в конце концов отверг план, настоящей целью которого было отвлечь его внимание от европейских завоеваний, чтобы он сосредоточился на «всемирной миссии» по объединению Востока и Запада наподобие Александра Великого.

Историки подозревают, что Лейбниц был членом «невидимого» братства розенкрейцеров.[1434] Известно также, что он в течение долгого времени находился в контакте с иезуитом и каббалистом Атанасиусом Кирхером, с которым разделял интерес к египетским иероглифам и обелискам.[1435] Кирхер повлиял на развитие математической философской мысли Лейбница и особенно на его исследования древних языков, которые со временем стали навязчивой страстью.[1436]

Идея вторжения в Египет продолжала занимать умы. Сходный план позднее был предложен герцогом Шуазелем, министром иностранных дел при Людовике XV.[1437] Шуазель был одним из первых представителей высших кругов французской аристократии, пополнивших ряды масонства.[1438] Он также был непримиримым врагом иезуитов и в конце концов добился запрета на деятельность этого ордена во Франции в 1764 году. Его жена, герцогиня Шуазель, регулярно принимала участие в собраниях ложи Исиды, которую Калиостро открыл в Париже в 1785 году, а однажды даже была выдвинута на пост «великой госпожи» этой ложи.[1439] Будучи человеком, ответственным за модернизацию французского флота, герцог Шуазель мог планировать военно-морские кампании, осуществляемые по приказу короля, но его проект тоже был положен на полку.

Поэтому в начале 1798 года, когда Талейран предложил свой план вторжения в Египет, он поначалу не встретил большого энтузиазма. С одной стороны, Наполеон опасался пересекать Средиземное море в тот момент, когда там находился британский флот под командованием адмирала Нельсона, с другой стороны, перспектива блестящей и на первый взгляд легкой победы, напоминающей о подвигах Александра Великого и Юлия Цезаря, была крайне заманчивой. В докладах разведки говорилось, что порт Александрия защищает небольшой и плохо обученный арабский гарнизон, который едва ли мог оказать серьезное сопротивление современным французским боевым судам и элитным войскам Наполеона.

Неприятности с Жозефиной

Когда Наполеон принял решение о вторжении в Египет, его угнетали мучительные проблемы в личной жизни, связанные с его женой Жозефиной. Супруги были женаты немногим более двух лет, и Жозефина уже успела изменить ему с молодым офицером Ипполитом Шарлем. Уже через несколько месяцев после свадьбы, состоявшейся в 1796 году, Наполеон, который тогда вел войну в Италии, заподозрил неладное и написал Жозефине довольно бессвязное письмо:

«Любимая, я пишу тебе очень часто, а ты отвечаешь очень редко. Ты злая, очень злая и непостоянная. Как ты можешь обманывать своего бедного, нежного и любящего мужа? Должен ли он утратить всю радость в жизни лишь потому, что находится далеко и устал от тяжких трудов? Без Жозефины, без ее любви и верности что ему останется на земле? Что он будет делать?… Прощай, прелестная Жозефина; но однажды вечером твоя дверь с шумом распахнется, и ты окажешься в моих объятиях. Тысяча нежных поцелуев…»

В ноябре 1796 года Жозефина совершила поездку в Геную с Ипполитом Шарлем; это событие разгневало и сильно расстроило Наполеона. Хотя теперь он был почти уверен в

неверности жены, непомерная гордыня и бесконечная любовь к ней заставили его отреагировать самым парадоксальным образом:

«Я больше не люблю тебя! Напротив, я презираю тебя. Ты низкая, грязная, бесстыжая шлюха. Ты совсем не пишешь мне. Ты не любишь своего мужа… Скоро я сожму тебя в своих объятиях и покрою тебя миллионом поцелуев, пылая, как экватор…»

Пятого марта 1798 года после громких речей о «всемирной миссии» Франции и необходимости положить конец британской морской торговле с Индией Директория проголосовала за военную экспедицию в Египет под командованием Наполеона. Результат голосования хранился в секрете до отплытия флота из Тулона 19 мая 1798 года.[1440] Согласно британскому историку Обри Ноксу, Наполеон хотел, чтобы Жозефина отправилась с ним — возможно, для того чтобы удержать ее от любовных похождений в Париже, — но она упрямо отказалась.[1441] Однако Винсент Кронин в своей недавно опубликованной биографии Наполеона утверждает, что именно Жозефина отчаянно хотела отправиться в Египет, но Наполеон отказал ей.[1442] Так или иначе, Жозефина осталась во Франции, получив от Наполеона строгое распоряжение больше не встречаться с Ипполитом Шарлем. Перед тем как Наполеон поднялся на борт флагманского корабля LOrient, между ним и Жозефиной произошел довольно странный разговор:

«Когда ты вернешься?» — прошептала она.

«Через полгода, через шесть лет, а может быть, никогда», — безразлично ответил Наполеон.

Когда судно отошло от причала, Жозефина бросилась вперед и крикнула: «До свидания, до свидания! Если будешь в Фивах [Луксор], пришли мне маленький обелиск..»[1443]

Наполеон отплыл в Египет с тяжелым сердцем, хотя впереди его ждали слава и открытия. Несмотря на неверность Жозефины и ее фривольное поведение, он безумно любил ее и верил, что судьба уготовила им общую участь. Теперь, возможно, даже больше, чем раньше, он хотел поразить ее своим героизмом и заставить ее поверить в свою великую миссию.

«Мы низвергли папу…»

Первого июля 1798 года, когда французский флот достиг Александрии, взволнованный Наполеон обратился к египетскому народу с довольно любопытной прокламацией следующего содержания: «Народ Египта! Вам скажут, что я пришел уничтожить вашу религию, не верьте этому. Отвечайте, что я пришел восстановить ваши права и наказать узурпаторов, что я почитаю Аллаха, его пророка Мохаммеда и Коран… Раньше в Египте существовали великие города и каналы, великая торговля; из-за чего все это было разрушено, если не из-за жадности, несправедливости и тирании мамелюков?..[1444] Шейхи! Имамы! Скажите народу, что мы друзья истинных мусульман. Разве не мы низвергли папу, который проповедовал войну с мусульманами? Разве не мы разбили мальтийских рыцарей, потому что эти безумцы верили, будто Бог хочет войны с мусульманами? Разве не мы давно дружим с султаном и являемся врагами его врагов?»[1445]

На цветной гравюре того времени работы парижского печатника Бассета, вероятно, отражено намерение Наполеона, высказанное в этой прокламации.[1446] В верхней части Наполеон стоит в центре сцены рядом с пирамидами Гизы и принимает ключ от Египта из рук двух арабов, коленопреклоненных у его ног. Два ангела держат венок над головой Наполеона. В нижней части изображен Наполеон, указывающий на большой сияющий

треугольник (Высшее Существо), парящий рядом с ним и как бы приглашающий представителей всех известных религий почтить это универсальное «божество».

После того как Наполеон захватил Каир в конце июля 1798 года, арабы согласились с его предложением заключить мирный договор между Французской республикой и исламом, но на самом деле они ненавидели его точно так же, как в былые дни ненавидели крестоносцев. Это была вынужденная сделка, на которую они пошли в ожидании лучших времен. Примерно в это же время генерал Жюно через личное письмо, полученное из Парижа, предоставил Наполеону неопровержимые доказательства того, что Жозефина встречалась в гостинице с Ипполитом Шарлем сразу же после его отбытия из Тулона. Наполеон пришел в неистовство. В отместку он стал открыто флиртовать с Паулиной Форе, очаровательной женой молодого офицера.[1447]

Египетская кампания Наполеона дорого обошлась Франции: общие потери в результате уничтожения французского флота адмиралом Нельсоном в битве при Абукире и гибели примерно 40 % личного состава экспедиционного корпуса составили при мерно 54 000 человек. Еще более тяжким ударом стала унизительная капитуляция выживших перед британскими войсками в местечке Аберкромби в окрестностях Александрии.

Сам Наполеон вернулся во Францию задолго до капитуляции и каким-то образом смог пережить эту военную и политическую катастрофу. Вскоре была развернута эффективная пропагандистская кампания, превратившая реальное поражение в ощущение «культурной победы».

«Мудрецы» и судьба Наполеона

Наполеон привез с собой в Египет 167 «мудрецов» — ученых и специалистов во многих областях знаний, в том числе картографов, математиков, астрономов, инженеров, ботаников, лингвистов, поэтов, художников и архитекторов из недавно сформированного Национального института. Всех этих специалистов лично отбирал математик Гаспар Монж. Он был одним из ближайших друзей и советников Наполеона и считал молодого генерала своим «приемным сыном».[1448] Читатели помнят, что Монж был видным масоном из парижской ложи «Девяти сестер» и вместе с Шарлем-Жильбертом Роммом отвечал за введение нового республиканского календаря, сделанного по образцу египетского солнечного года. Во время пребывания в Египте Монж основал в Каире Египетский институт, научное учреждение, созданное по образцу Национального института во Франции. Монж стал президентом Египетского института, а Наполеон получил почетную должность вице-президента.[1449] Многие другие «мудрецы» и офицеры, сопровождавшие Наполеона в Египте, тоже были масонами, особенно его главный помощник, генерал Жан-Батист Клебер, которого считают магистром первой современной масонской ложи в Египте.[1450]

Среди «мудрецов» был и Доминик-Вивант Денон — художник, обладавший невероятным талантом рисования эскизов и создания гравюр. Высокообразованный человек, Денон до революции состоял на дипломатической службе в России и Швеции.

В декабре 1793 года он едва не был казнен за свои предполагаемые роялистские симпатии, но был спасен от ножа гильотины своим другом, художником Жаком-Луи Давидом. Последний, будучи одним из видных членов Национального собрания, разработал празднество «Исиды Бастильской», а в декабре 1793 года пропагандировал «культ Высшего Существа» вместе с Робеспьером.

Денон, имевший привлекательную внешность, был любимцем среди дам высшего общества. Им восхищалась русская императрица Екатерина II, и он без труда завоевал симпатию Жозефины, которая представила его Наполеону. Именно Жозефина убедила Наполеона взять Денона в Египет; поскольку тот не был членом Национального института,

Наполеон сначала противился этому. В конце концов, как и во многих других случаях, он уступил требованиям Жозефины. Ему не пришлось жалеть о своем решении, так как благодаря публикации красочных рисунков Денона египетское поражение Наполеона волшебным образом превратилось в «культурную победу» для него лично и для Французской республики в целом.

Хотя репутация Наполеона была слегка запятнана поражением при Абукире и унизительной капитуляцией экспедиционного корпуса при Александрии, «завоевательная кампания» в Египте позволила ему стать рядом с наиболее яркими историческими персонажами и строителями империи: Александром Великим и Юлием Цезарем. Теперь у Франции был свой Наполеон Великий из плоти и крови. Он вернулся из Египта как некий мифический солярный герой, готовый основать новую Французскую империю по образцу империи Карла Великого. Знаменитое Description de I'Egypte («Описание Египта»), опубликованное под редакцией Доминика Денона, было посвящено «Наполеону Великому», который изображен на обложке в образе Аполлона и «Непобедимого Солнца», правящего солнечной колесницей под защитой египетского символа крылатого диска со звездой внутри.

Можно ли считать случайностью, что примерно в то же время, но по другую сторону Атлантики такое же символическое изображение Аполлона/»Непобедимого Солнца» — включая солнечную колесницу и крылатый диск со звездой — использовалось в связи с именем Джорджа Вашингтона? Мы вернемся к этой загадке в следующей главе.

Историки в целом сходятся на том, что движущей силой военных побед Наполеона была его непоколебимая вера в свою судьбу — вера в то, что он каким-то образом был избран самой историей для объединения Европы, а возможно и всего мира, под одной властью. Поскольку его представления об этой власти были основаны на французских республиканских идеалах и добродетелях, Наполеон, по собственному разумению, стал воплощением революции и ее универсальной, почти священной «миссии».

После возвращения из Египта в 1799 году, едва достигнув 30 лет, Наполеон заставил Директорию провозгласить его «первым консулом» Французской республики. Этот термин явно был позаимствован из эпохи республиканского Рима. В 1802 году он был избран пожизненным консулом, а вскоре благодаря своей огромной и хорошо обученной армии присоединил к Франции огромные территории, включая Германию, Австрию и Италию. Он сделался «императором» Европы во всем, кроме титула.

В 1804 году Наполеон устремился к своей высшей цели.

«Священная Римская империя»

В день Рождества 800 года н. э. папа Лев III короновал франкского полководца Карла Великого как первого императора Священной Римской империи. Карл находился в Риме с большой армией для «защиты» папы, но легенда гласит, что он просто вошел в базилику Св. Петра, чтобы принять участие в мессе. Когда он приблизился к алтарю и преклонил колени для молитвы, папа возложил на его голову золотую корону и провозгласил: «Жизнь и победа Карлу Августу, коронованному Господом, великому римскому императору!» Утверждается, что папа даже простерся ниц перед Карлом Великим и воздал ему почести, некогда причитавшиеся древнеримским императорам, включая помазание священным маслом.

После «коронации» Карла Великого ни один другой король или император не удостаивался великой чести принять корону из рук самого папы. Однако через тысячу лет Наполеон Бонапарт решил, что настало время изменить такое положение вещей.[1451] По его распоряжению в конце 1804 года папу Пия VII насильно привезли в Париж. Коронация, тщательно спланированная самим Наполеоном, произошла в соборе Нотр-Дам, который до недавнего времени назывался «храмом богини Рассудка». Перед самой кульминацией

события Наполеон сделал шаг вперед, взял корону из рук папы и величавым символическим жестом возложил ее на свою голову. Под изумленным взглядом папы Наполеон затем взял корону поменьше и возложил ее на голову своей прекрасной и неверной Жозефины, сделав ее императрицей.[1452] Давид обессмертил этот момент на огромном полотне, которое сейчас можно увидеть в Лувре. В честь этого события скульптор Жан-Антуан Гудон (франкмасон и член ложи «Девяти сестер»), который ранее был близким другом Калиостро, изготовил мраморный бюст Жозефины.[1453]

Возможно, стоит задать вопрос: не были ли французские мастера искусств, такие, как Гудон, Денон и Давид, ослеплены блеском Жозефины, которую они прославляли как новую Исиду и богиню-покровительницу Парижа? Читатель помнит, что в 1773 году Курт де Гебелин, состоявший в ложе «Девяти сестер», изобретатель современного Таро, написал следующие слова:

«Всем известно, что первоначально Париж располагался на острове(delaCite).Будучи речным городом, он сделал своим символом ладью и избрал своей богиней-покровительницей Исиду, богиню судоходства; ладья же фактически принадлежала Исиде и была ее символом».[1454]

Ассоциация с «парижской» ладьей Исиды находит дальнейшее объяснение у парижского историка XIX века Ф. Ноэля:

«Праздник «Ладьи Исиды», отмечавшийся в Риме с великой помпой, был известен какNavigiumIsidis;после того как ладью спускали на воду, ее возвращали в храм Исиды и возносили молитвы о благоденствии императора, империи и всего римского народа…»[1455]

Даты и слова

В краткий период наполеоновской оккупации Египта с 1798 по 1801 год произошли некоторые события, придавшие мифический оттенок этому во всех остальных отношениях безуспешному мероприятию.

Во-первых, речь идет о дате — 5 марта 1798 года, — когда Директория проголосовала за экспедицию Наполеона для «освобождения Египта». С учетом того, что многие из проголосовавших были масонами, вряд ли они не знали, что 5 марта было праздником «ладьи Исиды», или Navigium Isidis, широко распространенным во времена Римской империи, а впоследствии в древней Франции, или Галлии.

Во-вторых, есть странное обстоятельство, связанное с морским сражением при Абукире, мелководном заливе к востоку от Александрии, где адмирал Нельсон уничтожил флот Наполеона 1 августа 1798 года. Некогда здесь находился древний город Канопус, где, по преданию, останавливался корабль с Парисом и Еленой Троянской.

Как мы помним из главы 10, Елена сравнивалась Геродотом с египетским божеством, которое он называет «чужеземной Афродитой». Александрийцы отождествляли Афродиту с Исидой; Елена и Исида были известны как защитницы кораблей и моряков. Более того, звезда Исиды, Сириус, называлась Stella Maris, или «Морская Звезда», или «Звезда Востока». Наполеон и его эрудированные спутники в Египте, безусловно, должны были понимать, насколько символичным событием стало прибытие флагманского корабля LOrient в гавань Абукира-Канопуса.

Мы признаем, что эти построения очень умозрительны, но склад личности Наполеона не исключает такой возможности. Корсиканец по происхождению, он всю жизнь оставался

чрезвычайно суеверным человеком и считал Жозефину своим «счастливым амулетом», чем-то вроде живого талисмана. Он всегда искал знамения, указывающие на его грядущую судьбу. Французский историк Жан Дюше сообщает об одном случае, когда Наполеон, чьи военные кампании подверглись критике со стороны римского кардинала, схватил его за рукав, подвел к окну и спросил, видит ли он «звезду», несмотря на то что на улице стоял день. Когда озадаченный кардинал ответил, что не видит никакой звезды, Наполеон заявил: «Пока я остаюсь единственным, кто видит ее, я буду следовать моей судьбе и никому не позволю критиковать меня!»[1456]

Слово Orient в названии флагманского корабля Наполеона неизбежно напомнит любому французскому масону о «материнской ложе» в Париже, известной как ложа Grand Orient, т. е. ложа Великого Востока. До сих пор в масонском жаргоне слово Orient, или «восток», означает название/местоположение главного масонского храма в любом городе, а термин Grand Orient, или «Великий Восток», обозначает материнский храм или ложу в любой стране.[1457]

Масонский император Франции?

Не сохранилось оригинальных документов, доказывающих, что Наполеон был масоном; впрочем, нет и документов, опровергающих это предположение. По этому вопросу уже давно ведутся ученые дискуссии: некоторые утверждают, что Наполеон был посвященным масоном,[1458] а некоторые энергично доказывают обратное.[1459]

Многие европейские масоны в XIX веке определенно вели себя так, словно Наполеон был членом их братства. В Европе существовали десятки масонских лож, носивших его имя, такие, как ложа Saint Napoleon в Париже, ложа Napoleomagne в Тулузе, ложа Napoleone во Флоренции, ложа La Constellation Napoleon в Неаполе, Etoile Napoleon в Мадриде и т. д. Названия лож обычно были посвящены достижениям Наполеона в военной, общественной и культурной сфере.[1460]

Мы точно знаем, что в окружении Наполеона было много видных масонов, таких, как Талейран, Монж, Клебер, Массена и другие. Нам также известно, что большинство членов семьи Наполеона были масонами, включая его собственного отца Шарля Бонапарта, его братьев Джерома, Людовика и Жозефа, его жену Жозефину и его шурина Иоакима Мюрата.[1461] Историк Франсуа Коллалери с уверенностью говорит о том, что «посвящение Наполеона не является легендой; он был посвящен во франкмасонство, вероятно, в Египте, о чем открыто утверждалось французской ложей Великого Востока».[1462] Другие исследователи даже предполагают, что Наполеон, как и его генерал Жан-Батист Клебер, был посвящен в египетское масонство внутри Великой пирамиды на плато Гиза и принял посвящение от коптского жреца.[1463]

Жан-Батист Клебер занимался архитектурой в Париже задолго до вступления в армию Наполеона. В 1787 году, за два года до французской революции, он спроектировал храм в египетском стиле для Pare d'Etudes в Париже.[1464] В то время лишь немногие французы своими глазами видели древнеегипетские храмы, и конструкция Клебера мало напоминает любую из существующих в Египте, хотя, судя по декору, вполне вероятно, что он имел в виду «храм Исиды».

Согласно историку Полю Надону, Клебер основал в Египте первую современную масонскую ложу, которую он, как можно ожидать, назвал ложа Исиды (La Loge Isis).[1465] В июне 1800 года — через два года после прибытия в Египет — он был убит арабским фанатиком. Труп Клебера забальзамировали и отправили во Францию на борту корабля. Когда гроб прибыл в Париж в конце сентября 1800 года, Денон составил планы копии

египетского храма в Дендере, который должен был быть воздвигнут на площади Виктории в Париже как мавзолей для великого генерала.[1466]

Наполеон изучает Исиду

По возвращении из Египта Наполеон проявил такой пристальный интерес к богине Исиде, что учредил специальную комиссию под руководством ученого Луи Пти-Раделина для подтверждения легенды об Исиде как о древней богине-покровительни це Парижа. Он также интересовался связью между «ладьей Исиды» и так называемой «парижской ладьей», изображенной на гербе города.[1467] Через год комиссия доложила Наполеону о своих находках, подтверждающих существование такой связи.[1468] Довольный результатом Наполеон в своем указе от 20 января 1811 года распорядился включить фигуру египетской богини и ее «звезды» в герб Парижа:

«Как было объявлено ранее и подтверждается сим документом за нашей собственноручной подписью, мы объявляем, что герб доброго города Парижа должен иметь вид и цвета, соответствующие приложенному рисунку: впереди древний корабль с сидящей статуей Исиды на носу, плывущий по серебряному морю и ведомый звездой тоже серебряного цвета».[1469]

Рисунок, приложенный к указу Наполеона, ныне хранится в Национальной библиотеке Парижа.[1470] На этом рисунке можно видеть красно-серебряно-золотой герб, окруженный пшеничным венком. Герб увенчан золотой короной, на которой восседает имперский орел. Корону пронзает герметический кадуцей, обвитый крылатыми змеями. На главном поле изображена серебряная ладья, плывущая по серебряному морю. На носу ладьи восседает Исида, ведомая пятилучевой звездой, парящей перед судном. Над ладьей изображены три золотые пчелы, символизирующие божественную власть.

Интересно отметить, что такая же группа символов появляется в книге «Описание Египта», изданной Деноном. Имя Наполеона в посвящении обозначено буквой N, которая окружена змеей, кусающей собственный хвост и увенчанной короной, а рядом расположен древнеегипетский картуш с изображением пчелы и пятилучевой звезды внутри.

Наполеон назначил Доминика Денона первым директором недавно открытого музея Наполеона, расположенного в Лувре. В то же время он назначил архитекторов Персье и Фонтэна для сооружения Cour Саггёе на восточной стороне Лувра, а художника Жана-Гильома Мотта — для декорации восточного фасада внутренних ворот. В соответствии с замыслом Мотта самые прославленные законодатели человеческой истории, Моисей и Нума, стоят по обе стороны от статуи Исиды, восседающей на троне. Рядом с Исидой можно видеть легендарного инкского императора и законодателя Манко Капака.[1471]

Через 30 лет, когда тело Наполеона привезли из мест его ссылки на острове Св. Елены и поместили в мавзолее у дома Инвалидов в Париже, знаменитый скульптор и архитектор Висконти занялся окончательной отделкой круглых стен, окружающих саркофаг бывшего императора. В одной из сцен Висконти изобразил Наполеона в виде солнечного короля-бога, во многом напоминающего Манко Капака и Sol Invictus («Непобедимое Солнце»): французский полководец восседает на троне с обнаженной грудью. Из его головы вырываются солнечные лучи, а в протянутой руке он держит «закон» для многих народов его империи…

Место звезды

Самым знаменитым парижским монументом, изготовленным по личному заказу Наполеона в 1806 году, разумеется, является Триумфальная арка на западной оконечности Елисейских Полей.[1472] Название места должно было иметь особый смысл для Наполеона, поскольку с незапамятных пор оно называлось L'Etoile, или «Звезда». С учетом его одержимости собственной «звездой судьбы» и очевидного интереса к связи между Исидой и Парижем, вполне возможно, что Наполеон имел в виду звезду Сириус. Одно довольно необычное изображение на Триумфальной арке подтверждает это предположение. На восточном фасаде монумента изображен так называемый «триумф Наполеона» работы скульптора Жана-Пьера Корто 1833 года.[1473] На сцене изображена «Победа» (обнаженная женщина), венчающая Наполеона (который носит тогу римского императора) лавровым венком. У ног императора в коленопреклоненной позе находится римская богиня с «башней» на голове (предположительно символизирующая город, капитулирующий перед Наполеоном).

Коленопреклоненная богиня фактически является Кибелой и была сделана Корто по образцу фигуры римской богини с «башней» на голове, обнаруженной в Париже в 1675 году при раскопке фундамента церкви Св. Евстахия.[1474] Согласно Клоду Молинэ, епископу Сент-Женевьевскому, писавшему об этой находке в 1683 году:

«Статуя изображала богиню, которую греки называли Ио, а египтяне Исидой, а римляне чтили под именем Кибелы. Она символизировала Землю или Природу, которую египтяне сочетали браком с Осирисом (Солнцем), чтобы сделать ее источником плодородия и изобилия».[1475]

Таким образом, по мнению французских историков XVII века, богиня с головным убором в виде башни[1476] представляла Исиду (о чем свидетельствует начертание древнеегипетских иероглифов, хотя предмет, похожий на башню, на самом деле является троном).

Кроме того, не будет большой натяжкой приравнять коленопреклоненную фигуру на Триумфальной арке к императрице Жозефине, носившей парижскую «корону Исиды», поскольку эта сцена очень напоминает знаменитое полотно художника Давида, изображающее коронацию Жозефины и Наполеона в декабре 1804 года.[1477] На этой картине Наполеон изображен в лавровом венке римских императоров, а Жозефина стоит на коленях у его ног, увенчанная короной императрицы. Точно такая же сцена изображена на Триумфальной арке, где Наполеон снова одет как римский император и коронован лавровым венком, в то время как Исида-Кибела стоит на коленях у его ног и носит «корону-башню» богини.

В главе 16 мы упомянули о том, что главная ось Парижа (проходящая через монументальную аллею Елисейских Полей) была создана Ленотром и либо случайно, либо специально проложена под углом 26° к северо-западу, указывая на заход Солнца в дни важных религиозных праздников (8 мая и 6 августа). В обратном направлении, под углом 26° на юго-восток, линия указывала на гелиакальный восход Сириуса. Мы убедились в том, что это построение соответствует главной оси великого храмового комплекса Карнака/Луксора, главная ось которого указывала на гелиакальный восход Сириуса еще на заре египетской цивилизации. Мы знаем, что Сириус был провозвестником «рождения» солнечных царей Египта, теперь нам известно, что Наполеон дал Парижу новый герб с изображением богини Исиды и ее звезды Сириуса, а также воздвиг огромную арку на «месте звезды», расположенную прямо на центральной оси Парижа. Все эти взаимосвязанные темы приобретают еще больший интерес при добавлении еще одного исторического факта. В 1831 году, когда была воздвигнута Триумфальная арка, в Париж привезли древнеегипетский обелиск Рамсеса II — один из двух обелисков, первоначально стоявших перед Луксорским храмом в Верхнем Египте, но теперь предназначенный для украшения центральной оси города Парижа.

Вторая революция во Франции

1831 год был особым годом для Франции, так как он последовал за второй великой народной «революцией» в июле 1830 года, когда монархия, восстановленная при Карле X, брате Людовика XVI, была снова низвергнута и больше не возродилась. Движущей силой этой второй революции был самый знаменитый масон Франции и Америки, маркиз де Лафайет, который лично привел к власти короля-гражданина Луи-Филиппа Орлеанского, старшего сына Филиппа Эгалите.

Для французского масонства по обе стороны Атлантики это событие было подобно восхождению «Звезды Востока» над парижским горизонтом. Неудивительно, что, когда «король-гражданин» возглавил завершающий этап строительства Триумфальной арки, он предложил, чтобы верхушка этого монумента была украшена огромной золотой пятилучевой звездой.[1478]

Давайте посмотрим, как произошла «революция» 1830 года.

После сокрушительного поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 года император отрекся от престола и отправился в пожизненную ссылку на остров Св. Елены. Франция ис пытала ужасное чувство поражения и национального позора; в последовавшем хаосе люди согласились на то, что раньше считалось немыслимым, — восстановление монархии Бурбонов.

В 1814 году граф прованский, младший брат Людовика XVI, стал новым королем Франции под именем Людовика XVIII. Странный поворот судьбы воздал по заслугам и республиканцам, и бонапартистам, но на самом деле у них не оставалось другого выбора. В то время не могло быть и речи о новой республике, не говоря уже о «преемнике» Наполеона. Всем казалось, что конституционная монархия на английский манер является единственным приемлемым выходом из положения. Но источники, питавшие французскую революцию, еще далеко не иссякли.

В государстве возникли трения между теми, кто желал продолжения революции, и теми, кто хотел восстановления старого режима абсолютной монархии. Группа ультрароялистов основала политическое движение, которое стало известно под названием «белый террор». Оно поставило целью уничтожить все следы революции и очистить Францию от тех, кто якобы «предал» монархию до и после падения Бастилии.

Хотя король втайне поддерживал ультрароялистов, сначала он строил из себя умеренного политика. Он назначил на пост премьер-министра знаменитого промышленника Элию Деказеса, дал ему герцогский титул и воспользовался его высокой репутацией честного и разумного человека для того, чтобы заручиться народной поддержкой. Таким косвенным образом Людовик XVIII надеялся пережить политическую бурю, готовую разразиться в результате борьбы между роялистами и республиканцами.

Деказес был видным масоном. В 1818 году, за год до своего назначения премьер-министром, он стал председателем Верховного Совета Тридцать Третьей Степени Шотландского Обряда. Некоторые масонские историки полагают, что и сам Людовик XVIII был посвящен в масоны. По их мнению, это произошло в 1775 году, когда он еще был графом Прованским. Утверждается также, что брат Людовика XVIII, граф Артуа (будущий король Карл X), был масоном и что оба они принадлежали к ложе Trois Freres.[1479]

По-видимому, Людовик XVIII наивно полагал, что французское масонство представляет собой все такое же подобие светского клуба, посещаемого аристократами и представителями высшей буржуазии, которое он знал до революции, но он глубоко заблуждался. Благодаря влиянию Деказеса при дворе сначала все надеялись, что король постепенно перейдет к парламентской монархии британского типа, но все надежды на это были разбиты 13 февраля

1821 года, когда фанатик-республиканец Лувель застрелил молодого герцога Берри, племянника короля.

Герцог Берри был единственной надеждой на продолжение династии Бурбонов, так как все знали, что Людовик XVIII бесплоден, а его брат уже слишком стар, чтобы зачать ребенка.[1480] Те, кто стояли за спиной убийцы, полагали, что с устранением герцога Берри они лишат династию Бурбонов возможности в будущем занимать французский престол. Однако они не учли обстоятельство, которое в конце концов расстроило их хитроумный план.

Жена герцога Берри, красивая и умная Мария-Каролина де Бурбон, была беременна. Через несколько месяцев она родила сына, «чудесного ребенка», которого назвали Анри.

Убийство герцога Берри дало ультрароялистам предлог для начала охоты на своих противников. Теперь Людовик XVIII предстал в истинном свете. Он отправил в отставку Деказеса, которого подозревал в республиканских и бонапартистских симпатиях, и заменил его графом Вильером, роялистом до мозга костей.

Отставка Деказеса сильно встревожила республиканцев, заподозривших, что Людовик XVIII собирается восстановить старый режим, и они стали строить заговоры против короля. Поскольку Деказес и многие его сторонники были масонами, ультрароялисты рассматривали масонские ложи как вероятные центры заговорщиков. Как ни странно, многие масоны, включая самого Деказеса, на самом деле лояльно относились к королю, но нельзя отрицать, что масонские ложи стали прикрытием для тайных политических собраний и — как и перед революцией 1789 года — идеальной питательной средой для радикалов, ведущих подрывную работу против монархии.

В декабре 1821 года члены экстремистского тайного общества карбонариев, чьей целью была организация вооруженного восстания против короля, стали просачиваться в масонские ложи в Париже. Карбонарии поддерживали связь с одноименным обществом в Италии — ультрарадикальной антиклерикальной группой, которая с начала 1820-х годов стояла за многими вооруженными выступлениями против папского престола и режима Габсбургов в Италии.

Во многом так же, как и франкмасоны, карбонарии выбирали своих членов и проводили церемонии посвящения. Эти церемонии происходили в так называемых ventes, что по-итальянски означает «двадцатка». Каждая ячейка ограничивалась двадцатью членами, чтобы не привлекать внимания полиции. Происхождение карбонариев можно проследить до 1812 года; они, почти несомненно, являлись боевым крылом масонской ложи Великого Востока в Италии, которую в то время возглавлял Иоаким Мюрат, король Неаполя и шурин Наполеона.[1481] Действительно, после завоевательной кампании Наполеона в этой стране итальянское масонство процветало, и к 1820 году карбонарии и масоны в Италии образовали огромную сеть лож и «двадцаток», которая была идеальным местом для тайных встреч и эффективной системой тайных коммуникаций для радикальных политических групп, планировавших освободить Италию от тирании ненавистного австрийского императора.

Карбонарии, само название которых символизировало итальянское движение за независимость, не скрывали того, что они являются рьяными бонапартистами и, следовательно, противниками любой монархии и врагами католической церкви. В сентябре 1821 года, после смерти Наполеона, они вышли на улицы и учинили серьезные беспорядки, вынудившие папу Пия VII осудить их и масонов в целом.[1482] Времена костров инквизиции миновали, но в 1821 году австрийская полиция провела в Италии крупномасштабную операцию по очистке масонских лож от радикальных элементов. Сотни людей были арестованы; многие масоны и карбонарии попали в тюрьму. Другие были депортированы или бежали во Францию, где стали проникать в местные масонские ложи.

В 1822 году большинство масонских лож во Франции оказались под подозрением в государственной измене. Хуже того, ультрароялисты заподозрили, что маркиз де Лафайет

является лидером карбонариев. По обе стороны Атлантики Лафайета считали великим республиканским героем, а его репутация среди масонов поднялась на недосягаемую высоту. Но, несмотря на то что Лафайет был убежденным республиканцем и активным масоном, он ни в коей мере не являлся радикалом и, почти безусловно, отдавал предпочтение конституционной монархии перед хаотичной «республикой», свидетелем которой он был во Франции после революции 1789 года. Так или иначе, симпатии или антипатии Лафайета к карбонариям имеют лишь теоретический интерес, так как во Франции они были очень плохо организованы и в их рядах было много роялистских шпионов. Вскоре произошли массовые аресты, в результате которых вместе с карбонариями за решетку попало множество масонов.

Некоторые заговорщики были приговорены к смерти. Среди казненных оказались знаменитые «четыре сержанта из Ла-Рошели», двое из которых были масонами, принадлежавшими к Египетскому Ордену Мемфиса-Мицраима.[1483] Согласно масонскому автору Жану-Андре Фоше, вина за мятеж 1821–1822 годов в большой степени лежала на новом масонском Ордене Мемфиса, а также на Ордене Мицраима, возникших в Италии в начале XIX века.[1484] Хуже того, бывший премьер-министр Элия Деказес стал членом Ордена Мицраима вместе с многими другими видными людьми из числа его сторонников среди англичан, включая герцога Лестерского и герцога Сассекского.[1485]

В 1822 году в Париже насчитывалось не менее 22 лож Ордена Мицраима и еще около десятка в других городах Франции, главным образом в Меце и Лионе. Псевдоегипетский характер обрядов, совершаемых в этих ложах, явствует из их названий. К примеру, одна из лож в Меце называлась «Возрожденный Гелиополь». Другая ложа в Лионе называлась «Мемфис», а третья ложа в Монтобане называлась «Разлив Нила».

Вторая революция

На Орден Мицраима легло главное обвинение в поддержке и укрывательстве карбонариев, поэтому он был запрещен в 1823 году. Посреди этих противоречивых и бурных событий Людовик XVIII скончался в сентябре 1824 года, не оставив потомков. На трон вступил его брат, граф Артуа, коронованный под именем Карла X, который в то время приближался к семидесятилетию.

Как и большинство аристократов, бежавших от революции 1789 года, Карл жил в ссылке до 1814 года, и пережитые унижения лишь укрепили его решимость восстановить старый режим «божественного королевского правления» и авторитет католической церкви. Во время своей коронации Карл настоял на том, что он должен быть помазан в соответствии с древними ритуалами возведения королей в Рейнском соборе несколькими каплями священного елея, спасенными от уничтожения в годы республиканского террора.

После коронации Карл X стал лидером ультрароялистов, и в стране ускоренными темпами началось возрождение католицизма, возмущавшее сторонников революции. Многие антиклерикалы и республиканцы теперь вступали в масонские ложи не для духовного просвещения, а ради политического прикрытия. Карл X, который был ревностным католиком, приступил к возрождению «Общества Иисуса» (ордена иезуитов); вскоре пошли слухи, что он сам вступил в орден и может передать власть в стране иезуитам.

Политические волнения достигли точки кипения в марте 1830 года, когда в наивной попытке умиротворить своих критиков король распустил палату представителей и назначил всеобщие выборы, в которых он надеялся на победу ультрароялистов. Однако голосование обернулось не в его пользу, и перед ним теперь стоял нелегкий выбор: либо согласиться на конституционную монархию, либо целиком сосредоточить власть в собственных руках, избавившись от республиканцев и бонапартистов в правительстве. Он неблагоразумно

выбрал второй вариант, и в июле 1830 года на парижских улицах снова появились баррикады.

Второй раз менее чем за пятьдесят лет в стране разразилась революция против династии Бурбонов.

Лафайет торжествует

В стране появились две фракции: одна состояла из «чистых» республиканцев, а другая из конституционных монархистов. Лафайет, как сторонник компромиссов, сначала оставался над схваткой, хотя республиканцы рассматривали его кандидатуру на роль своего лидера. Однако, на его взгляд, лучший выход заключался в избавлении от династии Бурбонов и учреждении новой монархии, которая могла бы «конституциализировать» старый режим. Он имел в виду принца, герцога Орлеанского, чей отец Филипп Эгалите финансировал революцию 1789 года за счет своего огромного богатства и высокого положения — ту самую революцию, которая в конце концов обезглавила его.

Хотя Лафайет конфликтовал с Филиппом Эгалите во время революции 1789 года/теперь он поддерживал тесный контакт с его сыном, Луи-Филиппом Орлеанским. План Лафайета имел одно явное преимущество: он предлагал решение, которое было приемлемым как для республиканцев, так и для конституционалистов и таким образом позволяло избежать риска гражданской войны. Теперь оставалось убедить республиканцев, бонапартистов и особенно простых парижан, что Луи-Филипп Орлеанский является самым подходящим человеком для такого дела. Лафайет добился своего с помощью обдуманного использования мощной символики — приема, который часто помогал усмирять буйные парижские толпы.

В августе 1830 года Карл X был вынужден отречься от престола. В отчаянной попытке сохранить династию Бурбонов на французском троне он попросил принять своего внука, «чудесного ребенка» от герцогини Берри, в качестве нового короля, но республиканцы и конституционные монархисты отвергли это предложение. Наступил момент, когда Лафайет и его собственный кандидат, Луи-Филипп Орлеанский, сделали свой ход. После трех дней кровавых уличных боев в Париже Лафайет при большом скоплении народа превосходно рассчитанным жестом обернул трехцветный революционный флаг вокруг Луи-Филиппа Орлеанского и провозгласил его Людовиком-Филиппом, «королем-гражданином» Франции. Поразительно, но этот театральный жест сработал, парижане бурно приветствовали нового монарха. Стойкие республиканцы и бонапартисты пришли в ярость из-за того, что «революцию» буквально увели у них из — под носа, но они ничего не могли поделать.

Король Людовик-Филипп I сразу же приступил к ряду проектов, призванных показать его любовь к Бонапарту и поддержку революции. Он приказал завершить строительство Триумфальной арки, сооружение которой началось еще в 1809 году, но с тех пор было остановлено. Он также приказал воздвигнуть на площади Бастилии огромную колонну в память о революции 1830 года; как помнят читатели из главы 1, на вершине этой колонны тогда был помещен «гений Парижа», крылатая фигура, напоминавшая греческого Гермеса.[1486]

Примерно в то же время Людовик-Филипп распорядился, чтобы обелиск, привезенный из Луксорского храма в Египте и недавно прибывший в Париж, был воздвигнут на Пляс де ла Конкорд…

Шампольон

В 1822 году, через полтора года после смерти Наполеона, было совершено поразительное научное открытие, не только изумившее академический мир, но и исполнившее обещание, данное императором на острове Св. Елены. Когда Наполеона спросили, почему он вторгся в Египет, тот спокойно ответил: «Я пришел, чтобы привлечь внимание и возродить интерес Европы к центру Древнего мира».[1487]

Историки часто упускают из виду, что Наполеон был не только военным гением, но и очень просвещенным человеком. Именно Наполеон привез в Египет 167 специалистов из разных областей науки и искусства в 1798 году, и он же основал в Египте первый современный научный институт. Поэтому кажется справедливым, что его мечта о восстановлении культурного интереса к Древнему Египту была осуществлена не политиком, а тихим и прилежным молодым человеком, жившим в городке Фижак в окрестностях Гренобля, — юношей, который никогда не покидал пределов Франции, не говоря уже о путешествии в Египет.

Семнадцатого сентября 1822 года Жан-Франсуа Шампольон, говоривший слабым голосом и часто кашлявший из-за серьезной болезни легких, объявил группе ученых в Париже, что он собирается сделать важное заявление в связи с таинственными древнеегипетскими иероглифами.

Шампольон, чувствовавший себя неуютно под скептическими взглядами светил науки, медленно прочел статью, адресованную председателю Французской академии Дасье и скромно озаглавленную «О фонетике иероглифического алфавита».

На самом деле это была культурная и научная бомба редких масштабов. Для многих, слушавших выступление Шампольона в тот день, стало ясно, что молодой человек решил величайшую загадку прошлого: он разгадал шифр древнеегипетского иероглифического языка. Непритязательная статья Шампольона ознаменовала величайшее достижение Французской академии и заложила основу для развития современной научной египтологии.

В 1820-х годах окрестности Гренобля и Лиона, где жил Шампольон, — были не только прибежищем республиканцев и бонапартистов, противостоявших монархии, но также центром многих оригинальных масонских движений, особенно связанных с «египетским» масонством, существовавшим в Лионе благодаря усилиям Калиостро.[1488] Известно, что Шампольон и особенно его старший брат Жак-Жозеф были бонапартистами, как и большинство их друзей, многие из которых также были членами масонских лож.[1489] Поэтому встает вопрос: являлся ли сам Шампольон членом братства, а точнее, одной из «египетских» лож? В наши дни некоторые масонские историки называют Шампольона «знаменитым франкмасоном», но этому нет письменных доказательств.[1490]

Шампольон и его брат одно время находились под подозрением в политической агитации, а в 1816 году даже были помещены под домашний арест в Фижаке. Утверждается, что они заручились поддержкой влиятельного премьер-министра Дека — зеса, который распорядился освободить их и помог братьям вернуться в Гренобль в 1817 году.[1491]

Деказес, как мы помним, впоследствии стал командором Верховного Совета Тридцать Третьей Степени и одним из первых почетных членов ложи Ордена Мицраима.[1492] Позже другой видный государственный деятель, герцог Блакас, стал покровителем и защитником Шампольона.[1493] Как ни странно, Блакас был ультрароялистом и фаворитом Людовика XVIII и Карла X. С 1815 года он служил французским послом в Неапольском королевстве, которое тогда было одним из центров «египетского» масонства. Отметим также, что существовали любопытные связи между Шампольоном и некоторыми известными адептами этих «неоегипетских» масонских групп.

Шампольон был противником Александра Ленуара, ревностного франкмасона, адепта «Философского Шотландского Обряда»[1494] и «посвященного культа Исиды»,[1495] который в 1808 году опубликовал книгу под названием «Новое объяснение иероглифов». Когда

Шампольон приступил к своей работе над египетскими иероглифами, он снисходительно назвал Ленуара «гусенком» (ип oisori) и сказал, что уважает его лишь за то, что Ленуар находится «на хорошем счету» у императрицы Жозефины.[1496] В 1814 году Ленуар опубликовал книгу под названием «Об истинном происхождении франкмасонства», в которой связал происхождение братства с культом Исиды. Возможно, это объясняет, почему Ленуар, по язвительному замечанию Шампольона, находился на хорошем счету у Жозефины.

Весьма интересна связь Шампольона с греко-итальянской красавицей из Ливорно Анжеликой Палли, в которую он влюбился во время научной поездки в Италию в 1826 году. Ливорно, расположенный на Средиземноморском побережье неподалеку от Пизы, был главным портом флорентийского рода Медичи, который, как мы видели в главе 8, сыграл огромную роль в «герметическом ренессансе». Поэтесса и писательница, Анжелика Палли была хорошо знакома с герметической литературой и произведениями неоплатоников. Ее ум и красота произвели глубокое впечатление на Шампольона, который впоследствии писал своему другу, аббату Газера: «Я благодарю великого Амона-Ра за встречу с ней». В свою очередь она с восхищением отзывалась о его «философии», насыщенной «египетскими доктринами из того же плодотворного источника, из которого черпали Платон и Пифагор».[1497]

Много лет спустя Анжелика Палли стала активной сторонницей знаменитого итальянского революционера Джузеппе Мазини, убежденного франкмасона, возглавлявшего итальянский Верховный Совет Тридцать Третьей Степени. Мазини был близким другом и коллегой народного героя Джузеппе Гарибальди, который стал первым магистром масонского Ордена Мемфиса и Мицраима.[1498] Существует также любопытная связь между городом Ливорно, где Шампольон познакомился с Анжеликой Палли, и скрытным масонским обществом под названием Societe Secrete Egyptienne. Считается, что одним из основателей этого общества был Матье де Лессепс, отец знаменитого инженера Фердинанда Лессепса, который построил Суэцкий канал.[1499] В 1818 году австрийская полиция совершила налет на масонскую ложу в Венеции. Среди конфискованных документов был один, свидетельствовавший о существовании тайного общества и подразумевавший, что одним из его членов был не кто иной, как первый современный правитель Египта, хедив Мохаммед Али.[1500]

Матье де Лессепс был убежденным бонапартистом и адептом Египетского Обряда франкмасонства.[1501] Он также был близким другом хедива и с 1803 по 1806 год занимал пост французского торгового атташе в Египте, после чего служил французским консулом в Ливорно.[1502] Мы еще встретимся с семьей Лессепсов в следующей главе в связи со статуей Свободы, которая стоит в гавани Нью-Йорка, а пока что давайте присоединимся к Шампольону в его первой и единственной поездке в Египет.

«Если отправишься в Фивы, пришли мне маленький обелиск…»

В 1830 году, за три года до своего отречения от престола, Карл X заказал художнику Франсуа-Эдуару Пико украшение потолка его личного музея в Лувре с использованием древнеегипетских мотивов, центральной фигурой которых должна быть богиня Исида.[1503]

Читатели помнят, что Пико был учеником революционера и бонапартиста Жака-Луи Давида, который вместе с Робеспьером организовывал в Париже различные празднества в честь богини Рассудка и Высшего Существа, в том числе праздник в Бастилии в августе 1793 года, когда перед парижанами впервые предстала статуя Исиды. Можно заметить, что «Исида» на потолочной росписи работы Пико была сделана по образцу статуи «Исиды

Бастильской». Сама роспись содержит независимое подтверждение этой связи — над головой «Исиды» находится так называемый «гений искусств» — обнаженный юноша с золотыми крыльями, напоминающий греческого бога Гермеса. В одной руке он держит факел, освещающий ландшафт внизу для «богини Афины», у чьих ног можно видеть сову, символ мудрости, приобретаемой в результате посвящения в таинство.

Едва ли можно сомневаться в том, что ландшафт под фигурой Исиды на росписи является не египетским, а парижским, точнее говоря, на нем изображена площадь Бастилии, ключом к которой является тот самый «гений», которого в наши дни можно видеть парящим над площадью. Где? Он стоит на вершине огромной колонны, поставленной здесь по распоряжению «короля-гражданина» Людовика-Филиппа I в 1830 году, через три года после того, как Пико закончил работу над росписью.

Есть еще один странный момент. На картине Пико Исида смотрит на обелиск, возвышающийся вдалеке. Может ли этот обелиск быть настоящим обелиском из Луксора, воздвигнутым на Пляс де ла Конкорд Людовиком-Филиппом I? Подразумевает ли картина Пико некую связь между Парижем и Луксором?

В 1828 году Карл X предложил Шампольону финансировать его поездку в Египет с целью изучения возможности доставки в Париж древнего обелиска. Этот обелиск был подарен Франции хедивом Мохаммедом Али.[1504] Карл X питал живой интерес к Древнему Египту и в 1828 году учредил музей египетских древностей в южном крыле Лувра.

В июле того же года Шампольон возглавил небольшую группу ученых и художников, включая французского археолога Шарля Ленормана и архитектора Бибена, и отплыл из Тулона в Египет. Шампольон и его «аргонавты», как он называл свою группу, достигли Александрии 18 августа 1828 года и высадились на берег там, где почти тридцать лет назад произошла высадка войск Наполеона. Шампольона принял французский консул Бернадино Дровегги, который вскоре стал его другом.

Дроветги был родом из южной Италии и с 1818 года являлся «Великим Коптом» египетских масонских лож в Александрии.[1505] В 1821 году он был назначен консулом Франции, а ранее служил помощником Матье де Лессепса. Как и Лессепс до него, Дроветти стал близким другом Мохаммеда Али. Такая привилегированная связь давала ему свободу действий в коллекционировании древнеегипетских реликвий, и вскоре он сколотил огромное личное состояние. Его британским коллегой и соперником был Генри Солт, британский консул в Александрии, который вместе с Джованни Бельцони,[1506] итальянским масоном и египтологом, тоже торговал древностями, которые он продавал частным коллекционерам и в Британский музей.

Шампольон был совершенно зачарован Египтом. Он писал об этой древней цивилизации:

«Мы, европейцы — всего лишь лилипуты, и ни один древний или современный народ не поднял искусство архитектуры на такую высоту и не достиг столь грандиозных масштабов, как египтяне… Я повторяю снова и снова… Древний Египет учил искусствам Древнюю Грецию, и она развила их в более изысканные формы, но без Египта Греция, возможно, никогда не стала бы обителью искусств».[1507]

Шампольон так увлекся Египтом, что даже рассматривал возможность своей физической связи с этой страной на протяжении всей жизни. «Мне кажется, что я родился здесь, — писал он своему брату, которого в шутку называл Амоном, — а местные европейцы думают, что я очень похож на копта».[1508]

За время своего визита в Египет, продолжавшегося полтора года, Шампольон заключил соглашение с Мохаммедом Али, что он отвезет в Париж один из двух обелисков, стоявших перед Луксорским храмом. Судя по всему, хедив с радостью отдал бы Шампольону оба

обелиска, но возможностей французских инженеров хватало только на один монумент. Задача доставки древнего монолита во Францию оказалась нелегкой. Поскольку обелиск весил примерно 230 тонн при высоте 23 метра, сначала возникло предложение разрезать его на несколько кусков, но Шампольон объявил, что это будет «святотатством».[1509]

На обратном пути во Францию Шампольон познакомился с молодым военно-морским инженером по имени Верниньяк де Сен-Мор, который впоследствии стал командовать «Луксором», особым судном, построенным для перевозки обелиска вниз по течению Нила и через Средиземное море. Верниньяк работал под руководством французского министра военно-морского флота, барона д'Оссэза, который недолюбливал Шампольона из-за старой вражды с ним в Гренобле, когда Оссэз служил там начальником полиции. Неудивительно, что Оссэз отодвинул Шампольона в сторону и приписал себе все заслуги по транспортировке обелиска. Впоследствии он писал в своих мемуарах:

«Как только просвещенный мир узнал, что я хочу обогатить Францию монументом, каким до сих пор владели лишь древние римляне, мне поручили провести переговоры о двух обелисках, гораздо более драгоценных… чем александрийские [которые в итоге оказались в Лондоне и Нью-Йорке]. Их также было гораздо труднее транспортировать, поскольку они находились в Луксоре».[1510]

Операция продолжалась целых шесть лет, но Оссэз не успел осуществить ее. Он пробыл на посту министра военно-морского флота лишь немногим более года и был смещен в период общего хаоса, последовавшего за июльской революцией 1830 года. Обязанность за исполнение проекта легла на плечи барона Тейлора, сына натурализованного англичанина. Тейлор был покровителем искусств и довольно неплохим писателем. Он дружил с археологом Жомаром, питал большой интерес к Древнему Египту и прилежно взялся за работу с того места, где Оссэз оставил ее. Заручившись рекомендательными письмами от короля и щедрым бюджетом в 100 тысяч франков, он лично отправился в Египет для встречи с хедивом и руководства транспортными операциями. Тейлор поручил инженерные работы Батисту Аполлинеру Лебасу — довольно миниатюрному человеку, чей небольшой рост был предметом шуток и насмешек среди египтян, которые не могли поверить, что такому коротышке доверили задачу доставить такой высокий обелиск во Францию.

С апреля по июль 1831 года Лебас находился на борту «Луксора», плывшего из Тулона в Верхний Египет. Стояло лето, и жара в Луксоре была невыносимой, доходя до 40° в тени. С самого начала экспедиция сталкивалась с проблемами, включая эпидемию холеры, но в конце концов оказалось, что Лебас был правильно выбран для этой работы. К октябрю он смог опустить огромную колонну на песок, не повредив ее, еще через два месяца обелиск был доставлен на берег Нила и погружен на борт «Луксора». Затем Лебасу пришлось ждать до июля следующего года — т. е. до следующего нильского разлива, — чтобы доплыть вниз по течению до Александрии. После трехмесячной задержки в Александрии «Луксор» пересек Средиземное море и прибыл во французский порт Тулон 11 мая 1833 года. Оттуда он прошел вверх по реке до Парижа, где ждал в доках еще три года.

Людовик-Филипп I уже давно решил, что обелиск должен быть поставлен на «оси Парижа» в центре Пляс де ла Конкорд к западу от садов Тюильри, между Лувром и Триумфальной аркой.[1511] Теперь наконец была назначена дата воздвижения обелиска.

Двадцать пятого октября 1836 года толпа в 200 тысяч человек собралась на площади, чтобы увидеть это событие, — больше народу, чем собралось на этом месте сорок три года назад, перед казнью Людовика XVI. Лебас лично руководил трудной операцией по подъему обелиска, которая, ко всеобщему восторгу, завершилась без каких-либо накладок Под всеобщее ликование Париж наконец обрел свой солнечный талисман из Древне го Египта.

Теперь Франция могла с полным правом утверждать, что ее столица называется CiteLumieru (Город Света) — или следует сказать «Город Солнца»?

Замечательный обелиск, стоящий на Пляс де ла Конкорд, является древнейшим монументом в Париже. Он видел историю Египта, начиная примерно с 1500 года до н. э. Будучи в Париже, он видел падение французской монархии и учреждение Второй республики в 1848 году; восход Второй империи при Наполеоне III, родственнике Наполеона Бонапарта, и ее падение в 1871 году; учреждение Третьей республики при «масонском» правительстве Леона Гамбетты;[1512] Первую и Вторую мировые войны и, наконец (в 1958 году), основание Пятой республики при генерале Шарле де Голле.

Но лишь в 1984 году в Париже к ней присоединилась современная конструкция, напоминающая Великую пирамиду в Гизе.

«Великие труды» Миттерана

В 1981 году президент Франции Франсуа Миттеран приступил к осуществлению программы под названием «Великие труды», включавшей сооружение ряда архитектурных памятников, призванных обогатить французскую культуру. Оставалось восемь лет до двухсотлетия революции 1789 года, и Миттеран планировал грандиозные празднества. Подобно Людовику XIV, он хотел отметить важное государственное событие воздвижением национальных монументов. Случайно или намеренно, но два монумента, вызывавшие особый личный интерес Миттерана, вызывали ассоциации с Древним Египтом и масонским «Высшим Существом», или «Великим Архитектором Вселенной». В результате Миттеран удостоился таких прозвищ, как «Бог», «Сфинкс» и «король-Солнце», во французской сатирической прессе.

Хотя Франсуа Миттеран не был франкмасоном,[1513] он с такой симпатией относился к масонским ложам, что многие французы до сих пор убеждены, что он все-таки был тайно посвящен в масоны. Не так давно Францию потрясло известие о том, что Гай Пенн, один из ближайших политических советников Миттерана, был членом совета ложи Великого Востока Франции.[1514] Затем разразился скандал с участием сына Миттерана, Жана — Кристофа, который в 1988 году поступил на работу в департамент Гая Пенна, а в 1986 году занял его место. Французские репортеры раскрыли его участие в так называемом «деле Фальконе», в котором фигурировала незаконная торговля оружием с Западной Африкой к упоминались имена некоторых видных африканских политиков, состоявших в масонских ложах.[1515]

Первым проектом, больше всего интересовавшим президента Миттерана, был проект Большого Лувра, включавший огромную стеклянную пирамиду, а вторым — проект Grande Arche de la Fraternite в районе ля Дефанс на крайней западной оконечности оси Елисейских Полей. По личному указанию Миттерана при министерстве финансов были организованы два учреждения с особым бюджетом, предназначенные для осуществления этих проектов. Один из них назывался EPGL (Etablissement Pub — lique de Grand Louvre), а второй — EPAD (Etablissement Publique dAmenagement de la Region de la Defence). Для работы над проектом Большого Лувра Миттеран лично пригласил Яо Мин Пэя, прославленного американского архитектора китайского происхождения,[1516] а для проекта Grande Arche — датского архитектора Иоганна Отто фон Шпрекельсена.[1517]

Миттеран так хотел пригласить Я. М. Пэя, что решил обойти обычные требования международного тендера и просто предложил ему руководить проектом.[1518] Вот как сам Пэй описывает это:

«В июле 1981 года Поль Гюймар попросил меня встретиться с ним во французском посольстве в Лондоне… Он сказал, что президент Миттеран хочет, чтобы я приехал в Париж… На этой встрече, состоявшейся 11 декабря 1981 года, присутствовали только три человека: президент Миттеран, Поль Гюймар и я сам…»[1519]

Пэй утверждал, что на этой первой встрече с Миттераном не было конкретного упоминания о Луврской пирамиде и президент говорил лишь «о важном значении архитектуры в национальной жизни Франции».[1520] Позднее, в 1983 году, Миттеран послал своего советника Эмиля Биасини в Нью-Йорк для заключения с Пэем прямого контракта по этому проекту.[1521] Когда один журналист спросил, почему для Лувра была выбрана пирамида, Пэй ответил: «Архитектура — это геометрия, Лувр — это тоже геометрия. Он немного наклонен, но это геометрия… Французам это сначала не понравилось, но только не президенту Миттерану. Он с самого начала поддержал мою идею».[1522]

Я. М. Пэй настаивает, что он позаимствовал идею пирамиды от «дизайна садовых решеток Ленотра, который планировал огромные сады Версаля для Людовика XIV, а также сады Тюильри».[1523] Может быть, и так, однако угол наклона граней пирамиды, выбранный Пэем, составлял 50,71°, что лишь на один градус отличается от угла наклона Великой пирамиды в Египте. Случайность? Наверное, мы никогда не узнаем, но вот что ответил Ян Веймут, старший архитектор Пэя, когда ему задали этот вопрос:

«Работая с моделями и перспективами, мы изучали форму и место. Мы сформировали центральную линию горизонта, изучая ее с наземного уровня в перспективах и моделях. Если грань пирамиды представляет собой равносторонний треугольник, то угол наклона 54,74° создает агрессивное впечатление, но при уменьшении угла до 45° форма начинает «расплываться». Выбранный угол 50,71° близок к углу наклона граней Великой пирамиды в Гизе, поэтому вполне возможно, что мы повторяли исследования, проведенные египтянами в эпоху IV династии».[1524]

Из этого высказывания следует, что Пэй и Веймут достаточно глубоко изучили эволюцию пирамид IV династии в Египте. Согласно египтологам, первые настоящие пирамиды были построены фараонами Снофру и его знаменитым сыном Хеопсом (Хуфу). Хорошо известно, что угол наклона граней трех главных пирамид изменялся от 54° (южная пирамида в Дашуре) до 45° (северная пирамида в Дашуре), и, наконец, был выбран оптимальный вариант 51,85° (Великая пирамида в Гизе).

С учетом исторической важности проекта, расположения места и того факта, что новой конструкции предстояло стать символом двухсотлетия французской революции, Пэй должен был знать о нескольких проектах строительства пирамид, предложенных в прошлом для Парижа, таких, как проекты Этьена Буле и Клода-Никола Леду, упомянутые в начале этой главы. Он также должен был знать, что архитектор Франсуа Дюбуа[1525] предложил воздвигнуть пирамиду в честь «короля-Солнце» во время правления Людовика XIV, а барочная пирамида со статуей Наполеона на вершине, сконструированная архитектором Луи — Франсуа Лежеро, должна была стоять именно на том месте, где Пэй в конце концов воздвиг свою стеклянную пирамиду.[1526]

Проект строительства Grande Arche, в отличие от первого, был выставлен на международный тендер, но окончательное решение тем не менее принимал президент Миттеран. Вот как архитектор фон Шпрекельсен описал свой план: «Открытый куб, окно, открытое в мир… оно смотрит в будущее. Это современная триумфальная арка, воздвигнутая во славу человечества; это символ надежды на то, что в будущем люди смогут свободно встречаться друг с другом».[1527]

Здание Grande Arche действительно представляет собой почти совершенную кубическую структуру высотой 110 м и глубиной 112 м, с площадью основания немногим более одного

гектара. В его проеме вполне мог бы поместиться целый собор Нотр-Дам. В официальном путеводителе оно описано как монумент, который «пробуждает чувство священного… и сравним с египетскими пирамидами».[1528] На верхнем своде художник Жан — Пьер Рено создал Зодиак, «побуждающий к подлинному диалогу с небесным сводом, который представляет собой шедевр природной архитектуры».[1529] Со своей стороны мы можем добавить, что в этой конструкции находит воплощение герметический принцип «что наверху, то и внизу».

На верхнем этаже Grande Arche находится штаб-квартира Fondation Г Arche de la Fraternite (фонд арки Братства), в котором с августа 1989 году председательствует Клод Шейсон, бывший министр иностранных дел. Фонд был основан в 1970-х годах как организация по защите прав человека Эдгаром Фором, президентом Франции в 1950-х годах. Когда президент Миттеран объявил о своем желании сделать монумент Grande Arche сим волом «братства и свободы», Эдгар Фор предложил переместить штаб-квартиру Fondation l'Arche de la Fraternite в здание Grande Arche в квартале ля Дефанс.[1530]

Тайны оси

Проект Grande Arche был завершен вовремя. Торжественную церемонию открытия в день двухсотлетия французской революции 14 июля 1989 года возглавлял сам президент Франсуа Миттеран. Результат превзошел все ожидания. Здание Grande Arche можно видеть за много миль, и после Эйфелевой башни оно, безусловно, является самым впечатляющим наземным ориентиром в Париже. Жан-Клод Гарсия, написавший текст официального путеводителя по Grande Arche, назвал его главным монументом 1980-х годов, «обращенным к инстинкту бессмертия в коллективном сознании людей».[1531] Более того, Гарсия рассматривал этот проект как достойное завершение протяженной и извилистой городской оси, начало которой было положено в XVII веке и которую можно охарактеризовать следующим образом:

«Начинающаяся в открытом дворе Лувра, но отклоняющаяся на 6° к северу при прохождении через Тюильри, великая широтная ось Парижа сначала представляла собой обсаженную деревьями аллею, проложенную Ленотром в первые годы правления Людовика XIV. Эта аллея открывала перспективу в сторону заката… За ней последовало строительство современной площади Согласия при Людовике XV, потом выравнивание склона, на котором сейчас возвышается Триумфальная арка, и прокладка широкого проспекта Елисейских Полей. На закате монархического режима инженер Перроне построил первый каменный мост в Ньюлли, доведя ось до холма Шантекок, где расположен современный район ля Дефанс».[1532]

Жан-Марсель Гумбер, известный французский египтолог, который считается ведущим специалистом по «египтомании» в Париже, сделал такое любопытное замечание: «Я этого не подтверждаю, но говорят, что направление большой оси (здание Grande Arche / Обелиск на Пляс да ла Конкорд / Луврская пирамида) не случайно и является масонским построением… Известно, что масоны находят свои истоки в Древнем Египте».[1533]

Таким образом, проект Grande Arche является кульминацией непрерывной цепочки идей оккультного плана, начавшейся с «короля-Солнце» Людовика XIV и закончившейся при Франсуа Миттеране, которого французы в шутку стали называть «королем-Солнцем» из-за его амбициозных архитектурных проектов. Отметим мимоходом, что у Миттерана был еще один проект для района ля Дефанс: небоскреб высотой 400 м под названием La Tour Sans Fin. В отличие от большинства небоскребов, это грандиозное здание, спроектированное архитектором Жаном Нувелем,[1534] должно было иметь разные уровни прозрачности,

действующие как «небесные фильтры», так что его вершина должна была стать полностью прозрачной и исчезнуть в облаках.[1535] Здесь просматривалась явная аллюзия на Вавилонскую башню, которая также является популярной масонской пиктограммой и часто символизирует происхождение Искусства.[1536] Однако проект La Tour Sans Fin в конце концов был положен на полку из-за непомерной дороговизны и непрактичности самой идеи.[1537]

Безусловно, здание Grande Arche занимает почетное место на западной оконечности парижской оси. Это неотъемлемая часть ряда монументальных талисманов, протянувшихся по всему городу, особенно Триумфальной арки на Пляс д'Этуаль и обелиска на Пляс де ла Конкорд. Затем ось пересекает сады Тюильри и тянется на восток к Лувру, где, как помнят читатели из главы 17, она проходит сначала через бронзовую конную статую Людовика XIV в образе «Александра Великого», расположенную к югу от стеклянной пирамиды Пэя. Еще восточнее ось пересекает западное крыло Лувра и проходит через личные апартаменты Анны Австрийской, матери Людовика XIV, — то самое место, где произошло «чудо Капетингов» в декабре 1637 года.[1538]

Интересно, что это построение «масонских» и «египетских» монументов в полной мере было раскрыто не 14 июля 1989 года, а ровно год спустя, когда французский композитор Жан-Мишель Жарр устроил большой концерт на площади перед зданием Grande Arche в квартале ля Дефанс. Этот концерт представлял собой поразительное сочетание звука, света и пиротехнических работ, подобного которому Париж не видел даже во времена революции, когда Жак-Луи Давид и Робеспьер устроили праздник в честь Высшего Существа возле Лувра.

На закате 14 июля 1990 года около двух миллионов человек вышли на Елисейские Поля, словно для проведения торжественной герметической мессы под открытым небом. В ту ночь все монументы исторической оси Парижа — здание Grande Arche, Триумфальная арка, Луксорский обелиск и, разумеется, Луврская стеклянная пирамида — были ярко освещены, словно для того, чтобы выявить магический ландшафт Парижа.

Оркестр Жана-Мишеля Жарра, хористы которого носили длинные развевающиеся белые одежды, придававшие им неземной облик, расположился у подножия здания Grande Arche в огромной передвижной пирамиде с металлическим каркасом, подсвеченной лазерными лучами. Лазеры проецировали изображение на фасады соседних небоскребов, многие образы напоминали герметические и масонские символы, особенно большие глаза, проецируемые на грани пирамиды.

Восемь лет спустя, в мае 1998 года, Жан-Мишель Жарр провел сходное представление, на этот раз перед Великой пирамидой на плато Гиза. В том же году президент Египта Хосни Мубарак и члены его правительства присутствовали на особой церемонии на Пляс де ла Конкорд в Париже, когда на вершине Луксорского обелиска был установлен золотой замковый камень.[1539] Во время этой церемонии министр культуры Египта Фарук Хосни объявил, что другой замковый камень из золота будет помещен на вершине Великой пирамиды в полночь 31 декабря 1999 года как символ нового тысячелетия.

Вечер открытий Роберта Бьювэл а (1)

Вечером весной 1992 года Роберт Бьювэл зашел в книжный магазин Луврского музея и купил археологический журнал с большой иллюстрированной статьей о городе Луксоре. Журнал назывался Dossiers: Histoire et Archeologie,[1540] а статья была написана рядом специалистов, включая Мохаммеда Эль-Сагира, директора Луксорского музея древностей, Уильяма Дж Мурнана и Лейни Д. Белла из Чикагского университета.

Ранее в тот же день Бьювэл посетил здание Grande Arche в районе ля Дефанс, на верхнем этаже которого находился выставочный зал с великолепной аэрофотографией

Парижа, где можно было видеть всю историческую ось города от Бастилии на востоке до района ля Дефанс на западе.

На фотографии длиной несколько футов можно было четко видеть каждую деталь: характерную крабовидную форму Лувра, сады Тюильри с отдельными деревьями, Пляс де ла Конкорд и египетский обелиск, Триумфальную арку, небоскребы и, разумеется, здание Grande Arche. С разрешения охранника Бьювэл заснял на видеопленку этот впечатляющий вид, а затем сделал несколько снимков фотокамерой. На выставке также имелась модель «парижской оси» с выполненными в миниатюре главными зданиями и монументами; Бьювэл заснял на пленку и сфотографировал этот экспонат.

Затем Бьювэл отправился на метро в Лувр. По дороге он размышлял об аэрофотографии и модели «парижской оси», освежая свою память просмотром отснятой видеопленки. Вид с высоты придавал городу особую перспективу, и отдельные его части начинали складываться вместе, словно огромная составная головоломка, сконструированная в течение столетий.

На аэрофотоснимке было особенно заметно, как ось Парижа немного меняет направление, выходя из Лувра и направляясь на запад. На первый взгляд это было сделано для того, чтобы расположить сады Тюильри параллельно течению Сены. Но ось воз вращалась на прежний курс, когда она выходила из садов Тюильри на Пляс де ла Конкорд. Здесь Сена делала небольшой поворот на юг, в то время как ось немного поворачивалась на север, в противоположном направлении.

Эта любопытная аномалия занимала инженерный ум Роберта Бьювэла. Ему хотелось думать, что отклонение оси было связано с конкретной проблемой, но каким-то образом этого объяснения оказывалось недостаточно для такой грандиозной и тщательно продуманной схемы. Образцом этой продуманности были расстояния между главными символическими монументами и сравнительный размер трех «арок». Как указано в путеводителе:

«Странным образом расстояние между ними каждый раз удваивается: один километр от Карусельной арки до обелиска на площади Конкорд; два километра от обелиска до Триумфальной арки на вершине Елисейских Полей и четыре километра оттуда до зданияGrandeArche.Еще более интересно, что размер «арок» каждый раз удваивается».[1541]

Если все остальное было задумано для особого символического эффекта, разве не очевидно, что отклонение оси тоже являлось частью схемы?

Вечер открытий Роберта Бьювэла (2)

Когда Бьювэл вышел из метро возле Лувра, он решил прогуляться по городу перед посещением музея. Сначала он подошел к обелиску на площади Согласия и там, повернувшись спиной к западному фасаду обелиска, обозрел перспективу Елисейских Полей. Прямой, как стрела, проспект тянулся на запад мимо Триумфальной арки вплоть до здания Grande Arche в шести километрах оттуда.

Потом Бьювэл встал у восточной стороны обелиска и посмотрел на восток в направлении Лувра. Ось проходила прямо через центр садов Тюильри и тянулась до Карусельной арки за открытым двором Лувра, но здесь происходило то самое странное «отклонение», так как восточная оконечность оси не совпадала с центральной осью Лувра, а пересекала ее и продолжалась вдоль южного крыла Луврского дворца.

Бьювэл прогулялся до Карусельной арки, нашел то самое место, где ось изменяла направление, и снова посмотрел на восток в сторону Лувра. Как он и думал, ось не проходила через центр Лувра и стеклянную пирамиду; она проходила справа (южнее)

пирамиды через бронзовую конную статую Людовика XIV. За статуей ось пересекала Лувр на уровне второго окна фасада павильона Сюлли. К счастью, окно было открыто. Бьювэл решил отправиться туда и сделать хороший снимок «парижской оси» в западном направлении.

Для того чтобы добраться до окна, Бьювэлу понадобилось пройти первый этаж павильона Сюлли через ряд комнат, где были выставлены экспонаты из обширной греческой и египетской коллекции Лувра. На потолке одной из этих комнат, под номером 30 в путеводителе, находилась таинственная роспись Пико, описанная в главе 1. Разумеется, Бьювэл видел эту картину раньше и помнил любопытную сцену с «гением Парижа», сидящей богиней Исидой, обелиском и пирамидами на заднем плане. Теперь, после посещения обелиска на Пляс де ла Конкорд, он не мог не заметить, что обелиск и пирамиды на картине Пико были выстроены в точно такой же перспективе, как и монументы «парижской оси».

Бьювэл был удивлен этим странным совпадением, но отложил его анализ на будущее и поднялся к открытому окну. Отсюда, как он и надеялся, открывался живописный вид в западном направлении вдоль «парижской оси», мимо обелиска и Триумфальной арки. Отклонение оси тоже было довольно заметным. Бьювэл сделал несколько фотографий и зашел в книжный магазин на первом этаже музея, где, как уже упоминалось, приобрел археологический журнал с иллюстрированной статьей о Луксоре в Верхнем Египте.

Вечер открытий Роберта Бьювэла (3)

Бьювэл вышел во двор, присел на скамейку и стал перелистывать страницы только что купленного журнала. На одном развороте красовалась превосходная цветная фотография Луксорского храма, сделанная с высоты. На фотографии открывалась перспектива в западном направлении — в сторону Нила, а храм разворачивался слева направо (т. е. с севера на юг) и таким образом был расположен параллельно течению Нила. Перед входом в храм с северной стороны возвышался одинокий обелиск. Рядом с ним Бьювэл мог видеть постамент, на котором некогда стоял второй обелиск, привезенный в Париж и заметный с того места, где он сейчас сидел.

Как странно, что эти две точки на земной поверхности — одна перед Луксорским храмом в Фивах, а другая перед Луврским дворцом в Париже — были объединены двумя древними солнечными талисманами! Бьювэл внимательнее присмотрелся к фотографии. С большой высоты крабовидные очертания Луксорского храма, расположенного у берега Нила, легко можно было принять за крабовидные очертания Лувра, расположенного у берега Сены. С растущим волнением Бьювэл перелистал страницы журнала и вскоре обнаружил то, на что он надеялся: вторую аэрофотографию, сделанную с гораздо большей высоты. На этой фотографии можно было видеть весь план города Луксор от Луксорского храма на юге до Карнакского храма на севере.

Бьювэла охватило странное ощущение дежа ею. Он видел точно такую же картину совсем недавно, но не на фотографии Луксора. Он перемотал назад видеофильм с изображением аэрофотоснимка Парижа, сделанный несколько часов назад. При сравнении с аэрофотоснимком Луксора из археологического журнала стало ясно, что между планом Парижа от Лувра до района ля Дефанс и планом священного египетского города от Луксора до Карнака существует замечательное сходство.

Расположение обелисков было частью загадки, но еще более поразительным был тот факт, что и ось Парижа, и ось Луксора изменяли направление примерно в том же месте, где одна ось направлялась в сторону района ля Дефанс, а другая в сторону Карнака. Однако Бьювэл знал, что Нил течет с юга на север и Луксорский храм смотрит на север, в то время как Сена течет с востока на запад и Луврский «храм» смотрит на запад. Шампольон и Лебас должны были знать об этих ориентировках. Если они действительно участвовали в некой

таинственной символической игре, то, безусловно, должны были учитывать это обстоятельство.[1542]

Замечание историка Жана Видаля в путеводителе по Парижу помогло решить вопрос: «Давайте отметим… что в том положении, которое обелиск сейчас занимает на Пляс де ла Конкорд, четыре его стороны изменили направление: северная сторона в Луксоре сейчас обращена на запад, к Елисейским Полям».[1543]

Казалось, будто аэрофотоснимки Парижа и Луксора обладают собственной волей и хотят слиться друг с другом. Бьювэл поднял голову и посмотрел на отдаленный обелиск, стоявший на Пляс де ла Конкорд. Было так, словно Париж приподнял покров своей великой тайны, когда-то изображенной на картине Пико…

Архитектура, исполняющая пророчество

Помните, как герметический философ Томмазо Кампанелла в 1638 году предсказал, что Париж станет «египетским» Городом Солнца? Теперь Бьювэл обнаружил безошибочную архитектурную корреляцию между Парижем и египетским Городом Солнца, т. е. Фивами/Луксором. Все это было очень странно и однако казалось логичным.

Он представил себя в виде «гения» на картине Пико, парящего над площадью Бастилии и глядящего на разворачивающийся перед ним египетский ландшафт. Это был тайный ландшафт, постепенно подготовленный и замаскированный парижскими улицами. Его создание потребовало целенаправленных усилий в течение многих поколений. Градостроительный проект начался с тех пор, когда Ленотр впервые отклонил ось садов Тюильри на 26° к северо-западу в 1665 году, и завершился более 300 лет спустя, в 1980 году.

Что это: заговор или теория заговора? Чем объясняется сходство оси Парижа и Луксора — совпадением или чем-то еще?

Обстоятельством, свидетельствующим в пользу второго мнения, является таинственная связь между Древним Египтом и особенно богиней Исидой с городом Парижем, существовавшая в течение столетий. Нелегко и отделаться от пророчества Кампанеллы, сделанного им при рождении Людовика XIV, о том, что Париж станет Городом Солнца, созданным по архитектурному образцу Древнего Египта.

Внезапно Бьювэла осенила новая идея. В то самое время, когда французские республиканцы замышляли монументальные градостроительные проекты для Парижа, другая группа республиканцев замышляла создание нового города по ту сторону Атлантики.

Там тоже вышли на поверхность странные ориентиры и геометрические формы, напоминающие об идеях герметизма и масонства.

ГЛАВА 19
КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

«Само существование Вашингтонского монумента [обелиска] тесно связано со звездой Сириусом… Каким образом самая важная звезда древнего мира возродилась в архитектуре Соединенных Штатов?»

Дэвид Овасон, «Тайный зодиак Вашингтона»

«Если, как говорил Томас Джефферсон, Капитолий представляет «первый храм, посвященный суверенитету народа», то масонские братья на церемонии 1793 года были его первыми высшими жрецами».

Стивен Баллок, «Революционное братство»

«Вашингтон можно по праву назвать главным «масонским городом» в мире. Его центр был заложен согласно плану французского масона Пьера Ланфана».

«Современное масонство», 16, 2000

Если здание, монумент или даже целый город может стать талисманом, заряженным мощной идеологией, «мерилом» такого талисмана должен быть его краеугольный камень.

В древности церемония посвящения нового храма или государственного монумента часто требовала проведения сложных ритуалов под руководством правителя. Целью такой церемонии было обращение к божеству с призывом о благосклонном внимании и защите или даже с просьбой снизойти с небес и избрать храм своей обителью. Ключевым элементом была закладка памятного символа, увековечивающего церемонию, обычно в виде «первого камня», или «краеугольного камня».

В средневековой Европе закладка краеугольного камня церкви или собора символизировала «появление на свет, обретение сознания и устремленность к небу».[1544] В этом отношении жизненно важное значение имел выбор подходящего момента, когда участники церемонии могли быть уверены в благотворном влиянии звездных и планетных божеств. С этой целью составлялся «гороскоп».

У современных масонов церемония закладки краеугольного камня имеет важнейшее значение. Она является не только звеном связи с предками, которые строили соборы и храмы, но и мощным символом обновления и возрождения. С особой силой она проявляется в масонском стремлении (буквальном или метафорическом) восстановить Храм Соломона в Иерусалиме и заложить его краеугольный камень. Стоит вспомнить о крестовых походах, арабо-израильской войне 1967 года и палестинской интифаде, и вы начинаете ощущать энергию, которая может быть высвобождена с помощью этого талисмана. Обнаружение и закладка углового камня в обновленном Храме Соломона вызовет интеллектуальный и духовный взрыв, имеющий судьбоносное значение для Ближнего Востока и всего мира.

Во многих древних зданиях мы обнаруживаем, что угловой камень закладывался в стену крипты или фундамента, тщательно подготовленную к этой церемонии. Согласно масонскому автору Дэвиду Овасону:

«В символическом смысле склеп является местом погребения. Это земля, в которую нужно бросить пшеничное зерно, которое возродится в виде ростка… В масонстве склеп является местом погребения мастера — каменщика, расположенным под святая святых…*Идея возрождения существует в современном официальном ритуале закладки масонского краеугольного камня, когда участники ритуала рассыпают зерно по полу и иногда даже связывают этот акт со звездами».*

Известно, что древние египтяне с незапамятных пор выполняли «звездный» ритуал — некую разновидность астральной магии — во время церемонии закладки краеугольного камня в храмах и пирамидах. На северном небе этот ритуал включал обращение к околополярным звездам, а на южном небе — к звездам Ориона и Сириусу.[1545] С точки зрения Овасона, «неподвижность звезд и созвездий впервые привела древнеегипетских жрецов, а впоследствии греческих архитекторов к мысли об ориентировке храмов по звездам». То же самое обстоятельство, по словам Овасона, побуждает масонских архитекторов строить здания и разрабатывать градостроительные планы «в соответствии с геометрией, отражающей мудрость звездной науки».[1546]

«Возвышение» Вашингтона

Восемнадцатого сентября 1793 года, примерно через месяц после проведения «церемонии Исиды» на площади Бастилии в Париже,[1547] другая церемония, насыщенная особым символическим смыслом, состоялась на возвышенности под названием Дженкинс-Хилл по другую сторону Атлантики. В кульминационный момент этой церемонии первый президент США Джордж Вашингтон в масонском фартуке, подаренном ему маркизом де Лафайетом, заложил краеугольный камень Капитолия в присутствии масонов высокого ранга.[1548]

Джордж Вашингтон — фермер и землемер, принадлежавший к англиканскому вероисповеданию, — родился в местечке Поуп-Крик в штате Виргиния. Он вырос в окрестностях города Фредриксберг на плантации своего отца. Молодым человеком он изучал математику и землемерное дело, а потом поступил в добровольческие войска, где отлично зарекомендовал себя. В 1775 году в возрасте 43 лет он был избран Континентальным конгрессом на пост главнокомандующего революционной армией для борьбы с Британией. После Войны за независимость Вашингтон вышел в отставку, а в 1789 году вошел в состав конституционного совета от штата Виргиния, где был единогласно избран президентом Соединенных Штатов. В 1792 году он был переизбран практически без борьбы, отказался от третьего срока в 1796 году, а в 1799 году умер в возрасте 67 лет.

Джордж Вашингтон стал масоном в 1752 году во Фредриксберге, а в следующем году стал мастером-каменщиком.[1549] В 1777 году, когда масоны из американских колоний решили создать объединенную Гранд-ложу, не зависимую от Англии, они предложили Вашингтону пост магистра ложи, но он скромно отказался, заявив, что не подходит для такой высокой должности. Однако в 1788 году он стал магистром Александрийской ложи, ныне известной как Александрийская ложа имени Вашингтона № 22, которая расположена на южном берегу реки Потомак рядом с городом Вашингтоном. С 1932 года эта знаменитая ложа ассоциируется с огромным масонским монументом. Этот монумент сделан по образцу древнего маяка в Александрии Египетской[1550] и носит официальное название «масонский национальный монумент Джорджа Вашингтона».[1551] Согласно мистеру Хемле из фирмы «Хемле и Корбет», сконструировавшей этот монумент:

«Фаросский маяк был воздвигнут для того, чтобы древние мореходы могли безопасно приставать к берегу; что может быть более уместным, чем копия этого маяка в Александрии Виргинской на вершине высокого холма с видом на реку Потомак?»[1552]

Исида Суэцкая

Американские масоны, несомненно, знали, что древний Фаросский маяк в Александрии Египетской был посвящен Исиде и ее звезде Сириусу. Но это был далеко не единственный случай, когда масоны обращались к Исиде и ее звезде в конструкции известных монументов, воздвигнутых на территории США. Согласно Бернарду Вейсбергеру, создатель статуи Свободы, которая сейчас стоит в Нью-Йоркской гавани, тоже имел в виду Исиду:

«Скульптор, создавший эту великую статую, был итальянцем. Его звали Огюстом Бартольди. На его работу в значительной степени повлияли произведения античного скульптора Фидия, который изготовил гигантские статуи древних богинь — в частности, статую Афины, богини мудрости, и статую Немезиды с кубком в правой руке. Перед началом работы над проектом статуи Свободы Бартольди искал подрядчика для сооружения огромной статуи богини Исиды над Суэцким каналом. Предполагалось, что это будет женская фигура, облаченная в тогу и держащая факел в протянутой руке».[1553]

Фредерик-Огюст Бартольди родился во Франции, в эльзасском городе Кольмаре. Он получил образование в престижном парижском лицее, а в 1855 году в возрасте 21 года отправился в путешествие в Египет вместе с тремя друзьями, востоковедами Леоном Жеромом, Огюстом Белли и Нарциссом Бершером. Там, во время посещения древних храмов в Фивах и Абу-Симбеле, Бартольди был заворожен гигантскими творениями древнеегипетских скульпторов. Он изучал этих колоссов в течение восьми месяцев и вернулся во Францию с многочисленными рисунками и фотографиями.

Во время своего первого визита в Египет Бартольди познакомился с прославленным французским инженером Фердинандом Лессепсом и подружился с ним до конца своих дней. Лессепс в то время договаривался с французскими и египетскими властями о финансировании строительства Суэцкого канала, соединяющего Средиземное и Красное моря. Бартольди глубоко проникся идеями Лессепса и задумался о дополнении его проекта гигантской статуей богини с факелом в руке. По представлению Бартольди, эта статуя должна была стоять у входа в канал и символизировать «Египет, просвещающий Восток» — название, странно напоминающее знаменитые слова Калиостро о том, что «любое просвещение приходит с Востока, любая инициация происходит из Египта».[1554]

Египетский хедив Исмаил, еще один масон, был очарован прекрасной француженкой Евгенией, женой Наполеона III, и любил все французское. Евгения была племянницей Фердинанда Лессепса; именно она обеспечила благосклонное отношение хедива к проекту строительства Суэцкого канала. Из главы 18 мы знаем, что Матье, отец Фердинанда Лессепса, вместе с Мохаммедом Али, дедом Исмаила, основали Societe Secrete Egyptienne, практиковавшее разновидность Шотландского Обряда в сочетании с Египетским Обрядом графа Калиостро.[1555]

По-видимому, Бартольди смог обсудить свою идею о сооружении огромной статуи для Суэцкого канала с хедивом Исмаилом. Но проект так и остался на бумаге, вероятно, из-за финансового кризиса, разразившегося в Египте из-за чрезмерно больших займов у европейских банкиров. Но Бартольди не был обескуражен и обратился со своим проектом в другое место.

«Исида Нью-Йоркская, талисман Свободы»

Бартольди впервые огласил идею сооружения монумента в честь дружбы между Францией и Соединенными Штатами на столетний юбилей Декларации независимости в парижском доме Эдуарда Лаболайе, специалиста по культуре Северной Америки.

Судя по всему, Бартольди просто воспроизвел свой египетский проект и предложил его под названием «статуя Свободы, освещающая мир» для Нью-Йорка. В 1875 году был учрежден так называемый Франко-американский союз с целью собрать средства для этой цели.

Неудивительно, что некоторые члены Франко-американского союза оказались масонами, включая двоюродного брата Бартольди, который служил послом Франции в США. Другими масонами, принимавшими активное участие в проекте, были Анри Мартен, граф де Токвилль и Оскар де Лафайет. Сам Бартольди прошел масонское посвящение в 1875 году в парижской ложе Эльзас-Лоррейна и был возведен в ранг мастера-каменщика в 1880 году.

Хотя Бартольди был автором проекта статуи Свободы, фактическая задача по ее сооружению была возложена на Александра Густава Эйфеля, прославленного французского инженера, который спроектировал и построил Эйфелеву башню в Париже. Эйфель тоже был масоном, поэтому давайте вкратце упомянем, что первые два уровня его знаменитой стальной башни, согласно французскому инженеру Жану Керизелю, имеют форму

пирамиды.[1556] Эйфель, безусловно, знал, что в 1792 году на этом самом месте в Париже была воздвигнута пирамида в честь французской революции.[1557]

Вот что сказано в «Кратком справочнике по истории Америки» об идее, стоявшей за статуей Свободы: «Скульптор Фредерик-Огюст Бартольди соединил элементы египетских пирамид, которыми он восхищался, с лицом своей матери, послужившей моделью для статуи, работа над которой завершилась в начале 1884 года».[1558]

Велись бурные дискуссии о том, было ли лицо статуи Свободы сделано по образцу лица матери Бартольди; этот вопрос, несмотря на его тривиальность, так и остался неразрешенным. Вместе с тем ясно, что статуя связана с «культом Свободы» и «культом Рассудка» периода французской революции, которые в умах республиканцев тесно ассоциировались с масонскими идеалами. Как мы могли убедиться в главе 1, фигуры, символизировавшие «Свободу» и «Рассудок», часто изготавливались по образцу египетской богини Исиды или ее греческих и римских аналогов.

Согласно французскому египтологу Бернару Матье, Бартольди называл статую Свободы «Фаросом» еще до того, как она была воздвигнута в Нью-Йорке, и даже соорудил для нее постамент по образцу древнего Фаросского маяка в Александрии Египетской.[1559] Бартольди, который провел много времени в Париже и изучал происхождение этого древнего «чуда света», несомненно, знал о связи между Фаросским маяком и богиней Исидой, рассмотренной нами в главе 10. В этом отношении кажется вполне вероятным, что гигантская статуя «женщины, одетой в тогу и держащей факел», предназначенная для Суэцкого канала, а впоследствии для Нью-Йоркской гавани, представлялась ему как Исида-Фария, стоявшая рядом с маяком в Александрии.

Гарибальди, «герой двух миров»

Бартольди был близким другом итальянского революционного героя Джузеппе Гарибальди, главного военного деятеля, стоявшего за объединением Италии, известного как Risorgimento. Наряду с политиками Камилло Кавуром и Джузеппе Мазини, Гарибальди считается одним из основателей современной Италии. Если Камилло Кавур был «разумом» движения, а Джузеппе Мазини его «духовным двигателем», то Гарибальди был «боевой силой», необходимой для достижения цели. Его знаменитая поговорка «дайте мне умелые руки вместо хорошо подвешенного языка» хорошо описывает характер этого замечательного человека. Неудивительно, что за свои подвиги в Италии и участие в южноамериканских революциях Гарибальди, как и маркиз Лафайетт, заслужил титул «героя двух миров». Гарибальди родился в Ницце и много лет служил моряком на военно-морском флоте. В 1838 году в Марселе он познакомился с великим итальянским патриотом Джузеппе Мазини, который завербовал его в ряды организации под названием «Молодая Италия», возглавлявшей итальянское национальное движение. Харизматичная личность Мазини оказала глубокое и продолжительное влияние на Гарибальди, который в течение всей жизни часто называл его «мастером». Масонство играло заметную роль в движении освобождения,[1560] и Джузеппе Мазини, которого называли «апостолом Итальянской республики», был убежденным масоном. В 1864 году он прошел посвящение тридцать третьей степени в ложе Великого Востока в Палермо.[1561]

Гарибальди сам был посвящен в тайное общество карбонариев в 1833 году[1562] и стал масоном в 1844 году. В 1862 году он прошел посвящение тридцать третьей степени в Палермо, а в 1864 году во Флоренции был избран магистром всего итальянского франкмасонства. В 1870 году, когда пруссаки осадили Париж, Гарибальди отправился на выручку с группой итальянских добровольцев для защиты недавно провозглашенной Третьей республики под началом первого президента Франции, масона Леона Гамбетты.[1563] За

военные заслуги Гамбетта предложил Гарибальди стать членом Национального собрания в Париже. В 1880 году Гарибальди вступил в «египетский» масонский орден Мемфиса, а год спустя был назначен первым магистром объединенного масонского ордена Мемфиса-Мицраима.[1564]

«Великолепное место» для всемирного талисмана

Во время военной кампании 1870 года во Франции Гарибальди познакомился со скульптором Бартольди, который тогда служил майором во французской армии. Некоторое время Бартольди был личным адъютантом Гарибальди, но через несколько месяцев отправился в Америку, чтобы «прославить там республику и свободу». Он прибыл в Нью-Йорк в июле 1871 года. Увидев Нью — Йоркскую гавань, он сразу же понял, где должна стоять его будущая огромная статуя Свободы:

«Взору того, кто прибывает в Нью-Йорк, предстает замечательное зрелище. Это внутреннее море, покрытое судами… захватывает воображение. Это действительно Новый Свет… Я нашел великолепное место. Это остров Бедлоу в центре залива, напоминающий одинокого стража у врат Америки».

В США Бартольди с успехом воспользовался рекомендательными письмами, полученными от высокопоставленных французских масонов. Он встречался с многими видными деятелями и ветеранами Гражданской войны, включая Генри Уотстворта Лонгфелло, Горация Грили, сенатора Чарльза Самнера и президента Улисса С. Гранта. С каждым из них он обсуждал свою грандиозную идею и показывал рисунки и модель статуи, которую он теперь называл «Свободой, освещающей мир». Проект, разумеется, был одобрен и привел к созданию мощного всемирного талисмана, который теперь возвышается в Нью-Йоркской гавани. Деятельное масонское участие в нем стало совершенно очевидным 5 августа 1984 года, когда к пьедесталу статуи прикрепили бронзовую табличку со следующей надписью:

«На этом месте 5 августа 1884 году был заложен краеугольный камень пьедестала статуи «Свободы, освещающей мир». В присутствии представителей правительства США и Франции, офицеров армии и военно-морского флота, членов иностранных представительств и уважаемых граждан камень заложил Уильям А. Броди, магистр масонского орденаштата Нью-Йорк Эта табличка посвящается масонам Нью-Йорка в память о столетнем юбилее этого исторического события.

Пятого августа 1984 года М. У. Кальвин О. Бонд, магистр масонов;

П. В. Роберт Г. Сигнер, заместитель магистра;

М. У. Артур Марквич, председатель юбилейных торжеств».

На церемонии 5 августа 1884 года магистра Уильяма Броуди спросили, почему масонское братство было призвано заложить краеугольный камень статуи Свободы. Он ответил: «Никакая другая организация не сделала больше для распространения свободы и освобождения людей от цепей невежества и тирании, чем франкмасонство».[1565]

Другая древнеегипетская богиня дает семилучевую звезду

С учетом связи между богиней Исидой и статуей Свободы мы не можем не отметить еще одно любопытное обстоятельство, связанное с датой 5 августа, выбранной для церемонии закладки краеугольного камня.

Как известно, Исида отождествлялась с Сириусом. Во времена Бартольди этот факт широко обсуждался в масонских кругах, особенно в ложах Франции и Соединенных Штатов. В главе 1 мы узнали, что Сириус обладал особой притягательностью для французских масонов и тем более для масонских астрономов, таких как Лаланд (который был видным членом франко-американской ложи «Девяти сестер» в Париже). Интерес Лаланда был сосредоточен на таинствах, окружавших гелиакальный (предрассветный) восход Сириуса, который у масонов ассоциировался с идеей духовного возрождения и «восхождения» посвященного в таинства.[1566]

Поскольку Бартольди был масоном, много путешествовал по Египту, тесно сотрудничал с масоном Эйфелем и долгое время находился в контакте с Гарибальди и его «египетским» масонством, трудно представить, что он был незнаком с гелиакальным восходом Сириуса и сопутствующей символикой возрождения.

Можно ли было найти более благоприятное небесное знамение для сооружения «храма», посвященного свободе и предназначенного служить маяком надежды на новую жизнь, основанную на высоких масонских добродетелях, чем гелиакальный восход «звезды Исиды»?

В Древнем Египте в III тысячелетии до н. э. гелиакальный восход Сириуса происходил в период летнего солнцестояния, которое в современном григорианском календаре приходится на 21 июня. Однако к концу египетской цивилизации (около 30 года до н. э.) из-за прецессионного смещения оси нашей планеты гелиакальный восход Сириуса сместился относительно летнего солнцестояния почти на один месяц вперед и стал происходить около 20 июля. В 1860-е годы, когда Бартольди посетил Египет, гелиакальный восход Сириуса сместился еще дальше и на широте древнего Гелиополя в окрестностях Каира его можно было наблюдать утром 5 августа.[1567]

Хорошо известно, что в Древнем Египте церемония закладки краеугольного камня храма, известная как «растягивание шнура», с незапамятных времен исполнялась жрицей, изображающей богиню Сешат, чьим символом была семилучевая звезда, которую она носила над головой. Сешат носила титул «госпожи строителей» и была защитницей архитекторов и каменщиков. Интересно отметить, что она также была женой Тота, древнеегипетского бога мудрости, послужившего прототипом Гермеса Трисмегиста — покровителя эзотерических и оккультных традиций, включая масонство. С большой вероятностью можно утверждать, что в Древнем Египте церемония «растягивания шнура» исполнялась на рассвете во время гелиакального восхода Сириуса.[1568] Зная об этом, едва ли стоит удивляться решению Бартольди поместить семилучевую звезду над головой статуи Свободы, а также выбору дату 5 августа для церемонии закладки «краеугольного камня.

Если еще глубже заглянуть в символику, которой пользовались Бартольди и его соратники, следует рассмотреть возможность эзотерической связи семилучевой звезды на голове статуи Свободы с египетской богиней Исидой. Мы уже знаем, что масоны Шотландского Обряда, особенно во Франции, в разных контекстах ассоциировали символику 16-й карты колоды Таро, известной под названием «Звезда», с символикой звезды Исиды, т. е. Сириуса, поэтому неудивительно, что над головой женщины, изображенной на этой карте и льющей воду из кувшина в реку, нарисована семилучевая звезда. Эта

метафорическая пиктограмма подчеркивает связь между Исидой, звездой и наводнением Нила, происходившим в период гелиакального восхода Сириуса.

Обелиск для Нью-Йорка

Примерно в то же время, когда на острове Бедлоу была воздвигнута статуя Свободы, в Центральном парке Нью-Йорка появился настоящий древнеегипетский обелиск Этот обелиск, посвященный фараону Тутмосу III (1479–1425 гг. до н. э.), является одним из двух некогда стоявших в Гелиополе; второй обелиск сейчас украшает набережную королевы Виктории в Лондоне. Обелиск, оказавшийся в Центральном парке, был привезен из Гелиополя в Александрию в 12 году до н. э. во время правления Августа Цезаря для украшения входа в Кесариум — храм, расположенный у большой восточной гавани напротив Фаросского маяка на северной стороне залива.[1569] Спустя 1800 лет он в конце концов попал оттуда в Нью-Йорк.[1570]

Как и в случае со статуей Свободы (а также с лондонским обелиском),[1571] вся сложная операция по транспортировке с начала и до конца была проведена масонами. Руководителем проекта был военно-морской инженер Генри Хоничерч Горринж, посвященный в масонство в Нью-Йорке в Англосаксонской ложе № 137.[1572] Даже Мартина д'Альтон, написавшая специальную статью о нью-йоркском обелиске для музея Метрополитен, не смогла обойти стороной это обстоятельство:

«Масоны имели сильное лобби в Нью-Йорке. Почти все, кто участвовал в доставке обелиска в Америку, были членами масонских лож — Горринж, Шрёдер, Вандербильд и Харлберт, а также мэр, комиссар полиции и другие городские политики…»[1573]

По-видимому, первоначальная идея доставки обелиска в Нью-Йорк исходила от египетского хедива Исмаила. Удобный случай представился во время торжественной церемонии открытия Суэцкого канала в 1869 году. Оказавшись рядом с Уильямом Харлбертом, главным редактором газеты «Нью-Йорк уорлд», хедив внезапно заявил, что он хотел бы преподнести обелиск в дар правительству США.[1574] Харлберт расценил этот жест как вежливое «масонское рукопожатие» со стороны хедива, который также был масоном.[1575]

На самом деле масонское влияние распространялось еще дальше. За несколько месяцев до открытия Суэцкого канала дядя хедива Исмаила, принц Халим-паша был избран магистром масонского ордена Мемфиса, практиковавшего псевдоегипетские ритуалы с системой «92 высших степеней».[1576] Халим-паша также был официальным магистром египетской ложи Великого Востока.[1577]

Генри Горринж прибыл в Египет в октябре 1879 года со своим коллегой-масоном, лейтенантом Ситоном Шредером, чтобы заняться транспортировкой обелиска. Хедив доверил французу Сальватору Золя (сменившему принца Халима-пашу на посту магистра ордена Мемфиса в 1874 году)[1578] передачу дара американцам.[1579] По свидетельству очевидцев, когда Горринж опустил обелиск на песчаный пляж Александрии, собравшихся охватило сильное волнение.

Многие масоны заметили «масонские эмблемы» — мастерок и угольник архитектора, — вырезанные на основании древнего пьедестала.[1580] Горринж был «поражен этой символикой и решил доставить лестницу и пьедестал в Новый Свет, где они будут собраны точно в таком же виде».[1581]

Вероятно, следует упомянуть и о том, что через несколько лет Горринжа поджидало новое открытие. Он был убежден, что обнаружил Атлантиду на Азорских островах, когда работал в гидрографической службе США в 1876 году. Президент США Улисс Грант даже отправил ему личное поздравление в связи с этим «открытием».[1582]

Обелиск наконец был доставлен в Нью-Йорк, и «9 октября 1880 года процессия из 9000 масонов прошла по Пятой авеню под звуки оркестра для торжественной церемонии закладки краеугольного камня».[1583] На церемонии, состоявшейся на следующий день, Джесс Б. Энтони, магистр нью-йоркского масонства, «связал истоки франкмасонства с Древним Египтом».[1584]

Ранее мы упоминали о масонском мемориале Джорджа Вашингтона в Александрии, штат Виргиния. Церемонию закладки краеугольного камня этого монумента в мае 1923 года выполнил сам президент Кулидж, воспользовавшийся тем же мастерком, которым пользовался Джордж Вашингтон 130 лет назад, когда закладывал краеугольный камень Капитолия в Вашингтоне.[1585] Таким образом, мемориал Джорджа Вашингтона в Александрии является третьим из важнейших масонских монументов в США (два другие — статуя Свободы и нью-йоркский обелиск), открыто подчеркивающих связь с древнеегипетской Александрией — городом, который в античную эпоху был неразрывно связан с Фаросским маяком и богиней Исидой-Фарией.

Филадельфия, «город братской любви»

Хотя Вашингтон был основан в 1793 году, правительство США переехало сюда лишь в конце президентского срока Джона Адамса в 1801 году. Во время президентства Джорджа Вашингтона, охватывающего период с 1789 по 1797 год, правительство, а также столица молодого государства находились в городе Филадельфия. Это название в буквальном смысле означает «город братской любви», или даже «город любви к Братству». Неудивительно, что Филадельфия была первым центром масонства в Северной Америке.

История Филадельфии и ее краткое пребывание в качестве первой столицы США — это материал, о котором мечтают голливудские продюсеры. Все началось в Англии в 1682 году, когда король Карл II столкнулся с неприятной проблемой выплаты старого долга, взятого у адмирала Пенна и теперь перешедшего к его сыну и наследнику, Уильяму Пенну.

Уильям Пенн был лидером квакеров — христианских нонконформистов, которые в то время доставляли значительные неудобства англиканской церкви.

Карл II, не хотевший выплачивать долг наличными, предложил Пенну целый регион в Северной Америке размером с Англию при условии, что Пенн превратит его в провинцию, где квакеры и другие нонконформисты смогут наслаждаться «свободой вероисповедания и самоуправлением». Название Пенсильвания, лично выбранное королем Карлом II, означает «леса Пенна», очевидно, в честь адмирала Пенна, отца Уильяма.

Уильям Пенн увидел в этом данную свыше возможность осуществить свой «священный эксперимент» и, к радости Карла II, охотно принял его предложение, однако даже в самых буйных фантазиях он не мог предвидеть финал этого предприятия. Со своей стороны, Карл II считал, что удачно избавился от надоедливого квакера, отяготив его бесполезной недвижимостью. Он и представить не мог, что на самом деле подготовил почву для ухода Британии из американских колоний.

«На реках Вавилонских»

Уильям Пенн отплыл в Америку в начале 1682 года с мечтой о великом городе, который он построит в Новом Свете. Во многих документах того времени упоминается «о зеленом поселке» Пенна по образцу его сельских владений в Англии, но, согласно Сьюзен Кулидж, одному из самых выдающихся биографов Уильяма Пенна, «он представлял Вавилон как прототип своего будущего города».[1586] Многое указывает на правоту этого утверждения.

Известно, например, что Пенн был чрезвычайно вдохновлен идеей расположения нового города между двумя реками (Делавар и Шайлкилл) по образцу Древнего Вавилона, расположенного между Тигром и Евфратом. Другим фактором является градостроительный план, принятый Пенном, с параллельными улицами, идущими с запада на восток и пересекающимися под прямым углом с улицами, идущими с севера на юг. Такая схема, согласно некоторым историкам, использовалась в Древнем Вавилоне.[1587] Третьим фактором является само название города: Филадельфия, или «город братской любви», в котором смогут воссоединиться люди разных рас и языков.

Как известно из Библии, Вавилонская башня была построена при царе Нимроде, когда все люди говорили на одном языке. Для многих масонов Вавилонская башня является высшим талисманом или символом их происхождения. В своем знаменитом эссе «Происхождение франкмасонства» Томас Пейн объяснил, почему:

«Всегда считалось, что у франкмасонов есть секрет, который они тщательно скрывают, но судя по всему, что можно узнать из собственных масонских документов, их главный секрет заключается в их происхождении. Не многие из них понимают это, а те, кто понимает, предпочитают хранить молчание… В 1730 году Сэмюэль Притчард, член английской ложи, издал трактат под названием «Масонство в разрезе». В этой работе он изложил экзаменацию в вопросах и ответах при посвящении в ранг подмастерья, брата-каменщика и мастера-каменщика. Сама процедура не представляет труда, так как является простой формальностью. Во вступлении он говорит. — «Первоначальная основа масонства состояла из вольных искусств и наук, но особенно из геометрии, ибо мастерство и таинство масонства впервые было представлено при строительстве Вавилонской башни, а оттуда перешло к Евклиду, достойному и превосходному математику. Он же в свою очередь передал его Хираму, мастеру каменщику, преуспевшему в строительстве храма Соломона в Иерусалиме».[1588]

Далее Томас Пейн справедливо указывает:

«Помимо абсурдности выведения истоков масонства из строительства Вавилонской башни, где, согласно библейской истории, произошло смешение языков, помешавшее строителям понять друг друга и, следовательно, сообщить какие-либо знания, которые они имели, мы имеем вопиющее противоречие в хронологии. Храм Соломона был построен за 1004 года до начала христианской эры, а Евклид, как можно убедиться по хронологическим таблицам, родился за 277 лет до начала христианской эры, поэтому Евклид никак не мог сообщить что-либо Хираму, так как он родился через 700 лет после него».[1589]

Пейн, обладавший прагматическим складом ума, не понял, что английское масонство не имеет «истории» в научном смысле этого слова. Оно имеет символическую «историю», где принципы и идеи Искусства символизируются библейскими, мифическими и даже историческими событиями, такими, как строительство храма Соломона и Вавилонской башни. Для ученых — историков это не более чем псевдоисторическая профанация, не имеющая никакой ценности и созданная с целью прославления отдельных людей или культур, но масоны придерживаются иного мнения. Символическая история — даже ложная или в лучшем случае сильно искаженная и преувеличенная — ценится сама по себе из-за ее воздействия на общество и поведение человеческих масс.

В планах Уильяма Пенна о строительстве «Нового Вавилона» также присутствовала разновидность «Эдемского сада» в месопотамском стиле. В этом библейском тематическом парке каждый горожанин должен был получить «значительный земельный надел».

Восемьдесят акров земли в центре Филадельфии были специально предназначены для «джентльменских поместий» с расстояниями между особняками не менее 800 футов, с садами и ухоженными полями в промежутках. Широкие улицы пересекались под прямыми углами, и

на каждом углу в центре города были предусмотрены «скверы» — предшественники современных городских парков.

Весь город был вписан в огромный прямоугольник, длинная сторона которого тянулась с востока на запад. Довольно интересно, что этот прямоугольник не был точно сориентирован по сторонам света; угол отклонения составлял примерно 10° к юго-востоку. Возможно, это было сделано для того, чтобы городская структура оказалась более или менее параллельной соседним рекам, но не исключена и другая, более эзотерическая цель. Мы с интересом отмечаем, что восход Солнца совпадает с главной осью Филадельфии дважды в году: 16 февраля и 13 октября.[1590] Последняя дата соответствует началу гонений на орден тамплиеров, которые, как мы знаем из главы 15, начались 13 октября 1307 года. Случайно или умышленно, та же самая дата возникает в связи с церемонией закладки краеугольного камня Белого дома в Вашингтоне.

Пенн доверил строительство Филадельфии Томасу Холму, архитектору и градостроителю, который опубликовал его схему в 1683 году.[1591] Сохранились копии проекта, на которых четко виден прямоугольный принцип построения с центральными скверами. Наверное, не случайно, что такой геометрически правильный город служил не только столицей молодого государства Соединенных Штатов Америки в течение двенадцати лет, с 1789 по 1801 год, но и стал «столицей» американского масонства. В наши дни в Филадельфии есть около 25 мест, тесно связанных с масонством, в том числе большой масонский храм на Брод-стрит с «египетским» и «Соломоновым» залом. На Арч — стрит стоит квакерский дом собраний, где располагалась масонская Гранд-ложа Пенсильвании в судьбоносный период с 1775 по 1777 год. Не стоит забывать и Национальную мемориальную арку, посвященную «брату» Джорджу Вашингтону и перестроенную масонами Пенсильвании в 1996 году.[1592]

Эти корни уходят глубоко. Всего лишь через сорок лет после прибытия Уильяма Пена в Новый Свет созданный им утопический город стал домом первых американских масонов…

Сын свечника

В последней четверти XVIII века Филадельфия стала вторым крупнейшим в мире англоязычным городом после Лондона. В то же время это был богатый торговый центр, где в противоположность его названию («город братской любви») велась активная торговля чернокожими рабами. По преданию, именно в Филадельфии была освящена первая масонская ложа в Америке — ложа Св. Иоанна.[1593] Здесь же прошел церемонию посвящения самый знаменитый американский масон — Бенджамин Франклин.[1594]

Бенджамин Франклин, сын свечника из Бостона, покинул родной город в 1723 году, после того как потерял работу из-за резкого тона политических статей, которые он писал для газеты, принадлежавшей его брату. Молодой Франклин поселился в Филадельфии, где Уильям Кейт, губернатор Пенсильвании, поощрял его заняться издательским делом и даже снабдил его деньгами для поездки в Англию, где он мог набраться опыта. Франклин оставался в Лондоне с 1724 по 1726 год, затем вернулся в Филадельфию, где впоследствии основал «Пенсильвания газетт». В этой газете появились первые печатные комментарии об американском масонстве.[1595]

В 1730 году Франклин прошел масонскую инициацию в ложе Св. Иоанна в Филадельфии, а в 1734 году стал магистром этой ложи.[1596] С 1737 по 1753 год Франклин заведовал филадельфийской почтовой службой. Деист и проповедник религиозной терпимости, Франклин также занимался научными исследованиями и в 1751 году прославился изобретением громоотвода после того, как запускал воздушного змея в грозу.

Франклин нанес повторный визит в Англию с 1757 по 1762 год, теперь уже как представитель колонии в Пенсильвании. Два года спустя он снова вернулся в метрополию и на этот раз остался до 1775 года. Во время последнего приезда в Лондон Франклин вступил в продолжительные переговоры с британским правительством и сыграл важную роль в отмене некоторых законодательных актов Георга III, усиливавших налоговое бремя американских колоний. Вместе с тем Франклин заложил политические и интеллектуальные основы для открытого противостояния Британии и Америке. В 1775 году, когда он узнал, что американские колонии готовятся к вооруженному восстанию против британцев, то понял, что его положение в Англии становится слишком опасным, и поспешил на другую сторону Атлантики. Франклин прибыл в Филадельфию в мае 1775 года, через две недели после того, как раздались первые выстрелы в Лексингтоне. В июне американская революционная армия сошлась с британскими войсками в битве при Банкер-Хилл и началась полномасштабная война.

Томас Пейн

В Филадельфии жил другой популярный журналист, Томас Пейн, выступавший с жесткими нападками на Британию в своих статьях. Пейн родился в Норфолке (Англия) и был сыном квакера, который зарабатывал на жизнь изготовлением корсетов. После нескольких неудачных попыток сделать карьеру удача наконец улыбнулась ему, когда он познакомился с Бенджамином Франклином в Лондоне в начале 1770-х годов. Франклин посоветовал ему искать счастья в Америке и снабдил его рекомендательными письмами. Томас Пейн прибыл в Филадельфию в 1774 году, а два года спустя опубликовал свой знаменитый памфлет под названием «Здравый смысл», в котором впервые прозвучали слова «Декларация независимости». Это сочинение разошлось тиражом более миллиона экземпляров, и некоторые считают, что оно послужило основой для официальной Декларации независимости, составленной Томасом Джефферсоном в июле 1776 года.

Помимо своего политического влияния, Пейн известен в масонских кругах пропагандой идей британского археолога и масона Уильяма Стакли, утверждавшего, что масонство взяло свои ритуалы у древних друидов, которые в свою очередь унаследовали их от древних египтян.[1597] В статье на эту тему Пейн сообщает, что «древние друиды… подобно персидским магам и жрецам из египетского Гелиополя, были жрецами Солнца». Далее Пейн поясняет:

«Христианская религия и масонство имеют общее происхождение от культа Солнца. Разница заключается в том, что христианская религия представляет собой пародию на культ Солнца… Истоки этой религии солнцепоклонничества затеряны в дописьменной истории. Обычно ее создание приписывают древним египтянам… Религия друидов, как было сказано выше, подобна религии древних египтян. Египетские жрецы были учителями разных наук, а их центр находился в Гелиополе, что означает Город Солнца…»[1598]

В той же статье Пейн подкрепляет свои выводы следующей цитатой из Джорджа Смита, инспектора Королевской артиллерийской академии в Вулвиче и масонского магистра графства Кент: «Египет, откуда мы почерпнули многие наши таинства, занимает почетное место в человеческой истории и некогда славился превыше других стран своими древностями, ученостью, изобилием и плодородием. Главные египетские боги-герои, Осирис и Исида, в теологическом смысле представляли Высшее Существо и Природу… Египтяне с древнейших времен учредили большое количество Лож, но тщательно хранили свои секреты Масонства от всех чужеземцев. Эти секреты дошли до нас в несовершенном виде только через устные предания, но их следует держать в тайне от ремесленников и подмастерий до

тех пор, пока они своим хорошим поведением и долгим изучением геометрии и вольных искусств не заслужат звания Мастера или Стража…»[1599]

Впоследствии мы узнаем, что Томас Пейн отправился в Париж во время французской революции и подружился с астрономом Шарлем Дюпюи, который, как известно, связывал происхождение Парижа с египетской богиней Исидой. Мы также узнаем, что Пейн свел близкое знакомство с писателем Николя де Бонвиллем — масоном, мистиком и революционером, — а также с математиком и философом маркизом Кондорсе, который тоже был революционером и членом ложи «Девяти сестер».[1600] Пейн, прибывший в Париж в кульминационный период правления Робеспьера, мог сыграть свою роль в попытке приучить парижан к новому республиканскому культу Высшего Существа, а возможно, и к культу Природы/Рассудка/Свободы, учрежденному на площади Бастилии в августе 1793 года…

Франклин во Франции

В конце 1776 года, за тринадцать лет до начала французской революции, Бенджамин Франклин был отправлен во Францию в качестве первого посла Соединенных Штатов Америки. Будучи самым старшим из тех, кто подписал Декларацию независимости, а также изобретателем громоотвода, Франклин мог не сомневаться в своей огромной популярности, и по прибытии в Париж он сразу же стал едва ли не национальным героем. Его главная цель заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой — как финансовой, так и военной — для войны Америки против Британии. В этом он достиг успеха главным образом благодаря сложным закулисным переговорам с Шарлем Гравье, министром иностранных дел при дворе Людовика XVI.

Умный и красноречивый, Франклин был принят в дореволюционной Франции как символ «свободы в Новом Свете». Он был героем, бросившим вызов не только Британии, но и деспотизму всех европейских монархий. Он быстро стал любимцем многочисленных парижских салонов и фаворитом элитных масонских лож. Как мы знаем из главы 1, Франклин вступил в знаменитую ложу «Девяти сестер», а в 1779 году стал ее магистром.

Ложа «Девяти сестер» была преемницей ложи Les Sciences, основанной в 1766 году астрономом Лаландом и философом Клодом Гельвецием. После смерти Гельвеция в 1771 году его вдова Анна-Екатерина и Лаланд сыграли ключевую роль в основании ложи «Девяти сестер». Мадам Гельвеций имела знаменитый элитный салон на улице Св. Анны в Париже, имена ученых членов которого гремели по всей Европе.[1601] Она также содержала другой салон в Отейле, поддерживавший тесные связи с ложей «Девяти сестер».[1602]

Франклин регулярно посещал этот салон, как и маркиз Лафайет, который тогда был молодым офицером французской армии. Лафайет также был членом ложи… связанной с другими элитными ложами, такими, как Le Contrat Social, в которых состояло много военных, в том числе граф де Шамбрен, контр-адмирал де Грасс, контр-адмирал д'Эстен и знаменитый «буканьер» Джон Пол Джонс. Эти люди впоследствии сыграли важную роль в американской Войне за независимость. Именно через эти масонские ложи и салоны политический и торговый агент Франклина в Париже Сайлас Дин рекрутировал молодых французских офицеров, желавших помочь Джорджу Вашингтону в войне с Британией. Одним из таких офицеров был маркиз Лафайет, которому в то время исполнилось лишь 19 лет.[1603]

«Почему бы и нет?»

Трудно переоценить роль Лафайета в американской революции. Многие американцы и сейчас верят, что если бы не Лафайет, Вашингтон не смог бы заручиться достаточной

военной под держкой для победы над Британией. Многие также задавались вопросом, что побудило Лафайета пойти на такие огромные личные жертвы ради Америки. Частично ответ содержится в лозунге, который он выбрал для своего герба — Cur Non? или «Почему бы и нет?»[1604] Эти два простых слова лучше, чем что-либо иное, характеризуют этого предприимчивого и необыкновенно смелого человека.

Лафайет родился 6 сентября 1757 года в Шеваньяке, в долине Луары. Его отец, видный генерал армии, был убит в бою, когда Лафайету исполнилось лишь два года, а мать умерла одиннадцать лет спустя, оставив подростка единственным наследником огромного состояния. Верный военному призванию своего рода, он поступил в военную академию в Версале и в возрасте 16 лет стал капитаном драгунской стражи Людовика XVI. В 19 лет он был представлен американскому агенту Сайласу Дину, который, справедливо полагая, что высокое положение Лафайета и его богатство могут принести огромную пользу Америке, сразу же обратился к молодому офицеру с призывом присоединиться к революционной армии Вашингтона.

Лафайет происходил из старинного дворянского рода и имел дополнительные связи через родственников своей жены. Его тестем был герцог Пейен, который происходил из рода Ноайлей, одного из богатейших и самых влиятельных семейств Франции. Отец и дед герцога имели высшее военное звание маршала Франции, а сам он был капитаном личной стражи Людовика XVI. Брат герцога, граф Ноайль, был французским послом в Англии. Неудивительно, что в рекомендательном письме к американскому конгрессу Сайлас Дин описал Лафайета как человека, который «может оказать нам огромные услуги». Он рекомендовал устроить «щедрый прием» для молодого офицера по прибытии в Америку.

Готовый отстаивать идеалы свободы в Новом Свете и жаждущий военной славы, Лафайет на собственные средства приобрел судно La Victorie и отплыл в Америку со своими спутниками. Все это было сделано в тайне, поскольку Лафайет не получил разрешения от Людовика XVI и одобрения со стороны своего влиятельного тестя. Однако плавание через Атлантику завершилось без происшествий, и Лафайет со своими товарищами прибыл в Джорджтаун, штат Каролина, в середине июня 1777 года. Затем он с шестью спутниками добрался по суше до Филадельфии, где обнаружил, что конгресс не желает утвердить военные контракты, заключенные Сайласом Дином во Франции. Но Лафайет, выступивший со страстной речью, убедил конгрессменов и заявил, что воспользуется собственными средствами и ресурсами. Воодушевленные таким рвением и бескорыстием, конгрессмены наконец согласились ратифицировать его назначение, и через две недели он был откомандирован в штаб-квартиру Джорджа Вашингтона к северу от Филадельфии. Легенда гласит, что эти два человека привязались друг к другу как братья. После войны, когда Лафайет вернулся во Францию, Вашингтон написал ему следующие знаменитые строки:

«Вернешься ли ты сюда в качестве командующего корпусом отважных французов, если обстоятельства приведут к такому событию, или возглавишь дивизию нашей армии в чине американского генерал-майора, или же после заключения мира просто приедешь сюда как мой друг и товарищ — я в любом случае приму тебя с братской заботой и любовью».

В сентябре 1777 году Лафайет храбро сражался рядом с Вашингтоном в битве на реке Брендивайн. После ранения его эвакуировали в Филадельфию, и там он был свидетелем капитуляции города перед британскими войсками. Семь месяцев спустя он проявил чудеса храбрости в битве при Баррем-Хилл. В целом Лафайет показал себя превосходным офицером и мудрым советником Вашингтона. Его дружба с будущим первым президентом Соединенных Штатов, который был на 25 лет старше него, переросла в почти родственные чувства, но именно международная роль Лафайета, убедившего Францию подписать договор о союзе с конгрессом против Британии в начале 1778 года, сделала его одной из главных фигур Войны за независимость.

В 1781 году он сражался на стороне Вашингтона в решающей битве при Йорк-тауне, и его блестящие действия во многом способствовали окружению британских войск и их окончательной капитуляции перед Вашингтоном. Теперь, в возрасте 24 лет, молодой маркиз Лафайет был провозглашен «героем двух миров» (как Гарибальди впоследствии), т. е. героем по обе стороны Атлантики. Неизгладимое впечатление, которое Лафайет произвел на американцев, сохраняется и в наши дни в названиях около 400 общественных мест и улиц, носящих его имя, включая целое графство в Пенсильвании. 42 года спустя, когда Лафайет теперь уже в ранге масона тридцать третьей степени снова посетил Америку, его приняли как национального героя.

Неувядающее чувство благодарности американского народа к этому замечательному французу запечатлелось в словах полковника Стентона от лица генерала США Джона Першинга (масона 33-й степени) после освобождения Парижа в 1917 году. «Лафайет, мы здесь!» — провозгласил Стентон 4 июля в День независимости, стоя в присутствии сотен масонов перед гробницей Лафайета на кладбище Пикпюс в Париже.[1605]

Дом Храма

Система Тридцать Третьей Степени входит в состав Древнего и Принятого Шотландского Обряда под юрисдикцией Верховных Советов в США. Этот элитный масонский орден с его многочисленными пышными титулами и степенями обладает большой привлекательностью для высокопоставленных военных и политиков. В наши дни существует около 40 Верховных Советов и четыре Национальные Ложи по всему миру. Все они находятся под неформальным руководством Верховного Совета Южной Юрисдикции США.

Этот так называемый материнский Верховный Совет ныне имеет штаб-квартиру в городе Вашингтон, расположенную по адресу Шестнадцатая северо-западная улица, 1733. Это впечатляющее здание в неоклассическом стиле, известное как «Дом Храма», сконструировано по образцу мавзолея в Галикарнасе и было построено в 1911 году знаменитым архитектором и масоном Джоном Расселом Поупом. У входа расположены два внушительных «египетских» сфинкса, символизирующих мудрость и силу.[1606] На груди «Мудрости» находится изображение египетской богини, вероятно Исиды, а на груди «Силы» изображен древнеегипетский анк, так называемый «ключ жизни», а также символ урея, обозначающий солнечную родословную египетских фараонов.

Большая дверная ручка главного входа имеет форму львиной головы, а в атриуме, очень напоминающем египетский храм, у подножия большой церемониальной лестницы установлены две статуи сидящих писцов. На каждой статуе есть иероглифическая надпись, гласящая «установлено во славу Божию», и посвящение «мудрому учению людей, создавших сильную нацию». Лестница ведет к бронзовому бюсту Альберта Пике, самого знаменитого из всех магистров Шотландского Обряда, которому и посвящен «Дом Храма». Табличка над бюстом Пике гласит: «То, что мы делаем для себя, умирает вместе с нами; то, что мы делаем для других и для всего мира, остается бессмертным».

Еще одним впечатляющим псевдоегипетским символом является крылатый сияющий треугольник, подвешенный над алтарем в главном зале храма, а также изображенный на потолке. Прототипом этого символа служил крылатый солнечный диск, имевшийся во всех древнеегипетских храмах. Но есть более любопытное обстоятельство. Сам Альберт Пике подтвердил, что так называемая «сверкающая звезда», которую часто можно видеть над входом в масонские ложи, — это не что иное, как Сириус, звезда Исиды: «Древние астрономы видели в звездах все великие символы масонства. Сириус по-прежнему блещет в наших ложах в образе Сверкающей Звезды…»[1607]

Насыщенная псевдоегипетская символика «Дома Храма» в Вашингтоне и особенно два сфинкса, охраняющие вход, сразу же наводят на мысль о двух сфинксах статуи Исиды, установленных Жаком-Луи Давидом для торжеств на площади Бастилии в 1793 году.

Но прежде чем приступить к дальнейшему изучению этой интересной связи, нам нужно больше узнать об Альберте Пике — человеке, которому был посвящен главный масонский храм в Вашингтоне.

От школы к храму

Масоны Шотландского Обряда часто называют Альберта Пике поэтом, траппером, историком, революционером, юристом, политиком, полководцем, оратором, писателем и философом. Иными словами, это был настоящий человек эпохи Возрождения. Родившийся в Бостоне в 1809 году, Альберт Пике поступил в Гарвард, но вскоре оставил учебу и стал школьным учителем. В 1831 году он был траппером в Арканзасе, но потом каким-то образом был принят в коллегию Верховного суда. Он переехал в Новый Орлеан, где занимался юриспруденцией, потом выступил на стороне южан во время гражданской войны и был назначен комиссаром армии конфедератов, возглавлявшим индейские племена. Впоследствии его привлекли к суду по сомнительному обвинению в мошенничестве, но затем оправдали. В конце концов он открыл юридическую контору в Вашингтоне.

Альберт Пике больше всего запомнился не своей живописной карьерой, а возрождением Шотландского Обряда, когда он стал командором этого масонского ордена в 1859 году Его даже называли «самым знаменитым масоном того времени». Он мирно скончался в апреле 1891 году за своим рабочим столом в храме Шотландского Обряда в Вашингтоне. Как ни странно, многие современные масоны почти ничего не знают о нем.

Альберт Пике прошел масонский обряд посвящения в 1850 году в ложе Западной Звезды № 2 в городе Литтл-Рок, штат Арканзас, и получил ранг мастера-каменщика в ноябре того же года. В 1859 году он занял пост верховного магистра (командора) Верховного Совета лож Шотландского Обряда в США и по определению во всем мире. Когда Пике вступил в орден Шотландского Обряда, организация практически находилась в руинах, но к концу его жизни «он сделал из нее величественный храм достоинства и прав человека», оставив после себя «самый влиятельный масонский орган в мире».[1608] Его первая большая задача заключалась в переписке, систематизации и формализации ритуалов тридцати трех степеней, которые с годами пришли в упадок Затем он занялся подготовкой «основных материалов» для ордена Шотландского Обряда и написал трактат объемом 860 страниц под названием «Нравственные принципы и догматы Древнего и Принятого Шотландского Обряда франкмасонства», впервые опубликованный в 1871 году.[1609] Эта огромная и довольно сумбурная книга была основана на серии лекций самого Пике и разделена на 32 главы по количеству степеней, за исключением последней, которая, по сути дела, является не степенью, а титулом.

При изучении этой работы становится ясно, что Пике провел обширные исследования в области сравнительного религиеведения, Каббалы, герметизма, мистицизма, мифологии, символизма и философии в целом. В первые 60 лет после публикации эта книга была обязательным чтением для всех, кто вступал в орден Шотландского Обряда. Однако, несмотря на название, она является не масонским манифестом, а скорее попыткой обеспечить историческую и мифологическую основу для Шотландского Обряда. Пике дал понять своим читателям, что они могут принять или отвергнуть написанное, но высочайшая репутация, которой он пользовался в то время, означала безоговорочное согласие с его выводами. Кроме того, по справедливому замечанию одного современного масонского автора, «не важно, правда это или нет; важно то, что это объявлено правдой».[1610]

В книге «Нравственные принципы и догматы» Пике провел ассоциацию между масонской пятилучевой «Сверкающей Звездой» и Сириусом, который тоже часто изображали в виде пятилучевой звезды. Пике самым решительным образом отвергал убеждение масонов того времени, что «Сверкающая Звезда» символизирует «Звезду Востока», т. е. Вифлеемскую звезду:

«Видеть в пятилучевой Сверкающей Звезде аллюзию на божественное Провидение тоже является прихотью, а сравнивать ее со Звездой, якобы направлявшей волхвов, означает наделять ее относительно современным смыслом. Первоначально она символизировала Сириус, или Песью звезду».

В «Аргонавтике» Аполлония Родосского мы читаем, что «Песья звезда опалила своим огнем Минойские острова». В том же тексте есть упоминание о «Сириусе, восходящем из океана, сверкающем и прекрасном, но полном угрозы для стад».[1611] Аратус говорит о «ярчайшей звезде, опаляющей пламенем, которую люди называют Сириусом»,[1612] и, наконец, Манилий называет Сириус «псом со сверкающим ликом».

По-видимому, несмотря на свои недостатки, Альберт Пике был очень кропотливым исследователем, и вряд ли стоит сомневаться, что он сверялся со всеми этими античными источниками при работе над своей книгой. Известно, что он выучил латынь, греческий и санскрит специально для изучения таких древних текстов. Мы также должны прийти к выводу, что если Пике мог без труда усмотреть связь между масонской «Сверкающей Звездой» и Сириусом, то другие образованные масоны явно могли прийти к такому же выводу.

Высшее существо Томаса Пейна

В 1782 году после капитуляции британских войск при Йорк-тауне маркиз Лафайет вернулся во Францию национальным героем. Теперь он имел ранг маршала и некоторое время работал дипломатическим советником Бенджамина Франклина в Париже. В 1784 году к Франклину присоединился Томас Джефферсон, новый посол Соединенных Штатов. В том же году Лафайет отправился в Германию, где встретился с Фридрихом Великим. Тем временем Томас Пейн продолжал жить в США в крайне стесненных обстоятельствах и тратил время на странные изыскания вроде изобретения бездымных свечей и конструирования однопролетного железного моста через реку Шайлкилл в окрестностях Филадельфии.[1613]

Бенджамин Франклин еще семь лет назад стал магистром парижской ложи «Девяти сестер» и обзавелся большим количеством знакомств во Франции и других странах Европы. Не ясно, был ли масоном Томас Джефферсон, но, по утверждению Джеймса У. Белесса, масона 33-й степени, имеющего интерес в этом вопросе, «возможно, Джефферсон официально не был масоном, но его философия и поступки определенно соответствовали масонской практике и идеалам».[1614] Сообщение от Жозефа Гильотена, который был членом ложи «Девяти Сестер» в то время, когда Джефферсон находился в Париже, подтверждает, что Джефферсон как минимум один раз посетил эту ложу.[1615] Нет сомнений и в том, что Джефферсон сотрудничал со многими видными масонами. Согласно Белессу:

«Его зять, губернатор Виргинии ТомасМ.Рендольф, а также его любимый внук Томас Джефферсон Рендольф и родственники Питер и Сэмюэл Кар были членами ложи «Дверь Добродетели» № 44 в Альбермейле, штат Виргиния. Такие масоны, как Томас Пейн, Вольтер, Лафайет и Жан Гудон, были некоторыми из его ближайших соратников в Европе. Среди масонов, которыми он восхищался в Америке, можно назвать Джорджа Вашингтона, Бенджамина Франклина, Бенджамина Раша, Джона Пола Джонса, Джеймса Медисона, Джеймса Монро, Мерриуэзера Льюиса и Уильяма Кларка… В ложах Южной Каролины и Луизианы состоялись надгробные речи и процессии в его честь после его смерти 4 июля 1826

года… а в 1801 году Синяя ложа в Суррей-Корт-Хаус, штат Виргиния, была переименована в ложу Джефферсона № 65».[1616]

Томас Пейн вернулся в Европу в 1787 году. Сначала он отправился в Лондон, где надеялся получить поддержку для своего проекта строительства моста, но после падения Бастилии в июле 1789 года он заинтересовался французской революцией и вступил в переписку с Джефферсоном в Париже.

Весной 1790 года Пейн прибыл в Париж, где консультировал Лафайета по конституционным вопросам. Во время этого первого визита Лафайет подарил ему ключ от разрушенной Бастилии.[1617] Пейн познакомился с масонским писателем Никола де Бонвилем, который вместе с аббатом Фоше недавно основал так называемую Cercle Social, радикальную литературную группу, проповедовавшую деизм и республиканские идеалы. В 1812 году Николя де Бонвиль перевел на французский книгу Томаса Пей — на «Истоки франкмасонства». В этой работе Пейн утверждает, что масонские ритуалы происходят от древнеегипетского культа Солнца и Осириса.[1618]

Среди других парижских друзей и знакомых Пейна был маркиз Кондорсе, тоже масон и друг Вольтера. Известный математик и борец за права человека, Кондорсе был членом ложи «Девяти Сестер», к которой также принадлежали Бенджамин Франклин, оккультист и изобретатель Таро Курт Гебелин и астроном Лалавд. Заметим также, что Курт Гебелин в 1781 году написал в своей известной книге «Сравнительный анализ первобытного и современного мира», что:

«Всем известно, что первоначально Париж располагался на острове(delaCite).Будучи речным городом, он сделал своим символом ладью и избрал своей богиней-покровительницей Исиду, богиню судоходства; ладья же фактически принадлежала Исиде и была ее символом».

Из главы 17 читатели помнят, что Курт де Гебелин, который был адептом протошотландского обряда и тамплиерства во франкмасонстве, встретился со знаменитым графом Калиостро, изобретателем «египетского» масонства, и признался, что ему недостает знаний для того, чтобы «расспрашивать человека, столь превосходящего его во всех областях знаний».[1619]

Именно Курт де Гебелин вместе с Бенджамином Франклином сопровождал Вольтера во время масонской инициации последнего в ложе «Девяти сестер» в 1778 году. Почему из всех видных и знатных масонов Гебелин удостоился такой чести? Причина, по нашему мнению, заключается в связи между «степенями» Шотландского Обряда, картами Таро и каббалистическими «путями», общим мистическим знаменателем для которых служило число 32.

Из главы 15 мы знаем, что масон 33-й степени Шотландского Обряда Чарльз Самнер Лобингер пришел к выводу, что в 32 путях мудрости Каббалы[1620] «мы, несомненно, имеем истоки и количество степеней, сформулированных в конституции Шотландского Обряда».[1621]

В начале мая 1790 года Пейн вернулся в Лондон. Это произошло вскоре после того, как Эдмунд Бурк опубликовал свои «Размышления о французской революции», где содержались нападки на восстание французского народа против монархии. Возмущенный Пейн ответил статьей «Права человека», первую часть которой он сдал в печать перед отъездом в Париж в начале 1791 года, где он основал первый «республиканский» клуб и на писал свой «Республиканский манифест». В июле 1791 года энергичный Пейн снова вернулся в Лондон, где написал вторую часть «Прав человека», посвященную Лафайету.[1622]

Во время своих визитов в Париж Пейн познакомился с Томасом Джефферсоном, который стал его другом и доверенным лицом.[1623] Тем временем в Лондоне он часто встречался с радикальными мыслителями, включая знаменитого английского поэта Уильяма Блейка. Для всех этих людей французская революция на ее раннем этапе представляла:

«… торжество сил рассудка над суевериями… и символический акт, предварявший возвращение человечества к состоянию совершенства, от которого оно отдалилось».[1624]

Как можно было ожидать, текст «Прав человека» вскоре попал под запрет британского правительства, а перед церквями стали сжигать чучела Пейна. Сам Пейн был обвинен в «распространении клеветы и подстрекательных настроений», что в те опасные времена могло закончиться смертным приговором. Он едва избежал ареста, благодаря своевременному вмешательству Уильяма Блейка, который предупредил Пейна, чтобы тот не возвращался к себе домой, и помог ему бежать во Францию.

По прибытии в Париж Пейн был провозглашен героем и другом революционеров. Его сделали почетным гражданином Франции и членом Национального собрания. Будучи пацифистом, Пейн выступил против смертного приговора для Людовика XVI и проголосовал за изгнание короля. Эта позиция разъярила фанатичного Робеспьера, который приказал бросить Пейна в тюрьму в старом Люксембургском дворце. Во время заключения Пейн каким-то образом смог договориться о публикации первой части своего наиболее знаменитого сочинения под названием «Эпоха рассудка».

В «Эпохе рассудка» Пейн не скрывает свои деистские убеждения; он говорит о своей вере в Высшее Существо и о неприятии традиционной церкви. Естественно, он должен был знать о том, что Робеспьер и Жак-Луи Давид как раз в это время учредили собственные культы «Рассудка» и «Высшего Существа».

Восемнадцатого сентября 1793 года, немногим более чем через месяц после «церемонии Исиды» в Париже, другая республиканская церемония состоялась на вершине низкого холма над рекой Потомак. На этот раз отмечалось не разрушение оскверненное национального монумента, такого, как Бастилия, а закладка краеугольного камня великого «храма Свободы», который должен был быть построен на этом месте. Храм был детищем другого предприимчивого француза, Пьера-Шарля Ланфана.

Ланфан

Теплым весенним днем в апреле 1909 года некий Д. Г. Роде, интендант склада Диггз-Фарм в окрестностях Вашингтона, в присутствии комиссара и представителей округа Колумбия провел церемонию эксгумации останков человека, умершего 84 года назад, в 1825 году. Останки были осторожно собраны и уложены в металлический ящик, который затем покрыли американским флагом и отвезли на кладбище Маунт-Олив. Утром 28 октября ящик отвезли в Капитолий, где он оставался на видном месте до полудня, затем под военным эскортом его наконец отвезли на Арлингтонское национальное кладбище и похоронили на склоне с видом на Вашингтон. Конгресс выдели л 1000 долларов на воздвижение надгробного монумента, на котором был выгравирован план улиц столичного города. Под планом можно было прочитать имя покойного: Пьер-Шарль Ланфан — инженер, художник и солдат.

Пьер-Шарль Ланфан родился в Париже в 1754 году и был сыном ландшафтного художника.[1625] Как и его отец, молодой Ланфан получил образование в Королевской академии живописи и скульптуры, где он научился строить военные укрепления. Он также изучил ландшафтную науку по трудам Андре Ленотра, который 100 лет назад заложил сады Тюильри и создал основу великой «исторической оси» Парижа. Потом Ланфан вступил во французскую армию и в 1776 году, когда началась американская Война за независимость, достиг чина лейтенанта.

Подобно Лафайету и многим молодым французам того времени, Ланфан был воодушевлен новыми республиканскими идеалами свободы и братства, поэтому он предложил свою службу американской революционной армии. Его знание военных

укреплений оказалось бесценным и привлекло к нему взимание Джорджа Вашингтона. Ланфана сделали «капитаном /инженеров» — прообраза той организации, которая впоследствии стала Инженерным корпусом США. В марте 1782 году Вашингтон написал Ланфану:

«Ваше рвение и деятельная служба заслуживают высочайшей оценки и чрезвычайно приятны для меня. Я не сомневаюсь, что они получат должную оценку в конгрессе при вашем продвижении на службе в корпусе [инженеров]».[1626]

Общество Цинциннати

Мы были заинтересованы, узнав о том, что Ланфан поддерживал связь с организацией под названием «Общество Цинциннати».

Это общество, основанное в 1783 году для офицеров, участвовавших в Войне за независимость, с целью помогать им и членам их семей в случае нужды, существует и в наши дни. Названная в честь римского солдата V века Луция Квинта Цинцинната, эта патриотическая военная организация имеет наследственное членство и открыта только для старших потомков мужского пола, происходящих по прямой линии от первых членов. Джордж Вашингтон был первым президентом Общества, а в 1790 году оно дало свое название городу Цинциннати.[1627] К первым членам общества также принадлежали Александр Гамильтон, Джон Пол Джонс и двое будущих президентов США, Джордж Вашингтон и Джеймс Монро. Кстати говоря, именем последнего названа Монровия, столица Либерии в Западной Африке.[1628]

Хотя Общество Цинциннати не было масонским орденом, многие из его основателей — Лафайет, Гамильтон, Джонс и Вашингтон — были масонами, поэтому неудивительно, что «риторика братской дружбы, принятая в обществе, была сходна с масонской и в его рядах состояло значительное количество масонов».[1629] В 1785 году Ланфан открыл архитектурную практику в Нью-Йорке и через свои связи в Обществе Цинциннати смог осуществить немало заманчивых проектов. В 1789 году, когда Ланфан узнал о планах строительства новой федеральной столицы США в штате Виргиния, он обратился к своему старому другу Джорджу Вашингтону. Согласно Жан-Жюлю Жюссерану,[1630] историку и бывшему французскому послу в США:

«Ланфан, с его склонностью видеть вещи в перспективе, действовал соответственно. В тот момент, когда он услышал, что столицей будет не Нью-Йорк или Филадельфия, а новый город, который должен быть построен на пустом месте, то написал Вашингтону письмо, замечательное ясным пониманием возможностей, открывшихся перед страной, и собственной решимостью работать не для трех миллионов американцев, составлявших население страны в то время, но для ста миллионов нынешних граждан и для всех неродившихся миллионов, которые придут после нас. Письмо было отправлено из Нью-Йорка и датировано 11 сентября 1789 года. «Сэр, — писал он, — последнее решение конгресса заложить основы города, который станет столицей этой огромной империи, предлагает столь великую возможность приобретения репутации для человека, который будет назначен руководить этим проектом, что ваше превосходительство не удивится, узнав о том, что мое честолюбие и желание быть полезным гражданином побуждает меня принять участие в этом мероприятии… Вероятно, ни один народ еще не имел возможности намеренно выбрать место, где будет расположена его столица… и, хотя средства, которыми сейчас располагает страна, не дают возможности для разработки грандиозных планов, вполне очевидно, что должен быть составлен план такого масштаба, который осгавит место для расширения и украшения в соответствии с возросшим богатством нации пусть даже в отдаленном будущем. Рассматривая дело в этом свете, я вполне осознаю масштаб мероприятия»«.[1631]

Снова «тамплиерские восьмиугольники» и Древо Жизни

В начале 1791 года Джордж Вашингтон попросил Томаса Джефферсона пригласить Ланфана в Джорджтаун для того, чтобы оказать содействие Эндрю Элликотту, квакеру и масону из Пенсильвании, который тогда занимал официальную должность землемера округа Колумбия. Тридцатисемилетний Элликогг был сыном часовщика из графства Бакс в Пенсильвании и питал живой интерес к астрономии. Он дослужился до майора во время Войны за независимость и каким-то образом завязал тесную дружбу с Вашингтоном и Бенджамином Франклином. Последний особенно интересовался астрономическими познаниями Элликотта и его методами наблюдения за звездами.[1632]

В 1790 году Вашингтон назначил Элликотта на должность главного землемера для строительства новой федеральной столицы. В течение следующего года он прилежно занимался этой работой с помощью своего младшего брата Джозефа. Элликотт имел все основания полагать, что Вашингтон полностью доверяет ему, однако он недооценил влияния Ланфана. Своевольный француз, вооруженный предписанием Вашингтона о «содействии» работам, практически вытеснил Элликотта с руководящей должности.

Задача Ланфана заключалась в «составлении чертежа местности, наиболее подходящей для расположения столичного города и его строений».[1633] Работая в тесном сотрудничестве с Джефферсоном, Ланфан подал на утверждение предварительный план в июне 1791 года, а в сентябре получил письмо от членов комиссии по руководству проектом с сообщением, что «федеральный округ будет называться «Территория Колумбия», а федеральная столица — городом Вашингтон».[1634]

Ланфан, которого многие его знакомые называли вспыльчивым и высокомерным человеком, спустя короткое время вступил в пререкания с уполномоченными членами комиссии и отказался выполнять их инструкции. Ситуация быстро усугублялась, и в феврале 1792 года Джордж Вашингтон был вынужден обратиться к Томасу Джефферсону с просьбой строго предупредить Ланфана о необходимости выполнять требования комиссии. Однако Ланфан отказался пойти на компромисс и был отстранен от проекта.

В том же году Вашингтон назначил Элликотта главным инспектором землемерных работ в США и дал ему задание завершить генеральный план застройки Вашингтона, основанный на первоначальном проекте Ланфана.[1635] Через месяц Элликотт подготовил чертежи.

Возникали подозрения, что Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон принимали непосредственное участие в разработке этого плана, дополняя его своими идеями. К примеру, в книге «Храм и ложа» Майкл Бейджент и Ричард Лейф указывают на своеобразные восьмиугольные структуры, включенные в план будущей столицы, и утверждают, что это тамплиерские символы, введенные самим Вашингтоном. Восьмиугольники имеют огромные размеры и ясно различимы в двух районах с центрами в Капитолии и Белом доме.[1636]

Первое печатное издание плана Ланфана размером 8,5 x 10 дюймов хранится в библиотеке конгресса в Вашингтоне.[1637] Чертеж был изготовлен художниками Такара и Валлансом и считается старейшим сохранившимся планом Вашингтона.[1638] Первое, что бросается в глаза в плане Ланфана, — это его грандиозность. Француз задумал построить огромный город на 800 000 жителей с классическими зданиями и монументами, подобающими для столицы огромной республиканской империи с населением 500 миллионов человек В то время все население соединенных Штатов составляло не более четырех миллионов. Фактически население всей Европы не достигало 200 миллионов человек, а население всего мира составляло около 900 миллионов. Даже *1* в наши дни население США

не достигает 300 миллионов, хотя ожидается, что это количество удвоится в течение ближайших ста лет.[1639]

Сам план был оригинальным и не новым. При его изучении сразу же бросается в глаза сходство с городским планом Парижа, с планом Версаля и, что еще более интересно, с отвергнутыми планами Рена и Эвелина для застройки Лондона. Очевидно, Джефферсон, который сам был архитектором и посещал многие европейские города, снабдил Ланфана планами нескольких европейских столиц в качестве наглядного руководства.[1640]

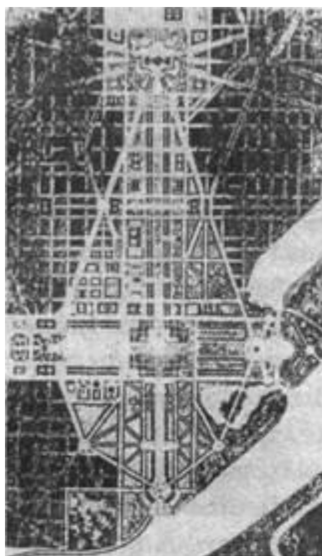
Точно так же, как в Лондоне и Париже, в плане Ланфана преобладает широтная составляющая, где городская ратуша находится на одной линии от Капитолия к Национальному монументу Вашингтона, построенному в будущем. На первый взгляд это может привести к выводу, что главная городская ось случайно или намеренно ориентирована на восход и закат в дни равноденствия.[1641] Однако более внимательное изучение карты и материалов того времени показывает, что главная ось города, по замыслу Ланфана, проходила через Пенсильвания-авеню, соединявшую Капитолий с президентским дворцом (Белым домом).

Легко понять, что план Ланфана во многом опирался на существующий план Парижа и, возможно, даже в большей степени на «фантомные» планы Лондона, составленные Реном и Эвелином после Большого лондонского пожара.[1642] Наиболее заметной является ромбовидная форма, напоминающая каббалистическое Древо Жизни. Хотя она проступает не так явственно, как на лондонском плане Эвелина, ее легко различить на городской схеме, которая начинается от Капитолия на востоке и заканчивается гигантским обелиском Национального монумента на западе.

В великолепном иллюстрированном эссе Роберта Кемерона «Над Вашингтоном»[1643] есть ряд поразительных аэрофотоснимков, показывающих, что в общем и целом современный город сохраняет основные черты градостроительной схемы Ланфана. Если смотреть от Капитолия на запад, два проспекта расходятся под углом, один на юго-запад (Мэриленд), а другой на северо-восток (Пенсильвания), образуя классическую верхнюю часть Древа Жизни, в узловой точке которого расположена первая сефира (божественная эманация), символизирующая божественную сущность. Хотя может показаться странным приравнивать Капитолий к божественной сущности, стоит отметить, что в 1830 году конгресс сделал заказ на изготовление монументальной статуи Джорджа Вашингтона, восседающего на троне наподобие Зевса, верховного божества древнегреческой мифологии. Первоначально расположенная перед Капитолием, эта статуя затем была перенесена на менее видное место, к востоку от ратуши, а в наши дни ее можно видеть в Смитсоновском музее.[1644]

План Вашингтона, подготовленный Пьером Ланфаном.

Аэрофотография центральной части города Вашингтон.

Отголоски

Если совместить план Рена для Лондона с планом Ланфана для Вашингтона, мы обнаружим, что Королевская биржа на первом плане соответствует Капитолию на втором плане. Поскольку нам известно, что закладка краеугольного камня Капитолия была исключительно масонской церемонией с участием самого Джорджа Вашингтона, совмещение Капитолия и Королевской биржи на двух городских схемах поднимает очевидный вопрос: не выполнялась ли такая же масонская церемония в Лондоне для Королевской биржи? Королевская биржа была основана Томасом Гришемом в 1566 году и получила свое

нынешнее название по королевскому декрету от 1571 года. Она была полностью уничтожена во время пожара 3 сентября 1666 года, однако вскоре после этого Карл II заказал архитектору Джармину новый план постройки[1645] Королевской биржи, и эта работа началась в 1667 году.

Король Англии Карл II принял участие в закладке краеугольного камня Королевской биржи точно так же, как это сделал президент США Джордж Вашингтон во время церемонии закладки краеугольного камня Капитолия 126 лет спустя.

Томас Гришем, основатель Королевской биржи, умер в 1579 году, но его имя осталось навсегда связанным с масонством, а его наследие продолжало играть большую роль в развитии масонства еще долго после его смерти. В 1660 году его лондонская резиденция — Гришем-Хаус в Бишопсгейте — стала первой штаб-квартирой Королевского общества. Читатели помнят, что многие видные деятели Гришемского колледжа, такие, как Роберт Морэй, Джон Уилкинс, Кристофер Рен, Элиас Эшмол и Джон Эвелин, были так или иначе связаны с «Невидимой Коллегией», Королевским обществом или первыми масонскими ложами в Лондоне. Как показывает Роберт Ломас в своем недавнем исследовании о Королевском обществе, «дух» масонства ощущался во многих мероприятиях Гришемского колледжа.[1646] Ломас даже приходит к выводу, что колледж был «главным масонским центром в Лондоне эпохи Реставрации… основанным Томасом Гришемом для развития его масонских идеалов просвещения».[1647]

Из главы 15 мы знаем, что Кристофер Рен в отличие от Джона Эвелина сохранил первоначальное расположение Королевской биржи в своем плане Лондона. Вот что пишет историк Адриан Тиннисвуд об этом решении:

«Настоящей гордостью Лондона стала площадь Королевской биржи с ее радиальными улицами и окружающим комплексом коммерческих зданий. Абсолютистская идеология, которую Людовик XIV и Андре Ленотр с успехом использовали при составлении архитектурного плана Версаля, здесь была призвана отдать должное духу меркантильности. Торговле предстояло стать новой религией».[1648]

Эта «новая религия», по замыслу Рена, вполне могла представлять собой сочетание научных идей Королевского общества, масонства и тамплиерства, превозносящих добродетели коммерции и торговли. Не будем забывать, что тамплиеры стояли у истоков банковской и инвестиционной системы в Европе. Что касается масонов, многие из них состояли в торговых гильдиях и занимались банковским делом, торговлей и инвестициями в Лондоне. Таким образом, Королевская биржа стала символом или талисманом меркантильной идеологии и всего, что за ней стоит.

Подтверждение использования масонских ритуалов при перестройке Королевской биржи после пожара содержится в дневнике Элиаса Эшмола, где есть следующая загадочная надпись: «Король Карл, его положение относительно первого камня Королевской биржи, 23 октября 1667, 7 часов утра…»[1649] Поэтому не стоит удивляться, что, согласно историку КГ. Джостену, специалисту по Элиасу Эшмолу, который изучал эту таинственную надпись, она, вероятно, свидетельствует о том, что Карл II заложил краеугольный камень Королевской биржи в подлинной масонской манере и по этой причине Эшмола, принадлежащего к масонскому братству, попросили определить наиболее благоприятное время для церемонии.[1650] Известно, что король Карл II часто просил Элиаса Эшмола составлять гороскопы для проведения различных государственных мероприятий, а после лондонского пожара 1666 года — для выбора благоприятных дат закладки угловых камней государственных зданий. Мы знаем, что король поступил именно таким образом в 1675 году, когда он принял участие в церемонии закладки краеугольного камня собора Св. Павла. Действительно, традиция составления гороскопов и выбора благоприятных астрологических дат для закладки угловых камней важных зданий и монументов существует и в наши дни и

является распространенной масонской практикой, поэтому уместно задать вопрос: что «благоприятного» было в дате 23 октября, выбранной Эшмолом?

Мы уже указывали, что в 1667 году Англия пользовалась юлианским календарем, который в то время отличался от григорианского календаря на 10–11 дней. Будучи ученым человеком, Эшмол должен был знать, что в Британии скоро будет принят григорианский календарь, более точный, чем юлианский. Дата 23 октября по юлианскому календарю соответствовала 13 октября по григорианскому календарю. Иными словами, в большинстве стран континентальной Европы и, в частности, во Франции дата церемонии закладки краеугольного камня Королевской биржи соответствовала не 23, а 13 октября. Ддя масонов эта дата знаменует начало гонений на орден тамплиеров 13 октября 1307 года.

Если эта гипотеза верна, то «тамплиерская» символика должна проявиться в других церемониях закладки краеугольного камня с участием Элиаса Эшмола. Так и произошло в случае с собором Св. Павла, который, как мы показали, является настоящим «тамплиерским» талисманом.

Краеугольный камень собора Св. Павла

Церемония закладки краеугольного камня нового собора Св. Павла окружена тайной. Согласно одной дневниковой записи Элиаса Эшмола, это событие должно было состояться 21 июня 1675 года. По-видимому, сам Эшмол выбрал эту дату с помощью составленного им гороскопа.[1651] Однако в дневнике Эшмола есть другая запись, где категорически утверждается: «Фундамент собора Св. Павла в Лондоне заложен 23 июня 1675 году в 6 часов 30 минут утра».[1652]

Историк и астролог Дерек Эпплби считает, что разные даты (21 июня и 23 июня) обусловлены изменением плана из-за плохой погоды.[1653] Такая возможность существует, но есть и другое объяснение. В Англии того времени все еще пользовались юлианским календарем, поэтому дата 21 июня, хотя и напоминающая о летнем солнцестоянии по новому григорианскому календарю, фактически приходилась на 10–11 дней после солнцестояния по юлианскому календарю и таким образом не имеет особого значения в этом отношении. Но 23 июня по юлианскому календарю было кануном дня св. Иоанна, преддверием масонского и тамплиерского Нового года, отмечавшегося 24 июня. Не вызывает сомнения, что Элиас Эшмол хорошо понимал значение этой даты. Читатели также помнят, что, когда британские масоны создавали объединенную Гранд-ложу, они выбрали день 24 июня именно по этой причине. Но тогда, в 1814 году, в Англии уже давно действовал григорианский календарь, а во времена Эшмола страна еще жила по юлианскому календарю.[1654]

Какую же дату Эшмол действительно имел в виду — юлианскую или григорианскую?

Если мы обратимся к григорианскому аналогу юлианской даты 23 июня, то получим 4 июля.[1655] Можно ли считать случайностью, что во всех исторических книгах об ордене тамплиеров дате 4 июля придается особое значение? Это дата сокрушительного поражения тамплиеров в битве с мусульманами при горе Хиттин 4 июля 1187 года, за которой последовало падение Иерусалима и утрата Святой земли для христианского мира, и, разумеется, читатели знают, что 4 июля является Днем независимости США, когда отмечается дата подписания Декларации независимости. Таким образом, эта дата является мощным талисманом, символизирующим «свободу» и «независимость» в Новом Свете, а теперь и новый мировой порядок в целом.[1656]

В таких обстоятельствах было бы странно не обратить самое пристальное внимание на даты закладки угловых камней мощных «талисманных» монументов, таких, как американский Капитолий, Белый дом и даже Пентагон, в поисках возможной астрологической, масонской и тамплиерской символики.

Дева и звезда

Масонский автор Дэвид Овасон указывает, что утром 18 сентября 1793 года, когда состоялась церемония закладки краеугольного камня здания Капитолия, Солнце находилось в созвездии Девы, что, по его мнению, имело особое символическое значение в общей схеме вещей.[1657] Согласно Овасону:

«Символика Девы, как созвездия, правящего Вашингтоном, отражена в значительном количестве зодиакальных символов, украшающих этот город. Она также проявлена в ряде дат основания монументов, имеющих особую важность для Вашингтона. Основание самого города и трех углов треугольника, которые Ланфан отметил для его центра (Капитолий, Белый дом и монумент Вашингтона), происходило в то время, когда созвездие Девы занимало особенно важное положение на небосводе».[1658]

Не будучи астрологами или масонами, мы не можем подтвердить теорию Овасона, однако мы поддерживаем его мнение, что астрономия играла важную роль в планировании и символике таких городов, как Вашингтон.[1659] Овасон придерживается мнения, что значительная часть символики вокруг событий и монументов, связанных с Декларацией независимости 1776 года и основанием Соединенных Штатов, имеет отношение к древней геральдической звезде Сириусу, чьей пиктограммой является хорошо известная пятилучевая звезда.[1660] В этом отношении важно рассмотреть еще один астрономический вопрос, связанный с Капитолием.

Благодаря новым астрономическим программам, таким, как StarryNight Pro v.4, сравнительно просто создать реконструкцию небосвода для любой эпохи и любого места с высоким уровнем точности и реалистичности. Таким образом, мы можем наблюдать события, «незримо» происходившие на небосводе (поскольку они были скрыты от невооруженного глаза солнечным светом), во время закладки краеугольного камня Капитолия утром 18 сентября 1793 года.

Ночью перед прибытием Джорджа Вашингтона и высокопоставленных гостей на холме Дженкинс-Хилл, где должен будет стоять Капитолий, происходила подготовка к этому событию. Начальным пунктом торжественной процессии являлся Белый дом, церемония закладки краеугольного камня которого произошла немногим менее года назад, 13 октября 1792 года.[1661] Оттуда президентский кортеж должен был проехать в запряженных лошадьми колясках по Пенсильвания-авеню до Дженкинс-Хилл.

Пенсильвания-авеню на отрезке между Белым домом и Дженкинс-Хилл идет под углом 22° на юго-восток. Глядя в этом направлении за несколько часов до восхода солнца 18 сентября 1793 года, наблюдатели могли видеть яркую звезду Сириус, поднимавшуюся прямо над Дженкинс-Хилл. Она медленно набирала высоту по мере вращения Земли, так что на рассвете она была расположена прямо над местом, предназначенным для будущего Капитолия. Вряд ли столь важное небесное знамение могло остаться незамеченным для группы видных масонов и астрономов, определявших расположение главных зданий и монументов Вашингтона. Но в таком случае ось Пенсильвания-авеню была специально проложена Пьером Ланфаном и/или Эндрю Элликоттом в направлении на восход Сириуса.

Существуют ли более веские доказательства?

Мы знаем, что Пьер Ланфан, изучавший архитектуру и градостроительство в Париже, находился под большим влиянием работ ландшафтного архитектора XVII века Андре Ленотра. Именно Лентор заложил знаменитую «парижскую ось», идущую от садов Тюильри по западной стороне Лувра вдоль Елисейских полей до того места, где в наши дни стоит Триумфальная арка. Как мы помним, эта ось была проложена Ленотром под углом 26° с северо-запада на юго-восток, так что в юго-восточном на правлении она случайно или умышленно указывала на точку восхода Сириуса при наблюдении с широты Парижа во время

правления Людовика XIV. Поскольку Париж и Вашингтон находятся на разной широте, точка восхода Сириуса при наблюдении из Вашингтона не совпадает с парижской. Расчеты показывают, что Сириус восходит под углом 22° к юго-востоку и таким образом оказывается на одной линии с Пенсильвания-авеню.[1662]

Уместно предположить, что Ланфан хорошо знал об этом факте. То же самое относится к Эндрю Элликотту, который в то время был самым уважаемым астрономом и землемером в Соединенных Штатах. Будучи также масоном, он едва ли мог оставить без внимания восход Сириуса, пятилучевой «Сверкающей Звезды» масонов Шотландского Обряда, который был ясно виден большую часть года для любого наблюдателя, стоявшего у Белого дома и смотревшего на юго-восток в направлении будущего Капитолия.[1663]

Давайте продолжим исследования в этом направлении и посмотрим, что удастся найти.

Сокрытое в небе

В своей недавней книге «Тайные зодиаки Вашингтона» Дэвид Овасон отметил, что когда он смотрел на запад от здания Капитолия вдоль Пенсильвания-авеню к Белому дому, то мог видеть, что точка захода Солнца с 6 по 12 августа точно совпадает с этой линией:

«В течение примерно одной недели заход Солнца при наблюдении от Капитолия происходит прямо над западной оконечностью Пенсильвания-авеню. С 6 по 12 августа солнечный диск с почти магической точностью заходит за горизонт над этой улицей. Любой, кто наблюдает за закатом в эти дни, не может не прийти к выводу, что градостроители считали этот период — или, возможно, один день из этого периода — важным элементом городского плана».[1664]

Далее Овасон утверждает:

«С помощью компьютерных программ, доступных в наше время, не составляет труда установить «теоретическую» дату важного события, связанного с заходом Солнца. Капитолий находится на 77°Г з. д. и 38°53 с. ш. Азимут для Пенсильвания-авеню, предложенный Элликоттом и Ланфаном, составлял 290°. Это указывает на заход Солнца 11 и 12 августа».[1665]

Если мы воспользуемся сходной компьютерной программой для воссоздания небосвода на 1793 год при наблюдении из Вашингтона и сосредоточим внимание на периоде 11–12 августа, то заметим нечто очень интересное не только в связи с Солнцем, но и по отношению к Сириусу. В эти самые дни Сириус восходит гелиакалъно, т. е. незадолго перед восходом Солнца. Читатели помнят, что гелиакальный восход Сириуса в Древнем Египте был событием, обозначающим начало или «рождение» нового года. Не будем забывать и о том, что гелиакальный восход Сириуса был включен в миф о «солнечном» рождении Александра Великого и, если наша теория верна, в миф о «Капетинг — ском чуде» рождения Людовика XIV.

Теперь давайте рассмотрим гелиакальный восход Сириуса при наблюдении из Парижа в том же 1793 году. Из-за иной широты здесь гелиакальный восход происходит не 11–12 августа, а 20 августа. Это значит, что при наблюдении с Пляс д'Этуаль в сторону Лувра перед рассветом 20 августа 1793 года наблюдатель увидел бы восход Сириуса над южным крылом Луврского дворца, прямо над апартаментами, где произошло «чудо Капе — тингов».[1666] Кроме того, в этот момент Солнце находилось в астрономическом соединении со звездой Регул (альфа Льва), или звездой «Солнечных царей». Именно поэтому в древности официальный «день рождения» Александра Великого отмечался в период между 20 и 26 июля по юлианскому календарю. Именно в эти дни астрономическое соединение Солнца и Регула сопровождало гелиакальный восход Сириуса в Александрии.

Такие оккультные и астрологические соображения кажутся вполне уместными в Александрии в 322 году до н. э., но они вы глядят странными и зловещими в контексте направления и расположения главных улиц и монументов больших современных городов западного мира.

Тем временем выясняются новые подробности…

Обелиск Вашингтона

В 1799 году, через пять лет после основания города Вашингтон, умер президент Джордж Вашингтон. Масоны Соединенных Штатов организовали государственные похороны, и все ложи как в Америке, так и во Франции временно превратились в «ложи скорби».

В том же 1799 году армия Наполеона оккупировала Египет. Для всех масонов-республиканцев наступил великий исторический момент, когда древняя «родина» масонства наконец была включена в новую систему миропорядка, учрежденную Францией и США.

Вскоре после смерти Вашингтона были подготовлены планы сооружения огромного «национального монумента» в Вашингтоне к северу от Капитолия в память о первом президенте Американской республики. В мае 1800 года комитет конгресса, сформированный для этой цели, одобрил постройку пирамиды с квадратным основанием 100 x 100 футов и «пропорциональной высоты», но из-за отсутствия средств проект в конце концов был положен на полку.[1667] Однако в 1833 году группа патриотов основала Общество национального монумента Джорджа Вашингтона, которое добилось успеха в сборе необходимых средств. Конгресс одобрил сооружение мемориала, достойного памяти «отца нации».

Первый проект был предложен Питером Форсом, влиятельным масоном и одним из основателей общества. Он тоже задумал пирамиду, но еще более грандиозную, чем проект 1800 года.[1668] Проект масонского архитектора Роберта Миллза, предложенный в 1836 году, состоял из круглой колоннады со статуей Вашингтона в греко-римском одеянии, едущей на солнечной колеснице Аполлона. Над крышей колоннады поднимался огромный обелиск, увенчанный пятилучевой звездой. Однако в конце концов был утвержден проект одиночного обелиска с пирамидальной вершиной — тот самый монумент Вашингтона, который мы знаем. Обелиск высотой 555 футов пришлось установить немного в стороне от центральной линии из-за неподходящих почвенных условий в первоначально выбранном месте.

Представление о пирамиде (обелиск, попросту говоря, представляет собой пирамиду на колонне), символически возвышающейся над новой республикой, имело свою историю. Он был предложен еще в 1776 году, когда Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон разработали проект Большой Печати Соединенных Штатов (этот мотив можно видеть и сегодня на обратной стороне однодолларовой купюры, введенной в 1931 году Франклином Д. Рузвельтом, масоном 32-й степени Шотландского Обряда). В 1789 году этот символ был помещен на титульном листе Декларации прав человека, подписанной в Париже под руководством масонов Лафайета и Бенджамина Франклина.

Церемония закладки краеугольного камня монумента Вашингтона произошла в День независимости, 4 июля 1848 года. Мы уже обсуждали любопытную «тамплиерскую» символику этой даты и ее соответствие с днем Св. Иоанна по юлианскому календарю. На ритуале закладки краеугольного камня монумента Вашингтона присутствовали сотни видных масонов, носивших регалии своего ордена.[1669] Церемонию проводил Бенджамин Френч, магистр округа Колумбия, носивший масонский передник и пояс, который носил Джордж Вашингтон на церемонии основания Капитолия в 1793 году. Согласно Дэвиду Овасону:

«Момент церемониальной закладки краеугольного камня монумента сохранился в истории, поэтому можно воссоздать его гороскоп… Во многих отношениях это замечательный гороскоп, так как он отражает тот самый вид звездной магии, который практиковался в Древнем Египте тысячелетия назад».[1670]

Из-за отсутствия средств и политических махинаций сооружение монумента было отложено на несколько десятилетий после закладки краеугольного камня, и строительные работы на этом месте возобновились лишь в 1880 году. «Вторая» церемония состоялась 7 августа 1880 года «без одной минуты одиннадцать». Дэвид Овасон, считавший, что этот момент (10 часов 59 минут) был выбран по астрономическим, а не по астрологическим соображениям, пришел к выводу, что он связан с восходом конкретной звезды, которой в данном случае оказалась Спика, ярчайшая звезда созвездия Девы. Такое решение, вероятно, было подсказано масонским астрономом Лаландом, который был одним из основателей ложи «Девяти сестер» в Париже и наряду с Бенджамином Франклином и астрологом Куртом де Гебелином присутствовал на церемонии посвящения Вольтера в 1777 году. Лаланд писал:

«Созвездие Девы посвящено Исиде, а созвездие Льва посвящено ее мужу Осирису… Египтяне вкладывали в руку Девы пшеничный колос, вероятно, потому, что они называли знак Девы… эпи,*или пшеничный колос».*[1671]

Церемония посвящения обелиска Вашингтона состоялась 21 февраля 1885 года. В этот холодный снежный день члены 21-й масонской ложи из Колумбии, а также делегаты от Массачусетса, Делавара, Пенсильвании, Мэриленда, Виргинии, Техаса, Южной Каролины и Джорджии образовали громадную процессию. Президент США и члены конгресса присоединились к масонам, а оркестр морской пехоты США играл «бодрые марши». Расчеты Овасона показывают, что эта церемония, происходившая во второй половине дня, соответствовала моменту восхода Сириуса над Капитолием.[1672] Он приходит к выводу, что:

«Само существование монумента Вашингтона тесно связано с египетской звездой Сириусом… Древние представляли ее в своих священных иероглифах как в форме обелиска, так и в форме звезды. Как могло оказаться, что эта важнейшая звезда Древнего мира возродилась в архитектуре Соединенных Штатов?»[1673]

В 1998 году Роберт Бьювэл посетил монумент Вашингтона, который в то время был полностью закрыт строительными лесами для ремонта и отделки перед грядущими торжествами, связанными с началом нового тысячелетия. У входа над дверным косяком Бьювэл заметил бронзовую табличку с лицом Джорджа Вашингтона работы французского художника и скульптора Жана-Антуана Гудона, члена парижской ложи «Девяти сестер», к которой также принадлежали Калиостро и императрица Жозефина.[1674] Над табличкой красовалось изображение древнеегипетского крылатого диска со звездой, расположенной в самом центре.

Теперь мы легко можем догадаться, что это за звезда…

Пентагон и Сириус

В 1941 году, через 56 лет после открытия монумента Вашингтона, был заложен другой краеугольный камень, на этот раз Для гигантского пятиугольного здания Пентагона. Присутствовавшие на торжественной церемонии носили не масонские регалии, а военные мундиры с золотыми пятилучевыми звездочками высокопоставленных офицеров армии США.

До атаки на Перл-Харбор в 1941 году 24 000 гражданских и военных сотрудников Министерства обороны США в Вашингтоне были разбросаны по 17 зданиям на территории округа Колумбия. Ввиду предстоящего вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну было принято решение разместить их в одной огромной централизованной штаб-

квартире.[1675] План Пентагона, составленный в июле 1941 года, был одобрен президентом Франклином Д. Рузвельтом, который 1 декабря 1941 года подписал указ о передаче проекта в ведение Инженерного корпуса США. Первая секция здания была построена в апреле 1942 года, а само здание было закончено 15 января 1943 года и обошлось в 64 миллиона долларов.[1676]

Из-за огромной важности проекта все основные решения принимал лично президент Рузвельт.[1677] Характерная пяти угольная форма здания часто объяснялась тем обстоятельством, что первое место, предложенное для его строительства и расположенное рядом с Арлингтонским кладбищем, имело пятиугольную форму. Так или иначе, возникает вопрос, почему эта форма была сохранена, несмотря на то что в итоге для строительства был выбран другой участок, расположенный южнее.

Разумеется, самое прозаическое объяснение может оказаться верным, но нельзя упускать из виду, что Франклин Делано Рузвельт получил ранг мастера-каменщика в 1911 году в нью-йоркской «Голландской ложе № 8», а в 1929 году был возведен в 32-ю степень Шотландского Обряда в консистории [масонском совете] Олбани.[1678] Как и все высокопоставленные масоны Шотландского Обряда, читавшие «Нравственные принципы и догматы» Альберта Пике, он должен был знать о том, что пятиугольная форма, или пентакль, ассоциировалась с масонской «Сверкающей Звездой» и, в свою очередь, отождествлялась с пятилучевой звездой Древнего Египта, Сириусом.

В книге Роберта Камерона «Над Вашингтоном» есть замечательная фотография, снятая на инфракрасную пленку и «демонстрирующая высшие достижения в области аэрофотографии». Фотография была сделана самолетом-шпионом U-2 с высоты 65 000 футов. Хотя техническая интерпретация таких снимков является уделом специалистов, даже обычные наблюдатели легко могут видеть, что расположение Пентагона на западной стороне Потомака определяется юго-восточной осью, которая проходит через реку более или менее параллельно Мэриленд-авеню прямо к зданию Капитолия. Подойдя к этому обстоятельству с другой стороны, Роберт Бьювэл рассчитал, что Пентагон расположен под углом 24° к юго-западу при наблюдении от Капитолия. Воссоздав вид небосвода над Вашингтоном для 1941 года с помощью программы StarryNight Pro, он набрал команду «выполнить». Как он и ожидал, Сириус оказался прямо над тем местом, где на фотографии изображено здание Пентагона. Естественно, Бьювэл задался вопросом, совершалась ли церемония закладки краеугольного камня в 1941 году. Через несколько минут поиска в Интернете ответ был получен.

Подлинный «Новый Иерусалим» в Израиле?

В сознании каждого американца дата 11 сентября прочно связана с роковым днем 2001 года, когда арабские террористы направили захваченные самолеты на здание Пентагона и башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Поэтому было очень странно узнать, что церемония закладки краеугольного камня Пентагона тоже произошла 11 сентября — в данном случае 11 сентября 1941 года. Об этом обстоятельстве почти ничего не было сказано, хотя нельзя сказать, что оно осталось незамеченным, так как сам президент Джордж Буш привлек к нему внимание в речи перед сотрудниками Пентагона, произнесенной ровно через месяц после террористической атаки:

«Президент Джордж У. Буш, генерал-лейтенант Джон Ван Олстайн и первая леди Лаура Буш присоединились к церковному хору и тысячам сотрудников Пентагона, поющим «Боже, благослови Америку» во время мемориальной церемонии в Пентагоне 11 октября 2001 года. Президент огласил список жертв: трое школьников, летевших вместе с учителем на захваченном самолете, генерал армии, гражданский специалист из Министерства обороны, 30

лет проработавший в Пентагоне, и резервист ВМФ. Затем президент напомнил, что строительство Пентагона, «символа американской свободы и уверенности» и «символа нашей мировой мощи», началось 60 лет назад, 11 сентября 1941 года. «В тот самый день президент Франклин Рузвельт обратился к нации», — сказал Буш».

Здесь мы просим читателей вспомнить о двух вещах: 1) насыщенные «тамплиерские» и «иудаистические» характеристики церемоний Шотландского Обряда по «восстановлению Храма Соломона» в контексте масонских лож, 2) главную причину атаки исламских террористов на США — угнетение палестинского народа и политическая и военная поддержка, оказываемая сверхдержавой Государству Израиль.

Разумеется, нам известно о многочисленных надуманных «теориях заговоров», последовавших за террористическими атаками 11 сентября 2001 года, и мы не хотим подбрасывать новые дрова в этот костер. Но бесспорно, что зарубежная политика Рузвельта и Трумэна в огромной степени способствовала созданию Государства Израиль во второй половине 1940-х годов и что оба они были масонами, принадлежавшими к Шотландскому Обряду.

Вызывает интерес странное совпадение: Рузвельт был масоном 32-й степени Шотландского Обряда и 32-м президентом США, а Трумэн, занимавший пост вице-президента при Рузвельте, был масоном 33-й степени Шотландского Обряда и 33-м президентом США. В масонстве Шотландского Обряда четыре последних степени, от 30-й до 33-й являются этапами посвящения, на которых кандидат достигает высшей цели масонского просвещения (или, как говорят некоторые, эксперимента), которая аллегорически заключается «в воссоздании Иерусалимского Храма Соломона».

Мы знаем, что в ритуалах 30-й степени Шотландского Обряда фигурирует каббалистическое Древо Жизни, которое можно считать «духовным воплощением» Храма Соломона. Как отмечалось выше, все такие ритуалы считаются чисто аллегорическими, и нас заверяют, что их смысл заключается в подтверждении высокого уровня духовного совершенства, достигнутого кандидатом. Тем не менее трудно удержаться от очевидного вопроса: возможно ли, что администрации Рузвельта и Трумэна в буквальном смысле осуществили «масонский эксперимент» и способствовали воссозданию в Палестине иудейского государства, некогда достигшего расцвета во времена Соломона? Как бы невероятно это ни звучало, есть обстоятельства, оправдывающие этот смелый вопрос.

От тридцатой к тридцать третьей степени

Несколько лет назад, во время визита к другу в Египет Роберту Бьювэлу показали масонский сертификат Шотландского Обряда, выпущенный в одной из Каирских лож в 1918 году Верховным Советом тридцать третьей степени. Сертификат принадлежал дедушке его друга по материнской линии.

Франкмасонство в современном Египте практически неизвестно, так как оно было объявлено вне закона Гамалем Абделем Насером в 1964 году, но в первой половине XX века оно было крайне популярным и многие высокопоставленные правительственные чиновники и даже члены египетской королевской семьи были масонами.[1679]

Сертификат был напечатан на французском и арабском языках. Бьювэл, свободно владеющий обоими языками, сразу же обратил внимание, что в тексте указана точная широта «под небесным сводом в зените на 30° 24 «, определяющая местонахождение ложи в центре Каира.

Вот любопытный факт. Современное Государство Израиль простирается от 30-й до 33-й с. ш. Если продолжить линию, определяемую первым значением широты, на территорию Египта, она почти точно пройдет через Великую пирамиду в Гизе.

Вспомним историческое обращение Гарри Трумэна к временному правительству Израиля в мае 1948 года. Оно гласит:

«Правительство США было проинформировано о провозглашении еврейского государства на территории Палестины, и о том, что временное правительство нового государства обратилось к США с просьбой о признании. Соединенные Штаты Америки признают временное правительство как фактическую власть нового Государства Израиль.

Президент Гарри Трумэн

Подписано 14 мая 1948 года».

20 лет спустя, в июне 1967 года, израильские войска взяли штурмом Иерусалим и захватили город у арабов после 800 лет мусульманской оккупации. Звезда Давида наконец взошла снова. Так был заложен «краеугольный камень» Нового Иерусалима, а значит, и нового Храма Соломона.

Как это уже не раз бывало за годы исследований, связанных с работой над этой книгой, мы почувствовали, что с наших глаз словно упал покров тайны…

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ПОТРЯС МИР

«14 мая 1948 года. Давид Бен-Гурион творит историю. Сегодня в 16.00, когда он произнесет эти слова, то навсегда изменит мировую политику. В этом простом тексте заключается мечта еврейского народа, претерпевшего двухтысячелетнее изгнание. Это Декларация Государства Израиль. Однако молодое государство может не пережить этот день, так как повсюду вокруг него могущественные силы стремятся уничтожить его. В соседней Иордании король Абдулла возглавляет союз пяти арабских государств, созданный с целью задушить Израиль в колыбели. Он [Бен-Гурион] бросает вызов Объединенным Нациям, имеющим свои планы для Ближнего Востока. По всей стране бушует гражданская война. Британская империя, в течение тридцати лет игравшая роль миротворца, покидает этот регион. Его единственная надежда обращена к Вашингтону. При поддержке президента Трумэна у Израиля остается шанс выжить».

«Рождение Израиля, 14 марта 1948 года».

Из программы «Дни, которые потрясли мир» канала Би-Би-Си 2 от 14 января 2004 года.

Декларации

В феврале 1998 года, ровно через 50 лет после того, как Давид Бен-Гурион зачитал декларацию Государства Израиль перед еврейским советом в Тель-Авиве, Усама Бен Ладен зачитал другую «декларацию» — так называемую декларацию «Всемирного исламского фронта за джихад против евреев и крестоносцев», призывающую всех мусульман к священной войне против евреев и «крестоносцев», т. е. американцев и их союзников, «до тех пор, пока мечеть Аль-Акса в Иерусалиме и мечеть Харам в Мекке не будут освобождены от их ярма».

Три года спустя, 11 сентября 2001 года, организация «Аль — Каида» под руководством Бен Ладена осуществила уничтожение башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Пентагона в Вашингтоне с помощью трех коммерческих авиалайнеров, угнанных террористами-самоубийцами. Это ужасное событие навсегда осталось в истории как «9/11».

Двадцатого ноября 2003 года британское консульство и банк HSBC в Стамбуле (Турция) были разрушены террористами-самоубийцами. Человек, назвавшийся членом «Турецкого освободительного фронта Великого Востока» (TGOREF), позвонил в агентство «Анатолиен Пресс» и бесстрастно сообщил, что TGOREF и организация «Аль-Каида» берут на себя ответственность за совместную организацию тех атак Затем таинственный голос добавил следующие зловещие слова: «Наши атаки на масонские цели продолжатся. Мусульмане не одиноки».[1680]

25 января 2003 году духовный лидер мусульман в Лондоне, шейх Абу Хамза аль-Масри, высказал такую странную точку зрения в газете «Индепендент»:

«Я не утверждаю, что все члены американского правительства знали об этом [11 сентября], но там есть люди, которые хотят начать третью мировую войну. Их финансируют промышленные и деловые круги. Большинство из них являются масонами, и они преданы сионистам».

10 марта 2004 года в новостях Би-би-си прошло следующее сообщение:

«В результате террористической атаки на масонскую ложу в Стамбуле один человек погиб и пятеро получили ранения… корреспондент Би-би — си в Стамбуле Джон Даймонд утверждает… что тайное международное общество масонов рассматривается радикальными исламскими группами как проводник политики Израиля и Соединенных Штатов.

Один из террористов-самоубийц по свидетельству очевидцев, крикнул «Аллах акбар» перед тем, как взорвать свое устройство… Другой нападавший, назвавшийся Абдуллой Исламом, крикнул «Долой израильскую ложу!».

Эти угрозы, обвинения и атаки на масонов в сочетании с декларацией Бен Ладена об обвинении священной войны против «евреев и крестоносцев» и призывом освободить мечеть Аль-Акса в Иерусалиме оставляют леденящее впечатление. Нам известно, что на месте нынешней мечети Аль-Акса когда-то стоял Храм Соломона, давший свое имя легендарным рыцарям Храма, которые, согласно многим исследователям, были предшественниками британских масонов,[1681] и, в частности, масонов Шотландского Обряда, чья штаб-квартира находится в Вашингтоне. Вероятно, самым важным символом, воплощающим идеалы масонства, является Храм Соломона и его «духовное восстановление». В главе 15 мы могли убедиться, что входы многих масонских храмов и лож обычно украшены двумя колоннами, символизирующими колонны из Храма Соломона под названием Воаз и Иоаким, что значит «мудрость» и «сила», а масоны Шотландского Обряда, особенно американские, рассматривают себя как некий новый орден крестоносцев, созданный по образцу ордена тамплиеров.

Напрашиваются следующие вопросы: может ли «Аль-Каида» считать Америку масонско-крестоносной державой, чьим оккупационным форпостом на Ближнем Востоке является Израиль? Были ли события 11 сентября 2001 года проявлением этой убежденности? Имеют ли они непосредственную связь с декларацией «Аль-Каиды» об освобождении мусульманской святыни Аль-Акса и Купола Скалы? И наконец, была ли террористическая атака 11 сентября 2001 года символической атакой на «Храм Соломона»?

Вопрос степеней

Шотландский Обряд представляет собой элитную ветвь франкмасонства, известную как Верховный Совет Тридцать Третьей Степени. Он был основан в 1801 году в городе Чарльстон в Южной Каролине. Его происхождение остается неясным, но масонские историки считают, что он зародился в 1740-х годах во французском городе Бордо и вскоре попал оттуда в американские колонии. Идея заключалась в объединении «обычного» или «ремесленного»

масонства с элитным средневековым орденом тамплиеров, мощной политической и финансовой организации, первоначально созданной для защиты Святой земли и особенно Иерусалима от мусульман. Иерусалим был отвоеван у мусульман в XI веке, и христианские рыцари, главным образом тамплиеры, торжественно поклялись защищать его. Начиная с 4 июля 1187 года Святая Земля снова оказалась утраченной для христиан, когда армия Саладина сокрушила тамплиеров в битве при горе Хиггин. Иерусалим капитулировал перед Саладином в октябре 1187 года, и с этого времени священный город в большей или меньшей степени находился в руках мусульман до тех пор, пока он не был оккупирован Израилем во время войны 1967 года.

Неудивительно, что ритуалы масонства Шотландского Обряда и особенно высших степеней, с 30-й по 33-ю, насыщены «тамплиерской» символикой и напоминают о воссоздании Храма Соломона. В наши дни на месте храма расположены две мусульманских святыни: Купол Скалы и мечеть Аль-Акса, откуда пророк Мохаммед якобы вознесся в рай. Таким образом, Храмовая гора в Иерусалиме является одним из самых почитаемых мест в исламской религии, и для многих мусульман она даже более священна, чем Кааба в Мекке. Однако здесь же находятся и главные святыни евреев, такие, как гора Сион, где стоял Храм Соломона, вмещавший Скинию Завета и Десять Заповедей, здесь находится священная Стена Плача и сюда устремлены мессианские надежды мирового еврейства.

Центральное место в ритуалах Шотландского Обряда играют так называемые «запоны», которые представляют собой тканые покровы или небольшие ковры, расстилаемые на полу ложи, где проводятся тайные инициации. На многих запонах можно видеть символы, предположительно обозначающие Храм Соломона, наиболее значительными из которых являются две высокие колонны Иоаким и Воаз и пятилучевая звезда в центре «храма». Возможно, далеко не случайно мишенями, выбранными Аль-Каидой, стали две башни у «входа» в Америку (т. е. Нью — Йорк) и Пентагон, эпицентр американской мощи.

Подобие «сионистско-масонского заговора»

Хорошо известно, что многие президенты США были масонами, включая Джорджа Вашингтона и двух президентов, принимавших участие в создании современного Государства Израиль: Франклина Рузвельта и Гарри С. Трумэна. Рузвельт принес присягу в качестве 32-го президента США в 1933 году. По странному совпадению он также был масоном 32-й степени Шотландского Обряда. Гарри Трумэн принес присягу 33-го президента США в 1945 году. По другому странному совпадению он был масоном 33-й степени Шотландского Обряда. Крайне интересно, что 32-я и 33-я степени имеют непосредственное отношение к Иерусалиму и Храмовой горе. Ритуал 32-й степени Шотландского Обряда получил свое название от так называемых «32 путей мудрости», содержащихся в каббалистическом Древе Сефирот или Древе Жизни.

Каббала — это сложная мистическая иудейская система посвящения, основанная на вере в зашифрованный «язык Бога», ключ к которому был вручен Моисею и перешел к еврейским раввинам. 22 буквы еврейского алфавита связаны с 10 «эманациями» Бога и вместе составляют 32 Пути. Иудейские мистики верят, что Храм Соломона был построен по боговдохновенному плану, основанному на этих мистических идеях. Как было отмечено, в некоторых «сертификатах» Шотландского Обряда рядом с названием ложи приводится ее географическое положение в градусах широты, которое может служить указанием на некую мистическую связь между степенями (градусами) в масонских ритуалах и географическими градусами широты расположен™ ложи. Географическая широта Иерусалима и Храмовой горы находится между 31-й и 32-й параллелями, причем 32-я параллель проходит чуть севернее священного города. Было также отмечено, что «материнская ложа Верховного Совета

Шотландского Обряда Тридцать Третьей Степени находилась в городе Чарльстон в Южной Каролине — возможно, потому, что через этот город проходит 33-я параллель северной широты. Очень трудно доказать, является ли все это совпадением или нет, но легко можно понять, каким образом некоторые радикальные мыслители пришли к выводу о существовании грандиозного заговора с участием американских масонов Шотландского Обряда и созданием современного Государства Израиль, за которым, как мы вскоре убедимся, стояла сионистская организация и президенты США Рузвельт и Трумэн.

Третьего декабря 1942 года, когда президент Рузвельт встретился с секретарем казначейства Гансом Моргентау, он сделал следующее примечательное заявление в связи с созданием еврейского государства в Палестине:

«Я бы окружил Палестину колючей проволокой и начал выдворять оттуда всех арабов… Каждый раз, когда мы выдворяем араба, то приводим на его место еврейскую семью… 90 % населения должны составлять евреи… Это будет независимое государство, как и любое другое, — полностью независимое. Естественно, если 90 % населения составляют евреи, то они должны контролировать правительство».[1682]

Письмо, которое потрясло мир

Согласно недавней программе телеканала Би-би-си 2 под названием «Рождение Израиля» (цитату из которой мы привели в начале этого раздела), утром 14 мая 1948 года лидер сионистского движения Давид Бен-Гурион вносил завершающие штрихи в Декларацию независимости Государства Израиль, которую он вскоре должен был прочесть перед Еврейским советом в Тель — Авиве. Стоит отметить, что население Палестины в то время составляло немногим более двух миллионов человек, из которых лишь 30 % были евреями; остальные были преимущественно мусульманами с незначительным количеством христиан. Между мусульманами и евреями вспыхнула гражданская война, и сначала казалось, что евреи будут разгромлены арабским военным союзом, образованным между Иорданией, Сирией, Египтом, Ираком и Ливаном.

В 16.00 Бен-Гурион зачитал текст Декларации независимости, который начинался следующими словами:

«Земля Израиля была колыбелью еврейского народа. Здесь сформировалась наша духовная, религиозная и национальная самобытность. Здесь евреи достигли независимости и создали культуру, обладающую национальным и общемировым значением. Здесь они написали Библию и дали ее миру».

Далее декларация гласит:

«Мы, члены Национального совета, представляющие еврейский народ в Палестине и мировое сионистское движение, собрались сегодня на этом торжественном заседании в день окончания британского мандата для Палестины. По природному и историческому праву еврейского народа и по резолюции Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций мы провозглашаем учреждение в Палестине еврейского государства, которое будет называться Израиль… Государство Израиль будет открыто для иммиграции евреев из всех стран их диаспоры. Оно будет способствовать развитию страны на благо всех ее жителей; оно будет основано на принципах свободы, мира и справедливости, которым учили еврейские пророки… Мы призываем евреев со всего мира встать на нашу сторону в задачах иммиграции и развития и сплотиться вокруг нас в великой борьбе за осуществление мечты многих поколений — возрождение Израиля. С верой в Бога Всемогущего мы подписываем эту декларацию на сессии временного государственного совета в городе Тель-Авиве в канун шаббата 5 йара 5708 года, или 14 мая 1948 года».

В декларации было провозглашено, что еврейское государство официально обретает существование с полуночи 15 мая 1948 года, что совпадало с окончанием так называемого британского мандата для Палестины. В Вашингтоне это соответствовало 18.00 14 мая. Примерно в то время, когда Бен-Гурион зачитывал текст декларации в Тель-Авиве, глава еврейского агентства в Палестине Элиаху Эпштейн (теперь называвший себя «агентом временного правительства Израиля») принял телефонный звонок от Марка Клиффорда,[1683] советника по особым поручениям президента Трумэна, который предложил ему немедленно написать письмо президенту с просьбой к американскому правительству «признать Государство Израиль и принять его в сообщество наций». Позднее в тот же день Эпштейн послал временному правительству Израиля телеграмму следующего содержания:

«Через несколько минут после того, как провозглашение еврейского государства в Палестине вступило в силу, в 18 часов 01 минуту по Восточному стандартному времени, президент Трумэн огласил следующее заявление: «Правительство США было проинформировано о провозглашении еврейского государства на территории Палестины и о том, что временное правительство нового государства обратилось к США с просьбой о признании. Соединенные Штаты Америки признают временное правительство как фактическую власть нового Государства Израиль».

Как было сказано в программе канала Би-Би-Си 2: «Ответ Трумэна поразил мир… но, когда Америка ведет, остальной мир следует за ней».

Давид Бен-Гурион стал первым премьер-министром Израиля, а Хаим Вейсман, дух-хранитель сионистской организации, стал его первым президентом. Остальное, как говорится, уже история.

В январе 2001 году агентство Ассошиэйтед Пресс опубликовало текст следующей газетной статьи:

«Джордж У. Буш принимает клятву на 234-летней масонской Библии.

Библия, на которой Джордж Вашингтон принес присягу в качестве первого президента США, будет использована Джорджем У. Бушем. Три чиновника из ложи Свободного и Принятого масонства св. Иоанна, базирующейся в Манхэттене, завтра вылетают на лайнере «Амтрак» в город Вашингтон. Они привезут с собой девятифунтовую 234-летнюю Библию короля Якова в специальном футляре. В шестой раз в истории эта Библия будет использована в субботу для присяги президента США. Первым был Джордж Вашингтон в 1789году. Последним был Джордж Г. У. Буш, который воспользовался этой Библией в1989году. Другими президентами, возлагавшими левую руку на эту масонскую Библию, были Уоррен Хардинг в1921году, Дуайт Эйзенхауэр в1953году и Джимми Картер в1977году. Эта Библия также была выставлена на всемирной ярмарке в Нью-Йорке в1964–1965годах».

11 сентября 2001 года «Аль-Каида» нанесла свой первый сокрушительный удар по «крестоносцам». Возможно, не последний…

Примечания

1

1. Jean Duche, LHistoire de France raconte a Juliette, Presses Pocket, Paris, 1954, p. 179.

2

2. Палло изготовил тридцать три «модели» Бастилии из камней разрушенной крепости, которые он распределил по разным городам Франции. Одну из таких моделей можно видеть в музее Валенс (Musee de Valence). Остальные камни были использованы для строительства моста Конкорд. Некоторые были размолоты в порошок и продавались в сувенирных бутылках.

3

3. Jean Kerisel, La Pyramide a travers les ages, Presses des Fonts et Chaussees, Paris, 1991, p. 161.

4

4. Jurgis Baltrusaitis, La Quete dlsis, Flammarion, Paris, 1985, p. 24; Ermanno Arslan, Iside, Electa, Milan, 1997, pp. 642–644. See also Jean-Marcel Humbert, LEgyptomaniedans Part occidental, ACR, Paris, 1989, p. 36.

5

5. Arslan, op. cit., p. 643.

6

6. Michel Vovelle, La Revolution centre I'Eglise, Editions Complex, Paris, 1988.

7

7. Ibid., p. 15.

8

8. Людовик IX был канонизирован 11 августа 1297 года, а днем его памяти считается 25 августа. В 800 году н. э. Карл Великий был неофициально «приобщен к лику блаженных» папой Львом III, но не канонизирован.

9

9. Vovelle, op. cit., p. 103.

10

10. Jean Starobinski, 1789: Les Emblemes de la Raison, Flammarion, Paris, 1979, p. 42.

11

11. Grand Larousse Encyclopedique, Paris, 1961 edn, vol. 8, p. 1014.

12

12. Сын Людовика XVI умер в парижской тюрьме в 1795 году в возрасте десяти лет. Он был провозглашен королем французскими дворянами в изгнании в январе 1793 года, после смерти отца.

13

13. Первоначально предложенные в дар Франции Мохаммедом Али в 1824 году. Шампольон счел качество александрийских обелисков слишком низким из-за коррозии, вызванной морским воздухом, и обменял «дар» на один обелиск из Луксорского храма.

14

14. Humbert, op. cit., p. 44. Интересно, что на вершине пирамиды должна была стоять статуя с семилучевой звездой на голове, похожая на Статую Свободы в Нью-Йорке.

15

15. Ibid.

16

16. Starobinski, op. cit., pp. 49 and 58.

17

17. Jean Godechot, La Prise de la Bastille, Paris, 1965, p. 183.

18

18. Michael Baigent and Richard Leigh, The Temple and the Lodge, Jonathan Cape, London, 1989.

19

19. Steven C. Bullock, Revolutionary Brotherhood, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1996, p. 50.

20

20. Fred Pick and G. Norman Knight, The Pocket History of Freemasonry, Frederick Muller, London, 1953, p. 272.

21

21. Ibid., p. 271.

22

22. Ibid, p. 275.

23

23. Pierre Chevallier, Histoire de la Franc-Mapnnerie franfaise, vol. I, Librairie Fayard, Paris, 1974, pp. 272–288.

24

24. Dossiers de l'bistoire mysterieuse, no. 7, part 2, ed. F. Car — bonnel, p. 81.

25

25. Ibid.

26

26. *Dossiers de I'histoire mysterieuse,* no. 6, p. 64.

27

27. Chevallier, op. cit, p. 275.

28

28. Jacques Debu-Bridel, Lafayette: une vie au service de la liberte, Editions Nouvelles de France, 1945, p. 27.

29

29. Quoted from Jean-Andre Faucher, Les Francs-Mapns et le pouvoir; Librairie Academique Perrin, Paris, 1986, p. 46.

30

30. Ibid., p. 47. Фоше, как и многие другие, также указывает, что многие масоны поддерживали короля и фактически боролись с революционерами. Это справедливо и в отношении американской революции.

31

31. John Lawrence, Freemasonry: a Religion,? Kingsway Publishing, London, 1987, p. 15.

32

32. Ibid, p. 109.

33

33. Ibid., p. 121.

34

34. Martin Short, Inside the Brotherhood, Grafton Books, London, 1989, p. 72.

35

35. Vovelle, op. cit., p. 187.

36

36. *Dossiers de Ihistoire mysterieuse,* no. 6, p. 64.

37

37. Ibid.

38

38. Ibid.

39

39. Vovelle, op. cit., p. 274.

40

40. Ibid.

41

41. Decret de la Convention, 18 Floral An II, 7 May 1794.

42

42. Warren Roberts, Revolutionary Artists, State University New York Press, Albany, 2000, p. 272.

43

43. *GrandLarousse Encyclopedique,* vol. 4, p. 784.

44

44. Roberts, op. cit., p. 270. Робеспьер обильно пользовался «масонской» терминологией. К примеру, он утверждал, что «система хорошо организованных национальных праздников обеспечит самые прочные братские узы и станет самым мощным средством для возрождения нации».

45

45. Республиканский календарь был введен 24 октября 1793 года, сразу же после гильотинирования королевы Марии-Антуанетты.

46

46. Charles Sumner Lobingier, Ancient and Accepted Scottish Rite, Kessinger Publishing Co., Kila, Montana, USA, 1931, p. 24.

47

47. David Ovason, The Secret Zodiacs of Washington DC, Century Books, London, 1999, pp. 116–117.

48

48. Биссел вычислил существование близкого спутника Сириуса, наблюдая за волнообразным движением звезды. Олвин Кларк впервые наблюдал в телескоп звезду-спутницу, известную как Сириус B, в 1862 году, а Линдеблад сфотографировал ее в 1970 году.

49

49– Ovason, op. cit, p. 117.

50

50. Baltrusaitis, op. cit, p. 31.

51

51. *Dossiers de Ihistoire mysterieuse*, no. 7, p. 106.

52

52. Nigel Aston, Religion and Revolution in France, MacMillan Press, London, 2000, p. 272.

53

53. Kerisel, op. cit, p. 160.

54

54. Robert Bauval, Secret Chamber; Arrow, London, 2000, p. 507, n. 27.

55

55. Sylvie Legaret and Philippe Coutines, Paris Story, Editions Denoel, Paris, 1977, p. 83, plate 3.

56

56. Ibid.

57

57. Aston, op. cit, p. 271.

58

58. Ibid.

59

59. Ovason, op. cit, p. 87.

60

60. Short, op. cit, pp. 121–122.

61

61. Ibid, p. 122

62

1. Aubrey Burl, Gods Heretics: The Albigensian Crusade, Sutton Publishing, Stroud, 2002, p. 9. Еще в 1198 году Оланд Лилль, участвовавший в оголтелой антикатарской пропаганде того времени, выводил происхождение слова «катар» от «кошачья задница» (cat'sarse), утверждая, что дьявол является к еретикам в виде кота, которого они целуют в зад. Сходные обвинения выдвигались против тамплиеров (см. главу 15).

63

2. Евангелие от Иоанна, 1,14.

64

3. F. L. Cross and E. A. Livingstone (eds.), The Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford University Press, Oxford, 1988, p. 1198.

65

4. St Augustine, City of God, Penguin, London, 1984, p. 1.

66

5. Chas S. Clifton (ed.), Encyclopaedia of Heresies and Heretics, ABC–Clio Inc., Santa Barbara, 1992, p. 49.

67

6. See Chapters 4, 5 and 6 below.

68

7. Malcolm Lambert, The Cathars, Blackwell, Oxford, 1998, p. 4.

69

8. See Jonathan Sumption, The Albigensian Crusade, Faber and Faber, London, 1999, pp. 28–30. See also Arthur Guirdham, The Great Heresy: the History and Beliefs of the Cathars, C. W. Daniel Company Ltd., Saffron Walden, 1993, p. 23.

70

9. Joseph R. Strayer, The Albigensian Crusades, The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1995, p. 1.

71

10. Ibid., p. 3.

72

11. Gervase of Tilbury, cited in Sumption, op. cit., p. 18.

73

12. Sumption, op. cit., p. 18.

74

13. Zoe Oldenbourg, Massacre at Montsegur, Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, p. 1.

75

14. Guirdham, op. cit., p. 15.

76

15. Lambert, op. cit., p. 62.

77

16. Guirdham, op. cit., p. 15; Lambert, op. cit., p. 62.

78

17. Oldenbourg, op. cit., p. 11.

79

18. Cited in Malcolm Barber, *The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages,* Longman, London, 2000, p. 51.

80

19. Lambert, op. cit., p. 62.

81

20. Guirdham, op. cit., p. 15.

82

21. Ibid., p. 15.

83

22. Cited in Burl, op. cit., p. 21.

84

23. Barber, op. cit., pp. 65–66.

85

24. Ibid., p. 66.

86

25. Ibid., p. 25.

87

26. Malcolm Lambert, *Medieval Heresy: Popular Movements from the Gregorian Reform to the Reformation,* Blackwell, Oxford, 1992, p. 57.

88

27. Cited in Lambert, The Cathars, p. 39.

89

28. Cited in ibid., pp. 39–40.

90

29. Steven Runciman, The Medieval Manichee: A Study of Christian Dualist Heresy, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 121; Sumption, op. cit, p. 39.

91

30. Ibid

92

31. Stephen O'Shea, The Perfect Heresy: The Life and Death of the Cathars, Profile Books, London, 2001, p. 20.

93

32. For example, see Lambert, The Cathars, p. 155.

94

33. For example, see Oldenbourg, op. cit, p. 49; Runciman, op. cit, p. 160.

95

34. Oldenbourg, op. cit, pp. 21–22.

96

35. Cited in Lambert, The Cathars, pp. 142–143.

97

36. Lambert, Medieval Heresy, p. 121.

98

37. Lambert, The Cathars, p. 75.

99

38. Ibid, pp. 23 and 153; see also O'Shea, op. cit, p. 24.

100

39. Lambert, The Cathars, p. 75.

101

40. Runciman, op. cit, p. 160.

102

41. Ibid, p. 151.

103

42. Ibid, p. 160.

104

43. Lambert, Medieval Heresy, p. 120; Rion Klawinski, Chasing the Heretics: A Modern Journey through Medieval Languedoc, Ruminator Books, Saint Paul, Minnesota, 2000, p. 68; Runciman, op. cit, pp. 159–160.

105

44. Lambert, Medieval Heresy, p. 124, citing Guiraud. See also Sumption, op. cit, p. 50.

106

45. Свидетельство женщины из Пулорена перед судом инквизиции, цитируется по Sumption, op. cit, p. 52.

107

46. Lambert, Medieval Heresy, p. 109.

108

47. Runciman, op. cit, p. 158.

109

48. Ibid.

110

49. Lambert, Medieval Heresy, p. 108.

111

50. Lambert, The Cathars, pp. 240 and 242.

112

51. Ibid, p. 242.

113

52. Cited in ibid, p. 139.

114

53. Strayer, op. cit, p. 247.

115

54. Lambert, The Cathars, p. 139.

116

55. Guirdham, op. cit, p. 24.

117

56. Lambert, The Cathars, p. 160.

118

57. Guirdham, op. cit., p. 23.

119

58. Ibid.

120

59. O'Shea, op. cit, p. 8.

121

60. Guirdham, op. cit, p. 95.

122

61. Oldenbourg, op. cit, pp. 283–284, and Lambert, The Cathars, p. 125.

123

62. Guirdham, op. cit, p. 95.

124

63. See Barber, op. cit, pp. 203–225.

125

64. Мартин Барбер отвергает аргумент Вейль, который он рассматривает как следствие ее «беспечного отношения к свидетельствам» и «фундаментально антиисторического» подхода.

126

65. Cited in ibid, p. 206.

127

66. Oldenbourg, op. cit, p. 23.

128

67. Ibid, p. 24.

129

68. Ibid.

130

69. Burl, op. cit, p. 19.

131

70. See Sumption, op. cit, p. 90; O'Shea, op. cit, p. 20.

132

71. Geoffrey Wigoder (ed.), The Encyclopaedia of Judaism, The Jerusalem Publishing House, 1989, p. 514.

133

72. Сообщение Вениамина из Туделы, cited in Sumption, op. cit, p. 90.

134

73. Cited in Sumption, op. cit, p. 90.

135

74. Encyclopaedia Britannica, 15th edn, London, 1991, Micro — paedia, 11:946–947.

136

75. Ibid, 3: 686–687.

137

76. Ibid, 11: 946–7; 3: 686–687.

138

77. Sumption, op. cit, pp. 29–30.

139

78. Oldenbourg, op. cit, p. 26.

140

79. Ibid, p. 230–231.

141

80. Sumption, op. cit, p. 30; Lambert, Medieval Heresy, p. 83.

142

81. Guirdham, op. cit, p. 96.

143

82. Lambert, The Cathars, p. 149.

144

83. Oldenbourg, op. cit, p. 61.

145

84. O'Shea, op. cit, p. 41.

146

85. Oldenbourg, op. cit, p. 61.

147

86. Guirdham, op. cit, p. 16.

148

87. Barber, op. cit, p. 216.

149

88. Oldenbourg, op. cit, p. 51.

150

89. Ibid, p. 51.

151

90. Ibid, p. 69.

152

91. Ibid, p. 70.

153

92. Lambert, The Cathars, p. 160.

154

93. Строго говоря, альбигойские крестовые походы прекратились в 1229 году после заключения Парижского мирного договора. Однако вторжения крестоносцев в Лангедок продолжались еще 15 лет и достигли кульминации во время осады катарской цитадели Монсегюр в 1244 году. Более подробно об этом см. в главе 7.

155

94. Oldenbourg, op. cit, p. 56.

156

95. Ibid, p. 310.

157

1. Cited in Zoe Oldenbourg, Massacre at Montsegur, Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, Appendix C p. 376.

158

2. F. L. Cross and E. A. Livingstone (eds.), The Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford University Press, 1988, pp. 339 and 993.

159

3. См, к примеру, Malcolm Lambert, Medieval Heresy: Popular Movements from the Gregorian Reform to the Reformation, Blackwell, Oxford, 1992, p. 395: «Христианская церковь, как на Востоке, так и на Западе, была наследницей Римской империи и всего античного мира в насаждении «правильных» верований. После некоторых колебаний ее лидеры стали претворять в жизнь это убеждение… Византийские священнослужители разделяли ужас перед ересью, и императоры приняли непосредственное участие в преследовании еретиков. Сожжение еретиков было наказанием, практикуемым и Византийской церковью, правда, это были единичные случаи; у нас есть яркое описание Анны Комнин о сожжении предводителя богомилов Василия в Константинополе».

160

4. К примеру, см. Oldenbourg, op. cit, pp. 30–31; Malcolm Lambert, The Cathars, Blackwell, Oxford 1998, p. 23; Stephen O'Shea, The Perfect Heresy: The Life and Death of the Cathars, Profile Books, London, 2001, pp. 22–23; Aubrey Burl, Gods Heretics: The Albigensian Crusade, Sutton Publishing, Stroud, 2002, p. 9; Steven Runciman, The Medieval Manichee: A Study of Christian Dualist Heresy, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 67; Lambert, Medieval Heresy, pp. 55–56.

161

5. Runciman, op. cit, p. 68; Lambert, The Cathars, p. 23; Malcolm Barber, The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages, Longman, London, 2000, p. 16.

162

6. Runciman, op. cit, p. 67.

163

7. Феофилакт, патриарх Константинопольский (933–956), дает более раннее упоминание об этой ереси, но странным образом не упоминает о самом Богомиле. См. Janet Hamilton and Bernard Hamilton, Christian Dualist Heresies in the Byzantine World C.650–1405, Manchester University Press, Manchester, 1998, pp. 98–101.

164

8. Runciman, op. cit, p. 68.

165

9. Cited in ibid, p. 67.

166

10. Ibid, p. 68.

167

11. Oldenbourg, op. cit, p. 31.

168

12. Runciman, op. cit, pp. 69–70.

169

13. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 32.

170

Византийского императора с таким именем не существовало. Последними императорами Смутного времени (1056–1081) были Михаил VII Дука (1071–1078) и Никифор III Вотаниат (1078–1081). Источник: Васильев А. А., «История Византийской империи», т. I (СПб.: «Алетейя», 1998). (Прим. пер.)

171

14. Ibid, p. 36.

172

15. Ibid, p. 37; Runciman, op. cit, pp. 70–71.

173

16. Ibid, pp. 70–71; Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 38.

174

17. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 39; Runciman, op. cit, pp. 70–71.

175

18. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 40; Runciman, op. cit, p. 71.

176

19. Runciman, op. cit, p. 72.

177

20. Barber, op. cit, p. 21.

178

21. Ibid, p. 21; see also Lambert, The Cathars, pp. 46–49.

179

22. Barber, op. cit, p. 22.

180

23. For example, see Runciman, op. cit, p. 170; Hamilton and Hamilton, op. cit, pp. 43–44.

181

24. Lambert, The Cathars, pp. 35 and 37.

182

25. Barber, op. cit, p. 71.

183

26. Lambert, The Cathars, p. 48.

184

27. Большинство православных и католических клириков и монахов придерживались этого мнения. На Востоке Евфимий Зигабен определенно подозревал существование заговора после допроса ересиарха Василия. См. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 32. For other examples see ibid, p. 266 and Lambert, The Cathars, pp. 22, 31.

185

28. Cited in Barber, op. cit, p. 16; Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 28.

186

29. Dimitur Anguelou, cited in Barber, op. cit, p. 16.

187

30. Obolensky, cited in ibid, p. 16.

188

31. Lambert, Medieval Heresy, p. 116.

189

32. Cited in Lambert, The Cathars, p. 203.

190

33. See Lambert, Medieval Heresy, p. 118.

191

34. Zigabenus, cited in Hamilton and Hamilton, op. cit, pp. 39 and 204.

192

35. Lambert, The Cathars, p. 248.

193

36. Lambert, Medieval Heresy, p. 118.

194

37. Ibid, p. 118.

195

38. Ibid.

196

39. Ibid.

197

40. Runciman, op. cit, p. 171.

198

41. Barber, op. cit, p. 73.

199

42. Oldenbourg, op. cit, p. 31.

200

43. Ibid.

201

44. Hamilton and Hamilton, op. cit, pp. 43–44.

202

45. Lambert, The Cathars, p. 33: «Катарский ритуал consolamentum происходит от богомильской разновидности посвящения адептов».

203

46. Ibid, p. 204.

204

47. Sacconi, cited in ibid, p. 204.

205

48. *Oxford Dictionary of the Christian Church,* p. 1292.

206

49. Ibid.

207

50. Ibid.

208

51. The Cathar Pierre Autier, cited in Lambert, The Cathars, p. 251.

209

52. Ibid., p. 253.

210

53. Ibid.: «Тела животных образуют часть цепи переселения душ, но поскольку они не умеют говорить, ни одна душа… заключенная там, не может достигнуть спасения. Лишь в результате длительного процесса они достигают тела мужчины или женщины, обладающих «пониманием Бога», и таким образом могут спастись».

211

54. Ibid.

212

55. Ibid.

213

56. *Oxford Dictionary of the Christian Church,* p. 997.

214

57. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 27.

215

58. See discussion in Lambert, Medieval Heresy, pp. 121 ff.

216

59. Lambert, The Cathars, p. 204.

217

60. Barber, op. cit, p. 19.

218

61. Cited in Lambert, The Cathars, p. 162.

219

62. Oldenbourg, op. cit, p. 35.

220

63. Ibid.

221

64. Pierre Autier, cited in Lambert, The Cathars, pp. 250–251.

222

65. К примеру, см. Runciman, op. cit, p. 148; Barber, op. cit, p. 84.

223

66. Autier, in Lambert, The Cathars, p. 251.

224

67. Ibid.

225

68. К примеру, см. Runciman, op. cit, p. 76.

226

69. Oldenbourg, op. cit, p. 35; see also Lambert, The Cathars, p. 25.

227

70. Катарская молитва, приведенная в Oldenbourg, op. cit. Appendix C, p. 376.

228

71. Runciman, op. cit, p. 75.

229

72. Ibid, p. 150: «Существовала надежда, что, когда жизни очистятся, фрагменты души, прикрепленные к ним, смогут присоединиться к божественному духу, нисходящему на совершенных людей, и таким образом они достигнут освобождения».

230

73. Robert Bauval and Adrian Gilbert, The Orion Mystery, Heinemann, London, 1994; Robert Bauval and Graham Hancock, Keeper of Genesis (in the US: Message of the Sphinx), Heinemann, London, 1996; Graham Hancock and Santha Faiia, Heaven's Mirror, Michael Joseph, London, 1998.

231

74. E. A. Wallis Budge, The Egyptian Heaven and Hell (Book of What is in the Duat), Martin Hopkinson Co, London, 1925, pp. 240, 258.

232

75. Ibid, p. 240.

233

76. Ibid, p. 258.

234

77. See note 73 above.

235

78. Cited in Runciman, op. cit, p. 75.

236

79. Barber, op. cit, p. 97.

237

80. Ibid.

238

81. Ibid, p. 98.

239

82. Lambert, The Cathars, p. 197.

240

83. Ibid.

241

84. Barber, op. cit, p. 86.

242

85. Ibid, p. 87.

243

86. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 28.

244

87. Oldenbourg, op. cit, p. 36.

245

88. Ibid, pp. 36–37.

246

89. Lambert, Medieval Heresy, p. 119.

247

90. Runciman, op. cit, p. 164.

248

91. Ibid, p. 173.

249

92. Ibid, p. 164.

250

93. Ibid, p. 171.

251

94. Ibid.

252

95. Ibid, p. 172.

253

96. Ibid, p. 171.

254

97. Ibid, p. 172.

255

98. Cited in Barber, op. cit, p. 11.

256

99. Ibid.

257

100. Joseph R. Strayer, The Albigensian Crusades, The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1995, pp. 183–184.

258

101. Lambert, The Cathars, p. 23.

259

102. Hamilton and Hamilton, op. cit, pp. 98–101.

260

103. Everwin of Steinfeld, cited in Lambert, The Cathars, p. 22.

261

104. Ibid

262

105. Everwin, cited in Barber, op. cit, p. 24.

263

106. Everwin, cited in Lambert, The Cathars, p. 22.

264

107. Lambert, Medieval Heresy, p. 119.

265

108. *Oxford Dictionary of the Christian Church*, pp. 285–286.

266

109. Lambert, The Cathars, p. 25.

267

110. Everwin, cited in Barber, op. cit, p. 24.

268

1. Johannes Van Oort in Roelof van den Broek and Wouter Hanegraff (eds.), Gnosis and Hermetism from Antiquity to Modern Times, State University of New York Press, Albany, 1998, p. 37.

269

2. F. L. Cross and EA Livingstone (eds.), The Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford University Press, Oxford, 1988, pp. 357–358.

270

3. Быт, 1:1–30.

271

4. Быт, 1:28.

272

5. К примеру, Малькольм Ламберт и Малькольм Барбер, чьи работы о катарской и других средневековых ересях часто цитировались в предыдущих главах.

273

6. Steven Runciman, The Medieval Manichee: A Study of Christian Dualist Heresy, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 88.

274

7. Janet Hamilton and Bernard Hamilton, Christian Dualist Heresies in the Byzantine World C.650–1405, Manchester University Press, Manchester, 1998, p. 6.

275

Ошибка авторов: византийский император Констант II правил с 641 по 668 год. Констант I (Флавий Юлий) был римским императором и правил с 337 по 350 год. (Прим. пер.)

276

8. Ibid, pp. 7–8.

277

9. Ibid, p. 8.

278

10. Ibid, p. 9.

279

11. Ibid.

280

12. Ibid.

281

13. Runciman, op. cit, p. 50.

282

14. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 9.

283

15. Ibid.

284

16. Ibid.

285

17. Ibid, p. 12.

286

18. Ibid.

287

19. См. дискуссию в кн. Malcolm Barber, The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages, Longman, London, 2000, p. 12.

288

20. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 9.

289

21. Ibid, pp. 12–13.

290

22. Ibid, p. 13.

291

23. Runciman, op. cit, pp. 32–33.

292

24. Ibid.

293

25. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 19.

294

26. Runciman, op. cit, p. 40.

295

27. Hamilton and Hamilton, op. cit, pp. 21–22.

296

28. Ibid, p. 23.

297

29. Cited in Hamilton and Hamilton, op. cit, pp. 6–7.

298

30. Ibid, p. 8.

299

31. Ibid, p. 10.

300

32. Ibid.

301

33. Runciman, op. cit. p. 21.

302

34. Ibid.: «Мессалийцы были гностиками по происхождению, но меньше интересовались интеллектуальными спекуляциями».

303

35. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 30.

304

36. Runciman, op. cit, p. 90.

305

37. Ibid, p. 93.

306

38. Ibid.

307

39. Ibid, pp. 91–22.

308

40. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 30.

309

41. Runciman, op. cit, pp. 21–22.

310

42. Ibid.; see also Francis Legge, Forerunners and Rivals of Christianity from 330 BC to 330 AD, University Books, New York, 1965, vol. II, p. 313: «Валентин (II в. н. а), как и многие другие гностики, разделял христиан на пневматиков и психиков, первые из которых должны были занять более достойное место в грядущем мире, чем вторые».

311

43. Runciman, op. cit, p. 22.

312

44. Ibid.

313

45. Ibid.

314

46. Ibid.

315

47. Ibid.; Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 30.

316

48. Runciman, op. cit, p. 22; Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 30.

317

49. Runciman, op. cit, p. 22.

318

50. Ibid, p. 23.

319

51. Ibid. Мессалийцы были осуждены Флавианом из Антиохии, который вскрыл их замыслы, проявив желание обратиться в их веру. «Устрашенный своими открытиями, он стал преследовать их всей мощью нового государства, обращенного в христианство».

320

52. Chas S. Clifton (ed.), Encyclopaedia of Heresies and Heretics, ABC–Clio, Santa Barbara, 1992, p. 87.

321

53. Jonathan Sumption, The Albigensian Crusade, Faber and Faber, London, 1999, p. 34; Legge, op. cit, vol. II, p. 318.

322

54. Andrew Wellburn,*Mani, the Angel and the Column of Glory: An Anthology of Manichean Texts,* Floris Books, Edinburgh, 1998, p. 36.

323

55. Ibid, p. 25.

324

56. Ibid, p. 24.

325

57. Cited in ibid.

326

58. Runciman, op. cit, p. 12.

327

59. Legge, op. cit, p. 279.

328

60. Ibid, p. 280.

329

61. *Encyclopaedia of Heresies and Heretics,* p. 87.

330

62. Wellburn, op. cit, pp. 12, 51, 86.

331

63. John R. Hinnels (ed.), The Penguin Dictionary of Religions, Penguin, London, 1988, p. 200.

332

64. Wellburn, op. cit, p. 87.

333

65. Ibid, p. 12.

334

66. Ibid.

335

67. Legge, op. cit, pp. 285–286; Wellburn, op. cit, pp. 80 ff.

336

68. Cologne Mani Codex, cited in Wellburn, op. cit, p. 83.

337

69. Ibid, pp. 83–84. –

338

70. *Encyclopaedia of Heresies and Heretics,* p. 87.

339

71. Legge, op. cit, p. 279.

340

72. For example, Wellburn, op. cit, pp. 14–15,17.

341

73. Cologne Mani Codex, cited in Wellburn, op. cit, p. 13.

342

74. Cited in ibid, pp. 12–13.

343

75. Ibid, p. 11.

344

76. Cologne Mani Codex, cited in ibid, p. 16.

345

77. Legge, op. cit, pp. 280–281.

346

78. *Encyclopaedia of Heresies and Heretics*, p. 87.

347

79. Cologne Mani Codex, cited in Wellburn, op. cit, p. 15.

348

80. Ibid, p. 15.

349

81. Ibid, p. 18.

350

82. Ibid, p. 15.

351

83. *Oxford Dictionary of the Christian Church,* p, 864.

352

84. Ibid.

353

85. Ibid.

354

86. Wellburn, op. cit, p. 67.

355

87. Ibid.

356

88. *Encyclopaedia of Heresies and Heretics,* p. 87.

357

89. *Oxford Dictionary of the Christian Church,* p. 864; Legge, op. cit, p. 281.

358

90. Legge, op. cit, p. 281; Wellburn, op. cit, pp. 67–68.

359

91. *Encyclopaedia of Heresies and Heretics,* p. 87;*Penguin Dictionary of Religions,* p. 201;*Oxford Dictionary of the Christian Church,* p. 864; Wellburn, op. cit, p. 108; Runciman op. cit, pp. 6–17; Legge, op. cit, p. 281.

360

92. Legge, op. cit, p. 282.

361

93. Wellburn, op. cit, p. 68.

362

94. St Augustine, City of God, Penguin, London, 1984, p. 1.

363

95. Legge, op. cit, p. 287.

364

96. Ibid.

365

97. Ibid, pp. 291–292.

366

98. Runciman, op. cit, pp. 12–13.

367

99. Legge, op. cit, p. 292.

368

100. Aubrey Burl, Gods Heretics: The Albigensian Crusade, Sutton Publishing, Stroud, 2002, pp. 8–9.

369

101. Yuri Stoyanov, The Other God, Yale University Press, New Haven and London, 2000, p. 108.

370

102. Ibid.

371

103. Ibid., pp. 108–109.

372

104. Ibid, p. 109.

373

105. Ibid.

374

106. Runciman, op. cit, p. 14.

375

107. Stoyanov, op. cit, p. 110.

376

108. Ibid.

377

109. Ibid, pp. 117–118

378

110. Ibid, p. 11.

379

111. Runciman, op. cit, p. 13; Barber, The Cathars, op. cit, p. 10.

380

112. Wellburn, op. cit, p. 149.

381

113. Malcolm Lambert, The Cathars, Blackwell, Oxford, 1998, p. 21.

382

114. See Legge, op. cit, pp. 221–222, 317.

383

115. Runciman, op. cit, p. 15.

384

116. Ibid, pp. 15–16.

385

117. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 29.

386

118. Burl, op. cit, pp. 8–9.

387

119. Legge, op. cit, p. 318; Runciman, op. cit, p. 14.

388

120. Legge, op. cit, p. 320.

389

121. Ibid, pp. 278, 337–338.

390

122. Мы подробно говорили о вере катаров и богомилов в реинкарнацию в гл. 2 и 3; пример манихейской веры в реинкарнацию см. Legge, op. cit, p. 340.

391

123. Legge, op. cit, p. 278.

392

124. Ibid.

393

125. Cited in ibid, p. 315.

394

126. Cited in Wellburn, op. cit, p. 51

395

1. Timothy Freke and Peter Candy, The Jesus Mysteries, Thorsons — Element, London, 2000, p. 266.

396

2. К примеру, действия префекта Синегия в Александрии. См. H. A. Drake, Constantine and the Bishops: The Politics of Intolerance, Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 2000, pp. 403–404,416.

397

3. Ibid., p. 408.

398

4. Ibid., p. 416.

399

5. Elaine Pagels, The Gnostic Gospels, Penguin, London, 1990, pp. 13–15.

400

6. Ibid, p. 16.

401

7. Ibid.

402

8. Cited in Pagels, op. cit., p. 16.

403

9. Ibid., p. 16.

404

10. James M. Robinson (ed.), The NagHammadi Library, E. J. Brill, Leiden and New York, 1988, pp. 73–89. Не все ученые признают, что имеется в виду «Организация» в смысле тайного общества.

405

11. Ibid., p. 85.

406

12. Ibid., pp. 121–122.

407

13. Ibid., p. 119.

408

14. Ibid., p. 387.

409

15. Ibid., p. 159.

410

16. Kurt Rudolph, Gnosis: The Nature and History of Gnosticism, Harper, San Francisco,1987, p. 116.

411

17. Robinson, op. cit., p. 194. Ср. с Посланием к Ефесянам 6,12.

412

18. See discussion in Francis Legge, Forerunners and Rivals of Christianity from 330 BC to 330 AD, University Books, New York, 1965, vol. II, p. 21.

413

19. Normandi Ellis, Awakening Osiris: The Egyptian Book of the Dead, Phanes Press, Grand Rapids, 1988, p. 84.

414

20. Chas S. Clifton (ed.), Encyclopaedia of Heresies and Heretics, ABC–Clio, Santa Barbara, 1992, p. 50.

415

21. Robinson, op. cit., pp. 184, 165.

416

22. Ibid, p. 185.

417

23. Ibid., p. 166.

418

24. Ibid, p. 352.

419

25. Ibid, p. 165.

420

26. Ibid, p. 340.

421

27. Joscelyn Godwin, Mystery Religions in the Ancient World, Thames and Hudson, London, 1981, p. 84.

422

28. Ibid., p. 84.

423

29. Steven Runciman, The Medieval Manicbee: A Study of Christian Dualist Heresy, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 173.

424

30. Ibid, p. 164.

425

31. Ibid, p. 173: «Есть одна характеристика любой дуалистической религии: для того чтобы избежать порочности своего физического тела, человек должен стремиться к самой возвышенной духовности. Это достигается благодаря гнозису, опыт которого может быть получен при ритуале посвящения. Для ранних христиан таковым посвящением был обряд крещения, который часто откладывался до конца жизни. Эта традиция клонилась к упадку в католической церкви по мере того, как обряду конфирмации придавалось все более важное

значение… Однако гностики сохранили древний обычай, поскольку гнозис для них был главной ценностью».

426

32. *Encyclopaedia of Heresies and Heretics,* pp. 101–102.

427

33. Roelof van den Broeck, writing in Roelof van den Broek and Wouter Hanegraff (eds.), Gnosis and Hermetism from Antiquity to Modern Times, State University of New York Press, Albany, 1998, p. 96.

428

34. Janet Hamilton and Bernard Hamilton, Christian Dualist Heresies in the Byzantine World C.650–1405, Manchester University Press, Manchester, 1998, p. 2.

429

35. *Gnosis and Hermetism,* p. 102.

430

36. Runciman, op. cit, p. 7.

431

37. Legge, op. cit, p. 313; Runciman, op. cit, p. 7.

432

38. Legge, op. cit, p. 221.

433

39. Ibid, p. 207.

434

40. Drake, op. cit, p. 91; F. L. Cross and E. A. Livingstone (eds.), The Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford University Press, Oxford, 1988, p. 1108.

435

41. Freke and Gandy, op. cit, p. 277.

436

42. Ibid.

437

43. Tacitus, Annals, 15, 44:2–8, cited in Ken Curtis and Carsten Peter Thiede (eds.), From Christ to Constantine: The Trial and Testimony of the Early Church, Christian History Institute, Worcester, Pennsylvania, 1991, p. 50.

438

44. Freke and Gandy, op. cit, p. 278.

439

45. Drake, op. cit, p. 142; see also p. 164.

440

46. Diocletian, cited in Drake, op. cit, p. 142.

441

47. Freke and Gandy, op. cit, p. 278.

442

48. Eusebius, in*From Christ to Constantine,* p. 60.

443

49. *Oxford Dictionary of the Christian Church*, p. 338.

444

50. Drake, op. cit, p. 403.

445

51. Ibid. Следующий закон, изданный в 392 году, запрещал отправление любых нехристианских культов, включая поклонение домашним божествам. Другой закон лишал служителей старых культов их общественных полномочий и привилегий.

446

52. Ibid, p. 237.

447

53. Ibid.

448

54. In Eusebius, Life of Constantine, cited in Drake, op. cit, p. 389.

449

55. Вероятно, следует считать любопытным совпадением, что эти «новатиане» были также известны как катары, или «чистые». См. Eusebius, Life of Constantine, Clarendon Press, Oxford, 1999, Commentary on Book III, p. 307.

450

56. Ibid, Book III, pp. 151–153.

451

57. Drake, op. cit, p. 349.

452

58. Ibid, p. 349.

453

59. Ibid, p. 403.

454

60. Ibid, p. 420.

455

61. Ibid.

456

62. Ibid, p. 483.

457

63. Zoe Oldenbourg, Massacre at Montsegur; Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, p. 28.

458

64. Он был отвергнут императором Грацианом (367–383); see Drake, op. cit, p. 403.

459

65. Drake, op. cit, pp. 402–403;*Oxford Dictionary of the Christian Church,* p. 1108.

460

66. Irenaeus, cited in Pagels, op. cit, p. 68.

461

67. Freke and Gandy, op. cit, pp. 299–300.

462

68. Second Treatise of the Great Seth, in Robinson, op. cit, pp. 366–367.

463

69. Drake, op. cit, pp. 347–348.

464

70. Ibid, p. 350.

465

71. Ibid, pp. 402–403.

466

72. Freke and Gandy, op. cit, p. 300.

467

73. Drake, op. cit, p. 404.

468

74. Legge, op. cit, vol. II, p. 21.

469

75. *Encyclopaedia Britannica,* 15th edn, London, 1991,*Micro — paedia,* 10:447.

470

76. Drake, op. cit, pp. 401, 404.

471

77. E. M. Forster, Alexandria: A History and a Guide, Peter Smith, Gloucester, Mass, 1968, pp. 55 and 160.

472

78. Ibid, pp. 55 and 160.

473

79. Drake, op. cit, p. 404.

474

80. Ibid.

475

81. Freke and Gandy, op. cit, p. 299.

476

82. The Nag Hammadi Library, Introduction, p. 20.

477

83. Ibid, p. 20.

478

84. Ibid.

479

85. Socrates Scholasticus, Ecclesiastical History, http://cosmopolis.com/ Alexandria/hypa-tia-bio-socrates.html.

480

86. Ibid.

481

87. Ibid.

482

88. From John, Bishop of Nikiu, ibid.

483

89. Pagels, op. cit, p. 93.

484

90. Runciman, op. cit, p. 18: «При Мани гностический дуализм достиг расцвета… Манихейство вобрало в себя основную массу тех, кто придерживался гностических убеждений».

485

91. Hamilton and Hamilton, op. cit. p. 2; Malcolm Barber, The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages, Longman, London, 2000, p. 12.

486

92. Hamilton and Hamilton, op. cit, p. 4; Barber, op. cit, p. 12.

487

93. Andrew Wellburn, Mani, the Angel and the Column of Glory: An Anthology of Manichean Texts, Floris Books, Edinburgh, 1998, p. 35. Legge, op. cit, vol. II, p. 356.

488

94. Ibid.

489

95. Более подробную дискуссию об инквизиции см. в главе 7

490

1. Cited in Aubrey Burl, Gods Heretics: The Albigensian Crusade, Sutton Publishing, Stroud, 2002, p. 66.

491

2. Second Treatise of the Great Seth, in James M. Robinson (ed.), The Nag Hammadi Library, E. J. Brill, Leiden and New York, 1988, p. 367. See also discussion by Roger A. Bullard and Joseph A. Gibbons, p. 362.

492

3. Ibid, p. 367. See also discussion by Roger A. Bullard and Joseph A. Gibbons, p. 362.

493

4. Ibid, p. 367. See also discussion by Roger A. Bullard and Joseph A Gibbons, p. 362.

494

5. Ibid, pp. 366–367, 362.

495

6. Дискуссию о верованиях катаров и богомилов см. в главах 2 и 3.

496

7. Robinson, op cit, p. 365.

497

8. Ibid, p. 362.

498

9. For example, Henry Chadwick, The Early Church, Penguin, London, 1993.

499

10. Ibid, p. 43.

500

11. Ibid.

501

12. Ibid.

502

13. Ibid.

503

14. Ibid, p. 42.

504

15. Ibid, p. 43.

505

16. Ibid.

506

17. Ibid, p. 42.

507

18. Ibid, p. 45.

508

19. Cited in Zoe Oldenbourg, Massacre atMontsegur, Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, pp. 199–200.

509

20. Ibid, p. 4.

510

21. Ibid, pp. 4–5.

511

22. Ibid, p. 5.

512

23. Cited in Malcolm Barber, The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages, Longman, London, 2000, p. 107; Oldenbourg, op. cit, p. i.

513

24. Chanson, cited in Oldenbourg, op. cit, p. 6.

514

25. Ibid, p. 8.

515

26. Ibid, pp. 11–12.

516

27. Ibid, pp. 12, 102–109.

517

28. Ibid, p. 104; Burl, op. cit, p. 35; Stephen O'Shea, The Perfect Heresy: The Life and Death of the Cathars, Profile Books, London, 2001, p. 71.

518

29. Oldenbourg, op. cit, p. 107;

519

30. Burl, op. cit, p. 36; Oldenbourg, op. cit, p. 106; O'Shea, op. cit, pp. 71–72.

520

31. Oldenbourg, op. cit, p. 106.

521

32. Burl, op. cit, p. 36; O'Shea, op. cit, p. 71.

522

33. Burl, op. cit, p. 34.

523

34. Elaine Pagels, The Gnostic Gospels, Penguin, London, 1990, pp. 15, 50–51.

524

35. F. L Cross and E. A. Livingstone (eds.), The Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford University Press, Oxford, 1988, p. 884.

525

36. O'Shea, op. cit, p. 80; *Oxford Dictionary of the Christian Church,* p. 884.

526

37. O'Shea, op. cit, p. 80.

527

38. Oldenbourg, op. cit, p. 107.

528

39. Ibid.

529

40. Ibid, pp. 111–112.

530

41. Cited in O'Shea, op. cit, p. 83.

531

42. Cited in Oldenbourg, op. cit, p. 114.

532

43. Cited in Burl, op. cit, p. 44.

533

44. Oldenbourg, op. cit, p. 116; O'Shea, op. cit, p. 84; Burl, op. cit, p. 44.

534

45. Burl, op. cit, pp. 42–46; O'Shea, op. cit, p. 85; Oldenbourg, op. cit, pp. 115–116.

535

46. O'Shea, op. cit, p. 86.

536

47. Cited in Burl, op. cit, p. 46.

537

48. O'Shea, op. cit, p. 85; Burl, op. cit, pp. 44–45.

538

49. Cited in Burl, op. cit, p. 45.

539

50. Cited in O'Shea, op. cit, p. 87.

540

51. Oldenbourg, op. cit, p. 119.

541

52. Cited in Burl, op. cit, p. 4

542

1. Arthur Guirdham, The Great Heresy: the History and Beliefs of the Cathars, C. W. Daniel Company Ltd, Saffron Walden, 1993, p. 71.

543

2. Malcolm Barber, The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages, Longman, London, 2000, p. 3; Zoe Oldenbourg, Massacre at Montsegur, Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, pp. 128–129.

544

3. Stephen O'Shea, The Perfect Heresy: The Life and Death of the Cathars, Profile Books, London, 2001, p. 109.

545

4. Oldenbourg, op. cit, p. 136.

546

5. Jonathan Sumption, TheAlbigensian Crusade, Faber and Faber, London, 1999, p. 227.

547

6. Cited in Oldenbourg, op. cit, p. 138.

548

7. Cited in O'Shea, op. cit, p. 115.

549

8. Ibid, p. 116.

550

9. Cited in Oldenbourg, op. cit, p. 141.

551

10. Ibid, p. 149; O'Shea, op. cit, p. 131.

552

11. Chanson, cited in Oldenbourg, op. cit, p. 149.

553

12. Ibid.; O'Shea, op. cit, p. 131.

554

13. Oldenbourg, op. cit, p. 149.

555

14. Ibid, pp. 166–167; Barber, op. cit, p. 3.

556

15. Oldenbourg, op. cit, pp. 166–169.

557

16. Barber, op. cit, pp. 130–131; Oldenbourg, op. cit, p. 198.

558

17. Chanson, cited in Oldenbourg, op. cit, p. 198.

559

18. Ibid, p. 202.

560

19. Cited in ibid.

561

20. See ibid, pp. 204–207.

562

21. Ibid, p. 233.

563

22. Ibid, p. 234.

564

23. O'Shea, op. cit, p. 178.

565

24. Ibid, pp. 176–177.

566

25. Ibid, p. 181.

567

26. Ibid, pp. 184–185.

568

27. Ibid, pp. 185–187.

569

28. Ibid, p. 187.

570

29. Oldenbourg, op. cit, pp. 251, 267.

571

30. Barber, op. cit, p. 142.

572

31. Oldenbourg, op. cit, p. 234.

573

32. Cited in ibid, p. 237.

574

33. Ibid, p. 236.

575

34. Ibid, pp. 237–238.

576

35. Ibid, p. 239.

577

36. Ibid, p. 246.

578

37. Cited in Barber, op. cit, p. 143.

579

38. Ibid.

580

39. Ibid.

581

40. Все указы в переводах Зоэ Ольденбург, op. cit, pp. 269–271 and Appendix D: *Repressive measures and decrees promulgated against the Cathars by Councils between 1179 and 1246.*

582

41. Ibid, p. 269.

583

42. O'Shea, op. cit, p. 151.

584

43. Cited in Rene Weis, The Yellow Cross: The Story of the Last Cathars, 1290–1329, Alfred A. Knopf, New York, 2001, p. 12.

585

44. Ibid, p. 12.

586

45. Oldenbourg, op. cit, p. 278.

587

46. Barber, op. cit, p. 146.

588

47. Ibid, p. 147.

589

48. Ibid.

590

49. Ibid.

591

50. Oldenbourg, op. cit, p. 284.

592

51. Malcolm Lambert, The Cathars, Blackwell, Oxford, 1998, p. 139.

593

52. Aubrey Burl, Gods Heretics: The Albigensian Crusade, Sutton Publishing, Stroud, 2002, p. 187.

594

53. Lambert, op. cit, p. 139.

595

54. Cited in ibid.

596

55. Cited in Oldenbourg, op. cit, p. 291.

597

56. Ibid.

598

57. Cited in ibid.

599

58. Joseph R. Strayer, The Albigensian Crusades, The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1995, p. 149.

600

59. Oldenbourg, op. cit, p. 291.

601

60. O'Shea, op. cit, p. 192.

602

61. Cited in Lambert, op. cit, p. 138; Oldenbourg, op. cit, p. 291.

603

62. Lambert, op. cit, p. 139.

604

63. Cited in Burl, op. cit, p. 188.

605

64. Oldenbourg, op. cit, p. 286.

606

65. Barber, op. cit, p. 148.

607

66. Cited in ibid, p. 149.

608

67. Cited in ibid.

609

68. Ibid.

610

69. Ibid.

611

70. Oldenbourg, op. cit, p. 300.

612

71. Ibid.

613

72. Ibid, pp. 302–303.

614

73. Ibid.

615

74. Lambert, op. cit, p. 127.

616

75. Oldenbourg, op. cit, p. 306.

617

76. Ibid, p. 286.

618

77. Ibid, p. 290.

619

78. Sumption, op. cit, p. 230; Oldenbourg, op. cit, p. 290; Barber, op. cit, p. 149.

620

79. Cited in Barber, op. cit, p. 149.

621

80. Oldenbourg, op. cit, pp. 289–290.

622

81. Ibid, p. 289.

623

82. Ibid, p. 292.

624

83. Ibid, p. 290.

625

84. Strayer, op. cit, p. 156.

626

85. Oldenbourg, op. cit, p. 295.

627

86. Sumption, op. cit, p. 232.

628

87. Barber, op. cit, p. 154.

629

88. Cited in ibid.

630

89. Cited in Oldenbourg, op. cit, p. 363.

631

90. Cited in Burl, op. cit, p. 207.

632

91. Sumption, op. cit, p. 232.

633

92. Barber, op. cit, pp. 169–170.

634

93. Strayer, op. cit, p. 158.

635

94. Ibid.

636

95. Ibid.

637

96. O'Shea, op. cit, pp. 239–246.

638

97. Sumption, op. cit, p. 235.

639

98. Barber, op. cit, p. 167.

640

99. Janet Hamilton and Bernard Hamilton, Christian Dualist Heresies in the Byzantine World C. 650–1405, Manchester University Press, Manchester, 1998, pp. 276–277.

641

100. Ibid, p. 47.

642

101. Ibid, p. 265.

643

102. Ibid.

644

103. Ibid, pp. 54–55.

645

104. Steven Runciman, The Medieval Manichee: A Study of Christian Dualist Heresy, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 114.

646

105. Ibid, p. 115.

647

106. Lambert.

648

1. See James M. Robinson (ed.), The Nag Hammadi Libraiy, E. J. Brill, Leiden and New York, 1988, Asclepius, p. 330 ff.

649

2. F. L. Cross and E. A. Livingstone (eds.), The Oxford Dictionary of the Christian Church, Oxford University Press, Oxford, 1988, p. 1100.

650

3. W. K. C. Guthrie,*A History of Greek Philosophy IV: Plato: The Man and his Dialogues, Earlier Period,* Cambridge University Press, Cambridge, 1998, p. 22.

651

4. Ibid, p. 23.

652

5. Francis Legge, Foremnners and Rivals of Christianity from 330 BC to 330 AD, University Books, New York, 1965, vol. II, pp. 92–93.

653

6. Cited in Timothy Freke and Peter Gandy, The Jesus Mysteries, Thorsons-Element, London, 2000, p. 141.

654

7. Elaine Pagels, The Gnostic Gospels, Penguin, London, 1990, p. 62.

655

8. E. M. Forster, Alexandria: A History and a Guide, Peter Smith, Gloucester, Mass, 1968, p. 68.

656

9. Freke and Gandy, op. cit, p. 155.

657

10. См. главы 2 и 7.

658

11. Margaret Starbird, The Woman with the Alabaster Jar: Mary Magdalen and the Holy Grail, Bear and Company, Rochester, Vermont, 1993, p. 75.

659

12. См. главы 2, 6 и 7. См. также: Zoe Oldenbourg,*Massacre at Montsegur,* Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, pp. 269–271, and Appendix D:*Repressive measures and decrees promulgated against the Cathars by Councils between 1179 and 1246.*

660

13. Christopher Hibbert, The House of Medici: Its Rise and Fall, Morrow Quill, New York, 1980, pp. 35–36.

661

14. Ibid, p. 63.

662

15. Cited in ibid.

663

16. Ibid. p. 68.

664

17. R. A. Schwaller de Lubicz, Sacred Science, Inner Traditions, New York, 1982, p. 274.

665

18. Платон, «Тимей», 22A.

666

19. Lubicz, op. cit, pp. 279–286.

667

20. Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press, Chicago and London, 1991, p. 12.

668

21. Ibid, p. 13.

669

22. By Johannes Gutenberg in C. 1450 in Germany.

670

23. Yates, op. cit, p. 3.

671

24. Roelof van den Broek and Cis van Heertum (eds.), From Poimandres to Jacob Bohme, In de Pelikaan Press, Amsterdam, 2000, p. 372.

672

25. В западном, а также в восточном оккультизме и мистицизме существует вера в то, что «божественные посланцы», такие, как египетский Тот, греческий Гермес, римский Меркурий, еврейский пророк Енох, христианский архистратиг Михаил и исламский Идрис, являлись воплощениями одной и той же божественной сущности. See Frances Yates, op. cit, p. 48. See also Freke and Gandy, op. cit, p. 222, and chap. 9, n. 46. For the assimilation of Enoch to Idris and Hermessee also Jean Daresse, The Secret Books of the Egyptian Gnostics, Inner Tradition, Vermont, 1986, p. 315.

673

26. *From Poimandres to Jacob Bohme,* p. 373.

674

27. Ibid, p. 374.

675

28. St Augustine, City of God, XVIII, 19.

676

29. *From Poimandres to Jacob Bohme,* p. 377.

677

30. Yates, op. cit, p. 42.

678

31. Ibid, p. 43.

679

32. Ibid.

680

33. Ibid.

681

34. Ibid, p. 39.

682

35. Ibid, p. 37, fn. 5.

683

36. Ibid, p. 86.

684

37. Ibid, p. 88.

685

38. Ibid, p. 89.

686

39. Ibid, p. 94.

687

40. Ibid, p. 95.

688

41. Frances Yates, The Occult Philosophy in the Elizabethan Age, Routledge & Kegan Paul, London, 1979, p. 22.

689

42. Christopher Mcintosh, The Rosicrucians, Samuel Weiser, York Beach, 1997 edn, p. 7.

690

43. Yates, Giordano Bruno, p. 112.

691

44. Ibid, p. 114.

692

45. Erik Iversen, The Myth of Egypt and its Hieroglyphs in European Tradition, GEC GAD Publishers, Copenhagen, 1961, p. 62.

693

46. Ibid.

694

47. Ibid, p. 63.

695

48. Ibid.

696

49. Yates, Giordano Bruno, p. 115.

697

50. Ibid, p. 49.

698

51. Ibid, pp. 49–50.

699

52. Более подробный обзор см. Robert Bauval, Secret Chamber, Arrow, 2000, p. 163 ff.

700

53. Attallah translation, Oourboros Press, 2002; Pingree tran slation as informed by Elizabeth Witchall, the Warburg Insititute, August 2001.

701

54. Yates, Giordano Bruno, p. 49.

702

55. Bauval, op. cit, pp. 168–169.

703

56. Selim Hassan, Excavations at Giza vol. VI — Part 1Government Press, Cairo, 1946, p. 45; Хассан приводит цитату из географического словаря «Moagam el Buldan» by Yakut El Hamwi, vol. VIII (Cairo Edition), p. 457: «Сабеяне совершали паломничество к обеим (пирамидам)».

704

57. Frances Yates, Giordano Bruno, pp. 211–214.

705

58. Brian P. Copenhaver (trans.),*Hermetica: The Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a New English Translation with Notes and Introduction,* Cambridge University Press, Cambridge, 1997, pp. 81–82.

706

59. Ibid.

707

60. Yates, Giordano Bruno, pp. 55–56.

708

61. Ibid, p. 52.

709

62. Ibid, p. 56.

710

63. Copenhaver, op. cit, p. 81.

711

64. Sir Walter Scott (trans.),*Hermetica: The Ancient Greek and Latin Writings which Contain Religious or Philosophic Teachings Ascribed to Hermes Trismegistus,* Shambala, Boston, 1993, excerpt xxiv, pp. 501–503.

712

65. Picatrix, lib. IV, cap. 3; See also Yates, Giordano Bruno, p. 54.

713

66. Yates, Giordano Bruno, p. 55.

714

67. Ibid, p. 128.

715

68. Ibid, p. 54, fn. i.

716

69. Jaromir Malek and John Baines, Cultural Atlas of the World: Ancient Egypt, Stonehenge Press, Alexandria, Virginia, 1991, p. 127.

717

1. E. A. Wallis Budge, The Book of the Dead, Arkana, London and New York, 1985, p. 318.

718

2. Ibid, p. 628.

719

3. Ibid, pp. 492–493.

720

4. Tobias Churton, The Hermetic Philosophy: A Primer; Sabiot Truchon Books, London, 1998, p. 7.

721

5. Sir Walter Scott (trans.),*Hermetica: The Ancient Greek and Latin Writings which Contain Religious or Philosophic Teachings Ascribed to Hermes Trismegistus,* Shambala, Boston, 1993, p. 43.

722

6. Brian P. Copenhaver (trans),*Hermetica: The Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a New English Translation with Notes and Introduction,* Cambridge University Press, Cambridge, 1997, p. lix.

723

7. See discussion in ibid, pp. l viii — lix.

724

8. Churton, op. cit, p. 7.

725

9. See Chapters 5 and 8 above.

726

10. Cited in Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press, Chicago and London, 1991, pp. 55–56.

727

11. R. O. Faulkner (ed.), The Ancient Egyptian Book of the Dead, British Museum Publications, London, 1989, p. 184.

728

12. R. O Faulkner (ed.), The Ancient Egyptian Pyramid Texts, Oxford University Press, Oxford, 1969 (Aris and Phillips reprint), p. 101.

729

13. Cited in Yates, op. cit, p. 394.

730

14. Faulkner, Pyramid Texts, pp. 240–241.

731

15. The Emerald Tablet of Hermes Trismegistus, Evanescent Press, Layton, California, 1988, p. 4.

732

16. Faulkner, Book of the Dead, p. 166.

733

17. Ibid, p. 44.

734

18. Faulkner, Pyramid Texts, pp. 67–68.

735

19. Ibid, p. 138.

736

20. Ibid, p. 227.

737

21. R. O. Faulkner (ed.), The Ancient Egyptian Coffin Texts, Aris and Phillips, Warminster, 1994, vol. I, p. 220.

738

22. Scott, op. cit, p. 181.

739

23. Ibid, p. 337.

740

24. Ibid, pp. 197–199.

741

25. Ibid, p. 241.

742

26. Ibid, p. 249.

743

27. Faulkner, Pyramid Texts, line 748, p. 138.

744

28. Thomas George Allen (trans.), The Book of the Dead or Going Forth by Day, The Oriental Institute of the University of Chicago, Chicago, 1974, p. 155.

745

29. Scott, op. cit., p. 123.

746

30. Ibid., p. 299.

747

31. Ibid, p. 301.

748

32. Ibid.

749

33. Ibid, p. 337.

750

34. Ibid, p. 305.

751

35. Ibid, p. 129.

752

36. Ibid, p. 193.

753

37. Ibid, p. 335.

754

38. Ibid.

755

39. Faulkner, Coffin Texts, vol. I, p. 31, fn 4; and see Allan W. Shorter, The Egyptian Gods: A Handbook, Routledge & Kegan Paul, London, 1981, pp. 85 and 139.

756

40. Faulkner, Coffin Texts, vol. I, p. 186.

757

41. Ibid, vol. I, p. 30.

758

42. Ibid, vol. II, p. 254.

759

43. E. A. Wallis Budge, The Egyptian Heaven and Hell (Book of What is in the Duat), Martin Hopkinson Co, London, 1925, vol. Ill, p. 125.

760

44. Wallis Budge, The Book of the Dead, p. 298.

761

45. Faulkner, Pyramid Texts, p. 294.

762

46. Frances Yates, op. cit, p. 55.

763

47. Scott, op. cit, p. 117.

764

48. Ibid, p. 327.

765

49. Ibid, p. 351.

766

50. Ibid, p. 433.

767

51. Ibid, p. 457.

768

52. Ibid, p. 458.

769

53. Scott, op. cit, p. 429.

770

54. Ibid, p. 383.

771

55. *Vision of Isaiah,* cited in Malcolm Barber, *The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages,* Longman, London, 2000, p. 87.

772

56. Подробное обсуждение и справочный аппарат см. в кн. Robert Bauval and Graham Hancock, Keeper of Genesis (in the US: Message of the Sphinx), Heinemann, London, 1996, pp. 134 ff.

773

57. E. A. Wallis Budge, The Egyptian Heaven and Hell, vol. I, p. 258.

774

58. Ibid, vol. I, p. 240.

775

59. Ibid, vol. I, p. 258.

776

60. Ibid, vol. II, p. 21.

777

61. Ibid, vol. II, p. 39.

778

62. Ibid, vol. II, pp. 38–39.

779

63. Scott, op. cit, p. 419.

780

64. Ibid, p. 307.

781

65. Ibid, pp. 303–305.

782

66. Ibid, p. 295.

783

67. Ibid, pp. 301–303.

784

68. Ibid, p. 305.

785

69. Подробное обсуждение концепции Маат см. в кн. Graham Hancock and Santha Faiia, Heaven's Mirror, Michael Joseph, London, 1998, Chapter 4, pp. 68 ff.

786

70. Cited in E. A. E. Reymond, The Mythological Origin of the Egyptian Temple, Manchester University Press, Manchester, 1969, p. 309.

787

1. Joan Wynne-Thomas, Proud-Voiced Macedonia, Springwood Books, London, 1979, p. 34.

788

2. Геродот, «История», II, стр. 55–56.

789

3. Wynne-Thomas, op. cit, p. 80.

790

4. Геродот, op. cit, II, 42. Известно, что Александр не расставался с «Историей» Геродота во время своих завоевательных походов.

791

5. E. A. Wallis Budge, The Mummy: Funereal Rites and Customs in Ancient Egypt, Senate, London, 1995 edn, p. 64.

792

6. Ahmed Fakhry, Siwa Oasis, American University Press, Cairo, 1982 edn, p. 167.

793

7. Budge, op. cit, p. 64.

794

8. Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», кн. I, разделы xviii и xx.

795

9. Robert G. Bauval, «Investigations on the Origin of the Benben Stone: Was it an Iron Meteorite?» in Discussions in Egyptology, vol. 14, 1989, pp. 5–16.

796

10. Плутарх, «Жизнеописания».

797

11. Плутарх, «Исида и Осирис».

798

12. Jean-Michel Augebert, Les Mystiques du soleil, Robert Laffont, Paris, 1971, p. 144.

799

13. Ibid, p. 161.

800

14. Sydney H. Aufere, «La Couronne d'Isis-Sothis, les Reines du Phare et la Lointaine», in Egypte, Afiique et Orient, 6, Avignon, September 1997, pp. 15–18.

801

15. Плутарх, «Жизнеописания».

802

16. Ahmed Fakhry, op. cit, p. 146.

803

17. Paul Faurc, Alexandre, Fayard, Paris, 1985, p. 146.

804

18. Aristotle, Politics, III, 128зЬ.

805

19. Faure, op. cit, pp. 9, 34. See also Alexandrie Ille siecle avant J. C., Editions Autrement, Paris, Serie Memoires, 19, p. 17.

806

20. Гомер, «Одиссея», кн. IV.

807

21. Геродот, op. cit, II, 111–119.

808

22. Ibid.

809

23. Ibid, 42.

810

24. E. O. James, Le Culte de la Deesse-Mere, Le Mail, 1989, p. 196 (translated as The Cult of the Mother-Goddess, Thames and Hudson, London, I960).

811

25. Sir James Fraser, The Golden Bough, Wandsworth Editions, Ware, 1993 edn pp. 383–384.

812

26. Julia Samson, Nefertiti and Cleopatra, Rubicon Press, London, 1985, p. 127.

813

27. Bernard Mathieu, «Le Phare d'Alexandrie», in Egypte, Afrique et Orient, 6, Avignon, September 1997, pp. 9–14.

814

28. E. M. Antoniadi, LAstronomie egyptienne, Gauthier Villars, Paris, 1934, p. 77.

815

29. Aufere, op. cit, pp. 15–18.

816

30. Ibid.

817

31. Ibid.

818

32. Ibid.

819

33. Ibid.

820

34. Cited in Jurgis Baltrusaitis, La Quete dlsis, Flammarion, Paris, 1985, p. 79.

821

35. Ibid.

822

36. Faure, op. cit, p. 479.

823

37. Andre Bernard, Alexandrie la Grande, Hachette, Paris, 1998, p. 66.

824

38. Alexandrie IHe siecle avantJ. G, p. 44.

825

39. Jean-Yves Empereur, Alexandria Rediscovered, British Museum Press, London, 1999, p. 25.

826

40. Bernard, op. cit, p. 66.

827

41. Согласно Плутарху, в ночь перед тем, как родители Александра (Филип Македонский и Олимпиада) заключили свой брак, «Олимпиаде привиделось, что разразился удар грома, и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли.

828

42. Спустя некоторое время после свадьбы Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены: на печати, как ему показалось, был вырезан лев. Все предсказатели истолковывали этот сон в том смысле, что Филиппу следует строже охранять свои супружеские права, но Аристандр из Тельмесса объявил, что Олимпиада беременна, ибо ничего пустого не запечатывают, и что беременна она сыном, который будет обладать отважным, львиным характером». Астрология пользовалась чрезвычайной популярностью в Древней Греции, особенно при македонском дворе, где родился Александр. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что после вторжения Александра в Египет в Александрии была основана астрологическая школа. Здесь вавилонские и древнегреческие представления о небосводе, объединенные с египетскими религиозными верованиями, положили начало современной «гороскопной астрологии» (дисциплина, рассматривающая влияние звезд и планет на земные события и на жизнь людей). Хотя большая часть изысканий была написана на греческом языке, lingua franca той эпохи, многие авторы были не греками, а египтянами. Так был сформирован александрийский тип астрологии, существовавший в последующие столетия. Более подробные комментарии на эту тему см. Nick Campion, Introduction to the History of Astrology, chap. «Mesopotamian Astrology», Holden's A History of Horoscopic Astrology and Hand's Chronology of the Astrology of the Middle East and the West by Period.

829

43. George Hart, A Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses, Routledge & Kegan Paul, London, 1988, p. 28.

830

44. Геродот, op. cit. 111, 28.

831

45. Hart, op. cit, p. 30.

832

46. Ibid, p. 29.

833

47. Lewis Spence, Myths and Legends: Egypt, Bracken Books, London, 1985, p. 285.

834

48. Faure, op. cit, p. 128.

835

49. Ibid, pp. 139–140.

836

50. Геродот, op. cit, II, 42.

837

51. Auguste Mariette, Le Serapeum de Memphis, Paris, 1858.

838

52. Alexandrie Hie siecle avantJ. C., p. 45.

839

53. Robert Bauval, Secret Chamber; Arrow, 2000, p. 47.

840

54. Patrick Boylan, Thoth, the Hermes of Egypt, Oxford University Press, Oxford, 1922, p. 124.

841

55. Ibid, p. 94.

842

56. Bauval, op. cit.

843

57. Christian Jacq, Magic and Mystery in Ancient Egypt; Souvenir Press, London, 1998, p. 19.

844

58. Ibid, p. 15.

845

59. Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press, Chicago and London, 1991, p. 60.

846

60. Jill Kamil, Coptic Egypt, American University Press, Cairo, 1993, p. 15.

847

61. Ibid, p. 16.

848

62. Alan K. Bowman, Egypt After the Pharaons, British Museum Press, London, 1986.

849

63. Ibid.

850

64. Письмо, отправленное Адрианом его шурину, консулу Сервинию, в 134 году н. э. См. также очень серьезную книгу Ах меда Османа по этому предмету: Ahmed Osman, Out of Egypt, Century Books, London, 1999.

851

65. Kamil, op. cit, p. 7.

852

66. Ibid, p. 8.

853

1. Frances Yates, Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century> Routledge & Kegan Paul, London, 1975, p. 184.

854

2. Ibid, p. 83.

855

3. Сабеяне из Багдада (современный Ирак) и Харрана (современная Турция) сохраняли герметические тексты на Востоке в течение долгого времени, пока эти тексты оставались неизвестны на Западе. Тобиас Чартон (Tobias Churton, The Hermetic Philosophy: A Primer, Sabiot Truchon Books, London, 1998, p. 31) отмечает: «Действительно странно, что в то самое время, когда сабеяне исчезли из Багдада, герметические документы, известные как Corpus Iiermeticum, появились в Константинополе после пятисотлетнего перерыва».

856

4. Giordano Bruno, The Expulsion of the Triumphant Beast, перевод со вступительной статьей и комментариями — Arthur D. Imerti, Bison Books, University of Nebraska Press, Lincoln and London, 1992, p. 4.

857

5. Ibid, p. 5.

858

6. Ibid, pp. 5–6.

859

7. Ibid, p. 6.

860

8. Ibid.

861

9. Frances Yates, TheArtofMemoiy, Pimlico Press, London, 1996, p. 197.

862

10. Ibid, p. 198.

863

11. Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press, Chicago and London, 1991, p. 203.

864

12. Ibid.

865

13. Yates, Art of Memory, pp. 212–220; See also Yates, Giordano Bruno, pp. 197–199.

866

14. Hermann Kesten, Copernicus and His World, Roy Publishers, New York, p. 330.

867

15. Yates, Giordano Bruno, p. 204.

868

16. Ibid.

869

17. Ibid.

870

18. Giordano Bruno, La Cena de le ceneri, 1584, dial. 4; See also Yates, Giordano Bruno, p. 207.

871

19. Bruno, op. cit, dial. 5.

872

20. Yates, Giordano Bruno, p. 209.

873

21. Cited in ibid, p. 219.

874

22. Ibid, p. 215.

875

23. Ibid.

876

24. Ibid.

877

25. Giordano Bruno, Spaccio dellaBestia Trionfante (1584), dial. 3; See also Yates, Giordano Bruno, p. 213.

878

26. Yates, Giordano Bruno, p. 223.

879

27. Ibid, p. 215.

880

28. Ibid.

881

29. Ibid, p. 216.

882

30. *Kore Kosmou,* 48; see also Sir Walter Scott (trans.),*Hermetica: The Ancient Greek and Latin Writings which Contain Religious or Philosophic Teachings Ascribed to Hermes Trismegistus,* Shambala, Boston, 1993, p. 485.

883

31. Bruno, Spaccio, dial, i; Yates, Giordano Bruno, pp. 231–232.

884

32. Yates, Giordano Bruno, p. 232.

885

33. *The Corpus Hermeticum, Asclepius,* 27. See Scott, op. cit, p. 361; see also Brian P. Copenhaver,*Hermetica: The Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a New English Translation with Notes and Introduction,* Cambridge University Press, Cambridge, 1997, p. 83.

886

34. Documents della via di Giordano Bruno, a curia di Vincenzo Spamanato, Florence, p. 44; see also Yates, Giordano Bruno, p. 233.

887

35. Dorothea Waley Singer, Giordano Bruno, His Life and Thoughts, Henry Schuman, New York, 1950, chap. 7.

888

36. Giordano*Bruno, De Monade Numero e Figura,* Frankfurt, 1591.

889

37. Yates, Giordano Bruno, pp. 273–274.

890

38. Ibid, p. 360.

891

1. John M. Headley, Tommaso Campanella and the Transformation of the World, Princeton University Press, Princeton, 1997, p. 26.

892

2. Ibid., p. 29.

893

3. Ibid, p. 30.

894

4. Ibid., pp. 30–32.

895

5. Which was then, to complicate matters, under the control of Spain.

896

6. Cited in Headley, op. cit, pp. 34–35.

897

7. Cited in ibid, p. 40.

898

8. Ibid, p. 36.

899

9. Ibid.

900

10. Ibid, p. 38.

901

11. Ibid, p. 3: «… попытка основать идеальное государство, демократическую/теократическую республику, как провозвестницу новой эпохи».

902

12. См. главу 2.

903

13. Headley, op. cit, p. 39.

904

14. Ibid, p. 37.

905

15. Ibid, p. 38.

906

16. Ibid, pp. 38–39.

907

17. Ibid, pp. 45–47.

908

18. Ibid, p. 47.

909

19. Ibid, p. 3.

910

20. Ibid, pp. 47–48.

911

21. Ibid, p. 3.

912

22. Ibid, pp. 47–48.

913

23. Ibid, p. 53.

914

24. Ibid.

915

25. Ibid, pp. 114–117.

916

26. Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press, Chicago and London, 1991, p. 342.

917

27. Jean — Duche, L'Histoire de France racontee a fuliette, Presses Pocket, Paris, 1954, p. 66.

918

28. Ibid.

919

29. Ibid., p. 76.

920

30. GrandLarousse, I960 edn, И, p. 598; см. также Jean Meyer, La Naissance de Louis XIV, Editions Complexe, 1989, pp. 12–13. В последние годы некоторые историки пытались придать «мессианское» значение династии Меровингов через различные мистические связи, включая легендарного франкского короля Фара — мунда (ок. 420 г.), Марию Магдалину, «святой Грааль» и городок Ренн-ле-Шато (см. M. Baigent, H. Lincoln and R. Leigh, The Holy Blood and the Holy Grail, Corgi, London, 1983; L. Gardner, Bloodline of the Holy Grail, Element Books, Shaftesbury, 1996).

921

31. Ian Shaw and Paul Nicholson, British Museum Dictionary of Ancient Egypt, Book Club Associates, London, 1995, pp. 51, 247.

922

32. Jurgis Baltrusaitis, La Quete d'Isis, Flammarion, Paris, 1985, pp. 86–93.

923

33. Duche, op. cit., p. 77.

924

34. Meyer, op. cit., p. 108.

925

35. Yates, op. cit., p. 390.

926

36. Meyer, op. cit., p. 103.

927

37. Frances Yates, «Considerations de Bruno et de Campanella sur la monarchie francaise», Actes du Congres Leonardo de Vinci, Etudes dArt, 8,9 and 10, Paris-Alger, 1954, p. 12.

928

38. Francois Bluche, Louis XIV, Fayard, Paris, 1986, p. 29; also Duche, op. cit., p. 90.

929

39. Расположение ее апартаментов в то время остается не вполне ясным. В 1637 году король жил во дворце Сен-Мор, и, хотя он имел собственные апартаменты в Лувре, его меблировка была перевезена в Сен-Мор, поэтому ночевать он мог только в луврских покоях Анны Австрийской. Разумеется, во дворце было много других комнат, но хроники ясно свидетельствуют, что 5 декабря 1637 года он провел ночь вместе с королевой в ее апартаментах. Нет точных сведений, были ли эти апартаменты расположены в западном крыле (построенном в 1551–1553 году Пьером Ласкотом при Генрихе II) или на первом этаже «Petite Galerie» (построенной в 1566–1567 Шамбиже для Екатерины Медичи). Известно, что Анна Австрийская имела «летние» апартаменты на первом этаже «Petite Galerie», но они были подготов лены для нее в 1655 году, когда ее сын, король Людовик XIV, нанял для их отделки архитектора Лево, который спроектировал Версальский дворец (источник: официальный сайт Лувра и Grand Larousse, 1962, pp. 881–884).

930

40. Meyer, op. cit, p. 112.

931

41. Headley, op. cit, p. 130.

932

42. Ibid.

933

43. Ibid, pp. 130–131.

934

44. L. Firpo, Rivista di Philosofia, 1947, pp. 213–229; see also Yates, Giordano Bruno, p. 394, fn. 1.

935

45. Yates, Giordano Bruno, p. 390.

936

46. Ibid, p. 366.

937

47. Ibid, p. 387.

938

48. Ibid, p. 369.

939

49. See Chapter 2 above.

940

50. Yates, Giordano Bruno, p. 367.

941

51. Ibid, pp. 367–368.

942

52. Ibid, p. 368.

943

53. Ibid.

944

54. Ibid, p. 369.

945

55. Ibid, p. 370.

946

56. Ibid, p. 369.

947

57. Ibid.

948

58. Ibid, p. 370.

949

59. Ibid.

950

60. Ibid, p. 371.

951

61. Ibid, pp. 55–56.

952

62. Sir Walter Scott (trans.),*Hermetica: The Ancient Greek and Latin Writings which Contain Religious or Philosophic Teachings Ascribed to Hermes Trismegistus,* Shambala, Boston, 1993, pp. 221–222.

953

1. Cited in Frances Yates, The Rosicrucian Enlightenment; Ark Paperbacks, London, 1986, p. 103.

954

2. Cited in ibid, p. 104.

955

3. Ibid., p. 103.

956

4. Ibid., p. 104.

957

5. Ibid.

958

6. Ibid, pp. 30, 238,251.

959

7. Fama, in ibid, p. 239.

960

8. Fama, in ibid, pp. 239–240.

961

9. Fama, in ibid, pp. 240–241.

962

10. Ibid, p. 242.

963

11. Ibid.

964

12. Ibid, pp. 242–243.

965

13. Ibid, p. 243.

966

14. Ibid, p. 246.

967

15. Ibid.

968

16. Ibid, p. 248.

969

17. Ibid, p. 251.

970

18. Ibid, p. 244.

971

19. Confessio in ibid, p. 252.

972

20. Ibid, p. 251.

973

21. Ibid, p. 257.

974

22. Ibid.

975

23. Ibid, p. 258.

976

24. Ibid

977

25. Ibid, p. 259.

978

26. Ibid, pp. 248 and 255.

979

27. Ibid, p. 30.

980

28. Joscelyn Godwin (trans.), The Chemical Wedding of Christian Rosencreutz, with Introduction and Commentary by Adam McLean, Phanes Press, Grand Rapids, Michigan, 1991, Introduction by Adam McLean, p. 7.

981

29. Yates, op. cit, p. 30.

982

30. Godwin, op. cit, p. 10.

983

31. Yates, op. cit, p. 31.

984

32. Ibid, p. 50: «Андреа несомненно присутствовал за кулисами движения [розенкрейцеров], о котором он часто упоминает в своих многочисленных работах».

985

33. Ibid, pp. 30–31.

986

34. Godwin, op. cit, p. 10.

987

35. Полное название — «Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца в 1459 году».

988

36. Ibid, p. 15.

989

37. Electronic Bible Search, Franklin Electronic Bible.

990

38. См. главу 6.

991

39. Godwin, op. cit, p. 15.

992

40. Ibid, p. 16.

993

41. Ibid, p. 107.

994

42. Ibid, pp. 16–17.

995

43. Ibid, pp. 33–34.

996

44. Ibid, pp. 46–48.

997

45. Ibid, p. 80.

998

46. Ibid, p. 102.

999

47. Dr Stephan Holler, in Gnosis: A Journal of the Western Inner Traditions, The Lumen Foundation, San Francisco, summer 1996, p. 26; См. также Godwin, op. cit, p. 145, комментарий Адама Маклина о символике смерти короля и королевы в «Химической свадьбе»: «Физическая смерть есть лишь возрождение в духовном мире, когда существо освобождается от физической оболочки и возвращается к одухотворенному состоянию».

1000

48. Yates, op. cit, p. 57.

1001

49. Ibid, p. 147.

1002

50. Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press; Chicago and London, 1991, pp. 312–313.

1003

51. Ibid, p. 414.

1004

52. Ibid, p. 373.

1005

53. Ibid, p. 367.

1006

54. Ibid, p. 413.

1007

55. Ibid.

1008

56. Ibid.

1009

57. Christopher Mcintosh, The Rosicrucians, Samuel Weiser, York Beach, Maine, 1997, p. 21.

1010

58. Yates, Giordano Bruno, pp. 413–414, fn. 1. Однако в статье «Campanella fra i Rosacroce» (Tommaso Campanella e Tattesa del secolo aureo, Fondazione Luigi Firpo, Florence, 1998, pp. 107–155) Карлос Тилли утверждает, что Тобиас Адами привез в Германию экземпляры рукописи Кампанеллы лишь после 1610 года, когда текст розенкрейцерского манифеста Fama (еще одна работа Андреа) был уже написан. Гилли ссылается на трактат Оле Ворма Laurea philosophica summa, опубликованный в Копенгагене в 1619 году, где автор сообщает, что он знал о розенкрейцерском манифесте в 1611 году, то есть до того, как текст появился в печати; следовательно, идеи Кампанеллы не могли оказать на него влияние. На мой взгляд, это слабый аргумент. Трактат Civitas Soils был написан в 1602 году, и его содержание, если не фактический текст, было известно Андреа и его соратникам еще до составления розенкрейцерского манифеста. Иначе с какой целью Адами рисковал своей жизнью и тайно вывез рукопись из тюрьмы в Неаполе, чтобы передать ее Андреа? И почему Венц предложил Андреа назвать его утопическую книгу «Город Солнца» (Civitas Solis)?

1011

59. J. P. Kenyon, The Stuarts, Fontana, London, 1966, p. 41.

1012

60. Yates, The Rosicrucian Enlightenment, pp. 39–40: «Не может быть сомнений в том, что движение, стоявшее за розенкрейцерскими публикациями, в конечном счете происходило от Джона Ди. Влияние Ди могло распространиться в Германии из Англии через английские связи курфюрста Пфальцского, а также из Богемии, где Ди проповедовал свои мистические и философские воззрения в предыдущие годы…»

1013

61. Ibid., pp. 36–37.

1014

62. Mcintosh, op. cit., p. 24.

1015

63. Yates, *The Rosicrucian Enlightenment,* pp. 134–138.

1016

64. Ibid., p. 19.

1017

65. Joscelyn Godwin, Robert Fludd: Hermetic Philosopher and Surveyor of Two Worlds, Phanes Press, Grand Rapids, Michigan, 1991, p. 11.

1018

66. Отсюда происходит слово «Bohemian», обозначающее бродягу или бездомного человека.

1019

67. Yates, *The Rosicrucian Enlightenment,* p. 178.

1020

1. See Zoe Oldenbourg, Massacre at Montsegur, Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, p. 311.

1021

2. Ibid., p. 78.

1022

3. See Chapters 11 and 12 above.

1023

4. See Chapter 11 above.

1024

5. Fama, cited in Frances Yates, The Rosicrucian Enlightenment, Ark Paperbacks, London, 1986, p. 243.

1025

6. Christopher Mcintosh, The Rosicrucians, Samuel Weiser, York Beach, Maine, 1997, pp. 16–18.

1026

7. Ibid, p. 18.

1027

8. Yates, op. cit, p. 118.

1028

9. Ibid, p. 119.

1029

10. Sir Walter Scott (trans.), *Hermetica: The Ancient Greek and Latin Writings which Contain Religious or Philosophic Teachings Ascribed to Hermes Trismegistus,* Shambala, Boston, 1993, p. 117.

1030

11. Ibid, p. 321.

1031

12. Yates, op. cit, p. 119.

1032

13. Ibid, p. 119.

1033

14. Robert Lomas, The Invisible College, Headline, London, 2001, pp. 71–80,85–86.

1034

15. Fama, cited in Yates, op. cit, p. 243.

1035

16. Mcintosh, op. cit, p. 33.

1036

17. Ibid.

1037

18. Joscelyn Godwin, Robert Fludd: Hermetic Philosopher and Surveyor of Two Worlds, Phanes Press, Grand Rapids. Michigan. 1991, p. 11.

1038

19. Ibid.

1039

20. Yates, op. cit, p. 70.

1040

21. Francis Bacon, New Atlantis, Kessinger Publishing Co. reprint, Kila, Montana, p. 329.

1041

22. Jerry Baker (ed.), New Atlantis and The Great Instauration: Bacon, Harlan Davidson, Arlington Heights, Illinois, 1989, p. XXX.

1042

23. Yates, op. cit, p. 126.

1043

24. Ibid, p. 127.

1044

25. John Heydon, The Holy Guide, London, 1662, sig. B 6 recto; sig…7 recto.

1045

26. Alexander Piatigorsky, Freemasonry, Harvill Press, London, 1997, p. 83.

1046

27. R. W. Bros. Sir James Stubbs, Freemason's Hall, The Library Art and Publication Committee, London, 1983, pp. 53–55.

1047

28. *New Atlantis and The Great Instauration: Bacon,* p. XXV.

1048

29. Scott, op. cit., excerpt XXIV, pp. 501–503.

1049

30. E. A. Wallis Budge, An Egyptian Hieroglyphic Dictionary, Dover Publications, New York, 1978, vol. I, p. 93.

1050

31. Frances Yates, The Occult Philosophy in the Elizabethan Age, Routledge & Kegan Paul, London, 1979, p. 96.

1051

32. Fama, cited in Yates, The Rosicrucian Enlightenment, p. 248.

1052

33. A. Fowler, Spenser and the Numbers of Time, Routledge & Kegan Paul, London, 1964.

1053

34. Yates,*The Occult Philosophy,* p. 95.

1054

35. Angus Fletcher, The Prophetic Moment: An Essay on Spenser, Chicago University Press, Chicago and London, 1971, pp. 157 and 275.

1055

36. 3-я Книга Царств, 9, 24.

1056

37. Ron Heisler, «Michael Maier and England», The Hermetic Journal, 1989.

1057

38. Ibid.

1058

39. Ibid.

1059

40. Donald R. Dickson,*The Tessera of Antilia: Utopian Brotherhoods and Secret Societies in the Early Seventeenth Century,* E. J. Brill, Boston, 1998.

1060

41. Ibid., pp. 114–115.

1061

42. Ibid., p. 121.

1062

43. Piatigorsky, op. cit., p. 38.

1063

44. Fred Pick and G. Norman Knight, The Pocket History of Freemasonry, Frederick Muller, London, 1953, p. 272.

1064

45. Piatigorsky, op. cit., p. 46.

1065

46. Pick and Knight, op. cit., p. 32.

1066

47. Ibid., p. 34.

1067

48. Ibid., p. 35.

1068

49. Lomas, op. cit, chap. 5.

1069

50. Pick and Knight, op. cit, pp. 23 and 43.

1070

51. Yates,*The Rosicrucian Enlightenment,* p. 182.

1071

52. Ibid, p. 183.

1072

53. Ibid.

1073

54. Ibid.

1074

55. Ibid, p. 182.

1075

56. Ibid, p. 177.

1076

57. Ibid, p. 176.

1077

58. Ibid, p. 178.

1078

59. Первое издание в Амстердаме в 1668 году.

1079

60. Yates,*The Rosicrucian Enlightenment,* p. 179.

1080

61. Christopher Falkus, Charles II, Cardinal, London, 1975, p. 21.

1081

62. После Реставрации Карл II назначал принца Руперта командующим разными военно-морскими соединениями в войне с Голландией. В пожилом возрасте Руперт увлекался научными экспериментами и якобы изобрел искусство печати эстампов в технике меццо-тинто.

1082

63. Pick and Knight, op. cit, p. 45. На церемонии «возвышения» Эшмола присутствовал некий лорд Генри Мэйнуоринг, полковник «круглоголовых». По одному из странных поворотов судьбы, которые случаются в человеческой жизни, жена Мэйнуоринга, овдовевшая несколько лет спустя, стала второй женой Элиаса Эшмола в 1649 году.

1083

64. Увлекательное описание этого романа см. в кн. Guy Breton, Histoires damour de I'histoire de France, Presse Pocket, Paris, I960, pp. 14–15.

1084

65. Falkus, op. cit, p. 38.

1085

66. Ibid.

1086

67. Ibid, p. 39.

1087

68. Ibid, p. 46.

1088

69. Ibid, p. 47.

1089

70. Предположительно, он имел довольно смуглый цвет лица.

1090

71. Falkus, op. cit, p. 47.

1091

72. Paul Naudon, Histoire generate de la Franc-Mapnnerie, Office du Livre, Paris, 1981, p. 49.

1092

73. John Lawrence, Free-Masonry: a Religion? Kingsway Publications, Eastbourne, 1987, pp. 92–100.

1093

74. Antonia Fraser, King Charles II, Mandarin, London, 1993, p. 182.

1094

75. Lomas, op. cit., p. 220.

1095

76. Francois Bluche, Louis XIV, Fayard, Paris, 1986, p. 247.

1096

77. К примеру, Джозеф Ритман и его коллеги из розенкрейцерской/герметической библиотеки в Амстердаме. См. The Silent Language: The Symbols of Hermetic Philosophy, In de Pelikaan Press, Amsterdam, 1994.

1097

78. Происхождение многих разновидностей универсалистских или утопических движений в Европе было связано с растущим расколом между папским престолом и пуристскими фракциями христианства, который в итоге привел к протестантской Реформации и католической Контрреформации в середине XVI — начале XVII века. Мало кто сознавал опасность этого раскола лучше, чем кардинал Ришелье, заведовавший не только религиозными, но и государственными делами во Франции. Хотя при французском дворе преобладали католики, особенно после бракосочетания Людовика XIII и Анны Австрийской, хорошо известно, что одним из самых амбициозных замыслов Ришелье было окончание тройственной гегемонии папства, Габсбургов и Испании в Центральной Европе. В первые годы своего служения Ришелье изумил всех своей беспощадной решимостью, предприняв стремительную военную акцию против папских войск в швейцарском кантоне Орисон. Он недвусмысленно предупредил тех, кто тешил себя иллюзией, будто Ришелье является стойким защитником римского католицизма и Католической лиги. Самое серьезное политическое испытание для него наступило в 1630 году, когда королева-мать, ревностная католичка Мария Медичи, побудила своего слабовольного сына Людовика XIII избавиться от Ришелье. Проявив нехарактерную для него решимость, Людовик XIII отказался подчиниться матери и вместо этого отдалил ее от двора. Это судьбоносное решение изменило ход французской истории и прославилось как «Ночь обмана» в честь политической дальновидности Ришелье, сумевшего обмануть одну из самых хитроумных и могущественных женщин того времени.

Ришелье удивлял многих непостоянством в зарубежной политике: с одной стороны, он жестоко подавлял гугенотские восстания (такие, как в Ла-Рошели, где гугеноты объединились с английскими протестантами в 1628 году), а с другой стороны, проявлял такую же беспощадность по отношению к Католической лиге — к примеру, в 1635 году, когда Франция выступила на стороне протестантов в Тридцатилетней войне. Такие поступки обеспечили ему ненависть католических и протестантских экстремистов и привели к непрекращающемуся конфликту с папским престолом. Ришелье, обладавший огромным состоянием, был щедрым покровителем искусств и сам неплохо музицировал и даже писал драматургические произведения.

Французская академия, которую он основал в возрасте 53 лет, была его достоянием и гордостью. Мог ли Ришелье в определенной степени симпатизировать новому «христианскому» движению, такому, как движение розенкрейцеров, стремившихся к всемирной реформе? Поощрял ли он отдельных личностей, таких, как Декарт, к учреждению сходного общества во Франции для пропаганды «натурфилософии» в противовес религиозному фанатизму, охватившему Европу? Это спорные и умозрительные вопросы, которые тем не менее требуют дополнительного расследования.

1098

79. Frances Yates, «Considerations de Bruno et de Campanella sur la monarchic francaise», Actes du Congres Leonardo de Vinci, Etudes dArt, 8, 9 and 10, Paris-Alger, 1954, p. 12.

1099

80. Lomas, op. cit, pp. 114–116.

1100

81. Она умерла через год после свадьбы, в январе 1653 года, родив мертвого ребенка. Сердце Морэя было разбито, и с тех пор он больше не женился.

1101

82. Данные из California Freemason on-line: October 2001, «The First Initiation on English Soil».

1102

83. Yates, *The Rosicrucian Enlightenment,* p. 185.

1103

84. Dudley Wright, «The First Initiation», in The Builder, 1921.

1104

85. Lomas, op. cit., p. 250. Подробности о Престоне см. Pick and Knight, op. cit., p. 97.

1105

86. Adrian Tinniswood, His Invention so Fertile: A Life of Christopher Wren, Jonathan Cape, London, 2001, p. 108.

1106

87. Ibid., p. 109.

1107

88. Возможно, это была та же самая комета после ее прохода за солнцем; см. Tinniswood, op. cit., p. 112.

1108

89. Ibid., p. 115.

1109

90. Fraser, op. cit., p. 237.

1110

91. Lomas, op. cit., chap. 2.

1111

92. Pick and Knight, op. cit., pp. 50–51.

1112

93. Piatigorsky, op. cit., p. 209; Jasper Ridley, The Freemasons, Constable & Co., London, 1999, p. 23; Williamson and M. Baigent, «Sir Christopher Wren and Freemasonry: New Evidence», in AQC, vol. CIX, pp. 188–190.

1113

94. Pick and Knight, op. cit., pp. 68–70.

1114

95. Ibid., p. 69.

1115

96. Историю ватиканского обелиска см. в кн. Christopher Hibbert, Rome: The Biography of a City, Penguin, London, 1985, pp. 175–178. See also E. A. Wallis Budge, Cleopatra's Needle and other Egyptian Obelisks, Dover Publications, New York, 1990 edn, pp. 255–257; also Labib Habachi, The Obelisks of Egypt: Skyscrapers of the Past, American University Press, Cairo, 1984, p. 131.

1116

97. В наши дни можно совершить экскурсию по церквям и площадям Рима, пользуясь в качестве ориентиров обелисками меньшего размера: пьяцца Сан-Джованни (32,18 м), пьяцца Сан — Пьетро (25,37 м), пьяцца дель Пополо (23,20 м), Монте-Ситорио (21,79 м), пьяцца Навона (16,54 м), пьяцца дель Эсквилино (14,75 м), пьяцца дель Квиринале (14,64 м), пьяцца делла Минерва (13,91 м), Монте-Пицио (9,25 м), пьяцца делла Ротонда (6,34 м) и Вилла Селимонтана (2,68 м).

1117

98. Плиний, «Естественная история», xxxvi, II. См. также Budge, Cleopatra's Needle and other Egyptian Obelisks, p. 255.

1118

99. Jaromir Malek and John Baines, Cultural Atlas of the World: Ancient Egypt, Stonehenge Press, Alexandria, Virginia, 1991, pp. 173–174.

1119

100. Hibbert, op. cit, p. 355.

1120

101. A. M. Partini and B. de Rachewiltz, Roma Egizia, Edizione Mediterranee, Rome, 1999, pp. 105–106.

1121

102. Базилика была освящена в 1626 году, через 1300 лет после первой церемонии освящения при императоре Константине. Труд Микеланджело, умершего до завершения работ, продолжили Жиакомо делла Порта и Доменико Фонтана. Сооружение нового фасада под руководством Карло Мадерно началось в 1607 году и закончилось в 1614 году. В 1650–1667 годах Бернини построил знаменитую площадь с колоннадой и обелиском в центре.

1122

103. Paul Johnson, The Papacy, Orion, London, 1998, p. 154.

1123

104. По указанию Сикста V Доменико Фонтана переместил обелиск и воздвиг его перед входом в базилику Св. Петра. Эта работа заняла около одного года. Фонтана пользовался традиционными методами; единственным новшеством по сравнению с древними египтянами были лошади вместо обычной рабочей силы. На первый взгляд, папа руководствовался желанием придать площади более совершенный эстетический облик, но более глубокой целью была демонстрация растущей власти папского престола, уподобившейся древним римлянам, которые привезли эти египетские трофеи в Рим более 1600 лет назад. Действительно, перемещение обелиска на новое место имело важное значение для архитектурного ансамбля базилики, но этим актом Сикст V проводил явную аналогию между римскими императорами и папством. Подобно фараонам и императорам, Сикст V наделил Фонтану чрезвычайными полномочиями для распоряжения рабочей силой, орудиями и любыми материалами, необходимыми для воздвижения гигантского обелиска. Фонтана также получил от папы разрешение на снос любых зданий, которые могли помешать транспортировке. На завершающем этапе работ Сикст V отдал строгий приказ, чтобы огромная толпа зрителей, собравшихся посмотреть на установку монумента, хранила полное молчание. Нарушение этого приказа каралось смертью. По преданию, один из канатов, удерживавших обелиск, мог вот — вот лопнуть под огромной нагрузкой, поэтому один генуэзский моряк храбро нарушил приказ папы и крикнул: «Лейте воду на веревки!» Возможно, благодаря ему монумент был спасен от разрушения. После того как обелиск был надежно установлен на новом месте, зрителям наконец было позволено выразить свое ликование.

1124

105. Бернини также получил подряд на сооружение знаменитой статуи слона с египетским обелиском на спине, стоящей на пьяцца делла Минерва. За много столетий до этого в районе вокруг церкви Санта-Мария сопра Минерва (Santa Maria sopra Minerva) находилось три языческих храма: Минервум, построенный Гнеем Помпеем в 692 году в честь богини Минервы, Исеум, посвященный Исиде, и Серапеум, посвященный Серапису (греческому Осирису). Обелиск на слоне появился под влиянием трактата Франческо Колонны Hypnerotomachia (1546), курьезной диссертации о псевдоегипетских иероглифах. (См. J. M. Humbert, LEgyptomanie dans Van occidental, ACR, Paris, 1989, p. 13.)

1125

106. Название Champs-Elysees, т. е. Елисейские Поля (концепция, известная в Древнем Египте под названием Дуат), для главного проспекта «исторической оси» Парижа можно проследить до эпохи Людовика XIV, ближе к концу его правления (см. Marc Gaillard, Les Belles Heuresdes Champs-Elysees, Editions Martelle, Paris, 1990, p. 11). Эта знаменитая улица также известна под названием Axe Historique.

1126

107. Gaillard, op. cit., pp. 10–11.

1127

108. Marie-France Arnold, Paris: ses mythes dhier a aujour dhui, Editions Dervy, Paris, 1997; see Map and Preface. See also Jean Phaure, Introduction a la geographie sacreede Paris: Barque d'Isis, Editions Du Borrego, Paris, 1985, pp. 20–21.

1128

109. Tinniswood, op. cit., p. 122.

1129

110. Ibid., pp. 125–126.

1130

111. Ibid., p. 137.

1131

112. London Gazette, 3–10 September 1666.

1132

113. 20 сентября 1666 года по юлианскому календарю = 30 сентября 1666 года по григорианскому календарю = 1 mumpu 5427 года по еврейскому календарю.

1133

114. Fraser, op. cit., p. 248.

1134

1. Планы, представленные некоторыми другими архитекторами, имели гораздо менее важное значение; см. Adrian Tinnis — wood, His Invention so Fertile: A Life of Christopher Wren, Jonathan Cape, London, 2001, p. 151.

1135

2. Tinniswood, op. cit, p. 150.

1136

3. William of Tyre, A History of Deeds Done beyond the Sea, Octagon Books, New York, 1986, vol I, pp. 524–525.

1137

4. См. Коран, глава XVII.

1138

5. Graham Hancock, *The Sign and Seal: A Quest for the Lost Ark of the Covenant,* Heinemann, London, 1992, pp. 379–380.

1139

6. Ibid, p. 385.

1140

7. Hancock, op. cit, pp. 389 ff.

1141

8. Ibid, p. 94.

1142

9. Dan Bahat, Carta's Historical Atlas of Jerusalem, Carta, Jerusalem, 1986, p. 46.

1143

10. Ibid, pp. 46–47.

1144

11. Hancock, op. cit, p. 93.

1145

12. John J. Robinson, Born in Blood: The Lost Secrets of Freemasonry, Century, London, 1989, p. 66.

1146

13. Hancock, op. cit, p. 93.

1147

14. Zoe Oldenbourg, Massacre at Montsegur, Weidenfeld and Nicolson, London, 1997, p. 85.

1148

15. Stephen O' Shea, The Perfect Heresy: The Life and Death of the Cathars, Profile Books, London, 2001, p. 29.

1149

16. Malcolm Barber, The Cathars: Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages, Longman, London, 2000, p. 61: «Для тамплиеров и госпитальеров Лангедок был одним из главных источников дохода и новых рекрутов… В 1130-е годы тамплиеры назначали регионального командора, или бальи, в Арагоне, Тулузе и Провансе, который осуществлял надзор за новыми прецепториями, создаваемыми в этом регионе».

1150

17. Alain Demurger, Vie et mort du Temple, Editions du Seuil, Paris, 1989, pp. 152–158.

1151

18. Он был отвоеван в 1967 году, когда израильская армия под командованием Моше Даяна аннексировала Иерусалим.

1152

19. Hancock, op. cit., p. 154.

1153

20. Demurger, op. cit., p. 322.

1154

21. Robinson, op. cit., pp. 142–143.

1155

22. Michael Baigent and Richard Leigh, The Temple and the Lodge, Arrow, London, 2000, p. 91.

1156

23. Hancock, op. cit., p. 167.

1157

24. Подробное описание см. Baigent and Leigh, op. cit.

1158

25. Hancock, op. cit., p. 166.

1159

26. Andrew Sinclair, The Sword and the Grail, Crown Publishers, New York, 1992.

1160

27. Ibid., pp. 48–49.

1161

28. Ibid., plates section.

1162

29. Sinclair, op. cit., p. 108.

1163

30. Ibid., p. 75.

1164

31. Ibid.

1165

32. Steven Runciman, The Medieval Manichee: A Study of Christian Dualist Heresy, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 179.

1166

33. Gaetan Delaforge, The Templar Tradition, Threshold Books, Putney, Vermont, 1987, p. 71.

1167

34. Albert Hourani, A History of the Arab Peoples, Faber and Faber, London, 1991, pp. 184–185 ff.

1168

35. Barber, op. cit., p. 61. Барбер показывает, что такой же союз был образован между госпитальерами и дворянами из Лангедока.

1169

36. Sinclair, op. cit., p. 76.

1170

37. Arthur Guirdham, The Great Heresy: The History and Beliefs of the Cathars, C. W. Daniel Company, Saffron Walden, 1993, p. 90.

1171

38. Aubrey Burl, Gods Heretics: The Albigensian Crusade, Sutton Publishing, Stroud, 2002, p. 38.

1172

39. Sinclair, op. cit., p. 26.

1173

40. Guirdham, op. cit., p. 89

1174

41. Ibid., p. 90.

1175

42. Barber, op. cit., p. XIII.

1176

43. See Guirdham, op. cit., pp. 90–91.

1177

44. Ibid., p. 89.

1178

45. Сообщение Вениамина из Туделы в кн. Jonathan Sumption, The Albigensian Crusade, Faber and Faber, London, 1999, p. 90.

1179

46. Ibid, p. 90; O'Shea, op. cit, p. 20.

1180

47. Cited in Sumption, op. cit, p. 90.

1181

48. Geoffrey Wigoder (ed.), The Encyclopaedia of Judaism, The Jerusalem Publishing House, 1989, pp. 512–513.

1182

49. Runciman, op. cit, pp. 6–7.

1183

50. Ibid.

1184

51. Ibid.

1185

52. Ibid, pp. 6–7; раннехристианские гностики придерживались такой же точки зрения.

1186

53. *Encyclopaedia of Judaism,* pp. 740–741.

1187

54. Z'ev ben Shimon Halevi, Kabbalah: Tradition of Hidden Knowledge, Thames and Hudson, London, 1988, p. 5.

1188

55. Превосходную статью о сефирот в Интернете можно найти по адресу: http://www.aril.org/Drob.htm.

1189

56. Halevi, op. cit, pp. 5–6.

1190

57. Подробнее о мандалах см. Graham Hancock and Santha Faiia, Heaven's Mirror, Michael Joseph, London, 1998, pp. 122 ff.

1191

58. R. T. Prinke, «Early Symbolism of the Rosy Cross», in The Hermetic Journal, 25 (1984), pp. 11–15.

1192

59. Cm. Francis Bacon Research Trust: www.fbrt.org. uk.

1193

60. Печатником был Л. Личфилд из Оксфорда; издателями были Р. Янг и Э. Форрест; гравюры выполнил Уильям Маршалл, а перевод с латыни на английский — преподобный Гилберт Уотс.

1194

61. Ibid.

1195

62. Источник: *The Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry Containing Instructions in all the Degrees,* одобренный Высшим Советом 33-й степени Южной Юрисдикции, 1801 год.

1196

63. William W. Westcott, Collectanea Hermetica, Parts 1–10, «Sepher Yetzirah», Samuel Weiser, York Beach, Maine, 1988.

1197

64. Ibid.

1198

65. Charles Sumner Lobingier, The Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry, Kessinger Publishing Co, Kila, Montana, 1931, p. 4.

1199

66. See Joscelyn Godwin, Athanasius Kircher, Phanes Press, Grand Rapids, Michigan, 1991, p. 56.

1200

67. Ibid., p. 61.

1201

68. Ibid., p. 13.

1202

69. Ibid.

1203

70. Ibid., p. 15.

1204

71. Ibid., p. 18.

1205

72. Frances Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, University of Chicago Press, Chicago and London, 1991, p. 418.

1206

73. Kircher, Oedepus Aegyptiacus, Rome, 1652, p. 150; see also Yates, op. cit., p. 418.

1207

74. Рен сменил Сета Уорда, занимавшего этот пост с 1649 года. Уорд был близким другом Джона Уилкинса, и вместе они написали вызвавшую много споров книгу об античных университетах. В 1660 году Карл II снял Уилкинса и Уорда с занимаемых постов и заменил последнего Кристофером Реном. Интересно, что в 1661 году Сет Уорд стал епископом Эксетерским, а в 1668 году Уилкинс — стал епископом Честерским. То были действительно странные времена.

1208

75. Peter Tompkins, The Secret of the Great Pyramid, Allen Lane, London, 1973, p. 30.

1209

76. John Greaves, *Pyramidographia or a Description of the Pyramids in Aegypt,* London, 1646.

1210

77. David Stevenson, The Origins of Freemasonry, Scotland Century 1590–17W, Cambridge University Press, Cambridge, 1988.

1211

78. *The Last Will and Testament of Sir Thomas Gresham,* London, 1765.

1212

79. Robert Lomas, The Invisible College, Headline, London, 2001, pp. 154–164.

1213

80. Christopher Hibbert, Rome: The Biography of a City, Penguin, London, 1985, pp. 179–186.

1214

81. Guirdham, op. cit., pp. 91–92.

1215

82. Cited in Yates, op. cit., p. 394, fh i.

1216

83. Тамплиеры впервые прибыли в Англию в 1130 году по приглашению короля Генриха I. Сначала они основали свою прецепторию в Хай Холбурне, между Ченселлорейн и Фэйтурлейн. В 1161 году они перебазировались на одну милю к югу, в более привилегированное место ближе к Темзе. (Источник: Dr Hugh Clout (ed.), The Times History of London, FBA, Times Books, London, 1991, p. 50.)

1217

84. David Lewer, The Temple Church London, Pitkin Pictorials, London, 1989, pp. 3–4.

1218

85. *Times History of London,* p. 150.

1219

86. Felix Barker and Ralph Hyde, London as It Might Have Been, John Murray, London, 1982, p. 22.

1220

87. Adrian Gilbert, The New Jerusalem, Bantam Press, London, 2002, p. 211: «Рен изменил ось собора Св. Павла под углом примерно 8° к северо-востоку… таким образом, собор оказался на одной линии со старинной Темпл-черч…»

1221

88. Christopher Wren (sonParentalia, Farnborough, 1995.

1222

89. Steve Padget, «Wren's St Paul's: Axis Mundi of the New Jerusalem», paper read at Ball University, 2000, p. 2.

1223

90. Ibid, p. 4.

1224

91. V. Hart, Art and Magic in the Court of the Stuarts, Routledge, London, 1994. См. также V. Hart, St Pauls Cathedral: Christopher Wren, Phaidon, London, 1995. Харт добавил, что «в отражение этой «христианизированной» космологии Гермес был изображен на мозаике пола Сиенского собора и на фресках работы Пинтурриккьо по заказу папы Александра VI в апартаментах Борджиа в Ватикане… фигура Меркурия Трисмегиста стала символизировать связь между христианством, магией и искусством эпохи Возрождения».

1225

92. Согласно еврейскому автору 3. Халеви, мы находим такую же идею прохождения между двумя «столпами» в храме Соломона, где человек должен был пройти между двумя колоннами, известными как Иоаким и Воаз, по пути к божественному присутствию. Z. Halevi, Kabbalah: Tradition of Hidden Meaning, Thames and Hudson, London, 1979.

1226

93. Tinniswood, op. cit, pp. 150–152.

1227

94. Эта склонность к секретности проявилась и у Рена при создании нового собора Св. Павла. См. Barker and Hyde, op. cit, p. 31.

1228

95. Tinniswood, op. cit., p. 150.

1229

96. Ibid.

1230

97. Barker and Hyde, op. cit., p. 23.

1231

98. Tinniswood, op. cit., p. 152. See also Evelyn, London Revived, ed. De Beer, Clarendon Press, 1938, pp. 45–6.

1232

99. Revelation 21–22.

1233

100. Barker and Hyde, op. cit., p. 25.

Согласно Адриану Тиннисвуду, в плане Рена «настоящей гордостью Лондона стала площадь Королевской биржи с ее прямыми улицами и окружающим комплексом коммерческих зданий. Абсолютистская идеология, которую Людовик XIV и Андре Ленотр с успехом использовали при составлении архитектурного плана Версаля, здесь была призвана отдать должное духу меркантильности. Торговле предстояло стать новой религией». То, что Королевская биржа была детищем Томаса Гришема, а его собственный дом, вероятно, использовался для заседаний масонской ложи до того, как стать штаб-квартирой Королевского общества, может иметь отношение к символике, заложенной в плане Рена.

1234

101. Эта идея впервые была предложена Эдрианом Джилбертом (op. cit., p. 205). Он также отметил, что расположение сефиры Даат рядом с Гришемским колледжем, штаб-квартирой Королевского общества, могло быть не случайным.

1235

102. Tinniswood, op. cit., p. 188.

1236

103. Ibid.

1237

1. Fred Pick and G. Norman Knight, The Pocket History of Freemasonry, Frederick Muller, London 1953, p. 68.

1238

2. Матф., 11,11.

1239

3. Иоанн, 3,30.

1240

4. Четвертое июля, разумеется, является Днем независимости в США.

1241

5. Pick and Knight, op. cit, p. 69.

1242

6. Ibid.

1243

7. Ibid.

1244

8. Jasper Ridley, The Freemasons, Constable & Co. London, 1999, p. 37.

1245

9. Paul Naudon, Histoire generate de la Franc-Mapnnerie, Office du Livre, Paris, 1981, p. 66.

1246

10. Ibid, pp. 69–70.

1247

11. Ibid, p. 72.

1248

12. Ridley, op. cit, p. 37.

1249

13. Lynn Picknett and Clive Prince, The Templar Revelation, Corgi Books, London 1998, p. 481.

1250

14. Charles Sumner Lobingier, The Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry, Kessinger Publishing Co, Kila, Montana, 1931, p. 32.

1251

15. Полная электронная версия текста находится по адресу — http://gallica. bnf. fr/scripts/ConsultationTout-. exe? E=o&o=N101439.

1252

16. Герцог так и не стал королем: он умер от болезни в 1712 году.

1253

17. Lobingier, op. cit, p. 35.

1254

18. See Eliane Brault, Le Mystere du Chevalier Ramsay, Editions du Prisme, Paris, 1973, p. 81; also Transaction of the Quatuor Coronati Lodge, 1934, vol. XLVII, p. 77.0 жизни и масонской карьере Рэмси см. Lobingier, op. cit, pp. 32–49.

1255

19. Ridley, op. cit, p. 70.

1256

20. Полный текст речи с комментариями см. в кн. Robert Freke Gould, History of Freemasonry (1883–1887). См. также Cyril N. Batham 33°, «Ramsay's Oration: the Epernay and Grand Lodge Versions» in Heredom, The Transactions of the Scottish Rite Research Society, vol. 1, 1992.

1257

21. Alexander Piatigorsky, Freemasonry, Harvill Press, London, 1997, pp. 116–117.

1258

22. Pick and Knight, op. cit, p. 204.

1259

23. Орден де Моле называет себя «братской организацией молодых людей, основанной на принципах любви к Богу, родителям и своей стране. Она стремится донести это учение до сво их членов различными способами через соблюдение семи главных добродетелей… Эти добродетели — любовь к родителям, любовь к Богу, дружба, вежливость, верность, опрятность и патриотизм. Название «де Моле» происходит от французского героя и мученика XIII века Жака де Моле, который был последним магистром рыцарского ордена тамплиеров, известных также как рыцари Храма… Если вам от 12 до 21 года, если вы верите в Высшее Существо (Бога) и стремитесь к высоким нравственным идеалам, то можете подать петицию о принятии в ряды ордена. Местные отделения ордена называются капитулами и финансируются группами масонов или масонскими ложами». В 1919 году масон Фрэнк С. Лэнд из Канзас-Сити задался целью создать местную молодежную организацию. После встречи с молодым человеком по имени Луис Лоуэр Лэнд организовал молодежное собрание в здании местной ложи Шотландского Обряда. Под его руководством и при содействии молодых активистов был учрежден «орден де Моле». Популярность нового ордена росла очень быстро, и вскоре капитулы появились в каждом штате и даже за рубежом. Уже более 75 лет орден преподает своим членам основные жизненные принципы, помогающие молодым людям подготовиться к здоровой и плодотворной жизни. Орден де Моле имеет сильные позиции, а среди его бывших членов есть много успешных и влиятельных людей.

1260

24. 3-я Царств 5–6; 2-я Паралипоменон, 2–6.

1261

25. Andrew Sinclair, The Sword and the Grail, Crown Publishers, New York, 1992, p. 158.

1262

26. Подробную критическую оценку этих ритуалов см. в кн. John Lawrence, Freemasonry: A Religion? Kingsway Publications, Eastbourne, 1991, pp. 92–107.

1263

27. Martin Short, Inside the Brotherhood, Grafton Books, London, 1989, p. 93.

1264

28. Lawrence, op. cit., pp. 51–61.

1265

29. Ibid.

1266

30. Jean-Marcel Humbert, LEgyptomanie dans Г art occidental, ACR Edition, Paris, 1989, p. 117.

1267

31. Short, op. cit., p. 115.

1268

32. Ibid, p. 123.

1269

33. Stephen Knight, The Brotherhood, Grafton Books, London, 1985, pp. 236–239.

1270

34. Short, op. cit, p. 104.

1271

35. Подробное описание пребывания Пифагора в Египте см. в кн. R. A. Schwaller de Lubicz, Sacred Science, Inner Traditions, New York, 1982, p. 259.

1272

36. См. также Быт, 4,20.

1273

37. Pick and Knight, op. cit, p. 32.

1274

38. Ibid, pp. 32–33.

1275

39. Ibid.

1276

40. Naudon, op. cit, p. 64.

1277

41. Ibid, p. 72.

1278

42. Ibid, p. 74.

1279

43. Ibid, pp. 74–76.

1280

44. Francois Ribadeau Dumas, Cagliostro: homme de lumiere, Editions Philosophiques, Paris, 1981, p. 25.

1281

45. Gerard Galtier,*Maconnerie egyptienne, Rose-Croix et Neo-Chevalerie: lesfils de Cagliostro,* Editions du Rocher, Paris, 1989, p. 29.

1282

46. Ibid, p. 35; однако масонские историки расходятся во мнениях о том, где произошло посвящение Калиостро во франкмасоны. Предполагаются две возможности: на Мальте в 1767 году (Gastone Ventura, Masonic Rites of Memphis and Misraim, 1986) или в Лондоне в 1777 году (Galtier, op. cit, p. 30).

1283

47. Ribadeau Dumas, op. cit, p. 35.

1284

48. Ibid, p. 39.

1285

49. Пернети часто приписывают создание так называемого «Сведенборгского обряда» в масонстве. В возрасте 50 лет Пернети покинул орден бенедиктинцев и поселился в Авиньоне. Там он применил свои прежние алхимические знания в новой области и создал так называемый «герметический обряд» («Rite Hermetique»). Потом он переехал в Берлин и стал библиотекарем Фридриха II. В Берлине Пернети перевел сочинения Сведенборга, шведского теолога и предполагаемого основателя «церкви Нового Иерусалима».

1286

50. Ribadeau Dumas, op. cit, p. 50; Naudon, op. cit, p. 92.

1287

51. В 1781 году Фридрих II был посвящен в Золотой орден Розы и Креста (Order of the Golden Rose Cross), немецкий розенкрейцерский орден, основанный Йоганном Воллером и

Йоган — ном Бишофвердером, двумя розенкрейцерами, ставшими ближайшими советниками Фридриха (Mcintosh, The Rosicrucians, Samuel Weiser Inc., York Beach, Maine, 1997, pp. 95–96). Во время ритуала инициации Фридрих II получил эзотерическое имя «Ormesus Magnus». Золотой орден Розы и Креста, согласно его собственной истории, был создан в Александрии Египетской мудрецом по имени Ормисс или Ормус (Galtier, op. cit., p. 164). Как мы убедимся впоследствии, имя Ормус (Ormus) было также дано основателю масонского ордена Мемфиса. Как пишет Карла Миччинелли, имя Ормус фигурирует в личном письме от 1753 года, написанном принцем Раймондом ди Сангре де Севере (Raimondo di Sangre de Severe), масоном, барону де Шоди (de Tchoudy), жившему в Париже (Miccinelli, E dio Creo LUomo e la Massoneria, Rome, 1985, p. 73).

1288

52. Ribadeau Dumas, op. cit., p. 51.

1289

53. Ibid. В 1758 году Пернети опубликовал трактат под громким названием The Egyptian and Greek Fables Unveiled and Linked to the same Principles, with an Explanation of the Hieroglyphs and the War of Troye, что дает нам довольно ясное представление о его «природной науке».

1290

54. Galtier, op. cit., p. 36.

1291

55. Ibid. См. также Manly P. Hall, Freemasonry of the Ancient Egyptians: Grata Repoa, Philosophical Research Society, Los Angeles, 1965, pp. 81–102.

1292

56. Galtier, op. cit., p. 36; see also Hall, op. cit., p. 73.

1293

57. Naudon, op. cit., p. 91.

1294

58. Ridley, op. cit., pp. 110–121.

1295

59. Ibid., p. 129.

1296

60. Naudon, op. cit., p. 91.

1297

61. Galtier, op. cit., p. 19.

1298

62. Naudon, op. cit., p. 229.

1299

63– Pierre Chevallier, Histoire de la Franc-Mafonnerie francaise, Librairie Fayard, Paris,1974, vol. I, pp. 258–259.

1300

64. J. E. Manchip White, Ancient Egypt in Culture and History\ George Allen & Unwin, London, 1970, p. 107. Геродот дает 70 дней («История», II, 85), что больше соответствует древнеегипетской традиции.

1301

65. Быт., 50,3. Продолжительность Потопа тоже составляла 40 дней (Быт, 8,6).

1302

66. Chevallier, op. cit, vol. I, pp. 256–262

1303

1. Francois Ribadeau Dumas, Cagliostro: homme de lumiere, Les Editions Philosophiques, Paris, 1981, p. 165.

1304

2. Pierre Chevallier, Histoire de la Franc-Mapnnerie francaise, Librairie Fayard, Paris, 1974, vol. I, p. 261.

1305

3. Ibid. See also Gisele and Yves Hivert-Messeca, Comment la Franc-Mapnnme vint auxfemmes, Editions Devry, Paris, 1997, p. 148.

1306

4. Paul Naudon, Histoire generate de la Franc-Mapnnerie, Office du Livre, Paris, 1981, pp. 228–230.

1307

5. Превосходную статью о Калиостро см. Henry Evans, «Masonry and Magic in the Eighteenth Century», The Master Mason, June 1927.

1308

6. Bibliotheque Nationale, ms. Fr. 12420, c. 1402, AD fol. XVI; ms. Fr. 598, c. 1403, fol. XVI.

1309

7. Jurgis Baltrusaitis, La Quete d'Isis, Flammarion, Paris, 1985, p. 63.

1310

8. L. M. Tisserand, Les Armoiries de la ville de Paris, Paris, 1874, chap. 3, «Formation dusceau ou des armoiries de Paris», p. 61; also Baltrusaitis, op. cit, p. 63.

1311

9. Jacques le Grant, Sophologium, Paris, 1475; also see Baltrusaitis, op. cit, p. 61.

1312

10. Lemaire de Beige, Les Illustrations de Gaule et Singularitez de Troye, Paris, 1512; also see Baltrusaitis, op. cit, p. 59.

1313

11. Baltrusaitis, op. cit, p. 58; plates i, 6.

1314

12. Jacques du Breul, Theatre des Antiquitez de Paris, Paris, 1612.

1315

13. Andre Favyn, Histoire de Navarre, Paris, 1612.

1316

14. Baltrusaitis, op. cit, p. 89.

1317

15. Jean Phaure, Introduction a la geographie sacree de Paris: Barque d'Isis, Editions Borrego, Paris, 1985, pp. 19–20 (map).

1318

16. Jean Phaure, op. cit., p. 84 (map).

1319

17. Ibid.

1320

18. Ian Wilson, Jesus the Evidence, Pan Books, London, 1984, pp. 136–137. See also Timothy Freke and Peter Gandy, The Jesus Mysteries, Thorsons-Element, London, 2000, pp. 41–42.

1321

19. Выдержка из кн. Edward Carpenter's (1844–1926) Pagan and Christian Creeds, 1981, p. 50: «История жизни Иисуса имеет много соответствий с историями прежних солнечных божеств и с движением самого солнца по небосводу — так много, что их нельзя отнести на счет обычной случайности или даже происков дьявола. Вот они: (1) рождение от матери-девственницы; (2) рождение в яслях (пещере или подземном помещении); (3) рождение 25 декабря (сразу же после зимнего солнцестояния). Этому событию сопутствовало (4) появление звезды на востоке (Сириус) и (5) прибытие волхвов («трех царей»). Далее происходит (6) убийство невинных младенцев и бегство в далекую страну (содержится в мифе о Кришне и других солнечных божествах). Церковные праздники: (7) Сретение (2 февраля); (8) Великий пост, или начало весны; (9) Пасха, обычно отмечаемая 25 марта, когда солнце проходит через небесный экватор, и (10) нисхождение священного огня в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Дальнейшие элементы включают (11) распятие и смерть Бога — Агнца в Великую Пятницу, за три дня до Пасхи; (12) прибивание гвоздями к дереву или деревянному кресту; (13) пустая гробница; (14) радостное событие Воскресения (как в мифах об Осирисе, Аттисе и др.); (15) двенадцать учеников, или апостолов (знаки Зодиака), и (16) предательство одного из учеников. Далее мы имеем (17) день середины лета, 24 июня, посвященный рождению любимого ученика Иоанна; (18) день Успения Богородицы (15 августа) и (19) день Рождества Богородицы (8 сентября), соответствующий прохождению солнечного божества через знак Девы, и наконец, тот любопытный факт (20), что церковь посвящает день зимнего солнцестояния (когда каждый вправе усомниться в грядущем возрождении солнца) св. Фоме, усомнившемуся в истинности Воскрешения!

В соборах паства обращается лицом к востоку для молитвы. Люди обращаются лицом не к Иерусалиму, а к востоку, т. е. в направлении восхода. Это направление для молитвы, безусловно, унаследовано от древних языческих солнечных культов. В христианском вероисповедании смысловой акцент немного изменился. Христос обладает многими атрибутами солнечного божества, но он также является Мессией, который пришел в прошлом и вернется в будущем — еще одна аналогия со смертью и возрождением солнечного бога из древних мифов. Восток — это направление восхода, возрождения солнца и прихода света. В мистических религиях восток символизирует духовное просветление и божественность».

1322

20. Norman Lockyer, The Daum of Astronomy, Cassell & Co., London, 1894, p. 120.

1323

21. Labib Habachi, The Obelisks of Egypt, American University Press, Cairo, 1988, pp. 155–156.

1324

22. Lockyer, op. cit., pp. 98–106.

1325

23. Значительно позднее, в 1973 году, астроном Джеральд С. Хоукинс не согласился с Локайром и высказал мнение, что Карнакский храм был сориентирован не на закат в день летнего солнцестояния, а на восход в день зимнего солнцестояния, который происходит по направлению 26° 55 на юго-восток (см. Gerald Hawkins, Beyond Stonehenge, Arrow Books, London, 1977, Chap. 11 «Атоп-Ra», pp. 193–218; см. также Ronald L Reese, «Midwinter Sunrise at Karnak», in Sky & Telescope, March 1992, p. 276). Хоукинс больше всего известен своими работами об астрономических ориентировках Стоунхенджа, однако он не осуществлял

непосредственные астрономические наблюдения в Карнаке, как это делал Локайр. Он получил этот угол со съемочных карт Франко-египетского исследовательского центра в Луксоре, и, как и Локайр до него, рассчитал позиции восхода и заката в дни солнцестояния (Хоукинс был в Египте в мае, за месяц до летнего солнцестояния). Через несколько лет астроном Эдвард Крапп подтвердил расчеты Хоукинса своими наблюдениями восхода в день зимнего солнцестояния в Карнакском храме (Krupp, Echoes of Ancient Skies, Oxford University Press, Oxford, 1994, pp. 253–257).

Хоукинс полагал, что Локайр пришел к неверным выводам, поскольку из-за Фиванских холмов на горизонте заход солнца в день летнего солнцестояния нельзя должным образом увидеть между пилонами храма. Но, хотя Фиванские холмы на западе действительно представляют препятствие для наблюдателей с практической точки зрения, это не относится к религиозной точке зрения древних египтян. Для них физические преграды не являлись настоящим препятствием; в качестве примера можно назвать «ложные двери» из сплошного камня, которые часто находили в гробницах и через которые, по представлениям египтян, должна была проходить душа покойного.

Египетские жрецы-астрономы, особенно служители солнечного культа, наблюдали восход и заход солнца задолго до сооружения Карнакского храма, поэтому нет сомнений, что им было точно известно его минимальное и максимальное наклонение. Таким образом, вывод Хоукинса оказывается неприемлемым в религиозном контексте древнеегипетской храмовой архитектуры. Хоукинс ценит Локайра за его исследование в Стоунхендже, но утверждаег, что «его наблюдения в храме Амона-Ра были неточными». Он ссылается на отчет армейского инженера П. Дж П. Уэйкфилда, выполнявшего для Локайра теодолитную съемку в Карнаке 21 июня 1891 года. Хотя Уэйкфилд действительно сообщил, что солнце нельзя увидеть с любой точки наблюдения на оси храма, отмеченной Локайром, он все же добавил, что при. расположении теодолита у входа Пилона 2 он «смог увидеть край заходящего солнца, а остальная часть была закрыта южной стеной большого пилона [Пилон 1]». Диаметр солнца составляет примерно 0,5°, и это значит, что, если бы его можно было сместить еще на 0,5° вдоль линии горизонта, солнечный диск был бы виден на отрезке оси между первым и вторым пилоном. За 1500 лет до н. э. солнце фактически находилось на 0,5° севернее по отношению к наклону плоскости эклиптики. Для меня это подразумевает, что ориентировка Карнакского храма была бли же к значению 26°, а не к 26° 55 , взятому Хоукинсом с карты Франко-египетского исследовательского центра. Локайр сообщал, что, согласно Лепсию и другим египтологам, этот угол составлял от 26° до 26° 30 к северо-западу. Э. К. Крапп, проводивший наблюдения в день зимнего солнцестояния, подтвердил ориентировку на другом конце храмового комплекса через так называемый храм Ра-Харахти и «Высокий зал солнца». По моему [Роберта Бьювэла] мнению, следовало провести еще одно наблюдение 21 июня для подтверждения сведений, содержавшихся в отчете армейского инженера Уэйкфилда. Я наблюдал закат 21 июня 2003 года и пришел к выводу, что целью строителей был восход в день зимнего солнцестояния, но они знали о том, что закат в день летнего солнцестояния будет происходить в обратном направлении. Хотя закат не вполне совпадает с осью храма и немного отклоняется к западу, намерение строителей выглядит очевидным

1326

24. R Wells, «Re and the Calendar» in Revolution in Time: Studies in Ancient Egyptian Calendrics, ed. A. J. Spalinger, Van Siclen Books, San Antonio, Texas, 1994, p. 19. По расчетам Рональда Уэллса, около 3500 г. до н. э. восход Сириуса происходил в том же самом месте, где и восход солнца в день зимнего солнцестояния. Его расчеты были выполнены исходя из «ровного горизонта и отсутствия рефракции». Мои собственные [Роберта Бьювэла] расчеты показывают, что при наблюдении с широты современного Каира восход Сириуса должен был происходить под углом примерно 29° 5 к юго-востоку. Однако около 3300 года до н. э, т. е. в начале династической эпохи, он происходил примерно в 28° к юго-востоку (азимут 118).

Простой расчет показывает, что в эту эпоху Сириус имел примерно такое же наклонение, как солнце в период зимнего солнцестояния, т. е. около 24° к югу от небесного экватора. Таким образом, он вполне буквально был «вторым солнцем», видимым ночью на месте дневного светила в период зимнего солнцестояния. Эпоха 3300 года до н. э. имеет крайне важное значение в том смысле, что она знаменует начало династического Египта, когда вся страна была объединена под властью одного царства.

1327

25. В римские времена богиня Исида тесно ассоциировалась и даже отождествлялась с римской богиней Церерой, греческой Деметрой. См. Baltrusaitis, op. cit., p. 70. См. также James Eraser, The Golden Bough, Wandsworth Editions, Ware, 1993, pp. 383 and 393; Marie-France Arnold, Paris: ses mythes dhier a aujour cfhui, Editions Dervy, Paris, 1997, pp. 87–88: «Римляне не называли ее [Исиду] «матерью зерна и природы», как делали древние египтяне, но они почитали ее и делали ей подношения… В ее честь было построено святилище на острове Сите, где христиане впоследствии возвели парижский собор Нотр-Дам. В 1711 году при обустройстве склепа под собором, предназначенного для захоронения епископов, были обнаружены остатки этого святилища…» Анна Баринг и Жюль Кэшфорд (Anne Baring and Jules Cashford, The Myth of the Goddess: Evolution of an Image, Penguin Arkana, London, 1993), показали, что культ так называемой «Черной Богородицы» имеет эзотерическую связь с египетской богиней Исидой.

1328

26. Phaure, op. cit., pp. 56–57.

1329

27. Ribadeau Dumas, op. cit., p. 167.

1330

28. Jean-Andre Faucher, Les Francs-Masons et le pouvoir de la Revolution a nos jours, Editions Perrin, Paris, 1986, p. 32.

1331

29. Ibid.

1332

30. Grand Larousse, op. cit., vol. Ill; p. 261A

1333

31. Naudon, op. cit., p. 95.

1334

32. Faucher, op. cit., p. 27; see also Gerard Galtier, Mapnnerie egyptienne, Rose-Croix et Neo-Chevalerie: les fils de Cagliostro, Editions du Rocher, Paris, 1989, p. 30.

1335

33. Ribadeau Dumas, op. cit., p. 294.

1336

34. Ibid., p. 200.

1337

35. Manly P. Hall, «Rosicrucian and Masonic Origins», in Lectures on Ancient Philosophy — An Introduction to the Study and Application of Rational Procedure, The Hall Publishing Company, Los Angeles, 1929, pp. 408–409.

1338

36. See Court de Gebelin,*Monde primitif analyse et compare avec le monde moderne,* Book 8, Paris, 1773–1783.

1339

37. Ribadeau Dumas, op. cit., pp. 167–168.

1340

38. Ibid, p. 168.

1341

39. Ibid, p. 199.

1342

40. Joscelyn Godwin, The Theosophical Enlightenment, State University of New York Press, Albany, 1994.

1343

41. Ribadeau Dumas, op. cit, p. 199.

1344

42. Naudon, op. cit, p. 129.

1345

43. Albert G. Mackey, Encyclopedia of Freemasonry, Macoy Publishing, Richmond, Virginia, 1966, p. 474.

1346

44. Источник этой информации см. по адресу: http://freemasonry. bcy. ca/Writings/Illummati.html.

1347

45. Noble E. Cunningham Jr, In Pursuit of Reason: the Life of Thomas Jefferson, Ballantine Books, New York, 1988, opening page.

1348

46. Naudon, op. cit, p. 129. Братство был раскрыто самым неожиданным образом. Один из его лидеров, Якоб Лэнг, возвращавшийся домой в грозу, был поражен молнией. При нем были обнаружены подрывные документы, доставленные курфюрсту Баварии, что побудило последнего начать расследование деятельности иллюминатов.

1349

47. Источник этой информации см. по адресу: http://freemasonry. bcy. ca/anti-masonry/anti-masonry02. html.

1350

48. Символ глаза в сияющем треугольнике использовался в Средние века для обозначения божества, и его можно видеть на фронтисписах многих библейских манускриптов (см, к примеру, в кн. Manly P. Hall's The Secret Teachings of All Ages, The Philosophical Research Society, Los Angeles, 1998, p. XCVIII). В сочинениях Роберта Фладда (1574–1637) часто встречается символ сияющего треугольника/пирамиды, хотя он обычно заменяет «глаз» другими символами или словесными обозначениями божества (см. Joscelyn Godwin, Robert Fludd: Hermetic Philosopher and Surveyor of Two Worlds, Phanes Press, Grand Rapids, Michigan, 1991). Немецкие алхимики и каббалисты обильно пользовались символом «глаза в пирамиде» в начале XVIII века (The Silent Language, The Symbols of Hermetic Philosophy, ed. J. Ritman, In de Pelikaan, Amsterdam, 1994, pp. 59 and 75).

1351

49. Joscelyn Godwin, Athanasius Kircher; Phanes Press, Grand Rapids, Michigan, p. 8.

1352

50. Iversen, The Myth of Egypt and its Hieroglyphs, GEC GAD Publishers, Copenhagen, 1961, p. 105, plate XIX.

1353

51. Naudon, op. cit., p. 122.

1354

52. Первый проект Большой Печати был составлен в июле 1776 года Пьером-Эженом Симитьером. Карандашный рисунок на бумаге, сделанный Томасом Джефферсоном в 1776 году, хранится в отделе манускриптов библиотеки Конгресса США В верхней части печати ясно можно видеть «глаз в треугольнике». Первая комиссия, собравшаяся 20 августа 1776 года, одобрила рисунок щита с эмблемами шести европейских культур, мигрировавших в Америку: три для Британии (английская роза, шотландский чертополох, ирландская арфа) и три для континентальной Европы (французский трилистник, немецкий орел, бельгийский лев). С одной стороны щит поддерживала богиня Свободы с копьем в руке и во фригийском колпаке, а с другой стороны — богиня Правосудия с весами в руке. Надписи на украшении гербового щита гласили: «Глаз Провидения в лучезарном Треугольнике, чья Слава простирается за Щит и превыше Чисел» и «E PLURIBUS UNUM» [«Единство во множестве»].

1355

53. Первая комиссия по Большой Печати была образована 4 июля 1776 года. В ее состав входили Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Джон Адаме и Пьер-Эжен Симитьер. Каждый из членов предлагал разные идеи. Идеей Франклина был «Моисей, стоящий на Берегу и простирающий Руку над Морем в знак низвержения Фараона, сидящего в открытой колеснице с Короной на Голове и Мечом в Руке. Лучи от огненного Столпа в Облаках, падающие на Моисея, показывают, что он действует по Приказу Божества». Девиз — «Неповиновение Тиранам есть Покорность Богу». За следующие шесть лет было создано еще две комиссии. Третья и последняя комиссия была образована 4 мая 1782 года. Почти за месяц до этого, 12 апреля 1782 года, в Париже начались мирные переговоры между Соединенными Штатами и Британией. Америку представлял Бенджамин Франклин. Новое государство срочно нуждалось в официальном знаке суверенитета и гербе для подписания мирного договора. Так называемая «третья комиссия» состояла из председателя Артура Миддлтона и Джона Рутледжа из Южной Каролины, Элиаса Бу — дино из Нью-Джерси и Артура Ли из Виргинии. Уильям Бартон, двадцативосьмилетний художник, понаторевший в геральдике, предложил два довольно сложных эскиза в качестве графической интерпретации следующего официального письменного описания.

Аверс: на груди американского лысоголового орла щит с синим полем в верхней части и с тринадцатью вертикальными красными и белыми полосами в нижней части. В правой лапе орел держит оливковую ветвь, в левой пучок фасций. В клюве орла свиток с девизом «E Pluribus Unum». Над головой орла золотой ореол просвечивает из-за облака и окружает созвездие из тринадцати звезд на лазурном поле.

Реверс: на вершине незавершенной пирамиды глаз в треугольнике, окруженный золотым ореолом. Над глазом слова «Annuit Coeptis». На основании пирамиды римские цифры MDCCLXXVI, а внизу девиз «Novo Ordo Seculorum».

1356

54. См. очень интересную статью по этому предмету: Geoff Muirden, «Conspiracy Theory and the French Revolution», in The Journal of Historical Review, vol. 9, No. i, pp. 109–115.

1357

55. Nesta H. Webster, The French Revolution, Constable & Co, London, 1919. См. также Webster's Secret Societies and Subversive Movements (1924), A & B Publishers Group, New York, 1998, chap. 9.

1358

56. Faucher, op. cit, p. 39.

1359

57. Ibid, p. 24.

1360

58. Ibid, p. 25.

1361

59. Ribadeau Dumas, op. cit, p. 199.

1362

60. See Evans, op. cit. See also Master Mason magazine, vol. 1, No. 1, January 1924 to vol. 7, Nos. 3 and 4, March — April 1930.

1363

61. Grand Larousse, op. cit, vol. VII, pp. 1009–1010.

1364

от фр. Egalitë — равенство

1365

62. Galtier, op. cit, p. 37.

1366

63. В июле 1789 года в Бастилии находилось лишь семь узников: Жан де ла Кореж, Жан Бешад, граф Солаж, Тавернье, Бернар Ларош, Жан-Антуан Пуйад и Девитт, сумасшедший ирландец, которого заключили в тюрьму как шпиона. Последнего мятежники вынесли из Бастилии на плечах, провозгласив его Юлием Цезарем.

1367

64. Капитан Дефлю был поставлен для охраны Бастилии 7 июля 1789 года; под его командованием состояли 32 швейцарских гвардейца. Так или иначе, они не могли послужить надежной преградой для толпы парижан.

1368

65. Chevallier, op. cit, vol. I, p. 272.

1369

66. Из 25 миллионов человек, составлявших население Франции в то время, примерно 350 000 принадлежали к «дворянству» и около 150 000 к «духовенству». Все остальные относились к «третьему сословию».

1370

67. Faucher, op. cit., p. 32.

1371

68. Ibid.

1372

69. В 1791 году Талейран был отлучен папой от церкви после того, как рукоположил двух «конституционных» епископов. Через несколько лет Талейрану предстояло сыграть ключевую роль в возвышении Наполеона Бонапарта и в подготовке египетского военного похода.

1373

70. Faucher, op. cit., p. 172, p. II.

1374

71. Ibid., p. 34.

1375

72. Ibid.

1376

73. Первое гильотинирование состоялось 25 апреля 1792 года, когда Жак Пеллетье был казнен на Гревской площади в Париже при большом стечении народа. Гильотина использовалась во Франции до второй половины XX века и была официально запрещена лишь в 1981 году. Последнее гильотинирование во Франции состоялось в сентябре 1977 года в Марселе, когда был обезглавлен убийца Хамид Джамбути.

1377

74. Gisele and Yves Hivert-Messeca, Comment la Franc-Mapn — nerie vint awe femmes, Editions Devry, Paris, 1997, p. 124.

1378

75. Исходные данные см. по адресу www.epromat.com/ pwh/poindessault/vso/revolemp.htm; см. также Ermanno A. Arslan, Iside: il mito il mistero la magia, Electa, Milan, 1997, p. 644.

1379

76. Этот символ можно видеть, к примеру, над бронзовым изображением Джорджа Вашингтона в Национальном монументе Вашингтона (восточный вход, над внутренней дверью).

1380

77. Grand Larousse, op. cit, vol. Ill, p. 91.

1381

78. Michel Vovelle,*La Revolution centre TEglise: de la Raison a rEtre Supreme,* Editions Complexe, Paris, 1988, p. 28.

1382

79. Национальное собрание контролировалось монтаньярами, главной политической партией, к которой принадлежали и эбертисты. Их непримиримыми противниками были члены умеренной и консервативной фракции жирондистов, которых обвиняли в тайных симпатиях к роялистам. После того как жирондисты потерпели поражение в Национальном собрании в июне 1793 года, эбертисты и монтаньяры потеряли общего врага. Образовался довольно опасный ваккуум, так как их политика строилась главным образом на обвинениях в адрес другой партии и бурных словесных нападках на «врагов народа». Теперь они начали обмениваться обвинениями друг с другом, и вскоре положение стало угрожающим. Робеспьер, воспользовавшийся удобной возможностью благодаря громкому шпионскому скандалу с подстроенным участием эбертистов, отдал приказ об аресте Эберта и Шометта. Их поспешно осудили и отправили на виселицу в марте 1794 года. Теперь, когда уже некого было винить в проблемах, с которыми сталкивалась Французская республика, между Робеспьером и Дантоном вспыхнула непримиримая вражда, оказавшаяся смертельной для обоих. Дантон, каким-то образом замешанный в скандале Societe des Indes, был обвинен в измене и отправлен на гильотину в апреле 1794 года.

1383

80. Faucher, op. cit, pp. 42–44.

1384

81. Kathleen Jones, Women Saints: Lives of Faith and Courage, Forest of Peace Publications, Chap. 2, p. 54.

1385

82. See Francois Victor Alphonse Aulard, Culte de la Raison, Paris, 1892 and Christianity and the French Revolution (English edn 1927). Олард опубликовал много работ по источникам французской революции, наиболее известной из которых является Political History of the

French Revolution (1901). В 1886 г. Олард стал первым профессором истории французской революции в Сор — боннском университете.

1386

83. Vovelle, op. cit. Кэтлин Джонс (op. cit, p. 54) сообщает о событиях жизни Мадлен Фонтейн (1723–1794), монашенки, пре терпевшей ужасы гонений 1794 года и обезглавленной на гильотине по приказу Жозефа Лебона — бывшего священника и вероотступника, сообщника Робеспьера в Конвенте. Когда началась революция, сестра Мадлен, которой было немногим более шестидесяти лет, возглавляла группу монахинь в Аррасе, содержавших больницу и детскую школу. Когда пожилую женщину вывели на эшафот, она крикнула: «Слушайте, христиане! Мы последние жертвы. Скоро гонения закончатся, и казни прекратятся. Алтарь Иисуса восстанет во славе!» Папа Бенедикт XV причислил Мадлен Фонтейн к лику блаженных 13 июня 1920 года.

1387

84. Baring and Cashford, op. cit., pp. 399–401. Очевидно, ношение фригийского колпака санкюлотами, представителями самой экстремистской фракции французских революционеров, было популяризовано Жаком-Луи Давидом в картине Les Amours d'Helene et Paris, написанной им в 1787 году для герцога Артуа, будущего короля Карла X.

1388

85. Maarten J. Vermaseren, Cybele andAttis, translated by A M. H. Lemmers, Thames and Hudson, London, 1977, p. 10.

1389

86. Baltrusaitis, op. cit., p. 80.

1390

87. Ibid. На самом деле Исида держит на голове не башню, а «трон», однако парижские историки XVIII и XIX века были введены в заблуждение характерной формой этого головного убора.

1391

88. David Ovason,*The Secret Zodiac of Washington DC: Was the City of Stars Planned by Masons?* Century, London, 1999, p. 87.

1392

89. Joseph Jerome Lalande, Astronomic par M. de la Lande, 1731, vol. IV, pp. 245 ff.

1393

90. Gerard de Nerval, Les Illumines, Editions Folio, Paris, 1976; also see Cagliostro, Les Patens de la Republique, p. 1200.

1394

91. Kerisel, La Pyramide a trovers les ages, Presse des Ponts et Chaussees, Paris, 1991, p. 160.

1395

92. Vovelle, op. cit., p. 105.

1396

93. Ibid., p. 271.

1397

94. Grand Larousse, op. cit. vol. I, p. 3653.

1398

95. Louis Blanc, History, vol. II, pp. 365–367.

1399

96. Grand Larousse, op. cit. vol. VIII, p. 1014C.

1400

97. «MM. Dupuis et Lalande voient Isis par-tout…! ; see Baltrusaitis, op. cit, p. 31.

1401

98. Ibid, p. 35; Faucher, op. cit, p. 20.

1402

99. Charles Dupuis, Origine de tous les cultes ou religion uni — verselle*y* Paris, 1794, vol. Ill, p. 56; Baltrusaitis, op. cit, pp. 24–30.

1403

100. «Histoire de Academie Royale des Sciences, annee 1785, compte rendu de J. de Lalande», in Le Journal des Scavans, July 1788, pp. 475–478.

1404

101. В Текстах Пирамид III тысячелетия до н. э. мы читаем, что «Сотис [Сириус, звезда Исиды] — возлюбленная дочь [Ра], которая готовит тебе ежегодное пропитание» (строка 96).

1405

1. Jean Kerisel, La Pyramide a trovers les ages, Presses des Ponts et Chaussees, Paris, 1991, p. 158.

1406

2. Marcello Fagiolo, Arcbitettura e Massoneria, Convivio/Nardini Editore, Florence, 1988, p. 44.

1407

3. James Stephen Curl, The Art and Architecture of Freemasonry, B. T. Batsford, London, 1991, p. 118.

1408

4. Ibid.

1409

5. Kerisel, op. cit, p. 161.

1410

6. Curl, op. cit, p. 129.

1411

7. Ibid Подробный обзор проекта пирамиды см. в статье J. P. Mouilleseaux, «Les Pyramides ephemeres de la Revolution Francaise», Revue FMR, 21, vol. 6, August 1989.

1412

8. Ibid, p. 129.

1413

9. Ibid, p. 117.

1414

10. Fagiolo, op. cit, p. 53.

1415

11. Sylvie Legaret and Philippe Courtines, Paris Story, Editions Denoel, Paris, 1977, p. 83, plate 3.

1416

12. Ibid, plate 6.

1417

13. David Ovason, *The Secret Zodiac of Washington DC: Was the City of Stars Planned by Masons?* Century, London, 1999, p. 116.

1418

14. Curl, op. cit, pp. 132–133.

1419

15. See notes 47 and 48 of Chapter 12.

1420

16. Michel Vovelle, La Revolution centre VEglise, Editions Com — plexe, Paris, 1988, frontispiece.

1421

17. Jean-Andre Faucher, Les Franc-Masons et lepouvoir de la Revolution a nos jours, Editions Perrin, Paris, 1986, p. 34. Интересно отметить, что в 1819 году мадемуазель де ла Виллетт, обожаемая приемная дочь Вольтера, открыла так называемую приемную ложу под названием Belle et Bonne для ордена Мицраима, где практиковались ритуалы высших степеней Египетского Обряда (see Les Dossiers de Histoire, No. 7,98; also see Paul Naudon, Histoire generate de la Franc-Mapnnerie, Office du Livre, Paris, 1981, p. 230).

1422

18. В действительности ее звали Мария-Роза. Наполеон назвал ее Жозефиной после их свадьбы в 1796 году. Очевидно, это прозвище происходило от Жозефа, младшего брата Наполеона.

1423

19. Gisele and Yves Hivert-Messeca, Comment la Franc-Ma — pnnerie vint auxfemmes, Editions Dervy, Paris, 1997, p. 159.

1424

20. Ibid., p. 160.

1425

21. Ibid., p. 159.

1426

22. Naudon, op. cit., p. 172.

1427

23. Francois Collaveri, Napoleon: Empereur Franc-Mapn, pp. 26–27.

1428

24. Ibid., p. 168.

1429

25. То же самое произошло в 1867 году, когда императрица Евгения, правнучка Жозефины (when the Empress Eugenie, a great-granddaughter of Josephine), ослепила египетского хедива одной из самых утонченных романтических интриг в истории, что в конечном счете привело к строительству Суэцкого канала ее кузеном, инженером Фердинандом Лессепсом (see Trevor Mostyn, Egypt, La Belle Epoque, Quartet Books, London, 1989, p. 17).

1430

26. Mostyn, op. cit., p. 17.

1431

27. Faucher, op. cit., pp. 9, 32–33. Вероятно, следует отметить, что незаконный сын Талейрана, знаменитый художник Эжен Делакруа, принадлежал к числу агитаторов,

обвиненных французской полицией в заговоре (с участием масонского ордена Мемфиса и карбонариев) против короля Людовика XVIII в неудачном путче 1822 года.

1432

28. Bros. Henry Evans, «Masonry and Magic in the Eighteenth CentUry», in The Master Mason, June 1927.

1433

29. Erik Iversen, The Myth of Egypt and Its Hieroglyphs, GEC GAD Publishers, Copenhagen, 1961, p. 125.

1434

30. Frances Yates, The Rosicrucian Enlightenment, Ark Paperbacks, London, 1986, p. 154.

1435

31. Iversen, op. cit, p. 100.

1436

32. Jean Lacouture, Champollion: Une vie de lumieres, Editions Grasset, Paris, 1988, p. 382.

1437

33. Ibid, p. 34.

1438

34. Faucher, op. cit, p. 18.

1439

35. Pierre Chevallier, Histoire de la Franc-Mapnnerie franfaise, Librairie Fayard, Paris, 1974, p. 261.

1440

36. Lacouture, op. cit, p. 35.

1441

37. Noakes, Cleopatra's Needle, H. F. & G. Witherby, London, 1962, p. i.

1442

38. Vincent Cronin, Napoleon, Harper Collins, 1994, p. 146.

1443

39. Noakes, op. cit, p. i.

1444

40. Военно-политический класс, состоявший из потомков освобожденных рабов.

1445

41. Alan Moorehead, The Blue Nile, Penguin, 1983, p. 65. Наполеон также обратился к египетским имамам со следующими словами: «Во имя Аллаха… скажите своим людям, что французы тоже мусульмане… они [заняли Рим и] низвергли папскую курию, которая всегда подстрекала христиан воевать с мусульманами…»

1446

42. Lauren Foreman and Ellen Blue Phillips, Napoleon's Lost Fleet, Roundtable Press, New York, 1999, p. 69.

1447

43. Ibid, p. 159.

1448

44. Ibid, p. 49.

1449

45. Moorehead, op. cit, p. 124.

1450

46. Naudon, op. cit, p. 224.

1451

47. Cm. Donald Bullough, The Age of Charlemagne, Paul Elek, London, 2nd edn, 1973; также см. Russell Chamberlain, Charlemagne, Grafton, London, 1986. Очевидно, папа Лев III благославил Карла Великого стать императором Священной Римской империи в благодарность за спасение Рима. В «Королевских анналах франков» (Grandes Chroniques de France) сообщается, что один из советников Карла обратился к папе с таким предложением. Согласно Эйнхарду и другим авторам того времени, коронация застала Карла врасплох и рассердила его. По мнению современных историков, это произошло потому, что Карл считал папу обычным подданным своей огромной империи.

1452

48. Папа Пий VII, вынужденный участвовать в этой игре, дождался своего возмездия, когда империя Наполеона начала рушиться. В 1814 году папа восстановил орден иезуитов, запрещенный во Франции с 1764 года и полностью распущенный в 1773 году предыдущим папой Климентом IX под давлением французской короны. В 1821 году, когда Наполеон умирал в одиночестве на острове св. Елены, Пий VII издал свою знаменитую буллу Ecclessiam a Jesu Christo, осуждающую франкмасонство и карбонариев во всех странах христианского мира (see Faucher, op. cit., p. 71).

1453

49. Naudon, op. cit., p. 78.

1454

50. Court de Gebelin,*Monde primitif analyse et compare avec le monde moderne,* Paris, 1773.

1455

51. F. Noel, Dictionaire de la fable, Paris, 1823.

1456

52. Jean Duche, LHistoire de France racontee a Juliette, vol. II, Presse Pocket, Paris, 1954, p. 237.

1457

53. Faucher, op. cit., p. 315.

1458

54. See F. Collaveri, La Franc-Mapnnerie des Bonapartes; also see Gerard Galtier, Mapnnerie egyptienne, Rose-Croix et Neo-Chevalerie: lesfils de Cagliostro, Editions du Rocher, Paris, 1989, p. 139; see also Naudon, op. cit., p. 97.

1459

55. Chevallier, op. cit., vol. II, pp. 17–30.

1460

56. See Collaveri, op. cit., annex iv.

1461

57. Ibid., p. 67.

1462

58. Ibid., p. 68.

1463

59. The Kneph, vol. Ill, no. 6, June 1883, p. 45; see Galtier, op. cit., pp. 139–140.

1464

60. Jean-Marcel Humbert, LEgyptomanie dans Fart occidental, ACR, Paris, 1989, p. 40.

1465

61. Naudon, op. cit., p. 124.

1466

62. Humbert, op. cit, p. 48; несмотря на закладку краеугольных камней и сооружение фанерной модели здания, проект был остановлен из-за нехватки средств.

1467

63. vacouture, op. cit, p. 20.

1468

64. Ifyid, pp. 55, 63.

1469

65. Ibjd., pp. 54–55.

1470

66. Jurgis Baltrusaitis, La Quete dlsis, Flammarion, Paris, 1985, p. 55, see also plate 3.

1471

67. Ermanno A. Arslan, Isicle: II Mito, IlMisterio, La Magia, Electra Editore, Milan, 1997, p. 64.

1472

68. Архитекторы: Шальгрен (1806–1811), Жюст (1811–1814), Блуэ (1833–1836). Скульпторы: Корто, Рудэ, Прадье, Лемэр.

1473

69. Также известная как *VApotheosedeNapoleon*

1474

70. Baltrusaitis, op. cit, p. 80.

1475

71. Ibid.

1476

72. Ibid, p. 8.

1477

73. Margaret Laing Josephine and Napoleon, Sidgwick & Jackson, London, 1973, pp.131–132.

1478

74. *Project dAchevement de lArc de Triomphe de FEtoile, Monument des Victoires, Scienceset Arts, oude la Legion dHonneur, ojfertau Roi des Franfais, Louis-Philippeier, et aux Deux Chambres.* Фотографию этого проекта можно видеть в музее Триумфальной арки.

1479

75. Naudon, op. cit, p. 78; Faucher, op. cit, pp. 22 and 62–63.

1480

76. У графа Артуа был другой сын, Луи-Антуан, которого считали импотентом.

1481

77. Naudon, op. cit, p. 98.

1482

78. Faucher, op. cit, p. 71.

1483

79. Faucher, op. cit, pp. 72–74.

1484

80. Ibid, p. 73.

1485

81. Galtier, op. cit, p. 121.

1486

82. «Charles X et l'Egypte», article by Jean-Marcel Humbert, Conservateur du Patrimoine, Directeur du Musee National de la Legion d'Honneur in Paris.

1487

83. Lacouture, op. cit, p. 38; see also Memorial de Sainte-Helene, Seuil, Paris, 1968. chap, i, p. 67.

1488

84. Lacouture, op. cit, pp. 333–374.

1489

85. Ibid.

1490

86. Ibid., p. 340.

1491

87. Ibid., p. 324.

1492

88. Faucher, op. cit., p. 73.

1493

89. Lacouture, op. cit., p. 465.

1494

90. Galtier, op. cit., p. 40.

1495

91. Lacouture, op. cit., p. 33.

1496

92. Ibid., p. 190.

1497

93. Lacouture, op. cit., pp. 33 and 549.

1498

94. Ibid., p. 550; Naudon, op. cit., p. 166.

1499

95. Galtier, op. cit., pp. 150–151.

1500

96. Ibid.

1501

97. Ibid.

1502

98. Ibid.

1503

99. Эту роспись можно видеть в зале № 30 крыла Сюлли в Луврском музее, интерьер которого был разработан архитектором Фонтаном во времена правления Карла X.

1504

100. Lacouture, op. cit., p. 727.

1505

101. Galtier, op. cit., p. 151.

1506

102. Имя Бельцони хорошо знакомо британским масонам. Он был женат на англичанке Саре, которая после его смерти активно пропагандировала его тезис о том, что египетский бог Осирис был «франкмасоном», так как «носил характерный масонский фартук». Последнее не вызывало сомнений у Бельцони и его сторонников, судивших по изображениям Осириса на различных египетских монументах (Martin Short, Inside the Brotherhood, Grafton Books, London, 1989, p. 118). Именно Бельцони предстояло открыть величественную гробницу Сети I («Созост — риса»), вокруг которой затем было много споров в масонских кругах Англии и Франции. С помощью Генри Солта Бельцони сделал полномасштабное факсимиле этого храма, отправленное в Европу в 1818 году, где оно произвело сенсацию сначала в Париже, а потом в Лондоне. Интересно отметить, что Шампольон в марте 1829 года устроил прием в храме Сети I в честь дня рождения своей дочери Зораиды, а также «покойного Бельцони» (умершего в 1825 году), которым Шампольон, судя по всему, восхищался (See Lacouture, op. cit., p. 661).

1507

103. Lacouture, op. cit., pp. 636 and 668.

1508

104. Ibid., pp. 613 and 618.

1509

105. Jjbid., p. 731.

1510

106. Ibid, p. 734.

1511

107. Ibid, p. 742.

1512

108. Пятеро основателей Третьей республики были масонами, включая их лидера Леона Гамбетту (see Faucher, op. cit, pp. 9 and 85). |

1513

109. Faticher, op. cit, p. 8; Франсуа Миттерана часто путают с Жаком Миттераном, который был магистром ложи Великого Востока во Франции в 1960-е годы (see Faucher, op. cit, pp. 169–170).

1514

110. Faucher, op. cit, p. 275.

1515

111. BBC News, Africa, 22 December 2000 16:01 GMT; see also ParisMatch.com/news/mit28i2/s4page03self. stm.

1516

112. The New Louvre, Publications Connaissance des Arts, p. 36.

1517

113. La Grande Arche, Publications Beaux Arts, p. 3.

1518

114. *The New Louvre,* p. 38.

1519

115. Ibid, p. 36.

1520

116. Ibid.

1521

117. Ibid, p. 38.

1522

118. Sunday Express, 3 February 1994, sect. 3, p. 7.

1523

119. Ibid.

1524

120. *The New Louvre,* p. 44.

1525

121. Kerisel, op. cit, p. 157.

1526

122. Ibid, p. 177.

1527

123. La Grande Arche, p. 6.

1528

124. Ibid, p. 19.

1529

125. Ibid, p. 22.

1530

126. Ibid, p. 31.

1531

127. Ibid, p. 19.

1532

128. Ibid, p. 11.

1533

129. «Je n'ai pas verifie, mais on dit que le grand axe Arche de la Defense / Obelisque de la Concorde / Pyramide du Louvre est une ligne maconnique, que ce n'est pas le fruit du hasard… И est connu que les masons trouvent leurs sources dans l'Egypteancienne» Пеап — Marcel Humbert, Docteur en egyptologie, on NovelObs.com).

1534

130. Жан Нувель родился в 1945 году в деревне Фюель на юго-западе Франции. Еще во время учебы в школе он сотрудничал с архитектурной фирмой. В 1975 году он открыл собственное дело и принял участие в нескольких архитектурных конкурсах. Нувель работал над созданием стилистического языка, отличающегося от модернизма и постмодернизма. Отвергая строгое подчинение принципам ле Корбюзье, в значительной мере подавившее развитие современной архитектуры, Нувель приступает к каждому проекту, очистив свой разум от любых заранее сложившихся убеждений. Хотя он заимствует из традиционных форм, но создает конструкции, которые выходят за рамки традиционных ограничений. Он придает огромное значение гармоничному сочетанию архитектуры с особенностями местности и окружающей обстановкой. Почти во всех своих проектах он представляет взаимодействие прозрачных структур, света и тени. В 1981 году Жан Нувель выиграл конкурс

на серию «великих проектов», учрежденный президентом Франции Франсуа Миттераном. В 1987 году ему был присужден «Grand Prix d'Architecture» по совокупности работ и приз «Equerre d'Argent» за дизайнерскую работу над минималистскими предметами обстановки. По его проектам построены Арабский мировой институт (Париж, 1987) и Монолит (Морель, Швейцария, 2002).

1535

131. Цитата из Guardian, 21 May 2001: «Есть здания, которые заслуживают постройки, но так и не были построены. К их числу принадлежит Tour Sans Fin Жана Нувеля. Сконструированный в конце 1980-х годов, этот сияющий цилиндр высотой с Эйфелеву башню должен был подняться над напыщенной банальностью округа ля Дефанс, огромного офисного квартала на западной оконечности Елисейских Полей, и исчезнуть в облачной дымке, словно целуя небо».

1536

132. Цитата из эссе «Происхождение франкмасонства» Томаса Пейна (источник: Moncure Daniel Conway (ed.), The Writings of Thomas Paine, G. P. Putnam's Sons, New York, 1896): «В 1730 году Сэмюэль Притчард, член английской ложи, опубликовал трактат под названием «Масонство в разрезе». В этой работе он изложил экзаменацию в вопросах и ответах при посвящении в ранг подмастерья, брата-каменщика и мастера-каменщика. Сама процедура не представляет труда, так как является простой формальностью. Во вступлении он говорит: «Первоначальная основа масонства состояла из вольных искусств и наук, но особенно из геометрии, ибо мастерство и таинство масонства впервые было представлено при строительстве Вавилонской башни, а оттуда перешло к Евклиду, достойному и превосходному математику. Он же в свою очередь передал его Хираму, мастеру-каменщику, преуспевшему в строительстве храма Соломона в Иерусалиме»».

1537

133. See New York Observer; 13 April 2003.

1538

134. Далее ось проходит через зал № 26 в крыле Сюлли, построенном архитектором Лево при Людовике XIV в 1668 году. Как ни странно, этот зал был декорирован лишь в 1832 году архитектором Фонтэном. Главными элементами декора были деревянные панели с гербом Анны Австрийской, портрет королевы в одеянии Минервы, с герметическим кадуцеем в руке, и портрет ее мужа Людовика XIII. Еще более загадочным выглядит недавнее дополнение в виде статуи египетского солнечного бога Амона, помещенной между двумя картинами прямо по центру зала. По преданию, в Луксорском храме Амон «посещал» царицу — мать в специальной «комнате рождений», где оплодотворял ее семенем будущего «солнечного царя». Согласно другому преданию, Амон посетил апартаменты царицы Олимпиады и оплодотворил ее ребенком мужского пола, будущим Александром Великим. С учетом всех этих обстоятельств особенно интересно отметить, что зал № 26 находится на одной линии с конной статуей «короля-Солнце» Людовика XIV в образе Александра Великого, установленной в переднем дворе Лувра.

1539

135. Robert Bauval, Secret Chamber; Arrow Books, London, 2000, Update, Prologue and Epilogue.

1540

136. *Dossiers: Histoire et Archeologie,* vol. 101, January 1986.

1541

137. Gerard Bauer, Tableaux Choisis: Paris, p. 41.

1542

138. Исторические и астрономические свидетельства указывают на то, что когда Ленотр проектировал «историческую ось» под углом 26° к северо-западу, он включил в нее солнечную ориентировку во славу своего монарха Людовика XIV. Но крайне маловероятно, что он учитывал ориентировку Луксорского и Карнакского храмов в Верхнем Египте, так как нет никаких доказательств, что в то время во Франции существовали чертежи Фив и окрестностей города. Однако в 1828 году, когда было принято решение о перевозке одного из луксорских обелисков в Париж и его установке на площади Согласия, положение изменилось. Картографическая съемка Фив была произведена в 1799 году инженерами армии Наполеона, и эти материалы были доступны в Description de Г Egypte. По-видимому, с этого времени у французских архитекторов возникла идея корреляции «исторической оси» Парижа с осью Луксор — Фивы. Действительно, с учетом расположения парижского обелиска трудно поверить, что они не заметили сходства между этими двумя местами.

1543

139. Jean Lacouture, op. cit. Epilogue, «L'Absent Obelisque» by Jean Vidal, p. 731.

1544

1. David Ovason,*The Secret Zodiac of Washington DC: Was the City of Stars Planned by Masons?* Century, London, 1999, p. 76.

1545

2. E. C. Krupp, In Search of Ancient Astronomies, Chatto & Windus, London, 1979.

1546

3. Ovason, op, cit, p. 5. См. также Norman Lockyer, The Damn of Astronomy, London, 1894.

1547

4. Хотя церемония «фонтана обновления Исиды» в Париже, состоявшаяся 10 августа 1793 года, была связана с политической датой, мы не можем не заинтересоваться ее странной символикой: Исида сидит на троне в окружении двух львов, а вода струится из ее грудей. Гелиакальный восход Сириуса в тот день произошел вместе с солнцем, которое находилось в созвездии Льва. В Древнем Египте символика была ясной: богиня Исида в это время года приносила с собой живительные воды нильского разлива. Вряд ли организаторы празднества в Париже знали об этом) Как уже упоминалось, художник-»пропагандист» Жак-Луи Давид научил этой символике Пико, который в 1827 году изобразил Исиду на троне в росписи на потолке одного из залов Лувра.

1548

5. Steven C. Bullock, Revolutionary Brotherhood, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1996, p. 137.

1549

6. Fred Pick and G. Norman Knight, The Pocket History of Freemasonry, Frederick Muller, London, 1953, p. 275.

1550

7. William Adrian Brown,*History of the George Washington Masonic Memorial,* 1980, pp. 8–9.

1551

8. Ibid, p. 56.

1552

9. Ibid, p. 9.

1553

10. Bernard Weisberger, Statue of Liberty: First Hundred Years, p. 30; see also James Lloyd, Beyond Babylon, p. 103.

1554

11. Gerard Galtier,*Mafonnerie egyptienne, Rose-Croix et Neo — Chevalerie: les fils de Cagligostro,* Editions du Rocher, Paris, 1989, p. 19.

1555

12. Ibid, p. 150.

1556

13. Jean Kerisel, La Pyramide a travers les ages, Presses des Fonts et Chaussees, Paris, 1991, p. 176.

1557

14. Ibid, p. 138.

1558

15. *«Statue of Liberty»: The Reader's Digest Companion to American History,* January 1991.

1559

16. Bernard Mathieu, «Le Phare d'Alexandrie», in Egypte, Afrique et Orient; 6, Avignon, September 1997, p. 14.

1560

17. Paul Naudon, Histoire generate de la Franc-Mapnnerie, Office du Livre, Paris, 1981, p. 170.

1561

18. Ibid, p. 167.

1562

19. Ibid, p. 171.

1563

20. Pierre Chevallier, Histoire de la Franc-Mapnnerie francaise, Librairie Fayard, Paris, 1974, II, p. 487.

1564

21. Гарибальди стал преемником Сальватора Золя, итальянца, жившего в Египте, который был родственником знаменитого французского писателя Эмиля Золя. Сальватор Золя сражался вместе с Гарибальди в 1805 году; позднее, в 1806 году, Золя вы шел из масонского братства и окончил свои дни в клинике для душевнобольных; see Galtier, op. cit, p. 153; also see Dossier de Vhistoire, 2117 RD 7, pp. 116–119.

1565

22. Freemasonry Today, 19, January 2002, p. 12.

1566

23. Robert Bauval, Secret Chamber; Century Books, London, 1999, Epilogue. See also Robert Lomas and Christopher Knight, The Second Messiah, Arrow Books, London, 1998, p. 288.

1567

24. Источник: программа Skymap Pro v.7, дата 5–6 августа для широты Гелиополя (30° с. ш.). В Нью-Йорке, который находится на широте 44° 5 , гелиакальный восход Сириуса в 1884 году произошел примерно 12 августа. Бартольди мог выбрать первоначальную египетскую широту, отмечавшую это событие. Мы снова встретились с датой 12 августа при изучении городского плана Вашингтона (см. далее в тексте книги).

1568

25. Martin Isler, «The Gnomon in Egyptian Antiquity», in JARCE, 28, 1991, pp. 167–168, and «An Ancient Method of Finding and Extending Directions», in JARCE, 26, 1989, pp. 201–202. See also E. C. Krupp, op. cit, pp. 197–199. Also N. Lockyer, The Dawn of Astronomy, London, 1894, pp. 192–195.

1569

26. E. A. Wallis Budge, Cleopatra's Needle and other Egyptian Obelisk, Dover Publications, New York, 1990, p. 166. Два обелиска первоначально принадлежали Тутмосу III, великому воину-фараону, которого называли «египетским Наполеоном XVIII династии» (Martina D'Alton, The New York Obelisk, Metropolitan Museum of Arts, New York, 1993, p. 3). Три других обелиска, принадлежавших Тутмосу III, некогда стояли в храме Амона в Карнаке (Budge, op. cit, p. 129). Иероглифическая надпись на «нью-йоркском» обелиске (ошибочно называемом «иглой Клеопатры») подтверждает, что фараон Тутмос III (его имя в буквальном переводе означает «сын Тота») был «правителем Гелиополя» и воздвиг эти два обелиска в честь своего «отца» Атума-Ра, «владыки Гелиополя» (Budge, op. cit, p. 172).

1570

27. D'Alton, op. cit, pp. 42–44; see also Habachi, op. cit, and Budge, op. cit.

1571

28. Robert Bauval, The Orion Mystery, Heinemann, London, 1994, Epilogue.

1572

29. Richard Noone, 5/5/2000, Ice: The Ultimate Disaster, Three Rivers Press, New York, 1982, p. 19.

1573

30. D'Alton, op. cit, pp. 41–42.

1574

31. Ibid, p. 12.

1575

32. Pick and Knight, op. cit, p. 331; see also Robert Bauval, Secret Chamber; Arrow, London,2000, p. 185.

1576

33. Galtier, op. cit, pp. 429–431.

1577

34. Ibid, p. 153.

1578

35. Ibid, p. 152.

1579

36. Noone, op. cit, p. 19.

1580

37. Ibid, p. 20; see also D'Alton, op. cit, p. 27.

1581

38. D'Alton, op. cit, p. 27.

1582

39. Ibid, p. 10.

1583

40. Ibid, p. 42.

1584

41. Ibid, p. 44.

1585

42. Ibid, p. 25.

1586

43. S. Coolidge,*A Short History of the City of Philadelphia from its Foundation to the Present Time,* Arden Press, 1880, Chap. 3.

1587

44. Ovason, op. cit, p. 41.

1588

45. Thomas Paine, «Origins of Freemasonry», in Moncure Daniel Conway (ed.), The Writings of Thomas Paine, G. P. Putnam's Sons, New York, 1896.

1589

46. Ibid.

1590

47. Использовалась программа Starry Night Pro v. 4 для реконструкции небосвода по состоянию на 1683 год. Даты даны по григорианскому календарю. В Британии и ее колониях все еще пользовались юлианским календарем. Возможно, что квакеры того времени пользовались солнечным/григорианским календарем.

1591

48. Thomas Holme,*Portrait of the City of Philadelphia,* 1683.

1592

49. The Pennsylvania Freemason, vol. 43, no. 2, May 1996.

1593

50. Naudon, op. cit, p. 181. Ложа Св. Иоанна в Бостоне считается первой, имевшей официальные документы в доказательство своего происхождения.

1594

51. Pick and Knight, op. cit, p. 271.

1595

52. Ibid.

1596

53. Jasper Ridley, The Freemasons, Constable & Co, London, 1999, p. 92.

1597

54. Jurgis Baltrusaitis, La Quete d'Isis, Flammarion, Paris, 1985, pp. 201–208.

1598

55. Paine, op. cit.

1599

56. Ibid.

1600

57. Naudon, op. cit, p. 32.

1601

58. Ibid, p. 81.

1602

59. Ibid.

1603

60. Jacques Debu-Bridel, La Fayette: une vie au service de la liberie, Editions Nouvelles de France, Paris, 1945, p. 27.

1604

61. Ibid, p. 29.

1605

62. Naudon, op. cit, p. 198.

1606

63. Cm. http://www.srmason-sj.org/web/temple.htm.

1607

64. Albert Pike, Morals and Dogmas of the Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry, prepared for the Supreme Council of the Thirty-third Degree for the Southern Jurisdiction of the United States, Charleston, 1871, p. 486.

1608

65. Dr Rex R. Hutchens, Albert Pike — The Man Not the Myth, address to the Supreme Council of the Thirty-third Degree for the Southern Jurisdiction of the United States, 17 October 1989.

1609

66. Albert Pike, op. cit.

1610

67. Robert Temple, The Sirius Mystery, Century, London, 1998, p. 404.

1611

68. Argonautica, 2.5186 ff. and 3.9580 ff.

1612

69. *Phaenomena,* 328.

1613

70. *Encyclopaedia Britannica,* vol. 9, p. 65.

1614

71. The Scottish Rite Journal, see http://srjarchives. tripod.com/ 1998–03/ beless.htm.

1615

72. Ibid.

1616

73. Ibid.

1617

74. Впоследствии Пейн доставил ключ Джорджу Вашингтону, и теперь он выставлен в доме-музее Вашингтона в Маунт-Верноне.

1618

75. Baltrusaitis, op. cit, pp. 52–53.

1619

76. Manly P. Hall, «Rosicrucian and Masonic Origins», in*Lectures on Ancient Philosophy — An Introduction to the Study and Application of Rational Procedure*, The Hall Publishing Company, Los Angeles, 1929, pp. 408–409.

1620

77. Эти «пути» образуются в результате добавления двадцати двух букв еврейского алфавита к десяти сефирот (см. главу 14).

1621

78. Charles Sumner Lobingier, The Ancient and Accepted Scottish Rite of Freemasonry, Kessinger Publishing Co, Montana, 1931, p. 4.

1622

79. Theosophy Magazine, vol. 27, no. 2, December, 1938.

1623

80. Thomas Edison, «The Philosophy of Paine», (7 June 1925), in Dagobert D. Runes (ed.), The Diary and Sundry Observations, 1948.

1624

81. См. статью Дэвида Коди, адъюнкт-профессора Хартвик — ского колледжа, по адресу http://65.107.211.306/Victorian/history /hist7. html. Уильям Блейк только что завершил поэму о французской революции и тешил свое поэтическое воображение сценами превращения Лондона в «Новый Иерусалим». Хотя сам Блейк не был масоном, он тем не менее создал знаменитую гравюру «Высшего Существа» в образе Великого Архитектора вселенной, излюбленном образе в масонских публикациях.

1625

82. Мы благодарны Мими Мюррей, аспирантке из университета Джона Хопкинса, любезно предоставившей нам тезисы своей дипломной работы о Пьере-Шарле Ланфане.

1626

83. Library of Congress, Washington Papers.

1627

84. Общество Цинциннати было основано 13 мая 1783 года в Верпланк-Хаусе в Фишкилле, штат Нью-Йорк. Его первые филиалы открылись в тринадцати американских колониях и во Франции, Идея создания общества принадлежала генерал-майору Генри Ноксу, командующему артиллерией континентальной армии и первому министру обороны США. Нокс был генеральным секретарем общества при Джордже Вашингтоне, который оставался его президентом до своей смерти в 1799 году. Членство в обществе было предложено всем офицерам, принимавшим участие в военных действиях. Из примерно 6000 офицеров лишь 2403 человека выразили желание вступить в Общество; впоследствии к ним присоединились около 250 французских офицеров.

1628

85. Washington Post, 13 December 2001, p. COI. Следующими президентами, входившими в Общество Цинциннати, были Джексон, Тейлор, Пирс, Бьюкенен, Грант, Кливленд, Бенджамин Харрисон, Маккинли, Теодор Рузвельт, Франклин Д. Рузвельт, Тафт, Уилсон, Хардинг, Гувер и Трумэн. Штаб-квартира организации расположена в роскошном особняке Андерсон-Хаус из пятидесяти комнат по адресу Массачусетс-авеню 2118 в Цинциннати. Последний из основателей Общества Цинциннати умер в Нью-Йорке в 1854 году, и теперь оно открыто только для прямых потомков его первоначальных членов.

1629

86. Bullock, op. cit, p. 130.

1630

87. Жан-Жюль Жюссеран стал обладателем Пулитцеровской премии в 1917 году.

1631

88. From Jean-Jules Jusserand (1855–1932), With Americans of Past and Present Days, 1916.

1632

89. *The Journal of Andrew Ellicott,* 1803.

1633

90. H. Paul Caemmerer, The Life of Pierre Charles LEnfant, De Capo Press, New York, 1950, p. 135.

1634

91. Ibid, p. 167.

1635

92. Однако Элликотт изменил ориентировку Массачусетс — авеню и убрал пять коротких радиальных улиц. Он также добавил две радиальные улицы к юго-востоку и юго-западу от Капитолия и принял участие в наименовании этих улиц.

1636

93. Michael Baigent and Richard Leigh, The Temple and the Lodge, Jonathan Cape, London, 1989, p. 262; Ovason, op. cit, pp. 42–43.

1637

94. Первое печатное издание плана Ланфана, 63850 1792 L4 Vault.

1638

95. March Issue, 1793, pp. 155–156. Более крупный экземпляр этой карты фактически был опубликован за несколько месяцев до этого, в ноябре 1792 года, неким Такарэндом Уоллансом. Эта же карта находится на титульной странице книги Тобиаса Лира Observations on the River Potomack, the Country adjacent and the City of Washington (Samuel Loudon and Son. No. 5 Water-street, New York, 1793).

1639

96. Сведения из *Encyclopaedia Britannica.*

1640

97. Ovason, op. cit, p. 42.

1641

98. Ibid, p. 83.

1642

99. Хотя обычно утверждается, что на Ланфана повлиял архитектурный план Версаля (а не Парижа), составленный Андре Ленотром, сходство главной оси Вашингтона и Парижа слишком разительно, и его нельзя игнорировать. См. Washington Architecture 1791–1957 (Committee of the Washington-Metropolitan Chapter American Institute of Architects, Reinhold Publishing Corporation, New York, 1957, pp. 5 and 36).

1643

100. R. Cameron, Above Washington, Cameron & Co, San Francisco, 1996, plate on p. 81.

1644

101. Ibid, plate on p. 42

1645

102. Эта новая биржа также была уничтожена при пожаре 1838 года. Нынешняя Королевская биржа была построена в 1842–1844 году и обошлась казне в 150 тысяч фунтов по ценам того времени.

1646

103. Выдержка из*The Last Will and Testament of Sir Thomas Gresham,* published in London 1765.

1647

104. Robert Lomas, The Invisible College, Headline, London, 2001, p. 292.

1648

105. A. Tinniswood, His Invention so Fertile: A Life of Christopher Wren, Jonathan Cape, London, 2001, p. 150.

1649

106. MS Ashmole 242, f.78; see C. H. Josten (ed.) EliasAshmole (1617–1692) His Autobiographical and Historical Notes, His Correspondence and Other Contemporary Sources relating to his Life and Works, edited with a biographical introduction, 5 vol, Oxford University Press, Oxford, 1966, vol. 3, pp. i, 112. Эта статья об Элиасе Эшмоле сопровождается астрологическим гороскопом и комментариями астролога Уильяма Лилли (см. History of Astrology, edited by Annabella Kitson, Mandala-Unwin Paperbacks, London, 1989, p. 200).

1650

107. Ibid, no. 4.

1651

108. Annabella Kitson (ed.), History of Astrology, Mandala-Unwin Paperbacks, London, 1989, pp. 199–204.

1652

109. MS Ashmole 1136, f. 53; cited in EliasAshmole, vol. 4, pp. 1, 432.

1653

110. *History of Astrology,* pp. 199–200.

1654

111. Григорианский календарь был введен в Англии лишь в 1752 году.

1655

112. Конвертер календаря см. по адресу http://abstract. cs. washington. edu/~dougz/cgi-bin/ date. pl? date=4+july+l667.

1656

113. Очевидно, голосование по Декларации независимости состоялось в Конгрессе 2 июля 1776 года, но единогласное решение было принято 4 июля. Затем текст был зачитан публично 8 июля. См. Ovason, op. cit, pp. 142–143. Дата 23 июня 1776 года по юлианскому календарю соответствует 4 июля 1776 года по григорианскому календарю.

1657

114. Подробную дискуссию о причинах важного'значения созвездия Девы для Вашингтона см. Ovason, op. cit. Appendix, pp. 357–391.

1658

115. Ovason, op. cit, p. 379.

1659

116. Очень критический обзор «астрологической» теории Овасона для Вашингтона был опубликован Майклом Бейджен — том в журнале Freemasonry Today (vol. 15, 1999). В частном разговоре с Бейджентом во время работы над книгой «Талисман» он сообщил Роберту Бьювэлу, что познания Овасона в области астрологии представляются довольно слабыми, и указал на многочисленные ошибки в его книге. Существует также ряд астрономических ошибок. Несмотря на это, подробное и аккуратное исследование Овасона, с изложением исторических записей и документов, связанных с планированием и строительством города Вашингтона, является превосходным образцом жанра и было очень полезным для нас в работе над этой книгой.

1660

117. Ovason, op. cit, p. 118.

1661

118. Единственным сохранившимся свидетельством этой важной масонской церемонии является короткое письмо, опубликованное в одной из газет Чарльстона, когда члены Джорджтаунской ложи № 9 из Мэриленда собрались для закладки краеугольного камня в

субботу 13 октября 1792 года. Краеугольный камень был заложен в юго-западном углу президентского дома (впоследствии названного Белым домом из-за того, что его покрасили в белый цвет после того, как он пострадал от огня британской артиллерии в 1814 году).

1662

119. Согласно наблюдениям Овасона на закате 12 августа над Пенсильвания-авеню, угол оси должен составлять от 20 до 22° в зависимости от высоты положения наблюдателя. Овасон учел это в своих записях (см. Ovason, op. cit, p. 456, п. 69). Этот факт был подтвержден для нас 11–12 августа 2003 года Дэвидом Хьюджинсом из Оклахомского университета, который сделал снимок на цифровую камеру.

1663

120. Это происходит почти ежедневно, за исключением примерно двух с половиной месяцев, когда эту звезду нельзя увидеть в ночное время. Дэвид Овасон считает, что линейное построение Белого дома и Капитолия (вдоль Пенсильвания-авеню) было специально предназначено для того, чтобы указывать на заход солнца (см. Ovason, op. cit, p. 337).

1664

121. Ovason, op. cit, p. 337.

1665

122. Ibid, p. 456, n. 69. Не зная о том, с какой высоты Элликотт и Ланфан проводили свои наблюдения, Овасон решил установить свою «солнечную ориентировку» с помощью прямых наблюдений с 6 по 12 августа.

1666

123. Ibid, pp. 47 and 58.

1667

124. Ibid, p. 127.

1668

125. Ibid.

1669

126. Peter Tompkins, The Magic of Obelisks, London, 1981, pp. 322–329.

1670

127. Ovason, op. cit, p. 129.

1671

128. Quote in ibid, p. 87 from J. J. Lalande, Astronomic par M. de la Lands, Paris, 1731, 2nd edn in 4 vols, vol. 1, p. 245.

1672

129. Согласно расчетам по программе StarryNight Pro v.4, это событие произошло примерно в 16.00.

1673

130. Ovason, op. cit, p. 137.

1674

131. Naudon, op. cit, p. 79.

1675

132. Здание Пентагона было спланировано по заказу бригадного генерала Брегона Б. Соммервелла из строительно-хозяйственного управления вооруженных сил США в середине июля 1941 года. Цель заключалась во временном решении критической проблемы нехватки свободных помещений для министерства обороны США. Торжественное открытие здания

состоялось 15 января 1943 года, примерно через 16 месяцев после закладки краеугольного камня.

1676

133. См. статью Бернарда Тейта в Headquarters US Corps of Engineers, по адресу http://www.hq. usace. army. mil/cepa/pubs/ oct01/story4. h tm.

1677

134. R. Cameson, op. cit, p. 32.

1678

135. Гарри Трумэн, который был вице-президентом при ФД Рузвельте, прошел масонское посвящение в Белтонской ложе № 450. Во время Первой мировой войны он служил на территории Франции в чине капитана армии США. В 1940 году он был избран магистром масонских лож штата Миссури и впоследствии часто утверждал, что это была величайшая честь, когда-либо оказанная ему. Избранный вице-президентом в 1944 году, он стал президентом после смерти Франклина Д. Рузвельта (тоже масона) 12 апреля 1945 года. Трумэн умер 26 декабря 1972 года. Двадцать восьмого декабря состоялись его торжественные похороны, включая единственную масонскую заупокойную службу, когда-либо транслировавшуюся по телевидению на весь мир.

1679

136. Bauval, op. cit. Chap. 7.

1680

1. Эта передача также транслировалась по каналу Sky News.

1681

2. Первоначальный импульс созданию государства Израиль в 1948 году был придан так называемой декларацией Бальфура, появившейся 2 ноября 1917 года. Артур Джеймс Бальфур (1848–1930) был британским государственным деятелем, занимавшим сильную позицию в консервативной партии в течение пятидесяти лет. Он был премьер-министром с 1902 по 1905 год и министром иностранных дел с 1916 по 1919 год. Многие масонские авторы считают, что лорд Бальфур был франкмасоном, но Объединенная Гранд-ложа это отрицает. Так или иначе, по просьбе сионистских лидеров Хаима Вейсмана и Наума Соколова Бальфур написал письмо барону Ротшильду, крупнейшему английскому финансисту и главе сионистского движения в Объединенном Королевстве. Это знаменитое письмо, отправленное из министерства иностранных дел, напечатано на обычной бумаге:

«Дорогой лорд Ротшильд!

Я с большим удовольствием направляю вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию сочувствия к сионистским устремлениям еврейского народа, принятую и одобренную кабинетом министров.

Правительство Его Величества благожелательно относится к учреждению в Палестине национального дома для еврейского народа и приложит все усилия к тому, чтобы способствовать достижению этой цели, при ясном понимании недопустимости каких-либо действий, которые могут привести к нарушению гражданских и религиозных прав существующих нееврейских обществ в Палестине или же прав и политического статуса евреев в любой другой стране.

Буду благодарен, если вы доведете эту декларацию до сведения Сионистской федерации.

Искренне ваш,

Артур Джеймс Бальфур».

1682

3. См. Robert Rockaway, «FDR's Plan for a Jewish State in Palestine», Israel Insider, 25 December 2002, and Robert H. Abzug, America Views the Holocaust 1933–1945. A Brief Documentary History, St Martin's, Bedford, 1999, pp. 134–135.

1683

4. Часто утверждалось, что Марк Клиффорд оказывал реальное влияние на Трумэна в этом вопросе. Но, по словам самого Клиффорда, «президент Трумэн сказал, что он хочет получить от меня такие аргументы в пользу учреждения еврейского государства, как если бы эти аргументы были подготовлены для слушания дела в Верховном суде США».
